

**ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА**

ДЕБАТЫ

После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской ИСТОРИИ

**МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЕКАТЕРИНБУРГ,
15-17 ОКТЯБРЯ 2015 г.**

**Совет при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Российский государственный архив
социально-политической истории**

Президентский центр Б. Н. Ельцина

**Издательство
«Политическая энциклопедия»**

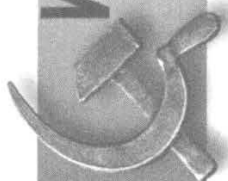
**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
В. Пасат (*Valeriu Pasat*),
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
М. А. Федотов,
О. В. Хлевнюк

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ДЕБАТЫ

После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории

МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ЕКАТЕРИНБУРГ,
15-17 октября 2015 г.

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

Москва
2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
П62

П62 После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории : Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. – М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. – 663 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-2066-4

Восьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам преодоления наследия диктатуры Сталина как фактора советского транзита сначала к несталинской, умеренно авторитарной, а затем к постсоветской модели развития. Существенные политические и социально-экономические реформы в СССР начались сразу же после смерти Сталина. Этому способствовали многочисленные предпосылки, прежде всего тяжелое положение, в котором оказалась страна в начале 1950-х годов, массовые ожидания перемен и осознание советским лидером невозможности продолжения прежнего курса. Несмотря на то что реформы имели ограниченный и противоречивый характер, они способствовали позитивным сдвигам, придали заметный импульс развитию советского общества. Трудности 1970 – начала 1980-х годов заставили искать новые направления советского транзита и завершились отказом от социалистической системы и распадом СССР. Несмотря на это, в новой России и других постсоветских государствах вопросы десталинизации или ресталинизации сохраняют актуальное политико-идеологическое значение, являются предметом общественных и научных споров. Задача данной конференции – зафиксировать основные тенденции и вехи десталинизации в длительной ретроспективе, подвести определенные итоги этого процесса, а также современных дискуссий о сталинской системе.

В конференции приняли участие специалисты из Белоруссии, Германии, Киргизии, Литвы, Молдавии, Польши, России, США, Украины, Швеции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась, и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2066-4

© Коллектив авторов, 2016
© Политическая энциклопедия, 2016

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.В. Журавлев

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Феномен советского реформирования понять и оценить трудно, если предварительно не сориентироваться в координатах того общества, которое всему остальному миру бросило вызов цивилизационного масштаба и значения. И которое в течение 70 с лишним лет пыталось отстаивать этот вызов на всех фронтах жизнедеятельности социума – экономическом, социальном, политическом, мировоззренческом, идеологическом, духовном, культурном, нравственном, а также на реальных фронтах Гражданской, Великой Отечественной войны и «на полях» сменившей последнюю «холодной войны».

Обширнейшая советская историография практически целиком имеет апологетический характер в оценке этапов развития общества и конкретных исторических событий. В последние два с половиной десятилетия постсоветской истории происходило не только углубленное изучение с позиций современных проблем и уроков и опыта советского прошлого, но и, чаще всего – в основном в публицистическом жанре, их отрицание и порицание.

Однако, по мере того как события и явления советской истории все более отдаляются от нас, а проблемы современности нарастают, становится очевидным, что феномен советского общества не заслуживает безоговорочного порицания, как и тотальной идеализации. Он нуждается в серьезном, политически и эмоционально не ангажированном изучении в качестве, хотя в итоге и не удавшейся, но исторически значимой, заявки на некапиталистический тип модернизации общественных отношений.

Все действительно неприемлемое в советском прошлом в последние десятилетия, начиная с горбачевской «гласности», нашло многостороннее и в целом, несмотря на отдельные перекосы, справедливое осуждение и отторжение в современной науке, а также в общественном сознании и социальной практике в целом.

Но были ли у этой системы свои позитивные стороны, нуждающиеся во внимательном и конструктивном изучении и осмыслении?

Сегодня, когда все более явно обнаруживаются не только плюсы, но и минусы нашего отрицания советского прошлого, есть все основания утверждать, что немало в этом прошлом заслуживает пристального позитивного внимания.

Тщательного анализа с позиций современных представлений требуют, в частности, те выдержавшие испытания временем элементы механизма функционирования государственных и общественных структур, которые, начиная с хрущевской оттепели, годы и десятилетия обеспечивали стабильность общественных отношений и прочность государственного начала.

Важно уяснить, что можно и важно почерпнуть из опыта тех лет для достижения сегодня того уровня в динамике экономического прогресса, социальной мобильности, прогрессе культуры, науки, народного образования и т. д., который сумела продемонстрировать в лучшие периоды своего существования советская модель развития.

Требуют специального анализа механизмы, определившие способность системы поддерживать отсутствие безработицы (хотя и в определенной степени за счет снижения эффективности производства и уровня производительности труда), общедоступность образования, медицинского обслуживания, обеспечения населения социальным жильем, а также вывести страну на передовые рубежи в мире по ряду важных отраслей науки и техники.

Не теряет своей актуальности и опыт строительства, по терминологии того времени, межнациональных отношений в такой полиэтнической стране, какую представлял собой СССР.

Позитивный смысл содержит долговременная политика Союзного государства по подтягиванию экономического и культурного уровня отставших в своем развитии этносов многонациональной советской семьи до уровня более развитых народов. Эта политика включала в себя отлаженный механизм перераспределения национального дохода страны в пользу малых народов, систему адресованных им приоритетов и льгот и т. д. И если Советский Союз и представлял собой «империю», на чем настаивают западные аналитики и некоторые ревнители безоглядного либерального западничества в нашей стране, то он являл собой уникальный пример данного рода государственного объединения, где, по крылатому выражению одного из политологов, «колонии» (союзные республики) во многом жили благодаря многосторонней бескорыстной помощи и поддержки «метрополии» – РСФСР.

Вопреки модным сегодня утверждениям советский период в модернизационном отношении не стал «черной дырой» в мировом и отечественном исторических процессах. Страна поднялась на ка-

чественно новый уровень своего развития и заняла достойное место в мире.

Однако для уяснения модернизационной специфики так называемой советской цивилизации необходимо принимать во внимание современный социальный запрос, по ее анализу, состоящий в осмыслении уроков советского прошлого, сохраняющих в том или ином отношении актуальность для сегодняшнего дня.

О чем свидетельствуют эти уроки?

Ответ на данный вопрос находится за пределами собственно советского прошлого и включает в себя совокупность исторически сопоставимых факторов, обстоятельств, причин, определивших *на всей дистанции XX столетия* наряду с эффективностью преобразовательных процессов в стране также цепь неудач реформаторских усилий.

Рассматривая российский модернизационный процесс на столь длительной дистанции – фактически от Столыпина до Ельцина, после эпохи которого начинается современность – предмет внимания политологов, а не историков, – конечно, необходимо учитывать своеобразие и конкретно-историческую неповторимость досоветского, советского и постсоветского (1990-е гг.) этапов отечественной истории прошлого столетия. В то же время за специфическим и неповторимым отчетливо просматривается также общее и сопоставимое. Многообразие вариаций не заглушает звучания основной темы.

Для чего необходимо видение сопоставимого в исторически неповторимом?

В современной историографии уже поднимался вопрос о важности выявления «хромосомного набора» в ткани событий и явлений нашей истории, суть которого заключается в определенной повторяемости поведения субъектов исторического процесса.

Соглашаясь с таким подходом, можно с определенной условностью и метафоричностью признавать наличие у отечественной истории достигающего ментального уровня *генетического кода*, содержащего алгоритм российской модернизации, обеспечивающий тесное сращение модернизационных подвижек с явлениями де- и контрмодернизационного плана, в результате чего реформы, шумно декларирующие завышенные надежды, оборачиваются социальным откатом.

Подобный алгоритм можно наблюдать в тех или иных вариациях на примере столыпинских реформ, сталинской «революции сверху», хрущевских новаций, косыгинских реформ (попыток вдохнуть новую жизнь в промышленное производство, сделав его «немножко беременным» рынком), горбачевской перестройки и событий последнего десятилетия прошлого века. Таким образом, алгоритм самореализации модернизационных процессов в России можно обозначить некой

пунктирной линией, которая ломает границы отдельных общественных систем и политических режимов.

Что же можно констатировать, подводя итог модернизационному циклу истории страны длиной в столетие, который реализовывал себя как «комплексное многомерное смещение» (согласно градации американского социолога Нейла Смелзера¹, оно охватывает шесть областей социальной жизни – экономику, политику, образование и идеологию, а также области социальной стратификации и семейно-брачных отношений)?

Прежде всего все три этапа этого цикла – досоветский (исключая период от Февральской до Октябрьской революций 1917 г., который не успел проявить себя в рассматриваемом аспекте), советский и постсоветский, – при всем различии исторических условий протекания процесса модернизации, форм и методов разрешения ее проблем в рамках каждого из них – объединяет в принципе единый тип модернизации. Имя ему – догоняющее развитие.

Чем чревато догоняющее развитие?

Во-первых, оно исходит из априорной ориентации на определенную модель модернизации – на образец то ли существующий в реальной действительности (общество западного типа), то ли теоретически сконструированный (в виде, например, марксистского прогноза перерастания того же западного общества в стадию социализма и коммунизма).

Во-вторых, догоняющее развитие зиждется в основном на искаженных представлениях о реальных потенциях общества, на произвольной, как правило, оценке «верхами» (исходя из их собственных интересов) действительных потребностей общества и на завышенные истолкования его возможностей в плане воплощения этих потребностей в жизнь.

В-третьих, догоняющее развитие не скоординировано с массовыми ментальными представлениями об общественном прогрессе и социальном благе. Оно базируется в данном случае на нарушении требований формулируемого социологами *закона ментальной идентичности*, отражающего «сущностные связи между менталитетом народа и содержанием реформ, политикой (и философией. – В.Ж.) реформаторства в целом»².

¹ Smelser N.J. Processes of Changes Sociology // An Introduction. N.Y., 1973. P. 747–748.

² См.: Попов В.Д. Судьбоанализ реформ в России // Судьба реформ в России: Материалы научной дискуссии. М.: РНИСиНП, 1997. С. 29.

В этих условиях требуется осмысление уроков всех этапов российской модернизации XX века в их совокупном воздействии на исторические судьбы страны.

В чем состоят эти уроки?

Одна из главных причин конечного неуспеха вековых модернизационных усилий страны состоит в несинхронности изменений в различных подсистемах общества. Источником этой несинхронности неизменно служило то обстоятельство, что «верхи» в России обладали исторически узурпированным ими монопольным правом на проведение любых социальных изменений в стране.

Коренной причиной недостаточной эффективности модернизационных усилий социума следует признать выявившуюся в их ходе «дисгармонию в экономике», по выражению Ш. Айзенштадта³. На всех этапах российской модернизации этому фактору придавалось определяющее, подчас абсолютное, значение, на решение экономических проблем бросались главные силы. И каждый раз в итоге страну ожидало если не поражение, то серьезное разочарование, определявшее судьбу общественной системы в целом.

Ни одной из последовательно сменившихся в XX веке трех общественных систем не удалось не только достигнуть гармонии во взаимодействии четырех факторов экономического прогресса – производства, распределения, обмена и потребления, но и приблизиться к ней. Причины этого многообразны, включая факторы природно-климатического, исторического, идеологического, социального, политического, ментального и иного характера.

Но все же самым узким местом среди этих факторов для XX столетия следует признать неналаженные отношения между государством и обществом в постановке и решении проблем экономического развития, отсутствие наработанного механизма эффективного сочетания и взаимодействия функций государственного регулирования экономики и идущей «снизу» хозяйственной инициативы, заинтересованности производителя в поиске новых форм хозяйствования и результатах своего труда.

О чем в итоге свидетельствует вековой опыт страны по модернизации экономического строя?

Прежде всего о том, что идеология и психология догоняющего развития в равной степени заставляли различные сметавшие друг друга режимы делать упор именно на экономике, выпячивать эту проблему и форсировать ее решение, не уделяя внимания и даже полностью игнорируя другие стороны и факторы модернизационного комплек-

³ Eisenstadt Sh. The Dynamics of Modern Society. N.Y., 1972. P. 435.

са. Особенно это касается «ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того “неуловимого и неощутимого”, без которого модернизация не может быть успешной»⁴. Чугунный бог советской тяжелой индустрии и «нечистый на руку» бог Гермес постсоветского монетаризма 1990-х гг. в равной мере не оправдали возлагавшихся на них надежд по всесторонней модернизации общества.

Исторически детерминированное нежелание и неумение «верхов» решать проблемы модернизации в системе, в том числе в постоянном контакте и согласии с обществом, породили в России феномен подмены реформ социальным экспериментированием. В отличие от реформы как эволюционного преобразования, вытекающего из внутренних потребностей общества, социальный эксперимент находит отражение в присвоении властью права на проверку на практике возникающих у нее гипотез по типу «есть идея – давайте попробуем». Эксперимент вместо реформы является логическим следствием догоняющего типа развития, предпочтительным для «верхов» методом его реализации, особенно в переломные моменты истории. «Революция сверху» как таковая, будучи сама по себе грандиозным социальным макроэкспериментом «верхов», осуществляемым за счет «низов», порождает впоследствии целую цепь подобного же рода шагов на мезо- и микроуровне. Показательные примеры этому нашли место в преобразовательной практике 1930-х и 1990-х гг.

По замыслу «верхов», социальный эксперимент призван единым махом разрубить гордые узлы противоречий зашедшего в тупик общества. На деле же попытка перескочить через целые этапы общественного развития оборачивалась очередной смутой и послереволюционной реакцией.

Главный итог российского модернизационного процесса заключается в том, что наша страна, испробовав в XX веке практически все теоретически возможные варианты догоняющего типа развития, оказалась в преддверии третьего тысячелетия в уже привычных для себя координатах исторического распутья. А это значит, что Россия не нашла, не успела своим социальным опытом, обретенным в условиях конфликта между государством и обществом и перманентного давления первого на второе, наработать предназначенный именно для нее механизм эффективной модернизации, предполагающий высокий уровень реформаторских замыслов и начинаний.

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. А.С. Дмитриева. М., 1996. С. 183.

Все это давно уже ставит на повестку дня вопрос о том, насколько адекватен объективным возможностям и реальным, а не умозрительно формулируемым потребностям России догоняющий тип развития как таковой. Не только малую эффективность, но и опасность именно подобного способа реализации отечественного прогресса показали в последние годы события, связанные с осложнениями отношений нашей страны с западным миром, санкциями и т. д.

На смену концепции, идеологии и психологии догоняющего развития рано или поздно должна – хочется верить – прийти концепция и идеология *органического развития* России. Суть ее можно выразить в двух исходных постулатах. Первый из них сформулировал еще великий русский историк С.М. Соловьев «естественно и целесообразно». Следование этим критериям во всех сферах жизнедеятельности способно открыть новые возможности самоусовершенствования российского социума на самых различных его уровнях – личности, группы, социального слоя, общества в целом, а также подконтрольного ему государства. Второй постулат можно выразить в формуле «изменяя себя, не изменяй себе».

Постепенное, но неуклонное переориентирование социума на тип органического развития вовсе не означает, что России впредь не понадобится догонять развитые страны по ключевым параметрам экономического, научно-технического и общественно-политического прогресса. Органические заимствования, которыми Россия никогда не гнушалась, не мешали ей оставаться собой.

Суть дела, таким образом, не в том, чтобы никого не догонять и ничего не заимствовать, а в том, *как* это делать. Органический путь предполагает установление такого климата в обществе, при котором общий замысел преобразований, их содержание, характер и порядок осуществления вытекают из внутренних потребностей страны и вызовов времени, выявляемых в результате обязательного перманентного диалога общества и государства, социума и власти – диалога, первоэлементы которого начинают проявлять себя, «проклевываться» буквально в последние годы.

Демонстрационный эффект продвинутых в этом и других отношениях обществ совсем не обязывает нас копировать их образцы. Его конструктивная функция призвана служить побудительным элементом, одним из первотолчков к реализации *собственных задач органического развития*. Любые заимствования только тогда способны принести пользу, когда они, по терминологии М.М. Ковалевского, возводятся на уровень «творчества второго уровня», становятся понятными массовым сознанием, адекватными его представлениям об общественном благе.

Постсоветские реалии 1990-х гг. до предела обострили конфликт между индивидуализмом и коллективизмом, но не сняли с повестки дня ключевой, как представляется, проблемы российской модернизации, суть которой состоит в достижении приемлемого равновесия между этими двумя сложно взаимодействующими видообразующими факторами национального менталитета.

Еще раз утверждая мысль о том, что только на путях органического развития Россия будет способна самореализоваться и определиться на долговременную перспективу устойчивого, стабильного развития, надо при этом не забывать, что, как это проверено веками истории, россияне устраивал и устраивает не всякий прогресс, а лишь такой, который способствует в конечном итоге духовному обогащению и духовной самореализации личности. Отсюда становится очевидной цель, по самому крупному счету, российской модернизации, состоящую в наполнении жизни общества и каждого его представителя новым содержанием – не столько внешнего, сколько внутреннего характера. При этом необходимо перевести стрелки часов страны с астрономического на социальный режим времени, насыщенность которого будет тесно сопряжена с интенсивностью поиска и обретения каждым из нас и обществом в целом внутреннего смысла существования и действенного стимула к самодвижению.

Подводя определенные итоги длительному опыту реформирования государственных и общественных структур российского социума, важно отметить, что одной из важнейших проблем на всех этапах исторического прошлого страны была и остается по сей день проблема обретения и наращивания *культуры реформирования*. Культуры, открытой всем веяниям мировой теории и практики социальной инженерии, но при этом адекватной устоявшейся позитивной данности отечественного цивилизационного процесса.

Специфические черты российского типа реформирования породили другой феномен, касающийся уже проблемы *дихотомии, соотношения и чередования реформ и революций* в процессе реализации Россией своего модернизационного пути и поиска исторического предназначения.

Современная наука пытается выявить истоки искомой дихотомии, определившие действовавшую на протяжении столетий столь ярко выраженную ритмику модернизационных процессов, что речь может идти о лихорадочном пульсе российской истории.

Отдельные аспекты данной проблемы обсуждались на различных научных форумах, в том числе на постоянно действующих историко-политологических семинарах и симпозиумах. В связи с этим особо необходимо отметить семинар Центра проблемного анализа и госу-

дарственно-управленческого регулирования⁵, а также цикл международных симпозиумов, организованных по инициативе академика РАН Т.И. Заславской Московской высшей школой социальных и экономических наук и Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентром), таких как «Куда идет Россия?..», «Кто и куда стремится вести Россию?..», «Куда пришла Россия?..» и «Пути России».

Четырнадцатый международный симпозиум (26–27 января 2007 г.) был специально посвящен обсуждению проблемы преемственности и прерывистости общественного развития⁶.

Проблема аритмии российской истории в той или иной мере затрагивалась В.А. Мау на пленарном заседании в рамках анализа соотношения начал преемственности и прерывистости модернизаций российской экономики в эпохи революций⁷.

Значимым в связи с этим представляется итоговое суждение докладчика: «Революция – специфический этап на пути модернизации, связанный с разрушением государства. Революция представляет собой радикальную (системную) трансформацию общества в условиях краха (фактически – отсутствия) государственной власти. Именно крах государства, а не уровень насилия является важнейшей характеристикой революционной трансформации»⁸. Принципиально важным в данном суждении представляется введение революционных явлений в единое русло модернизационных процессов, что работает, скорее, на важную идею принципиальной *однонаправленности* в модернизационном отношении реформ и революций.

Рассматривая революционную трансформацию как системную модернизацию в условиях краха государственности, докладчик вполне справедливо констатирует, что все революции, совершившиеся и «снизу», и «сверху», сталкивались, в сущности, с одним и тем же набором проблем, пытаясь решить их схожими способами.

Спорным, однако, представляется отнесение преобразований Петра I и Александра II к категории «революций сверху». Аргументированное толкование того, что реально произошло с Россией в первой четверти XVIII века, дал в свое время В.О. Ключевский: «Петр взял

⁵ См.: Россия: трансформации, реформы, пути развития. 2000–2010. М., 2010.

⁶ См.: Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития: материалы междунар. симп. / под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2007.

⁷ См.: Мау В.А. Преемственность и прерывистость модернизации российской экономики в эпохи революций. С. 15–24.

⁸ Пути России... С. 19.

из старой Руси государственные *силы*, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства*... Результаты реформы были обращены более к будущему...»⁹

Дальше по пути социальной трансформации страна продвинулась в эпоху «великих реформ» Александра II. Существенно обновив правовые основы общества серией реформ 1860–1870-х гг. и приспособив их к условиям пореформенного модернизационного процесса, царь-освободитель сохранил практически в неприкосновенности не только верховную власть, но и сословную структуру общества, а также – и это было самым существенным – экономическую и политическую гегемонию дворянства, базирующуюся на помещичьей собственности на землю. В результате главного модернизационного скачка не произошло: надсословная концепция частной земельной собственности не была даже выработана, не говоря о проведении ее в жизнь¹⁰. В обоих случаях речь не шла и не могла идти, как видим, о том кардинальном переделе власти и собственности, который был осуществлен, например, в итоге «номенклатурной революции» 1990-х гг.

В подходе к осмыслению логики исторического развития, повторяемости и неповторимости составляющих его элементов особого внимания заслуживает проблема *аритмии общественных процессов*, под которой правомерно понимать скачкообразный характер социального прогресса, когда более или менее равномерное, поступательное развитие социума *вдруг* сменяется этапом качественного скачка в обстановке «прерыва непрерывности». Всякий скачок как непреходящий отрыв от почвы, от естественных, органичных приращений новаций и уже проложенной колеи движения¹¹ чреват непредсказуемыми последствиями, когда баланс (или дисбаланс) позитива и негатива невозможно не только спрогнозировать, но зачастую и оценить впоследствии в ретроспективе.

С учетом этого любые попытки теоретически обосновать преимущества реформ над революцией (и наоборот) носят внеисторический, абстрактный, а отсюда – нерепрезентативный характер. Все

⁹ Ключевский В.О. Соч.: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. М., 1989. Т. 4: Курс русской истории. Ч. 4. С. 198.

¹⁰ См.: Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 45–152.

¹¹ В связи с этим представляется целесообразным включение в программу названного симпозиума Интерцентра специальной секции, посвященной проблеме «колеи» (path dependency problem) предшествующего социально-экономического развития России.

зависит в каждом конкретном случае от реальной ситуации и особенностей исторического развития той или иной страны. Бездумная или узкоклановая, корыстно ориентированная реформа может принести обществу в целом гораздо больше бед, чем вызревшая в его недрах революционная альтернатива. К тому же революцию (в первую очередь, «революцию снизу»), которая не выявила бы, особенно в отдаленной перспективе, своего обновительного и очистительного потенциала, найти в мировой истории довольно трудно, чего не скажешь о полностью не оправдавших себя реформах.

Две родные сестры модернизации – благоразумная *реформа* и взбалмошная, отчаянная *революция* – проявляют свой нрав в зависимости от страны, времени и обстановки, демонстрируя не только принципиальную несхожесть характеров, но и генетически сходные, родственные черты. Это дает основание для постановки вопроса о национальной и стадийной специфике известных в мировой истории революций и реформ и, в частности, об их особом, российском, типе.

При анализе проблемы соотношения реформ и контрреформ в литературе неоднократно высказывалось мнение, что основу механизма, приводившего в действие искомую цикличность, для условий России следует искать в перманентной социальной контрастности общества, порождавшей его социокультурный раскол, непримиримость идей и практики радикального либерализма и государственного патернализма. Принимая в принципе такую постановку, можно продолжить рассуждение.

В наших выступлениях и литературе¹² уже говорилось о том, что контрреформы в истории России играли неоднозначную роль, которую следует специально анализировать в каждом конкретном случае. Есть основания полагать, что в совокупности их социальные функции для такого инерционного, тяжелого на подъем социального организма, каким веками являлась наша страна, сводились не только – и не столько – к тому, чтобы непременно вернуть общество на дореформенные рубежи.

Опыт проб и ошибок российская цивилизация создала механизм движения зигзагами (но отнюдь не бега по кругу, как это представляется некоторым авторам)¹³. Его можно считать оптимальным

¹² См., напр.: Журавлев В.В. Реформы в России // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: энцикл. сл. / отв. ред. М.П. Мчедлов. М., 2001. С. 356–360.

¹³ См.: Паин Э.А. Затухающая империя: особенности этнополитического развития постсоветской России // Пути России: двадцать лет перемен: Международный симпозиум. 20–22 января 2005 г. / под общ. ред. Т.Е. Ворожейкиной. М., 2005. С. 297.

способом осуществления модернизации в стране догоняющего типа развития, имеющего перманентно конфликтную социальную структуру, которая тяготеет к традиции массовой ментальности граждан, сплавленной с резкими перепадами социального тонуса масс от полной апатии к суперактивности с внезапным возвращением к исходному состоянию.

В обстановке, когда любое нарушение стабильности было чревато непредсказуемыми последствиями, движение в алгоритме «полтора шага вперед – шаг назад – полтора шага вперед» объективно становилось, помимо всего прочего, средством минимизации риска перерастания реформ в России в неуправляемый взрыв. Не уловившие этой национальной особенности преобразователи оказывались в критическом положении, обрекая на такое же положение всю страну.

Истоки ритмики социальной модернизации в истории отдельно взятой страны могут быть, как констатировалось ранее, весьма и весьма многообразны – от особенностей ее природных условий и климата до исторических традиций, поднятых соответствующим образом жизни многих поколений до уровня национальной ментальности.

И все же корень проблемы, как представляется, правомерно усматривать не столько в области социального бытия, сколько в сфере общественного сознания. А именно – в преждевременности, своевременности или запоздалости осмысления существа и вектора движения судьбоносных общественных процессов, а также в синхронности/асинхронности, адекватности/неадекватности реагирования социума на вызовы времени.

С учетом приведенных рассуждений история практически любой страны имеет наглядные примеры чередования терапии своевременного вызревших органических и эволюционных преобразований, которые осуществляются в соответствии с выведенной С.М. Соловьевым формулой «естественно и целесообразно», и хирургии революционных вторжений в общественный процесс, радикальных социально-политических ломок, которые идеологически обосновываются другой наднациональной формулой «так больше жить нельзя».

Всякий социальный взрыв имеет свои объективные корни в толще социального бытия. Но только действием объективных обстоятельств нельзя объяснить ни момента наступления «прерыва непрерывности», ни характера и интенсивности потрясающих общество социальных бурь, ни форм их проявления, результатов и последствий.

Без социально-психологического фактора, учета диалектики соотношения массового сознания и массового инстинкта, уяснения механизма трансформации детерминированной разумом социальной неудовлетворенности во всепоглощающую стихию «коллективного бессознательного» трудно понять логику переходных эпох. В том

числе необходимо учитывать такой их парадокс, когда общество оставляет в прошлом относительно стабильный, еще терпимый уровень жизни, попадает в полосу революции, затем и гражданской войны, а впоследствии обретает способность иррационально спокойно и даже апатично воспринимать и переносить практически любые тяготы, потери, уродства следующих за революцией резких и трагичных социальных откатов.

Все это и многое другое целесообразно иметь в виду относительно истории России, которой на протяжении веков присуща не просто аритмия, но и «циклическое чередование тахикардии и брадикардии», то есть когда периоды «бури и натиска» сменяются – подчас без внешне видимого перехода – этапами глубокой социальной анемии, в недрах которой подспудно зреют гроздь нового социального гнева.

Факторы, определившие *лихорадочный пульс российской истории*, многообразны и разноплановы. Немалая роль здесь отводится, например, геополитическому положению России, обладающей огромными пространствами. В Западной Европе, как свидетельствуют труды по исторической географии, завоевания и переселения народов сменялись автохтонным, эндогенным развитием как ведущей тенденцией уже не менее чем тысячелетие назад.

В России же коренные экономические, социальные и иные изменения в условиях крупных демографических сдвигов и других экстремальных обстоятельств (войн, распада Российской империи, а затем и СССР) происходят и по сей день, если иметь в виду отсутствие сложившейся устойчивой структуры постсоветского общества. Форс-мажорные катастрофы и волюнтаристские действия власти перманентно препятствуют формированию начал институциональной культуры и преемственности как важной основы стабильного движения к гражданскому обществу и правовому государству.

На все стороны хозяйственной деятельности страны, а также на социально-политическую и другие сферы жизни страны не могли не повлиять такие обстоятельства природно-климатического характера (отмечены в трудах Л.В. Милова¹⁴), как преобладание в Центральной России малоплодородных почв, усугубленное необычайной кратковременностью цикла земледельческих работ.

¹⁴ См., напр.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998; Он же. К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии: материалы междунар. симп. / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1997. С. 48–58.

Все это требовало максимальной концентрации рабочей силы в земледелии и проведения работ в кратчайшие сроки, с наслаиванием одних производственных операций на другие, крайнего напряжения сил крестьянина для достижения предельно скромного для себя и общества результата. Так складывался принципиально отличный от западного российский тип эволюции общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, который стал определяющим при формировании специфических черт отечественной модернизации во всех основных областях социальной жизнедеятельности.

Низкий объем совокупного прибавочного продукта и грубые механизмы его изъятия у производителя землевладельцем и государством создавали предпосылки для постоянной социальной нестабильности в масштабах общества. Затянувшееся существование крестьянской общины как функционально необходимого компенсационного механизма в условиях перманентно тупикового хозяйствования подпитывало постоянную угрозу проявления протеста в массовых и организованных формах. Длительное историческое существование и жесткие проявления крепостничества как орудия нейтрализации общины – ядра крестьянского сопротивления – определили консервацию наиболее деспотичных форм отечественной государственности. Вековое же преобладание в ее структурах рычагов подавления над механизмами регулирования и оптимизации социальных процессов, «притирки» отдельных слоев составило практически неиссякаемый источник стабильного взаимного недоверия власти и общества, господства в нем конфронтационной политической культуры.

Таким образом, важное обстоятельство, определившее лихорадочный пульс отечественной истории, правомерно усматривать в укоренившейся веками природе российской власти и общества, детерминированной сложной совокупностью объективных и субъективных условий развития страны. Квинтэссенцию этих взаимоотношений П.Б. Струве выразил, как известно, в формуле «антиобщественное государство – антигосударственное общество». Инстинкт власти постоянно навязывать свою волю обществу причудливо сочетался с присущим ей синдромом мессианства, стремлением «осчастливить» общество, определить ему ту или иную путеводную цель, попутно требуя от социума ради ее достижения новых и новых жертв.

Последовательный прессинг власти по отношению к обществу порождал соответствующие этому прессингу ответные действия. Исторические корни оппозиционного движения в России не менее глубоки, чем на Западе. Но его роль для нашей страны также специфична. Основное время своего существования оппозиция была вынуждена действовать в нелегальных условиях, постоянно напоминая власти о своем существовании прежде всего конфронтационными

действиями. Ее политический словарь изобилует такими терминами, как смута, анархия, бунт, мятеж, переворот, крестьянская война, террор, восстание, политическая стачка, гражданская война, революция. Диктату власти оппозиционные силы противопоставляли свой диктат, направляя лишь в редких, исключительных случаях усилия на поиск компромисса с властью (пример тому – либеральное движение начала XX столетия). Но и в таком поиске власть предпочитала видеть признаки слабости оппозиции и отталкивала протянутую ей руку.

Возникнув в обстановке конфронтации государства и общества, такой образ действий власти преобладающей становился затем важным источником самовоспроизводства этой конфронтации. К жизни пробуждалась масса противоречий, которые способны были заблокировать процессы даже самого неотложного и целесообразного реформирования. Возникающие в обществе проблемы, не находя своевременного и адекватного потребностям социума и вызовам времени разрешения, наслаивались друг на друга, закупоривая вначале капилляры, а затем артерии и вены социального тела. Общественный организм постепенно окостеневал и становился неподвластным органическим, эволюционным изменениям.

Взамен терапии постепенных реформ история России припасла на эти случаи и широко опробовала хирургию вторжения в общественный процесс. Это принимало форму либо социального взрыва (массовых народных движений, революций), либо инициированных самой властью и ее наиболее хваткими силами «революций сверху» (этого специфического способа вскрытия абсцесса системного кризиса в стране) в пожарном порядке, невзирая на средства достижения целей и не останавливаясь перед ломкой устоявшихся норм и институтов.

Можно было бы продолжить сопоставление механизмов взаимодействия и взаимовлияния факторов, определяющих специфику хода российской истории по догоняющему типу развития относительно исторических процессов в западноевропейских государствах, для последних этапов эволюции которых характерен в основном органический тип.

Стоит ограничиться здесь, однако, лишь некоторыми предварительными заключениями.

Обращение к реалиям российской истории лишней раз убеждает, что ни обществу в целом, ни его политическим силам и лидерам не дано не только изменить природу и климат страны или переиграть заново ее историческую судьбу (а наше прошлое, как известно, зафиксировало преобразовательные претензии и такого рода), но и произвольно перекроить веками складывавшиеся ментальность народа,

укоренившиеся глубинные традиции и стереотипы нашего социального общежития. Непредсказуемость, неожиданность, а подчас и шокирующая парадоксальность реальных результатов и последствий многих благих начинаний как господствующих «верхов», так и их революционных ниспровергателей в прошлом должны предостерегать сегодня и власть, и общество от гигантомании, неумеренного социального прожектерства, слепого копирования внешне привлекательных иноземных моделей социального переустройства.

Исторический опыт России подсказывает, что только те из социальных начинаний в истории страны давали благотворные результаты, которые вырастали из российских реальностей, шли из глубин собственных представлений о добре и зле, прогрессе и регрессе, происходили из опыта собственной социальной жизнедеятельности, а не навязывались обществу теми или иными мессиями и миссионерами от политики.

В качестве своеобразного идейно-политического «полигона» в поиске страной своей модернизационной идентичности правомерно рассматривать, в частности, длительную, в чем-то не исчерпавшую своего потенциала по сей день дискуссию западников и антизападников. Упорное возвращение общественной мысли страны к обсуждению данной темы как яблока раздора на каждом новом повороте истории¹⁵ является, как представляется, лишним аргументом в пользу того, что исход этой дискуссии не следует прогнозировать на путях безоговорочного утверждения одной из противоборствующих концепций. Ее конструктивный потенциал будет способен выявить себя лишь в направлении поиска органического сочетания черт отечественного опыта и внешних заимствований.

Не отторгая внешнего опыта, не останавливаясь перед заимствованиями, идущими извне, общественная мысль и социальная практика страны стремились вместе с тем включить их в систему собственных мировоззренческих, нравственных и поведенческих координат.

¹⁵ Концентрированное представление о масштабах, формах проявления, богатстве тонов и оттенков духовных, социальных, нравственно-этических исканий русской общественной мысли в указанном направлении способна дать недавно завершенная серия обобщающих трудов: *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2005; Общественная мысль Русского зарубежья: энцикл. / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009; Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010; Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. М., 2013.*

Классическим примером служит христианство, пришедшее к нам из суровой, первоначально во многом чужой Византии, но затем переакцентированное так, что оказалось на века органично слитым с набирающей силу русской ментальностью.

Подводя определенные итоги многовековому опыту реформирования государственных и общественных структур российского социума, важно отметить, что одной из важнейших проблем на всех этапах исторического прошлого страны была и остается по настоящее время проблема обретения и наращивания *культуры реформирования* – культуры, открытой всем веяниям мировой теории и практики социальной инженерии, но при этом адекватной устоявшейся позитивной данности отечественного цивилизационного процесса.

Таким образом, характеризуя *феномен советского реформирования*, можно констатировать следующее: советский тип модернизации, сложившийся в том числе и в немалой степени под воздействием «колеи предшествующего развития» (path dependency), дал в итоге своеобразное сочетание. А точнее – сплав, амальгаму старого, опробованного столетиями предшествующих эпох, и нового, рожденного советской действительностью в ее идеологически ангажированном и амбициозном стремлении вырваться из этой колеи, создать – в парадоксальном для атеистического общества следовании духу апокалиптических видений библейских пророков – «новую землю» и «новые небеса» над нею.

В.В. Кондрашин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЕКТЫ В.П. ДАНИЛОВА О ТРАГЕДИИ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ В ЭПОХУ СТАЛИНИЗМА КАК ФАКТОР ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ В 1990–2000-е гг.

Десталинизация исторической науки и общественного сознания в России и постсоветских государствах основывается строго на достоверных научных знаниях.

За последние десятилетия российскими исследователями и их зарубежными коллегами сделано немало в этом направлении¹. Прежде всего, благодаря их активной исследовательской работе в архивах выявлен огромный массив документов, позволяющих глубоко и всесторонне охарактеризовать важнейшие аспекты истории России сталинского периода, в том числе аграрно-крестьянский аспект, а именно – реальное положение советской деревни, сельской экономики, их роль в становлении сталинской системы². И это чрезвычайно важно, так как речь идет об основной массе населения СССР в рассматриваемый период – крестьянстве, ставшем объектом сталинской политики ускоренной индустриальной модернизации.

Сегодня российская общественность и общественность постсоветских государств располагает исчерпывающей и, самое главное, достоверной информацией о том, как, почему и с какими последствиями для советского крестьянства был осуществлен сталинский вариант так называемой революции сверху³. И никакие конъюнктура и ветры перемен не изменят этой ситуации.

¹ См.: Кондрашин В.В. История как фактор политики и идеологии современной России // Университетское образование (МКУО–2013): сб. статей XVII Междунар. науч.-методич. конф., посвящ. 70-летию образования ун-та. Вып. 17. Пенза, 2013. С. 9–10.

² См.: История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 480–494.

³ См.: Кондрашин В.В. Феномен сталинизма в контексте мировой и оте-

Исторической наукой России доказано, что период первой половины 1930-х гг. крестьянства – стал подлинной трагедией, поскольку в результате насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок были подорваны основы сельского хозяйства страны, и миллионы сельских тружеников погибли от голода, в том числе в сталинских спецпоселениях⁴.

Это концептуальное положение выстрадано поколениями советских историков-аграрников, которые только в условиях горбачевской перестройки и гласности смогли наконец-то заговорить о том, что на самом деле произошло в сталинскую эпоху с крестьянством в России и других советских республиках⁵.

Результаты исследований российских историков и их зарубежных коллег в области изучения истории советского крестьянства и сельского хозяйства СССР в сталинский период, в том числе в российских регионах, могут служить одними из самых важных достижений исторической науки, которые есть и всегда будут сильнейшим аргументом в десталинизации и самой науки, и общественного сознания как в России, так и за ее пределами⁶.

Обращаясь к данной теме, речь идет главным образом о результатах международных проектов по аграрной истории России XX века, организованных выдающимся отечественным историком-аграрником В.П. Даниловым. Это – российско-французский проект «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» и международный проект с участием историков США, Канады, Австралии, Швеции, Южной Кореи и других стран «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание»⁷.

чественной исторической практики решения крестьянского вопроса // Сталинизм и крестьянство: сб. науч. статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М., 2014. С. 97–105.

⁴ См.: Кондрашин В.В. Сталинская коллективизация и голод 1932–1933 гг. в СССР: причины и региональные особенности // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типологии и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск, 2012. С. 457–468.

⁵ Подробнее см.: Кондрашин В.В. Историк-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Вып. первый. Прага, 2014.

⁶ См.: Кондрашин В.В. Дискуссионные проблемы истории коллективизации и ее последствий в современной отечественной историографии // Власть и крестьянский социум в условиях советской модернизации второй половины 1920–1930-х гг.: сб. науч. статей. Саранск, 2013. С. 4–14.

⁷ См.: Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: док. и материалы: в 4 т. М., 2000. Т. 1: 1918–1922 гг.; Т. 2: 1923–1929 гг.; М., 2003.

Продолжением и, можно сказать, завершением документальной серии международных проектов В.П. Данилова стала и серия сборников документов «Голод в СССР. 1929–1934 гг.», подготовленная коллективом архивистов и историков России, Белоруссии и Казахстана⁸.

Более подробные сведения о самих проектах В.П. Данилова можно получить из кандидатской диссертации Е.Н. Кананеровой «Международные научные проекты по аграрной истории России конец XX – начало XXI в.», а также из серии публикаций на эту тему автора настоящей публикации⁹.

Виктор Петрович Данилов является одним из самых активных и успешных современных исследователей сталинской эпохи¹⁰. Он аргументированно определял сталинизм как «авторитарный, жестко централизованный режим, существование которого обеспечивалось беспощадностью и массовыми масштабами репрессий»¹¹. На тему сталинских репрессий, особенно против советского крестьянства, им написано немало глубоких и содержательных работ. Он одним из первых в историографии акцентировал внимание на факте трагедии советской деревни, указав, что крестьянство было самой многочисленной социальной группой, подвергшейся насилию и репрессиям в

Т. 3. Кн. 1: 1930–1931 гг.; М., 2005. Т. 3. Кн. 2: 1932–1934 гг.; М., 2012. Т. 4: 1935–1939 гг.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: док. и материалы: в 5 т. М., 1999. Т. 1: Май 1927 – ноябрь 1929 гг.; М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930; М., 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933 гг.; М., 2002. Т. 4: 1934–1936 гг.; М., 2004. Т. 5: 1937–1939 гг. Кн. 1: 1937 г.; М., 2006. Кн. 2: 1938–1939 гг.

⁸ См.: Голод в СССР. 1929–1934 гг.: в 3 т. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М., 2011–2013.

⁹ См.: Кананерова Е.Н. Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. н. Пенза, 2007; Кондрашин В.В. Международные проекты по аграрной истории России XX века и развитие региональной историографии // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 4. С. 25–30.

¹⁰ Подробнее см.: Кондрашин В.В. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избр. труды: в 2 ч. М., 2011 // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 3 (68). С. 125–134; Он же. Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XXI веков: сб. статей VII Междунар. науч.-практической конф. / науч. ред. Г.Е. Корнилов, В.А. Лабузов. Оренбург, 2012. С. 132–149.

¹¹ Данилов В.П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // «Куда идет Россия?...» Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1999. С. 15.

годы сталинской диктатуры. Именно этот факт наиболее убедительно доказывает антинародный характер сталинизма, поскольку его жертвами был народ, интересы которого он якобы защищал¹².

Почему можно с уверенностью утверждать, что результаты международных проектов В.П. Данилова по истории советского крестьянства эпохи сталинизма служат важным аргументом в десталинизации, надежным заслоном, «броней» от желающих отказаться от нее и реанимировать сталинизм?

Потому что эти результаты основаны на глубоком и всестороннем анализе разнообразной и достоверной источниковой базы, альтернативы которой не существует в науке. В рамках проектов в научный оборот введен огромный объем документов из центральных и региональных архивов России по истории коллективизации и советской деревни в эпоху сталинизма¹³. Других источников, способных изменить полученные на основе их анализа выводы, просто не существует. Именно по этой причине они не могут быть опровергнуты и поставлены под сомнение ни одним здравомыслящим исследователем, общественным деятелем, политиком.

Кратко охарактеризуем наиболее важные научные результаты международных проектов В.П. Данилова.

Выходом в свет 4-го тома документальной серии «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» закончился один из наиболее крупных международных проектов по истории России последних десятилетий. Опубликованные в ней сводки и информационные материалы советской спецслужбы восстанавливают реальную картину масштабов государственного насилия над крестьянством в период коллективизации.

Только в 1930 г. в зонах сплошной коллективизации «тройками» было приговорено к расстрелу 18 966 и арестовано 283 тыс. человек. В двух книгах 3-го тома даны точные цифры раскулаченных и выселенных крестьян. Например, по документам ОГПУ, в 1930–1931 гг. раскулачиванию и выселению подверглось 381 026 семей, или 1 803 392 человека¹⁴. Во 2-м томе серии «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание» указывается, что с ноября 1929

¹² См.: Данилов В.П. К истории сталинского террора // «Куда идет Россия?..» Формальные институты и реальные практики: материалы Девятого междунар. симп. / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2002. С. 309–323.

¹³ См.: Кондрашин В.В. В.П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России XX в. // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–44.

¹⁴ См.: Кондрашин В.В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг. (к итогам российско-французского проекта) // Вопросы истории. 2013. № 7. С. 166.

по декабрь 1930 г. было раскулачено не менее 1 млн крестьянских хозяйств с населением 5–6 млн человек. В последующих томах серии отмечалось, что в 1930–1932 гг. было депортировано из деревни 2 140 тыс. человек, а всего с начала раскулачивания и до Великой Отечественной войны – около 4 млн человек. Из них умерло от болезней и голода не менее 800 тыс. человек¹⁵.

Проекты В.П. Данилова и работы его коллег и последователей практически вернули из небытия и предоставили общественности трагическую историю кулацкой ссылки, в том числе такой ее драматический и малоизвестный эпизод, как побеги спецпоселенцев. По данным ОГПУ, в период с 1930 по 1934 гг. бежало из лагерей и спецпоселений почти 600 тыс. крестьян, и поймали из них лишь около 150 тыс. человек, или только 25% от общего числа беглецов. Остальные растворились в городах и на бескрайних просторах страны¹⁶.

Документы международных проектов В.П. Данилова указывают и на факты активного сопротивления крестьянства сталинской аграрной политике, которые невозможно оспорить современным сталинистам. Например, в двух книгах 3-го тома показаны масштабы крестьянского сопротивления насильственной коллективизации, которые убедительно доказывают ее антикрестьянский характер. Так, в 1930 г. зафиксировано 13 754 массовые крестьянские выступления, в которых участвовало более 3 млн человек¹⁷. «Антоновщины» и «махновщины» не случилось, так как деревня была обезоружена, а Красная Армия умело выведена из участия в карательных операциях против крестьянства. Но сопротивление крестьян в мелких масштабах продолжалось и дальше.

В 4-м томе серии показано, что советская деревня также попала под «большой террор». Речь идет о так называемом приказе НКВД № 00447 от 30 июня 1937 г. о «бывших кулаках». Всего по этому приказу было арестовано и осуждено 584 899 человек. «Задания» сталинского руководства по «бывшим кулакам» были перевыполнены в три раза, в том числе по расстрелам – в пять раз. Их «вычистили» из новостроек, шахт, совхозов и даже с руководящих должностей в колхозах¹⁸.

Таким образом, с точки зрения статистики советское крестьянство стало самым пострадавшим от сталинизма классом!

¹⁵ См.: Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 257.

¹⁶ См.: Кондрашин В.В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 166.

¹⁷ Там же. С. 165.

¹⁸ Там же. С. 166.

Научные результаты международных проектов В.П. Данилова служат непреодолимым барьером для желающих восстановить мифологию советской эпохи о росте благосостояния советского народа в результате сталинской коллективизации. Опубликованные документы убедительно свидетельствуют, что все 1930-е гг. были временем перманентного голода с разной степенью интенсивности. И речь идет не только о широко известном специалистам и общественности голоде 1932–1933 гг., жертвами которого стало не менее 5 млн человек¹⁹.

В 4-м томе сборника «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» приводятся достоверные факты о смертности от голода зимой 1937 г. и голодании тысяч колхозников по всей стране. И это – после принятия Конституции СССР 1936 г., провозгласившей «победу социализма в СССР»²⁰

Международные проекты В.П. Данилова по истории крестьянства эпохи сталинизма оказали несомненное влияние на десталинизацию исторической науки и общественного сознания на постсоветском пространстве. Кроме того, они стимулировали дискуссию на тему национально-региональных особенностей сталинизма, в частности аграрной политики и ее результатов на территории бывшего СССР.

В наиболее яркой форме это проявилось в исследованиях историков и выступлениях общественных деятелей Украины по вопросу о причинах и масштабах голода 1932–1933 гг.

Кульминацией этого процесса стало инициирование президентом Украины В.А. Ющенко в 2008 г. обсуждения данной темы в рамках концепции «геноцида голодомором Украины» на уровне Парламентской Ассамблеи Совета Европы. В этот период на Украине и в ряде бывших республик СССР прошла активная кампания в СМИ с участием историков по ознакомлению общественности с масштабами трагедии, роли И.В. Сталина и руководства СССР в «организации голода»²¹. При этом в ходе дискуссии на уровне научного сообщества активно использовались материалы международных проектов В.П. Данилова, публикации его коллег на тему коллективизации и голода 1932–1933 гг. В самой дискуссии участвовали участники проектов²².

¹⁹ См.: Кондрашин В.В. Документы российских архивов о трагедии Украины в 1932–1933 гг. // Голод 1933. Українці. Київ, 2013. С. 305–346; Голод в СССР. 1929–1934... Т. 3. С. 651–771.

²⁰ См.: Кондрашин В.В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 167.

²¹ См.: Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М., 2011. С. 423–455.

²² См.: Кондрашин В.В. Формирование установок толерантного сознания

В то же время нельзя не отметить научную некорректность и недостаточную, на наш взгляд, аргументацию украинских историков и их зарубежных коллег относительно специфики голода в эти же годы в российских регионах и искусственного разделения общей трагедии народов СССР на «голодомор в Украине» и просто «голод» в России²³. Не секрет, что эта позиция украинских историков и их сторонников за пределами Украины внесла свою лепту в разжигание ненависти между украинцами и русскими и стала частью идеологии киевского Майдана.

На наш взгляд, это как горький опыт того, к чему приводит десталинизация в концептуальном оформлении: «кто и где больше пострадал от сталинизма» на территории бывшего СССР. Подобного «соревнования» и «пляски на костях» следует не допускать прежде всего на уровне научного сообщества. Сталинизм – это общий крест, общая беда и общая судьба всех народов бывшего Советского Союза²⁴. И эта мысль пронизывает все творческое наследие участников международных проектов В.П. Данилова.

Именно поэтому, на наш взгляд, предложенный украинскими историками и политиками, а также их западными сторонниками вариант интерпретации трагедии 1932–1933 гг. на Украине и в СССР в целом как исключительно «геноцид украинского народа» не убедил вице-спикера ПАСЕ Мевлюта Чавушоглу. В период работы его комиссии в Москве ей были предоставлены материалы международных проектов В.П. Данилова по теме голода в 1932–1933 гг., а также материалы документальной серии «Голод в СССР» как их логическое продолжение. В результате в апреле 2010 г. в итоговом документе ПАСЕ украинская версия голодомора не получила поддержки. Голод в указанные года был признан не только украинским феноменом, но и общей трагедией всех народов СССР²⁵.

К сожалению, если для Украины и ряда других стран эта тема стала важным инструментом десталинизации и исторической науки, и

на примере современных международных дискуссий по проблеме голодомора 1932–1933 годов на Украине // Формирование установок толерантного сознания и проблемы этноконфессионального диалога: материалы обл. науч.-практич. конф. Пенза, 2010. С. 14–22.

²³ См.: Кульчицкий С. Почему он нас уничтожил? Сталин и украинский голодомор. Киев, 2007.

²⁴ См.: Kondrashin V. The Famine of 1932 – 1933 as a common tragedy of the nations of the USSR: national and regional aspects // Northeast Asian Studies. Vol. 20. Febr. 29. 2016. Center for Northeast Asian Studies Tohoku University. P. 27–38.

²⁵ См.: Кондрашин В.В. Люди во времени: записки историка. Пенза; Саранск, 2012. С. 134–158.

исторического сознания, то в России этого не произошло. Трагедия российской деревни во время коллективизации и голода в 1932–1933 гг. все еще не получила необходимого внимания как власти, так и общественности, с точки зрения воздания дани памяти их невинных жертв, мемориализации этой трагедии и т. д.

В данном контексте следует остановиться на опыте Казахстана и на его примере обосновать тезис о важнейшей роли государственной власти в процессе десталинизации, необходимости очень выверенного, буквально хирургического вмешательства в ход его осуществления как по форме, так и по содержанию.

В отличие от украинских историков и политиков ученые и общественное мнение Казахстана, при наличии аналогичных с Украиной тенденций в трактовке трагедии 1932–1933 гг., занимают все же более взвешенную позицию в республике. В немалой степени это является результатом научного наследия, которое оставили В.П. Данилов и его коллеги. Оно подкрепляет твердую линию президента Казахстана Нурсултана Назарбаева на дружбу и сотрудничество с Россией. Именно поэтому десталинизация исторической науки и общественного сознания в Казахстане проходит не так, как на Украине, где этот процесс основан на принижении масштабов голода в России и страданий других народов бывшего СССР в период сталинизма²⁶.

Необходимо особо подчеркнуть, что опыт международных проектов В.П. Данилова демонстрирует большие возможности успешного сотрудничества историков России и других стран в области изучения сталинской эпохи. Авторитет общепризнанных специалистов в научном сообществе затруднит любые попытки мифологизации сталинизма. Особенно это очевидно, когда речь идет о работах таких участников проектов, как В.П. Данилов, Н.А. Ивницкий, И.Е. Зеленин, С. Уиткрофт, Р. Дэвис, В. Линн и др.²⁷

Таким образом, в рамках взятой для исследования проблемы результаты международных проектов В.П. Данилова должны быть известны широкой общественности и в России, и за ее пределами, особенно учащейся и студенческой молодежи.

²⁶ Об этом свидетельствует опыт дискуссии между казахскими, российскими и зарубежными историками на научных семинарах С. Уиткрофта в Назарбаев Университете в г. Астане в 2013 г., участником которых был автор настоящей статьи.

²⁷ Аграрная история XX века: Историография и источники / под ред. Н.Н. Кабытовой, П.С. Кабытова, В.В. Кондрашина. Самара, 2014; Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI в. ...

В.Н. Хаустов

«ВОССТАНОВИТЬ КОНТРОЛЬ ПАРТИИ»: ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1953–1960-е гг.)

Одним из мифов в постсталинский период истории Советского государства являлось утверждение о том, что органы государственной безопасности вышли из-под контроля правящей коммунистической партии и возникла опасность их определяющего влияния на политику государства. Впервые публично данное положение прозвучало в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1953 г., на заседании которого был утвержден и рекомендован для публикации 17 декабря в газете «Правда» текст сообщения «В Прокуратуре СССР» по делу Л.П. Берии.

В сообщении утверждалось, что Берия, используя свое положение главы Министерства внутренних дел СССР, «стремился в своих вероломных замыслах поставить МВД над партией и правительством для захвата власти и ликвидации советского рабоче-крестьянского строя в целях реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии»¹.

Данный тезис не являлся чем-то новым для высшего руководства страны, а регулярно использовался в процессе проведения кадровых перестановок в органах государственной безопасности и определенных изменений как в карательной политике, так и в корректировке политического курса. Необходимо учитывать также, что решения партии о деятельности органов государственной безопасности на протяжении советского периода истории Российского государства являлись закрытой темой, секретной информацией и были недоступны для общественности. Завеса секретности была снята только в период «перестройки» и «гласности», связанных с именем М.С. Горбачева.

¹ Лаврентий Берия. 1953: стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и др. документы / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999, С. 383.

Высшим руководством страны постоянно использовался обычный прием для обвинения руководства органов госбезопасности в попытках невыполнения решений партии или «сознательном» проведении антипартийной деятельности. 28 июня 1953 г. уже после ареста Берии в ЦК КПСС лично Н.С. Хрущеву направил заявление бывший начальник Львовского управления МВД СССР Т.А. Строкач. Он указывал на то, что от него требовали сбора информации о партийных руководителях области, то есть нарушалась сложившаяся практика контроля со стороны партии за органами госбезопасности. Берия, узнав об этом, отстранил его от должности, и тот находился в Москве в распоряжении МВД. Факт появления такого письма вполне объясним тем, что Строкач достаточно длительное время работал на Украине министром внутренних дел под руководством Хрущева.

Начало такой фарисейской тактике в отношении органов госбезопасности, утверждению об их самостоятельной роли и своеобразном «государстве в государстве» было положено в 1937 г., когда был арестован бывший нарком НКВД Г.Г. Ягода. В одном из первых протоколов допроса от 26 апреля 1937 г., который был направлен И.В. Сталину, подчеркивалось положение о том, что Ягода якобы совместно с правыми, троцкистами и зиновьевцами подготавливал переворот, что ими «ставился вопрос о смене руководства партии и советской власти, об отстранении Сталина...»² До ареста был использован применявшийся в дальнейшем прием в данном конкретном случае для «разоблачения Ягоды».

На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. упоминался не только начальник Секретно-политического отдела (СПО) Главного управления госбезопасности НКВД СССР Г.А. Молчанов, который якобы по заданию Ягоды тормозил выполнение директив партии о разоблачении троцкистов и правых, но и начальник отдела СПО Управления госбезопасности по г. Москве и области А.П. Радзивилловский. По заданию В.Е. Цесарского, начальника учетно-регистрационного отдела НКВД, работавшего в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством Н.И. Ежова и перешедшего в наркомат внутренних дел, Радзивилловский в ноябре 1936 г. написал заявление на имя наркома о том, что руководство (Г.Г. Ягода и др.) не проявляло активности в проведении линии партии по разоблачению троцкистов. Эта записка была направлена в ЦК ВКП(б), спасла его от ареста, а содержание доноса давало новые факты для «разоблачения» Ягоды³.

² Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар государственной безопасности: сб. док. Казань, 1997. С. 113.

³ Центральный архив ФСБ России. Архивное следственное дело Н-14980. Т. 1. Л. 292.

В процессе изменения карательной политики аналогичный прием был применен при подготовке ареста наркома НКВД Н.И. Ежова. По указанию нового заместителя наркома Л.П. Берии начальник управления НКВД по Ивановской области В.П. Журавлев 13 ноября 1938 г. направил записку в ЦК ВКП(б) на имя Сталина. В ней он отмечал факты отказа сотрудников включать в протоколы допросов показания на партийных работников, арестованных в дальнейшем и приговоренных к расстрелу. Аресты оперативных работников и обвинения их в принадлежности к правотроцкистскому блоку часто не встречали поддержку в центральном аппарате НКВД, и, наоборот, Журавлев заработал славу создателя «липовых» следственных дел. Нарком Ежов при этом не давал санкции на аресты сотрудников НКВД⁴. Сталин после ознакомления с запиской адресовал ее членам Политбюро ЦК ВКП(б) для последующего обсуждения на очередном заседании, которое состоялось 19 ноября.

Но судьба Ежова была уже предрешена. 17 ноября 1938 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», положения которого свидетельствовали о прекращении массовых репрессий, ответственность за которые возлагалась на руководящий состав НКВД. Организаторы государственного террора в стране обвинили в извращении советских законов исполнителей преступных приказов, принятых на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б).

Сталин, лично контролировавший ход массовых операций, дававший конкретные указания о направлениях деятельности органов госбезопасности, знавший большинство начальников управлений НКВД, в один момент превратил их во врагов народа, агентов иностранных разведок, которые якобы «пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийного контроля и руководства...»⁵ Сталин, позволивший в период 1936–1938 гг. сотрудникам органов госбезопасности с его санкции проводить массовые аресты, «чистку» партийно-советской номенклатуры, решил усилить влияние партийного руководства на местах и полностью подчинить им органы госбезопасности.

20 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об утверждении в ЦК ответственных работников ряда наркоматов и ведомств, в том числе и НКВД.

⁴ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 58. Д. 406. Л. 1–5.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док.: в 8 т. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. М., 1995. С. 5.

Для дальнейшего закрепления главенствующего положения партийных органов во взаимоотношениях с НКВД 14 ноября того же года была направлена директива ЦК ВКП(б), конкретизирующая организацию учета, проверки и утверждения руководящих работников наркомата внутренних дел. В отличие от предшествующего периода произошло значительное расширение круга утверждаемых. Такой проверке в ЦК подлежали все ответственные работники центрального аппарата Наркомвнудела от высших должностей до начальников отделений.

В центре утверждались также сотрудники местных органов: наркомы союзных и автономных республик, начальники и заместители краевых, областных управлений, начальники отделов, а также начальники городских и районных отделений. На каждого такого сотрудника заводилось личное дело, которое отныне должно было храниться в соответствующем партийном органе. Предусматривалось, что заведующий отделом руководящих партийных органов и один из секретарей обкома, крайкома, ЦК нацкомпартий персонально ознакомливаются с каждым из утверждаемых.

Важно отметить, что данная работа должна была проводиться, не дожидаясь представления в партийные органы руководящего состава начальником соответствующего НКВД, роль которого отодвигалась на второй план. В процессе проверки ставилась задача очищения «от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД». В отношении всех остальных работников местных органов устанавливался порядок, когда требовалось решение партийного органа для их утверждения в должности⁶.

Сталин вскоре еще больше укрепил позиции номенклатуры. Он лично внес изменения в приказ НКВД СССР о запрещении вербовок агентов и осведомителей из числа ответственных руководящих работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций, а также обслуживающего персонала партийных органов. Все личные и рабочие дела агентов и осведомителей были уничтожены. Приказ был утвержден 26 декабря 1938 г. без протокола опросом членов Политбюро ЦК ВКП(б)⁷.

В послевоенные годы недовольство Сталина обрушилось на министра госбезопасности В.С. Абакумова за недостаточную активность в деле разоблачения «врачей-вредителей», неудавшуюся попытку обвинения некоторых партийных руководителей, проходивших по

⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. Архив Сталина: док. высших органов парт. и гос. власти. 1937–1938 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С.Плотникова. М., 2004. С. 604–605.

⁷ Там же. С. 631.

«ленинградскому делу» в связях с английской разведкой, и другие факторы. В подготовленном обвинительном заключении содержались те же формулировки о «попытках оторвать чекистский аппарат от партии, систематическом нарушении решений партии и правительства, направленных на усиление государственной безопасности, умышленном “смазывании” дел на шпионов, террористов, еврейских националистов и других особо опасных государственных преступников». Министр госбезопасности Абакумов обвинялся в создании «вражеской группы с целью проведения подрывной работы против партии и правительства»⁸.

Как и в предшествующие периоды, поводом для устранения министра госбезопасности Абакумова стало заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам М.Д. Рюмина, которого Абакумов в 1945 г. перевел в центральный аппарат МГБ из Архангельска. В заявлении Рюмин напоминал о деле «врачей-вредителей», недостатках в контрразведывательной работе. Вполне объективной является версия о том, что письмо Рюмина попало к Сталину при помощи Г.М. Маленкова и его помощника Д.Н. Суханова⁹.

Соратники Сталина, имея богатый опыт, использовали апробированные сценарии и при аресте Берии.

Таким образом, на протяжении истории Советского государства в течение 1920 – начале 1950-х гг. органы государственной безопасности находились под постоянным контролем правящей коммунистической партии. Формулировка об их бесконтрольной деятельности была использована для того, чтобы отвести удар от главных виновников создания жесткой системы применения мер насилия в отношении населения страны.

Реформирование органов госбезопасности носило противоречивый и непоследовательный характер. Изменения носили скорее количественный, а не качественный характер. Некоторые преобразования свидетельствовали о смягчении политического режима в стране.

Во второй половине 1950-х гг. активизировалась работа по восстановлению в деятельности органов госбезопасности принципов законности. Был проведен ряд мероприятий, способствовавших формированию новой политической атмосферы уважения прав человека в обществе: были отменены законодательные акты, являвшиеся отступлением от обычных норм судопроизводства, ликвидированы органы внесудебного рассмотрения дел, повышена роль прокурорского

⁸ Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953: док. / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2007. С. 570–571.

⁹ См.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 455–456.

надзора, в стране развернулась работа по пересмотру архивных уголовных дел в отношении лиц, осужденных и отбывающих наказание за государственные преступления.

Стабильное развитие государства было невозможно без реабилитации жертв политических репрессий и пересмотра дел в отношении советских граждан, осужденных за государственные преступления. По решению ЦК КПСС от 4 мая 1954 г. в центре и на местах образовывались специальные комиссии. Это была первая волна реабилитации.

Важное значение имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», действие которого распространялось и на военнослужащих, попавших в плен и осужденных после освобождения.

Органами госбезопасности было прекращено значительное количество необоснованно заведенных разработок на советских граждан. Выступая на Всесоюзном совещании руководящих работников в мае 1959 г., председатель КГБ при СМ СССР в 1958–1961 гг. А.Н. Шелепин подчеркнул, что органами госбезопасности разрабатывается 0,9% лиц, состоящих на оперативном учете, и потребовал исключения из оперучетов лиц, разработка которых не проводится.

Впервые в деятельности органов госбезопасности стали использоваться формы работы, которые способствовали установлению связи с массами, снятию завесы секретности и конспиративности. Оперативные работники были обязаны регулярно выступать перед трудовыми коллективами, рассказывая о деятельности разведок иностранных государств для повышения политической бдительности советских людей. Стали практиковаться выступления сотрудников по радио и телевидению, публикации статей в центральных и местных газетах, встречи ветеранов органов госбезопасности с трудящимися. Цель подобных мероприятий заключалась в том, чтобы способствовать формированию нового взгляда советских граждан на деятельность органов госбезопасности, скомпрометированных правящей партией в предшествующий период.

С учетом изменений в деятельности аппарата государственного управления и его перестройкой, связанной с усилением коллегиальных начал, был создан *институт членов Комитета государственной безопасности*, а затем *Коллегия КГБ при СМ СССР*. В целях усиления коллективного обсуждения вопросов деятельности органов госбезопасности, обмена опытом работы и выработки рекомендаций по ее дальнейшему совершенствованию стали регулярно проводиться Всесоюзные совещания руководящих работников органов госбезопасности (первое – в 1954 г., второе – в 1957 г. и др.). Стали практиковаться всесоюзные совещания оперативных работников по линиям работы.

В целях экономии государственных средств было проведено сокращение численности личного состава почти в два раза, упразднены почти 4 тыс. городских и районных аппаратов. Сокращения штатов сотрудников начались при председателе КГБ И.А. Серове, который охарактеризовал уволенных как «не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, малограмотных и отсталых работников». 1 декабря 1954 г. принимается указание КГБ при СМ СССР «О замене оперативных работников, не имеющих необходимой подготовки и не обеспечивающих порученное им дело». Прослеживается тенденция обновления кадрового состава путем изгнания тех, кто был принят на службу в органы госбезопасности в сталинский период, принимал участие в массовых репрессиях, имел низкий образовательный уровень. В течение 1954–1957 гг. за нарушение законности, злоупотребление служебным положением и аморальные поступки были уволены 2300 человек, причем из центрального аппарата – около 2 тыс. сотрудников. Были заменены практически все руководящие работники управлений и отделов, 40 сотрудников лишены генеральских званий¹⁰.

В связи с сокращениями личного состава и понижением должностных окладов среди сотрудников царили настроения растерянности и уныния, отсутствия перспективы. В коллективном письме сотрудников УКГБ по Свердловской области, направленном в июне 1954 г. в ЦК КПСС, с которым ознакомился Н.С. Хрущев, наряду с этим отмечалось, что имеют место мнения о ненужности контрразведывательных органов в период перехода от социализма к коммунизму¹¹.

Итоги кадровых изменений в январе 1963 г. подвел вновь назначенный на эту должность В.Е. Семичастный (председатель КГБ в 1961–1967 гг.). В отчете, представленном в Президиум ЦК КПСС, он отмечал, что с 1954 г. из органов госбезопасности были уволены более 46 тыс. офицеров.

Одновременно проходили значительные структурные преобразования. Количество оперативных подразделений в административных районах СССР было сокращено более чем на 75%. Было признано нецелесообразным иметь их в сельскохозяйственных районах. К 1967 г. имелось всего 734 аппарата на 3300 районов.

¹⁰ См.: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справочник: док. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 688–689.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 13. Л. 30–34.

Экономические и транспортные управления занимали существенное место в структуре КГБ. Сталинское видение роли органов госбезопасности заключалась и в том, что они выполняли функции контроля, проверки выполнения важнейших народнохозяйственных планов. И если контрразведывательное обеспечение так называемых спецобъектов – предприятий оборонной промышленности – не вызывает никаких сомнений, то обслуживание различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства соответствовало сложившейся сверхцентрализованной нерыночной экономике.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 февраля 1960 г. произошло укрупнение оперативных управлений органов государственной безопасности с одновременным сокращением их численности. Самостоятельные Управления – 4-е (борьба с антисоветским подпольем, националистическими и враждебными элементами), 5-е (контрразведывательная работа на особо важных государственных объектах) и 6-е (контрразведывательная работа на транспорте) – вошли в состав 2-го Главного управления с одновременным сокращением личного состава. Это объединение привело к значительному сужению сфер деятельности органов государственной безопасности. Лишено статуса главного было 3-е Главное управление (военная контрразведка), стало просто управлением. Следственный управление превратилось в следственный отдел КГБ при СМ СССР.

Определенные изменения произошли в деятельности органов госбезопасности как органов политического розыска в целях обеспечения стабильного внутривнутриполитического развития. Функция политического розыска является абсолютно нормальным явлением для любого государства в борьбе с силами, использующими насильственные методы для смены руководства, и борьбе с террористическими проявлениями.

Но направления политического розыска в наибольшей степени обусловлены сложившейся системой законодательной, исполнительной и судебной власти.

В документах КПСС этого периода ставился вопрос не о врагах, а об обработанных иностранными разведками в антисоветском духе отдельных неустойчивых в политическом и моральном отношении советских граждан, о вербовке их в качестве своих агентов – с использованием при этом всякого рода ухищрений, провокаций и диверсий на идеологическом фронте. Таким образом, изменение общего курса карательной политики отразилось и на понимании того, какого рода советские граждане представляют опасность для общества.

Понятия «внутренний враг» и «враждебный элемент» были заменены на «антисоветский элемент». Советское руководство продолжало считать определенную часть советского общества носителями

чуждых взглядов, появление которых связывалось, главным образом, с влиянием западной идеологии.

Внутренние проблемы, которые на фоне экономических трудностей возникали в идеологической сфере после развенчания культа личности Сталина, оказывали существенное влияние на деятельность органов госбезопасности в области политического розыска. Здесь в наибольшей степени проявлялись непоследовательность и возвращение (в более мягкой форме) к сталинской риторике.

После венгерских событий 1956 г. в партийные организации 19 декабря 1956 г. направляется Постановление Президиума ЦК КПСС с письмом ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». К ним было отнесено «вражеское охвостье», к которому были причислены вышедшие из мест заключения, «троцкисты, правые оппортунисты и буржуазные националисты». Вновь ставился вопрос о коммунистах, которые скатывались на антипартийные позиции¹².

В итоге резко возрастает карательная активность органов госбезопасности. В 1957–1958 гг. было арестовано и осуждено за антисоветскую агитацию и пропаганду более 42% от общего числа осужденных по этой статье за период с 1957 по 1987 г.¹³

После громогласных заявлений Хрущева о «небывалом единстве политических убеждений» советского народа, отсутствии в тюрьмах осужденных по политическим мотивам, прозвучавших в его выступлении на XXI съезде КПСС, последовали новые события.

После расстрела в июне 1962 г. мирной демонстрации рабочих электровозостроительного завода в г. Новочеркасске, возмущившихся повышением цен на мясомолочные продукты и одновременным снижением заработной платы, усиливается функция политического розыска в борьбе с инакомыслием и протестными движениями. На заседании Президиума ЦК КПСС 19 июля 1962 г. было принято решение об увеличении численности территориальных органов госбезопасности на 400 военнослужащих, а также утверждены приказы КГБ и Генерального прокурора по вопросам усиления борьбы с враждебными проявлениями антисоветских элементов¹⁴.

Рост оппозиционного движения в стране привел к ужесточению уголовного законодательства, принятие новых статей позволило аре-

¹² РГАНИ. Ф. 89. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–13.

¹³ См.: Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 годы. М., 2005. С. 36.

¹⁴ Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 702–710.

стовывать и судить граждан за инакомыслие. В 1962 г. Уголовный кодекс дополняется статьей 70 о так называемой антисоветской агитации. В 1966 г. Верховный Совет РСФСР принял Указ о дополнении Уголовного кодекса РСФСР статьей 190 (1–3), которая имела непосредственное отношение к ограничению демократических прав граждан.

Во второй половине 1960-х гг. по мере роста оппозиционного движения внутри страны принимается решение о создании специального управления по борьбе с идеологической диверсией. В создании этого управления важная роль принадлежала новому председателю КГБ Ю.В. Андропову (с 1967 по 1982 г.). В записке, направленной 3 июля 1967 г. в ЦК КПСС, он, ссылаясь на наращивание подрывных действий реакционных сил, отмечал, что противники делают ставку на создание антисоветских подпольных групп, различных националистических организаций, оживление реакционной деятельности церковников и сектантов. В связи с этим Андропов предлагал создать как в центре, так и на местах самостоятельные управления или отделы и возложить на них задачи организации контрразведывательной работы по борьбе с акциями идеологической диверсии на территории страны. Он просил также создать дополнительно 200 аппаратов КГБ в городах и районах и увеличить численность органов КГБ на 2250 человек.

На заседании Политбюро ЦК КПСС от 17 июля 1967 г. предложения Андропова о создании 5-го Управления КГБ при СМ СССР по борьбе с идеологическими диверсиями противника и увеличении численности органов КГБ были утверждены¹⁵.

В дальнейшем происходило расширение участия органов госбезопасности во всех сферах жизни советского общества. Это было связано с тем, что вся деятельность Комитета государственной безопасности в соответствии с Положением о нем, принятом в марте 1959 г., находилась под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

Бесплодность попыток реформирования органов госбезопасности была обусловлена неспособностью советского руководства осуществить радикальные экономические и политические преобразования в стране.

¹⁵ Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ... С. 711–714.

С. Шаттенберг

ПОСЛЕ СТАЛИНА И ХРУЩЕВА: БРЕЖНЕВ КАК ЛИДЕР «БЕЗ АЛЬТЕРНАТИВЫ»

14 октября 1964 г. был смещен с поста Н.С. Хрущев и на его пост Первого секретаря ЦК КПСС (с 1966 г. должность носила название «Генеральный секретарь») вступил Леонид Ильич Брежнев, который возглавлял Советский Союз на протяжении 18 лет – до 1982 г.¹

Время правления Л.И. Брежнева, начиная со времен М.С. Горбачева, считается эпохой застоя², но в наше время прославляется многими русскими как «золотой век» и может по праву считаться самой стабильной эпохой Советского Союза после сталинского террора и бесконечных реформ Хрущева³.

После трех своих предшественников – Ленина, Сталина, Хрущева – Брежнев был четвертым и, по сути, последним правителем страны, при котором Советский Союз упрочил свое положение сверхдержавы на внешнеполитической арене и неоспоримость общественного строя – во внутренней политике. Его преемники Ю.В. Андропов и К.У. Черненко были только эпигонами, точнее – карикатурами Генерального секретаря; Горбачев открыл уже новую эру.

Современники, западные политики и историки спрашивали: почему именно Брежнев – этот серый, распухший, застывший аппаратчик? Злые языки утверждают, что Брежнев случайно стал Гене-

¹ О биографии Л.И. Брежнева см.: Медведев Р. Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М., 1991. С. 5; Dornberg J. Breschnew. Profil des Herrschers im Kreml. München, 1973. S. 15; Murphy J.P. Brezhnev. Soviet Politician. Jefferson NC, 1981. P. 8; Thatcher I.D. Brezhnevas Leader // Brezhnev reconsidered / eds. E. Bacon, M. Sandle. Houndsmill, 2002. P. 22–37; Млечин Л. Брежнев. М., 2008. С. 44; Авторханов А. Сила и бессилие Брежнева. Политические этюды. Франкфурт-на-Майне, 1979; Хинштейн А.Е. Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным. М., 2011.

² См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 1. М., 1995. С. 6, 27; Захоров Н. Крестный отец развитого застоя // Днепровская правда. 12.11.1997.

³ См.: Семанов С.Н. Брежнев. Генсек «золотого века». М., 2013.

ральным секретарем, и это было несчастным случаем⁴. Однако уже доказано, что против Хрущева был организован путч во главе с Брежневым, которому фактически не было персональной альтернативы на пост главы государства⁵: считалось, что Брежнев в молодые годы обладал привлекательностью (был любимцем женщин), динамичностью и являл собой надежду партии⁶.

Почему о Брежневе было первоначальное представление как об «идеальном Генеральном секретаре», должно быть обсуждено на примере (1) его социализации и (2) стиле его правления.

Социализация

Брежнев после Сталина и Хрущева смог убедить окружение своими личными качествами, в которых ЦК партии испытывал потребность. Брежнев был глубоким человеком, в общении приветливым, терпеливым, уравновешенным, не склонным ни к каким крайностям. Он всегда был готов воспринимать заботы других и способным выслушать товарищей. Это утверждают его приятели, как и соперники⁷. То, в чем Брежнева не раз упрекали – в отсутствии лидерских качеств, недостаточности масштаба государственного мышления («был управленцем»), а также в безликости⁸, было именно привлекатель-

⁴ См.; Burlatsky F. Khrushchev and the First Russian Spring. The Era of Khrushchev Through the Eyes of His Advisor. N.Y., 1988. P. 216; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985). Свидетельство современника. М., 1991. С. 182; Медведев Р. Указ. соч. С. 108.

⁵ См.: Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 351, 354; Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 201.

⁶ См.: Карпов В.В. Вечерние беседы с Викторией Брежневой // Он же. Расстрелянные маршалы. М., 1999. С. 428; Гаврилюк А. Теперь мужик скажет. Из жизни номенклатуры // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии / сост. Ю.В. Аксютин. М., 1991. С. 262; Медведев Р. Указ. соч. С. 60; Владимиров В. Тандем. О Л. Брежневе и К. Черненко // Кодры. 1990. №. 4. С. 158; Вишневская Г. Галина. История жизни: 2-е изд., доп. М., 2008, С. 304; Игманд А.Д. «Я одевал Брежнева...». М., 2008. С. 60.

⁷ См.: Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М., 1994. С. 248; Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии... С. 86; Burlatsky F. Khrushchev and the First Russian Spring... P. 216; Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 219; Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 258; Семичастный В.Е. Беспокойное сердце... С. 371.

⁸ См.: Interest Groups in Soviet Politics / ed. by H.G. Skilling, F. Griffith.

ным для его окружения в 1964 г. по сравнению с Хрущевым, которого члены ЦК боялись за приступы ярости⁹.

Как же стал Леонид Брежнев таким лидером? Его правление можно понять только как реакцию на сталинский террор и хрущевское рвение к реформам. Хотя его официальные биографии и поддельные «мемуары» пытались утверждать противоположность, Брежнев не был рожденным лидером, и даже в свои юные годы он не интересовался политикой¹⁰. Сегодня известно, что он не приветствовал большевиков, с трудом пережил Гражданскую войну, голод и тиф, после окончания школы в 1921 г. стал не пролетарием на металлургическом заводе в г. Каменском (Днепропетровская область), а лишь грузчиком на маслобойном заводе в г. Курске¹¹. Он трижды смог выпутаться из сложных жизненных обстоятельств: в 1920 г. с семьей из-за голода переехал из Каменского в Курск¹², став заведующим окружным отделом землеустройства; летом 1930 г. из-за обострения ситуации в связи с коллективизацией с женой отправился с Урала на учебу в Москву¹³;

Princeton Univ. press, 1971; Rigby T.H. *The Soviet Leadership. Towards a Self-Stabilizing Oligarchy?* // *Soviet Studies*. 1970. Vol. 22. N. 2. P. 176–191; Rigby T.H. *How strong is the leader?* // *Problems of Communism*. 1962. Vol. 11/ N. 5; Willerton J.P. *Patronage Networks and Coalition Building in the Brezhnev Era* // ed. by Dallin A. *The Khrushchev and Brezhnev Years*. N.Y., 1992. P. 189–218; Willerton J.P. *Patronage and Politics in the USSR*. Cambridge, 1992. Джордж Брелауэр был одним из первых среди политологов на Западе, показывающих Брежнева в качестве неоспоримого лидера. См.: Breslauer G.W. *Khrushchev and Brezhnev as Leaders. Building Authority in Soviet Politics*. L., 1982.

⁹ РГАСПИ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 26. Л. 14.

¹⁰ «Мемуары» Л.И. Брежнева опубликованы впервые в журнале «Новый мир» в 1978 г. См.: «Малая земля» (№ 2); «Возрождение» (№ 5); «Целина» (№ 11). В «Новом мире» № 11 за 1981 г. были опубликованы «Воспоминания» Брежнева в 2 кн. («Жизнь по заводскому гудку», «Чувство Родины»); посмертно в № 1 за 1983 г. – доп. главы «Воспоминаний» («Молдавская весна», «Космический Октябрь», «Слово о коммунистах»). См. также: Leonid Ilyich Brezhnev. *A Short Biography*. Oxford, 1977; Leonid I. Brezhnev. *Pages from his Life, with a foreword by Leonid I. Brezhnev, written under the auspices of the Academy of Sciences of the USSR*. N.Y., 1978; Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк: 3-е изд., доп. М., 1981.

¹¹ Днепропетровский державный архив (далее – ДДА). Ф. 19. Оп. 6. Д. 341; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 17. Д. 256. Л. 1 об.

¹² См.: Буланова Н. Кам'янські етюди в стилі ретро: 2-е вид. Дніпропетровськ, 2001. С. 126; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы. М., 2004. С. 810.

¹³ ДДА. Ф. 19. Оп. 6. Д. 341. Л. 2; Медведев Р. Личность и эпоха... С. 24–25. См. также: Захоров Н. Указ. соч.; Музей Истории Дніпродзержинска (далее – МИД) КП–18391/Д–8114. [Клименко Л.З. О семье Брежневых, б/ул.]

осенью 1930 г. опять же с женой из-за невыносимых жизненных условий из Москвы вернулся на родину¹⁴.

Хотя вначале ему довелось стать землеустроителем, а потом инженером, Брежнев мечтал стать актером, и в 1920-е гг. он участвовал в движении любительского агитационного эстрадного театрального коллектива «Синяя блуза». Во время учебы в Курском техникуме на отделении землеустройства он зарабатывал статистом в театре¹⁵. Актерский талант Леонида Ильича, которым восхитилась даже Галина Вишневская¹⁶, веселил еще в 1960 и 1970-е гг. его помощников в Завидово, когда он забирался на стул и цитировал свои любимые стихи Сергея Есенина «Анна Снегина» или Дмитрия Мережковского «Сакья Муни»¹⁷.

Хотя мы не знаем, что думал Брежнев о большевиках, и можно только догадываться, почему он так поздно, в 1923 г., стал членом комсомола¹⁸, и только в 1931 г. – членом партии¹⁹, есть утверждения, что он первоначально верил в правоту коллективизации, но скоро убедился, что это суть кража и насилие²⁰.

Став инженером²¹ и отслужив в армии, в 1937 г., когда в стране стали происходить массовые аресты, он быстро поднимался по служебной лестнице – сначала в горисполкоме Днепродзержинска, потом в обкоме Днепропетровска²². Когда надо было голосовать за исключение товарищей, и даже друзей, из партии, он и не предавался клевете и крикам «арестовать!», «под суд!»²³. В его речах в 1937 г. чувствуется,

¹⁴ См.: Карпов В.В. Указ. соч. С. 411; ДДА. Ф. 19. Оп. 6. Д. 341. Л. 2; Млечин Л. Указ. соч. С. 56.

¹⁵ См.: Арбатов Г. Указ. соч. С. 356. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991. М., 2008. С. 192.

¹⁶ См.: Вишневская Г. Указ. соч. С. 304.

¹⁷ См.: Бовин А.Е. Указ. соч. С. 253; Арбатов Г. Указ. соч. С. 356.

¹⁸ ДДА. Ф. 19. Оп. 6. Д. 341. Л. 2; Авторханов А. Указ. соч. С. 68; Murphy P. Op. cit. P. 21.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 20. Л. 149; Захоров Н. Указ. соч.

²⁰ См.: Брежнева Л. Племянница Генсека. М., 1999. С. 372; Печенев В. Взлет и падение Горбачева глазами очевидца. Из теоретико-мемуарных размышлений. 1975–1991 гг. М., 1996. С. 49.

²¹ См.: Млечин Л. Указ. соч. С. 58; Leonid I. Brezhnev... P. 30–31; ДДА. Ф. R-5575. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.

²² ДДА. Ф. R-5575. Оп. 1. Д. 3. Л. 63; Тимощенко М. Брежнев из Брежнево. URL: http://gazeta.dp.ua/read/brezhnev_iz_brezhnevo (дата обращения: 13.04.2016).

²³ ДДА. Ф. 19. Оп. 2. Д. 68. Л. 2.

что он пытался избегать обвинений других, сосредоточившись на хозяйственных вопросах²⁴.

Еще на посту директора Днепропетровского техникума ему грозило исключение из партии и арест за то, что он самовольно достроил третий этаж к зданию техникума²⁵. На всех должностях в Украине (1946–50 гг.), Молдавии (1950–52 гг.) и Казахстане (1954–1956 гг.) он всегда пытался как можно лучше организовать сельское хозяйство и промышленность и поднять уровень жизни людей. Нигде он не угрожал людям исключением из партии и всегда пытался разобраться в трудностях, не прибегая к распространенным тогда методам разоблачения «врагов».

Хотя у нас нет документальных источников с высказываниями Брежнева, из его речей и действий можно делать вывод, что он был вовсе не сторонником Сталина, а наоборот – страдал при нем как руководитель и человек²⁶.

Брежнева часто урпекали в том, что он якобы никогда не отрекся от Сталина, но это не правда. После XXII съезда партии он выступил на партийном собрании в аппарате Президиума Верховного Совета СССР в декабре 1961г: «Культ личности имел тяжелые последствия для всей экономической, политической и идейной жизни страны. Сталин грубо попирает ленинские принципы партийного и государственного руководства, злоупотребления властью. Тяжелым порождением культа личности было грубейшее нарушение социалистической законности, выразившееся в массовых репрессиях, в истреблении партийных, государственных и военных кадров»²⁷.

Даже после смещения Хрущева он повторил подобное осуждение Сталина на заседании Пленума ЦК компартии в 1969 г.: «На прошлое надо смотреть трезво, не сгущая красок, но и не идеализируя того, что было. Мы хорошо помним, к чему приводил страх, который внушался методами администрирования. Он приводил к нечестности, выражавшейся в сокрытии подлинного положения вещей, попыткам загнать вглубь проблемы вместо того, чтобы ставить и решать их, к

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ См.: Пшеничный С. Первая высота Леонида Брежнева // Днепротровская правда 04.11.2006. URL: <http://dneprovka.dp.ua/t1505> (дата обращения: 24.03.2015); Брежнева Л. Указ. соч. С. 190.

²⁶ См.: Breshnew L.I. Wiedergeburt. M., 1978. S. 36–37; Murphy P. Op. cit. P. 98, 101; Державний архів Запорізької області (далее – ДАЗО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 1631. [б/у.л.]. Приложение к делу. С. 1–6.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 107. Л. 14.

очковтирательству и припискам. Он приводил также к перестраховке, к утрате всякой инициативы»²⁸.

Можно предположить, что приход к власти Хрущева Брежнев воспринимал как облегчение для всех – для себя, для деревни, для промышленности, для простых людей. При попытке свершения путча против Хрущева в 1957 г. он для поддержки Хрущева помогал в сплочении большинства членов ЦК партии²⁹, а на заседаниях Президиума и Пленума ЦК он всегда поддерживал Хрущева и завлял, что тот прав³⁰.

Таким образом, напрашивается вывод, что при Хрущеве Брежнев получил опыт как создания большинства, так и его потери. Поскольку после 1957 г., после поражения путча, с одной стороны, и успешного запуска в космос спутника Земли, Хрущев считал себя всемогущим и неуязвимым. Он перестал считаться со своими товарищами по Президиуму и ЦК и стал крушить их карьеры³¹.

Но, может, еще хуже было то, что Хрущев все больше стал грубить, подшучивать и издеваться над товарищами³². Не только Брежнев стал жаловаться и побаиваться Хрущева: «Хрущев с нами не считается, грубит, дает нам прозвища и приклеивает разные ярлыки, самостоятельно принимает решения. Он недавно заявил, что руководство наше старое и его надо омолодить. Он подбирает “ключи”, чтобы всех разогнать»³³.

И действительно, перед тем как уехать в летний отпуск в 1964 г., Хрущев заявил, что Президиум ЦК является «обществом стариков», которое следует разогнать³⁴. В результате, когда члены Пленума ЦК КПСС 14 октября 1964 г. сняли Хрущева, их не столько беспокоил нанесенный престижу СССР ущерб на дипломатическом уровне во время карибского кризиса или сельско-хозяйственные неудачи Хру-

²⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 168. Л. 57.

²⁹ См.: Пихоя Р.Г. Советский Союз. История власти. 1945–1991 гг. М., 1998. С. 172–173; Мухитдинов Н.А. Река времени. От Сталина до Горбачева. Воспоминания. Т. 1. М., 1995. С. 270; Хрущев С.Н. Никита Хрущев. Реформатор. Трилогия об отце. М., 2010. С. 438; РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 230. Л. 15, 32.

³⁰ См.: Президиум ЦК КПСС. Т. 1... С. 393, 427.

³¹ См.: Tompson W.T. Industrial Management and Economic Reform under Khrushchev // ed. Taubman W. [et al.] // Nikita Khrushchev. Yale, 2000. P. 142; Rigby T.H. Political Elites... P. 223.

³² РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44, 60, 88; и др. (по д. 742 – все с названием «реплики»).

³³ Цит. по: Шелест П.Е. Указ. соч. С. 201.

³⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 747. Л. 16.

щева, сколько волновала забота о собственной карьере³⁵. М.А. Суслов обвинил Хрущева в том, что тот «страдал зудом всевозможных реорганизаций и перестроек», и комментировал: «Вот именно: не руководство, а настоящая карусель»³⁶.

Стиль правления

Из создавшейся в октябре 1964 г. ситуации можно сделать три вывода.

Во-первых, Л.И. Брежнев должен был восстановить потерянное доверие членов ЦК партии в то, что он не будет ни как Сталин их арестовывать и расстреливать, ни как Хрущев издеваться над ними и снимать с постов.

Во-вторых, назначили Первым секретарем, а в 1966 г. – Генеральным секретарем ЦК КПСС именно Л.И. Брежнева, потому что он показался всем «демократичным»³⁷, доступным, добродушным, дружелюбным, без каких-либо склонностей к крайностям.

В-третьих, опыт участия в путчах против Хрущева (в провальном – в 1957 г. и победном – в 1964 г.) служил Брежневу уроком, что в политике следует поступать очень осторожно, чтобы не возбудить недовольство товарищей. Можно полагать, что, учитывая такой опыт, Брежнев разработал свой «сценарий власти», который представлял его правление как долгожданное воплощение коллективного правления и консенсуса³⁸.

Понятие «сценарий власти» было введено Ричардом Уортманом, чтобы объяснить технику правления русских царей, которая основывалась не на физическом насилии, а на мифах, ритуалах и инсценировках³⁹. Как и эпохам царствований, эпохе правления Брежнева была в значительной степени характерна ритуальность. При этом было существенным, что все потенциальные соперники тоже уча-

³⁵ См.: Taubman W. Khrushchev. The Man and his Era. N.Y.; L. 2003. P. 648; Crankshaw E. Khrushchev. A Career. N.Y., 1966. P. 279, 286.

³⁶ Как снимали Хрущева. Материалы Пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив 1993. №. 1. С. 11–12.

³⁷ См.: Бовин А. Указ. соч. С. 258.

³⁸ См.: Schattenberg S. Trust, Care, and Familiarity in the Politburo. Brezhnev's Scenario of Power // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. N. 4. P. 835–858.

³⁹ См.: Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton Univ. press, 1995. P. 4.

ствовали в инсценировках и сами становились актерами в разыгрывании сценария.

Этот вид правления был сильно перформативным, так как он снова и снова проявлялся в отдельных действиях как во время неофициальных встреч, на заседаниях, в речах, обсуждениях, голосованиях, решениях и т. д. Брежнев не подписывал ничего, что заранее не было совместно обговорено, – и всегда все члены Политбюро осуществляли совместное подписание документов⁴⁰.

Федор Бурлацкий вспоминал: «Как раз при нем расцвела пышным цветом практика многотрудных согласований, требовавшая десятков подписей на документах, что стопорило или искажало в итоге весь смысл принимаемых решений»⁴¹. Постоянное заверение в коллективном руководстве и консенсусе, кажется, на первый взгляд, не отличалось от практики правления Сталина и Хрущева. Но в отличие от Сталина Брежнев достигал консенсуса не через страх, а в отличие от Хрущева он не запугивал членов Президиума издевками, оскорблениями и обидными кличками.

Лояльность, которую добились силой Сталин и Хрущев, Брежнев добился благодаря дружеской, вплоть до отеческой, манеры поведения. Например, ему удалось в 1966 г. сделать своего клиента Н.А. Щелокова Министром внутренних дел СССР, несмотря на то что Секретарь ЦК А.Н. Шелепин и председатель КГБ В.Е. Семичастный предлагали другого кандидата. Сделав вид, как будто он согласен с их кандидатом, Брежнев пригласил членов Политбюро на охоту к себе на дачу и пил и беседовал с ними до тех пор, пока не добился соглашения в пользу своего днепропетровского сподвижника⁴².

Он даже свой отпуск согласовывал с Политбюро ЦК и тем самым как бы подчинялся символическим жестом воле своих товарищей. 22 июня 1979 г. Брежнев заявил в Политбюро, что он хотел бы с 25 июня поехать в отпуск в Крым, и если товарищи не будут против, то он хотел бы уехать на следующий день. Те ответили единогласно: «Правильно, Леонид Ильич, Вам нужно будет отдохнуть. Время уже такое, что пора отдыхать»⁴³. Притом речь шла меньше о действительном согласовании о смысле или бессмысленности летних отпусков – существенным был ритуал, посредством которого Брежнев подчинялся воле коллектива.

⁴⁰ См.: Heikal M. The Road to Ramadan. N.Y., 1975. P. 94.

⁴¹ Бурлацкий Ф. Брежнев и крушение оттепели // Аксютин Ю.В. Материалы к биографии. С. 113.

⁴² См.: Семичастный В.Е. Указ. соч. С. 393–394.

⁴³ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 25. Д. 4. Л. 1.

Каждая его речь была заранее обговорена и откорректирована⁴⁴. В отличие от Сталина, который сам писал свои речи, и от Хрущева, который, по крайней мере, сам излагал основные мысли⁴⁵, Брежнев сделал процесс написания речей коллективным процессом. А.М. Александров-Агентов вспоминал о совместном написании речей, как о мучительной процедуре: «Споры были долгие и горячие. Однажды мне пришлось присутствовать на заседании, где коллективно, в составе примерно 15 человек (члены и кандидаты в члены ПБ, секретари ЦК) создавался текст письма. <...> Это было ужасное зрелище! Текст писался несколько часов подряд, причем каждый стремился внести свою лепту, нередко противоречащую другим»⁴⁶.

Власть Брежнева основывалась на том, что он даже свою политику клиентелы – отстранение потенциальных соперников и поощрение своих людей – инсценировал как решения консенсуса, при этом выдавая себя как партийного руководителя, действующего в интересах кадров⁴⁷.

Действительная потеря власти была часто обличена в виде формального повышения: члены Политбюро становились заместителями министров, бывшие министры становились партийными секретарями, члены ЦК становились послами на Западе⁴⁸. Когда, например, в 1967 г. Брежнев сместил секретаря Московского горкома партии Н.Г. Егорычева, он позвонил ему: «Вы уж простите, но так надо было... Но видите, нет ли у Вас проблемы, в семье или где-то еще?»⁴⁹ И в самом деле, дочь Егорычева только что вышла замуж. Брежнев предоставил ей квартиру; Егорычев сам стал послом в Дании⁵⁰.

Таким способом Брежнев лишал власти с 1965 по 1977 гг. всех соучастников заговора. Первый секретарь Украины П.Е. Шелест пишет

⁴⁴ См.: Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 249; Бовин А.Е. Указ. соч. С. 163.

⁴⁵ См.: Авторханов А. Указ. соч. С. 99.

⁴⁶ Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 148.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 754. Л. 17; Brown A. The Power of the General Secretary of the CPSU // Political Leadership in the Soviet Union. Oxford, 1989. P. 149; Hough J. The Brezhnev Era. The Man and the System // Problems of Communism. 1976. Vol. 25. N. 2. P. 6; Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. С. 490.

⁴⁸ См.: Медведев Р. Фарс с примесью трагедии // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии... С. 139.

⁴⁹ Цит. по: Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 115.

⁵⁰ См.: Егорычев Н. «У нас были разные взгляды». Из интервью корреспонденту «Огонька» Л. Плешакову // Л.И. Брежнев. Материалы к биографии... С. 204.

о том, как он сам подыгрывал при инсценировке его собственного увольнения в 1972 г. В перерыве на Пленуме ЦК Брежнев позвал его к себе и сказал, что, мол, он уже 10 лет в Украине, и настала пора для смены декораций; если долго работаешь на одном месте, то тогда теряешь чувство меры и начинаешь действовать людям на нервы, и люди начинают тебя самого раздражать, короче, он, Шелест, должен был получить работу в Москве⁵¹. Шелест пишет: «С большой болью в сердце я сказал: „Ну что же, если по-другому нельзя поступить, сделайте как хотите“. Он встал, расцеловал и почему то сказал „спасибо“»⁵².

Но Брежнев использовал еще другой инструмент, чтобы отмежеваться, с одной стороны, от террора Сталина, и с другой – от унижений Хрущева. Он пытался казаться другом и членом семьи и делал при этом ставку на доверие и фамильяризацию⁵³. Это выразилось прежде всего в виде постоянного контакта и личных встреч, начиная с того, что Брежнев ежедневно, даже если он был в отпуске, тратил несколько часов на телефонные разговоры, звоня своему окружению и партийным секретарям⁵⁴. Брежнев собирал каждый четверг всех секретарей ЦК, которые ради этого приезжали со всей страны⁵⁵. Накануне заседаний Верховного Совета встречались всегда 15–20 секретарей обкомов и крайкомов у Брежнева дома и вели откровенный разговор⁵⁶. Брежнев также позволял всем членам Политбюро называть его «Лёней»⁵⁷.

Тогда как при Сталине это было бы немыслимо, а Хрущев в конце правления стал допускать каждому давать оскорбительные клички⁵⁸, Брежнев ввел в свою практику общения называть большинство уменьшительно-ласкательными именами: Андропова – Юрой, Черненко – Костей, Громыко – Андрюшей и т. д.⁵⁹

⁵¹ Шелест П.Е. Указ. соч. С. 518.

⁵² Там же. С. 519.

⁵³ См.: Luhmann L. Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität: 4. Auf. Stuttgart, 2009. S. 23, 27; Hartmann M. Die Praxis des Vertrauens. Berlin, 2011. S. 115–116.

⁵⁴ См.: Burlatsky F. Khrushchev and the First Russian Spring... P. 217; Медведев Р. Указ. соч. С. 279; Горбачев М.С. Указ. соч. С. 180; Шелест П.Е. Указ. соч. С. 179, 191; Шахназаров Г.Х. Указ. соч. С. 232.

⁵⁵ См.: Млечин Л. Указ. соч. С. 194.

⁵⁶ См.: Чурбанов Ю. Мой тесть Леонид Брежнев. М., 2007. С. 84.

⁵⁷ См.: Шелест П.Е. Указ. соч. С. 199.

⁵⁸ См.: Никита Хрущев. 1964: стенограммы Пленума ЦК КПСС и др. док. М., 2007. С. 256.

⁵⁹ См.: Медведев В.Т. Человек за спиной. Воспоминания начальника личной охраны Брежнева и Горбачева. М., 1994. С. 120.

Брежнев ездил с членами Политбюро и их семьями на дачу, в отпуск и ходил с ними на охоту. Кроме того, они вместе ходили на футбольные и хоккейные матчи на стадион⁶⁰. Он охотно выдавал себя как хозяин, который лично встречал гостей у дверей, снимал с гостей пальто и подавал к столу домашнюю пищу⁶¹. Особенно с большим удовольствием он распределял свою добычу после охоты. При этом он не только раздавал точные указания, сколько уток и кому или какой кусочек кабанятины, но и он звонил потом и спрашивал, доставилось ли мясо⁶². Здесь совмещались две разные практики: обязанность и привязанность, которые были созданы дарами, и одновременно нивелирование иерархии и запанибратство – тем, что он лично звонил, как будто сам является службой доставки.

* * *

Как сегодня это ни кажется странно, но очевидно, что в 1964 г., после террора Сталина и беспощадного реформизма Хрущева, Брежнев показался членам ЦК как лидер «без альтернативы», который обещал мир, покой и безопасность. Стратегия Брежнева – осилить страх за жизнь и карьеру после Сталина и Хрущева – была, с одной стороны, очень удачной. Его «сценарий власти», инсценировка коллективного руководства и фамильяризация в Политбюро ЦК КПСС были настолько удачными, что его окружение не только не пытались сместить его, но даже не отпускали его в отставку. Он якобы дважды подавал заявление об отставке, и дважды Политбюро отклоняло его заявление, чтобы не ставить под угрозу равновесие сил в Политбюро⁶³.

С другой стороны, «сценарий власти» Брежнева непосредственно привел к застою. Его меры по укреплению доверия способствовали тому, что кадры на своих постах старели и закрывали дорогу моло-

⁶⁰ См.: Dornberg J. *Op. cit.* S. 16; Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995. С. 181; Медведев В.Т. Указ. соч. С. 48.

⁶¹ См.: Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 113; Burlatsky F. *Op. cit.* P. 221.

⁶² РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 982; РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 982. Запись от 10.01.1977; Игманд А.Д. Указ. соч. С. 70; Медведев В.Т. Указ. соч. С. 75; Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 87.

⁶³ См.: Александров-Агентов А.М. Указ. соч. С. 273; Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 495; Великжанина А. «Преемником Брежнева должен был стать Щербицкий» [Интервью с личным фотографом Л. Брежнева Владимиром Музаэльяном] // Комсомольская правда в Украине. 2014. 4 июля. URL: <http://kp.ua/life/460075-lychnyi-fotohraf-henseka-vladymyr-musaelian-brezhnev-vstrechalsia-s-kantslerom-frh-bez-halstuka-v-plavkakh> (дата обращения: 05.02.2015).

дым. Эта проблема еще более усилилась, когда стали проявляться жажда славы и его зависимость от медикаментов. Начавшийся в 1973 г. культ личности, который сопровождался многочисленными вручениями премий и военных званий и орденов, все больше и больше превращал Генерального секретаря ЦК партии в посмешище⁶⁴.

Последствия зависимости от снотворных, которые стали, начиная с 1974 г., очевидными, привели к тому, что он все больше казался апатичным и неменяемым⁶⁵. Несмотря на это, Брежнев был таким неприкосновенным, что ему никто не посмел подсказать, насколько он смешно выглядел со всеми орденами, и никто в Политбюро не ставил под сомнение его власть. В конце концов можно сказать, что личный успех Брежнева и его «сценария власти» стали гибелью для политической системы Советского Союза. Иначе говоря, попытка, окончательно побороть страх, принесенный Сталиным, привела к крушению самого государственного социализма.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 296. Л. 163.

⁶⁵ См.: Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 88, 119; Медведев В.Т. Указ. соч. С. 95.

**I. ИДЕОЛОГИЯ ПЕРЕМЕН.
ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС
И ДИССИДЕНТСТВО**

О.Л. Лейбович

«НЕДЕЛИ СВОБОДЫ»: ДЕБАТЫ О СТАЛИНИЗМЕ В МАРТЕ–АПРЕЛЕ 1956 г.

В литературе о XX съезде КПСС уделяется явно недостаточное внимание обсуждению доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в партийных и комсомольских организациях и на собраниях так называемого актива – учителей, медиков, литераторов, агрономов и инженеров, а также рабочих и колхозников, не состоявших в рядах КПСС¹.

В историческом исследовании можно прочесть, что Президиумом ЦК КПСС тогда же было запрещено «задавать вопросы и обсуждать» текст доклада². В воспоминаниях слушателей, записанных десятилетия спустя, также упоминается о гнетущем молчании, царившем в аудиториях: «Молча все выслушали, молча разошлись», – рассказала интервьюеру Рада Аджубей³. «В зале (заседаний XX съезда. – *О.Л.*) стояла гробовая тишина, – передавал свои впечатления от доклада сотрудник аппарата ЦК А.Н. Яковлев. – Я не слышал ни скрипа кресел, ни кашля, ни шепота. Никто не смотрел друг на друга – то ли от неожиданности случившегося, то ли от смятения и страха... Уходили с заседания, низко опустив головы. Шок был невообразимо глубокий»⁴.

В мемуарах К. Ширдевана – члена официальной делегации ЦК СЕПГ на съезде советских коммунистов, например, можно прочесть: «У нас не нашлось ни одного слова, ни одного замечания по поводу этих шокирующих фактов, о которых мы только что узнали»⁵. Люди,

¹ См.: Постановление Президиума ЦК КПСС «Об ознакомлении с докладом тов. Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС (С-т от 5 III. 56 г., пр. № 2, п. 26гс) // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. 18.

² См.: Herzberg G. Anpassung und Aufbegehren: die Intelligenz der DDR in den Krisen Jahren 1956/58. Berlin, 2006. S. 124.

³ См.: Лурье Л. Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб., 2007. С. 171.

⁴ Яковлев А. Сумерки. М., 2005. С. 269.

⁵ Членам делегации СЕПГ зачитали доклад Н.С. Хрущева ночью в го-

потрясенные разоблачениями, молчали. Это суждение стало общим местом в повествованиях о непосредственной реакции партийцев на разоблачения культа личности, начиная с 70-х гг. прошлого века и заканчивая нашими днями⁶.

На самом деле здесь мы имеем дело с заблуждением, своего рода исторической легендой. Ситуация в Колонном зале Дома Союзов, где проходил съезд, и в клубных помещениях, куда собирали рядовых партийцев, складывалась по-разному. В действительности никто не запрещал слушателям задавать вопросы и высказываться по поводу услышанного.

Иное дело, что в делах первичных партийных организаций Молотовской области мне, например, не удалось, за редчайшим исключением, обнаружить протокольных записей обсуждения доклада Н.С. Хрущева. Объяснить их отсутствие можно только тем, что к марту 1956 г. сложилась процедура зачитывания и обсуждения «закрытых писем» ЦК КПСС по делам Л.П. Берия, Г.М. Маленкова, Г.Ф. Александрова. Речь шла исключительно об информации. От коммунистов не требовалось выносить каких-либо решений. Сами письма после прочтения подлежали возврату в соответствующий отдел ЦК партии. По этой причине собрания, как правило, не протоколировались. Присутствующие на них работники партийного аппарата записывали вопросы и реплики участников. По ним составлялись сводки, передаваемые по инстанциям от районных комитетов в обком, а затем после редактирования – в ЦК КПСС.

Так было и на этот раз. В фондах Молотовского областного комитета партии и городского комитета областного центра отложились многочисленные машинописные копии «Справок», «Информаций», «Отчетов» о собраниях коммунистов и беспартийных, прослушавших доклад Хрущева. На многих документах нет даты; отсутствуют личные подписи составителей – вместо них только фамилия и должность, но нет ни вставок, ни зачеркиваний. Это не черновики, но именно копии материалов, адресованных в ЦК КПСС. В них воспроизводятся характерные высказывания слушателей и вопросы, заданные лицу, читающему доклад. В одной из справок, отосланных в обком, читаем: «Вопросы записаны так, как они были заданы»⁷.

стевом доме. Инструктор ЦК КПСС переводил прямо с листа. См.: Schirde-
wan K. *Aufstand gegen Ulbricht*. Berlin, 1994. S. 78.

⁶ См.: *Entstalinisierung: Der XX. Parteitag der KPdSU und seine Folgen* / eds. R. Medwedew, R. Havemann, [et al.]. Frankfurt/Main, 1977; *Die Wahrheit über den Genossen Stalin* // *Zeit* – online. 16.02.2006. URL: <http://www.zeit.de/2006/08/A-Geheimrede> (дата обращения: 02.01.2016).

⁷ Информация о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС Гайнской

Некоторые из этих материалов опубликованы⁸. В них воспроизведена непосредственная реакция рядовых коммунистов и местной интеллигенции на разоблачения, озвученные Хрущевым. Тексты отчетов о проведенных собраниях позволяют увидеть характерную особенность обсуждения доклада «О культе личности и его последствиях», а именно свободный характер высказываний, возможно, инициированный двумя обстоятельствами: самим содержанием доклада, открыто повествующим о страшных партийных тайнах, и отсутствием ясных инструкций для работников партийного аппарата, как следует правильно интерпретировать изложенные факты.

Секретарь Молотовского обкома К.И. Галаншин объяснял свое невразумительное выступление перед коммунистами университета тем, что «...в обкоме партии нет других документов, кроме закрытого письма», поэтому он ничего к нему добавить не может⁹. Так, в одной из справок находим вначале критическую реплику неназванного оратора: «Партии не надо было так возвышать культ Сталина, что в этом повинен не только Сталин, но и члены политбюро ЦК того времени», а затем благостную итоговую оценку наблюдателя: «Каких-либо отрицательных высказываний в адрес руководства партией и правительством не установлено»¹⁰.

Для политических дискуссий было введено лишь одно ограничение – пространственное. То, о чем говорилось в помещении клуба или красного уголка, нельзя было обсуждать в иных публичных местах: на улице или в поезде. Сотрудники КГБ бдительно отслеживали такого рода нарушения и информировали партийные органы о виновниках: «9 марта 1956 года поступили данные о том, что в пути следования поезда № 80 Минеральные воды – Астрахань, в вагоне № 6 едет неизвестный гражданин, который, будучи в нетрезвом состоянии, среди пассажиров вагона рассказывает содержание закрытого письма ЦК КПСС, сопровождая его своими комментариями»¹¹. Впрочем, вско-

районной партийной организацией. 27.03.1956 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 114. Л. 59.

⁸ См.: Лейбович О.Л. Отзывы на доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в Молотовской области. Март–апрель 1956 г. // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 193–204; 2011. № 1. С. 254–269.

⁹ См.: Протокол партийного собрания Молотовского госуниверситета. 29.03.1956 // ПермГАНИ. Ф. 717. Оп. 1. Д. 120. Л. 16.

¹⁰ Справка о замечаниях, высказанных коммунистами и беспартийным активом [Больше-Сосновского района] при ознакомлении с докладом тов. Хрущева по вопросу о культе личности. 09.04 1956 // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 116. Л. 7.

¹¹ Там же. Д. 90. Л. 32.

ре о содержании доклада Хрущева знали и домохозяйки, и школьники. Учитель истории сельской школы спрашивал партийного секретаря: «Ребята знают цифры арестованных членов ЦК и делегатов XVII съезда, спрашивают, правда ли это? Как отвечать?»¹²

На собраниях говорить можно было открыто, не стесняясь ни партийных норм, ни присутствия растерянного начальства. Официальные документы передают всю гамму чувств слушателей – от потерянности до веселого оживления. Вот партиец спрашивает: «Раньше мы понимали про Сталина всю правду, верили этому, сейчас мы прочитали доклад тов. Хрущева, он говорит о другом. Кому же нам сейчас верить?»¹³ В те же дни студенты университета откровенно потешаются над вождем: «Так, 2 апреля в Молотовском госуниверситете проведено с комсомольцами три читки доклада т. Хрущева. Читки прошли организованно, но следует отметить, что чтение доклада неоднократно прерывалось смехом комсомольцев, как например, при фраззах: "...операции планировал по глобусу", "...возьмет горсть земли, понюхает ее", "...вот шевельну мизинцем", "...Тито не слетел"... "тени сомнения, зазнайства... и одобренная (книга) комиссией ЦК ВКП(б)"»¹⁴.

Складывается, однако, впечатление, что в отличие от делегатов XX съезда жители Молотовской области проявляли умеренные чувства, не вписывающиеся в представления о культурном шоке. Исключения встречаются очень редко, в исключительных случаях. В одной из справок сообщается о том, что «...на данном совещании присутствовал Корчморский (так в тексте. – *О.Л.*), работающий зам. начальника цеха 30. В 1937 г. был арестован и находился под стражей 14 лет. В настоящее время восстановлен. При чтении доклада тов. Хрущева ему сделалось дурно»¹⁵.

Зафиксирован единственный случай резкого протеста: «При зачитке доклада тов. Хрущева член КПСС Кузнецов заявил: "Я все

¹² Информация о проведении собраний по итогам XX съезда КПСС и докладу Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». 05.04.1956 // Там же. Д. 114. Л. 14.

¹³ Информация о проведении партийных собраний «Об итогах работы XX съезда КПСС и задачах партийных организаций» в Соликамской городской партийной организации. 02.04.1956 // Там же. Д. 115. Л. 34.

¹⁴ Информация о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС. г. Молотов. Апрель 1956 [б/д] // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 43.

¹⁵ Информация о ходе ознакомления с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в партийных организациях г. Молотова [б/д] // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 93. Речь идет о М.М. Корчмарском, до ареста 11.08.1938 – старшего инженера металлургического производства на заводе № 172 им. Молотова. См.: Корчмарский М.М. АСД // Там же. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14255.

время считал тов. Сталина вождем – и потому все, что написано в докладе тов. Хрущева, не верю, можете меня исключать из партии, я не верю”. После этого Кузнецов ушел и не стал присутствовать при ознакомлении с докладом тов. Хрущева»¹⁶. В целом же партийцы поверили разоблачениям. Итоговая информация Молотовского горкома КПСС констатировала: «До сих пор имеется много выступлений, осуждающих действия Сталина»¹⁷.

Как правило, защитники Сталина высказывались более осторожно: «не надо принимать крутых мер, чтобы снимать портреты, убирать памятники, переименовывать предприятия и колхозы, т. к. это может создать мнение, что Сталин не только допускал ошибки, но, видимо, много навредил. Это же, в свою очередь, может создать неуверенность у народа в авторитете руководителей партии и правительства»¹⁸.

Самым ярким проявлением чувств, отраженным в документах, можно считать покушение на большой портрет Сталина, висевший над сценой в электродепо. Его кто-то изрезал ножом «...в области глаз и шеи». Испорченный портрет передали в КГБ¹⁹.

Сдержанность чувств и бедность эмоций, скорее всего, были вызваны рядом обстоятельств и, прежде всего, подготовленностью к разоблачениям. Коммунистам и беспартийному активу уже прочитали пространное обвинительное заключение по делу Л.П. Берия; за год до съезда члены партии узнали много нелицеприятного об отставленном главе правительства Г.М. Маленкове. Летом 1955 г. их информировали «О недостойном поведении тт. Александрова Г.Ф., Еголи-

¹⁶ Информация о ходе проведения партийных собраний по итогам работы XX съезда КПСС и ознакомлению с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в Соликамской городской партийной организации по состоянию на 05.04. 1956 [б/д] // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 87. Впрочем, в той же справке говорится, что мятеж был тут же подавлен: «С тов. Кузнецовым проведена беседа в ГК КПСС и инструктором обкома КПСС тов. Телеповым, который после этой беседы осознал, что он поступил неправильно, мотивируя своим нервным состоянием. Ушел с беседы убежденным в правильности доклада тов. Хрущева». См.: Там же.

¹⁷ Информация об итогах обсуждения Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» в г. Молотове [б/д] // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 28.

¹⁸ Информация о проведении партийных собраний в первичных партийных организациях Верхне-Муллинского района по итогам работы XX съезда партии и ознакомление коммунистов, беспартийного актива с текстом доклада тов. Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях» 04.04.1956 // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 31.

¹⁹ Информация о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС. г. Молотов... Л. 44.

на А.М. и других»²⁰. То, что наверху неблагополучно, к началу работы XX съезда перестало быть тайной.

Свои впечатления от прежних разоблачений в экспрессивной манере передал инженер ОКБ завода им. Сталина И.С. Апанасенко: «Я, собственно, только хотел узнать, не сможете ли Вы мне помочь найти правду... помочь мне поверить в нее снова. (Я раньше был верующий в нее). <...> У меня есть подозрение, что она провалилась сквозь землю (от стыда), узнав, что Берия предатель и б... был всю жизнь, хотя и был правой рукой Сталина, что Маленков тоже готовится в такие же б...ди, что Александров про...л всю культуру как проститутку...»²¹

Критика культа личности, таким образом, была подготовлена предшествующими закрытыми письмами. Тем более что для многих рядовых партийцев рассказы Хрущева о большом терроре 1934–1938 гг. были уже давней историей, не то чтобы забытой, но попросту неизвестной. Иначе бы не спрашивали коммунисты: «Что сделано с Ягодой, если органы ничего не делали 4 года?»²² Тем они отличались от делегатов съезда, среди которых было множество выдвиженцев 1937 г., вряд ли забывших свои истории вхождения во власть²³.

Все написанное вовсе не означает, что люди не были удивлены, разочарованы, растеряны или возмущены. Все эти чувства легко прочитываются в вопросах и репликах участников собраний. Более всего заметно иное: жгучий интерес к запретным страницам недавней истории, или проще – к жизни вождей. Человек интересуется, «почему Сталин ходил в сапогах, а не в ботинках?»²⁴ Вместе с ним просматри-

²⁰ См.: Александров Георгий Федорович. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1031727/4/Zenkovich_-_Samye_zakrytye_lyudi.html (дата обращения: 01.01.2016).

²¹ Апанасенко – в редакцию газеты «Правда». г. Молотов [б/д] // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26322. Л. 58.

²² Информация. г. Александровск. 26.03.1956 // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 114. Л. 92.

²³ Так, среди делегатов съезда, избранных в ЦК, находился Г.А. Денисов – секретарь Саратовского обкома КПСС, солидный партийный чиновник. В 1937 г. молодым человеком – драчуном и выпивохой, он занял должность секретаря Краснокамского горрайкома, погубив свою предшественницу, а затем в течение без малого двух лет отбивался от таких же молодцов, пытавшихся, в свою очередь, подвести его под пулю. «Убедительно прошу прекратить травлю вокруг меня, воздвигнутую этими клеветниками», – писал он в отчаянии и.о. начальника Пермского горотдела НКВД. См.: Денисов – Былкину. 29.05.1938 // Там же. Ф. 105. Оп. 5. Д. 98. Л. 32.

²⁴ Заключительная информация по проведению мероприятий в первичных партийных организациях «По итогам XX съезда КПСС в Еловском районе на 10 апреля 1956 года» // Там же. Д. 116. Л. 73.

вается интенсивная работа памяти: вспомнить полузабытое, потаенное, казалось бы, стертное: имена, события... «По каким мотивам были арестованы наши руководители района (председатель райисполкома, секретарь райкома и др.) в 1934 году?»²⁵ И самое неожиданное: буквально на глазах мучительно, даже косноязычно рождается критическая мысль, стремление понять, что же в действительности произошло, точнее, происходит, с партией и страной: «Раньше считали, что все действия правильные, а чем доказать, что действия Правительства в данное время тоже правильные?»²⁶

Дебаты по докладу Н.С. Хрущева разворачивались в трех плоскостях: исторической, политической и повседневной²⁷. Деление это условно, поскольку тогдашняя советская культура только вычерчивала границы между публичностью и приватностью, между идеологией и экономикой, между местными и общегосударственными интересами. Политика еще сохраняла свое первенствующее значение, обволакивая все стороны жизни от сугубо частных до общесоциальных. Не случайно поэтому партийцы зачастую смешивали в своих суждениях и вопросах самые разные темы.

В соответствии с содержанием доклада Хрущева в многоголосье собраний преобладали исторические сюжеты. Слушатели спрашивали про то, что осталось недосказанным или не до конца проясненным, выстраивали пока еще недлинные ассоциативные ряды. Все они прорабатывали «Краткий курс» истории ВКП(б), а тут перед ними приоткрылась какая-то другая история, складывающаяся из человеческих судеб, трагедий, страстей, стычек и споров.

Люди задавали вопросы: «Кабаков, Столяр и другие бывшие секретари Свердловского обкома партии остались врагами народа, или они пострадали безвинно?»²⁸ В г. Березники спрашивали более жестко: «Правильно ли уничтожены великие деятели Блюхер, Тухачевский и другие?»²⁹ В г. Молотове интересовались: «Действительно ли, что Зиновьев и Каменев были врагами – и была ли необходимость их

²⁵ Информация от Ординского райкома КПСС [б/д] // Там же. Д. 114. Л. 11.

²⁶ Вопросы, заданные при ознакомлении с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях». 1956 [б/п; б/д] // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 33.

²⁷ Повседневные сюжеты в настоящей статье не обсуждаются.

²⁸ Информация о проведении партийного актива городской [Соликамской] партийной организации. 27.03.1956 // Там же. Л. 44.

²⁹ Информация о проведении партийных собраний в Березниковской городской организации по вопросу «Об итогах работы XX съезда КПСС и задачах парторганизации». 05.04.1956 // Там же. Д. 115. Л. 76.

уничтожения? То же самое о Бухарине»³⁰. Много реже встречаются вопросы, касающиеся событий недавней истории: «Нет ли связей с культом личности в спешке с коллективизацией страны?»³¹

Главное, что хотели знать коммунисты, «как же теперь Сталина считать: враг, или нет?»³² Об этом не только спрашивают, но и рассуждают: «После окончания читки доклада в парторганизации обл. промсовета, член КПСС т. Мелехин, встретив на улице беспартийного товарища, сказал ему: “Слышал про Сталина, он работал не на нас...”»³³ В сложившейся картине мира советских граждан не было полутонов: или герой, или враг. В исключительном случае, душевнобольной: «А не был ли Сталин ненормальным психически в конце своей жизни и не страдал ли манией величия?»³⁴

От исторических сюжетов люди переходили к обсуждению современных политических проблем, прежде всего все в том же человеческом измерении. Офицер Советской Армии рубил с плеча: «Я считаю, что в поступках Сталина виноваты и члены ЦК КПСС. Я обвиняю т.г. Хрущева и Булганина, а также и Маленкова. Маленков всю войну был со Сталиным, и нужно этим товарищам сказать конкретно, что они тоже виноваты, что они проявили трусость»³⁵. Эту оценку разделяли, судя по документам, едва ли не все слушатели доклада. «Массовые удивления высказываются в той части доклада, почему члены ЦК не выступили решительно против культа личности», – читаем в Информации, поступившей в обком партии³⁶.

³⁰ Вопросы, заданные при ознакомлении с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях»... // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 32.

³¹ Информация по ознакомлению коммунистов и беспартийного актива г. Краснокамска с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях». 11.04.1956 // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 116. Л. 31.

³² Информация о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС и по ознакомлению с докладом тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях» в первичных партийных организациях Краснокамска. 06.04.1956 // Там же. Д. 115. Л. 49.

³³ Информация о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС... // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 44.

³⁴ Информация о проведении читки в Боровской городской парторганизации доклада тов. Хрущева Н.С. «О культе личности и его последствиях». 10.04.1956 // Там же. Д. 116. Л. 28.

³⁵ Информация о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС и доклада тов. Хрущева «О культе личности и его последствиях». г. Нытва. 05.04.1956 // Там же. Д. 115. Л. 83.

³⁶ Информация о проведении собраний по итогам XX съезда КПСС и докладу Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях»... // Там же. Д. 114. Л. 16.

А вот выдержка из Справки, подготовленной для ЦК партии: «Преподаватель истории Чернушинской средней школы тов. Харитонов в своем выступлении сказал: “Возмутительно, что вопрос о культе личности был поднят только XX съездом КПСС, неужели это нельзя было раскрыть раньше”. Аналогичные высказывания имели место и на других районных и городских собраниях актива. Много по этому поводу вопросов было задано также докладчикам»³⁷.

Примечательно, что в том же духе высказывались и граждане ГДР, узнавшие из газет, что Сталин больше не является классиком марксизма-ленинизма. В сводке Министерства госбезопасности, отправленной в ЦК СЕПГ, сообщалось, что члены партии задаются вопросом, «почему ЦК критикует Сталина только после его смерти?»³⁸

К дискуссии о личной ответственности «старых членов Президиума ЦК» добавлялись рассуждения иного порядка: нет ли в общественном устройстве государства каких-либо предпосылок для режима личной власти. То, что «культ личности» не ограничивается одним лицом, понимали очень многие:

«Говоря о культе личности, т. Гусев заявил, – он прославлялся не только в ЦК, но и в областном комитете партии и даже ниже»³⁹. На заводах, например: «За руководителями отдельных предприятий укрепляется кличка “хозяин”, а эти “хозяева” часто забывают, что в своей работе они ответственны перед государством и коллективом»⁴⁰.

Может быть, есть социальные силы, в режиме личной власти заинтересованные. «Называя вещи своим именем, нужно говорить о диктатуре Сталина? Если это так, то марксизм учит, что любой диктатор всегда (а тем более свыше 25 лет) может управлять, только имея поддержку среди каких-либо классов или слоев народа. На кого же опирался Сталин? Ведь на одном только аппарате Берия держаться четверть века нельзя»⁴¹. На собраниях прямо указывали на

³⁷ Молотовский обком КПСС–ЦК КПСС. Отдел парторганов по РСФСР. Информация об итогах проведения городских и районных собраний партийного актива по итогам XX съезда КПСС. 10.04.1956 // Там же. Д. 90. Л. 56.

³⁸ Wollé St. Die SED im Krisenjahr 1956 / Horch-und-Guck. 2006. Н. 53. URL: <http://www.horch-und-guck.info/hug/archiv/2004-2007/heft-53/05302-wolle/> (дата обращения: 03.01.2016).

³⁹ Справка о проведении собрания партийного актива Ворошиловской районной партийной организации Молотовской области «Об итогах XX съезда КПСС и задачах районной партийной организации» // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 114. Л. 19.

⁴⁰ Справка о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС. г. Молотов... // Там же. Л. 73.

⁴¹ Вопросы, заданные на проходивших партийных собраниях по итогам

руководящих работников, получающих большую заработную плату и пользующихся всевозможными привилегиями: «Жены работников облизполкома ездят в кафе на “ЗИМ”, официантки грузят пироги в машину. Допустимо ли это? Есть рабочие, имеющие семью до 7 чел., получают зарплату 350 руб., а некоторые другие работники получают неоправданно большие оклады»⁴².

Другие участники дискуссии искали объяснение в характере политической системы: в сверхцентрализации, глушении местных инициатив, распространении ритуальных практик вместо делового обсуждения вопросов на тех же партийных собраниях, недоверии к рядовым работникам: «Президиумы собраний у нас пекутся кабинетным порядком; списки для тайного голосования по выборам партийных комитетов на пленарных заседаниях конференций обсуждаются с молниеносной быстротой. <...> Это неправильно, это не по-ленински, товарищи!»⁴³

В с. Уинск спросили прямо: «Почему у нас в стране одна единственная партия, не является ли это ущемлением демократии?»⁴⁴

Из справок, составленных работниками партийного аппарата, не ясно, как отвечали на такие вопросы члены президиума, «испеченные кабинетным порядком», и отвечали ли вообще. Спонтанные дискуссии, развернувшиеся в партийных и беспартийных собраниях в марте–апреле 1956 г. и тут же свернутые решением Президиума ЦК, свидетельствовали, прежде всего, об амбивалентности политической культуры активных советских граждан. Они в массе своей поверили разоблачениям вождя, а с ним и всего предшествующего периода советской истории.

Можно согласиться с мнением Л.М. Кагановича: «Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы, не желая этого, перед всем миром»⁴⁵. Поверили потому, что об этом было сказано с трибуны съезда первым секретарем ЦК партии. Вот только самому секретарю и его соратникам они доверяли очень мало:

XX съезда КПСС. Апрель 1956. [б/д] // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 48.

⁴² Информация о проведении партийных собраний по итогам XX съезда КПСС. г. Молотов... // Там же. Ф. 1. Оп. 45. Д. 665. Л. 42.

⁴³ В ЦК КПСС. Отдел парторганов по РСФСР. Информация о проведении собраний районных партийных активов гор. Молотова по итогам XX съезда КПСС. 27.03.1956 // Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 90. Л. 39.

⁴⁴ Информация о проведении ознакомления с докладом тов. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» коммунистов и беспартийного актива Уинского района. 04.04.1956 // Там же. Д. 115. Л. 73.

⁴⁵ Молотов, Маленков, Каганович. 1957: стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и др. док. М., 1998. С.70.

упрекали их в трусости, даже в шкурничестве, беспринципности, неблагоприятных поступках.

Напрашивается простое объяснение: политический опыт подсказывал партийцам, что нужно доверять высоким учреждениям и большим идеям, но отнюдь не людям, их представляющим. Последние могут оказаться кем угодно, даже врагами⁴⁶. Сталина критиковали на языке, им же введенным в общественный оборот.

В то же время здравый смысл, за которым скрывался коллективный опыт выходцев из деревенских и слободских социальных низов, подсказывал им иное прочтение политических сообщений через моральную оценку участников событий – хороший это человек или дурной. И вся советская история – минимум на протяжении жизни одного поколения – открывалась перед ними как борьба между честными и нечестными, между злыми и добрыми, в конечном счете – между своими и оборотнями.

Вот почему участники собраний настойчиво добивались ответа, кем был тот или иной «ушедший» политический деятель, честным человеком, или нет. Если честным, то Сталин виноват; если нечестным, то прав.

Что касается их современников – членов Президиума ЦК, то им был вынесен обвинительный вердикт⁴⁷. В дискуссиях по итогам XX съезда, – пусть и в приглушенном виде, зачастую косноязычно, были поставлены вопросы о социальном неравенстве, авторитарном стиле власти на местах, системе привилегий.

Со времени обсуждения знаменательного доклада Н.С. Хрущева, по всей вероятности, и берет свое начало процесс десакрализации коммунистической идеи и партии в лице ее руководящих органов.

⁴⁶ «Можно ли быть уверенным, что в нашем правительстве не остались люди, подобные Берия и Сталину?» Информация Коспашского горкома КПСС о проделанной работе по обсуждению материалов XX съезда КПСС. 10.04.1956 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 23. Д. 117. Л. 17.

⁴⁷ «На фронте рядовые солдаты ради спасения своих товарищей отдавали свою жизнь, для победы расстреливали своих командиров-предателей. В правительстве, в партии, боясь репрессий, террора, для защиты своей должности, жизни, неужели переборолись против своей идеи и пошли сознательно другой идеи, противоречащей интересам народа? Логически как понять?» Информация о ходе обсуждения итогов XX съезда КПСС Гайнской районной партийной организацией. 27.03.1956 // Там же. Д. 114. Л. 59.

Е.Н. Савенко

ИДЕЯ РЕФОРМ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ САМИЗДАТА СИБИРИ)

Неподцензурные документы, в которых высказывались идеи о необходимости политических реформ, эпизодически появлялись в СССР и в 1930-е, и в 1940-е гг. Но массовый характер это явление получило после XX съезда КПСС, изменившего социально-политическую атмосферу в стране.

Развенчание культа личности Сталина привело к раскрепощению общественного сознания. Критический потенциал, который накапливался годами, вырвался наружу и стал разрастаться. В 1960–1962 гг. на территории Советского Союза было выявлено более 34 600 антисоветских анонимных документов, в том числе 23 213 листовок¹. Согласно информации председателя КГБ В.Е. Семичастного, количество подобных враждебных проявлений из года в год увеличивалось. За первое полугодие 1962 г. на территории страны было распространено в два раза больше крамольных прокламаций, чем за аналогичный период предыдущего года². Указанная тенденция продолжалась и в дальнейшем. В 1965 г. в стране было зафиксировано нелегальное распространение 9697 антисоветских текстов, в том числе 8429 листовок³. Спустя два года органы госбезопасности выявили на территории СССР уже 11 856 нелегальных документов⁴.

Изучение текстов, циркулировавших в неподцензурном пространстве, позволяет говорить о происходившей трансформации представлений о необходимых социально-политических преобразованиях. Мысли об улучшении советской системы путем корректировки курса партии постепенно вытеснялись идеями о реформировании политического устройства. В докладной записке от 21 декабря 1970 г.,

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 626. Л. 103.

² Там же. Ф. 89. Оп. 6. Д. 21. Л. 1.

³ Там же. Д. 30. Л. 2.

⁴ См.: Лубянка. Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справочник. М., 2003. С. 718.

представленной председателем КГБ Ю.В. Андроповым в ЦК КПСС, отмечалось: «В последние годы все большее распространение получают документы программно-политического характера»⁵. По данным документа, с 1965 г. в самиздате распространялось более 400 различных текстов, в которых критиковался опыт социалистического строительства в СССР и выдвигались различного рода программы оппозиционной деятельности. Представления о путях реформирования были нередко диаметрально противоположны, что свидетельствует о происходившем в обществе расколе.

Содержание многих нелегальных программных текстов, появившихся в период от «оттепели» до «перестройки», не выходило за рамки коммунистического идеала. Это вполне закономерно, так как, по данным исследователей инакомыслия в СССР, около 25% авторов «антисоветских» документов были членами КПСС и ВЛКСМ⁶. Авторы оппозиционных текстов критиковали курс партийного руководства и предлагали альтернативные варианты политических преобразований, руководствуясь марксистско-ленинским учением.

В феврале 1962 г. в г. Камне-на-Оби были обнаружены листовки, в которых излагались идеи о необходимости борьбы с существующей государственной системой и создании новой партии, которая обеспечила бы более быстрый путь строительства коммунизма. Авторами прокламаций были студент Сибирского металлургического института О. Ключиков и рабочий одного из предприятий А. Ивлев. Молодые люди считали, что «коммунисты отступили от ленинских партийных принципов», большинству из них присущи «бюрократизм и другие пороки»⁷. Так как, по их мнению, «чистка» партии невозможна из-за ее массового перерождения, решением проблемы может быть лишь полная замена партийного состава людьми с иным коммунистическим сознанием. Фактически предлагалось создание новой политической организации, идейной основой которой является марксизм. Свое понимание идейной борьбы с КПСС и пути построения коммунистического строя в соответствии с марксистско-ленинской теорией юноши изложили в неподцензурных документах – в «Программе “Союза новых коммунистов”», «Обращении к гражданам города Камня-на-Оби» и др. Для пропаганды своих взглядов молодые нео-

⁵ «Самиздат» претерпел качественные изменения // Источник. 1994. № 2. С. 77.

⁶ См.: Крамола: инакомыслие в СССР при Н. Хрущеве и Л. Брежнев. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. М., 2005. С. 224.

⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 92350. С. 2–3.

коммунисты предприняли также попытку выпуска газеты «Набат»⁸. Инакомыслие юношей было жестко пресечено. Оба вольнодумца были направлены на принудительное лечение в специальные психбольницы МВД.

В конце марта 1971 г. в различных местах г. Красноярска было обнаружено более 100 экземпляров листовок, составленных от имени «Союза молодых продолжателей революции»⁹. Согласно экспертизе, изготовлены они были на алфавитно-цифровом печатающем устройстве (АЦПУ) электронно-вычислительной машины «Минск-22». Тексты прокламаций содержали критику государственно-политического строя СССР и призыв к борьбе с безраздельным господством КПСС. На основании проведенных экспертиз в изготовлении этих прокламаций был уличен геофизик Красноярского геологического управления А.А. Целых. За политическое инакомыслие к нему было применено распространенное в те времена наказание – принудительное лечение в психиатрической спецбольнице.

Летом 1982 г. в г. Новосибирске возник «Коммунистический союз молодежи “Солидарность”», состоявший из старшеклассников. Актив этой неформальной организации пытался с неоленинских позиций проанализировать существующий режим и сформулировал предложения по созданию нового комсомола. Программные положения организации были изложены в листовках, тираж которых составлял 120 экз.¹⁰

Весной 1985 г. студенты-первокурсники Иркутского госуниверситета М. Кулехов, С. Пучков и В. Иванов создали «Марксистский рабочий союз». В процессе изучения марксистско-ленинской теории юноши пришли к выводу, что существующий в СССР строй – это ничто иное, как «азиатский способ производства». Молодые люди разработали «Устав» и «Программу» организации. Для привлечения сторонников юноши отпечатали на машинке 10 экземпляров листовки, в которой содержался призыв бороться с существующей государственной системой, так как она не является социалистической¹¹. Программные документы МРС предусматривали не только реформирование государственно-политического управления, но и

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Оп. 36. Д. 4650. Л. 1.

¹⁰ См.: Борзенков А.Г. Политизированная аналитическая и дискуссионная деятельность молодежи на востоке России: возможности и пределы студенческой самодеятельности (1961–1991 гг.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 1. Вып. 3. Новосибирск, 2002. С. 76.

¹¹ См.: Скращук В. Из истории иркутского самиздата // Уроки демократии. Становление прав личности, свободы слова и гласности в Иркутской области. Иркутск, 2002. С. 43–44.

реорганизацию СССР с созданием в Сибири одной или нескольких Союзных республик.

Возникали в регионе и неформальные политические группы, пытавшиеся соединить социалистическую доктрину (в изложении К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина) с ценностями демократического, цивилизованного общества. В предлагаемых ими программах построения «демократического социализма» содержались идеи об утверждении социальной справедливости, проведении широких социальных реформ. Летом 1972 г. в ходе расследования дела свердловской «Революционной партии интеллектуалистов» в г. Красноярске была раскрыта группа молодежи, выступавшей за «истинный социализм». Свои взгляды члены нелегального объединения излагали в листовках.

С середины 1960-х гг. хождение в региональном самиздате получили документы сторонников демократических реформ, в которых высказывались идеи о необходимости ликвидации монополии КПСС на власть и установления многопартийности. В 1960 г. в Красноярске распространялись листовки от имени Российской социал-демократической партии¹². Составителей листовок установить не удалось.

В г. Барнауле в 1961 г. за изготовление и хранение документов, «порочащих советское государство и общественный строй», был осужден С.В. Ермаков, предпринявший попытку создания Российской демократической партии¹³. В конце 1969 г. в неподцензурном пространстве оказалось письмо Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий, составленное от имени «Партии беспартийных трудящихся, борющихся за восстановление социализма»¹⁴. В действительности указанная нелегальная организация была мифом. Автором документа являлся директор картинной галереи Дома ученых Сибирского отделения АН СССР М.Я. Макаренко. В послании содержалась критика КПСС за искажение основных принципов социализма и ставился вопрос о необходимости альтернативной партии.

В декабре 1972 г. в Тюменском областном суде было рассмотрено дело инженера А. Ганюшкина, который подготовил и распространил «Программу социалистической партии Советского Союза»¹⁵. В апре-

¹² См.: Алтунина Н. Листовки в Соцгороде // Город и горожане. 29.03.2001. С. 7.

¹³ См.: Кладова Н.В. Психологический анализ следственных дел репрессированных периода «хрущевской оттепели» (по материалам отдела спецдокументации Алтайского края) // Третьи Гуляевские чтения. Барнаул, 2000. С. 312.

¹⁴ Хроника текущих событий. 1970. Вып. 16. С. 14–15.

¹⁵ 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об анти-советской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг. Аннотированный каталог. М., 1999. С. 745.

ле 1982 г. на бюро Томского обкома КПСС было принято постановление о недостаточной идейно-воспитательной работе с преподавателями университета. Причиной появления данного решения стала деятельность старшего инженера Института биологии и биофизики при ТГУ А.Е. Утянского, который активно занимался пропагандой необходимости создания в СССР Демократической партии. Для достижения этой цели он написал, размножил программу партии и стал распространять ее среди студентов¹⁶.

Циркулировали в неподцензурном пространстве и документы, свидетельствующие о возрождении в обществе идей ликвидированной в 1920-е гг. «Рабочей оппозиции», выступавшей за перераспределение власти в пользу профсоюзов. Осенью 1963 г. в Новосибирске был осужден инженер института «Сибгипромаш», бывший участник Великой Отечественной войны, орденосец Г.И. Байдин, распространявший «Обращение к гражданам СССР по жизненно важным вопросам». Воззвание содержало следующие требования по изменению государственного устройства страны: приведение в соответствие ряда противоречащих друг другу статей Конституции; переименование Коммунистической партии Советского Союза в Партию трудящихся СССР; ликвидация всех руководящих партийных органов и сохранение только подчиненных профсоюзам первичных партийных организаций; привлечение к уголовной ответственности всех членов Президиума ЦК КПСС за бездействие, самоснабжение и нарушение принципов морального кодекса и т. д.¹⁷

В 1960-х гг. в стране стало оформляться движение, целью которого было возрождение традиционно русских национальных и религиозных ценностей. Одной из первых подпольных организаций такого рода был «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН), созданный в феврале 1964 г. в г. Ленинграде. Главной целью организации было «свержение коммунистической диктатуры и создание теократического, социального, представительного, народного государства». Программу ВСХОН определяли ее основные лозунги: христианизация политики, христианизация экономики, христианизация культуры¹⁸. Ячейки организации существовали в разных городах страны, в том числе в Сибири – в Томске и Иркутске. Достаточно деятельно работу по пропаганде идеологии русского национализма и программных установок ВСХОН проводи-

¹⁶ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 15. Д. 67. Л. 11.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 96149. Л. 11, 14–18.

¹⁸ См.: ВСХСОН: состав, программа, методы работы, идеологические позиции, причины поражения // Посев. 1971. № 1. С. 38–43.

ли члены ее томской группы – В. Ивойлов, В. Веретенков, Н. Ануфриев, Н. Статеев¹⁹.

О популярности национал-патриотических идей в обществе свидетельствуют не только прокламации ВСХОН, но и другие самиздатовские материалы. Один из таких примеров – хранящиеся в отделе редких книг и рукописей Томского государственного университета тетради, содержащие машинописный текст поэмы «Борьба за права человека». Поэма состоит из двух частей. Судя по данным на титульном листе, место и дата создания первой части поэтического произведения – Ленинград, 1960 г. Вторая же часть самиздатовского сочинения увидела свет в Томске в 1979 г. В качестве автора «Баллады о правах человека» обозначен Максим Веснин. Однако на титульном листе рукой человека, к которому попал экземпляр сочинения, указано: «Максим Веснин – это Зорин Анатолий Николаевич».

Далее следует краткая запись о судьбе автора произведения. Сделавший ее человек, как показало проведенное исследование, имел поверхностное представление об истинной биографии сочинителя. Однако эта запись и многочисленные пометки на полях, произведенные, вероятно, различными людьми, позволяют говорить о хождении сочинения в неподцензурном пространстве. Удалось установить, что автор стихотворного произведения А.Н. Зорин (1911 г. рождения) неоднократно подвергался судебным преследованиям за пропаганду националистических идей. Первый раз он был осужден в августе 1944 г. в г. Владивостоке, где работал инженером отдела Тихоокеанского флота, за написание трактатов «антисоветского содержания»: «Расово – историческая деятельность русского народа», «Естественно-научная основа национал-социализма», «Экономические корни национал-социализма»²⁰. По обвинению в «пропаганде идей национал-социализма» и «попытку создания на территории СССР фашистской организации» А.Н. Зорин был приговорен к 10 годам ИТЛ.

Участие в «фашистском» объединении инкриминировали и нескольким его коллегам, которых он знакомил со своими сочинениями. Наказание национал-патриот отбывал в г. Магадане. Подробности его пребывания в лагере и освобождения из заключения не известны. Но согласно документам в декабре 1953 г. А.Н. Зорин вновь был арестован Магаданским отделом УМГБ на Дальнем Севере и обвинен по статьям 58-10 (ч. 1) и 58-11 УК СССР. На тот момент он работал прорабом в Управлении связи. После этапирования летом 1954 г. в Москву и непродолжительного пребывания в Бутырской тюрьме он

¹⁹ См.: Ивойлов В. «По белым кудрям дня...» // Вече. 1998. № 62. С. 154–179.

²⁰ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 31. Д. 94332. Л. 26.

был помещен в Ленинградскую психбольницу. Спустя несколько лет А.Н. Зорина перевели в Томскую психбольницу. Срок пребывания его в этом печально известном заведении выяснить не удалось, но согласно документам в 1963 г. автор крамольных текстов был реабилитирован.

Подробный экскурс в биографию автора поэмы «Борьба за права человека» объясняется тем, что в произведении фактически воссоздана его судьба. Судя по строкам «и в темнице он сел за общую тетрадь», свое сочинение А.Н. Зорин начал писать еще в заключении²¹. Напечатан же текст был позже, в Сибири, после выхода автора на свободу. Текст «романа в стихах» отражает распространенные среди национал-патриотов взгляды на историю и будущее страны. Красной нитью через все произведение проходит критика советского строя. Приход к власти большевиков воспринимается автором как национальная трагедия: «Антихристами взята власть, и скорбь народная лилась по всей Руси!»²²

Резкой критике подверг А.Н. Зорин советский строй. Характеризуя атмосферу в обществе, автор писал: «Повсюду полицейский сыск приводит в трепет человека»; «советский образ мысли был весь заблокирован цензурой» и т. д.²³

Крайне негативно оценивал А.Н. Зорин Основной закон СССР:

«По Конституции народной
Народ наш самый не свободный
Свою историю творить.
Он обречен холопом быть»²⁴.

Причину всех бед России автор поэмы видел в сионистском заговоре: «в Кремле засели сионисты», «наш Кремлевский Каганат похож сионизму брат», «народ устал от наставленья, бесправия и нищеты, однопартийного правленья, что нам оставили жиды»²⁵.

По мнению А.Н. Зорина, будущее страны – в возрождении традиционных национальных и религиозных ценностей:

«Придут года и мир узнает,
Эпоха новая настанет
Демократических свобод,
Каких не ведает народ.

²¹ См.: Веснин М. Баллада о правах человека. Ч. 1 [Машинопись]. Л, 1969. С. 23.

²² Там же. С. 27.

²³ Веснин М. Указ. соч. С. 33, 35.

²⁴ Там же. Ч. 1. С. 30.

²⁵ Там же. Ч. 1. С. 52; Ч. 2. С. 33.

Все молодые коммунисты
Возглавят церкви как артисты.
Иначе и не может быть.
Иначе могут нас побить.
И надо нам уже теперь
Начать строительство церквей»²⁶.

Эпизодически в региональном самиздате встречались тексты, в которых развивались отдельные принципы либерализма: права человека на свободу и частную собственность, возможность функционирования свободного рынка и т. д. Во второй половине 1960-х гг. широкое хождение в неподцензурном пространстве имел текст лекции «О советской экономике» директора Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР А.Г. Аганбегяна. В нем обосновывалась идея необходимости создания смешанной экономики и либерализации производственных отношений в СССР²⁷.

В 1972 г. в ходе обыска у распространителя «Хроники текущих событий» А. Рыбакова был обнаружен текст законопроекта «О правах и свободах человека в СССР», автором которого являлся новосибирский студент И. Шмерлер²⁸.

Однако устойчивый интерес к либеральным идейно-политическим идеям появился у части сибирского общества в начале 1980-х гг. Накануне так называемой перестройки в регионе стали циркулировать программы кардинального обновления государственно-политической и экономической системы СССР. Например, в г. Иркутске в 1983 г. состоялся суд над «антисоветской группировкой Боровского–Солдатова», члены которой были обвинены в «заведомо ложных клеветнических измышлениях, порочащих советский социалистический государственный строй». В качестве основных доказательств выдвинутого обвинения фигурировали изъятая при обыске печатная машинка и текст «Манифеста либеральных демократов»²⁹.

Региональный самиздат второй половины XX в. Свидетельствует о том, что в период от «оттепели» до «перестройки» в стране происходила серьезная эволюция общественных настроений. Подспудно формировались многие идейные предпосылки будущих реформ.

²⁶ См.: Веснин М. Баллада о правах... Ч. 1. С. 77.

²⁷ См.: Собрание документов самиздата. Т. 3. Архив самиздата. N.Y., 1972. АС. № 186.

²⁸ Архив УФСБ по НСО. Д. 17711. Т. 3. С. 237–249.

²⁹ Боровик Н. Дело Боровского // Уроки демократии. Становление личности, свободы слова и гласности в Иркутской области / сост. Г.И. Бобкова, Г.К. Хороших. Иркутск, 2002. С. 117–124.

М.А. Фельдман

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НАУЧНОЙ ОСНОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ?

В статье на основе институционального подхода анализируются основные достижения исторической науки в познании событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Основными источниками формирования исторической памяти служит широкий круг нарративных источников (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и т. д.), аудиовизуальные источники разных типов (киноисточники, телевидение и радио), а также сетевой контент.

Определяющую роль среди источников занимает научная литература, посвященная историческому событию и отражающая объективную, фундированную картину прошлого. Среди исторических трудов о Великой Отечественной войне своеобразным камертоном выступают многотомные труды энциклопедического характера, а резонатором – юбилейные даты.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне коллектив ученых-историков, представляющих различные академические институты, гражданские и военные вузы, завершив 10-летнюю работу, подготовил фундаментальный исторический труд в 12 томах – «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»¹. В статье впервые

¹ Труд подготовлен научными сотрудниками Российской академии наук (РАН), Академии внешней разведки, Академии военных наук, Академии Федеральной службы безопасности, Военного университета и Военной академии Министерства обороны Российской Федерации, Института всеобщей истории РАН, Института российской истории РАН, Института славяноведения РАН, Института экономики РАН, Историко-документального департамента МИД России, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

дается глубокая оценка данному исследованию. По мнению членов Главной редакционной комиссии издания, за последние полвека с момента выхода в 1965 г. последнего тома шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (М., 1961–1965) осуществлялось последовательное и поступательное наращивание исторических знаний².

Действительно, «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» и сегодня представляет собой капитальное исследование, охватывающее все стороны истории войны, внутренние процессы экономического и общественно-политического развития страны. К созданию этого исследовательского труда были привлечены свыше 1200 человек: историки, экономисты, философы, статистики, юристы, исследователи по истории международных отношений, военные специалисты, публицисты, в том числе и из стран социалистического содружества.

Многотомный труд не только впитал достижения предыдущих исследований, но и впервые ввел в научный оборот огромное количество новых документов и архивных источников, данных статистики. С позиций начала 1960-х гг. были проанализированы корни, причины и характер Второй мировой и Великой Отечественной войн, источники победы Советского Союза. В нем более глубоко были освещены многие вопросы вооруженной борьбы на фронте и работы тыла, разрешены ранее поставленные проблемы, определены новые, даны научно-теоретические обобщения итогов войны, показаны ее место, роль и значение в истории нашей Родины³.

Впервые был дан аргументированный анализ негативных последствий сталинских репрессий 1937–1938 гг., некомпетентного вмешательства Сталина в ход военных операций в 1941 – первой половине 1942 гг.

Вместе с тем, отметив масштаб репрессий – «с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. половина командиров полков, почти все командиры дивизий и бригад, все комкоры и командующие военных округов были

Федерации, Санкт-Петербургского государственного университета и других научных и образовательных учреждений. См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2011–2015. URL: <http://stat.encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/books/vov.htm> [размещено на сайте Минобороны России в разделе «Энциклопедии»].

² См.: Предисловие «От Главной редакционной комиссии» // История Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 1: Основные события войны. М., 2011. С. 9.

³ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2: Причины и начало войны. М., 2011. С. 34.

репрессированы»⁴, авторы 6-томного издания тут же оговаривались: «Хотя ошибки Сталина дорого обошлись советскому народу, они не превратились в органический порок политического и военного руководства»⁵.

По мнению авторов современного – 12-томного издания «Великая Отечественная война...», в издании 1960-х гг. прослеживалась «явная тенденция всю вину за неудачи взвалить в основном на Сталина, а в достижении успехов отдать предпочтение фронтовому командованию, принижая таким образом роль Верховного главнокомандования. Не удалось полностью избавиться и от синдрома культа личности, порожденного партийно-государственным аппаратом»⁶.

С подобным обвинением трудно согласиться: в издании периода «оттепели»⁷ подробно говорилось об объективных трудностях, связанных с определенной ограниченностью ресурсов СССР, а также сложным процессом перевода части предприятий на военное производство. Сведениями о негативных проявлениях действия командно-административной системы, тоталитарного строя истории 1960-х гг. либо не располагали, либо не имели возможности ввести их в научный оборот.

В историографическом очерке, содержащемся во втором томе «Великой Отечественной войны...», справедливо отмечается удушающее для исторической науки воздействие партийно-государственного аппарата: запрещение издания правдивых книг о войне⁸; искажение содержания мемуаров прославленных военачальников, подвергавшихся «серьезной корректировке со стороны идеологического аппарата, который исключал все, что с его точки зрения считалось неприемлемым, и вставлял то, о чем автор писать и не собирался. В Главном политическом управлении Советской армии и ВМФ была учреждена для этого специальная группа. Ее усилиями воспоминаниям военачальников всех рангов придавались заданные направленность и содержание»⁹.

Характерным примером стали мемуары маршала Г.К. Жукова. «По советам “доработчиков” из первоначальной рукописи Жукова были исключены материалы о репрессиях 1937–1938 гг., недостатках

⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1961–1965. Т. 6: Разведка и контрразведка. М., 1965. С. 124.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2... С. 34.

⁷ Шестой том был подписан в печать до смещения Н.С. Хрущева.

⁸ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2... С. 56.

⁹ Там же. С. 55–56.

в подготовке страны и Вооруженных сил к войне, о потерях более миллиона человек на завершающем этапе войны, расточительности в расходовании сил и средств во время боевых действий, неграмотных решениях Верховного главнокомандующего по нанесению контрударов в битве под Москвой, об ошибках в оценке обстановки и плане ведения военных действий на лето 1942 г. и др.»¹⁰

Трудно не заметить, что содержание вырезанных страниц рукописи Г.К. Жукова *существенно меняло оценку Сталина как высшего военного и политического руководителя страны* в наиболее читаемых мемуарах. Однако подобный вывод отсутствует в историографическом очерке.

Наиболее ярко идеологическое давление и воздействие проявились в издании 12-томного труда «История второй мировой войны 1939–1945 гг.» (М., 1973–1982). Его разработка началась с конца 1970 г. и продолжалась до 1982 г., когда из печати вышел завершающий, 12-й том. Подготовка многотомника осуществлялась совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом истории СССР и Институтом всеобщей истории АН СССР¹¹. Авторы историографического очерка обоснованно указывают, что вследствие жесткой идеологизации подходов в данном издании был допущен целый ряд *принципиальных просчетов*.

Так, в нем «не получил должной оценки ряд явлений и процессов, предшествовавших войне, прежде всего репрессии против высшего командно-начальствующего состава РККА и ВМФ в 1937–1938 гг., кризис 1939 г. и связанные с ним пакт о ненападении между СССР и Германией, Договор о дружбе и границах между ними, а также содержание секретных протоколов. Недостаточно глубоко были исследованы причины неудач и поражений советских войск в 1941–1942 гг. Излишне много говорилось о просчетах и неудачах советского командования войск в связи с внезапностью нападения нацистской Германии, ее превосходством в силах и средствах, поверхностно анализировались ошибки и просчеты высшего военно-политического руководства.

Сосредоточив внимание на показе героизма советских людей, воинов Красной армии, деятельности коммунистической партии, авторы слабо показали драматизм войны, трагичность многих ее событий, трудности и невзгоды, которые пережили наши люди. Не были показаны боевые потери советских Вооруженных сил, не дана их оценка. Не полностью раскрыта проблема цены победы. На издании лежала

¹⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 2... С. 42.

¹¹ Там же. С. 42–43.

очевидная печать идеологизированного подхода к освещению вклада в общую победу, внесенного нашими союзниками по антигитлеровской коалиции.

К числу изъянов разработки труда можно отнести и запрет на публикацию истинных данных о количестве советских танков и самолетов, состоявших на вооружении к началу Великой Отечественной войны, данных о потерях советских войск в стратегических операциях. Не были сформулированы полные и объективные оценки причин поражения советских войск под Киевом в сентябре 1941 г., под Харьковом в мае 1942 г., неудач Красной армии в наступательных операциях зимой 1941/42 г.»¹²

Примечательна и *итоговая оценка* издания 1973–1982 гг.: «Перечисленные и многие другие недостатки “Истории второй мировой войны” во многом объясняются тем, что издание носило по сути официозный характер. Оно осуществлялось под непосредственным повседневным контролем ряда структур Центрального Комитета КПСС (достаточно сказать, что верстка каждого тома тщательно изучалась и затем обсуждалась в отделах ЦК КПСС, а верстка первого тома такому рассмотрению подвергалась трижды). Попытки некоторых авторов сказать об ошибках и просчетах политического и военного руководства при подготовке страны и армии к войне, дать полную характеристику состояния Вооруженных сил к июню 1941 г., показать потери Красной армии не нашли поддержки со стороны высших руководителей издания»¹³.

Фактически историки тома, вышедшего в 2011 г., обозначили глобальный недостаток «Истории второй мировой войны», а именно отказ от научности изложения материалов, и это позволяло исследователям говорить *об откате назад* от рубежей 1965 г., взятых 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»

В косвенной форме такое признание присутствует в историографическом обзоре: «В это двадцатилетие (1965–1985 гг.) советская военно-историческая наука обходила молчанием многие актуальные проблемы, вызывающие большой общественный интерес; из-под пера историков вышло немало откровенно слабых работ. Вместо углубления анализа, включения в рассмотрение малоизученных, острых проблем читателю навязывались готовые схемы, не отражавшие всей многогранности и противоречивости исторических явлений и процессов. Это приводило к искажению представления о вой-

¹² Там же. С. 43–44.

¹³ Там же. С. 44.

не как о сложном двустороннем процессе, об истинных масштабах постигшего страну бедствия»¹⁴. Даже памятуя о новаторских книгах В.А. Анфилова, А.М. Самсонова и ряда других историков, зачастую, прошедших фронт, трудно не согласиться с подобной характеристикой.

Однако итоговая оценка содержит совсем иной вывод: «При всех объективных и субъективных трудностях, просчетах и ошибках, допущенных в данном издании, категорически нельзя согласиться с мнением некоторых историков, негативно оценивающих этот фундаментальный труд минувшей войны, помогло в приращении военно-исторических знаний не только в СССР, но и в других странах, где оно также было издано»¹⁵.

Подобный вывод мог бы показаться странным, если бы не преобладание в историографическом очерке отрицательных оценок исторических изданий, вышедших в свет в конце 1980–1990-х гг.¹⁶, а также невнятное изложение причин, по которым Министерство обороны СССР в феврале 1991 г. приняло решение рассыпать набор первого из 10 томов труда «Великая Отечественная война советского народа» и приостановить разработку всего научного труда.

Что действительно скрывается за выдвинутым Главной редакционной комиссией в феврале 1991 г. обвинением коллектива военных историков во главе с Д.А. Волкогоновым в «антипартийности, недоброжелательности к своей стране, клевете на коммунистов, некорректности приводимых в рукописи фактов и статистических данных, приукрашивании вермахта, отсутствии патриотизма», а также в представлении текста, не согласованного с концепцией материалов новых «Очерков истории КПСС» (!)¹⁷, остается загадкой.

Загадочность обвинений только усиливается, во-первых, сообщением об увольнении с работы и из армии руководителей авторского коллектива¹⁸, напоминающего расправу с историками «нового направления»¹⁹.

Во-вторых, признанием (пусть и в косвенной форме) того, что выход в свет в 1998–1999 гг. труда «Великая Отечественная война: 1941–1945. Военно-исторические очерки» в четырех книгах, «про-

¹⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 2... С. 56.

¹⁵ Там же. С. 44.

¹⁶ Там же. С. 58, 61.

¹⁷ Там же. С. 60.

¹⁸ Там же. С. 60–61.

¹⁹ См.: Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44–61.

должившего традицию многотомных изданий по истории войны» и способствующего «подведению некоторых итогов в становлении новой официальной точки зрения на историю Второй мировой войны»²⁰, фактически означал использование материалов не вышедшего в свет десятитомника.

Таким образом, работа над 12-томником «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» проходила, с одной стороны, в благоприятных условиях: за полвека был накоплен колоссальный пласт документально подтвержденных фактов. С другой стороны, идеологическое воздействие на методологию написания книг, посвященных советской истории, особенно трудов энциклопедического характера, не исчезло и в постсоветский период.

Собственно говоря, содержание данного издания подтверждает вышесказанное. Тома издания 2011–2015 гг. насыщены подробным описанием событий военной, экономической, социальной и внешнеполитической истории Великой Отечественной войны, с использованием публикаций последних десятилетий. Вновь аргументированно доказаны: вина фашистских режимов за развязывание Второй мировой войны; решающая роль СССР и советских вооруженных сил в разгроме фашизма в Европе; отечественный характер войны; массовый героизм и стойкость советских людей на фронте и в тылу.

Вновь обоснована решающая роль СССР и советских вооруженных сил в разгроме фашизма в Европе, где общие потери немецко-фашистских войск на советско-германском фронте составили 10 344,5 тыс. человек (всего Германия потеряла 13,6 млн человек)²¹.

В издании 2011–2015 гг., как никогда ранее, раскрыта деятельность Ставки, Генерального штаба Красной армии, ГРУ, наркоматов; командующих фронтами и фронтовых управлений. Справедливым выглядит суждение: «В 1944–1945 гг. Ставка и Генеральный штаб продемонстрировали высокий уровень мастерства при планировании и осуществлении наступления путем последовательного и одновременного проведения стратегических наступательных операций. Особенно поучительной в отношении способа последовательного ведения стратегического наступления является летне-осенняя кампания 1944 г.»²²

Авторами сделан убедительный и фундированный вывод: в предвоенные годы идеологическая работа в СССР проводилась доста-

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2... С. 68.

²¹ Там же. Т. 11: Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство вооруженными силами СССР в годы войны. М., 2015. С. 58.

²² Там же. С. 325.

точно эффективно, обеспечивая широкую общественную поддержку действиям правительства. Несмотря на неизбежные издержки и допущенные ошибки в трактовках будущей войны, задачи, стоявшие перед советской оборонной пропагандой, были в целом успешно решены. Подавляющая часть населения СССР, несмотря на разницу в социальном положении, уровне образования, различиях в своих политических и религиозных убеждениях, была настроена патриотично и морально готова к защите своего Отечества²³.

Найден верный подход к столь сложной проблеме, как оценка секретных протоколов пакта о ненападении от 23 августа 1939 г.: «Хотя секретные протоколы были принятой практикой того времени, морально-этическая сторона данного соглашения является весьма уязвимой. Впрочем, соотношение морали и политики – это отдельная и весьма сложная проблема, эталонных образцов решения которой пока просто не существует. К тому же в тот момент, когда на карту было поставлено само существование страны, верх взяли неумолимые геополитические и военно-стратегические императивы»²⁴.

Геополитические преимущества этого соглашения были неоспоримы, поскольку в состав СССР входили государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны решениями в Версале или путем прямых аннексий, как в случае с Бессарабией, захваченной Румынией в 1918 г.

Следует согласиться с тем, что, с точки зрения целей избранной стратегии, Сталину удалось довольно успешно решить главную задачу периода, открытого прорывом в советско-германских отношениях и выигрышем времени для подготовки к войне, что было достигнуто без полного разрыва отношений с демократиями Запада и при сохранении некоторой дистанции с Германией.

Однако очевидно и то, что «эта дистанция могла бы быть большей без ущерба для политики СССР. Крен советской пропаганды в сторону оправдания действий Германии, резкая переориентация Коминтерна на свертывание борьбы с фашизмом осенью-зимой 1939–1940 гг. ослабляли сопротивление агрессорам и позиции зарубежных коммунистических партий, а также дезориентировали советскую общественность»²⁵. Тем не менее, несмотря на все трудности и неудачи, с 1939 г. по первую половину 1941 г. включительно было сделано очень многое для достижения взаимопонимания между СССР

²³ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 10: Государство, общество и война. М., 2014. С. 67–68.

²⁴ Там же. С. 248.

²⁵ Там же. С. 250.

и Западом, без чего будущая антигитлеровская коалиция была бы невозможна²⁶.

Вместе с тем по ряду позиций прослеживается не наращивание исторических знаний, а *определенный шаг назад*. Суть движения вспять заключается в оценке роли Сталина в советской истории; если называть вещи своими именами, – в очередных попытках реабилитации сталинизма. Приведу только наиболее заметные.

В обзоре событий предвоенной истории (том 2) имя Сталина отдалено от курса (до лета 1935 г.) на раскол антифашистского фронта и на объявление социал-демократов (а не фашистов) главным врагом рабочего движения. Как известно, именно такой сталинский курс способствовал победе фашистов в Германии. В издании 2011 г. это выглядит так: «Усиление военной угрозы и переход СССР к политике коллективной безопасности оказали большое влияние на деятельность Коминтерна. Его прежняя линия, направленная на обострение классовой борьбы и дискредитацию социал-демократии как разновидности фашизма, показала свою контрпродуктивность»²⁷. Но кто же, как не Сталин, направлял и контролировал «прежнюю линию» Коминтерна, показавшую свою *контрпродуктивность*?

«Своеобразно» выглядит трактовка репрессий в РККА в 1937–1938 гг. По мнению авторов второго тома, «в числе других дискуссионных вопросов остается проблема влияния репрессий 1937–1938 гг. на боеспособность Красной армии. Как правило, историками отмечается снижение качества офицерского корпуса в результате устранения опытного командно-начальствующего состава, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров и снижения образовательного уровня командного состава, особенно высшего. Не всегда, однако, принимается во внимание, что эти недостатки были порождены не столько репрессиями, сколько ростом вооруженных сил»²⁸.

Однако далее из текстов в этом же томе следует, что *никакого предмета для дискуссии нет*: «Уничтожение большей части высшего командного состава, жестокая “чистка” среднего командирского звена ослабляли боеспособность Красной армии и доверие к Советскому Союзу как надежному и сильному партнеру. Военные разведки иностранных государств – одни со злорадством, другие (как чехи) с сожалением – доносили о резком ослаблении боеготовности советских вооруженных сил (выделено мною. – М.Ф.). Как сообщал военный

²⁶ Там же. С. 253.

²⁷ Там же. Т. 2... С. 214–215.

²⁸ Там же. С. 68.

атташе Чехословакии в Москве, Красная армия ослабла до такой степени, “что ее значение как фактора в европейских и международных делах сильно упало”»²⁹.

Прямым следствием репрессий в Красной Армии стал тот факт, что осенью 1939 г., в период резкого обострения советско-финских отношений «по большому счету, Красная армия была не подготовлена к войне. Имея преимущество в численности войск, она располагала еще большим превосходством в танках, артиллерии и авиации. Но к действиям зимой в условиях болотно-лесистой местности она не обучалась»³⁰.

Вопреки хорошо известным в научной литературе фактам резко негативного отношения Сталина к многоканальным сообщениям о готовности германских войск к нападению на СССР игнорирование донесений разведки руководителем государства фактически адресовано только к одному дню (21 июня 1941 г.)³¹. Между тем в 6-м томе рецензируемого издания, посвященном работе советской разведки и контрразведки – очевидной удаче авторского коллектива, подробно повествуется, как советские разведчики в различных европейских странах, рискуя жизнью, сумели вскрыть планы нападения гитлеровской армии.

Более обоснованным, раскрывающим реальное действие управленческих механизмов, является замечание авторов о том, что у Сталина не было аналитического подразделения, которое на экспертной основе занималось бы таким важным делом, как анализ, проверка и оценка добытых данных, а также выявление попадавшей в сообщения агентуры дезинформации. Кроме того, согласно установленному Сталиным порядку работы с разведывательными материалами ему направлялись фактически нефилтрованные сообщения источников. Такая схема, подчеркивают авторы 6-го тома, во многом вызванная тем, что в разведке после репрессий сложилась тяжелая атмосфера, естественно, снижала барьер для проникновения в сообщения руководству страны недостаточно достоверных и противоречивых сведений. Поэтому направление адресатам материалов, которые противоречили точке зрения Сталина, а следовательно, и линии партии, *не вписывалось в аппаратные нормы того времени* (выделено мною. – М.Ф.)³².

Деликатность изложения приведенного выше абзаца не может скрыть сути проблемы: сталинские репрессии против профессиональ-

²⁹ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 2... С. 222.

³⁰ Там же. С. 341.

³¹ Там же. Т. 1: Основные события войны. М., 2011. С. 99.

³² Там же. Т. 6... С. 82.

ных разведчиков, безоговорочная замкнутость решения сложнейших проблем на одном человеке закономерно привели к некомпетентным решениям, снизившим готовность армии к отражению агрессии.

В 12-томнике отсутствует принципиальная характеристика тех действий Сталина в начальный период войны, которые, по приведенным ранее словам Г.К. Жукова, являлись неграмотными и поставили страну на грань поражения. В косвенной форме это подтверждается авторами 11-го тома. Отмечается, что под прямым давлением Сталина, вопреки мнению Жукова и Вознесенского, в январе 1942 г. Ставка ВГК приняла «более чем сомнительный, нереальный план ведения кампании, хотя она имела возможность выбрать время начала операций на том или ином направлении, способы разгрома группировок противника, направления главных и других ударов, накопить силы и средства, достичь внезапности наступления и нанесения сильного первоначального удара.

Простое сопоставление имеющихся сил и средств с пространственным размахом задуманного наступления показывает, на какой риск шла Ставка, и подчеркивает невыполнимость намеченного плана»³³. Чем обернулся сталинский «более чем сомнительный, нереальный план ведения кампании» весной и летом 1942 г., хорошо известно. Однако в издании 2011–2015 гг. отсутствует вывод об ответственности Сталина за поражения и миллионные потери.

Только с осени 1942 г. Сталин стал доверять фактическое руководство армейскими операциями представителям Ставки и Генштаба и анализировать ход фронтовых операций с позиций военной науки. «Поворотной вехой перестройки Сталина, – вспоминал А.М. Василевский, – явился сентябрь 1942 г., когда создалась очень сложная обстановка, и особенно требовалось гибкое и квалифицированное руководство военными действиями. Именно в это время он стал по-другому относиться к аппарату Генштаба, командующим фронтами, вынужден опираться на коллективный опыт военачальников. <...> С тех пор наиболее важные решения принимались при участии его заместителя, работников Генштаба, главных управлений»³⁴.

Отдельный, 10-й, том посвящен анализу предвоенного состояния советского общества, динамике его показателей в годы военных испытаний. Авторы сумели верно показать социальные последствия индустриализации в СССР, рост общеобразовательных и профессиональных характеристик советских людей. Замечу, что этот раздел

³³ Там же. Т. 11... С. 320.

³⁴ Там же. С. 261.

выиграл бы от сравнения подобных характеристик с аналогичными показателями в Германии.

Однако влияние тоталитарного режима на социальные процессы либо не упоминается, либо трактуется как незначительные и неоднозначно негативные процессы. Строки: «Политические репрессии 1930-х гг., принудительные переселения прямо или косвенно затронули миллионы людей. Эти жесткие меры являлись не только проявлением политической борьбы различных течений в ВКП(б) и обществе в целом, но и в условиях угрозы близкой войны радикальным способом борьбы против “шпионов, националистов и других антисоветских элементов”»³⁵ или «Репрессивная политика вызывала неоднозначную реакцию в обществе. В донесениях НКВД сообщалось, что в рабочей среде, в целом лояльной к советской власти, были те, кто остро критически характеризовали советскую действительность»³⁶, – словно сошли из трудов эпохи застоя.

Без комментариев остается бесстрастное сообщение: «Всего же, по различным подсчетам, общее число репрессированных с 1935 по 1941 г. по политическим мотивам составило 1 868 085 человек»³⁷.

Столь же спокойно авторы повествуют о работе маховика тоталитарной машины в годы войны: С 1941 по 1945 г. военные трибуналы Красной армии и флота и войск НКВД СССР осудили 2 530 663 человека (!). Даже с учетом того, что «одной из важных отличительных особенностей правоохранительной политики военных лет было широкое применение отсрочки исполнения приговоров к лишению свободы до окончания военных действий с направлением осужденных в действующую армию» (например, во втором полугодии 1941 г. отсрочка по воинским преступлениям была применена в отношении 70%, в 1942 г. – 79, в 1943 г. – 84% лиц, имевших приговор к лишению свободы)³⁸, масштаб репрессивных мер поражает.

В числе граждан, осужденных за годы войны военными трибуналами Красной армии и флота и войск НКВД СССР, за контрреволюционные преступления были осуждены 471 988 человек, за воинские преступления – 792 192, за общеуголовные преступления – 1 266 483 человека. Кроме того, военными трибуналами железнодорожного и водного транспорта, по неполным данным, были осуждены 406 042 человека³⁹. Прерванная история фронтовой жизни офицера

³⁵ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6... С. 58.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Т. 10... С. 87– 88.

³⁹ Там же.

А.И. Солженицына показывает, сколь незначительным мог стать повод для ареста.

Не меньшим размахом отличалась и репрессивная политика в тылу. Указы военного времени предусматривали уголовную ответственность не только за нарушение трудовой дисциплины, но и за уклонение от мобилизации для работы на производстве и строительстве, за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней, за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и другие «уклонения от работы на трудовом фронте».

Всего за время войны по указам военного времени *были осуждены более 8,5 млн человек*. Хотя 75,7% всех приговоров, вынесенных в годы войны за нарушения трудового законодательства, не были связаны с лишением свободы⁴⁰, приведенные статистические данные указывают на лишение свободы 2 млн советских людей. При этом авторы 10-го тома не скрывают низкую эффективность репрессивных мер для изможденных ежедневным трудом рабочих и служащих, указывая, что «на многих крупных предприятиях снижение нормы отпуска хлеба рабочим, осужденным за прогул, привело к резкому сокращению числа прогулов, чего не удавалось достичь судебными мерами»⁴¹.

Вызывает вопросы сюжет о потерях Красной армии в годы войны. В ожесточенных сражениях, указывается в 11-м томе, Красная армия безвозвратно потеряла 8 666 400 человек (здесь учтены и потери в кампании на Дальнем Востоке). Кроме того, были миллионы раненых, контуженных, обмороженных. С этими потерями Красной армии соизмеримы потери вооруженных сил Германии и армий ее союзников⁴².

Действительно, с учетом потерь противника (10 344,5 тыс. человек) цифры сопоставимы. Однако потери фашистов, согласно общепринятой статистике, включают и умерших от ран в годы войны, и погибших в плену. Две последние категории безвозвратных потерь не включены в приводимую цифру потерь Красной армии. С учетом этих категорий безвозвратные потери Красной армии, по подсчетам специалистов (2015 г.), составляют около 11,4 млн человек⁴³. По подсчетам академика Ю.А. Полякова, опубликованным в 2005 г. к 60-летию Победы, говорится о 15 млн фронтовиков, по данным военкоматов, не вернувшихся домой. Более детальный учет персональных

⁴⁰ Там же. С. 92

⁴¹ Там же. С. 91.

⁴² Там же. Т. 11... С. 76.

⁴³ См.: Сайт «Великая оболганная война». URL: <http://liewar.ru/content/view/6/25/>

карточек названной категории фронтовиков в Архиве Министерства обороны СССР показывает наличие 13,85 млн погибших⁴⁴.

Следует согласиться с выводом авторов 11-го тома, что в ходе войны советские войска, командиры, военачальники и рядовые учились воевать по-новому – овладевать искусством ведения как оборонительных, так и наступательных боев и операций, управления войсками. Все это положительно сказалось как на эффективности действий советских войск, так и на уменьшении числа их потерь. Если безвозвратные потери советских войск в 1941 г. составили 31,8% от общих потерь за всю войну, в 1942 г. – 27,3, то уже в 1943 г., когда произошел коренной перелом в войне, безвозвратные потери уменьшились до 19,4%. Значительно меньшими они стали в 1944 и 1945 гг. – 14,8 и 6,7% соответственно⁴⁵.

Что касается данных о потерях военной техники, то в Красной армии они составили: танков и самоходные артиллерийские установки (САУ) – 96,5 тыс., орудий и минометов – 317,5 тыс. (в том числе и 50-мм минометы), боевых самолетов – 43,1 тыс. единиц. Потери противника на советско-германском фронте составили 74–75% от общих потерь Германии в годы Второй мировой войны. Без учета потерь ее союзников в Европе Германия утратила: танков и штурмовых орудий – 32,5 тыс., орудий и минометов – 289,2 тыс. и 58,9 тыс.⁴⁶ Как видно, потери орудий и минометов, боевых самолетов воюющих сторон – вполне сопоставимы, чего, к сожалению, не скажешь о танках.

Одним из ключевых вопросов издания стала оценка Сталина как лидера СССР. Этому вопросу в 11-м томе посвящены всего две страницы. Однако обещание раскрыть сильные и слабые стороны руководителя Советского государства выполнено преимущественно в части «сильных сторон»⁴⁷.

Начальник Генерального штаба маршал А.М. Василевский называл Сталина «самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования», особенно со второй половины Великой Отечественной войны. Полководец отмечал в Верховном главнокомандующем «огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом соглашались многие полководцы, государственные и военные деятели, в том числе и зарубежные. Обращало на себя внимание

⁴⁴ См.: Нехамкин С., Архангельский Т. Когда считать мы стали раны (интервью с Ю.А. Поляковым) // Известия. 06.05.2005. С. 9, 16.

⁴⁵ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 11... С. 76.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 739–740.

умение И.В. Сталина быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Он твердо управлял страной и ее вооруженными силами, всегда хорошо представлял себе обстановку на фронтах, благодаря феноменальной памяти знал не только командующих войсками фронтов и армий, но и многих командиров корпусов и даже дивизий»⁴⁸.

Авторы указанного тома без комментариев и разбора приводят характеристику из мемуаров советской эпохи, хотя «редактирование» трудов подобного жанра им было хорошо известно.

Не стала развернутой и аналитической оговорка авторов: «Разумеется, мастерство управления вооруженными силами пришло к И.В. Сталину не сразу. В первые год-полтора войны отрицательно сказывались отсутствие у него систематизированных военных знаний, недостаточное стремление опираться на профессиональных военных и преувеличенная вера в собственную непогрешимость»⁴⁹. Чем для страны обернулась «преувеличенная вера в собственную непогрешимость» в первые год-полтора войны? Издание не дает ответа на этот вопрос.

Аналогичные слова можно сказать и об отзыве Г.К. Жукова, который подчеркивал: «До Сталинградской битвы И.В. Сталин практически слабо разбирался в вопросах военной стратегии и еще хуже в оперативном искусстве. Слабо разбирался и в организации современных фронтовых и еще хуже армейских операций. В начале войны он пытался проявить свое личное оперативно-стратегическое творчество, основанное на его опыте времен Гражданской войны, но из этого ничего хорошего не получилось. До разгрома немецких войск в районе Сталинграда он имел поверхностное понятие о взаимодействии в операциях всех родов войск и видов вооруженных сил. <...> Могу сказать, что И.В. Сталин позднее овладел основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела»⁵⁰.

По мере накопления опыта число ошибок у Сталина заметно уменьшилось, а уровень стратегического руководства стал соответствовать требованиям момента⁵¹.

Заключительный вывод авторов 11-го тома фактически превращается в панегирик вождю: «И.В. Сталина как Верховного главнокомандующего отличали широчайший кругозор, осведомленность по

⁴⁸ Там же. С. 739.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 739–740.

⁵¹ Там же. С. 740.

всем вопросам, относившимся к военной политике партии и государства. Выполнению многочисленных обязанностей, связанных с осуществлением стратегического руководства страной и вооруженными силами, безусловно, способствовали такие его качества, как способность выделить ключевые вопросы, а из них – наиболее важные с точки зрения текущей военно-политической обстановки и перспектив ее дальнейшего развития.

Но главное, что отличало стиль его работы как лидера сражавшейся нации и Верховного главнокомандующего, – это понимание природы войны во всей ее сложности и противоречивости, убеждение, что она не сводится только к вооруженной борьбе, какое бы важное место в ней ни занимало противоборство на полях сражений»⁵².

Вряд ли такая односторонняя оценка Сталина и сталинской политики способна дать импульс развитию научной основы исторической памяти. Авторы исподволь показали неэффективность попыток ужесточения государственной политики в военной, социальной и экономической областях. Только вынужденное ослабление тоталитарных методов управления в годы Великой Отечественной войны способствовало консолидации населения страны для защиты своей Родины и достижения великой Победы. Роль исторической памяти заключается в конструировании тех основ, которые правдиво показывают достижения и просчеты в сплочении общества в час испытаний.

Победа в годы Великой Отечественной войны была одержана благодаря ослаблению диктата тоталитарного государства, что способствовало раскрытию инициативы советских людей как в эшелонах власти, так и на позиции рядового бойца или труженика. Не один или даже несколько векторов развития, указывающих на обратное – усиление и ужесточение тоталитарных методов управления, и даже не тенденция пренебрежительного отношения к человеческой жизни: «Победа все оправдает» – не опровергают сказанного выше. Суть содержания военных операций после лета 1942 г., суть экономической, культурной жизни (включая положение церкви) говорят о вынужденном и сознательном, пусть даже временном, ограничении функций Сталина; руководителей наркоматов и ведомств, указывают на начало высвобождения сознания воевавших от укоренившихся догм и мифов.

Двенадцатитомная история Великой Отечественной войны содержит немало фактов, свидетельствующих о неэффективности самых жестоких мер военного времени и о вынужденном ограничении их использования. Именно здесь заключается ответ на вопросы: каким

⁵² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 11... С. 740.

образом при чудовищных перегрузках военной поры и невиданных потерях мог сплотиться многонациональный советский народ? каким образом из войны могло выйти поколение фронтовиков, оказавшихся способными самостоятельно мыслить, и спустя 10 лет после Победы приступить к десталинизации советской жизни?

Выход в свет 12-томника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» показывает, что в России за последние четверть века шел процесс поступательного развития исторической науки. Вместе с тем очевидно и другое: это развитие носит волнообразный характер; появление энциклопедических изданий к юбилейным датам отражало не только обобщение новых научных открытий и выводов, но и неоднократные попытки заставить ученых подчиниться меняющимся идеологическим пристрастиям тех или иных представителей власти. Очевидно, что в последние годы произошло усиление попыток очередной раз переписать историю с позиций ушедшей советской эпохи.

Однако попытка под видом объективности возвеличить Сталина противоречит не только уровню развития научных знаний, но и главному предназначению исторической памяти – сплочению народа на основе правдивого понимания своего пройденного пути.

Показ Сталина как мудрого и всепонимающего политика реконструирует один из самых распространенных мифов советской жизни 1930–1950-х гг., способствуя сегодня расколу общества, значительная часть которого, освободившись от мифов прошлого, не желает отката назад, к тоталитаризму.

А.А. Щелкунов

КОНЦЕПТ «ПРАВДА ИСТОРИИ» В ИДЕОЛОГИИ ПОЗДНЕСОВЕТСКИХ РЕФОРМ

Программа реформ, получившая название «перестройка», воспринималась ее современниками как стремительное, коренное изменение общественной жизни за короткий промежуток времени. Эти коренные преобразования должны были изменить лицо Советского государства во всех сферах: экономической, политической, социальной и духовной.

Популяризаторы «перестройки» постоянно апеллировали к революционным идеологическим штампам, которые бережно культивировались в сознании советских граждан в течение почти 70 лет. «Перестройка – революция продолжается», «Перестройка – революция сегодня», «Перестройка – революционное обновление социализма» – эти лозунги навязывались массам со страниц газет, с телеэкранов и радио, накладывая идею «перестройки» на идею «революции», которая в свою очередь воспринималась как нечто абсолютно положительное.

«Перестройка», по мнению ее идеологов, должна была стать революционным обновлением советского строя, коренным преобразованием той общественной и государственной модели, которая называлась «развитой социализм». Пройденный путь построения социализма был признан неверным. Ставилась задача освободиться от деформации в теории и практике социалистического строительства, правильно осмыслить марксизм-ленинизм и пойти верным путем, который приведет к «царству истинного социализма». Но, чтобы вернуться на верный путь, нужно было понять, когда именно первое в мире Советское государство с этого пути свернуло и почему, по каким причинам, оно пошло по ложному пути. На эти вопросы ответ могла дать только история: необходимо было проанализировать весь исторический опыт советской государственности.

На январском (1987 г.) Пленуме ЦК в докладе Генерального секретаря М.С. Горбачева прозвучало тогда еще не привычное понятие «гласность». На том заседании было легализовано право совет-

ских граждан свободно выражать свои мысли, которые шли нередко вразрез с советской идеологией. То, что раньше обсуждали только на кухне и только с хорошо знакомыми людьми, теперь можно было обговаривать публично. Особенно остро и болезненно звучала тема сталинской диктатуры и репрессий.

Осмысление феномена сталинизма и путей преодоления его последствий было начато еще в середине 1950-х гг. Однако этот процесс был искусственно прерван, а рефлексия на эту тему загонялась в общественное подполье.

С момента провозглашения перестройки общественной жизни на основе демократизации и гласности проблематика сталинизма вырвалась на поверхность. Уже в 1986-е гг. в прокат вышел снятый в 1984 г. фильм Т. Абуладзе «Покаяние», который был полностью посвящен проблеме сталинизма. Только за первые 10 дней проката фильма в кинотеатрах Москвы его посмотрели более 700 тыс. зрителей¹. В конце того же года вышел роман А. Бека «Новое назначение», в котором автор пытался осмыслить эпоху правления Сталина, дать оценку той общественной системе, которая была создана при нем.

Общественный интерес к сталинизму и его влиянию на современность продолжал усиливаться. В первой половине 1987 г. были опубликованы ранее не известные работы известных мастеров советской литературы: роман «Исчезновение» Ю. Трифонова («Дружба народов», № 1), поэма «По праву памяти» А. Твардовского («Знамя», № 2; «Юность», № 3), «Реквием» А. Ахматовой, а также в 1987 г. роман «Дети Арбата» А. Рыбакова («Дружба народов», № 4–6) и статья К. Симонова «Уроки истории и обязанность писателя» («Наука и жизнь», № 6), которые вызвали огромный общественный резонанс.

В определенной степени это был вызов власти, которая сама инициировала и простимулировала взрыв общественной активности. Партия должна была отреагировать, к тому же по новым правилам, которые она только что установила. Такой реакцией стал доклад М. Горбачева, посвященный 70-летию Октябрьской революции «Октябрь и перестройка: революция продолжается», а также создание специальной комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению репрессий. В своем докладе Горбачев дал оценку историческому пути, который прошел Советский Союз почти за 70 лет. Экскурс в историю составил 30 страниц доклада М. Горбачева, из которых 18 страниц были посвящены периоду середины 1920 – началу

¹ О прошлом для будущего. С режиссером фильма «Покаяние» Тенгизом Абуладзе беседует корреспондент «ЛГ» Лидия Польская. См.: Литературная газета. 25.02.1987. С. 8.

1950-х гг., еще 10 – Октябрьской революции и В.И. Ленину и только две страницы были выделены на освещение исторических событий периода середины 1950 – 1980-х гг.

Во время своего выступления Горбачев несколько раз подчеркнул, что все изъяны советского строя появились во время правления Сталина, и устранить деструктивные явления в советской системе можно только путем осмысления советского прошлого. Когда Горбачев касался советской истории 1930-х гг., он заявил: «Массовым репрессиям подверглись многие тысячи членов партии и беспартийных. Это, товарищи, горькая правда. Был нанесен серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии. И мы должны прямо сказать об этом. Это необходимо для окончательного и бесповоротного утверждения ленинского идеала социализма»². И далее: «Необходимо оценить прошлое с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Это надо сделать, во-первых, в силу огромной важности тех лет для судеб нашего государства, судеб социализма. Во-вторых, потому, что эти годы находятся в центре многолетних дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом, где наряду с поисками истины нередко предпринимаются попытки дискредитировать социализм как новый общественный строй, как реальную альтернативу капитализму. Наконец, нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка, – нужны не для того, чтобы сводить политические счета или, как говорится, надирать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов»³.

Обращаясь к обществу, Горбачев отметил недопустимость попыток консервативно настроенной части общества отказаться от осмысления советской истории: «Сейчас еще встречаемся с попытками отвернуться от больших вопросов нашей истории, замолчать их, сделать вид, будто ничего особенного не произошло. С этим мы не можем согласиться. Это было бы пренебрежением к исторической правде, неуважением к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Не можем еще и потому, что правдивый анализ должен помочь нам решать сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма – словом, насущные проблемы перестройки»⁴.

² Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 21.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 22.

Один из «прорабов перестройки» А.Н. Яковлев на следующий день после провозглашенного доклада отметил: «Осмысливать историю, предварительно отказавшись от встречи с “неудобными” фактами, значило бы отклониться от научного подхода к историческому опыту, глубокого понимания и усвоения уроков прошлого»⁵.

Таким образом, историческое знание превращалось в поле социальной активности. Государственная идеология много лет требовала политической активности от широких слоев советского общества, реально не предоставляя шансов эту активность реализовать. Наконец, советские граждане получили возможность включиться в борьбу за перестройку, за реформирование советской общественно-политической и экономической системы, стать политически активными гражданами.

В центре общественного внимания оказались события 1920–1930 гг., период, когда закладывались основы экономической и общественно-политической системы СССР, а также, что вполне логично, историческая наука, которая должна была дать ответ на вопрос, где, когда и почему строительство социализма было направлено по ложному направлению.

Систематические знания обо всех этих событиях, и особенно событиях 1920 – 1930-х гг., когда закладывались основы Советского государства, могла дать только историческая наука – научные знания, без которых не представлялось возможным исправлять ошибки или заново строить социализм. М. Маслов писал: «Без осмысления опыта прошлого сегодня невозможно сделать ни шагу вперед»⁶. Ю. Афанасьев в свою очередь отмечал: «Задача обновления социалистического общества включает и новое, непредвзятое прочтение нашей собственной истории»⁷. Формулируя приоритеты исторической науки в условиях перестройки, Ю. Поляков в середине 1987 г. отмечал: «В наших работах исторические процессы должны предстать не исправленными и не подогнанными под схему, а во всей сложности и противоречивости. И конечно, надо полностью ликвидировать запретные зоны, закрытые темы, “белые пятна”. История должна быть полностью очищена от искажений и недомолвок»⁸.

⁵ Яковлев А.Н. Октябрь, перестройка и современный мир // История без «белых пятен»: Дайджест прессы. 1987, 1988. Л., 1990.

⁶ Маслов М.М. Учиться у истории, чтобы идти вперед // Московские новости. 1987. № 29. С. 10.

⁷ Афанасьев Ю. Говорим о прошлом, но решаем будущее социализма // Московские новости. 1987. № 19. С. 13.

⁸ Поляков Ю. Дорожить каждым годом нашей истории // Литературная газета. 1987. № 31. С. 10.

В процессе реформирования советского строя «белые пятна» должны были быть заменены «правдой истории». Тот же Ю. Поляков в начале 1988 г. развивал свою мысль: «В области истории советского общества мы находимся на стадии констатации правды. Слова “правда истории” сегодня стали одним из самых популярных выражений»⁹.

История должна была дать обществу ориентиры, она становилась важным инструментом перестройки и десталинизации, обращение к истории было способом выражения социально-политической активности граждан. Высокая роль истории, заинтересованность ею, стала характерной чертой «перестройки». Редакционная статья «Перестройка и задачи журнала “Вопросы истории”» начиналась словами: «Наши дни обозначены небывалым ростом в обществе интереса к истории и особенно к истории отечественной, и в первую очередь, к пути, которым прошла Советская страна после Великого Октября»¹⁰.

Историк Ю. Кукушкин писал: «Без преувеличения можно сегодня сказать, что никогда советская историческая наука не играла такой активной роли в жизни общества, как сейчас, в период перестройки. Никогда она не имела такой большой общественной значимости»¹¹. С каждым днем «перестройки» общественный вес истории продолжала увеличиваться. Ю. Поляков подчеркивал: «Если еще совсем недавно мы говорили о быстром увеличении интереса к истории, то сегодня она стала одной из болевых точек общественного сознания»¹².

С развертыванием дискуссии вокруг исторического пути, по которому прошло Советское государство за годы своего существования, общественная жажда постижения собственной истории настолько возросла, что его истории начали предоставлять даже мессианское значение. И это было вызвано ощущением потребности в социально-экономических преобразованиях в СССР. Но, поскольку считалось что без анализа причин, которые привели к деформации социализма,

⁹ Поляков Ю. Прошлое надо не только описывать, но и объяснять. «Круглый стол»: историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 11.

¹⁰ Перестройка и задачи журнала «Вопросы истории» // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 3.

¹¹ Кукушкин Ю.С. Устранить препоны изучению и преподаванию истории. Историки и писатели о литературе и истории // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 67.

¹² Поляков Ю. Непростая правда истории // Московские новости. 1988. № 14. С. 3.

без заполнения «белых пятен» эти изменения было невозможно провести, возникали мессианские ожидания от истории.

На страницах популярного издания времен «перестройки», газеты «Московские новости», читатель Ю. Каргаманов озвучил мечту о том, что «появится – не когда-нибудь, а сейчас, и не “там”, а у нас – историк (возможно, это будет группа историков), который все объяснит»¹³, и зажгут зеленый свет для творческой работы по реформированию советской системы.

Без преувеличения можно сказать, что историки, занимавшиеся изучением сталинизма, воспринимались как эпические герои – полубоги-полубоги. Журналистка В. Чаликова так описывала свое восхищение возможностью встретиться с известным историком Р. Конквестом: «Представьте: вам звонят из редакции и просят взять интервью у автора <...> Библии. – У кого? – спрашиваете вы, окаменев от мистического ужаса – так и я несколько минут бессмысленно спрашивала: “У кого? У кого?”, когда “Книжное обозрение” попросило встретиться с английским историком Р. Конквестом»¹⁴.

Постепенно в общественном мнении в период конца 1980 – начала 1990-х гг. утверждалось убеждение, что историческое знание является важнейшим элементом общественного сознания. В этих условиях возникла идея «исторического всеобуча» для советских граждан¹⁵, так как считалось, что историю «у нас в стране мало кто знает», а развитие нормального, здорового общества без систематизированного исторического образования просто невозможно. Необходимость такого «исторического всеобуча» воспринималась как одна из задач исторической науки в период «перестройки».

По этому поводу доктор исторических наук Г. Иоффе отмечал: «За что получали ученые степени и звания, если народ у нас безграмотный исторически? Или даром мы ели народный хлеб?»¹⁶ Эту идею поддерживал Ю. Поляков: «Все, весь народ должен научиться мыслить исторически»¹⁷.

Но в это же время возникла парадоксальная ситуация, когда значение и роль истории стремительно росли, а статус и доверие к

¹³ Каргаманов Ю. Еще раз об историках // Московские новости. 1987. № 52. С. 2.

¹⁴ Чаликова В. Английские летописцы нашей беды // Знамя. 1990. № 12. С. 231.

¹⁵ См.: Торчилин В. Исторический всеобуч // Московские новости. 1988. № 12. С. 2.

¹⁶ Иоффе Г. Остановиться или идти в истории дальше, дальше, дальше... / Г. Иоффе, Ю. Поляков, В. Космачев // Московские новости. 1988. № 10. С. 12.

¹⁷ Там же. С. 12.

исторической науке падали. Будто снежный ком, нарастали обвинения против советских историков и истории как науки. Общество напряженно искало «правду истории» – и не находило ее. В обществе с каждым днем росло недоверие к профессиональным историкам. Но возникал логический вопрос: если не историки, то кто же должен был раскрыть «правду истории»?

В течение многих лет советская идеология утверждала тезис, что творцом истории и ее решающей силой является простой народ. Отсюда делался вывод: если народ – творец истории, то он способен самостоятельно познавать и оценивать собственное прошлое. В средствах массовой информации в конце 1980-х гг. распространилась идея, что народ обладает или может обладать определенным «чистым» историческим знанием, которое имманентно присуще ему. И для кристаллизации этого «чистого» исторического знания ученые-историки как бы и не нужны. «Московские новости» в редакционной статье писали: «Народ не защищал диссертаций, а потому является свободным и не склонным в своих исторических взглядах подвергаться конъюнктурным искажениям и колебаниям»¹⁸.

Однако при этом совсем не учитывалось, что от имени народа будут выступать вполне конкретные лица. Конструктивные замечания профессиональных историков о трудах публицистов, которые взяли на себя роль выступать от имени народа и постигать «правду истории», об их научной некомпетентности, об отсутствии в большинстве публицистов достаточных знаний о методологии и методике исторического исследования, широкой общественностью воспринимались крайне негативно¹⁹. В другом номере газеты «Московские новости» В. Космачев, читатель этого издания, заявлял: «Высокомерие жрецов от исторической науки относительно своего народа, который, по их же словам, творец истории, но не всегда способен к постижению ее проблем, сегодня менее всего уместно. Прямого честного диалога требует от историка время»²⁰.

Историкам нужно было в определенной степени оправдать надежды общества, ведь среди широких слоев общественности утвердилось мнение, что «белые пятна» истории являются одним из важнейших препятствий на пути коренного обновления социализма. Поэтому их нужно было заполнить как можно быстрее, заменив «правдой истории», раскрыть социальный потенциал правды. В обществе, взбудо-

¹⁸ Споры о прошлом – для будущего. Проблемы исторического сознания – в читательской почте «МН» // Московские новости. 1988. № 15. С. 2.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Иоффе Г. Указ. соч. С.12.

раженном «перестройкой», хотели знать «правду истории» здесь и сейчас. Разъяснения историков о том, что путь к «правде истории» длинный и сложный²¹, воспринимались негативно. Спешка создавала благоприятные условия для новых конъюнктурных искажений. Исторические сюжеты, связанные со сталинизмом, начали активно использоваться различными политическими силами в идеологической борьбе.

Многие политики и общественные деятели оперировали концептом «правда истории» сугубо спекулятивно – в зависимости от перипетий политической борьбы. Всестороннее изучение советской истории хотя и декларировалось как важнейший инструмент десталинизации и обновления социализма, на практике превращалось в пустую фразеологию. Довольно часто такая ситуация приводила к замене традиционно положительных оценок определенных исторических персоналий и сюжетов на сугубо отрицательные или наоборот – в зависимости от идеологической позиции автора.

«Правда истории» должна была стать фундаментом для коренных реформ в СССР, поэтому ее бросились искать все, кому не лень. В редакционной статье журнала «Новая и новейшая история» на такое положение вещей обращалось особое внимание: «Народ должен знать правду, даже худшую, однако дилетантская «правда истории» не должна заслонять собой научную. Поток легковесных историко-публицистических выступлений ведет на все тот же конъюнктурный путь развития, искривленный неоправданным радикализмом»²².

Через «правду истории» искали обоснование реформ, с ее помощью планировали определить, что в советской системе было подлинно советским, а что было привнесено во времена Сталина. Какие элементы советской системы необходимо изменить, а какие оставить как элементы подлинного социализма. Советский человек как строитель социализма должен был стать свободной личностью в свободном обществе, избавиться от деформаций сталинизма с помощью «правды истории».

Познание истории – это органическая часть развития общественной жизни, без которого оно (познание) теряет право на существование. История через свое гносеологическое значение для общества раскрывает онтологическую суть образов прошлого в структуре социального бытия.

²¹ См.: Ковальченко И. и др. Трудный путь к правде / И. Ковальченко, А. Самсонов [и др.] // Неделя. 1988. № 52. С. 10–11.

²² Проблемы исторической науки // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 81.

Образы прошлого, их интерпретация для исторической науки имеют в первую очередь гносеологическое значение. Но если те же образы прошлого являются частью общественного сознания, формируют самоощущение каждого отдельного гражданина, то их интерпретация имеет уже онтологическое значение. Образы прошлого в общественном сознании выступают одним из факторов формирования социального бытия, и общественные процессы времен «перестройки» иллюстрируют, что образы прошлого являются центрообразующими элементами в структуре общественного сознания, оправдывая сам факт существования социума. Позднесоветское общество интуитивно понимало историю в категориях М. Хайдеггера, для которого история – это, прежде всего, онтологическая категория, «взаимосвязь событий и влияний, тянущаяся сквозь прошлое, настоящее и будущее»²³, образуя единое пространство социального бытия – «прошлое–настоящее–будущее».

Для позднесоветского общества улучшение настоящего и будущее движение верным путем к настоящей социалистической демократии представлялись только через постижение прошлого, через поиск точки, которая могла стать отправным пунктом для перестроечного общества, «связав» воедино прошлое–настоящее–будущее.

Постановка проблем сталинизма «разрывала» в сознании позднесоветского общества единое онтологическое полотно истории, лишая общество духовных оснований. К. Ясперс, указывая на влияние понимания прошлого на формирование представлений общества о своем нынешнем состоянии и возможностях дальнейшего развития, писал: «Картина истории и осознание ситуации в настоящем определяют друг друга. Так же как я вижу целостность прошлого, я понимаю и настоящее. Чем более глубоких пластов я достигаю в прошлом, тем интенсивнее я участвую в событиях настоящего. К чему я принадлежу, во имя чего я живу – обо всем этом я узнаю в зеркале истории»²⁴. И дальнейшая судьба страны и народа может зависеть от того, что увидит общество в этом «зеркале». Позднесоветское общество увидело в прошлом ужасного монстра, и это прошлое определило настоящее и бросило тень на будущее.

Прогрессивное развитие общества и страны возможно лишь при условии органического сочетания «прошлого–настоящего–будущего» в общественном сознании. Постановка проблемы сталинизма ста-

²³ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков, 2003. С. 424.

²⁴ Ясперс К. Смысл и назначение истории // Философия истории: Антология. М., 1995. С. 214.

ло своеобразной «точкой бифуркации», которая перевела структуру исторического знания позднесоветского общества в критическое состояние, при котором система теряет устойчивость к внешним и внутренним вызовам, рискуя перейти в хаотическое состояние или же, минуя его, – на качественно новый, более высокий уровень.

Большинство ученых и общественных деятелей в позднесоветскую эпоху пытались доказать и себе, и обществу, что историческое знание приобрело качественно новый уровень. Но «перестроечные» процессы, которые закончились самоуничтожением советского социокультурного пространства и крахом СССР, показали, что проблематика политических репрессий произвела «разрыв истории», который вызвал мировоззренческий хаос, лишив советское общество идейных оправданий своего существования.

В результате в сознании большого количества граждан их страна теряет самооценку. Социальное бытие, в котором существует индивид, разрушается. Такое общество обречено на деградацию. «Разрыв истории» и связанный с ним мировоззренческий кризис влекут за собой угасание патриотических чувств, помутнение общественного сознания, что обрекает страну на деградацию и гибель.

А.А. Фокин

«РАЗВЕРНУТОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА»: НАСЛЕДИЕ СТАЛИНИЗМА И НОВШЕСТВА «ОТТЕПЕЛИ»

Октябрьская революция 1917 г. по-новому заставила взглянуть на задачу построения «светлого будущего». Прежде всего, это был шаг, который согласно внутренней логике марксистской философии знаменовал изменение экономической формации, а значит, приближал человечество к коммунизму. Но сама большевистская революция вступала в противоречие с логикой марксизма. «Фактически Ленин переворачивает теорию революции классиков марксизма. Если те говорили о социалистической революции в **будущем**, после достижения достаточно высокого уровня развития капитализма, причем в *центре* капиталистического мира, то Ленин переносит ее **в настоящее** и на **периферию**, в наиболее слабое звено капиталистической системы»¹.

Однако неотложные задачи государственного строительства заставляли отодвинуть сроки перехода в «светлое будущее» на неопределенное время, хотя в целом отказа от этой задачи не произошло. Так, в 1920 г., выступая перед делегатами III Всероссийского съезда Российского Коммунистического Союза Молодежи, В.И. Ленин заявил, что поколение, которому тогда было 15 лет, через 10–20 лет будет жить в коммунистическом обществе².

В 1930–1940-х гг. произошло теоретическое переосмысление некоторых идеологических моментов, связанных с построением коммунизма. Это, в первую очередь, было связано с внешнеполитической ситуацией и внутренней политикой. Происходил переход количества в качество, и общество должно было вступить в новый этап своего развития. Мечта о будущем, по утверждению Ш. Фицпатрик, «не только была составляющей сталинизма, причем очень важной со-

¹ Абрамян Л. Ленин как трикстер // Современная российская мифология. М., 2005. С. 71.

² См.: Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: 5-е изд. Т. 41. М., 1981. С. 317.

ставляющей, но и частью повседневного опыта каждого человека в 30-е годы. Советский гражданин мог верить или не верить в светлое будущее, но не мог не знать, что такое ему обещано»³.

У И.В. Сталина уже можно обнаружить краткую характеристику коммунистического общества. В нем не будет частной собственности, а будет собственность коллективная; государственная власть перейдет в свободную ассоциацию трудящихся; народное хозяйство будет базироваться на высшей технике; не будет противоположности между городом и деревней; продукты будут распределяться по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; наука и искусство достигнут полного расцвета; личность, свободная от забот о куске хлеба, станет действительно свободной⁴.

Еще в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) руководство страны решило, что можно говорить о постепенном завершении построения социализма, что, в свою очередь, означало вступление в стадию постепенного перехода к коммунизму⁵. Поэтому в проекте новой Программы, разрабатываемой уже после Великой Отечественной войны, комиссия во главе с А.А. Ждановым решила дать точные сроки построения коммунизма. В окончательном проекте Программы ВКП(б), подготовленном в начале 1948 г., декларировалось, что ВКП(б) в ближайшие 20–30 лет ставит своей задачей построение в СССР коммунистического общества⁶. Согласно этому положению тезис о построении социализма в одной стране собирались заменить аналогичным с той разницей, что вместо социализма будет коммунизм. Предполагалось, что вслед за СССР коммунизм построят страны соцлагеря, а затем и капиталистические страны.

XIX съезд КПСС пришел к выводу, что с момента принятия II Программы партии произошли коренные перемены. Исходя из этого, съезд постановил считать необходимым произвести переработку Программы партии, руководствуясь основными положениями работы И.В. Сталина «Экономические положения социализма в СССР», и представить проект переработанной Программы партии на рассмотрение следующего съезда⁷.

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 84.

⁴ См.: Сталин И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1937 г. // Он же. Соч. Т. 10. М., 1949. С. 134.

⁵ См.: XVIII съезд ВКП (б). 10–21 марта 1939 года: стеногр. отчет. Л., 1939. С. 211.

⁶ См.: Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева // Диалог. 1991. № 5. С. 76.

⁷ См.: Резолюции XIX съезда КПСС. 5–14 октября 1952 г. М., 1953. С. 112–113.

Данная статья И.В. Сталина появилась в канун XIX съезда КПСС и была призвана сыграть роль идеологической основы послевоенного развития страны. Статья представляет собой ответ Сталина на «письма товарищей» и снабжена подзаголовком «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года».

В ней советский вождь указывает три необходимых предварительных условия для реального, а не декларативного перехода от социализма к коммунизму: 1) прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства; 2) путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общественной собственности, а товарное обращение постепенно заменить системой продуктообмена; 3) добиться такого культурного роста общества, который обеспечил бы всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития⁸.

Для этого, по мнению И. Сталина, нужно было «сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления»⁹.

Несмотря на начало антисталинского дискурса на XX съезде КПСС, Н.С. Хрущев сохранил тезис о начавшемся постепенном переходе от социализма к коммунизму, выдвинутый еще на XVIII съезде ВКП(б)¹⁰. По словам Хрущева, «советская страна находится сейчас на крутом подъеме. Если образно говорить, мы поднялись на такую

⁸ См.: Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Он же. Соч. Т. 16. М., 1997. С. 202–203.

⁹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР... С. 203.

¹⁰ См.: Н.С. Хрущев о проекте третьей Программы КПСС // Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. С. 3.

гору, на такую высоту, откуда уже зримо видны широкие горизонты на пути к конечной цели – коммунистическому обществу»¹¹.

Помимо знаменитого доклада Н.С. Хрущева о культе личности именно на съезде было поручено ЦК «подготовить проект Программы КПСС, исходя из основных положений марксистско-ленинской теории, творчески развивающейся на основе исторического опыта нашей партии, опыта братских партий социалистических стран, опыта и достижений всего международного коммунистического и рабочего движения, а также с учетом подготовляемого перспективного плана коммунистического строительства, развития экономики и культуры Советского Союза»¹². Также съезд поручил опубликовать проект Программы до XXI съезда КПСС, с тем чтобы провести развернутое его обсуждение¹³.

Основной задачей перехода к коммунизму выдвигалось построение материально-технической базы, которая понималась в прежнем, сталинском духе. Необходимо было увеличить производство с помощью совершенствования техники и строительства новых производств. На съезде было заявлено, что социализм в СССР вступает в новый этап экономического соревнования с капитализмом и задача состоит в том, чтобы добиться перевеса социалистической системы над капиталистической в мировом производстве, превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда, производству продукции на душу населения и обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень. Все это планировалось осуществить через 12 лет.

С одной стороны, в стране проводилась политика десталинизации, с другой – в области идеологии активно использовались теоретические положения, созданные в сталинский период. Творческое наследие сталинизма нашло свое отражение и в создаваемом проекте Программы партии, которую теперь должны были принять уже на следующем съезде. Новая Программа КПСС должна была заменить устаревшую, закрепить основные решения прошедших съездов и наметить основные задачи на будущее, конкретное выполнение которых должно было отразиться в «генеральной перспективе развития народного хозяйства Советского Союза на 1959–1975 годы, исходя из решений XXI съезда КПСС и материалов юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 г.»¹⁴

¹¹ XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года: стеногр. отчет. Т. 1. М., 1956. С. 118.

¹² РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10. Л. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 79.

В Программе было зафиксировано определение коммунизма, призванное раскрыть его сущность, и определены меры по достижению новой стадии в развитии. Поскольку данное определение является концентрированным выражением всего второго раздела Программы КПСС, следует процитировать его полностью: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. Коммунизм – это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»¹⁵.

Предполагалось, что есть три группы задач, которые необходимо решить на пути к коммунизму: создание материально-технической базы коммунизма; развитие коммунистических общественных отношений; воспитание нового человека. Более развернуто эти идеи озвучил Н.С. Хрущев, выступая на XXII съезде КПСС. Построение коммунизма означает следующее:

«– в области экономической будет создана материально-техническая база коммунизма. Советский Союз превысит экономический уровень наиболее развитых капиталистических стран и займет первое место в мире по производству продукции на душу населения, будет обеспечен самый высокий жизненный уровень народа и будут созданы условия для достижения изобилия материальных и культурных благ;

– в области социальных отношений будет происходить ликвидация существующих еще остатков различий между классами, слияние их в бесклассовое общество тружеников коммунизма, в основном будут ликвидированы существующие различия между городом и деревней, а затем между физическим и умственным трудом, возрастет экономическая и идейная общность наций, разовьются черты человека коммунистического общества, гармонично сочетающего в себе высокую идейность, широкую образованность, моральную чистоту и физическое совершенство;

¹⁵ XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года: стеногр. отчет: в. 3 т. Т. 3. М., 1962. С. 274.

– в области политической это означает, что все граждане будут принимать участие в управлении общественными делами, в результате широчайшего развития социалистической демократии общество подготовится к полному осуществлению принципов коммунистического самоуправления»¹⁶.

Главной экономической задачей партии и советского народа на ближайшее время являлось создание материально-технической базы коммунизма¹⁷. Одной из черт в образе строящегося коммунизма, без сомнения, был индустриальный характер будущего общества. Заводы и фабрики должны были стать той почвой, на которой вырастут плоды всеобщего благосостояния. Предприятия коммунистической эпохи, созданные с учетом научных достижений и оснащенные по последнему слову техники, должны были стать «дворцами производства». Создание наряду с могучей промышленностью процветающего, всесторонне развитого и высокопродуктивного сельского хозяйства согласно Программе партии составляло обязательное условие построения коммунизма¹⁸. При сохранении ведущей роли тяжелой промышленности быстрый рост сельского хозяйства являлся важнейшей предпосылкой создания коммунистического изобилия продуктов¹⁹.

Промышленный способ производства должен был быть распространен и на сельское хозяйство и перевести колхозников в разряд сельскохозяйственных рабочих²⁰, «колхозы и совхозы по своим производственным отношениям, по характеру труда, по уровню благосостояния и культуры работников все больше будут становиться предприятиями коммунистического типа»²¹. Декларация стирания разницы между городом и деревней была одной из самых распространенных идеологем в политической риторике III Программы КПСС, концентрируясь в разделе о новых общественных отношениях²². Приближение деревни к городу должно было проходить через создание агрогородов, которые по уровню жизни не будут отличаться от города, а основной сферой деятельности жителей будет сельское хозяйство.

¹⁶ Там же. Т. 1. С. 167.

¹⁷ Там же. Т. 3. С. 276.

¹⁸ Там же. С. 284.

¹⁹ См.: Козлов Г. О закономерностях развития производительных сил коммунистической формации // Коммунист. 1961. № 3. С. 35.

²⁰ См.: Н.С. Хрущев (1894–1971): материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Н.С. Хрущева. 18.04.1994. М., 1994. С. 46.

²¹ См.: Н.С. Хрущев. О проекте третьей Программы КПСС... С. 6.

²² См.: XXII съезд КПСС... Т. 3. С. 291.

Срок в 20 лет, необходимый для построения коммунизма «в основном», согласно Н.С. Хрущеву, был обозначен в соответствии со строгими научными расчетами²³. Можно утверждать, что и истоки образа будущего лежат в экономических данных, только не предполагаемого будущего, а прошлого. Постановка конкретных сроков построения основ коммунизма не может быть объяснена только желанием политической верхушки мобилизовать население. III Программа была основана на реальном положении дел в стране и мире и не являлась, таким образом, продуктом политической фантазии или новым витком утопизма, основанным на том, что руководству виделось. Скорее, следует согласиться с мыслью Н. Барсукова о том, что в основу «коммунистических иллюзий» Хрущева легло пролонгирование достигнутых к концу 1950-х гг. темпов роста производства на 10 и 20 лет вперед²⁴. Это еще раз подтверждает, что советское общество в целом и официальный дискурс в частности функционировали в системе взаимосвязи времен.

Своей задачей III Программа партии ставила построение, но с добавлением «в основном», в течение 20 лет коммунизма²⁵. Что это означает? Это означает, что коммунизм в официальном дискурсе дифференцируется. Под термином «коммунизм» на основе трудов классиков марксизма-ленинизма понималась и совокупность социализма с коммунизмом, и собственно второй этап в коммунизме. Программа КПСС развила это положение, разделив, в свою очередь, коммунизм как следующий этап после социализма на два подэтапа: коммунизм «в основном» и «полная победа» коммунизма. Визуально это можно представить в виде схемы (см. рисунок):

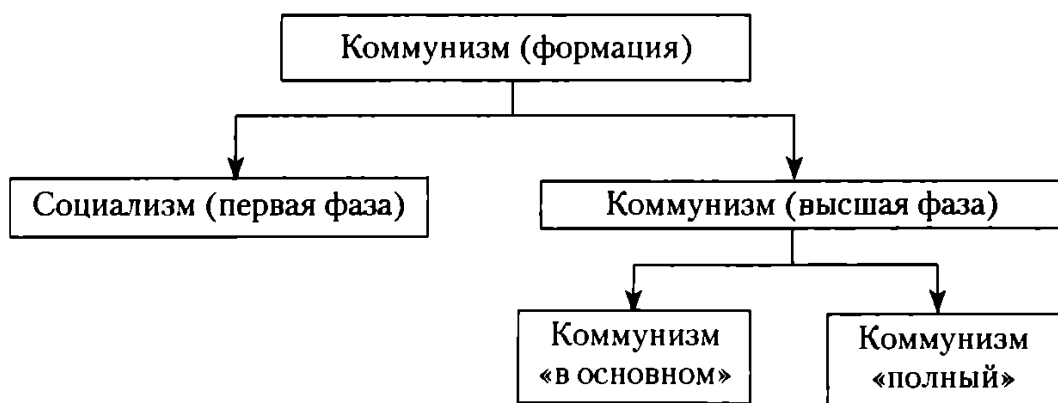

Рис. Дифференциация коммунизма по этапам построения

²³ См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 140.

²⁴ См.: Барсуков Н. Коммунистические иллюзии Хрущева... С. 82.

²⁵ См.: Материалы XXII съезда КПСС... С. 368.

О.В. Куусинен отмечал, что «следовало бы всюду во II части возможно точнее разграничивать ближайшие задачи, реально рассчитанные на выполнение в течение предстоящего двадцатилетнего периода, и более далекие перспективы. В проекте это не делается последовательно»²⁶.

Коммунизм «в основном» – это уровень производства 1980-х гг., это построение условий в материально-технической и общественной сферах, когда удовлетворятся непосредственные запросы, материальные и духовные потребности первой необходимости²⁷. При достижении коммунизма производство не будет горизонтально развиваться, оно будет все время расти вверх до полной победы коммунизма, где будут преодолены все противоречия и удовлетворены все человеческие потребности. Обратимся к поправкам Н.С. Хрущева к Программе партии: «80-е годы – это все-таки 20 лет, и поэтому нельзя сказать, что так же будет и через 40 лет. <...> А через 40 лет что будет? То же, что через 20 лет? Неправильно это. Это будет идти все по возрастающей линии. Видимо, раздел о материально-техническом обеспечении должен быть разбит на периоды или фазы коммунизма»²⁸.

В основе создания материально-технической базы коммунизма видели требование преимущественного развития тяжелой индустрии как стержня экономического производства страны, превращения промышленности СССР в технически самую развитую и мощную индустрию мира²⁹. В очередной раз идеи, заложенные в Программе, уходят своими корнями в теоретическое наследие предшествующих эпох. Ничего принципиально нового по сравнению со сталинской модернизационной гонкой предложено не было. Поэтому нет ничего удивительного, что Н.С. Хрущев в своей речи проводил аналогии между созданием материально-технической базы коммунизма и индустриализацией³⁰. Единственно – в связи с научно-техническими достижениями в Программу были включены веяния нового.

В итоге следует отметить, что, несмотря на ряд важных и принципиальных инноваций хрущевского периода в целом и III Программы в частности, базис советской системы опирался на идеи, выработанные еще в сталинский период. При этом сама III Программа КПСС демонстрирует принципиальный разрыв с прошлым периодом советской истории. Если сталинская модель использовала принуждение, то в 1950–1960-х гг. принуждение заменяется мотивацией иного типа, и III Программа КПСС была призвана не только определять рамки «светлого будущего», но и мобилизовывать на его строительство.

²⁶ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 13. Л. 13.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 201. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 14.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.

³⁰ См.: Материалы XXII съезда КПСС... С. 142.

Д. Бранденбергер

**«ОТТЕПЕЛЬ» В ИДЕОЛОГИИ?
ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА «КРАТКОГО КУРСА».
1946–1956 гг.**

В современных исторических исследованиях высказывается мнение, что ко времени «закрытого доклада» Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС политическая реформа в стране шла полным ходом. Некоторые исследователи заходят еще дальше, утверждая, что десталинизация фактически началась еще до смерти диктатора¹.

Хотя это может быть и верно в отношении некоторых аспектов жизни в СССР, во множестве других случаев сталинские нормы и ограничения сохранялись и в 1950-х гг. Сосредоточиваясь на изучении руководства идеологической сферой СССР, эта статья рассматривает опыт учебника «История ВКП(б): краткий курс», для вытеснения которого из идеологического канона в свое время потребовалось личное вмешательство Н.С. Хрущева.

Как известно, после 1938 г. «Краткий курс» стал одним из наиболее широко тиражированных идеологических сочинений в мире. Выпуск книги в огромных количествах возобновился после Второй мировой войны. Это может показаться несколько нелогичным решением, поскольку повествование «Краткого курса» заканчивается на Третьем Московском процессе и в нем нет упоминаний о предвоенном периоде, войне и послевоенном восстановлении. В «Кратком курсе» также не рассматривались темы, получившие распространение в СССР в конце 1940 – начале 1950-х гг. (например, советский патриотизм, советское революционное влияние за рубежом и т. д.).

¹ Статья готовилась на базе совместного исследования с М.В. Зеленовым. См.: «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1: История текста «Краткий курс истории ВКП(б)». 1931–1956 / сост. М.В. Зеленов, Д.Л. Бранденбергер. М., 2014. С. 664–711. (История сталинизма. Документы); Gorlizki Y. Party Revivalism and the Death of Stalin // *Slavic Review*. 1995. Т. 54. N 1. С. 1–22.

Ожидалось, что второе издание «Краткого курса» после его выпуска наконец поставит точку в данном вопросе.

Хотя в послевоенной идеологической сфере наиболее приоритетным являлось возрождение идеологической ортодоксии, заметным явлением стало также обновление культа личности И.В. Сталина. Когда почитание генерального секретаря партии достигло новых высот в начале 1946 г., Г.М. Маленков внес предложение в Политбюро ЦК о начале работы Института Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) над долгожданной публикацией собрания сочинений И.В. Сталина.

Самым поразительным в этом предложении была инициатива включения всего «Краткого курса» в «Сочинениях» вождя в качестве 15-го тома вместо перепечатки известного параграфа об историческом и диалектическом материализме из этой книги в 14-м томе. Это стало удивительным переворотом в официальной версии авторства «Краткого курса» – от коллективного труда к творению лично Сталина². Предложение Маленкова было немедленно утверждено, и сообщение о планах новой публикации появилось 20 января 1946 г. на страницах газеты «Правда»³.

Для работников идеологической сферы включение «Краткого курса» в собрание сочинений И.В. Сталина, наверное, не было неожиданностью, так как это лишь подтвердило слухи об авторстве книги, которые циркулировали в советском обществе с 1938 г.

Вместе с тем такое решение поставило массу новых вопросов перед сотрудниками ИМЭЛ. Будет ли предстоящий том просто перепечаткой издания 1938 г. в новой обложке? Будет ли переделан титульный лист, чтобы прояснить авторство книги? Будут ли исправлены ошибки, которые были выявлены в тексте с 1938 г.? Будет ли повествование обновлено, чтобы включить описание предвоенного и военного периодов?

Послевоенные архивы ИМЭЛ показывают, что в результате этого решения Политбюро ЦК ВКП(б) институт провел тщательную проверку «Краткого курса», чтобы выявить, какие именно коррективы надо внести в текст. К осени 1946 г. был составлен перечень фактологических, грамматических, стилистических ошибок и неточностей, который занял 21 страницу.

В октябре этот список был направлен И.В. Сталину вместе с версткой текста, которая была сделана в соответствии с макетом собрания сочинений генерального секретаря⁴. Три месяца спустя, в январе

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1477. Л. 94; Оп. 3. Д. 1055. Л. 65–70.

³ Там же. Оп. 3. Д. 1055. Л. 4, 63–70; Оп. 163. Д. 1477. Л. 86.

⁴ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1222. Л. 1–2, 3–23, 24–205.

1947 г., Г.Ф. Александров и П.Н. Федосеев отправили Сталину дополнительную 150-страничную рукопись, в которой повествование «Краткого курса» было доведено до событий 1945 г.⁵ После того как в 1947 г. Александров и Федосеев были уволены из так называемого Агитпропа (Отдела агитации и пропаганды ЦК партии), Д.Т. Шепилов присвоил себе авторство над данными главами – с минимальными изменениями в тексте⁶.

И.В. Сталин не спешил отвечать на предложения ИМЭЛ и Агитпропа, и это вызвало приостановку работы над «Кратким курсом». Генеральный секретарь был, конечно, очень занят в конце 1940-х гг., и не только повседневным управлением государством, но и созданием других канонических книг, таких как первые тома его «Сочинений», второе издание его официальной «Краткой биографии» и новый учебник по политической экономии.

Тем не менее молчание Сталина в отношении «Краткого курса» вызывает недоумение в свете приоритетности значения книги. Вероятно, генеральный секретарь, по крайней мере, посмотрел на предложения от ИМЭЛ и Агитпропа; также известно, что он слегка отредактировал экземпляр книги из послевоенного тиража⁷. Но из этих попыток ничего не вышло. Уверенно можно говорить только об одном решении, которое Сталин принял в отношении «Краткого курса» в течение этих лет. И это – неоднократные поручения переиздать версию книги 1938 г.⁸

В архивных документах содержатся намеки на то, что И.В. Сталин не знал, как поступить с «Кратким курсом». Например, в 1949 г. С.И. Вавилов, главный редактор второго издания «Большой советской энциклопедии», обратился к Сталину за разрешением перепечатать весь «Краткий курс» в 7-м томе «БСЭ» в статье «ВКП(б)».

Отрицательный ответ Сталина показывает, что он считал нужным не только исправить и дополнить «Краткий курс», как и предлагал ИМЭЛ с 1946 г., но и серьезно его переработать, поэтому дал понять, что лучше отложить данное поручение на несколько лет⁹.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1223. Л. 1, 2–140.

⁶ Там же. Л. 1, 2–138.

⁷ Там же. Д. 1221.

⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 53; Д. 1083. Л. 36; Д. 1086. Л. 99; Д. 1092. Л. 27.

⁹ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 111–114; Большая цензура. Писатели и журналисты в стране советов. 1917–1956: док. / сост. Л.В. Максименков. М., 2005. С. 611 автор выражает благодарность О.Л. Лейбовичу за данный источник.

В конечном итоге Институту было разрешено вернуться к работе над «Кратким курсом» для включения его в собрание сочинений И.В. Сталина не ранее 1950–1951 гг.

Наиболее поразительным в новых верстках является тот факт, что ИМЭЛ проигнорировал почти всю редакционную работу, сделанную в 1946 г. Даже не были исправлены фактические, грамматические и стилистические ошибки оригинального издания¹⁰. Логично было бы предположить, что И.В. Сталин решил не обновлять текст «Краткого курса» и канонизировать его в форме классического текста 1938 г. Непрерывная перепечатка отдельных томов довоенного издания в эти годы подкрепляет такую версию.

Эта версия не учитывает, однако, того факта, что в конечном итоге И.В. Сталин не разрешал публикацию даже классического текста «Краткого курса» в рамках собрания его сочинений. Очередной провал переиздания «Краткого курса» указывает на устойчивые сомнения в отношении книги. Возможно, конечно, что Сталин имел четкое представление о новом издании и был намерен вернуться к нему, когда найдет для этого время.

Однако более вероятным представляется, что он считал перспективу переработки текста невозможной в силу трудности совмещения событий последнего десятилетия с концепцией довоенного повествования «Краткого курса»¹¹. К сожалению, партийные архивы не объясняют, почему Сталин не взял на себя ответственность за создание нового послевоенного партийного канона, как он это сделал в 1938 г.

Даже в устаревшем довоенном издании книга сыграла ключевую роль в послевоенном партпросвещении. «Краткий курс» был настолько важной частью раннего послевоенного канона, что даже смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. не подорвала его авторитета¹². По иронии судьбы смерть Сталина открыла для ИМЭЛ (или ИМЭЛС, как он стал называться) возможность возобновить свою работу над «Кратким курсом» в рамках большой работы по завершению публикации последних томов «Сочинений» вождя. В мае 1953 г. гранки

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1225. Л. 1–569.

¹¹ Переоценка истории отразилась на судьбах других книг этого периода. См., напр.: Варга Е.С. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М., 1946.

¹² Обсуждения планов академической истории партии в 1954 г. продемонстрировало, что сотрудники ИМЭЛ в своих воззрениях остались полностью зависимыми от «Краткого курса». См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 4. Д. 179. Л. 92, 94–97.

текста были отправлены руководству партии на утверждение, так как этот том планировалось опубликовать в 1954 г.¹³

Хотя процесс принятия решений в Президиуме ЦК КПСС во второй половине 1953 г. изучен слабо, известно, что ИМЭЛС был информирован в конце декабря, что руководство партии обсуждает значительные изменения политики, происходившие в отношении к умершему вождю. По-видимому, Президиум рассматривал идею исключения «Краткого курса» из собрания сочинений И.В. Сталина и его публикации отдельно в новой редакции¹⁴. Такое решение отстранило бы Сталина от авторства текста и восстановило заслуги первоначальной редакционной комиссии ЦК. Участие Сталина в подготовке издания отныне официально бы ограничивалось авторством знаменитого параграфа четвертой главы об историческом и диалектическом материализме. Партийное руководство вскоре одобрило эти изменения и поручило ИМЭЛС пересмотреть свои планы последних томов «Сочинений» И.В. Сталина¹⁵.

Почему Президиум столь резко изменил приоритеты в 1953–1954 гг.? На первый взгляд, это посмертное смещение И.В. Сталина с поста главного историка предвосхищает процесс десталинизации, который позже будет назван хрущевской «оттепелью». Но такой вывод выглядит неправдоподобным, поскольку партийные лидеры остались целиком и полностью привержены канону сталинской эпохи. Они по-прежнему намеревались издать заключительные тома «Сочинений» И.В. Сталина и содействовали выпуску давно необходимого учебника политической экономии.

Объяснение представляется гораздо более простым: в случае появления второго издания «Краткого курса» авторство должно было быть изменено. Как текст мог быть пересмотрен или обновлен, если его автора уже нет в живых? Для успешного переиздания «Краткого курса» было необходимо в первую очередь вернуться к первоначальной легенде о коллективном создании текста анонимной редакционной комиссией Центрального Комитета партии¹⁶.

После того как вопрос об авторстве «Краткого курса» был решен, руководство партии вернулось к техническим вопросам, касающимся второго издания. В марте 1955 г. задача составления планов для

¹³ ЦХДОПИМ. Ф. 212. Оп. 3. Д. 50. Л. 75, 76, 87.

¹⁴ Там же. Л. 66.

¹⁵ См. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1225, Д. 1092, Д. 1091, Д. 1073, Д. 1072.

¹⁶ Между 1953 и 1954 гг. описание авторства «Краткого курса» также было изменено в сталинской «Краткой биографии» и его статье в «БСЭ». См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 264. Л. 63; Д. 257. Л. 162–167 об.

пересмотра текста была возложена Президиумом на П.Н. Поспелова, секретаря ЦК, который был одним из первых авторов «Краткого курса»¹⁷. Отрывочные сведения говорят о том, что редактирование должно было быть капитальным и имело своей целью связать довоенное содержание книги с четырьмя новыми главами о войне и послевоенном периоде¹⁸.

Хотя ожидалось, что ИМЭЛС посвятит вторую половину 1955 г. работе над «Кратким курсом», П.Н. Поспелов и Президиум ЦК партии не спешили передать Институту указания по поводу необходимых редакционных работ. В результате ИМЭЛСу не удалось подготовить рабочий проект нового издания к предстоящему XX съезду партии в феврале 1956 г., как это планировалось¹⁹.

Как выяснилось впоследствии, это только сыграло на руку новому руководству. Ведь именно на XX съезде партии авторитет «Краткого курса» был впервые официально оспорен в связи с критикой культа личности И.В. Сталина. По иронии судьбы низвержение «Краткого курса» было спровоцировано никем иным, как П.Н. Поспеловым, который был назначен Н.С. Хрущевым в конце декабря 1955 г. главой комиссии ЦК по реабилитации видных членов партии, репрессированных во время «ежовщины».

В быстро подготовленном докладе Поспелова, представленном в Президиум ЦК партии менее чем за неделю до съезда, акцентировалось внимание на злоупотреблениях и перегибах в период 1934–1940 гг. Возможно, что из-за своего личного участия в создании «Краткого курса» Поспелов оказался не готовым критиковать действующий исторический нарратив. Помимо этого, Поспелов отказался пересмотреть оценки таких событий партийной истории, как процессы троцкистов, бухаринцев и массовые операции против различных внутренних врагов – кулаков и буржуазных националистов. Он также не стал изменять трактовку тех событий довоенного периода, которые обошлись стране дороже всего, а именно ускоренной индустриализации и коллективизации²⁰.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 176. Л. 4.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 4. Д. 183. Л. 8, 71; Д. 151. Л. 245.

¹⁹ ЦХДОПИМ. Ф. 212. Оп. 3. Д. 37. Л. 4–5. Авторский коллектив возглавила М.Д. Стучебникова. В его состав вошли: Н.И. Шатагин, А.В. Лукашев, В.С. Кириллов, Ю.Н. Петров, Р.И. Маркова, Т.Ф. Грабарь, И.В. Загложкина, И.М. Мишакова, И.И. Красюкова, В.А. Астапенкова и несколько прикомандированных сотрудников Агитпропа. См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 4. Д. 151. Л. 245.

²⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 23–91 // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. материалы / под ред. А. Артизова и др. М., 2000. С. 315–348.

Несколько дней спустя, в день открытия XX съезда КПСС, Н.С. Хрущев раскритиковал в своем отчетном докладе отдельные аспекты истории партии, в том числе культ личности и некоторые эпизоды «произвола и беззакония». Он также подчеркнул, что партийная идеология нуждается в серьезной реформе, в частности в сфере воспитания и образования²¹.

Однако начинать штурм всерьез выпало А.И. Микояну во время его отчета съезду о партийной идеологии. Особый интерес представляет его критика «Краткого курса», который он атаковал сначала за недостатки как средства пропаганды. Однако Микоян не ограничился этим и осудил хвастовство и некритичность книги²². Речь Микояна вызвала такое потрясение в зале, что даже его родной брат Артем, подойдя к нему позже, выразил свое недоверие²³.

Хрущев, конечно, полностью поддерживал направление удара Микояна. Уполномоченный Президиумом ЦК представить выводы комиссии П.Н. Поспелова, Хрущев счел обвинительное заключение, подготовленное последним, слишком сдержанным²⁴. В течение нескольких последующих дней он расширил его, осудив попытки обелить огромное количество беззаконий в истории партии. Согласно выводам Хрущева, эти искажения были наиболее ярко выражены в «Кратком курсе». Он говорил также о многих других вопросах, но вернулся к теме «Краткого курса» в заключительной части своего доклада. Напомнив слушателям о перегибах в книге, он призвал к новому подходу в изучении истории партии²⁵.

Критика Н.С. Хрущевым И.В. Сталина преследовала гораздо более амбициозные цели, чем обвинения, подготовленные комиссией П.Н. Поспелова. Хрущев вместе с А.И. Микояном весьма эффективно

²¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр. отчет: в 2 т. М., 1956. С. 101–102, 114.

²² Там же. С. 325–326. А.М. Панкратова представила съезду более умеренный вариант доклада (там же, с. 619–623). Эта критика базировалась на отчетном докладе Н.С. Хрущева и аналогичных высказываниях в прессе в 1955 г. См.: Ерошкин Н., Нелидов А. Архивные фонды – на службу исторической науке // Известия. 15.05.1955. С. 3.

²³ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 595.

²⁴ АП РФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–29 об. // Реабилитация: как это было. С. 353–364; РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 73–112.

²⁵ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: док. / под ред. К. Аймермахера. М., 2002. С. 106, 117–118. Н.С. Хрущев работал над проектом доклада вместе с Д.Т. Шепиловым.

снял с «Краткого курса» покровы священного статуса и непререкаемого авторитета.

Тем не менее Хрущев был не столь пренебрежителен к сталинскому историческому повествованию, как Микоян. И хотя Хрущев призвал к подготовке новых исследований по истории революции, гражданской войны, социалистического строительства и Великой Отечественной войны, он сосредоточился скорее на отрицательной роли Сталина в этих исторических процессах, а не на их более расширенном описании. Он не стал оспаривать традиционную характеристику троцкистов и бухаринцев как двурушников и предателей, хотя и допустил, что угроза, которую представляли эти группы, была преувеличена. Он также не стал реабилитировать ни меньшевиков, ни другие группы, такие как «кулаки» и «буржуазные националисты». Как и Поспелов, он решил не критиковать дорогостоящие советские экономические авантюры первой пятилетки и поэтому датировал начало сталинских преступлений декабрем 1934 г. Таким образом, хрущевское отрицание содержащихся в тексте «Краткого курса» эпизодов, связанных с политическим насилием и культом личности, не помешало ему оставить нетронутым все остальное.

В свете изложенного неудивительно, что в 1958 г., когда наконец начали появляться учебники нового поколения, исторический нарратив оказался только частично переписан. Даже после того, как «Краткий курс» был официально исключен из партийного канона, он по-прежнему влиял на написание партийной и государственной истории в СССР. Неизменная живучесть «Краткого курса» в период между 1946 и 1956 гг. была обусловлена как личностными, так и структурными факторами. В последние годы своей жизни И.В. Сталин, видимо, не мог определиться с изданием «Краткого курса». То, что он не стал переписывать книгу, как он поступил в 1938 г., свидетельствует об отсутствии у него четкого представления о том, как сделать довоенный текст подходящим для военного и послевоенного периодов.

Эта неопределенность, вероятно, объясняет и то, почему Сталин не разрешил издание «Краткого курса» в собрании своих сочинений. Он предпочел сохранить оригинальное издание в прежнем виде, возможно, полагая, что вернуться к книге можно будет позднее.

Следует отметить, что работники идеологического аппарата также стремились сохранить первоначальный текст «Краткого курса».

Действительно, несмотря на десятки критических писем читателей с указаниями на недостатки довоенного издания, ни Агитпроп, ни ИМЭЛ не стали вносить даже технические исправления и тем более не ставили вопрос о возможности более существенных изменений. Эта сдержанность, вероятно, вытекает из политической культуры того времени, когда «Краткий курс» рассматривался в качестве

катехизиса, а пересмотр текста, написанного И.В. Сталиным, был строго табуирован.

Идеологический аппарат был готов продолжать поддерживать это почтительное отношение к руководству партии и после смерти диктатора до тех пор, пока наследники И.В. Сталина периодически подкрепляли эту политическую культуру.

В конце концов только личное решение Н.С. Хрущева расширить выводы комиссии П.Н. Поспелова привело к тому, что сначала А.И. Микоян, а затем и сам Хрущев открыли огонь критики по «Краткому курсу». К сожалению, «закрытый доклад» Хрущева оказался недостаточным для того, чтобы полностью исключить влияние «Краткого курса» на советскую политическую культуру. И хотя Н.С. Хрущев и А.И. Микоян смогли уменьшить авторитет книги, им не удалось добиться от идеологического аппарата принципиальной переработки истории партии, из-за чего учебники периода «оттепели» повторно воспроизводили многие основные принципы их сталинского предшественника.

Б.И. Беленкин

**ИСПРАВЛЕННОМУ НЕ ВЕРИТЬ!
ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ НА РАННЕМ ЭТАПЕ:
ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ «ВЕЛИКОГО РУССКОГО
НАРОДА» А.М. ПАНКРАТОВОЙ**

В 1954 г. действительный член Академии наук СССР, член ЦК КПСС, главный редактор журнала «Вопросы истории» историк Анна Михайловна Панкратова приступила к работе над третьей редакцией своей книги «Великий русский народ». Работа была закончена не позднее зимы – в начале 1955 г.

Первое издание книги вышло в 1948 г, второе – исправленное и дополненное – в 1952 г. Подготовленный к печати вариант третьего издания представляет собой разброшюрованный экземпляр второго издания с многочисленными правками и рукописными вставками (вкладками)¹. Работу оставалось отнести в издательство и/или передать машинистке, но к подготовленной автором редакции более никто не прикасался. Экземпляр с авторскими правками десятилетиями хранился в квартире академика у ее потомков.

Книга Панкратовой и в первом, и во втором изданиях является характерным памятником эпохи позднего сталинизма и стоит в одном ряду с такими изданиями, как «Рассказы о русском первенстве». Поскольку подготовка очередного, третьего, издания велась на фоне смены эпох, интересна технология сотворения идейно и политически выдержанного текста вслед за меняющейся политической конъюнктурой и попыткой подогнать идеологически устаревающий с каждым днем материал к новым историческим условиям.

В книге «Великий русский народ» кратко излагается история СССР от древнейших времен до настоящего времени – до конца 1954 г. (в случае издания третьей редакции). Изложение исторических событий напоминает краткий вариант школьного учебника по истории, который служит в книге основой, подобной картонной основе ку-

¹ Документ хранится в Архиве Международного общества «Мемориал».

клы «одевалки» с вклеенным в нее магнитом для цепляния одежды. «Одежку» для книги (этой «голой куклы») составляют многочисленные идеологические конструкции, а «магнитом» служит известный тост Сталина, произнесенный на кремлевском приеме для командования Красной армии 24 мая 1945 г.:

«...Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза...» и т. д.

Этими словами торжественной речи вождя книга практически и начинается². Откровенно противопоставляя русских другим народам, населявшим СССР, Сталин своим тостом в мае 1945 г. официально утвердил восстановление этнической иерархии. Многие увидели в словах Сталина требование к пропагандистам сосредоточиться на русском народе и его историческом величии.

После нападения Германии противоречия в официальной линии разделили партийных идеологов и придворных историков на два противоборствующих лагеря: «неонационалистов» и «интернационалистов». К 1944 г. стало очевидно, что позиция «интернационалистов», одним из лидеров которых была Панкратова, устарела³. Сталинский тост все окончательно расставил по своим местам. Заглавие первой послевоенной книги Панкратовой – «Великий русский народ» (ей предшествовала одноименная брошюра издания 1946 г.) – не без горькой иронии говорит о том, что даже ей пришлось принять новую ортодоксию. Данное заглавие определяет послевоенную программу исторической науки в целом⁴.

Итак, сталинский тост составил лейтмотив книги. В роли однообразных рисунков и цветовой раскраски выступают слова «русский» и «Сталин» в различных грамматических формах с хвалебными эпитетами. «Сталин» и производное от него прилагательное «сталинское», не считая географических и производственных названий в честь дик-

² См.: Панкратова А.М. Великий русский народ. М., 1952. С. 4.

³ Подробнее о А.М. Панкратовой, коллизиях в исторической науке военного времени см.: Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000; Савельев А.В. Необычайная карьера академика А.М. Панкратовой. М., 2012; Zelnik R. Perils of Pankratova: Some Stories from the Annals of Soviet Historiography // Univ. of Wash. press. Seattle, 2005.

⁴ Подробнее см.: Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011.

татора, встречаются во втором издании *свыше 250 раз* – фактически в среднем по разу на каждой странице.

В сухом осадке по прочтении книги главенствует мысль о том, что все народы в нашей прекрасной истории хороши, но русский – лучший. Приступая к работе над подготовкой третьего издания, автор, скорее всего, полагала, что следует всего лишь что-то сократить, добавить, заменить и исправить в соответствии с последними веяниями «наверху» и конкретными указаниями партруководства – и очередное издание в ближайший 1955-й г. увидит свет. В каких же условиях протекала работа над подготовкой третьего издания?

Сразу после смерти Сталина начали происходить сбои в идеолого-пропагандистской программе, на которую работали в последние годы Панкратова и ее коллеги по историческому цеху. Например, в Постановлении Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» от 7 июля 1953 г. (в СССР до 1991 г. не публиковалось) было сказано: «Следует признать ненормальным, что в нашей партийной пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории»; «партийная пропаганда сбивалась нередко на культ личности, что ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к снижению творческой активности партийных масс и широких масс советского народа»⁵.

При этом в опубликованных документах Президиума ЦК КПСС этого периода не содержится прямых свидетельств того, что в партийном руководстве меняется отношение к фигуре Сталина⁶. Но следы этих изменений многочисленны и очевидны. Любой, в том числе не очень внимательный читатель газет и агитпроповской литературы того времени, мог наблюдать, как сразу же после похорон вождя стала меняться «презентация Сталина»: все меньше славословий, портретов, упоминаний. Тема Сталина стала отходить на второй план. Его цитировали, но все менее обильно, продолжали «поминать», но не так, как прежде.

Другими словами, сразу после смерти Сталина становится заметным, что советская партийная печать, агитпроповская литература отражают новые, пусть пока еще завуалированные, установки пар-

⁵ Лаврентий Берия. 1953: стеногр. июльского Пленума ЦК КПСС и др. док. / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 367.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 2: Постановления. 1954–1958. М., 2006.

тийного руководства по отношению к личности, а если точнее – к «культу личности» Сталина⁷.

В Российском государственном архиве новейшей истории в фондах Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС укомплектовалось достаточное количество документов, свидетельствующих о такого рода указаниях. Например, начиная с мая 1953 г. вносились соответствующие изменения в тематику диссертаций, в которых фигурирует имя Сталина, аспирантов Академии общественных наук СССР⁸. По аналогичному принципу заметно сокращались (или изменялись) тематики лекций, проводимых Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний во втором полугодии 1953 г.⁹

В июне того года отменилось решение о публикации подготовленного к печати сборника докладов, посвященного произведению И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», решениям XIX съезда партии и речи Сталина на заключительном заседании съезда¹⁰.

С мая начался процесс переименования газет, в названиях которых были использованы слова, производные от «Сталин»¹¹. Заметно сократилось издание работ Сталина в тематических планах выпуска литературы Госполитиздатом (например, на 1955 г.)¹². Судя по материалам Отдела пропаганды и агитации, начиная с весны 1955 г. любые публикации сталинских работ, в том числе в сборниках, публикации изобразительных материалов (портретов Сталина) требовали обязательного согласования с ЦК КПСС¹³.

Более того, нами обнаружено относящееся к декабрю 1954 г. указание на необходимость удаления из брошюры с речью М.И. Калинина абзацев, посвященных Сталину¹⁴. При этом многие решения,

⁷ Первая по времени публикация на тему «культ личности» после смерти Сталина – статья «Коммунистическая партия Советского Союза – направляющая и развивающая сила советского общества» – состоялась в двух изданиях (Коммунист. 1953. № 8. Май; Правда. 10.06.1953), в последующем тема нашла отражение в августе–сентябре того же года в журнале «Коммунист». См. также: Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; Артюков А.П. Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953–1956 гг. // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2015. Т. 17. № 3 (2).

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 594. Л. 25–32, 41–51, 91.

⁹ Там же. Д. 599. Л. 55–66, 68–72.

¹⁰ Там же. Д. 594. Л. 66.

¹¹ Там же. Д. 607. Л. 6, 18, 88.

¹² Там же. Д. 718. Л. 16, 17–21.

¹³ Там же. Д. 715. Л. 69. Д. 717. Л. 82.

¹⁴ Там же. Д. 682. Л. 84.

связанные с десталинизацией принимались на самом «верху» достаточно неожиданно, и предугадать их было невозможно.

Очевидную «импровизацию» в принятии решений, связанных с изменением отношения к фигуре недавно умершего вождя, иллюстрируют решения Президиума ЦК КПСС сначала от 7 декабря 1954 г. – о проведении 21 декабря торжественного заседания, посвященного 75-летию со дня рождения И.В. Сталина¹⁵, а затем от 17 декабря – об отмене первого решения¹⁶. При подготовке третьего издания книги Панкратова внесла несколько видов правки. Самая частая правка касалась удаления значительного количества упоминаний имени Сталина. Эти удаления и составили то наиболее существенное, что обрела новая редакция. Были удалены фрагменты (от одного предложения до двух абзацев), целиком посвященные Сталину или содержащие восторженные отсылки к словам либо действиям вождя. Например:

«От имени партии, рабочего класса и всего советского народа товарищ Сталин дал великую клятву неуклонно осуществлять заветы Ленина. Это была клятва большевистской партии своему вождю. Эту клятву партия, советский народ выполняли и выполняют с честью.

На смерть Ленина рабочий класс ответил еще большим сплочением вокруг ~~большевистской партии [заменено на слова «коммунистической партии и ее Центрального Комитета»]~~ ~~вокруг великого продолжателя бессмертного дела Ленина — Сталина»~~¹⁷.

В этом примере интересно то, что из текста удаляется ключевой в апологетической биографии Сталина сюжет «клятва вождя», клятва Сталина у гроба Ленина, что свидетельствует об изменившейся интерпретации роли Сталина в истории партии и страны.

Неожиданными стали замена «зиновьевцев» на «бухаринцев» и добавление к «троцкистам» «бухаринцев»¹⁸ (и это в 1954 г.!) Что за этим стоит, что за «антибухаринские» сигналы могли быть поданы «сверху» – неведомо¹⁹.

¹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 174. Л. 173.

¹⁶ Там же. Д. 177. Л. 24.

¹⁷ Архив Международного общества «Мемориал». Ф. 32. Оп. 3. Д. 3. Панкратова А. Великий русский народ. М., 1952. С. 140.

¹⁸ Там же. С. 142.

¹⁹ Единственным объяснением может быть факт первого после 1938 г. (!) переиздания в 1954 г. (довольно неожиданного, на наш взгляд, на фоне начала процесса десталинизации) брошюры И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» (М., 1954).

Итак, главным объектом вымарок были упоминания Сталина, которых в тексте было насчитано *около 150*, в том числе в 20 случаях целиком вычеркнута связка Ленин–Сталин. При этом в нескольких случаях предпочтение отдано упоминанию Ленина: в этой связке, то есть – «Сталин» либо вычеркнут, либо заменен на «Ленин».

Любопытна правка концептуального характера в начале главы «Боевой союз русского народа с освобожденными народами России в первые годы советской власти». Так, фраза: «Победа советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение укрепили отношения между народами Советской страны, подорвали старую национальную вражду и усилили доверие к русскому народу» была заменена на фразу: «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, созданная русским [подчеркнуто нами. – Б.Б.] народом, послужила образцом государственного строительства для всех народов нашей страны»²⁰.

При замене утратились важные смыслы понятий советского строя и права наций, но громкое звучание получила тема «великодержавности».

Комичный оттенок имеют удаления (на редакторском сленге – «выкидки») из стихотворений. Вот пример выкидки, которая потребовала последующего внесения изменений в название произведения: Панкратова превращает «Обращение к товарищу Сталину» чувашского народа в «одно из новогодних посланий». Вычеркнуты строки:

«Самый близкий друг наш Сталин
Солнце нашего восхода!
Породнил ты нашу славу
С славой русского народа».
Следующие сохраненные строки: «Он великий и могучий, /
Напрягал в борьбе усилья,
Чтоб могли в полете общем
Чуваши расправить крылья...»²¹ –

относятся только к «русскому народу», но получилось, как, видимо, посчитала автор, удовлетворительно, хотя в результате правки были потеряны как амбивалентность того, кто имелся в виду до вычеркивания (Сталин или русский народ), так и прекрасный образ – «Солнце нашего восхода».

²⁰ Панкратова А. Великий русский народ... С. 105.

²¹ Там же. С. 160.

Не менее вольным было обращение с таджикским певцом-сказителем Хикмаром Ризо (вычеркнуто Панкратовой):

~~«От таджиков ему наш привет всенародный / Расскажу, как цветет горный край мой свободный, / Как приходят на помощь к нам русские братья, / Как в труде мы раскрыли друг другу объятия / И как сталинской дружбой светлы и сильны мы, / В ожиданье и в счастье навек неделимы. / До земли поклонюсь я ему от народа, / Пусть любимый, он здравствует долгие годы!»~~²²

Вообще-то, весь текст был посвящен исключительно Сталину, а про «русских братьев» здесь речь была постольку-поскольку. На другой странице²³ сделаны сразу две выкидки. В первом случае грузинский народ был лишен адресата своего поэтического послания («Товарищу Сталину»). Сам текст, свободный от упоминаний Сталина, не тронут правкой.

Меньше повезло Джамбулу. Вычеркнуты две строчки:

~~«Сталин сумел народы собрать, / Братство племен и народов сковать».~~

То, что четверостишие превращено в двустишие: «Всесильна народов великая рать, / Одна у них Родина-мать» – и от этого выглядит нелепо, с точки зрения Панкратовой, не так важно.

В другом контексте в результате вычеркивания строки: «Мы рапортуем Вам, товарищ Сталин»²⁴ – можно заметить произошло «зависание» рифмованной строки с точной рифмой: «Из пепла и дымящихся развалин». Вычеркнут и адресат письма. Теперь вместо «товарищу Сталину» адресата вообще нет.

Причина столь «неуважительного» отношения к цитируемым текстам, мы полагаем, кроется в понимании абсолютной их халтурности и конъюнктурности. Может быть, для Панкратовой не было секретом, что русскоязычные переводы народных сказителей из советских республик зачастую были вполне самостоятельными текстами, имеющими с оригиналами мало общего.

Показательны также случаи кастрации цитируемых непоэтических текстов, например писем трудящихся. Вот вполне невинные сокращения из письма, адресованного Сталину уральскими рабочими в 1942 г.: ~~«По вашему заданию, товарищ Сталин, надо~~ [исправлено на слово «Надо»] было построить два новых цеха для эвакуированного завода. И вот по Вашему слову закипела работа на строительной площадке»²⁵.

²² Там же. С. 162.

²³ Там же. С. 168.

²⁴ Там же. С. 204.

²⁵ Там же. С. 189.

Адресат (И.В. Сталин) оставлен, но из текста удалены обращения к нему.

Кардинальнее выглядит авторская расправа с письмом Сталину кузнецких металлургов. В преамбуле к тексту письма удалено указание на адресат – на Сталина. Из текста удалено обращение «Дорогой Иосиф Виссарионович!»²⁶ Письмо Сталину стало письмом никому.

Очень «антисталинской» получилась самая «сталинская» страница второго издания – здесь автором не оставлено живого места. Письмо Сталину от деятелей науки и техники Ленинграда превращено в абстрактное заявление тех же деятелей. Имя Сталина многократно было вымарано по всему тексту письма²⁷.

Не повезло и учительнице из Казахской ССР Асьме Курмашевой. Уверенно, с нажимом вычеркнуто предложение:

«Слава тому, кто дал победу, равноправие и счастье всем народам Советской страны – нашему вождю и учителю, отцу и другу – великому Сталину!»²⁸

Вычеркнут и весь следующий абзац – письмо молдавского народа Сталину, в котором он упоминается через строку.

Также из текста была удалена фраза из предсмертного обращения к жителям деревни Зои Космодемьянской. Заключительные слова, якобы произнесенные юной партизанкой перед казнью и взятые из газетного очерка корреспондента Петра Лидова «Бейтесь! Не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!», – заменены на слова: «Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье умереть за свой народ! Боритесь! Не бойтесь!»²⁹

Вызывает также недоумение вставка в начале главы «Русский народ во главе боевого содружества народов СССР в годы Великой Отечественной войны». Говоря о вероломном нападении на СССР гитлеровской Германии, Панкратова вместо слов «подготовленном международной реакцией» вставляет слова «при поддержке правящих кругов США и Англии»³⁰. Кроме фактологической лжи эта правка вносит и окончательную путаницу в понимание роли союзников. Но объяснение такой вставке есть: период конца 1954 – начала 1955 г. ознаменовался новым витком «холодной войны», вызванным подписанием Англией, Францией и США 23 октября 1954 г. Соглашения о ремилитаризации Западной Германии, что привело к денонсации СССР союзнических договоров.

²⁶ Панкратова А. Великий русский народ... С. 216.

²⁷ Там же. С. 219.

²⁸ Там же. С. 230.

²⁹ Там же. С. 188.

³⁰ Там же. С. 172.

Однозначно в новой редакции книги вычеркивается все, что содержит упоминание Берии.

Наряду со случаями удалений по тексту самым объемным и значительным видом редакционной правки Панкратовой были вставные рукописные фрагменты. Например, это относится к вставке мифа о самолете Можайского³¹. Только накануне – осенью 1954 г. – вышел очередной том «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) со статьей о А.Ф. Можайском и его самолете с вымышленными утверждениями как о состоявшемся полете, так и о возможности полета на сконструированном им аппарате³².

В завершение краткого обзора удалений и вставок стоит привести пример «актуального» сегодня. Вот фрагмент из огромной вставки в конце книги:

«Украинский народ осуществил свою вековую мечту, воссоединив все украинские земли в единую Украинскую Советскую Социалистическую Республику. В 1954 году в состав Украинской ССР перешла Крымская область, входившая в состав РСФСР. «В истории не было и не могло быть подобных отношений между государствами, – заявил в своей речи, посвященной передаче Крымской области, К.Е. Ворошилов. – В прошлом, и особенно при капитализме, в самой основе отношений между государствами заложены стремления к территориальным захватам, стремления сильных государств поживиться за счет территорий слабых государств... Передача Крымской области в состав Украины и является проявлением дружбы между народами нашей страны, дружбы, которую выковала на протяжении всей своей пятидесятилетней истории Коммунистическая партия Советского Союза»³³.

По авторской правке Панкратовой можно реконструировать идеологические новации двух лет, прошедших после смерти Сталина. Автор внимательно отслеживает не только постановления партии и правительства, но и культурные веяния. Понятно, что «великость» русского народа лучше отслеживать как по военным победам, так и по бесспорным достижениям литературы и искусства. Подробно освещается только что прошедший в декабре 1954 г. Второй съезд советских писателей³⁴. Можно назвать много писателей. Сажать их вряд

³¹ Там же. Вставка на с. 57.

³² Подробнее см.: [А.А. Перченко] Из истории отечественной авиации / Рассказ академика М.А. Стыриковича // Память. Исторический сборник. Вып. 3. М., 1978; Париж, 1980. С. 422–423.

³³ Архив Международного общества «Мемориал»... Вставка на с. 235.

³⁴ Там же. Вставка № 3 на с. 245.

ли будут – террор в прошлом. И вымарывать, как Берию, не придется. Судя по хронологии, вставка про писательский съезд оказалась по времени последней.

Как мы можем убедиться, листая правленое второе издание, в задачу автора-редактора не входило совсем убрать упоминание Сталина со страниц книги, поскольку оставлено более 100 таких упоминаний.

Подводя некоторые итоги, прежде всего можно отметить, что в исследуемых материалах по подготовке А.М. Панкратовой третьего издания «Краткого курса» зафиксирован период перехода от культа личности И.В. Сталина к его разоблачению, или – ранний период десталинизации.

Этот источник наглядно показывает «технологию» отхода от практики прославления Сталина. Полагаем, таких документов, в которых сам автор демонстрирует процесс собственного отхода от воспевания Сталина, – единицы. Член ЦК КПСС и академик А.М. Панкратова сама вносит правки в свое предыдущее издание, излишне восхваляющее Сталина, то есть в каком-то смысле, вольно или невольно, она признает свое непосредственное участие в создании культа личности. Наконец, несмотря на, казалось бы, огромный объем, правка тем не менее оказывается в смысловой части не столь значительной – основной массив текста и его идеология остались без существенных изменений.

Кроме этого, панкратовская редакция поднимает ряд важных вопросов, на которые нет однозначных, исчерпывающих ответов. В частности, как именно высшее партийное руководство формулировало *конкретные* указания партийной и научной номенклатуре с весны 1953 до осени 1955 г. касательно изменений в отношении к фигуре Сталина, его роли в советской истории: кем и как формулировались соответствующие указания/установки по отражению этих изменений в печати, научных трудах, учебных планах? От кого именно в Президиуме ЦК КПСС поступали эти указания?.. (О многочисленных «следах» этих указаний сказано выше.)

Работа Панкратовой служит наглядным доказательством того, что по состоянию на конец 1954 – начало 1955 года «отмашки» относительно прекращения упоминаний Сталина или доведения их до минимума еще не последовало. Почти ничто не указывало на то, что произойдет всего через год на XX съезде КПСС. Иначе многоопытная Анна Михайловна вряд ли стала бы тратить столько усилий на напрасный труд. Можно предположить, что до весны 1955 г. перспектива выпуска третьего издания «Великого русского народа» оставалась вполне реальной. Даже снятие Г.М. Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР в начале февраля 1955-го (а

у Панкратовой по тексту была вставка с его цитатой³⁵), эту перспективу не отменяло.

Более того, на фоне довольно скромного отмечания второй годовщины со дня смерти И.В. Сталина шагом назад воспринималась программная статья ответственного в тот момент за идеологическую работу Д.Т. Шепилова, опубликованная в газете «Правда» 22 апреля 1955 г. ко дню рождения Ленина, перепечатанная другими газетами и вышедшая затем отдельной брошюрой³⁶. В тексте было не так много – всего пять – упоминаний имени Сталина (в объеме брошюры – на каждой четвертой странице). Зато он – Иосиф Виссарионович Сталин, как и в прежние времена, был назван «великим продолжателем дела Ленина», под руководством которого партия «в ожесточенной борьбе с <...> многочисленными врагами народа привела нашу страну к победе социализма»³⁷, а «Коммунистическая партия под водительством Сталина осуществила коренные преобразования советской экономики»³⁸. Также дважды было отмечено: «И.В. Сталин указывал...»³⁹. Наконец, один из финальных абзацев заканчивался так: «Это путь, возвешенный Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным, – путь к коммунизму. (*Продолжительные аплодисменты*)»⁴⁰.

Панкратова, конечно же, была осведомлена о настроениях членов Президиума ЦК партии. Но даже там, «наверху», до последнего дня работы XX съезда КПСС, до закрытого утреннего заседания 25 февраля 1956 г., ей никто не ответил бы на вопрос, превратилась ли окончательно в макулатуру ее третья редакция?

Все «рухнуло», когда оказалось, что полной замене подлежит сам стержень идеологической программы. Оказалось, что не подлежит использованию как сама картонная основа «куклы-одевашки», так и «магнит», запрятанный в ее картонную основу. Но этого Панкратова в 1954-м и даже в начале 1955 г. знать еще не могла.

XX съезд КПСС, а точнее доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», дал понять члену ЦК, делегату съезда Панкратовой, что ееopus устарел безнадежно и исправлению не подлежит – он мертв. И причина этого состояла не только в развенчании

³⁵ Архив Международного общества «Мемориал».... Вставка на с. 256.

³⁶ Шепилов Д.Т. Идеи Ленина озаряют путь к коммунизму: Докл. 22 апр. 1955 г. на торж. засед. в Москве, посвящ. 85-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. М., 1955.

³⁷ Там же. С. 5.

³⁸ Там же. С. 6.

³⁹ Там же. С. 13, 14.

⁴⁰ Там же. С. 22.

культы личности Сталина, но и в очевидной отмене идеологической установки на использование словосочетания «*великий русский народ*».

А.М. Панкратова не сопротивлялась. Более того, она самолично и полагаем, не без чувства облегчения, бросила в свежевыкопанную могилу с ее почившим трудом и свой комочек земли. В выступлении на заседании эпохального съезда 20 февраля 1956 г. она заявила: «Необходимо... продолжать борьбу на два фронта – против великодержавного шовинизма и местного национализма, ибо это две стороны одной и той же медали»⁴¹.

⁴¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года: Стенографич. отчет. М., 1956. С. 624.

А.В. Антошин

«ТЕРМИДОР» ИЛИ «ПРАВОВОЙ НЭП»? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СССР ПОСЛЕ СМЕРТИ И.В. СТАЛИНА В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. стала, бесспорно, одним из переломных моментов отечественной истории. Начавшийся после него весьма противоречивый период советской истории, не вполне точно именуемый обычно хрущевской «оттепелью», оказал огромное влияние на атмосферу в стране, привел к серьезным изменениям в сознании советских людей.

И даже последующая «ползучая рестаблинизация» не смогла полностью «выветрить» дух послесталинской эпохи, что и показали события горбачевской «перестройки». Однако так, по крайней мере, нам видится ее значение спустя 60 лет – из XXI века.

Как эту эпоху воспринимали современники? Среди тех, кто пристально всматривался в происходившие в стране процессы, были и эмигранты из Советской России, СССР, которые проживали в различных странах мира. Их внимание к событиям на покинутой ими когда-то Родине не было чисто академическим, ведь от того, в каком направлении пойдет развитие советского общества после смерти И.В. Сталина, могла зависеть и их дальнейшая судьба.

В настоящей статье делается попытка показать, как воспринимали российские эмигранты события первых послесталинских лет, движение советского общества к судьбоносному XX съезду КПСС.

Данная проблема относится к числу неисследованных сюжетов истории российской эмиграции. Общая картина политической деятельности русских эмигрантов в 1950-е гг. представлена в работе М.В. Назарова¹. Характеристике эмигрантских периодических изданий этой эпохи посвящены труды известного историка Русского за-

¹ См.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

рубежья П.Н. Базанова². Однако тема реакции эмигрантов на смерть И.В. Сталина и политику «коллективного руководства», на наш взгляд, все же требует специального изучения.

За основу изучения этой темы автором взяты материалы ряда американских и европейских архивов: Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, США), Отдела специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета (г. Вашингтон, США), Международного института социальной истории (г. Амстердам, Нидерланды).

В них содержатся личные письма российских эмигрантов, написанные в 1953–1955 гг. Их авторы в личной переписке с друзьями обычно были достаточно откровенны. Это особенно заметно при сопоставлении с другой группой использованных здесь источников – с периодической печатью Русского зарубежья тех лет. Привлечение различных источников дает возможность понять позиции эмигрантских общественных деятелей в один из важнейших моментов отечественной истории XX века.

Уход из жизни И.В. Сталина вызвал в среде критически относившейся к режиму в СССР российской эмиграции всплеск надежд на изменения в стране. Наиболее непримиримо настроенные по отношению к коммунистическому руководству страны эмигрантские группировки надеялись, что после смерти вождя потерпит крушение весь политический режим в СССР.

Показательным является воззвание Исполнительного бюро Совета Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), появившееся в прессе сразу же после получения известия о смерти И.В. Сталина: «Смерть Сталина развязала руки революции. <...> Паника и разброд – в душах сталинских последышей! Страшны, да все же не так страшны. Верные ученики и соратники, да все же поменьше рангом»³.

Стоит заметить, что такими в марте 1953 г. были настроения не только у руководства НТС, но и у деятелей местных организаций, рассеянных по всему миру. 26 марта 1953 г. проживавший в ливанском г. Триполи Н. Немешаев восторженно писал лидеру НТС В.М. Байдалакову: «Поздравляю Вас с хорошей новостью – смерть Сталина! Возможно, это будет поворотным моментом в истории России, началом освобождения от большевизма»⁴.

² См.: Базанов П.Н. Издательская деятельность политических изданий русской эмиграции (1917–1988). СПб., 2004; и др.

³ За Россию. Франкфурт-на-Майне, 1953. № 3. С. 3.

⁴ Georgetown University Library. Special collections (далее – GUL. SC).

В то же время анализ личной переписки деятелей НТС весной 1953 г. показывает, что эти люди осознавали, что события в Советском Союзе становились также своеобразной «лакмусовой бумажкой» для российских антикоммунистов. Казалось, что они, в течение многих лет критиковавшие советский режим из-за границы на страницах бесчисленных газет и журналов, получили исторический шанс. Очень четко об этом написал 17 марта 1953 г. известный солидарист В. Брандт: «Обстановка поставила исторический экзамен. Сумеем реализовать возможности активизации нашей борьбы, которая сейчас, как никогда ранее, имеет шансы на успех, или не сумеем? Нужно суметь. Не имеем права не выдержать этого экзамена»⁵.

Энтузиазмом были переполнены в те весенние дни многие рядовые солидаристы на разных континентах. Они ехали в Европу (для НТС она была основным фронтом «холодной войны»), стремясь тем самым приблизиться к событиям.

В созданных при содействии ЦРУ альпийских лагерях для подготовки парашютистов наблюдался небывалый ажиотаж. Эмигрантская молодежь рвалась в бой, надеясь скоро оказаться в Советском Союзе и принять участие в свержении коммунистического режима. Один из инструкторов – К. Черезов – писал в апреле 1953 г.: «Несмотря на то, что мы двое (так в тексте. – А.А.), количество работы утраивается. Я не жалею, просто сейчас такое положение у всех наших. Как в муравейнике! Людей только не хватает. К нам сейчас прибывает много птенчиков, еще не оперившихся... Тяжело будет, но очень интересно... Настроение бодрое, хорошее, работать хочется»⁶.

Однако вскоре все рухнуло. Арест советскими спецслужбами и расстрел группы парашютистов, состоявшей из С.З. Горбунова, А.В. Лахно, А.Н. Макова и Д.Н. Ремиги, произвели эффект разорвавшейся бомбы. О реакции лидеров НТС на известие о гибели молодых товарищей свидетельствовали названия статей в солидаристской прессе: «Это на нас», «Наша боль»⁷ и т. д. Надежды на скорую революцию в СССР, разделяемые весной 1953 г. многими активными антикоммунистами, не оправдались.

Постепенно эмигрантским политикам стало очевидно, что после сталинский СССР стал развиваться по иному сценарию. Внимание деятелей Русского зарубежья переключилось на те процессы, кото-

The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Fold. 1. Н. Немешаев – В.М. Байдалакову. 26.03.1953.

⁵ Там же. В. Брандт – В.М. Байдалакову. 17.03.1953.

⁶ Там же. К. Черезов – В.М. Байдалакову. 27.04.1953.

⁷ См.: За Россию. 1953. № 5. С. 1–4.

рые протекали внутри советской политической элиты. Пришло понимание, что от расстановки сил в руководстве СССР могло зависеть развитие Советского государства и общества в целом.

Весной-летом того года все внимание было приковано к личности Г.М. Маленкова. Казалось, что именно он и будет тем новым лидером, который станет определять характер эволюции советского общества. А в том, что уже весной 1953 г. можно было говорить об эволюции, ряд эмигрантских аналитиков не сомневался. Известный писатель М.А. Алданов указывал в апреле в письме В.А. Маклакову: «Кое-что из уже сделанного Маленковым можно считать в его смысле “непоправимым”: так, впервые Москва признала, что признания при “чистках” достигались “совершенно недопустимыми способами” (т. е. пыткой) и что в Кремле (читай: Сталин) иногда ошибаются. Статьи “Правды” это – прямо пощечины Сталину, едва ли это можно делать лишь для того, чтобы обмануть и усыпить американцев и западный мир вообще». И тем не менее Алданов полагал, что антикоммунистическое Русское зарубежье не должно поддерживать Маленкова. Он не забыл, что «еще недавно Маленков совершал всевозможные злодеяния»⁸.

В этом, по мнению М.А. Алданова, и была большая проблема тех представителей советской политической элиты, от которых (по данным западных СМИ) исходили реформаторские предложения. Г.М. Маленков и тем более Л.П. Берия были долгое время, по замечанию эмигрантского писателя, «еще хуже Сталина». Могли ли такие люди начать реальную трансформацию политической системы СССР? Алданов был в этом вопросе весьма осторожен: «По-моему, они могут (если не будут свергнуты своими же товарищами) еще сделать одну большую и популярную уступку во внутренней политике: ослабление колхозного строя и некоторое подобие нового НЭПа. Больше ничего во внутренней политике не сделают, т. к. диктатура может держаться лишь террором, и даже полутеррор ее ослабит».

Что же касается внешней политики, то уже в начале апреля 1953 г. эмигрантский писатель допускал возможность не только окончания Корейской войны, но и согласия послесталинского руководства на объединение Германии⁹.

Однако М.А. Алданов прекрасно понимал, что у потенциальных реформ могут быть и очень сильные оппоненты в среде советской бю-

⁸ Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (далее – HIA). Vasily Maklakov papers. Box 2. Fold. «M. Aldanov. 1953». М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 08.04.1953.

⁹ Там же.

рократии. В том же апреле он прозорливо указывал, что первые действия Г.М. Маленкова не могли не вызвать недовольства у сторонников продолжения прежнего курса: «И в аппарате, и даже на верхушке него есть немало людей, которым эти действия очень не нравятся и не выгодны»¹⁰. Поэтому неизбежно должна была обостриться борьба за власть в руководстве СССР, а в этих условиях возрастала роль армии в общественно-политической жизни страны.

Уже весной 1953 г. сразу в нескольких письмах М.А. Алданова возникает фигура Г.К. Жукова как возможного лидера СССР. Причем эмигрантский писатель замечал: «Уж его-то (эмиграции. – А.А.) можно было и “приветствовать”»¹¹. Поэтому эмигранты опасались, что Жукова могут «отослать» на должность посла СССР в США, тем более что его хорошие отношения с новым президентом Д. Эйзенхауэром были давно известны.

Отголоском борьбы за власть в руководстве СССР М.А. Алданов считал и появление в апреле 1953 г. на страницах «Правды» статьи, где «в очень резкой и издевательской форме» говорилось о сторонниках «единоличной власти» в Кремле. Отсюда возникал вопрос: против кого направлена эта статья? Неужели против Г.М. Маленкова, который весной 1953 г. был, казалось, единственным претендентом на роль нового «вождя»? А если так, то кто стоял за данной публикацией? И вот здесь в письме Алданова впервые возникла фигура Н.С. Хрущева¹².

Все это еще раз свидетельствовало, по мнению эмиграции, насколько сильной была борьба за власть внутри «коллективного руководства».

Возникал, конечно, вопрос: а какова роль эмиграции во всех этих процессах? Была ли необходимость стать ей только пассивным наблюдателем противоборства политических элит или она могла сыграть активную роль в событиях? Такие интеллектуалы, как М.А. Алданов, не относились к числу сторонников эмигрантского «активизма». В отличие от НТС они весной 1953 г. были настроены против заброски парашютистов в СССР и тому подобных акций. Алданов подчеркивал: «Какая-то разумная сила в России обнаружилась, со стороны эмиграции безумно противопоставлять ей свою волю и ее поддерживать своими советами... И больше всего не призывать на помощь иностранцев»¹³. Старый писатель прекрасно понимал, что эмиграцию

¹⁰ Там же. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 13.04.1953.

¹¹ Там же. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 08.04.1953.

¹² Там же. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 19.04.1953.

¹³ Там же. М.А. Алданов – В.А. Маклакову. 10.04.1953.

не встретят в Советском Союзе так же, как встретили Наполеона после его возвращения с острова Эльба.

А вот приверженцы тактики «активизма» и летом 1953 г. продолжали мечтать о новой революции. Находясь за десятки тысяч километров от Советского Союза, они пытались увидеть в том, что сообщала пресса, признаки будущей политической «грозы». Проживавший в далеком г. Каракасе деятель НТС А. Кандауров в августе того года заявлял в письме В.М. Байдалакову: «У нас дома, конечно, произошли и происходят большие сдвиги в сторону нарастания революционной ситуации». В такой обстановке, по его мнению (и здесь он был солидарен с М.А. Алдановым), возрастала роль армии: «Если армия почувствует, что пора кончать “базар”, то весь народ будет на ее стороне, ибо армия и есть народ (вооруженный)»¹⁴. Поэтому, полагал он, руководство НТС обоснованно уделяло значительное внимание попыткам ведения антисоветской пропаганды в Вооруженных Силах СССР.

Впрочем, с такими оценками роли армии в советском обществе были согласны далеко не все. В 1953–1955 гг. многие эмигрантские публицисты полагали, что высший командный состав Советской Армии настолько прочно интегрирован в существовавшую систему и находится под таким жестким контролем КПСС, что появление в его среде сильной оппозиционной группы невозможно: «Времена Тухачевского прошли и не вернуться»¹⁵. По их мнению, вряд ли Г.К. Жуков годился на роль советского Бонапарта.

Осенью 1953 г. в эмигрантской публицистике продолжала существовать тенденция несколько недооценивать реальную роль Н.С. Хрущева и партийного аппарата в целом при принятии важнейших решений. Так, в неопубликованном докладе известного меньшевика Г.Я. Аронсона «Русские социалисты о текущем моменте» отмечалось: «Вождь один – Маленков, продвигающийся под прикрытием коллектива к единоличной диктатуре. Из первоначальной “тройки” Берия устранен, а Молотов, по-видимому, оттеснен... Идея партии растворилась или поглощена самодовлеющим государством. Хрущев по линии партийной – правая рука Маленкова»¹⁶. Однако постепенно эмигрантским политикам становилось очевидно, что Хрущев, опираясь на партийный аппарат, стремительно усиливал свои позиции.

¹⁴ GUL SC. Box 9. Fold. 1. А. Кандауров – В.М. Байдалакову. 08.08.1953.

¹⁵ См.: Домагацкий Б. На темы дня // Богатыри. Сидней, 1955. № 1. С. 10.

¹⁶ International Institute of Social History (далее – IISH). B.L. Dvinov collection. Fold. 8.

Как мы видим, само существование в 1953–1955 гг. в Советском Союзе «коллективного руководства» связывалось эмигрантами с борьбой за власть внутри правящего слоя. При этом любопытен тезис о том, что и в первые послесталинские годы сохранялся принцип вождизма, но вождь в это время «потерял лицо и сделался многоликим»¹⁷.

Как же, по мнению эмигрантов, можно было охарактеризовать ту политику, которую проводило руководство СССР в период борьбы Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева за власть? Для ее осмысления эмигрантские аналитики применяли разнообразные концептуальные подходы. Прежде всего, многие эмигранты-антикоммунисты подчеркивали, что власть пошла на вынужденные уступки обществу, так как исчерпала у него кредит доверия. Характерно поэтому, что парижский монархист Р. Казьмин называл политику коммунистического руководства в этот период «правовым НЭПом»¹⁸. Аналогия с эпохой 1920-х гг., скорее всего, была удачна в том плане, что она ярче высвечивала всю противоречивость линии «коллективного руководства».

Анализируя эту линию, эмигрантские аналитики использовали также концепции «термидора» и «бонапартизма». Г.Я. Аронсон, в частности, указывал, что наиболее логичным для власти будет стремление получить лояльность государственного и партийного аппарата, найти компромисс с «генералами индустрии на какой-то средней, практической, деловой основе», а также пойти навстречу некоторым ожиданиям крестьянства, чтобы обрести поддержку армии. Однако при этом известный деятель меньшевистской партии полагал, что коммунистическое руководство неизбежно окажет сопротивление любым попыткам интеллигенции и рабочих «получить голос в деле управления страной»¹⁹. В более позднем личном письме Л.О. Дан тот же Г.Я. Аронсон подчеркивал, что «термидор прет снизу, из быта»²⁰, что, однако, неизбежно отражалось и на политической ситуации в стране.

При этом эмигрантскими публицистами постоянно отмечалась поверхностность преобразований, их демагогический характер, стремление власти получить у общества поддержку в обмен на незначительные материальные блага. В 1954 г. известный солидарист

¹⁷ См.: Бюллетень Института по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1954. № 2. С. 7.

¹⁸ См.: Казьмин Р. Трагический обман // Политический вестник Парижского отдела Народно-монархического движения. Париж, 1954. № 1. С. 3.

¹⁹ IISH. B.L. Dvinov collection. Fold. 8.

²⁰ Ibid. L.O. Dan collection. Fold. 7.

Б.В. Прянишников в личном письме указывал: «Ничего лучшего для поднятия своего престижа и популярности – погром МВД и понижение его значения в психологии населения плюс изобилие земных благ – современная головка и придумать не могла». При этом он подчеркивал, что в данном случае власть действительно проводила определенные преобразования: «Следя за прессой, могу сказать, что мероприятия эти – реальность, хотя пропаганда пока что шире ощутимых уже улучшений»²¹.

В связи с этим закономерно, что в том же 1954 г. активно заявлялось о том, что послесталинское руководство СССР начало политику отступления от курса на либерализацию режима и сделало ставку на возвращение к прежней модели развития. Деятели Российского национального объединения в Швеции, например, указывали: «Когда Маленков и компания немного смягчили террор, выбросили на рынок кое-какое количество ширпотреба, начали как будто сами поощрять критику... то кое-кто им поверил, как люди вообще склонны верить... А раз поверили, то острота недовольства сгладилась, кризис миновал и открылись возможности возобновить зажим, что и имеет место. Критиков одергивают, аресты и высылки постепенно возобновляются (последние под камуфляжем командировок на освоение целины)»²².

И это отступление было, по мнению эмиграции, абсолютно закономерным. На страницах прессы Русского зарубежья постоянно напоминалось, что все члены нового руководства страны разделяли с И.В. Сталиным ответственность за репрессии 1930 – начала 1950-х гг., поэтому трудно поверить в наличие у них искренних реформаторских настроений: «Вряд ли душегубы действуют в порядке раскаяния»²³. Большинство деятелей российской политической эмиграции были единомышленны: Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев не могли стать теми фигурами, которые были способны на подлинную трансформацию советской системы.

К тому же вставал более общий вопрос: реформируема ли в принципе была советская система? По мнению деятелей НТС, путь эволюции был невозможен, поэтому каждый шаг в процессе реформирования общества неизбежно являлся полумерой²⁴. Стоит заметить, однако, что с таким подходом были согласны далеко не все. Как уже отмечалось, по крайней мере весной 1953 г. М.А. Алданов, например,

²¹ ГА РФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 22. Л. 63.

²² Вестник РНОШ. Стокгольм, 1954. № 12. С. 2.

²³ См.: Новое русское слово. Н.Й., 07.04.1953.

²⁴ См., напр.: Неймирок А. Мораторий? // За Россию. 1954. № 2. С. 1.

в личной переписке допускал возможность эволюции советской социально-политической системы²⁵.

При исследовании политической ситуации в СССР в первые послесталинские годы российская эмиграция стремилась понять и те процессы, которые происходили внутри советского общества. Одним из важных был вопрос о настроениях рядовых коммунистов в стране.

Возможно ли было для эмиграции сотрудничать с ними? Некоторые деятели российской антикоммунистической эмиграции отвечали на этот вопрос отрицательно, поскольку «всякий коммунист в СССР должен рассматриваться как активный или потенциальный враг российского народа. Всякие разговоры о том, что коммунисты бывают разные – “хорошие” и “плохие” – должны быть оставлены для составителей сказочек»²⁶. Однако такой была точка зрения лишь у части эмигрантских публицистов, некоторые из них постепенно начинали отстаивать более дифференцированный подход к членам КПСС.

Известный идеолог солидаризма Ю. Герцог указывал на необходимость для противников советского режима содействовать развитию «молекул» гражданского общества в СССР (семья, группы лиц, связанные общими интересами и т. д.). Несмотря на то что все эти структуры в определенной степени зависели от коммунистического государства и должны были к нему приспособляться, они «не имели ничего общего» с идеей «механизированного общества-государства»²⁷.

И здесь, конечно, важную роль играли те изменения, которые уже в 1953–1955 гг. происходили в сознании советских людей. Те эмигрантские организации, которые пытались вести пропаганду своих идей среди советских граждан, чувствовали новые тенденции наиболее остро. Так, известный деятель НТС В.М. Байдалаков уже в январе 1955 г. писал: «С Родины приходят добрые вести – идет судьбоносная смена поколений. Крепнет и ширится стихия религиозного пробуждения. Комвласть уже бессильна ее обуздать. По свидетельству очень трезвых наблюдателей, там идет борьба между двумя силами – коммунизмом и христианством. Все антирежимные элементы ориентируются сейчас на верующих». Все это сопровождалось, подчеркивал эмигрантский политик, пробуждением общественной активности советского общества, которая не носила прямолинейно политического характера. «В поездах дальнего следования, в студенческих общежи-

²⁵ См.: НИА. 10.04.1953.

²⁶ См.: Кизило Г. Народ в борьбе // Богатыри. 1955. № 3. С. 4.

²⁷ См.: Герцог Ю. О задачах освободительной борьбы // Заря свободы. Мюнхен, 1956. Авг. С. 2.

тиях, в рабочей среде, – указывал он, – идут часто открытые диспуты, читается вместе Евангелие, не скрывается даже исповедание веры»²⁸. Все эти процессы были предвестниками той атмосферы, которая будет характерна для эпохи «оттепели».

И значительную роль во всех этих процессах играл фактор пробуждения религиозного сознания. Менялся внутренний мир советских людей, некоторые из них, ощущая ложность или недостаточность прежних идеалов, обратились к Богу. И власти не могли не считаться с этим. Даже глава непримиримо настроенной по отношению к СССР Русской зарубежной православной церкви митрополит Анастасий признавал, что послесталинское руководство вынуждено было пойти на уступки верующим²⁹.

Конечно, в эмигрантской среде были попытки политизировать новую духовную атмосферу в советском обществе. Они исходили прежде всего от НТС. В середине 1950-х гг. его лидеры продолжали заявлять, что население СССР «ненавидит власть». По их мнению, налицо было формирование в стране «массового революционного движения»³⁰. Однако, на наш взгляд, такая оценка политических настроений советского общества не соответствовала реальной ситуации, а делалась исключительно в пропагандистских целях.

Иначе, чем деятели НТС, оценивали ситуацию в СССР другие эмигрантские политики. Среди них был, например, солидарист Б.В. Прянишников и некоторые другие бывшие члены НТС. Они полагали, что за несколько десятилетий коммунистический режим создал себе широкую опору в лице привилегированных и более обеспеченных слоев интеллигенции. Рабочие и служащие были «скованы суровой дисциплиной и вынуждены к покорности», а советское крестьянство отличалось от своих предшественников периода НЭПа тем, что в его составе не было «кулаков», выступавших в качестве лидеров. В результате Прянишников делал вывод, что «никогда еще коммунистическая система не была такой мощной, как именно теперь»³¹.

В таком противоречивом состоянии советское общество и подошло к знаменитому XX съезду КПСС. Это событие стало переломным

²⁸ GUL. SC. Вох 10. Fold. 3. Письмо В.М. Байдалакова. 05.01.1955.

²⁹ См.: Анастасий, митрополит. Рождественское послание // Православная Русь. Джорданвилль, 1955. № 1. С. 3.

³⁰ См.: Романов Е. Ответ народа // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1954. № 4. С. 1; Там же. 1956. № 4. С. 5; и др.

³¹ Прянишников Б. Наш враг и мы // Трибуна свободных солидаристов. Н.Й., 1956. № 2. С. 14.

в процессе эволюции политического режима в СССР. На этом основании вопрос об отношении к данному съезду в эмигрантской среде целесообразно специально рассмотреть в отдельной публикации.

Таким образом, деятели российской антикоммунистической эмиграции весьма осторожно оценивали реформаторский потенциал послесталинского руководства СССР. Для них Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев и другие партийные и советские функционеры были непосредственно бывшими соратниками И.В. Сталина, разделявшими с ним ответственность за все, что происходило в стране в течение многих лет. Лишь для сохранения своей власти эти люди могли пойти на какие-либо реформы, полагали эмигранты. При этом только часть деятелей российской политической эмиграции, и прежде всего члены НТС, делали ставку на революционное свержение существовавшего в Советском Союзе режима, допуская при этом сотрудничество с ЦРУ и другими спецслужбами стран Запада.

В личных письмах видных представителей эмигрантской интеллигенции можно встретить и указание на возможность эволюции советской политической системы, и признание того факта, что население СССР не ждет эмигрантов как освободителей от власти коммунистов. Пользуясь выражением известного историка А. Либиха, Русскому зарубежью оставалось лишь смотреть «с другого берега»³² на события в Советском Союзе.

³² См.: Liebich A. From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921. Cambr.; L., 1997.

М.В. Зеленев

ГЛАВЛИТ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ: ЦЕНзуРА ПОСЛЕ СТАЛИНА. 1953–1966 гг.

Главная задача этой статьи заключается в сравнении трех значительных эпизодов в деятельности Главлита, связанных с изменениями статуса советского органа цензуры печатных изданий, которые произошли в 1953, 1958 и 1966 гг. Сравниваются статус ведомства в государственном управлении, субъекты и объекты цензуры и принципы цензуры, которые можно проследить как по самой структуре Управления, так и по положениям о нем¹.

Материалы, составившие основу этого краткого обзора, можно рассмотреть по субъектному принципу. Документы ЦК КПСС, а именно постановления Президиума и Секретариата ЦК КПСС, находятся в РГАНИ. Прежде всего, это чистовые и черновые протоколы Секретариата (Ф. 4. Оп. 9, 15) и материалы к ним (Ф. 4. Оп. 9, 16). Это также тематические папки, посвященные Главлиту СССР, с выписками из постановлений Политбюро/Президиума ЦК и инициативные документы к ним, справки, отчеты и служебная переписка (Ф. 3. Оп. 34. Д. 37 за 1929–1953 гг.). Источниковая ценность нормативных документов ЦК КПСС заключается в том, что мы можем проследить не только позицию руководящих органов партии, но и ее роль в политической системе государства. В силу специфики формирования и хранения сохранность этого комплекса документов абсолютно безупречна.

Нормативные документы Совета Министров СССР, в системе которого находился Главлит с 1953 г., находятся в ГАРФ (Ф. 5446). Это протоколы Совета Министров СССР (СМ СССР), в которые вошли

¹ Историография проблемы отсутствует. См. статью: Зеленев М.В. Положение о Главном Управлении по охране государственных тайн в печати при СМ СССР – правовое регулирование цензуры в 1966 г. // История книги и цензуры в России: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.В. Блюма. 29–30 мая 2012 г. / науч. ред. М.В. Зеленев. СПб., 2013. С. 224–230.

несекретные постановления и отдельные секретные постановления (оп. 106). Протоколы и протокольные постановления СМ СССР в силу значимости и условий хранения сохранились полностью. Кроме протоколов в фонде правительства сохранились «тематические папки», в которых откладывался делопроизводственный материал по тому или иному вопросу (Оп. 86, 86а, 87, 88, 93, 95, 97), что позволяет в достаточной степени полноты проследить процесс принятия того или иного решения. Вопрос о сохранности этого комплекса документов мной не рассматривался.

Нормативные и делопроизводственные документы Главлита составляют отдельный фонд (ГА РФ. Ф. 9425), в котором представлены постановления начальника Главлита, его распоряжения, циркуляры ведомства, планы работы, отчеты, протоколы заседаний Коллегии, а также переписка с ЦК КПСС и СМ СССР, другими ведомствами. Номенклатура дел и сроки хранения, условия хранения секретных и несекретных документов, условия передачи ведомственного архива на государственное хранение привели к тому, что архив Главлита сохранился примерно на 20%. Утраты относятся в том числе к делам переписки с партийными и советскими структурами. И все же использование ведомственного архива дает возможность восстановить не только внешнюю и событийную канву, но и смысловое содержание тех или иных сюжетов в правовом положении Главлита СССР и его места в системе власти и управления.

У нас есть несколько актов, которые позволяют провести сравнительный анализ правового положения Главлита в 1953–1966 гг. Это – Положение и структура 1966 г., Положение и структура 1958 г., Структура 1954 г. и более ранние установочные документы (напомним, что предыдущее Положение о Главлите было утверждено в 1931 г.). Служебная переписка между Главлитом и ЦК КПСС (СМ СССР) отражает функции всех отделов Главлита с 1953 по 1966 гг. тем самым позволяет комплексно решить поставленные в статье задачи и изложить материал в духе позитивизма («как это было на самом деле»).

Главлит накануне реформ. 1946–1953 гг.

Статус. Точное название Главлита в 1946–1953 гг. – Уполномоченный СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Уполномоченный СМ СССР и его аппарат работали на основании Положения об Уполномоченном Совнаркома СССР по охране государственных тайн в печати, утвержденном СНК СССР 4 октября 1933 г., и на основании Положения о Главлите от 6 июня 1931 г. С тех пор подобных актов не принималось, уточнение функций и структуры проходило в рабочем порядке и регулировалось отдельными по-

становлениями СНК/СМ СССР. Особенность статуса состояла в том, что Главлит осуществлял цензуру только на территории РСФСР, ему не подчинялись Главлиты союзных республик. А Уполномоченный при СНК/СМ СССР контролировал аппараты Уполномоченных по охране военных и государственных тайн в печати на территории всего СССР.

Субъекты цензуры. С 1947 г. цензуру на территории СССР осуществляли: штатный цензор (старший цензор) как в Главлите, так и в местных органах цензуры; контролер-сортировщик почты в иностранном отделе Главлита; районные цензоры-совместители.

Должности районных цензоров занимали по совместительству, как правило, различные работники района (учителя, библиотекари, редакторы районных газет, сотрудники райкомов партии и райисполкомов). Функции районного цензора составляли: предварительный контроль всех печатных изданий, выходящих в районе, в том числе в районных газетах и многотиражках (от 1 до 3 наименований); мелкопечатной продукции (до 200 наименований в месяц); предварительный контроль текстов передач районного и городского радиовещания (примерно 15–20 авторских листов в месяц); контроль за работой библиотек общественного пользования и книготорговой сети по очистке принадлежавших им книжных фондов от изданий, запрещенных к открытому распространению; контроль экспозиции музеев и выставок; предварительный контроль текстов произведений искусства малых форм на местные темы для художественной самодеятельности; контроль выполнения установленных правил гастролирующими коллективами и отдельными исполнителями.

Объекты цензуры. Структура Главлита дает полное понимание, чем занимался этот орган централизованной цензуры: 1-й отдел (1926 г.) – «военно-перечневый» – выполнял задачу по охране государственной и военной тайны; 2-й отдел (1922 г.) – «иностранный» – контролировал ввоз и использование иностранной литературы; 3-й отдел (с 1946 г., бывший отдел печати НКВД) осуществлял цензуру иностранной корреспонденции; 4-й отдел (1922 г.) – «русский» – осуществлял предварительный цензорский контроль над выпуском книг и журналов центральных издательств; в ведении 5-го отдела (1922 г.) находился последующий контроль и местные органы цензуры; объектами внимания 6-го отдела (формировался с 1922 г.) были газеты, радио, ТАСС, Совинформбюро; 7-й отдел (1922 г.) – «оперативный» – осуществлял чистку библиотек, контролировал вывоз книг за границу²; 8-й отдел (с 1948, таможенные функции из МВД СССР) –

² См.: История советской политической цензуры: док. и комм. М., 1997. С. 345–347. [Краткая справка о деятельности и структуре Главлита в 1947 г.]

контролировал вывоз произведений искусства за границу; 9-й отдел (1948 г.) цензурировал научно-техническую литературу; 10-й отдел (с 1951 г., Главрепертком из Комитета по делам искусств) контролировал деятельность музеев и выставок; 11-ф отдел (с января 1952 г.) цензурировал произведения искусства; с октября 1952 г. в делопроизводстве упоминается 12-й отдел, но функции его не известны.

Принципы цензуры в нормативных правовых актах СНК/СМ СССР и ЦК ВКП (б)/КПСС этого времени не выявлены.

Реформа статуса. Перевод из СМ СССР в МВД СССР. Март 1953

Перевод Главлита из системы Совета Министров СССР в систему союзного Министерства внутренних дел требует дополнительного исследования, так как изученные материалы не дают ответа на вопрос о мотивации этого решения³.

Перевод готовился еще со второй половины 1952 г. Постановлением Бюро Президиума ЦК КПСС «Вопросы МГБ» от 14 февраля 1953 г. Главлит был переведен в систему МВД СССР⁴. 15 марта это было оформлено постановлением СМ СССР № 769: «Передать в состав Министерства внутренних дел СССР Управление Уполномоченного Совета Министров по охране военных и государственных тайн в печати»⁵. Поэтому с марта по октябрь 1953 г. Главлит преобразовался в 11-е управление МВД СССР. Изменения Главлита в составе МВД в статье не рассматриваются, они были минимальны и затрагивали в основном деятельность местных органов.

Реформа статуса. Перевод из МВД СССР в СМ СССР. Октябрь 1953 – февраль 1958 г.

Изменение статуса. Инициатива изменения статуса Главлита в феврале и октябре 1953 г. (перевод из СМ СССР в подчинение МВД СССР и затем возвращение в качестве самостоятельного Управления

³ Одновременно в состав МВД СССР было включено Главное управление геодезии и картографии (ГУГК), в функции которого входила цензура карт.

⁴ В делопроизводстве Главлита сохранилась сопроводительная записка № 117 от 17.03.1953 из Главлита в 1-ю часть Общего отдела СТ ЦК КПСС, из которой ясно, кто принял это постановление (ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 829. Л. 1). В РГАНИ это постановление находится в «особой папке».

⁵ История советской политической цензуры // С. 104.

в систему СМ СССР) принадлежала ЦК КПСС и была оформлена постановлениями СМ СССР. 26 июня 1953 г. министр внутренних дел СССР Л.П. Берия был арестован, а 7 июля освобожден от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС и выведен из состава ЦК КПСС постановлением пленума ЦК.

23 июля 1953 г. заведующий Отделом административных органов ЦК А. Дедов направил Секретарю ЦК Н. Хрущеву докладную записку о целесообразности передачи органов цензуры из состава МВД в ведение СМ СССР, поскольку «...цензорский контроль за всей непериодической печатью, в том числе и партийных и советских органов, находится в ведении министерства внутренних дел»⁶. Вероятно, по поручению Хрущева были подобраны (организованы) сигналы с мест: об опасности политического контроля органами МВД над партийной печатью докладывали секретарь Мурманского ОК КПСС Прокофьев⁷, секретарь Тюменского обкома КПСС Ф. Горячев, секретарь Молотовского обкома Ф. Прасс⁸, секретарь Пензенского обкома КПСС С. Бутузов⁹.

24 августа 1953 г. Хрущев провел постановлением Секретариата ЦК КПСС «О выделении из системы МВД органов по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит)» поручение П. Поспелову, М. Суслову и заместителю заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК В. Московскому «в 7-дневный срок подготовить и внести на рассмотрение Секретариата ЦК предложения по этому вопросу»¹⁰.

Докладная записка Поспелова, Дедова (не Сулова) и Московского была отправлена Секретарю ЦК Хрущеву через 10 дней. В ней предлагалось выделить Главлит из состава МВД и передать его в состав СМ, а также изменить порядок назначения районных цензоров-совместителей¹¹. 10 сентября 1953 г. идентичная докладная записка

⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 21. Докладная записка Дедова Хрущеву от 23.07.1953.

⁷ Там же. Л. 22. Докладная записка Прокофьева Хрущеву от 24.07.1953.

⁸ Об их обращениях упоминается в Заключении Дедова и Кружкова Хрущеву от 03.08.1953. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 19–20.

⁹ Об этом обращении упоминается в докладной записке зам зав. ОПА ЦК КПСС на имя Хрущева от 05.08.1953. См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 879. Л. 23.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 75. Л. 3. [Подлинники постановлений. Машинопись на бланке-карточке «На голосование». Постановление подписал только Хрущев. Рядом запись делопроизводителя (Кузнецова): «т.т. Сулов, Поспелов, Шаталин – за (на заседании Секретариата ЦК от 24.VIII.53 г.)»].

¹¹ См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 901. Л. 88–89. [Докладная записка Поспелова, Дедова, Московского Хрущеву от 04.09.1953].

была направлена уже в Президиум ЦК КПСС Маленкову и Хрущеву¹². Оба эти предложения – об изменении статуса Главлита и цензоров-совместителей – были оформлены постановлением Секретариата ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати» от 2 октября 1953 г.¹³ Этот же текст постановления был продублирован протокольным постановлением Президиума ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати» от 8 октября 1953 г. В тот же день было оформлено Постановление № 2632 Совета Министров СССР «О выделении из системы МВД СССР органов по охране военных и государственных тайн в печати (ГЛАВЛИТ)»¹⁴, черновик которого рассматривался предварительно в Секретариате ЦК¹⁵.

Новый начальник Главлита К.К. Омельченко (с октября 1953 г.) тут же попытался зафиксировать новый статус в Положении и структуре ведомства. Положение не было рассмотрено (и причины этого не вполне понятны), а структуру и штаты Секретариат утвердил 8 марта 1954 г. В тот же день появилось Постановление СМ СССР № 387 «Вопросы Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР», утвердившее структуру Центрального аппарата и местных органов. Вместо раскрытия функций, полномочий и обязанностей Главлита было подчеркнуто, что «Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР является правопреемником быв. Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати»¹⁶. Указание на то, что Главлит яв-

¹² См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 38. Л. 5. [Докладная записка Пospelова, Дедова, Московского в Президиум ЦК КПСС, Маленкову, Хрущеву от 10.09.1953. Обращает на себя внимание, что во всех документах умалчивается, что в ведение МВД Главлит попал не по своей воле, а по решению ЦК КПСС].

¹³ См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26. [Машинопись на карточке-бланке «На голосование» с рукописными пометами. Текст постановления подготовлен Золотухиным и Омельченко, заверен Пospelовым и Сусловым См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 28. Чистой вариант Постановления подписан только Шаталиным на заседании Секретариата ЦК].

¹⁴ См.: История советской политической цезуры... С. 106. [Постановление СМ СССР было продублировано приказом МВД СССР от 20.10.1953 № 00940].

¹⁵ См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 901. Л. 85–87. [Черновик постановления СМ СССР].

¹⁶ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 12. [Постановление СМ СССР № 387 «Вопросы Главного управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР». 08.03.1954].

ляется правопреемником Уполномоченного СМ, свидетельствует о возврате ему функций и статуса Уполномоченного: Главлит является союзным Управлением, в его структуре в качестве местных органов находились Главлиты при СМ союзных республик.

Субъекты цензуры. Постановлениями ЦК КПСС (Секретариата – 2 октября и Президиума – 8 октября) и СМ СССР (8 октября) статус цензоров-совместителей был изменен, но процедура его утверждения описывалась по-разному. В версии ЦК КПСС: «В районах, не имеющих освобожденных работников по охране военных и государственных тайн в печати, эту работу по совместительству возложить на одного из ответственных работников аппарата райисполкома или райкома КПСС, утверждаемого *обкомом, крайкомом, ЦК компартии* Союзной республики, установив указанному работнику надбавку к заработной плате в размере 300–500 рублей в месяц»¹⁷.

В версии Совета Министров СССР назначение цензора-совместителя утверждалось «соответственно *облисполкомом, крайисполкомом, Советом Министров* союзной республики, не имеющей областного деления, или Советом Министров автономной республики»¹⁸. Значение этого шага сформулировано в Справке Главлита (декабрь 1954 г.): «Определив организации, ответственные работники которых могут осуществлять цензорский контроль в районе, и установив порядок их утверждения, оно дало возможность и местным управлениям, по согласованию с соответствующими партийными и советскими органами, подобрать устойчивые кадры районных цензоров-совместителей и обеспечить тем самым надлежащий контроль районной печати»¹⁹.

Вероятно, уже в декабре 1954 г. начался пересмотр правового статуса цензоров-совместителей. Заместитель начальника Главлита И. Исаченко писал в ЦК КПСС: «Изменение установленного порядка контроля районной печати путем осуществления его ответственными работниками райисполкомов и райкомов в виде общественного поручения, или передачи этого контроля редакторам районных газет, не обеспечат выполнение всех требований цензуры, которые необходимо выполнить в районах, так как работа районного цензора- совме-

¹⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 80. Л. 26. [Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об органах по охране военных и государственных тайн в печати». 02.10.1953].

¹⁸ История советской политической цензуры... С. 106.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 217. Л. 103–104. [Справка о районных цензорах-совместителях направлена Заместителем начальника Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР И. Исаченко в отдел печати и агитации ЦК КПСС М.Ф. Стрепухову 25.12.1954].

стителю слагается не только из контроля районных газет и многотиражек. <...> Следует иметь в виду, что такая цензорская работа, как контроль районных газет и радиовещания требует от цензора-совместителя соблюдения установленного для выхода в свет этих материалов определенного режима времени. Районную газету цензор обязан читать в ночное время. Материалы радиопередач также требуют от цензора работы в неурочное время»²⁰.

Несмотря на это, на основе докладной записки П. Кованова, М. Стрепухова, М. Щербакова в ЦК КПСС²¹ 15 августа 1955 г. было принято Постановление Секретариата ЦК КПСС «О районных цензорах» (оно было продублировано Постановлением Президиума ЦК КПСС 18 августа), которое обязало Главлит «сократить в своих штатах должности районных цензоров, работающих по совместительству. 2. Возложить цензорский контроль за районными и многотиражными газетами в районах, где упраздняются должности цензоров, непосредственно на редакторов этих газет»²². Этим Постановлением существование цензоров-совместителей с 1922 г. было прекращено. Контроль над выставками, музеями и т. д. перешел к штатным цензорам Обл-Крайлитов. Это действительно значительное изменение в системе субъектов цензуры.

Объекты цензуры. С 1954 по 1958 гг. структура Главлита определялась Постановлением СМ СССР от 8 марта 1954 г. Она отражает не только функции, но и объекты цензурного внимания. Первый отдел занимается ведением секретного делопроизводства; Второй отдел – «иностранный» – контролирует ввоз, хранение и использование иностранной литературы, вывоз научно-технической советской литературы за границу; Третий отдел осуществляет цензуру материалов иностранных корреспондентов; Четвертый отдел – «русский»; Пятый отдел осуществляет цензуру научно-технической литературы

²⁰ ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 217. Л. 103–105. [Справка о районных цензорах-совместителях направлена Зам. начальника Главного Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР И. Исаченко в отдел печати и агитации ЦК КПСС М.Ф. Стрепухову 25.12.1954].

²¹ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 25–26. [Основная мотивация проведения реформы состояла в том, что сокращение районных цензоров-совместителей «позволит сэкономить свыше 20 млн рублей в год», поскольку те же функции будут осуществлять более грамотные редакторы газет. В докладной записке не указывалось, что цензоры-совместители контролируют не только газеты, но и выставки, репертуар, радио-передачи и т. д.].

²² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 24. [Выписка из Постановления Секретариата ЦК КПСС «О районных цензорах» 15.08.1955].

и картографических материалов; Шестой отдел контролирует газеты, центральное радиовещание и ТАСС; Седьмой отдел занимается очищением книжных фондов библиотек и книготорговой сети; Восьмой отдел – «местный» – осуществляет инспектирование и выборочный последующий контроль уже изданной литературы; Девятый отдел контролирует репертуар и изобразительное искусство, искусствоведческую литературу, музеи и выставки; Десятый отдел – «перечневый» – разрабатывает положения и инструкции.

По сравнению с 1952 г. структура осталась, по сути, та же самая, за исключением отдела, отвечающего за вывоз произведений искусства за границу (вполне вероятно, что таможенные функции вернулись в МВД).

Принципы цензуры, которыми руководствовался Главлит с 1953 по 1958 г., ни в каком нормативном правовом акте не выявлены.

Положение о Главлите 1958 г. Статус Главлита, субъекты, объекты и принципы цензуры

Новое Положение о Главлите (после 1931 и 1933 гг.) было принято в 1958 г.

Два события определили его разработку и статус цензуры в СССР. Прежде всего, это XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.). Проверка деятельности Главлита, проведенная отделом пропаганды и агитации ЦК по докладной записке заместителя начальника Главлита А. Котеленеца²³ в сентябре 1956 г., показала, что главный цензурный орган не принял «необходимых мер к перестройке деятельности органов советской цензуры в соответствии с решениями XX съезда КПСС»²⁴. Значительные коррективы в разработку Положения о Главлите внесло Венгерское восстание 1956 г. (23 октября – 9 ноября 1956 г.). В выработанном проекте постановления Секретариата «О положении дел в Главлите СССР» говорилось, что в Положении должно быть предусмотрена «необходимость усиления контроля цензуры за соблюдением требований по охране военных и государственных тайн в печати, четко определив функции органов цензуры...»²⁵

²³ См.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 89. Л. 51–55. [Докладная записка А. Котеленеца в ЦК КПСС от 28.05.1956. И эта докладная записка, и последующие справки, доклады и отчеты отражали неблагоприятное положение в цензурном ведомстве].

²⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 173. Л. 5–9. [Докладная записка Снастина, Фомичева, Боголюбова, Павлова, Чугаева в ЦК КПСС от 26.09.1956].

²⁵ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 195. Л. 173–175. [Проект постановления ЦК «О положении дел в Главлите СССР» 31.01.1957].

Новые взгляды на структуру, объекты и принципы цензуры были зафиксированы в Положении о Главлите, утвержденном Постановлением СМ СССР от 24 февраля 1958 г. № 219–106²⁶.

Статус. Положение 1958 г. описывало статус Главлита среди других органов управления: «Главлит СССР координирует деятельность министерств, ведомств организаций по вопросам охраны военных и государственных тайн в печати, рассматривает совместно с ними и в необходимых случаях вносит в Совет Министров СССР предложения об изменении порядка публикации материалов, имеющих важное государственное и народнохозяйственное значение» (ст. 1.), Главлит «возглавляет начальник, назначаемый Советом Министров СССР» (ст. 9). «Начальник Главного управления... по согласованию с соответствующими республиканскими, краевыми и областными органами создает и ликвидирует местные органы цензуры и утверждает их структуру и штаты» (ст. 9). Взаимоотношения с КПСС были определены так: «Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете Министров СССР и местные органы цензуры обязаны... своевременно информировать соответствующие партийные органы о политически ошибочных формулировках и положениях» (ст. 5).

Итак, Главлит является органом СМ СССР, находится в качестве союзного ведомства: Главлиты союзных республик указаны как его местные органы. Главлит «живет» не только в советском (государственном), но и в партийном пространстве.

Субъекты цензуры. Реформа 1955 г. в сфере деятельности работников цензуры (передача функций районных цензоров-совместителей редакторам газет) была закреплена в Положении таким образом: «Ответственность за сохранение сведений, не подлежащих опубликованию, наряду с Главлитом СССР несут министерства и ведомства, осуществляющие издания, а в изданиях, выпускаемых без предварительного цензорского контроля, эта ответственность возлагается полностью на редколлегии газет и журналов, руководителей издательств и издающих организаций, а в районах, где нет представителя органов цензуры, – на редакторов районных (городских) и многотиражных газет». Таким образом, субъектами цензуры стали не только должностные лица Главлита и его органов, но и все редакторы изданий.

Объекты цензуры. Структура Главлита состояла из 7 отделов. Первый занимался секретным делопроизводством, второй осуществлял контроль над иностранной литературой, поступающей в СССР,

²⁶ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Д. 38. Л. 49–59. [Постановление СМ СССР от 24.02.1958 № 219-106 «Об утверждении структуры, штатов и положения о Главлите». Данные о рассмотрении Положения о Главлите внутри ЦК КПСС не выявлены].

третий – контроль над материалами иностранных корреспондентов капиталистических стран, четвертый – предварительный контроль литературы, изопroduкции, текстов для театров, пятый – предварительный контроль над научной и технической литературой, шестой – предварительный контроль над газетами, радио, телевидением, ТАСС и Совинформбюро, седьмой отдел проверял исполнение решений местными органами цензуры. Количество отделов по сравнению с 1954 г. сократилось.

В положении были перечислены объекты цензурного контроля. Было установлено, что Главлит «осуществляет охрану военных и государственных тайн в печати, на радиовещании и телевидении и предотвращает распространение иностранных изданий, содержащих антисоветские и антисоциалистические материалы» (ст. 1).

Для этого он контролирует: 1) печатные издания, издающиеся в СССР, хранящиеся в библиотеках, вывозимые из страны и ввозимые в СССР (п. «а», «г», «е» ст. 2); 2) «материалы Совинформбюро, ТАСС и телеграфных агентств союзных республик» (п. «б» ст. 2); 3) «информация, подлежащая передаче иностранными корреспондентами за границу» (п. «в» ст. 2); 4) «рукописи, тексты докладов, фотовыставки и другие материалы, вывозимые за границу» (п. «д» ст. 2); 5) «киносценарии, а также тексты произведений, предназначенных для исполнения в театрах, цирках и на эстраде» (п. «ж» ст. 2); 6) «экспозиции краеведческих, научно-технических и естественнонаучных музеев, а также постоянных и временных промышленных, сельскохозяйственных и научно-технических выставок» (п. «з» ст. 2); 7) «политическую изопroduкцию» (п. «и» ст. 2); 8) «хроникальные и научно-технические фильмы» (п. «к» ст. 2).

Принципы (нормы) цензурного внимания перечислены в Положении 1958 г. в разных статьях. Это, прежде всего, «военная и государственная тайна» и «антисоветские и антисоциалистические материалы», содержащиеся в иностранных изданиях (ст. 1). Термин «антисоветские и антисоциалистические материалы»²⁷ понимался

²⁷ В Уголовном кодексе мы не встречаем понятий «антисоветский» и «антисоциалистический». «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» в УК РСФСР 1926 г. (действовал до 1960 г.) отнесены к контрреволюционным преступлениям (ст. 58¹⁰). В УК РСФСР 1960 г. статья «Антисоветская агитация и пропаганда» расшифровывала этот термин: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания» (ст. 70).

так: это материалы 1) «содержащие положения, искажающие политику Коммунистической партии и Советского правительства»; 2) «представляющие в извращенном виде марксистско-ленинскую идеологию» (ст. 5); 3) «политически ошибочные формулировки и положения» (ст. 5). Эти формулировки трудно назвать конкретными, они предполагали самый широкий спектр их применения.

Понятие «военная и государственная тайна» никак не расшифровывалось (хотя был перечень тайн), но расширительно понимался как «сведения, предусмотренные перечнем сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, к передаче по радио и телевидению» (ст. 3, 6.), а также как «другие материалы и сведения, опубликование которых *может принести вред Советскому государству*» (ст. 6). Эти формулировки опирались на конкретный нормативный правовой акт. Перечни сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, по радио и телевидению появились впервые в 1949 г., были пересмотрены в 1958 г. и т. д. К сведениям, предусмотренным этими Перечнями, относились «материалы, содержащие *несекретные данные...* открытая публикация которых *признана нецелесообразной*». Там же говорилось: «При подготовке материалов к открытому опубликованию необходимо исходить из совокупности всех ограничений, относящихся к его содержанию. Не допускается, чтобы отдельные *сведения, не запрещенные к открытому опубликованию*, при их накоплении (сводные сведения) приводили к разглашению государственной, военной или служебной тайны». Можно обратить внимание на то, что к публикации запрещались несекретные сведения (например, прогноз погоды на 4 дня вперед).

Положение 1958 г. Статус, субъекты, объекты и принципы цензуры

С 1958 по 1966 г. Главлит дважды менял свой статус. С 1963 по 1966 г. он существовал как Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати Государственного комитета СМ СССР по печати. С 1966 по 1990 г. как Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР. Нахождение Главлита в рамках Госкомитета СМ по печати в этой статье не рассматривается.

История разработки Положения 1966 г. известна менее подробно. Оно обсуждалось на Секретариате ЦК КПСС и одобрено 9 августа 1966 г.²⁸

²⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 19. Д. 15. Л. 5. [Выписка из Постановления Секретариата ЦК КПСС «О главном управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР. 09.08.1957].

Статус Главлита среди других органов управления был сильно изменен по сравнению с 1958 г. Было определено, что Главлит является союзно-республиканским органом (ст. 1). Как и прежде, он координирует «деятельность министерств, ведомств, общественных и других организаций по вопросам охраны государственных тайн в печати» (ст. 2), «разрабатывает и издает в установленном порядке в соответствии с указаниями Правительства СССР, а также по представлению Министерств, ведомств и других государственных органов перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» (п. «а» ст. 4). «Создание и ликвидация органов по охране государственных тайн в печати на местах, а также утверждение их структуры и штатов производится соответственно Советами Министров союзных (автономных) республик, исполнительными комитетами областных (краевых) Советов депутатов трудящихся по согласованию с Главным управлением по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР» (ст. 5). «Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР работает в тесном контакте с Комитетом по печати при Совете Министров СССР, информирует его в необходимых случаях о фактах нарушения издательствами установленного порядка сохранения государственных тайн в печати и об ошибках, содержащихся в подготавливаемых к печати изданиях» (ст. 7). Партийные органы в Положении 1966 г. не упоминались.

Субъекты цензуры в Положении 1966 г. кроме сотрудников Главлита и его органов почти не названы. Сохранена фраза из Положения 1958 г. о том, что Главлит «осуществляет последующий контроль за произведениями печати (после выхода их в свет), в том числе за изданиями, освобожденными от предварительного контроля, выпускаемыми под ответственность издательств, издающих организаций, редакций газет и журналов» (п. «б» ст. 4). Таким образом был сохранен статус редакторов издательств, газет и журналов как цензоров, точнее, выполняющих функции цензуры.

Объекты цензурного контроля в Положении 1966 г. перечислены: «охрана государственных тайн в печати, радиовещании, телевидении, кинофильмах, репертуарах зрелищных предприятий» (ст. 2).

В Положении также перечислялись старые объекты контроля с минимальным добавлением новых (выделены жирным шрифтом): «печатные издания» (п. «б» ст. 4), «материалы АПН, ТАСС и телеграфных агентств союзных республик» (п. «б» ст. 4), «киносценарии художественных фильмов и выпускаемые для открытой демонстрации хроникальные, документальные, научно-технические кинофильмы, диафильмы и диапозитивы», «тексты произведений, предназначенных для исполнения в театрах, цирках и на эстраде»,

«тиражируемая изопродукция», «экспозиции краеведческих, научно-технических и естественнонаучных музеев, постоянных и временных промышленных, сельскохозяйственных и научно-технических выставок», «рукописи произведений печати, докладов и текстовых и иллюстративных материалов, направляемых за границу».

После реформы 1966 г. совершенно новая структура Главлита была утверждена 30 марта 1967 г. В составе цензурного ведомства находилось Первое управление – по охране государственных тайн в научно-технической литературе. В его составе были отдел научно-технической литературы центральных издательств и отдел выставок, музеев, материалов, вывозимых за границу, кинофильмов. Второе управление – по контролю иностранной литературы – включало в себя отдел литературы стран английского языка; отдел литературы стран немецкого и скандинавских языков; отдел литературы стран романских языков и отдел литературы стран восточных языков. В Третье управление – республиканских, краевых и областных органов – входили отдел управлений РСФСР, отдел управлений союзных республик, отдел по охране государственных тайн в социально-экономической и художественной литературе, отдел по охране государственных тайн в центральных газетах, материалах радио, телевидения и ТАСС, отдел подготовки и издания руководящих документов²⁹.

Принципы цензуры с 1958 по 1966 г. были сильно изменены. Как и прежде (в 1958 г.), это – «охрана государственных тайн» (уже не военных) (ст. 2) и предотвращение распространения «антисоветских, антисоциалистических материалов» (ст. 2).

Государственная тайна раскрывалась через «перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению» (п. «а» ст. 4) (это повторяло норму 1958 г.), а также связывалась с «необходимостью предотвращения *ложной информации, дезориентирующей общественное мнение*» (п. «б» ст. 4)³⁰.

²⁹ Структура, кадровый и штатный состав за 1966–1967 гг. опубликован. См.: Зеленов М.В. Эволюция правового положения Главлита, его структуры и штатов (1922–1967) // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. СПб., 2013. Вып. 6. С. 501–512.

³⁰ Это было возвращение к норме УК РСФСР 1926 г.: «58.18. Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее». В УК РСФСР в редакции 1954 г. эта статья была снята. В 1966 г. УК был дополнен ст. 190¹, предусматривающей наказание за «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной,

Никакого нормативного определения такой информации и общественного мнения не было.

Второй принцип – антисоветские и антисоциалистические материалы – в отличие от Положения 1958 г. раскрывался только по отношению к материалам, уже попавшим в библиотечные фонды: изымались «издания, **распространение которых признано нецелесообразным**» (п. «д» ст. 4).

Итак, можно констатировать, что в эпоху Хрущева существенное изменение структуры Главлита произошло в 1958 г., что отразило тенденцию к усилению контроля над иностранной литературой. Эта тенденция была закреплена в 1966 г. и отчасти связана с научно-технической революцией и необходимостью охраны научно-технических тайн, входящих в перечневые документы.

Принципы цензуры претерпели сильную трансформацию между 1958 и 1966 гг., от более конкретных формулировок к расплывчатым и интуитивно понятным, но нормативно не определенным. Объекты цензуры оставались на протяжении всего времени примерно одинаковыми.

печатной или иной форме произведений такого же содержания» («ложные измышления» не были определены).

II. РЕАБИЛИТАЦИЯ

А.Е. Локшин

ВСТУПАЯ В «ОТТЕПЕЛЬ»: ОСВОБОЖДЕНИЕ ВРАЧЕЙ. РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ (АПРЕЛЬ 1953 г.)

В данной статье исследуются события, которые последовали менее чем через месяц после смерти И.В. Сталина.

Центральная печать Советского Союза 4 апреля 1953 г. опубликовала сенсационное сообщение Министерства внутренних дел СССР. В нем отмечалась, что арестованная менее двух месяцев назад и названная в сообщении ТАСС как «террористическая группа» врачей, которые стремились «путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза», в результате проведенной проверки... оказалась «полностью реабилитированной»¹.

Признавалось, что показания врачей «были получены при помощи недопустимых приемов следствия». В сообщении также отмечалось, что арест врачей призван был разжечь чувства национальной (без упоминания к кому. – *А.Л.*) вражды.

Спустя два дня, 6 апреля, «Правда» публикует передовую статью «Советская социалистическая законность неприкосновенна»: «Презренные авантюристы <...> сфабрикованным ими следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды»².

Официальное сообщение МВД о невинности «убийц в белых халатах» стало буквально потрясением для очень многих в Советском Союзе. Появившиеся в советской центральной прессе эти материалы вызвали самые разнообразные чувства, настроения и отклики у населения: от ритуального изъявления благодарности «родному советскому правительству» до массового психоза, сопоставимого с эпохой Средневековья.

¹ Правда. 04.1953.

² Там же. 06.04.1953.

В центральные органы печати, в ЦК КПСС и ЦК ряда союзных республик хлынул поток писем трудящихся. Эти письма вряд ли могут быть причислены к эпистолярному жанру. Советская эпоха, особенно сталинского периода, породила особый род писем в советскую прессу, и прежде всего в центральные органы печати. Эти письма представляют собой обычно своеобразные декларации с выражением полной поддержки политики и крайне суровых мер режима по отношению к своим гражданам, включая высшую меру наказания.

Однако содержание писем, которые анализируются в этой статье, нередко иное. Они представлены полностью или обширными выдержками. Известны две такие «сводки» писем о реакции населения на прекращение дела врачей. За подписью главного редактора «Правды» Д. Шепилина с грифом «секретно» были направлены 6 и 13 апреля 1954 г. в Секретариат ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева. Эти сводки предназначались для прочтения секретарями ЦК, как сказано в документах, «в круговую». О том, что они прочитаны, свидетельствуют подписи секретарей ЦК М. Сулова, Н. Поспелова, Н. Шаталина, как и пометы в текстах представленных сводок. Данные материалы хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ).

Авторы этих писем (хотя нередко и не решившиеся указать свои имена) по собственной инициативе выступили с оценкой сообщения МВД и редакционной статьи «Правды» о невиновности кремлевских врачей, официального признания их пыток и признания виновности власти в аресте и организации дела безвинных людей.

Спровоцированный этими сообщениями бурный отклик произошел, по сути, еще в сталинистском СССР, обществе, еще как будто не оправившемся от «всемирного горя» и похорон вождя, едва вступавшем в новую эпоху, еще тогда не имевшую имени. Повесть «Оттепель» дважды лауреата Сталинской премии по литературе и Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», кавалера ордена Ленина писателя И.Г. Эренбурга еще не была написана. Она была опубликована лишь более чем через год в майском номере журнала «Знамя» за 1954 г. Название повести дало имя целой эпохе советской истории.

Разумеется, об этом авторы писем знать не могли. Анализ текстов «сводок», содержащих обширные цитаты из писем советских граждан в Секретариат ЦК, не является самоцелью.

Свою задачу автор данной статьи видит в том, чтобы, опираясь на анализ текстов писем, рассмотреть вопрос, что представляло собой вступавшее в новую эпоху советское общество, какова была реакция различных слоев советского социума, пребывавшего по-прежнему, как представляется многим историкам, в состоянии, характерном для

периода позднего сталинизма, – страха, запуганности и безграничной веры в вождя, на сообщение о том, что высшая власть совершила ошибку, арестовав врачей, объявив их убийцами, что все арестованные под пытками оговорили себя, и те, кто остался жив, освобождены.

В исследовательской литературе этот важный сюжет обойден вниманием³, а в мемуарной представлен достаточно однобоко, в розовом цвете⁴. Достаточно типичный штрих находим у З. Шейниса: «В тот памятный день (сообщения МВД об освобождении врачей. – А.Л.) у подъезда толпились дворники нашего дома. В центре стояла <...> соседка, завидев меня, помахала газетой и, обращаясь к дворникам, громко, чтобы и я услышал, сказала: “Он хороший. Они все хорошие”»⁵.

В связи с тем, что в ту пору социологические опросы были в СССР еще неведомы, представленные в секретариат ЦК фрагменты из этих писем, откликнувшихся на неожиданные для всех сообщения правящей элиты в апреле 1953 г. (организатором этого сообщения, как известно, был Л.П. Берия), в какой-то мере занимает их место и, по мнению автора статьи, поможет лучше понять и представить некоторые ценностные устремления раннего послесталинского общества в Советском Союзе.

При анализе писем необходимо учитывать и тот факт, что «дело врачей» стало апогеем антисемитской кампании последних лет позднего сталинизма и вызвало шквал юдофобских выступлений и предпогромные настроения в различных слоях общества⁶.

Всего в двух сводках редакции «Правды» в Секретариат ЦК представлено до 100 писем. В зависимости от реакции на сообщение о невиновности врачей они могут быть условно разделены на четыре группы.

Первая группа. Авторы писем этой группы безоговорочно принимают все, что «решила партия». Их позиция колеблется вместе с

³ См., напр.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Он же. Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция и еврейский вопрос. М., 2012.

⁴ См.: Маркиш Э. Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1984; Рапорт Я. Воспоминания о «деле врачей» / Дружба народов. 1988. № 4 [книжный вариант: Он же. На рубеже двух эпох: дело врачей. 1953. М., 1988]; Он же. The Doctors' plot of 1953. Harvard Press. Cambridge, 1988; Шейнис З. Провокация века. М., 1992; Этингер Я. Это невозможно забыть. Воспоминания. М., 2001.

⁵ Шейнис З. Указ. соч. С. 117.

⁶ См.: Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации. 1938–1953 / сост. Г.В. Костырченко. М., 2005.

партией. Они безоговорочно поддерживают решение о реабилитации медиков.

Вторая группа. Их авторы высказывают ряд недоуменных вопросов и сомнений в связи с неожиданной реабилитацией, их обращения в «Правду» нередко выражают чувство растерянности, просят дополнительных разъяснений, подчас выражают достаточно критическое отношение к органам правосудия, МГБ и МВД.

Третью группу составляют письма с активной поддержкой решения об освобождении врачей, они также осуждают развернутую антисемитскую кампанию, многие критикуют недавние действия, направленные на дискриминацию евреев.

И, наконец, *четвертая группа* корреспондентов решительно осуждает реабилитацию медиков, отвергает любые сомнения в виновности «убийц в белых халатах», а также декларирует и обосновывает свои антисемитские взгляды и выставляет свои требования.

Первая группа, в которых взгляды авторов изменяются вместе с политическим курсом режима составляют до 10%. Достаточно характерно письмо Ф.И. Будакова из Ленинграда: «В связи с тем, что 4 апреля 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР отменил указ от 20/1–53 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф.⁷, как неправильный, в связи с выявившимися действительными обстоятельствами, мое поздравление, присланное в феврале м-це с/г. через Вашу редакцию в адрес Л.Ф. Тимашук, прошу считать аннулированным»⁸.

Авторы второй группы писем в большинстве своем не занимают ясно выраженной позиции. Среди вопросов, которые задавали авторы писем этой группы, характерны следующие: «Все ли, о чем было напечатано в газете за 13 января 1953 г. не подтвердилось, или... некоторые данные остались в силе?.. В каком свете необходимо рассматривать деятельность сионистской организации Джойнт?» (из письма капитана Советской Армии А.Н. Тонина)⁹.

В обращении коллектива Вендорожской машинотракторной станции из Могилевской области Белоруссии отмечалось, что «имеют неясность относительно освобождения врачей, связанных с убийством лучших деятелей Коммунистической партии Советского Союза, о чем ранее было опубликовано в газете “Правда”. Коллектив Вендо-

⁷ Тимашук Лидия Феодосьевна – врач-кардиолог в Лечсанупре Кремля. Ее письмо о неправильном лечении А.А. Жданова было использовано официальной пропагандой в «деле врачей» и раздувании антисемитской кампании.

⁸ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 34.

⁹ Там же. Л. 5–6.

рожской МТС надеется, что редактор газеты “Правда” опубликует подробно о причинах освобождения и причинах, по которым ранее печатались сообщения о врачах-убийцах. По поручению коллектива подписали: пред. колхоза Ворошилова Воронцов; главный бух. МТС Бусняков; уч. механик – Данилович; бригадир тракторной бригады Иванов Н.М.»¹⁰

Характерно мнение С.В. Кайнова из Саратова: «Никак не укладывается в голове: каким это образом могла быть допущена подобная ошибка, тем более что часть этих врачей обвинялась не только во вредительстве, но и в том, что они являются старыми агентами английской разведки. Ведь нельзя же предположить, что эти обвинения абсолютно беспочвенны, то в этом можно увидеть явно выраженное желание некоторых головотяпов из бывшего МГБ посеять антисемитизм и национальную рознь. Такие ошибки очень неблагоприятно отражаются на общественном мнении, не говоря уже о людях малограмотных и старых. И я бы просил подробно объяснить, почему произошел такой казус»¹¹.

Высказывания М.Н. Селиверова из Ленинграда могли бы стать своеобразным мотто писем второй группы: «Да!.. скандал с профессорами получился небывалый. Резонанс в СССР и за границей громадный. Москва взбудоражена, как пчелиный улей...»¹² В этом же письме достаточно необычные для того времени оценки. Автор ставит в пример порядки в капиталистических странах: «Если за границей в тюрьму имеют доступ и родственники, и адвокаты, и корреспонденты, и депутаты, если там свободно дают интервью и пишут в газетах, и выступают на митингах, то в СССР этого нет... В Англии, например, разве возможен был бы арест 12 профессоров при наличии смехотворных данных? Разве (если бы арест состоялся) они бы просидели больше 2–3 дней? Конечно, нет. Сразу бы стало известно, что их пытаются...»¹³

Именно ко второй группе относится самая значительная подборка сводок писем (их не менее 40%). Все они свидетельствуют о недоумении и подлинном потрясении их авторов, о непонимании причин обнародования подобного решения. Информация, изложенная в сообщении МВД, не удовлетворяла корреспондентов, некоторые выражали протест против необоснованных репрессий. Авторы писем настоятельно просят, а подчас даже требуют, разъяснить подлинные

¹⁰ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Л. 39.

¹³ Там же. Л. 38.

причины ареста и освобождения врачей. За некоторыми письмами явно проглядывался протест против действий объединенного накануне МВД с МГБ.

К этой группе писем примыкает еще одна, третья группа, авторы которых всецело поддерживают освобождение врачей и решительно осуждают антисемитские настроения, в немалой мере спровоцированные «делом врачей» и соответствующими публикациями в центральной и местной прессе.

Приведем несколько характерных выдержек из писем этой группы. «Прошу через газету отметить <...> мое глубочайшее презрение и невыразимое чувство к человеческому отребью – Л. Тимашук». Автор письма именуется Тимашук «дипломированной Чеберячкой с гитлеровской идеологией»¹⁴, чуть было не получившей высочайшую награду – орден Ленина»¹⁵ (из письма А. Чугунова из Москвы).

В. Александров (Москва) (судя по тексту письма, пропагандист в системе политпросвещения) пишет о «чувстве удовлетворения, с которым восприняли все передовые люди нашей страны <...> сообщение МВД...» Он также считает своим «партийным долгом указать на *“страусовое поведение горкома партии”*»¹⁶, давшего установку <...> не комментировать сообщение» МВД. Далее он пишет о неблагоприятной роли, сыгранной «Правдой», которая вместо классового подхода к разоблачению космополитической идеологии «задала определенный националистический тон». Ее статьи «зачастую сводились лишь к раскрытию псевдонимов, чтобы подчеркнуть принадлежность того или иного автора к семитам. “Правда” <...> воспитывала чувства национальной вражды... *Ядом шовинизма*, – замечает Александров, – сейчас отравлены многие люди в нашей стране и дети, что еще горше. <...> Нужно открыто напомнить людям, что писал товарищ Сталин»¹⁷, ибо люди доходят до того, что пытаются противопоставить идеи т. Сталина современной политике партии и правительства»¹⁸.

¹⁴ Имеется в виду В. Чеберяк – содержательницу воровского притона в г. Киеве, главного свидетеля обвинения на ритуальном процессе М.-М. Бейлиса в 1913 г.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 8.

¹⁶ Здесь и далее разрядкой выделено секретарями ЦК.

¹⁷ Имеется в виду ответ И. Сталина 12 января 1931 г. на «запрос» Еврейского телеграфного агентства об антисемитизме и отношении к нему в СССР: «Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма... В СССР строжайше преследуется законом, как явление, глубоко враждебное Советскому строю» (Сталин И.В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 28.).

¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 32.

Немало писем, прежде всего в третьей и четвертой группах, анонимных. Рабочие, не оставившие своих имен, завода «Вольта» из Таллина выражают «большое удовлетворение», с которым они прочли сообщение МВД. При этом они сами находились в плену мифов эпохи, насаждавшейся десятилетиями – шпиономании. Рабочие были убеждены, что не враги, а именно Тимашук действовала по заданию «вражеской контрразведки». Авторы письма задавались вопросом: не являются ли «люди, сидящие в органах безопасности, запутанными в сети американских диверсантов»¹⁹.

Отсутствие мифологической зашоренности характеризует подписанное письмо «группы рабочих-коммунистов» из Москвы К. Никольского, А. Панова и А. Ремникина с выражением полного недоверия редакции «Правды»: «В течение двух-трех лет газета... вела погромную антисемитскую кампанию, смакуя еврейские имена и доказывая <...> что их надо бить. А теперь печатает передовицы о советской идеологии дружбы народов. Кто же Вам поверит? Вы же проститутки и звери <...> Фашистам <...> не место в “Правде”...»²⁰ Автор письма из Курска, подписавшийся «гражданин Советского Союза», писал о себе, что он, «старый рабочий, остро переживал события», связанные с «делом врачей». Он сравнивал его с 1937-м годом, когда садисты из НКВД («ежовщина») хватили и сажали людей без всяких причин и расстреливали. И после сообщения МВД, продолжал корреспондент, «каждый честный человек ожил. Я наблюдал на улице, когда передавали по радио, как озарились лица улыбками и слышно было возмущение по адресу садистов НКВД. Настала новая весна, опять будет равенство и дружба народов как до 1950 года»²¹ (? – А.Л.).

К данной группе можно отнести и письма, написанные евреями и лицами, породненными с ними. Письма разные. От эйфорической восторженности и благодарности «родному правительству» до протестов и выражения недовольства политикой государственного антисемитизма, которую связывают с действиями отдельных чиновников на местах.

Р. Файнштейн из Москвы пишет: «Хочу выразить свою глубокую признательность нашему советскому подлинно народному правительству. В сегодняшнем сообщении Министерства внутренних дел я еще раз глубоко почувствовала всю силу и мощь нашего государства, его справедливость и честность»²². И другое письмо с протестом:

¹⁹ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 35.

²⁰ Там же. Л. 46.

²¹ Там же. Л. 13.

²² Там же. Л. 11.

«...Как расценивать прокурора Харьковской области Савченко, который, по выражению зав. кадрами облпрокуратуры Зеленовой, “очищал” прокуратуру, увольняя лиц еврейской национальности. Разве не издевательством над советскими людьми, над советскими принципами свободы и равенства является деятельность этой же Зеленовой, которая дошла чуть ли не до фашистских проверок “чистоты крови”, требуя от одной из сотрудниц (украинки) метрическую выписку о рождении ее матери Лукьяненко Евдокии Ивановны (умершей 40 лет тому назад) в доказательство того, что Лукьяненко – не была еврейкой и в жилах ее дочери течет чистая украинская кровь? Необходимо <...> наказать таких горе-руководителей <...> Надо сразу же покончить с такими настроениями, и советская печать должна указать на это. Я излагаю Вам свое личное мнение, свои чувства и соображения как рядовой член партии, но думаю, что я выражаю мысли и чувства многих. Батхон Владимир Павлович, член КПСС, п/б № 9119780»²³.

А вот письмо-исповедь Е. Якуниной – русской женщины, врача, бывшей замужем за евреем, погибшим на фронте: «Кто бы знал, сколько бессонных ночей провела я из-за позорного пятна брошенного на белый халат врача. Кто бы знал, что пережило мое материнское сердце за то, что на моих сыновей, было наложено «клеймо» только за то, что их отец был еврей. Как обидно и больно было, что мои дети должны были “стыдиться” своего отца, который прожил честную трудовую жизнь, происходя из бедной трудовой семьи, который был предан Родине – Советскому Союзу и погиб за нее на фронте в 1941 г. <...> я одна воспитала своих детей честными и преданными Родине <...> а мне давали чувствовать, что дети мои какие-то отщепенцы, парии, клейменные на всю жизнь и что перед ними закрыты почти все двери. За что? Эта мысль мешала жить и работать. <...> За что? <...> И вот 4 апреля, услышав по радио постановление правительства, сегодня прочитав передовую статью “Правды” у меня точно камень свалился с сердца. Я и мои сыновья... выражаем самую глубокую благодарность и заверяем, что если надо, жизни свои готовы отдать за наш Советский Союз, за правительство, за родную любимую Коммунистическую партию»²⁴.

Корреспонденция этой третьей группы составляет 15% от общего числа писем.

Наконец, четвертая группа. Авторы из этой группы часто не называют своих имен, но не скрывают места работы или учебы. Многие письма коллективные, их авторы решительно не приемлют освобож-

²³ Там же. Л. 15.

²⁴ Там же. Л. 21.

дения евреев «врачей-убийц». Письма имеют ярко выраженную антисемитскую направленность. В каждом из писем встречаем расхожие стереотипы о евреях: «Евреи не работают сталеварами, подсобными рабочими и чернорабочими, избегают колхозов <...> не работают с копром в руках на метрострое, шахтах, Волго-Доне и других тяжелых работах...»²⁵ (из анонимного письма сталеваров и рабочих Кировского завода, Ленинград). «Как могло случиться, что еврейские семьи могут пользоваться всеми благами, созданными рабочими мозолистыми руками? Торговля в руках евреев»²⁶ (из неподписанного письма из Московской обл.). В.М. Ларин из Прокопьевска заявляет, что все основные руководящие должности на заводе, где он работает, «занимают люди еврейской национальности <...> Завод находится на территории РСФСР...»²⁷ «Евреи живут за счет остальных народов нашей страны», – убеждены рабочие из Краматорска.

Для авторов этой группы писем «дело врачей» является, по сути, делом всех евреев, а поскольку евреи, все вместе взятые, виновны, «вина» врачей не нуждается в каких-либо дополнительных доказательствах. «Вы считаете, что эти профессора полностью реабилитированы? – пишет А. Савельев из Москвы. – Но кого можно в этом убедить. Нет, все равно это – низкие и подлые люди. Неужели их мучили так, как мучили девочку Зою или Лизу Чайкину, этих стойких, настоящих патриотов. Да убейте меня и кого угодно, по-настоящему истинного человека, да никогда с моих уст не сорвалось бы это чудовищное признание. Все равно, они – трусы, лжецы и малодушные люди, и никогда никакими статьями ни в “Правде”, ни в другой газете не вернете вы ни товарищеского отношения к ним, ни доверия. Да как можно им поверить! Я не могу писать от возмущения всем этим процессом. Пугливые, мелкие их душонки заставили волноваться и горевать миллионы честных советских граждан, заставили страдать тысячи ни в чем не повинных людей. В этом они уже виноваты, и за это их нужно больше судить, чем кого бы то ни было. Позор им и стыд перед каждым по-настоящему честным русским человеком. Я и миллионы людей все равно будут презирать их и еще больше ненавидеть»²⁸.

Савельеву вторил аноним из Москвы: «Как же наши простые люди молчали, когда им выжигали звезды на теле или отрезали части тела. Они не говорили ничего»²⁹. Эти корреспонденты не верят, что

²⁵ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 43.

²⁶ Там же. Л. 44–45.

²⁷ Там же. Л. 42.

²⁸ Там же. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 11.

врачи, именуемые ими не иначе как «убийцы в белых халатах», оговорили себя под пытками.

Авторы подобных писем, сами того не замечая, уподобляли «родные» органы безопасности фашистским. Само освобождение врачей воспринималось как результат еврейского влияния и проникновения в высшие органы власти. Отсюда и характерный вывод: сообщение МВД «написано или еврейской рукой, или под влиянием еврейского, как выразился автор одного из писем, вдохновения»³⁰. «Наше правительство без т. Сталина преклонилось перед евреями»³¹.

Отсюда панический страх, прочитываемый в ряде писем: «Умер Сталин и нет защитника советского народа», – сокрушался автор письма из Трускавца. «После сегодняшней передовой “Правды” нужно ожидать массовый арест русских людей, совершенно невинных под всякой кляузой евреев», – писал не назвавший себя москвич. Тот же автор умолял «не топить русский народ за евреев. Мы еще пригодимся». Эти страхи сравнимы со средневековыми фобиями в Западной Европе о евреях – разносчиках чумы и отравителях колодезцев.

Они заставляют вспомнить подобные настроения в царской России в канун кровавых еврейских погромов осенью 1905 г. сразу после объявления Манифеста 17 октября «о даровании свобод». Освобождение врачей воспринималось юдофобски настроенными авторами как личное унижение. Узнав о сообщении МВД о невинности врачей, один «молодой инженер» сообщал в центральную газету: прочитав в «Правде» сообщение об освобождении «врачей-вредителей»: *«у меня было ощущение, что я получил пощечину»*³².

Авторы этой группы посчитали, что над их патриотическими чувствами, персонифицируемыми, в частности, в фигуре Тимашук, просто надругались. «Один анонимный автор из Москвы прямо просил ЦК «не позволять попираť патриотические чувства граждан. Это ведь... “святая святых”, а не еврейский базар»³³.

Авторы ряда писем не только возмущены действиями властей, но даже готовы выйти на демонстрации с протестами. Группа студентов юрфака (!) Львовского университета заявляла, что если Тимашук не дадут слова, то они «объявят поход в ее защиту». «Ведь Тимашук награждал Сталин, а Сталин – это правда». Девизом корреспонденции писем четвертой группы могут стать следующие характерные цитаты: «Умер Сталин и нет защитника советского народа» и «Евреи

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 44.

³² Там же. Л. 11.

³³ Там же. Л. 13.

опять вывернулись». Для писем этой группы характерно сочетание чувств агрессии, унижения, страха и паники. Письма, содержащие подобные взгляды, составляют примерно 35% от общего числа всей корреспонденции.

Некоторые письма достаточно сложно однозначно отнести к какой-либо определенной группе. Они позволяют лишь говорить о неприятии политики репрессий при сохранении антисемитских настроений. В «откликах трудящихся» встречаем и новые идеи, вошедшие в почвеннические настроения части интеллигенции последующих лет. Анонимный автор, один из немногих, свободный от идеологической сталинистской зашоренности, пишет: «Великое дело начало наше правительство: оно дало ясно понять, что в прошлом существовало пристрастное разбирательство дел, и открыло народу желание изменить внутреннюю политику. *Но почему же этот акт мирового значения начался с возвеличения кучки евреев и унижения русских?* Сколько жертв невинных репрессий 1933–34 и 1937–38 годов еще находится в лагерях, но не их в первую очередь реабилитировали, а кучку евреев!.. Не нужен русскому народу такой международный авторитет, который поддерживается унижением и оскорблением русских ради евреев»³⁴.

Несколько наивные представления некоторых историков и журналистов о том, что антисемитские настроения были навязаны значительной части населению «сверху», вступают в конфронтацию с содержанием многих писем. Сообщение о «невиновности евреев», а именно так оно было воспринято многими, противоречило ментальности этих людей, сформированной традиционной антисемитской мифологией, усилившейся во время войны и особенно в тяжелых условиях послевоенных лет.

Анализ писем позволяет поддержать утвердившееся в современной историографии мнение, что традиционный антисемитизм в России различных эпох, в том числе и сталинского периода, являлся порождением не только правящих сфер, но и имел серьезную поддержку в сознании масс, особенно в периоды политических и экономических катаклизмов³⁵.

В своем секретном докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев обошел молчанием юдофобскую сущность «дела врачей». Возможно, он, только что в полной мере овладевший браздами правления, вынужден был считаться с теми взглядами, которые были изложены

³⁴ РГАНИ Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 5. Л. 9.

³⁵ Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / ed. by J. Klier., Shl. Lambroza. Cambridge Univ. press, 1992.

во многих письмах. Идя на беспрецедентную критику «культы личности», Хрущев не хотел давать дополнительные козыри в руки своих противников.

Хронологически история «дела врачей» казалась бы исчерпанной. Но антисемитские кампании, закамуфлированные под борьбу с сионизмом, время от времени возникавшие в период «оттепели», и стали постоянным фактором общественно-политической жизни позднего СССР, времени брежневской стагнации. Многие современники тех событий вскоре постарались забыть о них, как о дурном сне. Тем не менее власть имущие убедились, насколько эффективной может быть подобная политика в «еврейском вопросе», которого, по всем официальным утверждениям, не существовало в стране «развитого социализма». Диалог с народом продолжался на знакомом и понятном многим языке.

Анализ реакции различных слоев населения говорит о том, что советское общество, выходящее из-под глыб сталинизма весной 1953 г., несмотря на десятилетия репрессий, оказалось ориентированным на самые различные политические ценности. Беспрецедентное решение властей, публично признавших свою «ошибку», спровоцировало всплеск самых различных настроений и оценок – от прозападных до почвеннических.

Тем не менее значительная часть общества пребывала в растерянности и просила, и, более того, требовала дополнительной информации, фактически – гласности в «деле врачей». Единомыслия даже в условиях еще сохранявшегося всеобщего страха не было. Признание незаконности ареста врачей стало одним из самых первых шагов по направлению к эпохе «оттепели».

В заключение необходимо отметить, что рассмотрение данного сюжета, как и изучение огромных пластов отечественной, прежде всего советской, истории было бы невозможно без открытия доступа к архивам. Это событие многие российские и зарубежные исследователи назвали «архивной революцией» начала 1990-х гг., совершенной в эпоху первого Президента России Б.Н. Ельцина. К сожалению, эта революция оказалась не законченной, а в последующий период фактически свернутой. Это обстоятельство наряду с целым рядом других препятствует до сих пор не завершившемуся, а в ряде случаев обращенного вспять, процессу десталинизации российского общества.

В.М. Кириллов

РЕПРЕССИВНЫЕ АКТЫ «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА». ПЕРЕХОД К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЕ 1950-х гг.

Начало 1950-х годов является важным и пока еще малоизученным рубежом в истории Советского государства. Главная особенность этого периода заключается в попытке преодоления негативного традиционализма сталинской эпохи, поиске новой модели социалистического развития, романтически ориентированной на наследие «великого Ленина». Для того чтобы понять все сложности преодоления прошлого, следует определить сложившиеся стереотипы правовой практики правящего режима.

В развитии законодательных основ Советского государства с 1917 по начало 1950-х гг. прослеживается вполне определенная последовательность. Революция и гражданская война наложили свой яркий отпечаток на нормотворческую политику партии и государства, которая формировала идеологию революционной борьбы и логику «революционной законности».

Правовые основы, созданные в защиту «революционной законности», базировались на таких ключевых понятиях, как: враги народа и революции; террор; концлагеря; наказание по велению революционной совести; «презумпция виновности» каждого обвиняемого до суда; наказание покушения на деяние, как самого деяния; наказание за недонесение; достаточность признания обвиняемого для его осуждения; обратная сила принимаемых законов; уголовная ответственность за политические и идеологические убеждения. Использование этих понятий в практике законодательной и исполнительной власти полностью нарушало выверенные мировым опытом способы регулирования взаимоотношений общества и государства.

В истории развития социалистического государства наблюдается параллельное оформление и сосуществование двух структур власти – официальной – в лице Советов на местах, Верховного Совета, Совета Народных Комиссаров и неофициальной – Политбюро ВКП(б), ОГПУ–НКВД и т. д. Одновременно шло развитие и двух видов законодательства – показного – в виде Конституций, Уголовного и иных

кодексов, обнародованных законов и постановлений и фактически действующего – подзаконных указов, положений, инструкций, секретных писем, устных и письменных директив.

Теневая структура власти и подзаконные акты оказывали преобладающее влияние на жизнь общества. Происходила политизация правовой системы государства. Уголовные кодексы 1922 и 1926 гг. как базовые источники законов, были основаны на нарушении правовых норм. Политические деяния расценивались как уголовные преступления. «Враг народа» был превращен из идеологического противника в уголовника и всегда рассматривался как особо опасный преступник.

В развитии репрессивного законодательства есть свои закономерности и этапы. Несмотря на относительно мирный период развития внутренней жизни государства в 1922–1928 гг., именно в этот временной промежуток формировалась законодательная база борьбы с «врагами народа». В УК РСФСР 1922 г. содержатся 17 «контрреволюционных» и 27 расстрельных статей, в УК 1926 г. – политическая 58-я статья с 18 подпунктами и 46 расстрельных статей¹. Во всех статьях и законах о контрреволюционных преступлениях определяются суровые меры репрессий, превосходящие по жестокости наказания за уголовные деяния. Таким образом, уже в период НЭПа были подготовлены репрессивные законы, использованные в 1930–1940-х гг. В это же время были созданы и многочисленные органы внесудебного преследования.

В годы «великого перелома» и репрессий 1930-х гг. карательные законы ужесточались за счет многочисленных подзаконных актов и опробовались в массовых масштабах.

Конституция 1936 г. формально сделала шаг от «революционной законности» к «социалистической демократии», но жестокая правовая практика («Большой террор» 1936–1938 гг.) подменила собой основную закон, а начавшаяся война отодвинула на дальний план разговоры о демократии.

В начале 1930-х гг. в сельском хозяйстве, в 1939–1940 гг. – в промышленности утвердилось репрессивное трудовое законодательство. Сложилась система казарменной экономики, основанная на принудительном труде. Заключение и спецпереселенцы стали серьезной хозяйственной силой, использование которой планировалось в масштабах страны. В то же время гражданское производство стало все более похожим на лагерь, а вольнонаемные рабочие – на заключенных. Срыв производственных планов в 1940-е гг. рассматривался как «контрреволюционное деяние», его виновники наказывались НКВД. Дела о «контрреволюционных высказываниях» еще с 1938 г. рассматривались в военных трибуналах.

¹ См.: Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М., 1929.

После победы, давшейся ценой явной самоотверженности всего народа, от любой разумной власти следовало бы ожидать резкого смягчения репрессивных законов и широкой амнистии. Действительно, в 1945–1946 гг. такая амнистия прошла, в 1947 г. даже временно отменили смертную казнь.

В дальнейшем, однако, все возвратилось «на круги своя». В конце 1940 – начале 1950-х гг. репрессии достигли нового апогея – лагеря и спецпоселения переполнились так, как не было даже в 1937–1938 гг. Принцип «презумпции виновности» был перенесен с отдельных врагов и классов общества на целые народы, военный плен и угон в фашистскую неволю объявлены государственной изменой, появились каторга и вечная ссылка.

В тяжелых условиях послевоенной разрухи и голода 1946–1947 гг. был принят репрессивный Указ Президиума Верховного Совета СССР (ПВС СССР) от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Срок наказания по нему определялся в 7–25 лет. Под его действие попали десятки тысяч малолетних преступников и вконец обнищавших людей. Именно они и были освобождены по амнистии 1953 г.² Указ от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» угрожал колхозникам, не вырабатывающим обязательный минимум трудодней, выселением на восемь лет, а Указ от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» наказывал выселением за бродяжничество и попрошайничество³.

ПВС СССР принял 15 февраля 1947 г. Указ «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». В этом же году появилась новая литературная формулировка приговора внесудебного органа – «п. з.» – преклонение перед Западом или перед упадочной западной литературой, и в период с 1947 по 1953 г. в соответствии с ней давали 10 лет лагерей⁴. Отмененная в 1947 г. высшая мера наказания – расстрел – вскоре была восстановлена, причем сначала для политических, а уже затем для уголовных преступников⁵.

² См.: История Советской Конституции: в док. 1917–1956 гг. / сост. А.А. Липатов, Н.Т. Савенков; предисл. С.С. Студеникина (общ. ред.). М., 1957. С. 840, 841.

³ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 16, 17.

⁴ См.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. Ч. 1. М., 1991. С. 41; История Советской Конституции... С. 891.

⁵ Там же. С. 65.

В феврале 1948 г. был принят Указ ПВС СССР о направлении в ссылку в отдаленные местности СССР освободившихся особо опасных (прежде всего политических) преступников; 26 ноября 1948 г. – Указ, определявший наказанием за побеги из мест ссылки и спецпоселения 20 лет каторжных работ. В 1953 г. в политизоляторах появились первые политические, осужденные Особым совещанием к пожизненному тюремному заключению, которое не предусмотрено Уголовным кодексом⁶.

Уголовное и трудовое законодательство СССР неумолимо порождало все новые указы о наказании своих задавленных тяготами социалистического существования граждан. Когда сегодня мы пытаемся вычислить, сколько же сидело в тюрьмах и лагерях незаконно репрессированных, нам доказывают, что политических в лагерях было мало, в основном там сидели уголовники. Таким образом, неосталинисты утверждают, что жертв сталинщины было не так уж и много, а в основном наказывались «по закону» и «за дело». Однако суть заключается в том, что жертвами были отнюдь не только осужденные по ст. 58, ибо репрессивных статей хватало и без нее. Когда после смерти «вождя народов» началась кампания амнистий и отмены наиболее одиозных репрессивных законов, мы обнаружили, как много их было.

По подсчетам В.Н. Земского, в 1951 г. из числа отбывавших наказание за уголовные преступления 60% было осуждено не на основе статей Уголовного кодекса, а на основе подзаконных актов – по указам ПВС СССР об ответственности за самовольный уход с предприятия, за побеги из мест обязательного поселения и т. д.⁷

В развитии репрессивного законодательства видна своя логика, прагматический просчет. Сталин и его единомышленники стремились достичь состояния полного управления народом на пути к «великой цели». Перековка идеологического, политического и правового сознания народа шла долго и планомерно. Секретность и подзаконность большинства законодательных актов говорят о продуманности идеологической политики, о сопротивлении народа развитию репрессивного законодательства. Отсюда принцип исполнительной власти – человек должен как можно меньше знать о своих правах. Многие правовые акты хранились в тайне даже в 1950-х гг., в эпоху «оттепели».

Постепенно Сталину удалось добиться воплощения своих представлений о социализме в жизнь и манипулировать действиями огромных

⁶ См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 46–48; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 255.

⁷ См.: Земсков В.Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 9.

масс людей. Эта система доказала свою «людоедскую» эффективность в годы индустриализации и в ходе Второй мировой войны. Одним из трагических последствий внедрения подобной системы стал тяжелейший удар по генофонду нации. В конечном итоге сталинская модель социализма зашла в тупик. Страна превратилась в единый лагерь с низкой производительностью труда и ослабевающей дисциплиной.

Смерть Сталина послужила поводом к осуществлению законодательной реформы 1950-х гг. Эта реформа была вызвана многими причинами. Во-первых, страна была явно перегружена репрессированными по разным основаниям (на 1 января 1953 г. насчитывалось 2 753 356 спецпереселенцев; только в лагерях и колониях ГУЛАГа, без тюрем и детских трудовых колоний, содержалось 2 468 524 заключенных)⁸. Во-вторых, эффективность подневольного труда после окончания войны неуклонно снижалась. В-третьих, политика «позднего сталинизма» находила все меньше понимания как среди народа, так и среди «соратников» вождя. В-четвертых, Н.С. Хрущев и группа его единомышленников хотели обрести популярность внутри страны и за рубежом за счет возложения всех грехов на умершего вождя.

Указ ПВС СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. гласил: «...Освободить из мест заключения... лиц, осужденных на срок до пяти лет включительно... Освободить осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления, предусмотренные ст. 193 п. 4а, 7, 8, 10, 10а, 14–17 УК РСФСР. Не применять амнистию к лицам, осужденным на срок более пяти лет за контрреволюционные преступления»⁹. Всего было освобождено 1 201 738 человек, в их числе значительная часть тех, кто попал в заключение за мелкие хищения по Указу от 4 июня 1947 г.; освобождены все «высланные», и эта категория репрессированных исчезла¹⁰.

По Указу от 8 сентября 1953 г. амнистировали тысячи тех, кто был осужден подзаконными актами от 7 и 22 августа 1932 г. По Указу от 28 октября 1953 г. отменялась уголовная ответственность за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней. В 1954 г. повысился возраст уголовно наказуемых за любые деяния с 12 до 16 лет¹¹.

В июле 1954 г. Была восстановлена практика условно-досрочного освобождения, прерванная в 1939 г. За это время многие десятки ты-

⁸ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы... С. 16.

⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991). Казань, 1992. С. 16.

¹⁰ См.: Земсков В.Н. ГУЛАГ... С. 9.

¹¹ См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР... С. 15–17, 22.

сяч людей стали закоренелыми преступниками, пройдя воспитание лагерями и тюрьмой.

17 сентября 1955 г. вышел Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», который наряду с подлинными коллаборационистами освободил и тех, кто попал в плен в первые годы войны. 20 сентября 1956 г. он был распространен и на военнослужащих, побывавших в плену и осужденных по ст. 193 (п. 22) и ст. 58 (п. 16). Закон Верховного Совета СССР «Об отмене лишения избирательных прав по суду» вышел 25 декабря 1958 г.¹²

В декабре 1956 г. были приняты новые (после 1924 г.) «Основы уголовного законодательства Союза СССР и республик». В ст. 3 впервые в советской практике было провозглашено, что наказание может даваться только по решению суда. Кроме того, уголовная ответственность начиналась теперь с 16 лет. Из перечня видов наказания Основы исключали такие меры, как объявление врагом трудящихся на неопределенный срок и поражение политических прав по суду, в том числе избирательных прав. Верховный Совет РСФСР 27 октября 1960 г. принял новый Уголовный кодекс¹³.

Однако все это отнюдь не означало, что советское право рассталось с прошлым. В новом Законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» содержались: ст. 1 «Измена Родине...»; ст. 6 «Вредительство...»; ст. 7 «Антисоветская агитация и пропаганда (срок от 3 до 10 лет)...»; ст. 9 «Организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации...»¹⁴ Сохранилась практика изгнания неугодных лиц из СССР, поражения политических прав и добавилось принудительное лечение в специальных психиатрических больницах.

Репрессивное законодательство затронуло судьбы миллионов наших соотечественников, сделав их жертвами идеологии и политики коммунистической партии. Сложившаяся в настоящее время ситуация с изучением политики репрессий позволяет сделать более точные, чем ранее, подсчеты численности репрессированных в 1920 – начале 1950-х гг.

¹² См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 23, 27, 30; История Советской Конституции... С. 773.

¹³ См.: История государства и права СССР: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 2. М., 1981. С. 417, 420.

¹⁴ См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации... С. 52–58.

Лишению избирательных прав в одном только 1927 г. власть держащие подвергли свыше двух миллионов россиян (из них 1 млн 400 тыс. человек – на селе, более 700 тыс. – в городах)¹⁵.

По нашим оценкам, в период 1921–1953 гг. за так называемые контрреволюционные преступления было арестовано около 4,5 млн человек, из них осуждено около 3,8 млн. Если учесть, что разделение на «контрреволюционные преступления» и «прочие» проводившими арест и осуждение внесудебными органами (ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ) чисто условно и нарушает нормы права, то арестованных окажется 5 951 364 человек, а осужденных – 4 060 306 человек¹⁶.

Другой массовой категорией репрессированных стали административно высланные крестьяне. Через «кулацкую ссылку» прошло около 2,5 млн человек, куда помимо раскулаченных крестьян (1,8 млн) входили направленные на спецпоселение «сомнительный элемент» из погранзон, городской «деклассированный элемент» и др.¹⁷ По оценке «Мемориала», в 1930–1933 гг. деревню вынужденно покинули от 3 до 4,5 млн человек, из которых 1,8 млн стали «спецпоселенцами»¹⁸.

Следующая категория – депортированные народы. По оценке ведущих специалистов по проблемам спецссылки и депортации (В.Н. Земсков, Н.Ф. Бугай, П.М. Полян), в период с середины 1930 по начало 1950-х гг. насильственному выселению были подвергнуты представители 61 национальности общим количеством более 3,6 млн человек. Среди них преобладали депортированные народы – около 2,6 млн человек¹⁹.

Через детские трудовые колонии с 1935 по 1940 г. прошло около 155 тыс. подростков в возрасте от 12 до 18 лет. Многие сотни тысяч людей стали жертвами сталинизма из-за пребывания в плену или на фашистской каторге. Численность «второй эмиграции» (захваченных в плен фашистами и жителей оккупированных территорий, угнанных в неволю и не вернувшихся в СССР) составила примерно

¹⁵ См.: Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. М., 1928. С. 6, 52, 54.

¹⁶ Подсчитано по: История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. М., 2004. С. 608–609, 619–624.

¹⁷ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 281.

¹⁸ См.: Жертвы политического террора в СССР: 4-е изд. компакт-диска / сост. Международное общество «Мемориал». М., 2007.

¹⁹ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР.. С. 281; Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006. С. 26, 92.

452 тыс. человек. После проверочно-фильтрационных лагерей НКВД в распоряжении этого ведомства осталось около 338 тыс. человек²⁰.

Общая численность заключенных-контрреволюционеров, спецпоселенцев, депортированных народов и других категорий жертв репрессий, по нашим подсчетам, составляет около 12 млн человек. При этом следует помнить, что в наши расчеты не вошли узники тюрем, лагерей НКВД, относившихся к разным промышленным и иным ведомствам, депортированные народы Прибалтики, родившиеся или вновь прибывшие на спецпоселение после 1948 г., арестованные по политическим мотивам, но не по ст. 58, и поэтому не вошедшие в категорию контрреволюционеров.

По подсчетам, основанным на статистике Верховного Суда СССР, в период с 1921 по 1956 г. было подвергнуто аресту минимум 46,6 млн человек, или около 1,3 млн ежегодно. Конечно, политика репрессий имела свою логику и средние подсчеты здесь не совсем уместны. Так, в 1921–1936 гг. было арестовано 3 260 678 человек, в 1937–1938 гг. – 1 575 259, а в 1939–1956 гг. осуждено 41 792 241, из которых по указам военного времени – 17 961 429 человек. Количество осужденных за период с 1921 по 1956 гг. составило более 44,9 млн человек²¹.

Достаточно приблизительно можно подсчитать количество осужденных к разным видам наказания за период 1921–1956 гг.: ВМН – более 813 тыс. человек; лишение свободы на разные сроки – более 15 млн; ссылка, с учетом раскулаченных крестьян и депортированных народов, – около 6,5 млн; приговоренных к исправительно-трудовым работам – 17 885 512; к «прочим» видам наказаний (условное осуждение, штрафы, общественное порицание и др.) – 3 644 815 человек.

Таким образом, через ИТЛ, ИТК, тюрьмы и спецссылку в СССР прошло около 21,5 млн человек. В ГУЛАГе за 1930–1956 гг. погибло более 3,6 млн человек: умерло около 1,6 млн; расстреляно более 813 000; скончались от голода и болезней во время спецпереселения – около 1,2 млн человек²².

Процесс реабилитации жертв политических репрессий имел сложный и противоречивый характер. В данном исследовании начальный период реабилитации жертв политических репрессий мы относим к 1953 году. Вначале вышел Указ ПВС СССР «Об амнистии», автором

²⁰ См.: Земсков В.Н. ГУЛАГ... С. 19; Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан (1944–1951) // История СССР. 1990. № 4. С. 38; Шевяков А.А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 10.

²¹ Подсчитано по: История сталинского Гулага... Т. 1. С. 608–609, 619–624.

²² Там же. С. 608–609, 619–624; Там же. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания / отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталева. М., 2004; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 281.

которого считают Л.П. Берию. Реабилитацию политических заключенных Указ не предусматривал, более того, был ориентирован лишь на амнистию уголовников. Затем Берия направил на имя Председателя СМ СССР Г.М. Маленкова и Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева представление об амнистии всех осужденных внесудебными органами, прежде всего «тройками» НКВД и Особым совещанием ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД СССР. После этого Берией в 1953 г. были созданы группы для проверки и пересмотра наиболее громких фальсифицированных дел: «дела врачей», «сионистского заговора», «мингрельского дела» и «дела МГБ».

С мая 1954 г. начинается этап массового пересмотра дел. Происходит пересмотр дел с отменой приговоров и реабилитацией на основе личных заявлений в судебном порядке (или заявлений родственников по делам расстрелянных). После XX съезда КПСС изменилось содержание процесса реабилитации: понятие «враг народа», бывшее определяющим в предшествующей карательной политике, отошло на задний план. Созданные «выездные» комиссии ПВС СССР 1956 г., не связанные, как их предшественники, жесткими идеологическими установками, ввели в свою практику понятие целесообразности содержания того или иного заключенного под стражей, что способствовало значительному ускорению процесса пересмотра дел. Однако лишь немногие из жертв репрессий удостоились гласной, публичной реабилитации. Широкая общественность, народ были, как и прежде, в неведении о том, скольким людям возвращено полноправие и кто они, какие государственные органы занимаются этой важной гуманной работой²³.

Инициаторами политики реабилитации в 1950–1960-е гг. выступали те, кто принимал активное участие в репрессиях. Однако, несмотря на то что реабилитация жертв репрессий была в определенной степени средством борьбы за власть, были и другие объективные причины ее проведения, о которых мы уже говорили выше.

Анализ законодательной базы начального периода реабилитации (1950 – начало 60-х гг.) жертв политических репрессий позволил нам вывести формулу реабилитации указанного периода: «реабилитация = амнистия», причем, если до 1953 г. амнистия политических заключенных была скорее исключением из правила (так как под амнистию попадали в первую очередь уголовники), то с 1954–1955 гг., а особенно с 1956 г., с началом работы комиссий по освобождению эта формула может быть представлена как «реабилитация = случайная

²³ См.: Равнодушным быть нельзя (беседа с руководителем группы по реабилитации УКГБ СССР по Москве и Московской области Н.В. Грашовенем) // Честь: бюллетень издательства «Московский рабочий». 1990. № 1; ЦАДКМ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 209. Л. 7.

амнистия» и «реабилитация = разгрузка лагерей» (т. е. целенаправленная амнистия политических заключенных).

Согласно официальным данным, только во время первой волны реабилитации – в 1954–1962 гг. – ежегодно реабилитировали около 30 тыс. человек, в общей сложности – 258 322 человека²⁴. О.В. Лавинская в своих работах указывает, что за период с мая 1954 по март 1956 гг. комиссиями были пересмотрены дела в отношении 337 183 человек, содержащихся в лагерях, колониях, тюрьмах, находящихся в ссылке, на поселении. В отношении 153 502 лиц (из названного количества) были приняты решения о прекращении дел, применены указы ПВС СССР «Об амнистии», о сокращении срока наказания, об освобождении из ссылки; реабилитировано всего лишь 14 338 человек (4,2% от общего числа лиц). В отношении 183 681 осужденного приняты решения об оставлении им ранее определенной меры наказания (54,5%)²⁵.

В начале 1960-х гг. реабилитационный процесс был приостановлен. Изучение законодательства по данному этапу реабилитационной политики показало, что на государственном уровне реабилитационный процесс стремительно сворачивался, амнистии 1960–1970-х гг. не предусматривали освобождения политических заключенных.

Второй период процесса реабилитации начался в 1987 г., после образования Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг. По сути, именно на этом этапе начинается действительная (законодательная) реабилитация жертв политических репрессий и сам процесс реабилитации приобретает правовой смысл.

Историко-правовой анализ политических и законодательных реформ 1950-х гг. демонстрирует высокую степень инерционности и косности сложившейся в предшествующий период административно-командной системы управления страной.

Одним из показательных примеров замедленного преодоления сталинизма является процесс реабилитации жертв политических репрессий, который приобрел должный правовой характер лишь в конце 1980-х гг. и не завершился до сих пор. К настоящему времени реабилитировано только около 6 млн человек из 12–13 млн граждан СССР, пострадавших от репрессий по политическим мотивам.

²⁴ См.: Баландина Л.В. В очереди за оправданием (Интервью с начальником Управления по реабилитации российских и иностранных граждан Главной военной прокуратуры РФ) // Московские новости. 1996. № 12. С. 14.

²⁵ См.: Лавинская О.В. Процесс пересмотра дел политических заключенных в 1954–1956 гг. и попытки наказания работников госбезопасности за фальсификацию дел // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М., 2008. 368 с. С. 308.

Л.А. Обухов

«...ЕСТЬ ГЕНЕРАЛЫ, ПОЛКОВНИКИ И ПОДПОЛКОВНИКИ». ИСТОРИЯ КОЛОНИИ ДЛЯ РАБОТНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПОС. КУЧИНО МОЛОТОВСКОЙ (ПЕРМСКОЙ) ОБЛАСТИ

Литература о местах заключения для бывших работников правоохранительных органов практически отсутствует. Интерес к подобным местам заключения возник в связи с осуждением Ю.М. Чурбанова, бывшего Первого заместителя Министра внутренних дел СССР, отбывавшего срок в учреждении УЩ-349/13 (ИТК-13) в Нижнем Тагиле. Это вполне оправдано. Заключенные из числа работников правоохранительных органов составляли ничтожную часть от общей численности заключенных в Советском Союзе.

После смерти Сталина и особенно ареста Берии в обществе начались перемены в духе «восстановления социалистической законности». Изменения произошли и в деятельности карательных органов. В 1954–1955 гг. из органов МГБ-КГБ уволили более тысячи человек начальствующего состава за допущенные в прошлом нарушения советской законности¹. Чистка правоохранительных органов сопровождалась не только увольнениями, но и арестами.

До смерти Сталина осужденные работники правоохранительных органов содержались совместно с уголовниками. После Сталина ситуация изменилась: это были «свои» и содержание совместно с уголовниками несло прямую угрозу их жизни.

В нормативных актах нет ни слова об отдельном содержании в местах заключения работников правоохранительных органов. Руководство Молотовского УИТЛК предложило содержать эту категорию заключенных отдельно от остальных заключенных, не дожидаясь указаний из центра. Начальник УИТЛК по Молотовской области В.И. Дикой в своем выступлении на областной партийной

¹ См.: Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 309.

конференции УИТЛК в январе 1955 г., касаясь вопроса о содержании спецконтингента, отметил: «На наш запрос сообщают, что спецконтингент разместить по степени опасности в подразделениях с обычным контингентом, тогда как нам ясно, что там будут чрезвычайные происшествия»².

Для содержания спецконтингента определили лесную исправительно-трудовую колонию № 6 (ИТК № 6), или Лагерное отделение № 6, как стала называться колония с 1953 г.³ Поступление в лаготделение спецконтингента началось с июня 1953 г., и уже через год здесь содержались в основном бывшие сотрудники лагерей, суда, прокуратуры и милиции.

Колония была не подготовлена к приему нового контингента. Что из себя представлял кадровый состав, можно судить по докладной записке старшего оперуполномоченного младшего лейтенанта Канюкова: «...После укомплектования лаготделения № 6 спецконтингентом с июня месяца 1953 г. начальник КВЧ младший лейтенант Анохин по своей малоразвитости и недостаточной грамотности боится проводить со спецконтингентом беседы или совещания, т. к. заключенные из числа спецконтингента являются большинство грамотными»⁴.

Новый состав заключенных, среди которых были «генералы, полковники и подполковники»⁵, доставлял немало неприятностей администрации лаготделения, начальник которого имел, как правило, звание не выше капитана. Лаготделение сохранило лесозаготовительный профиль. Среди нового контингента значительную часть составляли немолодые люди с хроническими болезнями и инвалиды, пригодные лишь к легкому труду и не имевшие необходимых навыков для работы в лесу.

В лаготделении содержались не только работники правоохранительных органов, но и уголовники. Это диктовалось производствен-

² Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ). Ф. 2464. Оп. 1. Д. 193. Л. 63.

³ Лесная ИТК № 6 была образована в ноябре 1942 г. Основное направление деятельности – лесозаготовки и сплав леса. Колония неоднократно меняла место своей дислокации. В 1946 г. штаб колонии разместился в д. Кучино Чусовского района, где и находился до ликвидации колонии в 1988 г. С 1972 г. ИТК № 6 реорганизована в ИТК № 36 для содержания осужденных по политическим статьям. Подробнее об истории лесной ИТК № 6 см.: Обухов Л.А. Из истории одной колонии (Лесная ИТК № 6. Докучинский период) // Вестник Пермского университета. 2008. Вып. 7 (23): История. Пермь, С. 90–95; Он же. История одной колонии (Лесная ИТК № 6. Первый Кучинский период, 1946–1953) // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (13): История. Пермь, С. 40–47.

⁴ ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 198. Л. 57–58.

⁵ Там же. Д. 221. Л. 23.

ной необходимостью: их использовали в основном на лесоповале. По недосмотру или ошибке сюда направлялись и уголовники-рецидивисты, но таковых были единицы⁶.

Первое время условия содержания спецконтингента мало чем отличались от условий в обычных колониях, но постепенно они стали меняться в сторону улучшения. Площадей для размещения заключенных не хватало, в результате в бараках и столовой процветала полная антисанитария. Руководство Молотовского УИТЛК обратилось с просьбой в УИТЛК МВД РСФСР не направлять спецконтингент в лаготделение № 6 свыше установленного лимита⁷.

Положение МВД об исправительно-трудовых лагерях и колониях 1954 г. устанавливало три режима содержания заключенных: общий, строгий и облегченный. В лаготделении № 6 было два режима содержания: общий и облегченный. На участке № 1 в пос. Кучино были размещены заключенные облегченного режима, на участке № 2 в Северухе – общего. Заключенным облегченного режима было разрешено посещать кино в клубе за зоной вместе с офицерами лагеря и вольнонаемными сотрудниками, а в выходные дни им даже выдавались увольнительные. Администрация лагеря шла порой на явные нарушения, предоставляя заключенным дополнительные свидания, отпуская в увольнение сразу по 30–40 человек. Отдельным заключенным разрешался выезд даже в г. Чусовой. В результате большинство отпущенных в «увольнение» заключенных терроризировали население окрестных деревень и пьянствовали вместе с ним⁸.

На многие нарушения режима и даже серьезные проступки спецконтингента начальство смотрело сквозь пальцы. Когда начальник санотдела УИТЛК потребовала от прокурора наказать заключенного за то, что тот ударил фельдшера табуреткой, прокурор заявил, что привлекать заключенного к ответственности не будут, поскольку нужно разобраться, может быть, этот фельдшер оскорбил заключенного. Дело дошло до избиения заключенными представителей лагерной администрации и даже самого начальника лагеря⁹.

Нередкими были и побеги заключенных. На 1 октября 1956 г. в лаготделении № 6 для спецконтингента бывших работников МВД, КГБ, суда и прокуратуры содержалось 377 человек. Из них на лагпункте № 1 облегченного режима – 164 человек (лимит – 188); на лагпункте № 2 общего режима – 213 (лимит 203)¹⁰.

⁶ ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 199. Л. 58.

⁷ Там же. Д. 208. Л. 25–30.

⁸ Там же. Д. 214. Л. 44.

⁹ Там же. Д. 208. Л. 30; Д. 210. Л. 12, 27, 104.

¹⁰ Там же. Д. 223. Л. 28.

Администрация колонии, будучи не в состоянии привести режим содержания заключенных на участке облегченного режима в Кучино в соответствие с требованиями, решила произвести рокировку – отправить заключенных облегченного режима в лесное отделение Северуха, а в Кучино разместить заключенных общего режима.

На протяжении нескольких лет колония оставалась нерентабельной и приносила большие убытки. Только в 1956 г. убытки составили 1,6 млн рублей. Руководство колонии занималось очковтирательством – приписывали древесину, которую не рубили, не вывозили и не сплавляли, а деньги «за вывполненную работу» получали.

Начальник Молотовского УИТЛК в январе 1957 г. признал положение в ИТК № 6 «катастрофическим»¹¹. Основной задачей колонии на 1957 г. было строительство гравийной автодороги протяженностью 15 км для вывозки леса, строительство нового лесоучастка и расширение цеха деревообработки. Помимо тарных комплектов и тарной дощечки стали выпускать штукатурную дрань, заготавливать еловое корье.

Хрущевская «оттепель» не обошла стороной и места заключения: здесь создавались советы актива и товарищеские суды, вечерние школы¹². В лагерях и колониях вводилось обязательное проведение занятий по изучению вопросов текущей политики всем составом заключенных. Посещение занятий, которые проводились в свободное от работы время, было обязательным¹³.

Поскольку контингент ИТК-6 был особенным, некоторые решения партийного руководства, и особенно, поведение Н.С. Хрущева, вызывали негативную реакцию. Особенно активно обсуждались решения июньского пленума ЦК КПСС, осудившего «антипартийную группу Маленкова, Кагановича и Молотова». В ходе официального обсуждения было «выявлено, что основная масса заключенных правильно понимают и полностью одобряют и поддерживают меры, принятые ЦК КПСС к антипартийной группе». Но сразу после официального обсуждения один из заключенных заявил: «Указанное в постановлении – ложь. Почему не пишут, что предлагали Маленков, Каганович и Молотов?» Обсуждение постановления продолжилось в бараке, где заключенные говорили, что они думают. Так, один из них сказал: «Я этому постановлению не верю. Это фабрикация лжи Хрущева. Хрущев – это выскочка, которого никто не знал, а Молотова знает весь народ с малых лет». Его поддержало еще несколько человек. Часть заключенных пришла к выводу, что «раскол в правитель-

¹¹ Там же. Д. 232. Л. 15 об., 17 об.

¹² См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2000. С. 157.

¹³ См.: ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 213. Л. 56.

стве произошел потому, что Молотов, Каганович и Маленков стоят на правильном пути, а Хрущев все хочет взять под свое влияние». Некоторые заключенные заявляли, что никогда никому не поверят, чтобы Молотов был против народа. Показательно, что заключенные знали подробности письма ЦК КПСС и говорили о них еще до того, как руководству колонии стало об этом известно¹⁴.

С 1957 г. в колониях вводится безлический расчет и отрядная система. В каждом отряде избирался свой совет актива. Совет актива занимался благоустройством, и в 1958 г. в жилой зоне впервые появились клумбы с цветами¹⁵.

Тем не менее в ИТК № 6 в 1957–1958 гг. количество нарушений режима заключенными значительно возросло, по этому показателю колония занимала лидирующее положение среди подразделений Молотовского (с октября 1957 г. – Пермского) УИТЛК. Драки заключенных, пьянки, самовольные отлучки, промоты, оскорбления надзоров и т. д. были обычным явлением.

Крайне низкой была дисциплина и среди сотрудников колонии. Начальник колонии в 1957 г. был наказан в партийном и административном порядке за фальсификацию денежных документов и неправильное расходование государственных средств. Пьянствовали не только заключенные, но и представители администрации. Нередкими были и случаи распития спиртных напитков представителями администрации и надзоров с заключенными. Начальник медсанчасти скупал коронки у заключенных и занялся протезированием зубов¹⁶.

К 1960 г. участок «Северуха» закрылся и новый лесоучасток № 2 облегченного режима с лимитом 160 человек был создан в д. Темная. На этом участке совместно с общим контингентом содержалось 18 человек заключенных из числа спецконтингента – механизаторов. Но эта мера была вынужденная, поскольку таковых не было в общем контингенте¹⁷.

Особый быт в лагере в этот период можно охарактеризовать несколькими примерами. Так, в июне 1955 г. для столовой заключенным вместо рыбы горбуши выдали треску, что вызвало недовольство. За «незаконную операцию» заведующая складом получила административное взыскание¹⁸.

Были случаи расконвоирования заключенных раньше срока, представление к условно-досрочному освобождению лиц, кото-

¹⁴ ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 233. Л. 90–90 об.

¹⁵ Там же. Д. 243. Л. 54.

¹⁶ Там же. Д. 240. Л. 56; Д. 242. Л. 103, 104.

¹⁷ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 1366. Оп. 1. Д. 970. Л. 22.

¹⁸ См.: Архив ГУВД Пермского края. Ф. 58. Оп. 2. Д. 11. Л. 42.

рым такое не полагалось. Личные свидания в ИТК № 6 некоторым заключенным предоставлялись чаще, чем было предусмотрено инструкцией.

В 1961 г. в зоне была сооружена телевизионная вышка и заключенные в лагерьном клубе могли смотреть передачи центрального телевидения, а на следующий день пересказывать их содержание вольнонаемным сотрудникам колонии. Телевизор в те годы являлся достаточно редким явлением на периферии и подобная ситуация вызвала недовольство вольнонаемных работников и части офицеров колонии. В результате администрация колонии передала телевизор в клуб поселка¹⁹.

В мае–июне 1961 г. заключенным ИТК № 6 было показано 18 кинокартин, в том числе 9 зарубежных, тогда как заключенным общего режима полагалось демонстрировать 2–3 картины в месяц²⁰.

К концу 1950 – началу 1960-х гг. большая часть старших офицеров, привезенных в лагерь в 1953 г., постепенно вышла на свободу, и на их место поступали сотрудники МВД, и уже не только старшие офицеры, работники прокуратуры и других правоохранительных органов, осужденные за чисто уголовные преступления.

Архивные материалы дают представление о том, что за «спецконтингент» содержался в лагере после того, как большинство из тех, кто был направлен в него в 1953–1954 гг., вышли на свободу: Бурденков В.А. был осужден за разбой к 10 годам лишения свободы; Калякин И.С. – за хищения в сумме 236 тыс. рублей – к 12 годам; Пантелеев Ф.В. – за хищения (с группой) 235 тыс. рублей – к 20 годам; Шевчук Р.И. – работая милиционером, в пьяном виде стрелял на улице из пистолета и убил одного гражданина – к 10 годам; Кошик М.А. – за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах – к 10 годам; председатель Совета коллектива отряда № 1 Клопман Ф.Э. – на 25 лет за тяжкое преступление, совершенное в период работы в системе лагерей и колоний и т. д.²¹

В 1960-х гг. ситуация в ИТК № 6 и с режимом, и с трудом, и с бытом заключенных постепенно нормализовалась. Многие льготы и послабления ушли в прошлое. В 1964 г. было принято решение перепрофилировать лагерь с лесозаготовительного на лесоперерабатывающий, однако процесс этот затянулся почти на три года.

Указы Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по усилению борьбы с преступностью» и «Об усилении ответственности за

¹⁹ См.: ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 282. Л. 51.

²⁰ Там же. Д. 241. Л. 28 об.; Д. 286. Л. 74.

²¹ См.: ГАПК. Ф. 1366. Оп. 1. Д. 699. Л. 3; Д. 977. Л. 253; ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 1. Д. 283. Л. 122.

хулиганство» (июль 1966 г.) привели к увеличению количества заключенных. Это сказалось и на ИТК № 6, хотя здесь и содержался в основном спецконтингент. На начало 1967 г. колония оказалась переполненной. На оплачиваемые работы выводили около 400 человек. Не трудоустроены были 220 человек, причем часть – из-за недостатка охраны. Помимо собственного производства заключенные работали на газораспределительной станции, кирпичном заводе, Ляминском ДСК и других предприятиях г. Чусового (30 км от лагеря) и Чусовского района²².

В 1968 г. происходит обратная ситуация: значительное сокращение численности заключенных в связи с амнистией в честь юбилея Октября. Только из ИТК № 6 по амнистии было освобождено 200 человек и по окончании срока – тоже 200. Это привело к недостатку рабочей силы, вновь поступающие заключенные, как правило, имели небольшие сроки – 4–6 месяцев. В колонии преобладал спецконтингент, из которого почти 15% имели высшее образование, а некоторые даже окончили два института. В то время как большинство офицерского состава колонии имели за плечами в лучшем случае лишь училища, а часто – спецшколы МВД²³.

С офицерскими кадрами лагеря по-прежнему были большие проблемы. На одном из партактивов в марте 1966 г. зам. начальника колонии заявил: «К нам присылают дослуживать пенсионеров и пьяниц». В 1963 г. начальник колонии был отстранен от занимаемой должности за пьянки, злоупотребление служебным положением и аморальное поведение²⁴. Случаи пьянства среди администрации колонии были обычным явлением. Но это была общая болезнь системы ГУЛАГа и его преемников – ГУИТК, ГУМЗ, ГУИН.

Что собой представляла ИТК № 6 в начале 1970-х гг., можно судить по воспоминаниям А.Е. Гнядека, отбывавшего срок в колонии с августа 1970 по июнь 1971 г.²⁵

В 1970 г. в колонии было четыре отряда. Бараков в зоне также было четыре, но кроме жилых помещений для осужденных в них располагались столовая, штаб и школа. Первый и третий отряды занимали по половине барака. Первый отряд состоял из тех, кто работал в хозобслуживании, а третий – из расконвоированных осужденных. Второй отряд работал в тарном цехе, где изготовливались стройматериалы: тарная досочка, штукатурная дрань и прочее. Кроме того,

²² См.: ПермГАНИ. Ф. 2464. Оп. 11. Д.10. Л. 10; Д. 18. Л. 25, 36.

²³ Там же. Д. 10. Л. 99.

²⁴ Там же. Д. 2. Л. 235; Д. 3. Л. 103; Д. 7. Л. 11.

²⁵ См.: Гнядек А.Е. На красной зоне. Воспоминания // Архив АНО «Пермь-36».

одну бригаду вывозили в пос. Лямино для работы на кирпичном заводе. Четвертый отряд работал в основном в цехе спецукупорки. Он делился на две секции: «дневников» и «ночников». На работу в ночь в семь часов вечера сразу после ужина выводили заключенных, имевших небольшой срок, а возвращались они в четвертом часу ночи, после чего сразу шли на завтрак. Лиц, склонных к побегу, в ночную смену не выводили.

Основная часть рабочей зоны находилась на окраине Кучино, где располагались два цеха (спецукупорки и тарной дощечки), а также котельная и пилорама. Добрую половину календарного года заключенные месили грязь по два раза в течение шести рабочих дней в неделю. Конвой же сопровождал колонну заключенных, проходя по дощатым настилам. Иногда процедура перемещения в рабочую зону или обратный путь затягивались по инициативе начальника колонии, которому хотелось научить заключенных ходить строем по уставу – в ногу. Супруга его занимала в лагере две должности: начальника санчасти и преподавателя химии в школе для заключенных. Среди преподавателей средней школы были и заключенные; в частности, историю и обществоведение вел бывший прокурор.

В ИТК № 6 было много активистов-повязочников – заключенных, участвовавших в работе Совета коллектива колонии, составлявших ее актив. В основном это были члены секции общественного порядка, добровольные помощники администрации. Как пишет в своих воспоминаниях А.Е. Гнядек, «стукач на стукаче сидел и стукачом погонял». Бывшие работники правоохранительных органов, оказавшись в колонии, достаточно быстро усваивали правила и нормы уголовного мира. Так, достаточно распространенным явлением в колонии было цифирование²⁶. Цифированием в ИТК № 6 в основном занималась немногочисленная «отрицаловка»²⁷ из молодых ребят, попавших в лагерь из войск внутренней службы.

В середине 1970 г. в Кучино доставили двух младших лейтенантов – А. Степанова и А. Васильева – в военной форме без погон. Для новичков были освобождены два нижних места одно напротив другого. Срок у обоих был одинаковый – три года; а статья достаточно редкая – 88-1 «Недонесение о государственных преступлениях». На все вопросы, касающиеся их уголовного дела, они отвечали, что за период следствия, продолжавшегося 1 год и 3 месяца, их участие в

²⁶ Чифир – крепко заваренный чай, примерно 50 г на кружку. Действует, как наркотик.

²⁷ Отрицаловка – заключенные, отрицающие труд и дисциплину; поведение характерно для уголовных элементов.

незаконных валютных операциях (ст. 88 УК РСФСР 1960 г.) не было доказано, а потому дали максимальный срок по статье 88-1.

При этом их дела прибыли в зону с особым предписанием: не применять к ним ни условное, ни условно-досрочное освобождение, а также не предоставлять права перевода в колонию-поселение. Оба они проходили по делу В. Ильина, арестованного за попытку покушения на Л.И. Брежнева.

16 июня 1972 г. начальник УВД Пермского облисполкома на основании приказа Министра внутренних дел от 14 января 1972 г. подписал приказ о ликвидации учреждения УТ-389/6²⁸. Заключенные были переведены в г. Нижний Тагил и Марийскую АССР, где тоже были колонии для работников правоохранительных органов, часть сотрудников была уволена, часть переведена в другие колонии области.

С 1 июля вместо ИТК № 6 стала функционировать специальная ИТК № 36. Большинство бывших работников ИТК № 6 были назначены на соответствующие должности в СИТК № 36. Так, бывший начальник ИТК № 6 майор внутренней службы В.Ф. Котов был назначен начальником СИТК № 36. Первый этап из Мордовии с «особо опасными государственными преступниками», значительную часть которого составляли лица, осужденные за антисоветскую агитацию, прибыл в Кучино 13 июля 1972 г.

За 20-летний период существования «ментовской» зоны № 6 она пережила заметную эволюцию. Первую половину этого периода в ней содержались старшие офицеры КГБ, МВД, работники прокуратуры и суда, арестованные и осужденные в ходе чистки правоохранительных органов. Во второй половине – сотрудники тех же органов, совершившие обычные уголовные преступления. Наряду с работниками правоохранительных органов в колонии был участок с обычным уголовным контингентом, занимавшийся лесозаготовками.

Спецконтингент находился в привилегированном положении, зачастую в значительном противоречии с нормативами содержания заключенных в лагерях и колониях.

Во второй половине периода, после того как на свободу вышли те, кто был посажен в 1953–1954 гг., режим, труд и быт в лагере были приведены в соответствие с требованиями исправительно-трудового кодекса и правил внутреннего распорядка. От общеуголовных зон эту колонию в этот период отличали не особые привилегии, а более последовательное, чем в уголовных лагерях, исполнение нормативных требований и положений, что в конечном счете облегчало все стороны лагерного быта.

²⁸ См.: Архив ГУВД Пермского края. Ф. 58. Оп. 2. Д. 26. Л. 58.

А.М. Петренко

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ГУЛАГА. РЕАБИЛИТАЦИЯ В МОЛДАВСКОЙ ССР

Научный интерес к социальным, экономическим и политическим проблемам в СССР периода после смерти И.В. Сталина, не ослабевает и более того – имеет постоянный характер. Доказательством служат появление новых публикаций по данным проблемам и повышенное внимание общественности, в том числе к вопросам реабилитации бывших жертв репрессий.

В статье в краткой форме приводятся факты, свидетельствующие о перипетиях и трудностях, с которыми приходилось сталкиваться бывшим заключенным и депортированным, после того как им объявляли об освобождении и об их праве на дальнейший выбор – оставаться в местах высылки, где им предлагались соответствующие приемлемые условия жизни и труда, либо возвращаться обратно, в родные места.

В статье использованы опубликованные и архивные документы, а также материалы устной истории.

Из Молдавской ССР была депортирована в Сибирь, на север Казахстана, в другие отдаленные места большая часть населения, в том числе в первую волну массовой депортации: в ночь с 12 на 13 июня 1941 г. было выслано более 22 тыс.¹; во вторую волну: в ночь с 5 на 6 июля 1949 г., в ходе проведения операции «Юг», – 11 253 семьи, 35 796 человек, из них мужчин – 9 864, женщин – 14 033 и детей 11 899²; в третью волну: в апреле 1951 г., в ходе операции «Север», были высланы 732 семьи, 2 619 человек (по другим данным – 734 семьи, 2 641 человек³).

¹ См.: Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг.: сб. документов. М., 1994. С. 25.

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 54. Основываясь на архивных материалах, кишиневский исследователь Николае Фуштей напечатал список депортированных лиц, Свидетелей Иеговы. По его подсчетам, с 1–2 апреля 1951 г. были высла-

Кроме этого, до и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. из бывшей Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики (позднее – Молдавская ССР) состоялась массовая высылка людей в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) по обвинениям согласно статьям 58 УК РСФСР и 54 УК Украинской ССР.

В августе 1953 г. ЦК КПСС были разработаны предложения по вопросу о спецпоселенцах, высланных в административном порядке. В том же месяце было одобрено Постановление ЦК КПСС о специальных поселениях, в котором указывалось: «1. Снять все ограничения со спецпоселенцев следующих категорий, независимо от национальной принадлежности и оснований выселения: а) членов и кандидатов в члены КПСС и их семей; б) лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза за боевые и трудовые подвиги; участников Великой Отечественной войны, женщин, вышедших замуж за граждан, не являющихся спецпоселенцами, престарелых, инвалидов и лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями; в) детей спецпоселенцев, не достигших 18-летнего возраста, и лиц, которым в период их выселения не было 18 лет... ж) иностранных подданных и граждан СССР, выселенных в 1937 году в порядке очищения пограничной полосы <...> и болгар – граждан СССР, репатриированных в 1945 году из Румынии и Болгарии»⁴.

В то же время руководство КПСС обязало министерства и ведомства, которые пользовались результатами труда спецпоселенцев, заинтересовать последних в том, чтобы они оставались проживать в местностях, где те отбывали наказание: «В целях закрепления лиц, с которых сняты все ограничения спецпоселения, на работе в сельском хозяйстве и промышленности обязать министерства СССР: сельского хозяйства и заготовок, лесной и бумажной промышленности, металлургической промышленности, нефтяной промышленности, путей сообщения и другие министерства и ведомства, в системе которых работают эти лица, принять меры к заключению с ними индивидуальных договоров, распространив на них все льготы и преимущества, установленные для рабочих и служащих соответствующих министерств и ведомств. Льготы за работу на Крайнем севере и в местах, приравненных к районам Крайнего севера, предоставить ли-

ны в Сибирь 2 724 человека, в том числе 846 детей до 14-летнего возраста. См.: Nicolae Fuștei. Persecutarea Organizației religioase «Martorii lui Iehova». Operația «Sever» (1951) în RSSM [Преследование религиозной организации «Свидетели Иеговы». Операция «Север» (1951 г.) в МССР]. Chișinău, 2013. P. 102.

⁴ Пасат В.И. Указ. соч. С. 690.

цам, перечисленным в пункте 1 настоящего постановления, на общих основаниях с лицами, прибывшими из других местностей⁵.

Таким образом, новая власть (послесталинская) отказалась от принудительного труда спецпоселенцев и попыталась заинтересовать эти лица остаться на прежних местах работы, распространив на них льготы.

В сентябре 1953 г. Министерство внутренних дел СССР направил Министру внутренних дел Молдавской ССР И.Л. Мордовцу Записку «Об освобождении из спецпоселений детей, высланных без родителей». В документе указано, что в 1949 г., в период проведения операции по выселению из Молдавской ССР семей кулаков, помещиков и другого «социально-опасного элемента», часть глав этих семей уклонились от выселения, в связи с чем в местах поселений оказалось «значительное количество детей, родители которых в данное время проживают в Молдавии».

Далее в документе перечислены области и края, в которых находились эти дети: Амурская, Кемеровская, Курганская, Иркутская и Тюменская области, Алтайский и Хабаровский края и Бурят-Монгольская АССР. Всего в чужих семьях воспитывались 166 детей. МВД СССР счел целесообразным «детей, высланных из Молдавской ССР без родителей, с учета спецпоселения снять и возвратить их к прежним местам жительства». Направив список детей, оказавшихся в местах поселения без родителей, МВД СССР приказал И.Л. Мордовцу обратиться с ходатайством в Совет Министров МССР об освобождении их из спецпоселения и возвращении к родителям⁶. Таким образом, после смерти Сталина были приняты меры по изменению статуса депортированных лиц, «очеловечению» условий их жизни и труда, восстановлению семей и т. д.

В то же время сами спецпоселенцы активизировались, начали обсуждать свое положение и писать заявления и жалобы. Так, в конце мая 1955 г. МВД СССР направил Министру внутренних дел МССР П.Ф. Кулику циркуляр, в котором было отмечено, что к тому времени (май 1955 г.) «имелось около 5 000 нерассмотренных жалоб и заявлений от лиц, ходатайствующих об освобождении из спецпоселения, значительная часть которых поступила еще в 1954 г.»⁷. МВД СССР предложил упростить методы и ускорить рассмотрение указанных жалоб и заявлений.

⁵ Там же. С. 691.

⁶ Там же. С. 699.

⁷ Там же. С. 701.

Вопросами реабилитации и возвращения в родные места депортированных лиц занимались Министерства внутренних дел не только СССР (Четвертый отдел и его отделения на местах) и МССР, но и Прокуратуры СССР и МССР, местные власти, а также партийные органы. В результате в 1954–1955 гг. с учета спецпоселений было снято 1 853 248 человек из 2 819 776 – столько числилось на 1 января 1953 г. Спецпоселенцы стали возвращаться на родину, особенно массово – после принятия Постановления Совета Министров СССР от 12 марта 1956 г. № 342/216. С чем они столкнулись в родных местах?

Во-первых, их недвижимая собственность была национализирована и отдана в пользование созданных колхозов (в качестве помещений для правления) или сельских советов (в качестве жилых домов, помещений для начальных школ, больниц, торговых центров, клубов и т. д.).

Так, несмотря на то что в постановлении об освобождении из Курганской области семьи Петра Курош было написано: «Реабилитируется без права проживания на молдавской территории», – все-таки, будучи тяжело больным, глава семьи решил возвратиться в родное с. Шептеличи (Сорокский район), в котором до депортации он пользовался большим уважением. Его образцовое хозяйство было разворовано и разрушено; правление колхоза приняло решение отдать семье Курош для проживания во временное пользование помещение бывшей кузницы, которая находилась в том же дворе, что и жилой дом. В помещении же его дома был размещен продовольственный магазин и сельский клуб. После возвращения жена Петра Курош стала работать сторожем этого магазина – в бывшем собственном доме⁸.

Оставив дома и хозяйство в родных селах, очень многие из депортированных были вынуждены построить новые дома в спецпоселениях. После освобождения, осознавая, что не имеют права вернуться в родные края, они были вынуждены строить себе другие дома. И таких примеров множество.

Семья Дмитрия Мустяцэ была выселена из с. Фырлэдень (Каушанский район, Молдавская ССР) в июле 1949 г. Дом и хозяйство были экспропрированы в пользу местной власти. Семью Мустяцэ выслали в пос. Ингаир (Тобольский район Тюменская область).

⁸ Из интервью автора данной статьи, директора Государственной программы «Восстановление и использование исторической памяти жертв тоталитарно-коммунистического режима в Молдавской ССР в период 1940–1941, 1944–1953 гг.» с Павлом, сыном Петра Курош, проведенного в рамках Программы. Был сдан в печать первый том воспоминаний депортированных лиц из МССР «Arhivele Memoriei» («Архивы Памяти»).

В 1958 г. Мустяцэ с семьей выехал из Ингаира и поселился в Актюбинской области Казахстана, где построил новый, большой жилой дом. Но в начале 1960-х гг. по семейным обстоятельствам он был вынужден продать дом и имущество по низким ценам и вернуться в родное село. Однако местная власть не возвратила ему родительский дом и Мустяцэ был вынужден построить третий дом⁹.

Таким образом, изложенные факты свидетельствуют о том, что на практике недвижимость людям, вернувшимся из Сибири, властями не возвращалась. После распада СССР очень немногие депортированные смогли вновь обрести свои дома, причем находившиеся в плачевном состоянии. Мало кто из депортированных получили денежные компенсации, и то после долгих скитаний по залам судов.

Во-вторых, серьезной преградой для вернувшихся из ГУЛАГа стало отсутствие прописки по месту жительства, что означало невозможность устроиться на работу, посещать поликлинику, устроить детей в школу и т. д.

Вот, например, как сложилась в тот период судьба Василия Андреевича Челпана. Он родился в 1925 г. в г. Белгород-Днестровском (Измаильская область). В декабре 1943 г. он был насильно вывезен в г. Бор (Югославия), где находился в фашистском концлагере до августа 1944 г. и работал на Борском руднике, затем вывезен нацистами во Франкфурт-на-Майне, где работал на резиновой фабрике вплоть до освобождения города американскими войсками в марте 1945 г.

После возвращения на родину УНКВД по Измаильской области арестовало В.А. Челпана 10 июня 1947 г. по обвинению в совершении преступления согласно статье 54.1 УК Украинской ССР. 22 сентября 1947 г. приговором Военного трибунала МВД Одесской области В.А. Челпан был осужден на 10 лет ИТЛ с поражением в правах на пять лет без конфискации имущества; 5 ноября 1954 г. мера наказания была снижена до семи лет лишения свободы в ИТЛ без поражения в правах; 27 ноября 1954 г. он был освобожден из места заключения – г. Воркуты.

Реабилитирован В.А. Челпан был в июне 1991 г. Прокуратурой УССР. Вот что он вспоминает: «После освобождения я нигде не мог устроиться на работу, так как в моих документах была отметка “Магадан”. Я дважды пытался избавиться от паспорта с отметкой “Магадан”. Первый раз я “потерял” паспорт с названной отметкой. Милиция выдала мне новый паспорт с отметкой “Выдан на основе

⁹ Подробнее см.: Anatol Petrencu A. Teroarea stalinistă în Basarabia. Studii, documente, memorii [Сталинский террор в Бессарабии. Исследования, документы, воспоминания]. Chişinău, 2013. P. 172–180.

паспорта г. Воркута” и наложила денежный штраф за небрежное отношение к советским документам. Во второй раз, вместе с рабочими, которые перекачивали бочку, я бросил паспорт в лужу. Он размяк. Я снова пошел в отделение милиции. Мне сказали что я совершил преступление, вновь наложили штраф 30 рублей, но на этот раз выдали паспорт с пропиской Ленинского района г. Кишинева. Только после этого я мог поступить на работу»¹⁰.

В Национальном архиве Республики Молдова сохранилось множество обращений бывших заключенных в вышестоящие органы власти с просьбой решить вопросы прописки. Так, Галина Родионова из с. Гангура (Бендерский район) обращалась в Совет Министров МССР: «Прошу вашего разрешения на право прописки по месту жительства»¹¹. Валентин Иков писал: «В отделении милиции мне отказана прописка, ссылаясь на то, что нужно разрешение Совета Министров МССР, так как я был снят с учета спецпоселения в 1958 г.»¹²

Обобщая изложенные факты, можно сделать выводы:

1) при сталинском режиме большое число людей было сослано из Молдавской ССР в Сибирь на спецпоселения, хотя в действительности главы депортированных семей не были эксплуататорами чужого, наемного труда и многие из сосланных не ведали, за что их выслали;

2) при возвращении на родину эти люди поняли, что они лишились недвижимости и другого имущества, стали бедными и были вынуждены жить у родственников, а некоторые из них на этом основании принимали решение о возвращении обратно в Сибирь или Казахстан;

3) при возвращении депортированных на родину создавался замкнутый круг: местные власти не прописывали возвращенцев, а те поэтому не могли устроиться на работу, становясь париями советского общества. Каждый отдельный случай решался по возможности – с помощью знакомых, родственников, по линии ведомств и т. д.;

4) в социальном плане эти люди не получали полного признания их невинности; процесс реабилитации происходил скрыто. Реабилитация не была продуктом политической воли нового руководства СССР. Советское и партийное руководство осознало малоэффективность или даже неэффективность насильственного (рабского) труда. Это положение требовало пересмотра, и была предпринята попытка изменить статус спецпоселенцев. Вместе с тем Н.С. Хрущеву не удалось создать гармоничную систему полной реабилитации невинных людей. Система позволила себе лишь толерантно относиться к бывшим узникам ГУЛАГа.

¹⁰ Anatol Petrencu A. Op. cit. P. 152.

¹¹ Национальный архив Республики Молдова. Ф. 2848. Оп. 7. Д. 964. С. 3.

¹² Там же. Ф. 2848. Оп. 7. Д. 964. С. 38.

Л.Н. Дьяченко

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ

В Советском Союзе проблемы межнациональных отношений всегда стояли в повестке дня и были политизированы, временами – до трагического абсурда. От их решения во многом зависели судьбы целых народов и государств. На современном этапе, в новых геополитических и культурно-исторических условиях, когда происходит реанимация общественного и научного интереса к трагическим страницам национальной истории, как никогда важны для изучения последствия массовых депортаций народов в 1930–1940-е гг., особенно проблемы реабилитации насильственно переселенных народов Кавказа и возвращения их на историческую родину.

Тотальные депортации, будучи неотъемлемым компонентом карательно-репрессивной политики в СССР, привели к огромным человеческим жертвам, моральным и политическим потерям, снижению их образовательного и культурного уровня.

В настоящем исследовании рассматриваются проблемы, с которыми столкнулись бывшие депортированные при возвращении на историческую родину. Многие из ранее депортированных народов частично оставались в местах прежнего проживания, выстраивая межрегиональную коммуникацию.

На возвращенцев же обрушились такие проблемы, которые впоследствии стали причиной формирования в регионах вселения экономической, политической и межэтнической нестабильности. Не вызывает сомнения, что основной причиной было отсутствие подготовки центральной власти к приему гораздо большего количества редепортированных, и данный аспект создавал и создает ощущение незаконченности процесса реабилитации.

Так, согласно материалам Госплана Чечено-Ингушской АССР (ЧИАССР), в Казахской и Киргизской ССР к весне 1957 г. проживало 415 тыс. чеченцев и ингушей, в Узбекской ССР – 155 тыс. Всех

их необходимо было расселить на территории ЧИАССР, где уже проживало 540 тыс. человек.

К апрелю 1957 г. в эту республику прибыло 20 тыс. человек, а до конца года планировалось прибытие еще 80 тыс.¹ Однако вместо 100 тыс. человек по плану к началу следующего года в ЧИАССР прибыло 201 746 человек².

Вместо запланированного на 1957 г. количества переселенцев – всего 17 тыс. семей – в республику приехало 57 тыс. семей³. Органам власти требовалось значительное напряжение сил и ресурсов для их размещения и трудоустройства переселенцев, а также для предупреждения возможных конфликтов.

Несмотря на усилия органов власти, возвращение чеченцев и ингушей проходило без учета планируемых показателей. Около 100 тыс. человек оказались без жилья вследствие закрытия для проживания Галанчожского, Чеберлоевского, Шаройского, большей части Итум-Калинского и Шатойского районов⁴.

В целях сдерживания негативных последствий в Чечено-Ингушской АССР в связи с возвращением на родные земли «неплановых» редепортированных в Киргизской ССР 8 июня 1957 г. выходит постановление ЦК КП Киргизии «О серьезных недостатках в организации переселения чеченского и ингушского населения», в котором, в частности, указывалось: «...Обязать Фрунзенский, Ошский, Джалал-Абадский обкомы, горкомы и райкомы партии принять неотложные меры по прекращению не организованных и самовольных выездов чечено-ингушского населения и немедленному трудоустройству на прежние места работы лиц, которым ранее были выданы документы на выезд, а также обеспечить их необходимыми жилищными условиями»⁵. Из этого можно сделать вывод, что частично распределение ответственности за решение проблем редепортации возлагалось на местные власти в районах Средней Азии. Выселенцам

¹ См.: Грозненский рабочий. 17.04.1957. URL: <http://annyku.narod.ru/disser.htm>

² См.: Репрессированные народы России: Чеченцы и ингуши: док., факты, комм. / сост. Н.Ф. Бугай; Госкомомитет РФ по делам федерации и национальностей. Департамент по проблемам народов и граждан, Фонд репрессированных народов и граждан. М., 1994. С. 218–219.

³ См.: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 98.

⁴ См.: Ахмадов Я.З. Чеченцы и ингуши в годы Великой Отечественной войны и депортации (1941–1957). URL: <http://www.politcom>

⁵ ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 1095. Л. 5–7.

предлагалось единственное – сохранение рабочих мест и сносных жилищных условий в тех местах, где они проживали в годы депортации.

Данные меры не преминули дать положительные результаты. К декабрю 1958 г., когда подводились первые итоги по отправке чечено-ингушского населения из Киргизской ССР в ЧИАССР, было отмечено, что «...из 1624 семей, фактически оставшихся в списках, отложили свой выезд 233 семьи»⁶.

Региональные различия принимаемых решений в ЧИАССР и Киргизской ССР (а также, предположительно, Казахской ССР и Узбекской ССР) в отношении спецпоселенцев – их правового, социального и экономического положения – как нельзя более наглядно иллюстрируют новую политику центрального руководства страны – политику «сдерживания и противовесов». Наиболее ярко эта политика проявила себя во времена застоя – в 1970–1980-е гг. Основной фактор ее проявления состоял в том, что без явных запретительных или разрешительных мер спецпоселенцам в одних регионах, а в данном случае – в республиках Средней Азии, предоставлялись равные права и возможности с остальными этническими группами. Уделялось даже особое внимание их социально-экономическому положению, а у себя, на исторической родине – Северном Кавказе, спецпоселенцы из-за нежелания или отсутствия мобильности властей на местном уровне сталкивались с проблемами бытового и социально-экономического характера.

Следующим необходимо было решить вопрос трудоустройства переселенцев. К лету 1957 года из 120 тыс. прибывших в Чечено-Ингушскую АССР чеченцев и ингушей только 1500 человек работало в промышленности, остальные – в сельском хозяйстве⁷.

К началу 1958 г. в промышленности работало уже более 4 тыс. чеченцев и ингушей из почти 59 тыс. трудоустроенных⁸. Значительная часть чеченцев и ингушей в Курчалоевском, Шалинском, Саясановском, Ачхой-Мартановском и Веденском районах официально не работала; такая же ситуация с трудоустройством коренного населения была в г. Грозном. Подобное положение сложилось как из-за их перенаселенности, так и из-за нежелания руководства колхозов, совхозов и промышленных предприятий принимать на работу переселенцев.

В восстановленной Чечено-Ингушской АССР к концу 1950-х гг. сложился высокий уровень безработицы среди коренного населения. Однако уполномоченный оргкомитет, не закончив подготовку к при-

⁶ Там же. Оп. 284. Д. 13. Л. 177–178.

⁷ См.: Грозненский рабочий...

⁸ См.: Репрессированные народы России... С. 216.

ему переселенцев, вызывал из Казахстана, Киргизии и Узбекистана новые семьи, срывая их с мест и не обеспечивая жильем и работой. В связи с этим, а также в связи с прибытием в неорганизованном порядке в республику постоянно въезжало в 2–3 раза больше народа, чем планировалось. В результате в одних районах образовывался избыток рабочих рук, а в других – недостаток.

Для решения проблемы трудоустройства были власти направили усилия на разработку практики специализации отраслей сельского хозяйства Чечено-Ингушетии по зонам⁹, принудительное поселение, а также трудоустройство чеченцев и ингушей в притеречных районах ЧИАССР, в которых в прежние годы – до депортации – семьи чеченцев и ингушей не проживали.

В соответствии с законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», принятым 10 мая 1957 г. VII сессией Верховного Совета СССР, было создано 105 экономических административных районов, в том числе Чечено-Ингушский. Осуществление «трудоустройства коренного населения и создания квалифицированных кадров рабочих и инженерно-технических работников из числа чеченцев и ингушей» согласно плану мероприятий правительства РСФСР по хозяйственному и культурно-бытовому строительству в ЧИАССР на 1958–1960 гг. было возложено на Совнархоз Чечено-Ингушетии¹⁰.

В связи с обозначенными проблемами, Чечено-Ингушским обкомом партии было принято постановление, которое разослали руководителям Среднеазиатских республик:

«...2. Направить в Казахстан и Киргизию группу партийных советских работников, для проведения разъяснительной работы по закреплению на производстве, в совхозах и колхозах чечено-ингушского населения, проживающего в Казахстане и Киргизии.

Поручить т.т. Фоменко и Чахкиеву подготовить для товарищей, направляемых в Казахстан и Киргизию, необходимые пропагандистские материалы»¹¹.

Данный документ иллюстрирует любопытный момент двойной пропаганды, как внутренней в местах выселения, так и внешней с исторической родины. С нашей точки зрения, это объясняется слия-

⁹ См.: Трудовые ресурсы Чечено-Ингушетии и их рациональное использование. Грозный, 1976. С. 4.

¹⁰ См.: Александров Н.Ф. Чечено-Ингушская областная парторганизация в борьбе за выполнение решений XX съезда КПСС. Грозный, 1961. С. 31.

¹¹ ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 284. Д. 13. Л. 183–184.

нием аспектов внутриэтнической агитации, объединенной по территориальному признаку, и внешней пропаганды.

В распоряжении Совнархоза оказались предприятия союзного, союзно-республиканского и республиканского подчинения (при этом объединения «Грознефть» и «Грознефтегаз», центральный ремонтно-механический завод, автотрактороремонтный, топливного машиностроения, консервный, винно-коньячный и ацетоновый заводы – союзного подчинения)¹², а также заводы «Красный молот», Электромеханический и ТЭЦ – всего 154 предприятия.

При Совнархозе был создан Техничко-Экономический Совет¹³, общая численность аппарата которого составляла 150 человек¹⁴. Развертывание жилищного и культурно-бытового строительства для коренного населения объявлялось основной задачей Совнархоза ЧИАССР, на что в 1956–1957 гг. в распоряжение Совнархоза было отпущено 300,7 млн рублей¹⁵.

Позитивная роль Совнархоза состояла также и в создании новых рабочих мест. Распоряжением Совнархоза промышленные предприятия Грозного были закреплены за подшефными колхозами и совхозами для оказания помощи чеченцам и ингушам. Совнархозом было выделено 393 участка для индивидуального жилищного строительства, улучшены условия труда в колхозах и совхозах и техническое снабжение переселенцев за счет укрупнения управленческих структур и частичной ликвидации межведомственных проволочек¹⁶.

Избыточным массам трудоспособного коренного населения Чечено-Ингушетии необходимо было обеспечить занятость в сельском хозяйстве, отраслях, требующих большого количества рабочей силы. Эта проблема решалась в рамках развития виноградарства, свекловодства и табаководства, что стало частью плана на 1958–1960 гг. по изменению структуры сельского хозяйства ЧИАССР.

В связи с перенаселенностью республики, нарушением организации переселения, неудовлетворительной работой местных органов управления промышленности, а также с саботажем отдельных руководителей организаций, учреждений и предприятий республики,

¹² См.: Грозненский рабочий. 09.04.1957. URL: <http://annyku.narod.ru/disser.htm>

¹³ См.: Там же. 27.07.1957. URL: <http://annyku.narod.ru/disser.htm>

¹⁴ См.: Там же. 09.04.1957. ...

¹⁵ См.: Александров. Н.Ф. Чечено-Ингушская областная парторганизация в борьбе за выполнение решений XX съезда КПСС (1956–1958 гг.). Грозный, 1961. С. 34.

¹⁶ См.: Грозненский рабочий. 10.07.1957. URL: <http://annyku.narod.ru/disser.htm>

колхозов и совхозов размещение и трудоустройство редепортированного населения протекало с большими трудностями. Молодежь, конечно, обладала большей способностью к внешней интеграции, но данной ситуации вступал в силу фактор строгой семейной иерархии и беспрекословного подчинения младших старшим.

Большинству чеченцев и ингушей не была выдана положенная по закону ссуда на обзаведение хозяйством, а государственное строительство жилья затянулось до середины 1970-х гг. Ощущался недостаток рабочих мест, что способствовало вынужденному развитию частного предпринимательства чеченцев и ингушей в сельском хозяйстве и развитию сезонного отходничества.

Перенаселение, закрытие и запрет на проживание в ряде горных районов ЧИАССР, принудительное поселение возвращавшихся в республику чеченцев и ингушей в притеречных равнинных районах, что служило экономическим и политическим целям правительства страны, а также проблема территориальной принадлежности Пригородного района создали предпосылки для дальнейшего увеличения безработицы, создания социальной и межнациональной, а впоследствии и политической напряженности в Чечено-Ингушской АССР.

Подводя предварительные итоги, необходимо отметить, что экономическое восстановление автономии осуществлялось при непосредственном участии союзного центра. Развитие экономики ЧИАССР обеспечивалось существенными финансовыми вливаниями. В период восстановления республики наблюдался медленный, но планомерный рост экономических показателей. Населению республики из числа чеченцев и ингушей оказывалась определенная материальная помощь в устройстве, им предоставлялись льготные кредиты¹⁷. Несомненно, эти мероприятия, проводимые союзным центром, оказали положительное влияние на общий ход восстановления автономии и реабилитации чеченцев и ингушей.

Однако существенных изменений в социально-профессиональной структуре чечено-ингушского сообщества как субъекта экономических отношений, на наш взгляд, фактически не произошло.

Подавляющая часть чечено-ингушского населения была сконцентрирована в сельскохозяйственных районах, что влияло на уровень его интеграции во все сферы жизнедеятельности республики. Полноценное восстановление социальных сфер было сопряжено с объективными трудностями: низким уровнем образования, отсутстви-

¹⁷ См.: Наумова Е.Н. Реабилитация и возвращение ингушского народа на историческую родину: 1953–1961 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2008. С. 63–64.

ем профессиональных кадров, насущной необходимостью решать прежде всего материальные и бытовые проблемы. По нашему мнению, в исследуемый период – конец 1950-х – середина 1960-х гг. – социальная реабилитация не была завершена, эти процессы продолжались многие десятилетия.

Наиболее сложно и противоречиво проходила редепортация в районах вселения ингушского населения. Территориальная перекройка границ при восстановлении ЧИАССР послужила причиной долговременного межнационального конфликта, предметом которого стал Пригородный район. Здесь следует отметить разницу восприятия окружающего пространства и столкновения различных мифологизированных форм у представителей этнических групп – осетин, ингушей и чеченцев.

Русское население, переселившееся в дома депортированных ингушей, имело больше возможностей для трудоустройства в других местах, а следовательно, для перемены места жительства, и оно было в своей массе более мобильным.

Большое значение имел и тот факт, что русские не заостряли внимания на том, на чьих землях они живут. У них не сложилось сверхценностного отношения к дому, земельному участку, они с пониманием относились к тому, что дома и имущество они получили во временное пользование. На этом основании они легче уступали дома чеченцам и ингушам, в то время как переселенные в Пригородный район осетины считали, что им возвращены исконно осетинские земли. Пригородный район после депортации чечено-ингушского населения в Среднюю Азию был официально передан Северо-Осетинской АССР.

По возвращении редепортантов на историческую родину республика при поддержке центра наотрез отказалась передавать этот район ЧИАССР. Тогда со стороны ингушского населения после ряда конфликтов на бытовой почве, произошла мифологизация региона со всей его атрибутикой, включающей в себя понятия жертвы, героя и антигероя. При этом московские власти однозначно стали восприниматься как союзники антигероя – осетин.

Руководством Советской страны вплоть до 1982 г. выстраивалась политика «противовеса» на Северном Кавказе, в результате которой поддерживалась Северная Осетия. Ситуация изменилась только тогда, когда ингушское население Пригородного района, осевшее в сельской местности и благодаря родовой (тейповой) организации получившее возможность достаточно быстро разбогатеть там, стало выдвигать требования по легитимизации представителей своего этноса в различных политических и социальных структурах Северо-Осетинской АССР.

В ответ на эти требования представители осетинского этноса создают свой мифологизированный образ, который заключается в достаточно спорных ссылках на глубокую старину, то есть на принадлежность к прямым потомкам скифо-аланского мира (современное самоназвание Осетии – Республика Алания). Данная ираноязычная мифологема выступала в противовес чечено-ингушской мифологеме – вайнахской истории.

Чеченцы так же, как и ингуши, подчинялись решениям центрального руководства страны до той поры, пока они чувствовали силу государства (та же ситуация происходит и сейчас). Как только СССР начал разваливаться, чеченская интеллигенция и религиозные деятели не преминули этим воспользоваться для пропаганды сепаратистских настроений (к вопросу о противостоянии религий: большинство осетин – христиане), что также использовалось для подкрепления региональных мифологем.

Следовательно, восстановление территориальной целостности является одним из главных аспектов реабилитации в целом. Считая территориальный аспект одним из главных условий реабилитации, подавляющее большинство представителей ингушского народа считают свою реабилитацию несостоявшейся. Если экономическая, социальная и культурная реабилитация ингушского народа происходила все последующие десятилетия, то территориальный конфликт, обусловленный последствиями депортации и последующей политической государственной власти, остается неразрешенным и сегодня.

После распада СССР не только на Северном Кавказе, но и по всей стране создавалась парадоксальная ситуация. Искусственно созданные в социалистическую эпоху различные административные регионы со своими границами после развала страны становились священными, мифологичными, этнически обоснованными¹⁸.

Несомненно, мифологизация пространства обязательно должна была включать в себя и образы этнических обид, которые благодаря постоянной актуализации в обществе являлись детонатором возвращения к мифу. Разумеется, основной из таких обид была принудительная депортация. При этом после развала Советского Союза она идентифицировалась массовым сознанием не как государственная депортация, а как депортация этническая, что породило, с нашей точки зрения, определенную тенденцию во внутриэтнической пропаганде, истоки которой берут начало в середине 1950-х гг. – в период массового возвращения депортированных на родину.

¹⁸ См.: Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992–...): его предыстория и факторы развития. М., 1998. С. 43.

Основная масса чечено-ингушского населения в годы депортации, проживавшая в далекой от родных мест Средней Азии, подверженная с помощью мюридов религиозному влиянию, мифологизировала свою историческую родину без рационального переосмысления проблем, которые могли возникнуть при стихийном, не упорядоченном возвращении на Кавказ. Гораздо меньшая часть населения являлась прагматичной и рациональной, реально оценивающей свои возможности при редепортации.

К первой части помимо основного мифологизированного населения примыкали и остатки национальной интеллигенции, которые также поддерживали религиозный мифопоэтический образ исторической родины. Вторая часть состояла из представителей зажиточных слоев чечено-ингушского населения – вряд ли это могли быть рядовые крестьяне и наемные работники. Скорее всего, это меньшинство состояло из представителей торговли. В конечном итоге к середине 1960-х гг. эти две точки зрения сформировали в среде редепортированного населения три потока чечено-ингушского населения.

Первый поток, как уже говорилось, составил группу чечено-ингушского населения, поспешившего переселиться на Кавказ и вступившего там в борьбу за свое социально-экономическое существование. Вторым потоком, о котором также говорилось, оставался на местах выселения и пользовался всеми благами декларируемой общедоступности в СССР. И третий поток – самая многочисленная группа – состоял из представителей названного населения, которые пытались закрепиться сразу в двух регионах – в Средней Азии и на Кавказе.

Первоначально, как можно полагать, в местах выселения оставляли в основном молодежь для продажи нажитого имущества. Однако впоследствии в силу ряда причин, таких как ценностно-экономические, многие из молодого поколения оседали в Средней Азии. Здесь они продолжали развивать хозяйство и расширять информационные, культурные и экономические коммуникационные потоки между Кавказом и Среднеазиатскими республиками, то есть семейно-тейповые связи не терялись. Они пространственно расширялись, и этому способствовал в том числе тот фактор, что достаточно длительное время на территории ЧИАССР депортированным чеченцам и ингушам очень сложно было найти работу.

Этот фактор способствовал также расселению чеченцев и ингушей по всей территории Советского Союза и образованию там диаспор. Важно отметить, что этим же объясняется тот факт, что в процессе обретения независимости Чечни практически вся этническая элита, такие как Яндарбиев, Дудаев и другие, являлись лидерами не по территориальному, а по этническому признаку – все они прибыли из-за пределов республики.

Сложившаяся к концу 1980-х гг. в Чечено-Ингушетии политическая система выстраивалась без учета социальных приоритетов. В среде чечено-ингушского населения, большинство из которых было занято в сельском хозяйстве, система инициировала опору на мифо-этнические образы. Это, разумеется, шло вразрез с представлениями центральной власти, но полностью соответствовало понятиям управления и этнической идентификации местной региональной элиты. В результате началось мощное противостояние после объявления Чечней независимости: «Дудаевская Чечня переживала острый социально-экономический кризис: резко снизилось производство, не выплачивались пенсии, закрывались учебные заведения и больницы, безработными оказались 70% ее трудоспособного населения»¹⁹.

Весь этот клубок противоречий в конечном итоге привел к региональным локальным войнам – осетино-ингушскому конфликту 1992 г., военному конфликту между Российской Федерацией и Чеченской Республикой (Ичкерией), который происходил в основном на территории Чечни в период с 1994 по 1996 г., и контртеррористической операции в Чечне и приграничных с этой республикой регионах Северного Кавказа 1999–2000 гг., принесшим беды и страдания тысячам людей.

Современное состояние этого региона является прямым следствием этнической мифологизации чеченцев и ингушей, построенной на обидах и недовольстве некоторыми аспектами истории, таких как кавказские войны, депортации, редепортации, проблемы которой не решены в государственном и межгосударственном масштабах до настоящего времени.

Воссоздание реальной картины жизни депортированных народов на территории Средней Азии, изучение и анализ процессов их адаптации позволят по-новому увидеть их прошлое, осудить и исправить ложные представления о них, закрепившиеся в условиях тоталитаризма, значительно сократить количество «белых пятен» истории, ускорить объективно-правовое решение последствий депортации, адекватно прорабатывать и осуществлять на межгосударственном уровне политические и социальные меры, направленные на консолидацию общества и завершение реабилитационных мер в отношении депортированных кавказских народов.

¹⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чеченский_конфликт

III. ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА И НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА

О.М. Морозова

КАРЬЕРА И ДРУЖБА В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Предлагаемая статья стала результатом бесед с бывшими партийно-хозяйственными работниками Ростовской области, пришедшими на работу в аппарат в послесталинский период.

Автор обратила внимание на некоторую схожесть описываемой ими среды с материалом, знакомым по основной сфере профессиональных интересов, ориентированных на период 1917 – начало 1930-х гг.: с отношениями, связывавшими представителей различных групп новой большевистской элиты – «ответственных работников» и военных руководителей. Эта близость состояла не просто в присутствии некоего расчета в демонстративно-товарищеских отношениях, сколько в том, что такая их форма была органично инкорпорирована в советскую систему.

Описывая послереволюционную элиту нового государства, Дж. Истер назвал систему личных взаимоотношений одним из неформальных источников власти. Данный материал вносит новые оттенки в вывод исследователя о том, что «неформальные системы переплетались с официальными структурами советского государства таким образом, что это напрямую влияло на его способность к управлению», подтверждая его предложение искать истоки распада СССР в исходной большевистской стратегии государственного строительства¹.

Институционализация традиций частной и служебной жизни борцов за советскую власть происходила в сложных условиях. Формой, в которой отливались «заготовки», была армия. Как показали документы периода Гражданской войны, для огромного механизма, которое именовалось РККА (Рабоче-крестьянская Красная Армия),

¹ См.: Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 10–11, 85–130.

были свойственны низкая управляемость, отсутствие исполнительной дисциплины, неотлаженность механизма управления – как оперативного, так и снабженческого. В соответствии с установленным порядком заявки должны были направляться в штаб дивизии, потом – армии, фронта. Но штабы не пропускали заявки наверх, ограничиваясь передачей в части собственных оперативных приказов.

Как приходилось работать в таких условиях, ясно показано в отчете комиссара 38-го Московского полка С.И. Моисеева в райком Рогожско-Симоновского района г. Москвы. 10-я армия, в составе которой находилась его часть, имела в Москве «весьма своеобразное бюро» представителей для того, чтобы получать все необходимое непосредственно из центра, минуя фронтовые инстанции². Если обратиться непосредственно к документу, то он свидетельствует, что за приказами в Москву в комиссариат по военным делам посылался человек с деньгами, которыми оплачивались услуги «бюро». По-видимому, это был сотрудник наркомата из числа бывших сослуживцев.

Синхронные документы знакомят с особенностями сплочения в Красной армии. Революция собирала под свои знамена людей с разной предреволюционной биографией. Кроме того, командование сознательно тасовало их, стремясь разбить слишком сомнительные взаимосвязи. Но острая необходимость обрести опору приводила к образованию сплоченных групп из людей, которых война свела вместе. Первоначально это приносило положительные плоды, поскольку помогало за счет личных контактов решать многие проблемы в условиях неэффективной работы армейского механизма.

Загубить полк, а потом броситься за выручкой к высокопоставленным товарищам было нормальной реакцией комполка из числа выдвиженцев. К.Е. Ворошилов, поставив у стен Царицына под удар остатки Железной дивизии, бросил командование, но ушел от ответственности.

В свете таких опасностей для репутации и жизни сослуживцы переводили служебные отношения в крепкую дружбу. Степень эмоциональности отношений боевых товарищей, душевность и неформальность показывают, например, записки командира 1-го Червонного казачьего полка, а потом дивизии Украинской Красной армии В.М. Примакова, адресованные подчиненным ему командирам С.А. Туровскому, М. Барону, Б. Кузьмичеву, М. Зюку и др. Вот датированная началом лета 1919 г. записка Семену Туровскому и Михаилу Барону, которых, по его сведениям, пошлют в наступление, обре-

² См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 34. Д. 467. Л. 16 (далее – РГАСПИ).

ченное на поражение: «Еня и Миша[,] Боже Вас сохрани иди дальше Александровки [10 верст юго-западнее Славянска – О.М.]. <...> Еня и Миша[,] я надеюсь на Вас как на каменную гору, что Вы ни за что не допустите[,] чтобы что-либо произошло[,] сделайте так, чтобы ничего не произошло[,] всю вину за неисполнение приказаний беру на себя. Я так сильно потрясен этим, что мне стало очень тяжело»³.

Обратной стороной этой дружбы были конфликты между группировками, сведенными приказом высшего командования в одних соединениях и штабах. Пожалуй, самым известным случаем соперничества внутри Красной армии является конфликт, жертвой которого стал командир Сводно-конного корпуса Б.М. Думенко и его штаб.

Столкновения на почве соперничества были явлением повсеместным. Начальник штаба Украинского фронта Е.И. Бабин перечислял в докладной записке (май 1919 г.) конфликты между руководством советской Украины: командующий всеми вооруженными силами Украинской ССР В.А. Антонов-Овсеенко и член Реввоенсовета РСФСР и наркомвоенмор Украинской ССР Н.И. Подвойский находились на положении войны между собой; ЦИК УССР и Наркомата военных дел УССР не могут наладить сотрудничество; существовал личный конфликт между заместителем наркома по военным делам Украины В.И. Межлауком, Ворошиловым и Подвойским в Совете обороны УССР⁴.

Сплоченные группы соратников и после окончания войны не теряли друг друга из виду и оказывали поддержку после перехода на партийную и хозяйственную работу. В эти годы деятельность этих групп выразилась в борьбе за влияние в наркоматах, главках, за доминирование в регионах. Глава победившей группировки замещал этажи возглавляемой вертикали бывшими однополчанами. По традиции времен Гражданской войны борьба протекала с использованием риторики и лексики периода вооруженной борьбы с классовым врагом.

Советский работник среднего звена Михаил Павлович Донецкий в 1929 г. озаботился обеспечением персонального места в революционном пантеоне: передал Северокавказскому истпарту (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) свой личный архив, среди бумаг которого находилась и его переписка с товарищами за 1919–1929 гг. Основная тема писем – различные просьбы, преимущественно по поводу трудоустройства. В сентябре 1920 г. Донецкий и его фронтовой товарищ А.Б. Дубсон, председатель Анапского

³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 652. Л. 113.

⁴ Там же. Д. 1232. Л. 6.

ревкома, обратились к О.П. Хинценбергсу, под руководством которого работали в Воронежской ЧК и Особом отделе Южного фронта, с просьбой Вани Жукова – забрать их к себе. «Хинц», с теплотой вспоминая их, пообещал: «Сделаю, что смогу, дабы вас перетянуть в Москву, только должен сказать сразу, чтобы потом не было разочарования – надежда слаба. Отсюда берут всех, кого можно и кого нельзя. Ну а с нашими верхами у меня отношения окончательно испорченные и я... хотя и занимаю четыре ответственные должности. Но отсюда ровно ничего не следует. Я – комиссар Петровской с. х. академии, заведывающий лесным образованием Республики – это две службы наркомпросовские. Кроме того, я Заведующий и Ученый Секретарь курсов Наркоминдела и Наркомвнешторга по подготовке Советских представителей за границей, а также консультант Наркоминдела по экономическим вопросам. Работаю страшно много, обеспечен в смысле жалования и продовольствия великолепно – лучше, чем где-либо и когда-либо, но вот, нет ни лошади, ни машины, бегаю преимущественно пешком. <...> Однако, я, друзья мои, сделаю больше, чем могу, чтобы вырвать вас оттуда...»⁵

По-видимому, своему бывшему заместителю Дубсону Хинценбергс помог. Тот с конца 1920 г. находился на дипломатической работе в Персии. А Донецкий застрял в южной провинции, мыкаясь по разным учреждениям, но мечты о карьерном взлете не оставлял. В 1924 г. он наконец-то получил из Персии письмо от своего более удачливого друга, Дубсона, с которым настойчиво пытался установить связь. Тот поностальгировал о старой дружбе, что надо встречаться, и требовал писать ему хотя бы раз в месяц. После этого он, по-видимому, исчез из жизни Донецкого.

Все эти чиновные письма были написаны на служебных бланках, поэтому карьерные успехи его знакомцев (в отличие от фамилий) известны достоверно. В этой новосоветской традиции видится демонстрация слияния всех ипостасей человека в одну – государственную. Это эффективный в некоторых условиях способ давления на окружающих. Он даже был увековечен в знаковом советском фильме «Доживем до понедельника». Вспомним, учитель истории Илья Семенович Мельников получил от отца ученицы Любы Потехиной доставленную курьером «депешу» с требованием переэкзаменовать дочь. Его покорило, что письмо было написано на казенном бланке, «даже на бумагу не потратился». А успокаивавшей его матери Мельников ответил: «Он не так глуп. Его вдохновляют воспоминания».

⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 3. Д. 341. Л. 39 (далее – ЦДНИРО).

А пока, в 1920-е гг., Донецкий перебивался на незначительных по сравнению с его амбициями должностях: председатель исполкомов – Туапсинского, затем Сочинского, заведующий учетно-распределительным отделом Кубано-Черноморского обкома, начальник областного управления соцстраха, заместитель редактора газет «Красное знамя», «Советский юг», «Молот». Как бы ни был он разочарован, но то, чего достиг, существенно превосходило тот уровень, на который он объективно мог претендовать, имея за душой лишь ЦПШ. Кстати, в этой связи удачливость Дубсона находит свое объяснение: тот окончил один курс Петроградского психоневрологического института (1915 г.), 2-ю Московскую школу прапорщиков (1917 г.) и один курс Восточного факультета Военной академии РККА (1921 г.).

Как уже было отмечено, обратной стороной сплочения была повышенная враждебность к «чужим», к представителям конкурирующих групп. Михаил Донецкий был причастен к подобным конфликтам, как и большая часть советской номенклатуры. В 1928 г. Северокавказский край был подвергнут мощной чистке в связи со срывом плана хлебозаготовок. Прибывшие из центра комиссии обнаружили малоэффективный аппарат, погрязший в кумовстве и взаимном покровительстве. Критика была встречена в штыки, и за ней последовали «оргвыводы»⁶. За непонимание линии партии в деревне с должностей было снято немало заслуженных людей. Попал в переплет и Донецкий. Его уволили из редакции. Там воцарился десант из центра. В одной из жалоб он писал: «Атмосфера личных отношений, основанных, по-моему мнению, на минувшей групповой борьбе, к которой, кстати сказать, я никакого отношения не имел... лишает меня возможности пользоваться страницами местных газет, в частности – “Молота”. И не я один попал в такие “условия”»⁷.

Столь подробно представленная благодаря имеющимся документам история побед и поражений Михаила Донецкого на ниве карьерного роста не является чем-то уникальным. Активная работа локтями в замещении немногочисленных по сравнению с армией соискателей должностей составляла основное содержание писем, поступавших в учреждения в 1920-е гг. Особенно обострилась ситуация после массового сокращения Красной армии в 1923 г. Сохранившие влияние и руководящие должности бывшие командиры искренне пытались помочь старым однополчанам. Обе стороны придерживались одних представлений о товариществе, рожденном в боях.

⁶ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 678. Л. 30–31.

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 341. Л. 217.

В протекционизме не видели ничего зазорного и похожего на старорежимное кумовство. Ветераны Красной армии Дона и Кубани, как на родного отца, надеялись на члена «партизанской комиссии» Д.П. Жлобу, под командованием которого многие из них воевали. И он старался оправдать их ожидания. Ему удалось устроить бывшего шофера броневика Буравцова на ростовский завод «Жесть-Вест» на «неопределенную должность», но это закончилось для того плохо: через 7 месяцев Буравцов был арестован «за фиктивное исполнение [должности]»⁸.

Судя по переписке Д.П. Жлобы, чем бы он ни руководил, штаты он заполнял старыми сослуживцами. Так поступали и другие удачливые выдвиженцы. Их уход означал полную замену кадров учреждения.

Принято говорить о непредсказуемости молоха репрессий. Погибли преданные большевики, активные участники революции и Гражданской войны, но уцелели бывшие офицеры, представители старой интеллигенции и дворянских родов. В 1930-е гг. звание старого большевика означало пребывание в зоне риска. И разумное объяснение этому состоит в том, что жертвы сталинского террора принадлежали к проигравшей соревнование за местную власть группировке. Победа их противников могла быть временной, и следующее поколение тюремных сидельцев могло состоять именно из них. Рассмотренные под этим углом зрения репрессии в отношении региональных функционеров находят свое естественное объяснение.

Особенно выпукло это предстает на примере смены элит в национальных республиках Северного Кавказа. В составе советской номенклатуры Кабардино-Балкарии выделялись группы представителей разных слоев горского общества: так называемые «красные муллы», национально ориентированные выходцы из духовенства как порвавшие с религией, так и приверженные Корану (например, поднявший горцев в 1918 г. на борьбу с князьями, казаками и деникинцами Н.А. Катханов; сын муллы и бывший ученик духовного училища М.А. Энеев); потомки горского служилого сословия (братья Абуковы) и простолюдины (Б.Э. Калмыков).

В 1928 г. центр, взволнованный чрезмерной заботой о развитии национальных культур, дал команду на очищение учреждений от «шариатистов». Сначала был арестован и через четыре месяца расстрелян как «идеолог кабардинских кулацко-шариатских контрреволюционеров» Катханов. Вместе с Катхановым были репрессированы близкие к нему К. Шогенцуков (из мулл), Б. Хуранов, З. Мидов, М.-Г. Тамишев, П. и М. Тамбиевы (из дворян-узденей). Вскоре за-

⁸ Там же. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 666; Д. 5. Л. 591.

стрелился балкарец Энеев, активно занимавшийся национальным просвещением, составитель азбуки балкарского языка. Республиканское руководство, в частности усиливший позиции в результате этого Б.Э. Калмыков, приветствовало такую санацию. В 1937 г. пришел черед его самого, поскольку ЦК приступило к руководству регионами силами делегированных из центра.

Ну а Михаил Павлович Донецкий мог бы гордиться тем, что в 1938 г. он оказался в одном списке вместе с первыми лицами края, если бы этот список не был расстрельным.

Смена поколений советских чиновников не привела к исчезновению «групповщины» в послесталинский период. В ходе работы над темой, далекой от данной, автору доводилось брать интервью у бывших партийных и советских работников Ростовской области, время деятельности которых пришлось на 1950–1980-е гг. Это поколение людей, родившихся в 1920–1930-х гг. Несмотря на солидный возраст, им от 75 до 95 лет, они продемонстрировали ясность ума, логичность суждений, хорошую память. В статье они упоминаются под другими фамилиями, созвучными подлинной.

Беседы позволили сформулировать вывод о том, что партийно-советско-отраслевая номенклатура оказалась пронизанной родственно-земляческими и дружескими отношениями. По рассказам опрошенных, их приход в аппарат обязательно был связан с фигурой близкого человека – сослуживца или соученика, который и привлек к работе в своей структуре. Уже затем карьера складывалась в немалой зависимости от личных качеств. Немалую роль, по-видимому, играла и протекция старшего поколения. Один из ответственных работников обкома (ИПТ, 1930 г. рождения)⁹ был родственником С.М. Буденного, его родной дядя – секретарем сельского райисполкома. Их вмешательство в его судьбу отрицалось этим обкомовцем как несовместимое с принципами аппарата, который он описал как обезличенную силу, а причиной своей удачной карьеры назвал собственную инициативность и ответственность в работе.

На этом этапе понятие «товарищеские отношения» несколько сменило смысловую нагрузку: товарищеского, то есть равного, партнерского, стало еще меньше, но клиент-патронской взаимопомощи – куда больше. Другим отличием от раннего периода было то, что товарищество как отношения внутри номенклатуры уже не афишировалось, ушло как бы в тень, несколько не потеряв своей роли. По утверждению бывшего заведующего отделом сельского хозяйства райкома (МММ, 1920 г. рождения), особенно характерны клиент-па-

⁹ Аудиозаписи и тексты интервью находятся в личном архиве автора.

тронские отношения были для кадров, связанных с сельским хозяйством (работников сельхозотделов обкома и облисполкома, сельских райкомов, руководителей колхозов, совхозов и др.).

По утверждению одного из респондентов (бывшего руководителя группы лекторов обкома КПСС – ЕНЕ, 1939 г. рождения) для сельских и городских райкомов нужны были кадры разных качеств: для работы в сельских – более соответствовали люди из числа тех, кто изначально имел хорошие контакты, мог поддерживать доверительные отношения, не слишком различал поручения служебные и личные. Главная причина этого состояла в том, что советское сельское хозяйство было поражено приписками. В других отраслях эта болезнь имела место, но в силу объективных факторов (больших возможностей для контроля) не носила столь системного характера.

Контингент сельских райкомов служил источником кадров на так называемую самостоятельную работу в качестве председателей колхозов, директоров совхозов. Выдвигали тех, кто мог обеспечить контакт по линии хозяйство–райком–обком–ЦК / министерство. Контакт – деликатного свойства, нелегитимный, чреватый, поэтому цепочка состояла из неслучайных доверенных, надежных лиц. В аграрной вертикали препятствий для прохождения ложной отчетности было не много, главная опасность состояла в проверке со стороны вышестоящих органов. Но сама система давала ключ к этой проблеме. Структура народного контроля не в счет, так как в ней работали или вышедшие на пенсию партработники, или молодежь, стремящаяся попасть в номенклатуру. Была отмычка и к столичным контролерам. В 1970-е гг. в составе сельхозотдела ЦК КПСС работали три выдвиженца из Ростовской области. Задачей лояльных инструкторов было создание положительной репутации области и реверсное информирование о подводных течениях, грозящих неприятностями.

В одном из районов области в 1970-е гг. произошел случай, упомянутый независимо друг от друга двумя респондентами – МММ и ЕНЕ. Директор крупного совхоза нарушил правила игры и был наказан системой. Его падение началось с личного конфликта с другим районным номенклатурщиком. И когда он не получил поддержки «своего человека» из обкома, возмущившись, пригрозил вскрыть механизм приписок в районе. Это стоило ему восьми лет заключения в колонии.

Товарищеские отношения во все времена помогали компенсировать природные недостатки системы. В годы Гражданской войны это были несовершенство и неопытность армейских служб, что сформировало традицию опираться в решении всех проблем на группу поддержки при одновременной борьбе с конкурирующими группами

теми чрезвычайными методами, которые показали свою эффективность в годы той войны.

В послевоенные годы подросло поколение детей героев, в том числе погибших или в Гражданской войне, или в сталинских застенках. Их патронировали товарищи отцов, да и сами они обрастали дружескими связями. При этом товарищеские отношения все менее становились этической ценностью и все более утилитарным инструментом.

Практика работы организационных отделов, которые ведали кадрами, поощряла рекомендации со стороны действующих работников. После этого уже орготдел придирчиво изучал анкету неопита из 84 пунктов на предмет соответствия системе. Со «своими» работать было проще, надежнее, спокойнее, но система приписок, которой благоприятствовали такие условия, внесла свою лепту в развитие кризиса советской системы управления. Чем более чрезвычайным становилось состояние народного хозяйства, тем более востребованным было существование личных, особо доверительных отношений между чиновниками разных уровней и параллельных структур.

Н.А. Митрохин

КАРЬЕРА И УСПЕХ В 1950-е гг.: КАК ВЧЕРАШНИЕ СТУДЕНТЫ СТАНОВИЛИСЬ НАЧАЛЬНИКАМИ ПРОИЗВОДСТВ И ПАРТИЙНЫМИ БЮРОКРАТАМИ

Данная статья продолжает серию публикаций автора в сборниках «История сталинизма» издательства РОССПЭН. Они посвящены истории формирования поколения советской номенклатуры 1960–1980-х гг., которое пришлось на 1940–1960-е гг. В этот период будущие сотрудники аппарата ЦК КПСС были еще подававшими большие надежды школьниками и студентами¹.

Эти статьи подготовлены в рамках проекта автора, направленного на опрос бывших сотрудников аппарата ЦК КПСС периода 1953–1985 годов (более 120 человек) и анализа опубликованных ими многочисленных мемуаров². Всего на данный момент в рамках проекта анализируются биографии 226 человек работавших в аппарате ЦК КПСС в изучаемый период³.

¹ См.: Митрохин Н. Личная память о «репрессиях» у работников аппарата ЦК КПСС 1960–1980-х гг. и ее политические последствия // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М., 2013. С. 60–83; Он же. «Фронтовики» и «школьники» в послевоенных вузах / Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 216–234.

² Проект финансировался в 2006–2008 гг. Фондом Gerda Henkel (ФРГ) и в 2009–2012 гг. – Фондом DFG (ФРГ). Данная статья является изложением одного из параграфов книги под рабочим названием «Кто работал в аппарате ЦК КПСС в 1953–1985 гг.», которая предположительно будет опубликована по-русски в 2018 г.

³ См.: Подробнее см., напр.: Митрохин Н. Back-office Михаила Суслова: Отдел пропаганды ЦК КПСС в конце 1960-х –1985 годах // Cahiers du Monde Russe, 2014. № 54/3–4, Juli. С. 409–440; Он же: Личные связи в аппарате ЦК КПСС // «Неприкосновенный запас». 2012. № 3. С. 166–175. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/3/m13.html>; Он же. Религиозность в СССР в 1954–1965 годах глазами аппарата ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. М., 2010. № 5 (73). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/re8.html>

Рассмотренное в предыдущих публикациях по данной теме резкое увеличение количества студентов в послевоенных вузах во второй половине 1940–1950-х гг. в течение следующего десятилетия сказалось на качественном изменении кадрового состава руководства всех уровней. Это произошло несмотря на то, что радикальное расширение промышленности, сети учреждений науки, культуры и образования, а также значительный дефицит образованных кадров, существовавший после десятилетий репрессий и войны, казалось бы, должен был на долгое время закрепить недавних студентов на низовых должностях.

Почему бывшие студенты не просто заполняли имевшиеся вакансии рядовых инженеров и служащих, но стремительно продвигались вверх по карьерной лестнице? Какие мотивы двигали молодыми специалистами, делающими успешную карьеру? Как сочеталась их активная производственная и научная деятельность с комсомольской и партийной работой?

Поколения предшественников

Институт или аспирантура закончены. И вот двое из троих будущих сотрудников аппарата ЦК КПСС переступают порог предприятия или учреждения, в котором им предстоит работать далее. Впрочем, для части из них это не новое учреждение. Те, кто заканчивал аспирантуру в государственном вузе, в значительном количестве (примерно в половине случаев) остаются работать преподавателями в том же учебном заведении, где и оканчивали аспирантуру. Благо, еще аспирантами они начинают вести лекции. А их необходимость присутствия в институте в качестве члена или даже секретаря парткома или комсомольского бюро не подвергается сомнению.

Что видит перед собой молодой человек, начавший трудовую деятельность в характерный для старта карьеры изучаемой нами группы период – во второй половине 1940 – первой половине 1960-х гг.? Он не только сталкивается с грязными цехами, часто нетрезвыми рабочими и обшарпанными стенами редакций, невысокой зарплатой (которой, впрочем, он рад после нескольких лет студенческой нищеты и полуголодной жизни в старших классах школы) и отсутствием жилья, куда бы он мог поселиться со своей недавно образованной семьей⁴. Ему видится и перспектива развития страны, конкретного

⁴ См.: Heinzen J.W. Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against «Socialist Property», 1940–1953 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. N 4. 2007. P. 789–815.

предприятия и учреждения, а также его личной карьеры в них. Тем более что о первой перспективе ему не устают напоминать как газеты и радио, так и стремительно преобразующаяся реальность, связанная с массовым строительством и расширением производства⁵. Его собственный опыт, основанный на «командирских» позициях в школьные и студенческие годы, внутренней уверенности постоянного отличника, а также советы старших, чуть более опытных товарищей, дают ему четкое представление о том, чего он должен добиваться и какими методами.

На любом предприятии и в учреждении перед ним предстают четыре категории «начальников» и высокопоставленных специалистов, перед которыми он должен проявить себя и получить среди них достойное место. Потому как в жестких условиях 1930 – середины 1960-х гг. лишь место начальника способно обеспечить минимальный жизненный уровень, хоть чем-то отличный от перманентного недоедания и скученной семейной жизни в маленькой комнате коммунальной квартиры или общежития⁶.

Первую категорию «начальников» представляли собой люди, получившие высшее или специальное образование до революции либо в пореволюционный период (примерно до 1925–1927 гг.). Эти люди, многие, если не большинство, из которых происходили из «бывших», так и не стали «настоящими советскими людьми». Они имели в своей биографии много «ошибок» и обвинений, постоянно находились под подозрением комсомольских, партийных и репрессивных органов, а потому имели мало опоры в более молодых поколениях. По сути, они оставались «пережитком» прошлого, терпимым только до возможности замены, которая ограничивалась лишь отсутствием сменщиков со столь же высокой квалификацией. Хорошим примером в этом отношении является Нина Лашина (ок. 1902 – после 1966 г.), пик карьеры которой – в 1957–1961 гг. – состоял в должности заведующей отделом писем главного советского сатирического журнала «Крокодил».

⁵ См.: Это было отмечено еще в первых работах на данную тему. См., напр.: Зубкова Е. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

⁶ О социальных условиях жизни того периода см.: Андреевский Г. Москва. Сороковые годы. М., 2001; Kees B. Life and Death under Stalin: Kalinin province, 1945–1953. L.; Ithaca, 1999; Filtzer D. Soviet Workers and late Stalinism. Labour and the restoration of the Stalinist System after World War II. Cambridge, 2002; Куксанова Н.В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири. 1956–1980-е гг. Новосибирск? 1993; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000; Советское государство и общество в период позднего сталинизма... С. 62–164, 183–192, 416–463.

Как и многие матери будущих сотрудников аппарата ЦК КПСС, она происходила из дореволюционного среднего класса (дед был директором гимназии в Ярославле), поступила в гимназию, ставшую впоследствии советской школой. В 1924–1928 гг., уехав из Москвы в Ташкент, училась на юридическом факультете университета. В дальнейшем она была чиновником Министерства черной металлургии, женой такого же чиновника, который был ее двоюродным братом (сыном священника) и получил в начале 1930-х гг. образование инженера.

Лашина стала членом партии и, при всех своих сомнениях в части официальной пропаганды, верила в ЦК ВКП(б), к которому не раз обращалась с письмами в сложных жизненных ситуациях. Иногда это, кстати, помогало. Благодаря подобным обращениям она смогла сменить нелюбимую работу в министерстве на позицию библиотекаря в парткабинете, а потом – на престижную и хорошо оплачиваемую работу в «Крокодиле».

Там Лашина, с равным сочувствием относясь и к увольняемым из редакции в первой половине 1950-х гг. евреям, и к увольняемым антисемитам, едва сама не стала жертвой антикосмополитической кампании. Однако ее реальный политический разрыв со средой произошел в ходе официальных разоблачительных кампаний весной 1953–1956 гг. Из читавшихся на партсобраниях закрытых писем и выступлений руководства она не просто узнала о факте репрессий. Они ей напомнили о собственном жизненном опыте, многочисленных репрессированных знакомых, наблюдениях за процессом раскулачивания и жизнью раскулаченных. В результате на страницах дневника в 1955–1956 гг. перед нами предстает женщина, полностью отвергающая сложившуюся в стране политическую систему, но тем не менее продолжающую играть заметную роль в сложившемся пропагандистском механизме. Например, 28 августа 1955 г. она делает в своем дневнике запись, более похожую на политический манифест: «И прав был Эйзенхауэр в его вчерашней речи, что у нас индивидуальная свобода человека подменена регламентацией, и что у нас человек превращен в простое орудие государства. И каждый из нас осознает, что так оно и есть. Платят за работу сколько хотят по каким-то давно созданным тарифам и сеткам. Никакой ведь конкуренции нет, никакого частного договорного найма. <...> И оплата эта, не говоря об ученых, артистах, художниках, чуть обеспечивает жизнь рядового служащего и рабочего и не обеспечивает жизнь его семьи. Перейти с работы на работу человек не может. Его не отпускают. И он бессилен. Переехать в другой город по своей воле он не может. Его там не пропишут, квартиры не дадут. <...> И он должен жить в одной комнате с семьей всю жизнь, независимо от отношений. <...> Опубликовать

свое произведение он может только в том случае, если оно изображает нашу жизнь как счастливую, свободную, безупречную... (последние два предложения описывают и ее проблемы того времени. – Н.М.) Разве это не регламентация, причем грубая, беспощадная?.. Прав Эйзенхауэр! Прав он и в том, насколько велика пропасть между нашей страной и другими странами, насколько глух железный занавес. На протяжении всех лет нас запугивали словом “заграница”. <...> Из иностранной литературы за 30 лет мы видели только переводные книги из далекой классики. Слушать “Би-БиСи” или “Голос Америки” возможно было только при глухо закрытых дверях, да и слушать-то было невозможно из-за мощных глушителей. А уж о поездках за границу полечиться, попутешествовать забыли и мечтать. Разве это не ужасная несправедливость, гнет и неуважение к человеку? И Эйзенхауэр, и Иден это понимают и потому так шарахаются от нашей системы и стараются уберечь свои народы от этого “безумия”. Велики и прекрасны идеи справедливости и коммунизма, но как далека оказалась действительность от этих идей»⁷. При этом Лашина не уходит в политическую оппозицию, а продолжает до выхода на пенсию делать по возможности малые практические добрые дела для людей, обращающихся в редакцию с жалобами и замыкается в кругу переживаний, связанных с ее бурной личной жизнью и родственниками⁸. Можно предположить, что подобные мнения, особенно не у столь идеологически ангажированных людей, были распространены достаточно широко. Подробный анализ этого феномена разбирался мною на примере изданной в 1956 г. книги ровесника Лашиной, представителя того же дореволюционного социального слоя – Валентина Иванова – под названием «Желтый металл». Книга явилась, по сути, манифестом сторонников частного предпринимательства в СССР. Профессиональная биография фининспектора В. Ивановой в значительной мере перекликается с жизненным опытом Лашиной⁹. Однако возможностей выразить свои взгляды у представителей старшего поколения было не много. Да и время этих людей стремительно уходило. Большая часть представителей первого поколения «начальников» в 1950 – начале 1960-х гг. сходила со сцены (и должностей) и по

⁷ Лашина Н. Дневник русской женщины. 1945–1967 гг. М., 2011. С. 304–305, а также с. 299, 301, 311–312, 319–324.

⁸ См.: Там же. С. 191–379.

⁹ См.: Митрохин Н. Евреи, грузины, кулаки и золото Страны Советов: книга В.Д. Иванова «Желтый металл» – неизвестный источник информации о позднесталинском обществе // Новое литературное обозрение. 2006. № 3 (80). С. 185–220.

естественным причинам – в связи с болезнью, уходом на пенсию, смертью. Тем не менее такие видные партийные интеллектуалы и умеренные прогрессисты, как Алексей Румянцев (1905 г. р.; сын полицейского пристава в г. Рыбинске (на 1914 г.), которому в 1916 г. было присвоено звание титулярного советника; племянник священника¹⁰) – заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС в 1953–1955 гг., в дальнейшем – главный редактор журнала «Коммунист» и газеты «Правда» – и Дмитрий Шепилов (1906 г. рождения, окончил гимназию в Ташкенте, был женат на дворянке) принадлежали к этой категории и окончили вузы к 1926 г. Такие люди симпатизировали бойким и либерально (по советским меркам) ориентированным людям из недавних студентов, которые популяризовали прогрессистские «ленинские» установки 1920-х гг., заповеданными или приоткрытыми им родителями. Да и продвигали этих молодых и перспективных людей в рамках партийных идеологических структур – вроде той же редакции журнала «Коммунист», ставшей во второй половине 1950-х гг. своеобразным «штабом» по пересмотру сталинистских доктринальных установок. Вторую категорию представляли собой малообразованные, зачастую малограмотные и малоквалифицированные администраторы и профессионалы из числа представителей «простого народа», 1902–1915 годов рождения. На основе большого опыта они, возможно, «чуяли» технологические процессы (то есть логически понимали их взаимосвязь и могли предсказать их динамику в стандартных и иногда нестандартных ситуациях), но не могли их квалифицированно анализировать, описать, спрогнозировать с учетом новых задач. Потому они не были способны освоить новую технику или новые интерпретации идеологии. Часть из них можно охарактеризовать как «выдвиженцев». Это были люди, подростками пережившие 1920-е гг. и не получившие впоследствии ни систематического высшего, ни полноценного школьного образования. Их единственными преимуществами были опыт и властные инстинкты, умение вести борьбу за выживание. О них чаще всего говорят, как о «сталинистах», противостоявших «шестидесятникам». Преимуществом вчерашних студентов перед ними было систематическое образование, позволявшее быстро найти объяснение тому, что

¹⁰ Данные о происхождении даются по материалам форума Ярославского историко-родословного общества, тема: «Румянцевы, Горчаковы, Предтечевские, Соболевы, Скворцовы (духовенство и крестьяне), Казанцевы, Петуховы, Сахаровские, Смирновы (крестьяне), Готовцевы, Бруно (дворяне), (Костром-Яр. губ.)». 09.08.2008–2014. URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=427>

представители «второго поколения» лишь «чуяли», и после минимального опыта работы превзойти их в этом¹¹. Инструктор Отдела машиностроения Юрий Кручинин (сын деревенского писаря, окончившего МВТУ, затем – инженера и парторга завода), окончивший МВТУ в 1962 г., бывший комсорг курса, начинавший свою карьеру конструктором на Электростальском заводе тяжелого машиностроения, в интервью говорил об этом так: «Написать документ – у меня получалось, и я с удовольствием все это делал. Потому что вы помните мой путь, партийный особенно – везде требовалось умение написать бумагу, подготовить какие-то документы. И когда я стал работать в парткоме, меня удивляло, что многие руководители – начальники цехов, заместители главного инженера – они не очень грамотны, в том смысле, что толково написать деловую бумагу большинство не умело»¹². С конца 1940-х годов представителей «второй категории» центральные партийные и государственные органы начали энергично выдавливать со своих постов на менее значимые позиции, как только им находилась приемлемая альтернатива со стороны не менее идеологизированной, чем они сами, молодежи. Однако в целом процесс смены этих людей растянулся до конца 1960-х годов, а в некоторых областях, например в философии, не закончился и в 1970-е годы. Третью категорию представляли собой люди, «пропустившие» нормальную среднюю школу в 1920-е гг., но сумевшие получить систематическое высшее образование в 1930-е гг., пусть оно иногда и носило кратковременный и незавершенный характер. Они были более квалифицированными специалистами (во всяком случае в технических вопросах), чем их предшественники. «Большой террор» (если они в нем уцелели) открыл для них широкие возможности. Представители этой категории после XIX партийной конференции в 1952 г. пришли на лидирующие позиции во втором эшелоне партийной и государственной иерархии. Самыми яркими из них были такие лидеры «днепропетровской группы», как Леонид Брежнев и Андрей Кириленко (оба 1906 г. рождения, оба окончили вузы в 30-летнем возрасте). Они начали интенсивно продвигать людей со схожим социальным бэкграундом на уровень третьего-четвертого

¹¹ См., напр., мемуары выпускника МПИ, фронтовика, кавалера ордена Красной звезды и члена КПСС, еврея, нашедшего работу в г. Фрунзе в издательстве «Киргизгосиздат» в 1952 г., зато сразу в должности главного художественного редактора. В частности, он ярко пишет о полуграмотных, старших по возрасту коллегам и стратегиях решения производственных, карьерных и личных вопросов с использованием «фронтального опыта»: Табачников Р. Четыре года во Фрунзе // Мы из МПИ. Московский полиграфический институт. 1930–2005. Т. 1. М., 2005. С. 461–465.

¹² Из интервью с Ю. Кручининим.

эшелона, а те уже двигали образованную молодежь вверх по социальной лестнице. В аппарате ЦК КПСС второй половины 1950–1970-х гг. представители этого поколения занимали посты заведующих и заместителей заведующих отделами (например, попавшие в наш массив Георгий Пушкин, Яков Жемеров). Тем не менее выпускники 1930-х гг. в целом были относительно немногочисленной группой, которая к тому же оказалась сильно «выбитой» репрессиями и Второй мировой войной. К четвертой категории относились люди, окончившие в середине 1930-х гг. полноценную среднюю школу и успевшие окончить вуз до войны. Как говорилось ранее, они уже обладали полноценным образованием. «Выпускники 1939, 1940, 1941 гг. не искали работу – работа искала выпускников. Я заполняла анкеты в десяти учреждениях, среди них – ЦК, Наркоминдел, Совнарком», – так пишет об этом выпускница ИФЛИ 1940-го г. Раиса Орлова¹³. Именно на этой волне сделал карьеру бывший комсорг ИФЛИ Александр Шелепин и его поколение молодых комсомольских функционеров. Часть из выпускников вузов 1938–1941 гг. также стали жертвами войны, однако в последующем самой серьезной кадровой проблемой этого поколения был «пятый пункт», ибо количество евреев среди них было весьма высоко. Впрочем, борьба поколений и дискриминация были важны в городах и отраслях, где образованное руководство все-таки существовало. В непрестижных регионах или сельской местности, или же на малооплачиваемой работе, куда приходил свежее испеченный выпускник вуза в конце 1930 – середине 1950-х гг., в его сфере занятости вполне возможно вообще не было людей, равных ему по квалификации, поскольку они были истреблены в результате репрессий и войн. Будущий сотрудник Сельскохозяйственного отдела Владимир Милосердов, окончивший Минский институт народного хозяйства в 1953 г., пишет в своих мемуарах об этом так: «Меня распределили в Пуховичский район Минской области в качестве председателя райплана. Я отдавал себе отчет в том, что после окончания института уровень моих знаний больше походил на лист чистой бумаги: написать на нем должна была дальнейшая жизнь. <...> В Пуховичском райисполкоме не было ни одного специалиста с высшим образованием. Председатель райисполкома Н.М. Малаховский учился заочно в Марьиногорском техникуме. Мне приходилось

¹³ См.: Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М., 1993. С. 85. Практически теми же словами описывает ситуацию с получением работы другая выпускница ИФЛИ: Черная Л. Косой дождь. Воспоминания. М., 2015. С. 177.

делать за него разного рода задания. <...> Однажды секретарь райкома Стельмах поручает мне провести отчетное партийное собрание в самом отдаленном хозяйстве района. На мое замечание, что я беспартийный он говорит: “Поезжай, знаю, что ты беспартийный”. Рабочая обстановка не создавала условий для творческого роста и я пытался вырваться из района. В тот период многие ехали на целину. Я был членом бюро райкома комсомола, и тоже попросил направить меня на освоение целинных и залежных земель. Меня непустили»¹⁴. Таким образом, молодой человек с высшим образованием и «правильной», с точки зрения власти, в этническом и политическом плане биографией в конце 1940 – 1960-х гг. оказывался в уникально комфортной поколенческой нише. Презумпция его политической невинности (по сравнению с предыдущими поколениями) сочеталась с установками (гласными и негласными) советского руководства на омоложение и продвижение кадров. Вопрос: как он должен был воспользоваться подобной ситуацией?

Старт карьеры

Правильный старт производственной или учрежденческой карьеры означал, как правило, приход молодого человека с высшим образованием на самую низовую из возможных должностей, требующих интеллектуальных усилий. Например, на должность мастера (а то и помощника мастера), которому подчинялась низовая производственная единица – «бригада», или младшего редактора издательства, или рядового «литературного сотрудника» областной газеты. Как и в любой крупной компании за пределами СССР, это был необходимый этап для формирования собственного практического опыта, а также оценки потенциала кандидата руководством предприятия и учреждения. Для большинства вчерашних студентов этот этап проходил быстро – за год, максимум – два. После чего они получали первичную, серьезную должность – например, заместителя заведующего отделом провинциальной газеты или начальника рабочей смены в цехе (где обычно работали в две-три смены). На этом этапе предыдущая биография будущего работника аппарата ЦК КПСС и описанная в данном параграфе общая ситуация с кадрами начинали работать на

¹⁴ Милосердов В. Собрание сочинений. Кн. 5. Воспоминания и размышления о настоящем и будущем. М., 2010. URL: <http://docs.podelise.ru/docs/index-688.html?page=3>. Зарисовки о состоянии кадров в юридической сфере Калининской области конца 1950-х гг. ярко обрисованы в: Падва Г. От сумы и от тюрьмы. Записки адвоката. М., 2011. С. 87–132.

него даже при умеренных производственных успехах. Пришедший на завод или в учреждение молодой, хорошо образованный, дисциплинированный, не пьющий (или малопьющий), честный славянин, спортсмен, с опытом комсомольской, а то и партийной работы в школе и вузе, весьма вероятно, член партии был несомненным объектом внимания «кадровиков», которые испытывали постоянную нужду в заполнении разнообразных вакансий руководителей низшего звена.

В рамках советской системы, в которой в описываемый период реально работали вертикальные социальные лифты – на низовом, заводском, учрежденческом, уровне, все время проходила ротация управленческого персонала. Лучшие – с точки зрения вышестоящих инстанций, а также других организаций, имеющих возможность и потребность рекрутировать отличившиеся кадры (например, КГБ или комсомола), – поднимались вверх. В то же время значительное количество низовых начальников не выдерживало проверки – из-за их алкоголизма, заносчивости, супружеской неверности, конфликтов с руководством и подчиненными, малограмотности, превышения уровня компетентности, поэтому сбрасывалось вниз по служебной лестнице. Также, как уже говорилось, были и естественные причины для прекращения карьеры, особенно на экологически вредных производствах отраслей тяжелой и химической промышленности, энергетики, – смерть, инвалидность, производственный травматизм, пенсия, болезнь. Хорошей, в своей концентрированности, иллюстрацией этого процесса выглядит ситуация, описанная в мемуарах Анатолия Гуськова (1914 г. рождения) – инструктора Отдела административных органов в 1951–1953 гг. Приехав после московского института в предвоенные годы на строящийся нефтеперерабатывающий завод в г. Бердянске, он за полтора года (в 24 года!) смог стать там главным инженером. Разумеется, в основе успешной карьеры лежала серия аварий и последовавшие за ними репрессии, поглотившие его предшественников. Но свою роль сыграли и его личные способности, а также знание английского языка, позволившие ему разобраться в непросто американском оборудовании, на основе которого был построен этот новый завод.

Правда, после нескольких месяцев пребывания в высокой должности в комфортных условиях, с персональным автомобилем и большой квартирой, он неожиданно был отправлен обкомом партии «в распоряжение НКВД». Самое сильное в тот момент советское ведомство вернуло его в Москву, наскоро обучило литовскому языку, вооружило пистолетом и отправило руководить коммунистическим подпольем в один из сельских районов Литвы, которую СССР предстояло вскоре полностью оккупировать. Но способный и везучий чиновник не пропал и там. Спустя десятилетие Гуськов пришел на

работу в ЦК КПСС уже с высокого поста начальника Горьковского областного управления МВД¹⁵. Однако времена, когда потенциально препятствующие построению карьеры люди пачками исчезали в НКВД, быстро прошли. И хотя в 1950–1960-е гг. в аппарате ЦК КПСС, по-видимому, работало большое количество людей, обязанных своему быстрому продвижению «большому террору», основная масса респондентов и мемуаристов сделала свою карьеру при менее brutальных обстоятельствах. Первым и вполне естественным этапом заводской или учрежденческой карьеры для молодого сотрудника становилось занятие такой «расходной», то есть часто обновляемой, должности, как комсорг цеха, а то и сразу комсорг всего предприятия. Для бывшего секретаря или члена бюро комсомола факультета это была знакомая и несложная работа. Ее, впрочем, легко осваивали и те, кто, по их утверждениям, не интересовался подобной работой в вузе. Если все было нормально, то обычно в течение следующего года будущий сотрудник ЦК КПСС делал следующий карьерный шаг – либо становился комсоргом всего предприятия/учреждения, либо (если он занял такую должность годом ранее) он получал предложение перейти на профессиональную работу в местные комсомольские органы. Значительная группа наших респондентов именно так и поступила. У некоторых, впрочем, нахождение на нормальной работе заняло и вовсе несколько месяцев. Занятие поста секретаря комсомольской организации учреждения или предприятия могло означать еще один небольшой шаг вверх по служебной лестнице. И он точно происходил, если пост комсорга был оплачиваемым, что всегда было на крупных предприятиях с большой комсомольской организацией. Оплата комсорга была ниже, порой весьма существенно, чем у начальника низового подразделения, поэтому, по рассказам информантов, они обычно занимали ее «под давлением» либо стремились параллельно совместить ее с работой по основной специальности. Потому работа комсоргом предприятия продолжалась недолго – один-два года. И если она не заканчивалась переходом на профессиональную работу в местные комсомольские органы, то будущий работник ЦК КПСС с учетом своей квалификации и наработанного управленческого опыта получал другую работу внутри предприятия. Причем его

¹⁵ См.: Гуськов А.М. Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. Люди. Факты. Спецоперации. М., 2004. Впрочем, от подобной карьеры не спасала и работа в партийных органах. Напр., Евгений Дорохов попал в 1951 г. в школу КГБ с поста заведующего промышленно-транспортного отдела Бийского горкома партии. См.: Дорохов Е. Несвоевременная книга. Записки генерала милиции. М., 2012. С. 54–55.

новая должность была уже достаточно заметная, служащая наградой за хорошую работу комсоргом, – например, главного механика или главного инженера цеха, реже – начальника цеха. Например, будущий инструктор сектора МВД Отдела административных органов Николай Цыганник по окончании Днепропетровского института инженеров транспорта пришел в 1952 г. мастером в Морозовское железнодорожное отделение (Ростовская область). Менее чем через год «под нажимом политотдела» он был избран освобожденным секретарем узлового (железнодорожного узла) комсомольского бюро. Оговорив, что соглашается на это только на год, он в 1954 г. вернулся обратно на должность мастера вагонного депо и вскоре неожиданно получил предложение занять должность начальника Мичуринского вагонного бюро (крупнейшего в системе МПС). Правда, он не успел воспользоваться этим выгодным во всех отношениях предложением, поскольку при приеме в партию в райкоме партии его, несмотря на сопротивление, вынудили занять вакантный пост первого секретаря райкома комсомола¹⁶. Впрочем, когда технической квалификации комсомольского лидера было недостаточно, он мог в награду получить должность заводского «общественника» (председателя или заместителя председателя профкома предприятия, парторга цеха) или другую работу по силам (например, инженера по технике безопасности, заведующего отделом контроля, заведующего управленческим подразделением в вузе).

Отбор «кадра»: производственная необходимость и личные качества

Здесь следует остановиться на распространенной в СССР и современной России и хорошо описанной в книге Михаила Восленского теории о сознательном построении карьеры, приводящей к работе в аппарате ЦК КПСС и других центральных «органах», людьми, которые не имеют деловых качеств и способностей к настоящей работе, подразумевающей производство, изобретательство, «серьезная наука» и тому подобное¹⁷. На мой взгляд, в причинах быстрых карьер будущих работников ЦК КПСС играли роль не только их объективные карьеристские устремления и накопленный к моменту попадания на работу административный опыт и идеологическая репутация,

¹⁶ См.: Цыганник Н. Раздумья у наших пересекающихся путей-дорог // Николай Кручин в воспоминаниях товарищей, друзей и близких / сост. Е.Н. Кручина. М., 2013. С. 58–80.

¹⁷ См.: Восленский М. Номенклатура. М., 1991.

но и потребности самих учреждений и предприятий. Последним было предписано правящей в стране политической партией содержать обязательный минимум идеологического (и социально-ориентированного) персонала. В этот список входил парторг, комсорг и профорг предприятия или учреждения, а также (в зависимости от размера оного) штат их помощников. В функцию этих людей партийно-государственной машиной помимо ведения идеологической пропаганды и социальной помощи работникам был вложен контроль за всеми сторонами жизни предприятия, начиная от выполнения производственного плана, заканчивая личной жизнью директора. В 1930 и до середины 1950-х гг. вопреки партийному и комсомольскому уставу, пропагандистским заявлениям о социалистической демократии и сложившимся уже традициям должности парторгов и комсоров не были выборными. Людей на них присылали из региональных партийных и комсомольских инстанций и затем они утверждались на общем собрании учреждения или предприятия. Как уже говорилось, на крупных предприятиях, особо важных стройках и в значимых учреждениях существовали должности комсоров и парторгов ЦК. Их деятельность контролировалась и оплачивалась ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС соответственно. И часть их, наших респондентов, успела побывать в данном качестве.

Однако после XX съезда подобные должности были отменены. Выборы парторгов и комсоров стали проводиться в первую очередь из числа представителей самих «трудовых коллективов», которые, разумеется, должны были получить поддержку местных комсомольских или партийных инстанций. Лишь в сложных ситуациях или при острой необходимости пристроить представителя номенклатуры комсорг или парторг мог быть прислан в организацию «сверху». Поэтому для дирекции предприятия или учреждения было критически важно заполнить эти вакансии людьми, приемлемыми для системы надзора (в первую очередь, райкома партии) и в то же время разумными, не стремящимися к реальным конфликтам и «выносу сора из избы». Если в поле зрения оказывался подходящий кандидат на подобные должности и он не был критически важен для производственной деятельности предприятия, то есть не был уникальным специалистом или быстро растущим производственным администратором, то вполне возможно было заполнить им вакансию в парткоме, комитете комсомола или профкоме.

В идеале, конечно, и уникальный специалист (администратор) мог бы совмещать производство с идеологической работой. Однако это было возможно только в относительно небольших коллективах (например, в издательствах, редакции, на факультете вуза, в колхозе, посольстве), но никак не на огромных машиностроительных и ме-

таллургических предприятиях или в университетах, откуда пришел столь значительный процент будущих работников ЦК КПСС. При штате уже в несколько сотен работников количество проблем, с которыми сталкивался комсорг, парторг и профорг, было столь велико, что времени на основную производственную деятельность у них просто не было. Инструктор Отдела машиностроения Виктор Самородов так рассказывает о своем приезде после института в уральский поселок для работы на оборонном предприятии в 1965 г: «Я приехал на полгода раньше жены... И так как я приехал уже молодым коммунистом, да плюс еще неженатый и плюс еще нормально себя ведущий, не пьянствующий, место в общежитии мне дали, и я стал сразу парторг отдела, потому что три коммуниста было: начальник отдела, лаборант – старенький человек и я. Три человека – это партгруппа. Я партийный организатор этого отдела – больше некого было. Кроме того, стал зам главного редактора газеты КБ в целом. Затем был зам секретаря парторганизации и затем секретарь комитета комсомола – вот четыре должности. И старший еще по селу был, т. е. на меня взывали. <...> Я к тому, что я был активный там опять. Не к тому, что я вылезал, а просто в силу обстоятельств: ты такой хороший, давай здесь, здесь и здесь. Кто везет, на того и грузим»¹⁸. То, что Самородов говорит тут о себе, как о «непьянствующем», было, по всей видимости, весьма существенным фактором для первичного отбора в секретари парткома, да и для последующей карьеры в ЦК. Там распитие алкогольных напитков и появление в нетрезвом виде на работе в подавляющем большинстве отделов ЦК было строжайше запрещено и каралось немедленным увольнением. Таким образом, относительная трезвость (особенно заметная на фоне окружающего алкоголизма «нормальных» советских производственников и работников СМИ и издательств) способствовала развитию карьеры. О своем трезвом поведении, неумении и нежелании «напиваться» говорили многие из респондентов¹⁹ и, пожалуй, никто не бахвалился «пьяными подвигами», во всяком случае по окончании студенческих лет. Совсем по-другому выглядела ситуация за пределами партийной системы. Заведующий сектором Отдела науки Николай Панов так рассказывает о годах своей работы в качестве преподавателя и декана механического факультета Куйбышевского политехнического института: «Вообще в соответствии с нравами того времени винопитие воспринималось как обычное времяпрепровождение. Будучи ученым секретарем Ученого

¹⁸ Из интервью с В. Самородовым.

¹⁹ См. интервью с Г. Бочаровым, П. Московским, Г. Сарафанниковой, а также мемуары Г. Шахназарова.

совета института, мне приходилось неоднократно принимать участие в «обмывании» новоиспеченных доцентов и кандидатов наук. Программой минимум после заседания ученого совета обычно был целевой поход в город всех его участников, кроме директора и секретаря парткома. Члены совета веселой гурьбой спускались на Куйбышевскую улицу и шли к центру. На Некрасовской выпивали в “Грузвине” по стакану вина, закусив шоколадной конфетой. Движение далее шло к “Дагвину”, и процедура повторялась. Компания чуть редела. Оставшиеся следовали к “Азвину”. В завершение пять или шесть самых стойких располагались в ресторане “Жигули” или “Националь” и сидели до победного»²⁰. Так что у будущих работников аппарата был второй основной вариант, из которого получалась партийная карьера – нередко помимо или вместо комсомольского бюро: они оказывались членами партбюро (сначала цеха, потом предприятия или учреждения), а через год-другой уже возглавляли его. Упомянувшийся инструктор Отдела машиностроения Юрий Кручинин, рассказывает: «А в 1975 году у нас передвижение было в парткоме, бывший наш секретарь парткома Демидов Анатолий Васильевич стал директором завода, на его место пришел еще один наш товарищ заводской. А меня пригласил Демидов. Очень авторитетный человек. Очень спортивный, лыжник. И вот мы с ним несколько лет ходили вместе в сложные туристические походы, водные пороги, реки. Он меня хорошо знал и по работе, и с этой стороны. <...> И каких-то карьеристских соображений (у меня. – *Н.М.*) не было, потому что я вам говорил, как я не очень охотно соглашался на работу в горкоме комсомола, так я при первой возможности ушел на производство. Опять же, не потому, что плохо в комсомоле, просто я считал, что я должен состояться как специалист. И вот 1975 год, уже у меня полдиссертации, уже я состоялся как специалист, у меня 15 авторских (свидетельств о изобретениях. – *Н.М.*), меня уже знали на заводе. Но такая пертурбация произошла в парткоме, меня пригласил друг и в то же время руководитель, он на 10 лет меня старше. Кстати, когда я был в Болгарии, в заграничной командировке, там у нас советских специалистов было много, порядка 200 человек на Кремиковском комбинате и тоже, естественно, было партбюро, и там меня избрали членом партбюро. Я, конечно, молодой был, еще 30 мне не было, говорили: «О, это наша олимпийская надежда, Юрий Дмитриевич». Говорит: «Сейчас завод в сложном положении, нужно в парткоме укрепить руководство, нужны люди, которым мы доверяем, которых знаем, которые опытные как специалисты. Ты

²⁰ Панов Н. Записки самарского ректора. О себе, об университете, об инженерах: изд. 2-е. М., 2004. С. 88.

соответствуешь этим критериям, поработаешь». Я говорю: «Анатолий Васильевич, у меня диссертация, я хочу». «Ну, ты же от завода не уходишь никуда, продолжай. А поработаешь 2–3–4 года». А как обычно – партком это в какой-то степени перспектива дальнейшего роста твоего. Ты в парткоме поработал, потом идешь на более высокую должность, зам главного инженера или куда там. Варианты разные могут быть. Т. е. мне нарисовали какую-то перспективу, что не так уж страшно, ты от завода не отрываешься, продолжаешь, наоборот, кругозор, все-все-все. Опять убедили. И стал работать в парткоме, замом по оргработе»²¹.

Партийная карьера крупного производственника

Для крупных и стремительно растущих организаторов производства или высококвалифицированных экспертов был другой путь. Эта группа, презрев возможность побывать в числе руководителей комсомольской организации предприятия и учреждения, стремительно делала производственную карьеру. Делала как за счет личных способностей, так и (как говорилось ранее) процесса ускоренного освоения новой техники и технологий, пришедших в советскую промышленность в 1940–1960-е гг. Вот как, например, рассказывает о своей работе в качестве сначала начальника строительного управления, потом управляющего мощным областным строительным трестом заведующего сектором Отдела строительства Владислав Сентюшкин: «У меня на стене в кабинете – график строительства особо важных объектов, где учитывается, сколько денег мне ежемесячно необходимо поднимать, сколько людей для этого надо иметь, чтобы мы выполнили это дело. Выполнили или нет – всякое бывает, я говорю, как должно быть. Но эти бумаги помогали. Без этого графика, без количества людей, средств, которые я должен получить, я без рук и без ног. И я в соответствии с этими графиками строительства заявляю: мне нужны машины, цемент, металл, труба и прочее. И мы, исходя из этого, получив проект, заявляем. Это все принимается управлением, трестом, главкомом и министерством. Так что это далеко не все просто. Но мы на будущее каждый раз должны были получить энное количество материалов, которое соответствует энному количеству строительно-монтажных работ, выраженных в рублях. Все равно к рублям приходим так или иначе, потому что не будешь же только сколько кубометров, сколько тонн. В конце концов все превращается в деньги. И оценивается: я не смогу это сделать. Я не говорю: “Я не смогу вот ту трубу за-

²¹ Из интервью с Ю. Кручининым.

делать". Я знаю, что мой трест может сделать в год 25 млн рублей или 100 млн, в зависимости от мощности. И когда мне зафигачивают: вот это будешь делать, я говорю: «Это – нет, это очень сложно». Каждый год, когда я отстаиваю свою позицию, а потом сам занимался этим, ко мне уже приезжали, я должен был защитить. Я знаю, сколько я должен выполнить работ в рублях. Рубли эти складываются из всяких строительно-монтажных операций. И я должен защитить: вы же мне дали план, теперь дайте мне цемента столько-то, металла столько-то. Я доказываю, мне всегда недодают. Потому что я при этом всегда доказываю с каким-то запасом. Все мы хитрые, а там такие же хитрые, потому что все это знают. Я начал мастером работать, закончил заместителем министра»²². Достигнув в течение примерно 5–7 лет высоких постов – руководителей крупных заводских подразделений (цехов) или заместителей директора (главных инженеров, механиков предприятия), став деканами в вузах или заведующими редакциями в издательствах, эта категория наших респондентов и мемуаристов почти автоматически включалась в состав парткома предприятия или учреждения. Тем более что к тому моменту они, скорее всего, имели достаточно большой партийный стаж. Секретарь ЦК КПСС Владимир Долгих о скачке в своей карьере, пришедшемся на 1954 г.: «Потом был назначен главным инженером (Красноярского аффинажного – *Н.М.*) завода (мне еще 30 лет не исполнилось). С этого момента я попал в круг актива, в тесную группу посвященных людей, где по-своему анализировали обстановку в стране на основе доступной нам, обширной, нежели для рядовых людей, информации, действий ее руководства, которому мое поколение продолжало слепо верить»²³. В какой-то момент часть из таких людей вынуждена была становиться парторгами. Это происходило по разным обстоятельствам, в том числе по требованию местных партийных органов, «приглядевших» их себе в качестве потенциальных сотрудников, но желавших, чтобы они прошли через эту работу. В некоторых случаях в качестве такого органа выступал даже ЦК КПСС. Например, сотрудник Отдела транспорта и связи Петр Павлюк в 1972 г. в 30 лет, имея 8 лет партийного стажа и опыт работы в партбюро института (еще когда он был в нем студентом), стал парторгом Министерства автомобильной промышленности РСФСР, придя на этот пост с позиции начальника оперативного отдела министерства²⁴. Далек не всегда деятельность в

²² Из интервью с В. Сентюшкиным.

²³ Нуждин Л.Г. Долгих Владимир Иванович. Человек-легенда. М., 2011. С. 53.

²⁴ См. интервью с П. Павлюком.

качестве парторга приводила к тому, что человек оставлял свой производственный или учрежденческий пост. Наоборот, интервьюеры в некоторых случаях рассказывают, что они оговаривали сохранение за ними работы и зарплаты, а полагающуюся парторгу зарплату за организационную деятельность получал технический работник (заместитель парторга, инспектор), который занимался сбором партийных взносов, отчетностью и т. д. Заведующий сектором Отдела науки Семен Хромов, заместитель секретаря парткома МГУ в 1956–1958, 1965–1966 гг., так отвечал на вопрос о процессе его избрания в этот орган: «–Кто-то, может, где-то слышал мое выступление на кафедре, что бойко говорит, стойкий товарищ. Меня пригласил прежний секретарь парткома – Андрееenko. Это доцент биофака. Он как раз сдавал свои дела в парткоме и, видимо, ему поручили подобрать возможный коллектив на будущее. Он говорит: “Мы имеем в виду вас рекомендовать в состав парткома МГУ”. А партком – 25 человек. Я говорю: “Если вы считаете нужным, возражать не имею права”. Так меня избрали в состав парткома. Партком собрался – надо бюро парткома избрать, т. е. более узкий состав, там 9 человек. Избрали меня в бюро. А затем есть предложение товарища Хромова избрать замом секретаря по агитации и пропаганде и идеологической работе. Тогда голосование было открытым. В состав парткома закрытое голосование было, а уже внутри парткома тайного голосования не было. Доверяли друг другу. Так что стал заместителем. А это как раз должность освобожденная, утверждается райкомом партии. И даже оплата была нам. Я вынужден был перейти на полставки на кафедре работать и уже на полную ставку в парткоме МГУ. Деньги платили в райкоме партии. Ездили два раза в месяц, наверное, получать зарплату.

– Большая зарплата была?

– Вы знаете, нет – 200 рублей. У меня, у доцента со стажем работы, ставка 320, а там 200 рублей. Значит, я 200 получал плюс полставки – 160. Значит, 360, у меня выигрыш был на 40 рублей. Так что и не захочешь этого. И так я работал два года. Год поработали, отчитались, снова выборы, снова меня избрали. Так я два года отработал, а потом все-таки освободили, потому что я хочу писать докторскую диссертацию, извините, дайте возможность поработать в науке»²⁵.

«Приглашение на партийную работу»

Судя по собранным мною интервью и мемуарам, формирование региональных партийных органов было процессом противоречивым.

²⁵ Из интервью с С. Хромовым.

Для профессиональных сотрудников идеологических институций – в первую очередь, комсомольских и армейских политических работников, лекторов, журналистов, учителей, частично преподавателей вузов (особенно гуманитариев), а также представителей правоохранительных органов (за исключением КГБ), – это был естественный (и нередко желанный) шаг, обеспечивающий интересную работу, хорошее вознаграждение, перспективы восхождения по карьерной лестнице. Поэтому в их воспоминаниях встречаются рассуждения об оказанной им “чести”, сомнениях в том, “достоин ли он работать в этом святом доме”²⁶ и прочие эмоциональные оценки. Точка зрения подавляющего большинства представителей «отраслевых» отделов ЦК КПСС и тех «технарей», которые попали на работу в другие отделы аппарата, на их «приглашение на работу в партийные органы» была, как правило, иной. Они, как правило, рассказывали о весьма жестком прессинге, которому подвергались при приеме на подобную работу, о фактической мобилизации их на нее и очень рационально оценивали плюсы и минусы своего пребывания на ней. Например, о том, как буквально обманом затащили на работу в горком партии, в своих мемуарах подробно рассказывает будущий инструктор Отдела тяжелой промышленности ЦК КПСС Виктор Черномырдин. К моменту попадания на работу в партийный аппарат у него была образцовая советская (и типичная для нашего массива) биография. Сын крестьянина-рабочего (шофера на селе), он окончил училище, работал на заводе, служил в армии, где стал коммунистом.

Вернувшись на свой завод, он вскоре получил предложение учиться по квоте на дневном отделении политехнического института. Затем он вернулся на свой завод и стал там начальником установки, на которой начинал простым рабочим. Был малопьющим. В 29 лет ему предложили возглавить цех, где стояла эта установка. Видимо, в момент прохождения документов через горком партии о нем вспомнил бывший начальник этого же цеха, который с поста парторга завода был взят на пост второго секретаря горкома. Пригласив к себе Черномырдина, он предложил ему стать инструктором промышленно-транспортного отдела горкома. Тот начал энергично отказываться, выдвигая в качестве аргумента то, что он «производственник». За кадром остаются его соображения о зарплате, поскольку на посту начальника цеха она предполагалась в 250 рублей и после периода студенческой бедности (о чем сам Черномырдин говорит прямо) она казалась крайне необходимой для молодой семьи. В горкоме

²⁶ Из интервью с В. Сапрыкиным.

же зарплата была гарантирована более низкая (потом она оказалась 130 рублей).

Второй секретарь, выслушав возражения, сказал, что в принципе с ними согласен, но Черномырдин должен будет их повторить на заседании бюро горкома. Параллельно, скорее всего, был запущен механизм проверки Черномырдина через КГБ, поскольку через несколько дней его неожиданно на работу к себе стала зазывать уже и эта организация. На бюро горкома Черномырдина даже не спросили о его желании идти работать, не дали слова, а лишь в составе списка других кандидатур утвердили в должности инструктора. Через четыре года Черномырдин уже возглавлял свой отдел²⁷. Несмотря на такое начало, Черномырдин оценивает свою работу в нем положительно: «Горком партии был для меня отличной школой. Узнал многое: о взаимодействии предприятий, отраслей, о конкретной работе министерств и ведомств, о том, как верстаются планы и – как они выполняются и корректируются. Бесценный опыт»²⁸. Инструктор Отдела машиностроения ЦК КПСС Александр Коченков так вспоминал об уговорах секретаря парткома Конструкторского бюро общего машиностроения (КБОМ, разработка стартовых комплексов для ракетных установок), в котором он после института не проработал и двух лет, пойти на работу инструктором в Киевский райком партии Москвы. Оно было сделано в 1968 г. после его удачного выступления на заводском митинге по поводу 50-летия создания Красной Армии и его отказа от предложенного дачного участка (что было вызвано его вполне прозаическими расчетами как бывшего деревенского жителя, оторвавшегося от земли и не желавшего к ней возвращаться, но, возможно, в атмосфере дележа, охватившей институт при их распределении, было расценено как проявление нестяжательства): «Я слышал, что у тебя сложное положение с жильем. Так вот, работая в райкоме, ты эту проблему решишь. Во всяком случае, быстрее, чем где-либо еще»²⁹. Коченков на тот момент отвечал всем формальным критериям для подобной работы – имел уже семь лет партийного стажа, окончил МГТУ им. Баумана с красным дипломом, параллельно с основной работой преподавал в техникуме, был строгим человеком, сторонником армейской дисциплины (в армии был три года начальником цеха и комсоргом части), на своей основной работе был на хорошем счету как успешный инженер с дипломами за рацпредложения и в целом был настроен крайне патриотично и позитивно относительно

²⁷ См.: Черномырдин В. Время выбрало нас. М., 2011. С. 62–67.

²⁸ Там же. С. 74.

²⁹ Коченков А. На просторах отчизны и судьбы. М., 2000. С. 557.

но действующей власти. Более того, в отличие от многих представителей этого поколения советских инженеров он был сталинистом и умеренным антисемитом. Однако за всем этим стояло вполне рациональное поведение, о котором он пишет в мемуарах. Выходец из скорее кулацкой, нежели середняцкой семьи, которая удачно вписалась в советскую реальность (отец был председателем крупного колхоза), он с детства привык подрабатывать везде, где можно. За шесть лет до предложения парторга он переселился в Москву и жил с женой, гиперконфликтной тещей и маленьким ребенком в одной комнате коммунальной квартиры. Ради более высокой стипендии он на третьем курсе поменял специальность в вузе и старался максимально хорошо учиться, чтобы оправдать данную ему еще более высокую Ленинскую стипендию, а для подработки он взялся дополнительно за преподавание.

Уповая на перспективу получить квартиру, он пошел работать в КБОМ, отказавшись от предложения остаться в аспирантуре вуза, однако вскоре понял, что сделал не вполне удачный выбор – для получения квартиры на заводе необходимо было, как оказалось, ждать неопределенное количество лет. Перейдя на работу в райком, помимо скорой перспективы получения квартиры³⁰, Коченков получил некоторое увеличение в зарплате (в конструкторском бюро он получал 140 рублей, тут – 150), но лишился всех дополнительных доходов – премий и приработка за счет чтения лекций. Впрочем, набираемый политический вес помогал решать проблемы другими путями. Например, дочь ему хотелось устроить в детсад рядом с домом: «Сад был ведомственный, поначалу ее не брали, но когда я сказал, что работаю в райкоме партии, то вопрос в конце концов решился положительно»³¹. Похожие истории звучат и в свидетельствах других сотрудников ЦК КПСС, пришедших в низовой партийный аппарат из производственной сферы. Сотрудник Отдела строительства Петр Ишутин при переходе в партийные органы на должность инструктора потерял чуть менее половины зарплаты. Правда, зарплата стала прежней, когда его через два года сделали заведующим отделом обкома³².

³⁰ Квартиру он получил в итоге не так быстро, по меркам партийных органов, – через 5 лет (уже работая инструктором в МГК КПСС), но зато большую и в отличном доме в престижном месте.

³¹ Коченков Александр. Указ. соч. С. 559.

³² См. интервью с П. Ишутиним. Аналогично половину зарплаты потерял при переходе на работу в райком партии и Валерий Лепешкин, ранее занимавший пост секретаря парткома крупного завода. См. также интервью с В. Лепешкиным.

Сотрудник Орготдела Анатолий Сенников получал в качестве парторга крупного оборонного завода 3 тыс. рублей (с учетом премий), а после избрания в 1959 г. третьим секретарем огромного (по площади и числу предприятий) Приокского райкома партии г. Горького – 1500 рублями. Даже тот факт, что его через год избрали первым секретарем райкома с 2200 рублями зарплаты (формально равной его номинальной зарплате парторга на заводе), не компенсировало потерь³³. Оплата труда в тяжелой промышленности – добыче природных ресурсов, металлургии и машиностроении, а также на транспорте, в вооруженных силах и КГБ – и снабжение этих сфер материальными ресурсами (через систему заводских столовых, продуктовых столов и заказов, закрытых распродаж товаров) – действительно сильно отличалась в лучшую сторону от зарплаты основной массы рабочих и служащих, включая часть структур власти, например юристов. Так, в своих воспоминаниях сотрудник Отдела административных органов ЦК Владимир Аболенцев пишет о нищенской оплате сотрудников прокуратуры. Старший следователь областной прокуратуры до 1965 г. получал 115 рублей, а рядовые – меньше. Квартирны в руководимой им Тульской областной прокуратуре прокуроры не получали в течение 16 лет³⁴. Вторит ему его коллега по отделу Геннадий Черемных, который в 1963 г., на первом курсе юридического вуза, узнал, что «у юристов очень низкая заработная плата: следователь прокуратуры получал 105 рублей, плюс-минус, судья 120 рублей, председатель районного суда, суда первой инстанции – 140, член областного суда – 150–160 рублей. Нотариус получал 80 рублей, 85 – старший нотариус». Это едва не заставило его прервать учебу и вернуться в горную промышленность³⁵. При этом служащие органов власти, во всяком случае думающие о своей возможной карьере, не могли, в отличие от работников сферы бытового обслуживания (ремонт бытовой техники, автомобилей, пошив индивидуальной одежды, фотоуслуги) и торговли, надеяться найти дополнительное финансирование за счет сферы теневых услуг и черного рынка. Как уже говорилось, совсем по-иному партийная зарплата выглядела для хорошо (по советским меркам) зарабатывающих и занимающих уже немалые должности нефтяников, машиностроителей и профессиональных военных специалистов. Скудная административная работа вдали от любимых ими металлических предметов за вдвое более низкую зарплату (при примерном равенстве доступа к продовольствию и

³³ См. интервью с А. Сенниковым.

³⁴ См.: Аболенцев В. И по совести, и по закону. М., 2007. С. 42.

³⁵ См. интервью с Г. Черемных.

непродовольственным товарам) должна была иметь существенную компенсацию – в виде получения недостижимых иными способами социальных благ (квартира, место в детском саду) или сильных карьерных перспектив в будущем³⁶. Сотрудник Отдела строительства ЦК КПСС Петр Ишутин о своем назначении инструктором отдела строительства Оренбургского обкома в 1967 г., при котором он терял половину зарплаты, сказал: «Мы знали систему работы: обком берет с этой работы и потом выдвигает на более высокую хозяйственную работу. Это как бы трамплин. Мы знали, что в обкоме и кругозор расширяется. В обкоме приходится встречаться с широким кругом самых разных вопросов, масштаб вопросов возрастает. Там не только стройки, но и люди, и с руководителями надо работать. Потом взаимоотношения с министерствами и ведомствами вышестоящими, часто и в Москве приходится бывать. Партийная работа давала много плюсов, но все, кто переходил на партийную работу, теряли в зарплате»³⁷. Заведующий сектором Отдела машиностроения Анатолий Ковин был парторгом управления монтажа в Ижевске и отличился перед райкомом составлением самостоятельного и оригинального плана работы парткома на год: «По прошествии какого-то времени Николай Петрович Требух меня пригласил: “Пойдешь инструктором работать в райком”. Я говорю: “А сколько зарплата?” У меня тогда уже Наташка родилась, двое детей. С садиками плохо было, просто беда. А одну зарплату, а мне уже тогда как замглавному платили 250 рублей, а тут 130. Думаю: “Е-мое, как жить-то? Мало ведь”. – “Ну, мы тебе с садиками поможем, давай”. Чтобы жена пошла работать. У нас была кадровичка в управлении, старая комсомолка, пожилая уже, мудрая женщина. Она говорит: “Толь, в эти органы приглашают один раз. Иди. Не получится – придешь, мы тебя обязательно возьмем сюда, обратно же придешь. Возьмем. А так ты не отказывайся”. Я послушал и пошел»³⁸. Впрочем, и среди гуманитариев не все рвались

³⁶ Один из предшественников автора – И. Земцов – в попытке доказать, что партийная номенклатура в СССР была не только коррумпирована, но и получала самую высокую легальную зарплату в стране использовал в своей книге следующую тактику. Говоря о доходах сотрудников партийного аппарата, он, как минимум, вдвое завышает уровень их зарплат (например, первый секретарь райкома получал у него сразу не то 560 (с. 69), не то 580 (с. 72) рублей), при этом также как минимум в полтора раза занижая доходы «квалифицированных рабочих», которых он противопоставляет «партократам» (160 рублей). См.: Земцов И. Частная жизнь... С. 23–29, 69–73.

³⁷ Из интервью с П. Ишутиним.

³⁸ Из интервью с А. Ковиным. Заведующий сектором Орготдела Алексей Балагуров (поработавший после института 10 лет на шахте) утверждает, что

на работу в партийные органы. Особенно если работа была интересной, а сочетание уровня профессиональной подготовки с занимаемой позицией давало достойный социальный статус и высокую зарплату, потеря которой была неизбежна при переходе на партийную работу. Например, будущий первый заместитель заведующего Отдела пропаганды ЦК партии Василий Захаров, в 1973 г. занимавший пост декана факультета одного из ленинградских институтов, бывший профессором и доктором наук (политэкономистом), попытался отказаться от приглашения стать главой лекторской группы обкома партии по причине одновременной потери интересной ему работы и 40%-ного сокращения зарплаты. Предлагавшая ему работу секретарь обкома партии Зинаида Круглова на его «размышления» о причинах нежелания переходить в обком отреагировала так же, как ее предшественники в 1953 г.: «Вам оказано высокое доверие, а вы начинаете рассуждать, где вам больше нравится работать. Вы коммунист, и куда вас партия призовет, там вы и будете трудиться...»³⁹ Впрочем, Захарову оставили возможность подрабатывать чтением лекций в университете, чем он и занимался несколько лет, пока партийная карьера не вознесла его на пару должностных ступеней выше. Итак, приглашение на работу в партийные органы нередко воспринималось без радости, поскольку вырывало из привычного круга общения, а также для многих, если не для большинства приглашенных, означало потерю в зарплате, не всегда и не полностью компенсируемую доступом к иным благам. Тем не менее приглашенные хорошо понимали, что эта деятельность и временные потери будут со временем компенсированы. Как минимум, после работы в партийных органах они будут иметь возможность занять новую, более высокую должность в той сфере, откуда они пришли⁴⁰. Как максимум – эта работа может дать старт политической карьере.

* * *

Подводя итоги предложенному вниманию читателей исследованию, можно констатировать, что «партийная карьера» для большин-

его взяли секретарем горкома с зарплатой в 180 рублей, тогда как на шахте он получал в среднем 350 рублей в месяц (см. интервью с А. Балагуровым).

³⁹ Захаров В.Г. От Смольного до Правительства СССР. Записки Министра культуры. М., 2010. С. 9–10.

⁴⁰ См. о карьере В. Черномырдина. В случае А. Сенникова его предшественник на посту Первого секретаря райкома КПСС г. Горького при увольнении получил пост директора крупного предприятия (см. интервью с А. Сенниковым).

ства будущих сотрудников аппарата ЦК КПСС не была самоцелью, равно как не могла она быть результатом строгого расчета для возможной точки «низкого старта», на которой находился даже самый успешный выпускник советского вуза 1940–1960-х гг.

Будущая карьера в равной степени зависела от пяти основных факторов: квази-объективных биографических характеристик человека («анкеты»); его собственных способностей, качеств и состояния здоровья; стечения обстоятельств, вызванных потребностями институций, которые могли оказать влияние на судьбу перспективного «кадра»; его собственных меркантильных расчетов (зарплата, возможность получения жилья), определяющих степень сопротивления решениям институций; элементарного «везения». Последнее было важно, поскольку наметившаяся карьера могла быть жестко и кардинально сломлена в силу драматических событий или ситуаций, ответственность за которые могла быть возложена на должностное лицо, реально никак не могущее их предотвратить. Человек с «правильной» биографией («анкетой») и способностями, безусловно, мог рассчитывать на построение серьезной управленческой карьеры, однако, в каком конкретно ведомстве она состоится, так же было делом случая. Именно по этой причине информанты и мемуаристы, чьи биографии находятся в исследуемом массиве, как правило, сменили в своей жизни несколько «серьезных» учреждений, среди которых в разном порядке были партийные, государственные, производственные и отраслевые структуры.

Таким образом, социальное происхождение высшей партийной бюрократии, по всей видимости, не имело принципиальных отличий от высшей бюрократии СССР в целом. Другой вопрос, как сказывался на этих людях опыт, полученный на профессиональной партийной работе, но это уже тема для другой статьи.

Т. Сниегон

ВЛАСТОЛЮБИВЫЕ КОМСОМОЛЬЦЫ. КОНФЛИКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОКОЛЕНИЙ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ РУКОВОДСТВЕ СССР В СЕРЕДИНЕ 1960-х гг.

Темой моей статьи является ситуация в советском руководстве в 1964 г. с точки зрения спекуляций о так называемом комсомольском заговоре середины 1960-х гг., который возник вскоре после прихода к власти Леонида Брежнева.

В то время среди «верхушки» компартии распространялись слухи о том, что в 1964 г. Брежнев был выбран преемником Хрущева только как переходная фигура и что некоторые молодые политики, прежде всего Александр Шелепин и Владимир Семичастный, готовили за его спиной новый государственный переворот. По слухам, они сами рассчитывали стать у руля послехрущевского Советского государства.

Данная статья представляет собой «разработку», являющуюся составной частью моего проекта анализа воспоминаний Владимира Семичастного. Мы встречались с ним лично в 1993–1999 гг., в результате чего возникла совместная книга его воспоминаний «Лубянка – третий этаж». Копию рукописи этой книги я по итогам предварительного обсуждения передал издательству «Вагриус», которое в несколько измененном виде нелегально опубликовало ее в 2002 г. в России под названием «Беспокойное сердце»¹. Мое имя и мое участие в написании книги в русском издании никак не упоминаются. Однако ранее, еще в 1998 г., книга была издана в Праге под названием «Лубянка – третий этаж»². Впрочем, она включила в себя лишь часть того, о чем мы говорили с Семичастным. Мой актуальный проект ориентирован на гораздо более комплексное исследование. Проект финансирует The Swedish Foundation for Humanities and Social Sciences (Шведская ассоциация гуманитарных и общественных наук).

¹ Семичастный В. Беспокойное сердце. М., 2002.

² Semičastný V., Sniegoň T. Lubyanka: III Patro. Praha, 1998.

Как уже было сказано, спекуляции по поводу так называемого комсомольского заговора возникли вскоре после прихода к власти Леонида Брежнева. Ключевой фигурой этих спекуляций стал Александр Шелепин, бывший в то время новым членом Политбюро, а в 1958–1961 гг. – председателем Комитета государственной безопасности (КГБ). Некоторые историки рассматривают данные спекуляции как доказанный факт. Глубинная проверка их подлинности, насколько мне известно, в рамках историографии пока не проводилась, хотя недавно попытку подобной проверки публицистическими методами предпринял журналист Леонид Млечин³.

Никаких бесспорных доказательств, свидетельствующих о подготовке «комсомольского заговора», до настоящего времени не существует, а с учетом логики недемократического характера советской системы того времени с наибольшей вероятностью и не может существовать. Сведения о подготовке государственного переворота, срежиссированного молодым поколением политиков, основаны исключительно на личных свидетельствах нескольких современников, каждый из которых, однако, имел разные причины для подобных утверждений и разную степень доступа к информации о происходящем в высших эшелонах советской власти.

Почему так важно изучать «комсомольский заговор»?

В истории борьбы за власть в руководящих кругах советской политики существуют яркие и в некотором отношении знаковые моменты: столкновение между Сталиным и его конкурентами в начале послеленинского периода, ликвидация Берии и восхождение Никиты Хрущева, сумевшего подняться с позиции аутсайдера на вершину политического Олимпа в первые годы после смерти Сталина. Несмотря на многочисленные отличия, столкновение между Леонидом Брежневым и амбициозными «комсомольцами» с Шелепиным во главе можно поставить в один ряд с указанными эпизодами борьбы за коллективное или единоличное принятие решений на самом верху советской политической пирамиды, когда еще не сложившийся и недостаточно уверенный в себе новый диктатор старался укрепить собственную власть путем нейтрализации или устранения реальных и потенциальных конкурентов. Именно в тот период происходило становление властных структур брежневской эры – этапа советской истории, о котором сразу после распада СССР говорилось как о времени стагнации и застоя и которое в современной России

³ См.: Млечин Л. Шелепин. М., 2009. С. 177–186.

все чаще, не без доли сентиментальности, рассматривается как эпоха стабильности.

Причин для анализа обстоятельств так называемого «комсомольского заговора» в действительности более чем достаточно. Победу Брежнева над «шелепинцами» радикальные критики последних считают победой политики десталинизации над ресталинизацией. При этом в качестве основного аргумента приводится тот факт, что Шелепин и Семичастный в 1960-е гг. возглавляли КГБ, а значит, несомненно должны были придерживаться тех же политических тенденций, что и их знаменитый предшественник – Лаврентий Берия. Однако Шелепин и Семичастный возглавляли КГБ в период десталинизации и в число их задач помимо прочего входило искоренение сталинских практик. Как в таком случае нам следует понимать их связь с десталинизацией и ресталинизацией?

Немаловажное значение имеет и тот факт, что в результате конфликта политических поколений в 1960-х гг. почти на два десятилетия был заморожен процесс обновления кадров в высшем политическом руководстве Советского Союза. Это стало особенно очевидным в 1982–1985 гг., когда один за другим скончались сразу три престарелых, больных и откровенно «перезрелых» вождя Советского государства (Леонид Брежнев, Юрий Андропов, Константин Черненко). Тогда, в ситуации, которая стала уже практически неуправляемой, во главе государства стал значительно более молодой Михаил Горбачев. Таким образом, пребывание у власти Брежнева и узкого круга его приближенных вплоть до смерти генсека послужило в итоге одной из главных причин распада Советского Союза.

Наконец, необходимо отметить, что, по словам российского историка Рудольфа Пихои, середина 1960-х гг. является наименее исследованным периодом в истории СССР⁴.

Главная роль – Шелепина?

Некоторые косвенные доказательства, на которые опирается данное утверждение, вызывают большие вопросы. Я имею в виду прежде всего высказывание о детстве Шелепина, согласно которому он, еще будучи ребенком, где-то после Первой мировой войны и Октябрьской революции говорил, что хотел бы стать вождем, когда вырастет⁵. Использовать это утверждение как бесспорное доказательство

⁴ См.: Пихоя Р. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. М., 2007. С. 483.

⁵ См., напр.: Тельман И. Он с детских лет мечтал стать вождем. Неудовлетворенные амбиции «Железного Шурика». URL: <http://www.kontinent.org/article.php?aid=48c099b22bf2d>

особенного властолюбия Шелепина, проявившегося в середине 1960-х гг., по-моему, просто абсурдно. В высшее советское руководство те, кто не стремился к власти, попасть де-факто вообще не могли.

В качестве подтверждения властных амбиций Шелепина используется также его прозвище «Железный Шурик», которое, как и предыдущий аргумент, призвано доказать, что ради власти он был способен на все. Как и почему на самом деле возникло это прозвище, мне так и не удалось установить. Не знал об этом и Владимир Семичастный (сам Шелепин мне в разговоре отказал). По словам Семичастного, «Железным Шуриком» Шелепина впервые назвал Александр Солженицын. Также Семичастный отмечал, что прозвище отражало строгую требовательность к порядку и характеризовало его как человека в некотором роде спартанского склада, в чем-то напоминающего Феликса Дзержинского⁶. По моему мнению, однако, использование прозвища как доказательства совсем не достаточно, хотя нельзя исключить, что его происхождение связано как с качествами самого Шелепина, так и с общим культурно-политическим контекстом конца 1950-х гг., о чем я сейчас скажу подробнее.

Шелепин, а вместе с ним и его друг Семичастный попали в сферу высшей государственной и партийной власти благодаря Хрущеву – после устранения из большой политики Молотова, Маленкова и Кагановича в период, когда Хрущев пытался вытеснить Сталина и Берию из истории Советского государства и коммунистической партии. Суть этого стремления заключалась, как известно, в том, чтобы представить себя продолжателем дела Ленина, а не Сталина.

В структурах госбезопасности реанимации культа Ленина соответствовала реанимация культа «честной и справедливой ЧК» и ее основателя Феликса Дзержинского⁷. Наиболее явственным, хотя далеко не единственным, проявлением данной тенденции стала установка памятника Дзержинскому перед зданием КГБ на Лубянке.

Несколько слов об упомянутой мною возможной связи между прозвищами Дзержинского и Шелепина – «железных» руководителей ЧК и КГБ, связи, которая вовсе не обязательно как-то сопряжена с более поздними политическими амбициями Шелепина. Торжественное открытие памятника перед главным зданием КГБ состоялось 20 декабря 1958 г. Александр Шелепин был официально назначен на должность председателя КГБ после снятия Ивана Серова 25 декабря

⁶ Из моего интервью с Владимиром Ефимовичем Семичастным. 02.03.1994.

⁷ Подробнее см.: Fedor J. Russia and the Cult of State Security: The Chekist Tradition, from Lenin to Putin. Abingdon, 2011.

1958 г. Таким образом, «Железный Феликс» на Лубянке появился всего на пять дней раньше «Железного Шурика»...

Не связано ли с этим возникновение прозвища Шелепина? Еще одним основанием его происхождения могли послужить и решительные действия Шелепина по десталинизации КГБ.

К глубинному смыслу нарратива

Ввиду этого наибольшее внимание я хотел бы уделить *смыслу нарратива* о раскрытой подготовке «комсомольского заговора». Более глубокая логика нарратива разделяет и поляризует тогдашнее руководство коммунистической партии по трем направлениям: противопоставляются фигуры Леонида Брежнева и Александра Шелепина, два поколения политиков, и, в некотором достаточно существенном отношении, противопоставляются компартия и КГБ. Во всех этих контекстах с Шелепиным, Семичастным и другими «комсомольцами» и сотрудниками КГБ связываются причины конфликта и негативные проявления, в то время как Брежнев и его сторонники представлены как жертвы, которые всего лишь обороняются от конспиративных планов молодых конкурентов и защищают тем самым порядок в Советском государстве. Акцент делается на различиях между данными группами в ущерб сходству между ними.

«Заговорщики» Шелепин и Семичастный – это бывшие председатели Комсомола (ВЛКСМ): Шелепин – в 1952–1958 гг., Семичастный – сразу за ним, в 1958–1959-х. В этом отношении они, разумеется, представляли иное поколение, нежели Брежнев и его соратники. Достаточно, впрочем, посмотреть на возрастной состав группы, которая в 1964 г. принимала участие в отстранении от власти Никиты Хрущева, чтобы понять, что «комсомольцы» были определенно в меньшинстве и не имели однозначных сторонников из числа «старших», готовых поддержать их в противостоянии новому вождю Брежневу. Но для свержения Брежнева такие сторонники им были необходимы.

В октябре 1964 г. Шелепину, который не был еще не только членом, но даже кандидатом в члены Политбюро, было 46 лет, Семичастному, всего лишь депутату Верховного Совета, – 40. Оба они были политическими воспитанниками Хрущева и могли рассчитывать на продолжение своей успешной политической карьеры в случае, если Хрущев останется у власти. Против них стояли значительно более опытные представители брежневского поколения: кроме самого 58-летнего Брежнева, можно назвать в первую очередь Н. Подгорного (61 год), М. Суслова (62 года), А. Косыгина (60 лет) и др.

Зачем этим людям, включая Алексея Косыгина, могло понадобиться снова смешивать карты в политическом руководстве и ставить

себя в нестабильное положение? Были ли они заинтересованы в том, чтобы им на смену пришли молодые политики? Логика поддержки смены поколений в случае Никиты Хрущева очевидна: после 1958 г. Хрущев выдвинул Шелепина и Семичастного, чтобы они устранили его политических конкурентов-сверстников, тогда из политики выдавили К. Жукова, В. Молотова, Г. Маленкова, Л. Кагановича и др. Брежнев и его сверстники, напротив, нуждались в противоположном – сопротивляться приходу нового поколения для сохранения собственной власти, что им в конечном итоге удавалось вплоть до Горбачева.

Брежнев был первым советским вождем, которому не нужно было в борьбе за власть опасаться своих сверстников – будь то товарищей по революции, как Сталину, либо постсталинистов, как Хрущеву. Угрозу Брежнев видел прежде всего в молодом поколении. Повод к этому дал ему, однако, скорее Хрущев в последние годы своего пребывания в Кремле, нежели сами Шелепин и Семичастный. Хрущев держал некоторых «старых» членов Политбюро в подвешенном состоянии и постоянно напоминал им о необходимости прихода на их места нового поколения. В то же время Шелепина, не входившего в верхушку КПСС, он повысил до руководителя влиятельного Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС (КПГК). Однако, несмотря на это, в ходе октябрьского пленума 1964 г. Шелепин и Семичастный выступили на стороне Брежнева, а не Хрущева.

Вызывает вопросы и аргумент Александра Солженицына о том, что бывший глава КГБ Шелепин и его преемник Семичастный готовили возврат к сталинизму в новой форме неосталинизма⁸. Ряд прямых и косвенных сведений указывает на то, что отношение Шелепина и до некоторой степени Семичастного, к Сталину не было однозначным. Но это ни в коей мере не доказывает, что они стремились к подобной форме власти, как у Сталина.

В период их руководства на рубеже 1950–1960-х гг. КГБ парадоксальным образом был наиболее либеральным в своей истории. В наших разговорах Семичастный неоднократно подчеркивал, что шокирующие документальные свидетельства о бесчеловечных репрессиях против невинных людей, о которых он узнал на Лубянке, для его психики были убийственны. Этим я, разумеется, не хочу оправдывать или снижать градус догматической стороны деятельности Шелепина и Семичастного. Но все же подобные обвинения не помогут понять политику брежневского руководства в первые годы после его прихода к власти.

⁸ См.: Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Р., 1975. С. 112.

Самого Брежнева никак нельзя назвать последовательным анти-сталинистом, и в этом отношении, так же как и в вопросе властолюбия, между ним и Шелепиным есть много общего. Высказывания Солженицына, особенно в отношении Шелепина, я воспринимаю скорее как понятную критику в адрес всего КГБ, нежели как критику, основанную на знании конкретных планов отдельных членов руководства страны.

Властолюбие Брежнева

В наиболее распространенной форме нарратива о «комсомольском заговоре» властолюбие комсомольцев обычно представляется как причина, а брежневская «защита» от Шелепина и К^о – как следствие. Хронология событий, однако, свидетельствует о том, что ситуация могла развиваться иначе. Сначала Брежнев оценил заслуги Шелепина в отстранении Хрущева и повысил его статус до Политбюро, причем минуя статус кандидата в члены Политбюро. Однако уже в конце 1965 г., когда слухи о «комсомольском заговоре» еще не поползли по Москве, он снял его с руководства КПГК. Более того, он распустил весь комитет, показав тем самым, что проблема заключается не лично в Шелепине, а в существовании сильного контрольного органа как такового. Таким образом, речь шла о контроле первого лица государства и партии над силами безопасности, и прежде всего КГБ. Этот контроль имел ключевое значение для Брежнева и, в принципе, не был связан с тем, что он лично думал о Семичастном и Шелепине.

Новый и пока не закрепившийся в новом ранге Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев получил большой опыт в области внутривластных интриг, когда вместе с руководством СССР участвовал в ликвидации Берии, изгнании Жукова вместе с антипартийной группой из центральной власти, и, наконец, в отстранении от власти самого Хрущева. Брежнев прекрасно знал, насколько важную роль в этих конфликтах сыграл КГБ. При этом КГБ и его предшественники всегда подчинялись вождю, которому председатели этих структур должны были быть благодарны за предоставленную им власть.

Никита Хрущев спас Ивана Серова, который помог ему прийти к власти, от последствий процесса десталинизации. В случае Шелепина и Семичастного первоначально было еще более очевидно, что они перед Хрущевым в долгу.

В октябре 1964 г. Брежнев оказался, однако, в иной ситуации. Внезапно стало ясно, что это он должен быть благодарен другим за свою власть, а именно – двум председателям КГБ, ни один из которых

ранее не попал во власть благодаря ему. Для укрепления собственного положения Брежневу нужен был контроль над КГБ не просто за счет «своего» человека во главе комитета, но и за счет ослабления позиций КГБ при помощи частично конкурирующего МВД. В этом случае страх по поводу возврата сталинских порядков мог служить скорее ширмой, нежели причиной действий Брежнева.

Лишенное логики свидетельство Микояна

На данный момент наиболее однозначное утверждение о подготовке «комсомольского заговора» приводится в воспоминаниях Анастаса Микояна⁹. К Микояну якобы напрямую обратились представители «группы Шелепина», с тем чтобы он официально «закрыл» борьбу ее членов против Брежнева по линии партии. Микоян не называет имен участников, он лишь сообщает, что они вышли на него через его младшего сына и что он отказался поддержать данную инициативу. В утверждении Микояна я, однако, не вижу достаточной логики для данного поступка.

Шелепин и Семичастный прекрасно понимали, что первое лицо государства нельзя сместить силами одной структуры – необходимо взаимодействие высоких постов в партии, армии и КГБ. Даже если в период, когда произошла предположительная встреча с Микояном, то есть в начале 1967 г., КГБ находился все еще под их контролем, министры обороны – Малиновский или его преемник Гречко – к их поколению не относились, а в Политбюро на поддержку большинства рассчитывать они вообще никак не могли. Микоян уже не был членом Политбюро. Более того, Семичастный говорил о Микояне как о человеке с нетвердым характером, который не был лоялен даже Хрущеву, так как, глядя ему в глаза, отрицал информацию о смещении последнего, хотя знал об этом заранее.

Зачем в таком случае опытные руководители КГБ Шелепин и Семичастный стали бы доверять свою судьбу именно Микояну, если оба они прекрасно знали, что в случае разоблачения радикальных действий их ожидало бы законное наказание?

Какие мотивы двигали Брежневым и Семичастным?

Исходя из информации, которой я владею на сегодняшний день, полагаю, что спекуляции о «комсомольском заговоре» не соответствуют действительности. Также я скептически отношусь к интерпре-

⁹ См.: Микоян А. Так было. М., 1999.

тации столкновения поколений в советском руководстве как битвы «добра» со «злом», кто бы ни включался в конкретную группу. Это не исключает существования большого скепсиса в отношении Брежнева в среде молодых политиков, а также столкновений между конкретными политиками и их сторонниками. Конфликты, которые к настоящему времени описаны и обнародованы, не носят исключительно черно-белого характера и свидетельствуют скорее не о какой-то «подпольной» антибрежневской коалиции, а о неспособности Брежнева воспринимать критику, а также различать критику личностную и структурную, касающуюся недостатков советской системы.

Однако, как мною установлено к данному моменту, в значительной степени подтверждаются слова Семичастного о том, что Брежнев извлек урок из ошибок Хрущева: Хрущев привел к власти молодых политиков, которые, хотя и были преданы Хрущеву, в долгосрочной перспективе его не рассматривали. Ввиду этого Брежнев окружил себя теми, кто был ему значительно ближе, в том числе с точки зрения возраста. Вначале он не мог себе позволить провести радикальные перестановки на ключевых партийных местах, так как позиции Косыгина, Подгорного и Суслова были слишком сильны. Тем более что ему был необходим сильный и надежный контроль над КГБ, осуществление которого было осложнено вскоре после прихода Брежнева неожиданной и трагической смертью его соратника в области госбезопасности Николая Миронова.

Впрочем, Семичастный так и не объяснил в полной мере, какого будущего он сам ожидал для себя под руководством Брежнева, когда их пути стали расходиться. Примерно через полгода после октябрьского пленума он якобы получил от Брежнева первое предложение «перейти в его дружину», которое он понял в том смысле, что для Брежнева важно прежде всего освободить пост председателя КГБ для кого-то другого. Постепенно Семичастный начал спорить с Брежневым по ряду вопросов, зная при этом, что глава КГБ должен быть предан генсеку, иначе его уберут.

Он отказывался оставить пост председателя КГБ, но при этом все больше отдалялся от главы государства. Был ли Семичастный настолько наивен, что думал, будто так поможет удержать Брежнева под контролем или в конечном итоге его изменить? Может, он действительно верил в то, что Брежнев падет быстрее, чем он сам.

С. Грибкаускас

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ВТОРЫХ СЕКРЕТАРЕЙ В РЕСПУБЛИКАХ СССР

«Империалист» – Второй секретарь?

Понятие советского партийного функционера в ранге второго секретаря зачастую увязывается с такими понятиями, как «советская империя» и ее «генерал-губернатор».

Что же делало существование второго секретаря и этого политического института «имперским»? Как могло случиться, что приехавший в советскую республику единственный «империалист», по существу, менял в ней ситуацию? Как он, будучи один, без команды, сумел приобрести функцию влияния и контроля ситуации в республике, которая носила в себе много не только экономических и социальных, но и сложных этнических и национальных проблем?

Ответ на эти вопросы кроется в роли второго секретаря как в институциональной структуре власти, так и в партийном дискурсе – в этом «деревянном языке»¹ партийных постановлений, который за трафаретными и скучными фразами носил все-таки важные понятия для советского политического и бюрократического пространства.

Долгая «стажировка» второго секретаря в аппарате ЦК КПСС перед его назначением в республику воспитывала в нем не только способность понять волю центра, но и умение найти дискурсивные моменты, которых можно было предложить центру как примеры. Знание партийного дискурса и умение его интерпретировать позволял второму секретарю «дешифровать» значение и смысл решений центра, помочь их ретранслировать локальной номенклатуре и следить за их исполнением.

Вместе с тем разумный и опытный второй секретарь не старался конкурировать с первым секретарем, а должен был себя вести как

¹ О понятии «деревянный язык» и советском идеологическом дискурсе см.: Humphrey C. *The Creative Bureaucrat: Conflicts in the Production of Soviet Communist Party Discourse* // Inner Asia. 2008. Vol. 10. P. 5–35.

«младший партнер», поддерживать первого секретаря, даже браться за непопулярные функции, например быть главным наказующим в республиканской номенклатуре, своеобразным «погонялой»², тем самым позволяя «обвиняемым» обратиться и получить поддержку или понятливое сожаление от «заботливого хозяина» – первого секретаря.

На институт вторых секретарей можно смотреть из нескольких перспектив. В историографии бывших советских республик преобладают утверждения, что система вторых секретарей происходила из-за недоверия Москвы местным кадрам, оценки вторых секретарей как особых посланников Москвы и ее резидентов³. Такой взгляд свойствен так называемому тоталитарному подходу в изучении советской системы.

Но можно взглянуть на деятельность вторых секретарей и с другой стороны и оценивать этот политический институт как результат элементарного движения кадров в политическом пространстве СССР, карьере и бюрократическую ротацию: функционер, поработавший в центре и получивший определенный опыт, направлялся в провинцию.

Можно также утверждать о наличии своеобразного переплетения обоих этих взглядов и усмотреть в институте вторых секретарей определенное сочетание кадровой и национальной политики. Система вторых секретарей складывалась не из-за недоверия местными кадрами, а, наоборот, из-за поддержки Москвы титульной номенклатуры, политики коренизации.

Местные кадры продвигались в карьере, в то время как работники других национальностей, приехавшие в республику, были ограничены в возможности занять первые посты власти. Такое правило ввел Л. Берия во время своего короткого правления в 1953 г.⁴, а укоренилось оно в эпоху Н.С. Хрущева. Это значило, что приехавший в национальную республику второй секретарь не мог реализовать свои элементарные потребности и амбицию – стать первым секретарем, на что мог надеяться второй секретарь обкома в России. Таким образом, порядок назначения вторых секретарей был установлен не из-за недоверия местным партийным чиновникам, а, скорее, вследствие до-

² Интервью С. Грибкаускаса с бывшим Вторым секретарем ЦК КП Латвии (1986–1990 гг.) В.П. Соболевым. 14.04.2014.

³ См., напр.: Anušauskas A., Tininis V. Lietuva 1947–1990 metais: okupuotos Lietuvos istorija. Вильнюс, 2007. С. 491.

⁴ Smith J. Red Nations. The Nationalities Experience in and after USSR. Cambridge Univ. press. 2013. P. 192.

верия функционерам из центра, обладавшим бюрократической мобильностью и служившим проводниками советской национальной политики.

Три этапа и география становления института вторых секретарей

Институт вторых секретарей являлся новой формой партийного контроля над периферией. В упорядочении этого контроля мы можем видеть определенное развитие, которое раскрывает рост доверия центра локальной номенклатуре на пути углубления советизации. Самую жесткую форму контроля осуществлял уполномоченный ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров.

За ним следовало бюро ЦК ВКП(б) отдельных республик или их региональных групп, которые хотя и были логическим продолжением института уполномоченного, но все-таки членами этих бюро были уже и местные руководители⁵. Заменивший их институт вторых секретарей был еще более намеренной формой контроля за местной номенклатурой по сравнению с их предшественниками.

Второй секретарь был как бы послом ЦК КПСС в республике, инкрустированный в ее руководство, который должен был не только следить за действиями местных, но и вместе с ними решать локальные проблемы, разъясняя им смысл решений центра.

В сущности, мы можем определить три стратегии поведения второго секретаря в республике: 1) быть строгим представителем центра; 2) быть локализованным вторым секретарем или 3) держаться умеренной позиции между двумя этими – быть «сбалансированным» вторым секретарем. Стратегия и поведение второго секретаря зависели и от общей кадровой политики Москвы. Скажем, во время хрущевских инициатив и быстрой ротации вторых секретарей целесообразнее было крепко держаться линии центра, тогда как во время брежневской стагнации второй секретарь как бы подталкивался в сторону локализации.

Кем был второй секретарь перед его назначением – заведующим сектором Отдела оргпартиработы ЦК КПСС⁶ или его инспектором –

⁵ Историк Елена Зубкова точно раскрыла эволюцию от института уполномоченного до бюро. См.: Зубкова Е. Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 140–142.

⁶ Упомянутый отдел через некоторое время поменял свое название, пережил немало реструктуризаций. С 10.07.1948 он назывался Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) (с 1952 г. –

тоже играло не второстепенную роль. Имеющие опыт работы инспектора, как правило, вели себя тверже по отношению местничеству в республике, тогда как заведующие секторами были склонны понять и более гибко идти навстречу интересам республиканской номенклатуры.

С 1955 по 1991 г. были назначены 83 вторых секретаря ЦК компартий в 12 республиках⁷, из них Москвой были присланы не менее 37 функционеров, которые перед тем работали в Отделе оргпартрботы ЦК КПСС. Из последних инспекторами ранее работали не менее 13, а заведующими сектором – не менее 10. За редкими исключениями, как правило, заведующие секторами посылались в «свои» республики, то есть за которыми они присматривали, работая в центральном аппарате компартии.

Становление института вторых секретарей начался в конце 1955 г. с назначения Д. Яковлева на пост в Азербайджане и закончился внедрением этого института в 1979 г. уже в другой Закавказской республике – в Армении. За это время вторые секретари как бы окружили все советское политическое пространство, не прикасаясь только к ее сердцевине – России, Украине и Белоруссии.

Начало работы вторых секретарей в отдельных республиках не совпадает по времени. Например, в Прибалтийских республиках – Латвии и Литве – мы видим присланных, а не местных вторых секретарей уже с начала 1956 г., а в соседней Эстонии русский эстонец Л. Ленцман и заменивший его Артур Вадер работали вторыми секретарями до начала 1970-х. По мнению авторов, изучающих историю советской Эстонии, Москва так сильно доверяла русским эстонцам, что позволяла им даже занимать места, отведенные функционерам из России⁸.

Не ясно, почему и как эстонцы из России сумели так долго продержаться на посту вторых секретарей, потому что поздней осенью 1956 г., когда начались массовые протесты, аппарат ЦК КПСС предлагал руководству оставить Л. Ленцмана только на посту секретаря по идеологии, а на освободившийся пост второго секретаря прислать

КПСС). 28.05.1954 отдел был разделен на два отдела: Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР и Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. С 06.06.1965 эти два отдела были вновь соединены в Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС. Здесь и далее – Отдел оргпартрботы ЦК КПСС. Подробнее см.: URL: http://www.knowbysight.info/2_kpss/04295.asp

⁷ За исключением России, Украины и Белоруссии, в отношении которых институт вторых секретарей не был применен.

⁸ Taagepera R. Estonia. Return to Independence. Westview Press, 1993. P. 99.

функционера из центра⁹. Это политическое выживание Ленцмана может подтвердить только тезис, что при наличии националистических протестов центр не торопился менять руководство республики или делать большие интервенции в управлении республики, потому что местная номенклатура ценилась Москвой из-за ее способности урегулировать конфликты и подавлять экспрессию политического национализма¹⁰.

Конкретно в этом, эстонском, случае направление представителя центра на пост второго секретаря мог лишь усугубить напряжение и подтвердить участникам протестов, что Эстонией уже управляют не только русские эстонцы, но и присланные «генерал-губернаторы» русские. Только в 1971 г. вторым секретарем в Эстонии стал присланный Константин Лебедев, который до того работал заведующим сектором Белоруссии и Прибалтийских республик Отдела оргпарработы ЦК КПСС.

Армения была последней республикой, в которой был внедрен институт вторых секретарей. Здесь только в 1979 г. вторым секретарем был назначен Геннадий Андреев. Так что начиная с указанного года можно было видеть полный состав вторых секретарей во всех национальных республиках, в которых, за исключением России, Украины и Белоруссии, на постах вторых секретарей резидировали представители Москвы.

Но и эта дата является условной, потому что начиная с 1975 г. в Казахстан уже не посылались вторые секретари – наверное, в этом отсутствовала необходимость, поскольку после проведения интенсивной кампании освоения целины и индустриализации национальный состав республики поменялся и, более того, руководитель республики Динмухамед Кунаев был близким «клиентом» Леонида Брежнева.

В 1987 г. в первые за послесталинское время в Белоруссию вторым секретарем был прислан представитель центра Николай Игрунов. Как вспоминает бывший заведующий сектором Белоруссии и Прибалтийских республик центрального аппарата компартии Виталий Соболев, Егор Лигачев намеревался внедрить институт вторых секретарей не только в Белоруссии, но и в Украине, но это сделать ему не

⁹ Записка В. Снастина и М. Гаврилова в ЦК КПСС от 26.11.1956 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 3. Л. 92.

¹⁰ См.: Grybkauskas S. Antisovietiniai protestai ir nomenklatūros partikuliarizmas. Sąveikos poveikis lietuviško nacionalizmo kaitai // Laurinavičius Č., Grybkauskas S. [и др.] Epochas jungiantis nacionalizmas: tautos (de)konstravimas tarpukario, sovietmečio ir posovietmečio Lietuvoje. Vilnius, 2013. P. 263–265.

удалось и вторым секретарем в Украине остался местный функционер¹¹. Во время горбачевского правления институт вторых секретарей начал распадаться: на их посты назначались не только русские, украинцы и белорусы, но и, например, молдаванин Петру Лучински, а первым секретарем Казахстана в 1986 г. – Геннадий Колбин, что «разрушало» свойственную институту вторых секретарей комбинацию, в соответствии с которой первым секретарем должен был быть работник местной национальности, а вторым – присланный из Москвы.

В 1955–1956 гг. присланные вторые секретари были утверждены в Азербайджане, Грузии, Литве и Латвии, а следующая волна назначения представителей Москвы началась в конце 1950-х. Символично, что этот новый этап назначений «открыл» Федор Титов, который в сталинское время работал вторым секретарем в Латвии, а теперь, в 1959 г., он прибыл в Узбекистан. Тогда же в Туркмению был направлен Михаил Пименов, который перед этим работал в ЦК КПСС заведующим сектором Украины и Молдавии.

В следующем году представителем центра был назначен Николай Родионов, который приехал в другую крупную Среднеазиатскую республику – в Казахстан. Родионов перед тем не работал в Отделе оргпартабл работы ЦК КПСС: он был из так называемой Ленинградской школы и занимал пост первого секретаря горкома партии Ленинграда. Но еще за год до этого назначения в Казахстан был направлен, правда, на меньшую должность – на пост первого секретаря обкома, бывший заведующий сектором оргпартабл работы ЦК КПСС Виктор Макаров.

Инспектора ЦК КПСС Иван Ковал и Михаил Гаврилов были назначены вторыми секретарями в другие республики Средней Азии – в Таджикистан и Киргизию. Опыт работы в центральном аппарате компартии позволил им получить хорошие знания не только об этом регионе, но и о Прибалтийских республиках. М. Гаврилов в 1956 г. работал заведующим сектором Белоруссии и Прибалтийских республик и готовил критические заметки руководству ЦК КПСС в отношении деятельности местной номенклатуры¹². Украинец И. Коваль тоже контролировал литовскую номенклатуру – он проверял, как исполняется постановление ЦК КПСС 1959 г. о работе Литовской компартии с кадрами.

¹¹ Интервью С. Грибкаускаса с В.П. Соболевым...

¹² См. Записку М. Гаврилова в ЦК КПСС от 27.11.1956: Grybkauskas S., Lietuviškoji nomenklatūra 1956–1990 metais: tarp sovietinės sistemos ir neformalių praktikų. Vilnius, 2016. P. 41–50.

Институт вторых секретарей в Таджикистане был введен в 1959 г. на основе заключаемого контракта между центром и республикой. Отдел оргпартрabоты ЦК КПСС использовал разногласия внутри руководства республики, а инструктор ЦК КПСС Александр Жихорь критиковал и «нажимал» на первого секретаря Таджикистана Турсуна Улджабаева. Последний требовал от центра, чтобы его конкурент в республике Джабар Расулов не был назначен вторым секретарем¹³. Улджабаев согласился, чтобы на этот пост был бы назначен функционер из центра, а не местный претендент. Казалось бы, договоренность с Отделом оргпартрabоты ЦК КПСС была достигнута, но это было кратковременной победой – уже в 1961 г. первым секретарем республики стал Д. Расулов.

В 1961 г. институт вторых секретарей был введен и в Молдавии. Иван Бодюл был назначен первым секретарем, а вторым секретарем вместо него стал уже не местный, а присланный из центра функционер Николай Мельников. Он приобрел большой опыт работы в аппарате ЦК КПСС – инструктором он стал еще в 1949 г., позднее работал заведующим сектором, и, наконец, заведующим отделом легкой промышленности ЦК КПСС.

Назначению вторым секретарем в Молдавии работника не Отдела оргпартрabоты ЦК КПСС, а одного из промышленных отделов могло способствовать две причины. Прежде всего, экономика республики была ориентирована на легкую и пищевую отрасли промышленности, поэтому опыт Мельникова пригодился новому первому секретарю И. Бодюлу. Другой не менее важной причиной могло быть отсутствие у Москвы после интенсивных назначений вторых секретарей в республиках Средней Азии подходящих «орговиков» – заведующих секторами и инспекторов, которые могли претендовать на пост второго секретаря.

Как уже отмечалось, заведующий сектором Украины и Молдавии М. Пименов уже перед этим был направлен вторым секретарем в Туркмению, а заменивший его новый заведующий сектором еще не был готов занять новый пост в республике. При этом срочное внедрение института вторых секретарей в Среднюю Азию потребовал назначения как заведующих названными секторами этих республик, так и других секторов, а также инспекторов. Поэтому можно говорить, что 1959–1961 гг. были важным периодом не только внедрения института вторых секретарей, но и обновления Отдела оргпартрabоты новыми работниками. Сюда должны были быть рекрутированы новые

¹³ Записка В. Макарова и А. Жихорь в ЦК КПСС. Апр. 1959 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 122. Л. 44–47.

люди из городских комитетов и обкомов России, а также возвращены обратно в Москву партийные работники из Казахстана, которые исполняли так свои функции по проведению в кампании освоения целинных земель. Этим людям нужно было еще вырастить до будущих вторых секретарей.

За эти три года институт вторых секретарей был учрежден в шести советских республиках – во всех Среднеазиатских республиках и в Молдавии. Такого рода «помощи» из центра пока удалось избежать в этот момент Эстонии и Армении. Может возникнуть вопрос, почему три года задерживался процесс внедрения этого института – почему после Азербайджана, Литвы, Латвии и Грузии центр сразу же не взялся за республики Средней Азии? Наверное, причиной такой задержки стали внутривластные тенденции в СССР. Аппарат ЦК КПСС не мог не обратить своего внимания на происходящие процессы, он должен был реагировать и выполнять указания руководства. Как раз в конце 1950-х гг. Никита Хрущев достиг пика своей власти. В 1957 г. возник конфликт в высшем руководстве СССР, впоследствии которого Хрущев победил так называемую антипартийную группу, представленную В. Молотовым, Л. Кагановичем и другими влиятельными членами и кандидатами в члены Президиума ЦК КПСС. В борьбе за политическую власть Хрущеву очень помогла номенклатура из регионов и республик СССР, которая на созванном пленуме его поддержала. Понятно, что по этой причине Хрущев не мог сразу взяться за проведение твердой политики против номенклатуры республик. Если еще в 1956 г. была очевидна категоричность записок Отдела оргпарторганизации ЦК КПСС в отношении руководства республик, то в 1957 и в 1958 гг. в них чувствуется ослабленный тон.

Но уже в 1959 г. инспектора ЦК КПСС и созданные аппаратом бригады стали направляться в Прибалтийские и Закавказские республики и в Среднюю Азию, которые искали причины возникших национальных проблем и факты неповиновения или местничества среди локальной номенклатуры. В том же году стали проводиться чистки руководства Латвии и Азербайджана, а в отношении Литвы и Киргизии были приняты постановления ЦК КПСС о работе в этих республиках с кадрами, сюда направлялись бригады ЦК КПСС, проверкой занимались и отдельные инспектора центра. Например, в Латвию был отправлен секретарь ЦК КПСС Н. Мухитдинов и инспектор И. Коваль, в Азербайджан – заместитель заведующего Отделом оргпарторганизации И. Шикин, бригада ЦК КПСС проводила проверку в Вильнюсе.

Немало внимания от аппарата ЦК КПСС потребовали и проводившиеся в то время реформы. Одной из таких крупных перемен стало создание системы совнархозов. Переход к территориальному

принципу управления промышленностью позволил республиканским номенклатурам сосредоточить больше влияния в своих руках. Эти перемены потребовали значительных административных ресурсов от центрального аппарата компартии, в том числе и от советских республик, в рамках работы Отдела оргпартроты. Например, в марте 1957 г. этим отделом была подготовлена объемная справка руководству ЦК КПСС с обобщением ситуации в республиках и ходе экономических преобразований¹⁴.

Одна из важнейших причин такого «опаздывания» с внедрением института вторых секретарей в республиках Средней Азии и Молдавии происходило синхронное назначение вторых секретарей с заменой руководителей республик. Данный институт учреждался не просто в целях направления функционера из Москвы, но и в качестве меры для устранения имевшихся в руководстве республик ошибок и злоупотреблений. Так, в Узбекистане 1959 г. возник скандал в связи с приписками в производстве хлопка, после которого с поста был отстранен первого секретаря, а вместе с назначением нового первого секретаря Шарафа Рашидова Москвой был направлен второй секретарь из центра, тем самым как бы негласно вводя в республике институт второго секретаря.

В Казахстане назначение Д. Кунаева в 1960 г. первым секретарем «открыло счет» вторых секретарей в этой республике. До этого присланные функционеры работали не только вторыми, но и первыми секретарями. Назначение Кунаева сопровождалось назначением нового второго секретаря – Н. Родионова. Его представил номенклатуре республики ответственный за кадровую работу секретарь ЦК КПСС В. Титов, который позднее, через несколько лет, в 1965 г. сам стал вторым секретарем в Казахстане.

Не ясно, почему институт вторых секретарей опаздывал в двух других республиках. В 1955–1956 гг. он не был внедрен в Эстонии одновременно с соседними республиками Прибалтики, а в Армении – одновременно с двумя другими республиками Закавказья. Не направлялись представители центра – вторые секретари – в Эстонию и Армению и в конце 1950 – начале 1960-х, когда происходило внедрение института вторых секретарей в Средней Азии и Молдавии, хотя, казалось бы, это был самый подходящий момент. Правда, в 1961 г. в Эстонию был отправлен новый второй секретарь, но это был русский эстонец А. Вадер, который перед этим работал инструктором

¹⁴ Зубкова Е. Советская модель экономики: союзный центр и республики прибалтики: док. М., 2015. С. 128–133.

в Отделе оргпарторганизации ЦК КПСС, где курировал одну из Закавказских республик.

Здесь можно заметить параллель с Молдавией, которая хотя и была республикой другого региона, но имела похожий исторический опыт: она, как и республики Прибалтики, была присоединена к СССР в 1940 г. В кадровой политике этой республики тоже больше всего доверялось старым жителям СССР – тем, которые жили в Молдавской автономной республике. В сталинское время эта часть Молдавии принадлежала Украинской ССР, и только в 1940 г., присоединив к ней часть Бессарабии, была создана новая советская республика¹⁵ – Молдавская ССР.

Можно сказать, что назначение «старо жителей националов» СССР молдаванина И. Бодюла и эстонца А. Вадера имело схожесть: за весь период 1955–1990 гг. они были единственными инструкторами Отдела оргпарторганизации ЦК КПСС, назначенными вторыми секретарями в своих республиках. Вместе с Вадером и немного позднее, чем И. Бодюл, в отделе инструктором работал литовец Ионас Новицкас, который стал вторым секретарем в Литве, – он вернулся в Вильнюс в начале 1960 г. на пост заведующего Отделом оргпарторганизации ЦК КП Литвы¹⁶. Скорее всего, тому способствовали две причины: во-первых, уже с 1956 г. на посту второго секретаря резидировал представитель центра – Борис Шарков; во-вторых, И. Новицкас до 1940 г. жил не в СССР, а в «буржуазной Литве».

Казалось бы, период начала 1960-х гг. мог бы стать удобным моментом внедрения института второго секретаря в Армении. В ноябре 1960 г. заведующие Отделом оргпарторганизации В. Чураев и Отделом идеологии В. Снастин предъявили руководству ЦК КПСС большую справку о ситуации в Армении. В записке руководители отделов критиковали не только руководство, но и конкретно первого секретаря Рубена Товмасыана. Он обвинялся в зажиме критики в ЦК КП Армении, неправильной кадровой политике и особенно – продвижении и назначении своих близких на высокие посты республиканской власти. Также критиковалась его слабая работа в сфере идеологии.

По утверждению авторов записки, растет влияние Армянской церкви, а при подготовке и издании книг по истории допускаются много ошибок, связанных с неправильной трактовкой прошлого, проявляются отклонения от марксизма-ленинизма, преувеличивается

¹⁵ King C. Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. №. 2. P. 349.

¹⁶ Личное дело И. Новицкаса // Lietuvos ypatingasis archyvas [Особый архив Литвы, далее – LYA]. Ф. 1771. Оп. 227. Д. 3465. Л. 33.

значение дореволюционного периода. Интересно, что руководители республики подверглись критике не за появление в республике литературы антисоветского характера, а за неправильную оценку революционного движения и, как говорится в записке, за «фальсификацию истории» в официальных изданиях, хотя, по словам авторов записки, ЦК КП Армении и осудил допущенные в книгах ошибки.

Но больше всего работников аппарата раздражало «формальное отношение» центрального аппарата компартии Армении при обсуждении в республике постановлений ЦК КПСС и то, что на пленуме ЦК партии республики первый секретарь не ознакомил аудиторию с запиской отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС о недостатках идеологической работы в Армении. В середине ноября члены президиума ЦК КП Армении были приглашены в ЦК КПСС, но и там, по утверждению авторов записки, Р. Товмасын не соглашался с критикой в его адрес, «оскорбительно» наговаривал на «наиболее здоровую часть членов бюро»¹⁷. Наверное, Товмасын вел себя принципиально, но не совсем адекватно и по-другому – как первый секретарь Таджикистана Н. Улджабаев, который шел навстречу переговорам с функционерами аппарата ЦК КПСС.

В конце этой записки, наверное, возможно разглядеть ответ на вопрос, почему в 1960–1961 гг. институт вторых секретарей не был введен в Армению: часть членов бюро ЦК КП Армении высказали мнение, что Р. Товмасын не может исправить положение и сами попросили «укрепить руководство» республики¹⁸. Значит, заинтересованные отстранением Товмасына с поста работники аппарата ЦК КПСС из уст самих представителей Армении услышали желаемые слова. Им оставалось только согласиться, или, как в то время говорилось, «поддержать просьбу». Поэтому можно предположить, что внедрять институт вторых секретарей в эту республику не было смысла – поддерживавшая аппарат ЦК КПСС «здоровая» часть руководства республики получила урок, что необходимо прислушиваться к «мнению» и тесно сотрудничать с кураторами в Москве.

Все-таки, не совсем ясно, по каким причинам институт вторых секретарей был введен в Эстонии в 1971 г. и Армении – в 1979 г. В Эстонии это было, скорее всего, выражением желания центра довести внедрение этого института до логического конца, а также дисциплинировать первого секретаря компартии республики Йоганеса Кэбина, который проявлял местничество и продвигал интересы

¹⁷ Записка В. Чураева и В. Снастина в ЦК КПСС от 11.11.1960 // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 148. Л. 46.

¹⁸ Там же.

республики. Похожие мотивы могли быть уместны и в отношении Армении, хотя здесь были важными начавшиеся конфликты с соседним Азербайджаном. Присланный из центра второй секретарь был не только присмотрщиком, но и помощником и посредником между республикой и центром при решении этой все актуальнее становившейся проблемы.

* * *

Возникновение института вторых секретарей стало новой формой контроля над союзными республиками, проводимым аппаратом ЦК КПСС, но вместе с тем и логическим продолжением института уполномоченного ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР, а также бюро ЦК ВКП(б) по республикам и регионам. Институт вторых секретарей более, чем предшествующие формы контроля над периферией, выражал соединение принципов кадровой ротации с национальной политикой.

Становление института вторых секретарей проходило в трех этапах: середина 1950-х гг. – в Закавказье (Азербайджан и Грузия) и Прибалтике (в Литве и Латвии); конец 1950 – начало 1960-х гг. (в Средней Азии и Молдавии) и 1970-е гг. (Эстония и Армения).

О.Н. Калинина

СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ВНУТРИКОРПОРАТИВНОЙ ОХРАНИТЕЛЬНОСТИ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» (1953–1964 гг.)

В исторических публикациях новейшего времени, в той или иной степени освещающих различные аспекты функционирования партийно-государственного контроля, активно дискутируются вопросы природы и причин зарождения и становления советского внутриноменклатурного «правосудия», соотношения между институциональными основами контроля и реальными практиками.

Исследователями допускается, что сложившаяся в сталинскую эпоху институция претерпела ряд изменений, однако при этом практически отсутствуют специальные исследования особенностей функционирования данной системы в годы «оттепели»¹.

Настоящая публикация ставит своей целью выявление и анализ особенностей трансформации системы партийно-государственного контроля, а также механизмов воздействия на управленческую корпорацию (партийно-советскую номенклатуру разных уровней) в период институциональной реорганизации второй половины 1950 – первой половине 1960-х гг. Источниковой базой послужили документы и материалы Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС и партколлегии КПК при Томском обкоме партии, Министер-

¹ См.: Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995; Анфертьев И.А. ЦКК РКП(б) – ВКП(б): причины создания и объединения с наркоматом РКИ. 1920–1925 гг. (по документам РГАСПИ) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 7. Мінск, 2012. С. 49–67; Юдин К.А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и ее региональные институты в период утверждения сталинской диктатуры 1934–1941 гг. (на материалах областей Верхней Волги): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000.

ства госконтроля (МГК) – Комиссии советского (государственного) контроля (КСК) СССР и РСФСР.

Система партийно-государственного контроля представляла собой особую систему внутрикорпоративной охранительности с контрольно-репрессивными функциями, которая была нацелена на решение ряда приоритетных задач, таких как мобилизация массовых социальных групп на поддержку государственной власти, обеспечение консолидации собственно самой номенклатуры (самомотивация, укрепление внутрикорпоративной дисциплины), формирование и конструирование управленческих групп разных уровней (социальная инженерия) на основе востребованных социально-профессиональных и личностных характеристик («фильтрация», отбор, сбор и проверка компрометирующей информации в отношении управленцев).

В исследуемый период выделяются три фазы в функционировании данного института: 1) фаза относительной стабильности (1953–1957 гг.); 2) фаза реформирования контрольной системы (1957–1962 гг.); 3) фаза трансформации прежней модели партийно-государственного контроля (1962–1965 гг.).

В 1953–1957 гг. продолжала действовать без каких-либо существенных изменений сложившаяся ранее сталинская модель партийно-государственного «правосудия», когда функционировало два контрольных центра – КПК при ЦК КПСС и МГК СССР, интересы которых довольно часто пересекались, что вело к возникновению конфликтов интересов и способствовало ужесточению контроля во всех сферах, в том числе в области управления. Данный период характеризовался главным образом сохранением курса на максимальную централизацию партийно-государственного аппарата при минимальной самостоятельности его органов на местах.

Фундамент всей системы составлял партийный контроль, который осуществлялся как непосредственно партийными комитетами на местах, так и специальным органом – КПК при ЦК КПСС. Высшим органом КПК являлось бюро, а технически-исполнительный аппарат состоял из Секретариата, Партколлегии и специальных групп по соответствующим отраслям народного хозяйства.

При региональных и республиканских партийных комитетах функционировали партколлегии, наделявшиеся широкими полномочиями по проверке и отмене решений местных парторганов о наложении партвызыскания, принятии решений по апелляциям коммунистов. Секретари партколлегий утверждались ЦК по представлениям обкомов, крайкомов и ЦК партии союзных республик. Важными

функциями наделялись уполномоченные КПК, контролировавшие ход осуществления решений съездов партии и постановлений ЦК партии на местах².

КПК выполнял как функции социально-экономического мониторинга и проверки выполнения решений ЦК партии, так и непосредственно возложенную на него внутрикорпоративную охранительную функцию. Причем вторая из них в практике деятельности КПК очевидным образом доминировала. Прежде всего, по линии партконтроля осуществлялась экскорпорация (самоочищение) номенклатуры в целях «отсева» неподходящих по каким-либо причинам кадров – политическим, деловым и прочим.

Важнейшим критерием отбора для входа в корпорацию выступала политическая лояльность и преданность существовавшему режиму. Поэтому путь в партию и во власть был абсолютно закрыт для лиц, причастных к так называемой исторической контрреволюции, к которым причислялись бывшие «участники или пособники» антибольшевистских движений, партий и учреждений, а также «социально чуждые» большевистскому режиму слои населения – осужденные и т. д. Несмотря на изначально жесткие «фильтрационные» меры, из партии с формулировкой «за сокрытие социального происхождения» и «неискренность перед партией» ежегодно «вычищалась» определенная часть руководящих работников. Так, согласно статистическим данным партколлегии КПК при Томском обкоме партии, с подобными формулировками были исключены 14% руководителей в 1954 году и, соответственно, 15,7% – в 1957 г. (табл. 1).

В то же время, как показывают данные, наиболее распространенными в коммунистической среде были весьма тривиальные пороки – пьянство и аморальное поведение. Уличенные в этом работники исключались из партии с формулировкой «за бытовое разложение», под которым подразумевались пьянство, уход из семьи, хулиганство и т. д. Количество исключенных из партии партколлекгией «за бытовое разложение» оставалось в хрущевское время стабильно высоким и даже росло: с 44,9% в 1954 г. до 62,2 – в 1962 г. Это свидетельствует не только и не столько о резком падении морального облика управленческих кадров (аморальное поведение всегда было присуще определенной части бюрократии), сколько о стремлении политической элиты страны создать в общественном сознании позитивный образ советского руководителя-управленца, несоответствие которому каралось.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 1076. Л. 20.

Причины исключения из партии в Томской парторганизации (1953–1962 гг.)¹

Причина исключения	1954 г.		1957 г.		1962 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Бытовое разложение, пьянство, недостойное поведение	61	44,9	54	35,3	74	62,2
Злоупотребление служебным положением, растрата госсредств, неудовлетворительное руководство	34	25,0	49	32,0	41	34,5
Соккрытие социального происхождения, обман партии	19	14,0	24	15,7	–	–
Нарушение государственной и партийной дисциплины	22	16,1	26	17,0	4	3,3

¹ Подсчитано по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 996. Л. 19; Д. 1192. Л. 28, 48; Д. 6732. Л. 8.

По данным КПК, значительная часть номенклатурных работников исключалась из партии или получала партвзыскания преимущественно за преступления или проступки экономического характера, такие как растрата государственных средств, присвоение денег, взяточничество, воровство и т. д., совершенные вследствие превышения служебных полномочий: 43,3% в 1954 г. и 33,9 – в 1956 г.³

Материалами Томской партколлегии также подтверждается, что номенклатура, проявляя корпоративную «взаимовыручку», находила возможность обхода создаваемых «сверху» ограничений для использования имевшихся в ее распоряжении ресурсов в личных целях. Поэтому показатель исключенных из партии за злоупотребление служебным положением, растрату государственных средств и неудовлетворительное руководство оставался стабильно высоким: 25% в 1954 г. и 34,5 – в 1962 г. (см. табл. 1).

Однако с наступлением «оттепели» требования к номенклатурному отбору становятся менее жесткими, и уже с середины 1950-х гг. в отчетах партколлегии КПК при Томском обкоме постепенно перестают фигурировать данные об исключенных из партии с формулировками, за которыми явно стоял политический подтекст («сокрытие социального происхождения и обман партии», «антигосударственная деятельность»).

³ Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204–408; Оп. 2. Д. 404–508; Оп. 3. Д. 350–460.

Важной тенденцией стало то, что с середины 1950-х гг. количество дел, рассмотренных Томской партколлегией, стало значительно сокращаться (при некотором росте в дальнейшем): со 191 в 1947 г. до 104 – в 1953 г.⁴ Поскольку в последующие годы численность областной парторганизации только возрастала, то можно сделать вывод о смягчении и даже частичной либерализации партконтроля.

Начавшаяся в стране политическая «оттепель» внесла свои вехи в деятельность КПК при ЦК КПСС. Если в годы «позднего сталинизма» около 90% рассмотренных КПК апелляционных дел имели отрицательные для заявителей решения, то, по данным КПК, за 1956 г. доля таких апелляционных дел сократилась уже до 28–43%. Примечательно также, что, согласно данным КПК за указанный год, около 64% дел, по которым коммунисты были восстановлены в партии или с них сняты партвзыскания, содержали ходатайства соответствующих партийных комитетов⁵. Такие тенденции свидетельствуют о том, что в годы «оттепели» значение КПК как «карающего» органа партии в системе власти изменялось.

Не менее важным звеном в системе номенклатурного «правосудия» являлось ведомство государственного контроля (МГК–КСК СССР). Наряду с союзным органом функционировали республиканские министерства госконтроля. В составе этих министерств на местах действовали группы контролеров по соответствующим объектам контроля (край, область, военный округ, производственный комбинат и т. д.). В частности, постановлением от 17 сентября 1955 г. МГК РСФСР структурно состоял из 19 главных контролеров по определенным отраслям деятельности, с аппаратом управления – от 10 до 24 человек старших контролеров и контролеров⁶. Сильное, бюрократически организованное ведомство контролировало исполнение решений правительства во всех отраслях управления и соблюдение финансово-бюджетной дисциплины, действовало независимо от других управленческих структур, выявляло недостатки, злоупотребления, привлекало виновных к судебной ответственности, накладывало дисциплинарные взыскания на виновных в неисполнении решений правительства и по результатам проводимых ведомством проверок и ревизий на местах.

Согласно данным отчета о работе МГК СССР за 1953 г., по результатам ревизии и проверок дисциплинарные взыскания налагались на

⁴ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 996. Л. 4.

⁵ Подсчитано по: РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 204–408; Оп. 2. Д. 404–508; Оп. 3. Д. 350–460.

⁶ Государственный финансовый контроль в Удмуртии. История, современность, перспективы. Ижевск, 2006. С. 175.

1831 человека, а к судебной ответственности привлечено 389 руководящих работников (табл. 2). В основном работники, совершившие те или иные проступки, привлекались к дисциплинарной ответственности, что влекло за собой выговор, строгий выговор, постановку на вид либо снятие с должности. В случае же серьезных финансовых нарушений – растрат, хищений, подлога и т. д. – на провинившегося налагались денежные начеты для компенсации причиненного государству ущерба.

Руководящие работники привлекались к уголовной и дисциплинарной ответственности за такие преступления и проступки, как «приписки и обман государства», «бюрократизм и волокита», «нарушение штатной и финансовой дисциплины», «невыполнение постановлений правительства», «злоупотребления служебным положением». Поэтому одним из основных направлений деятельности советского контроля являлась борьба с хищениями и растратами, незаконным расходованием бюджетных средств, грубейшими нарушениями государственной дисциплины, выразившимися во всевозможных приписках, подлогах и т. д. По данным МГК–КСК СССР, в 1957 г. из 2467 работников, привлеченных к дисциплинарной ответственности, 638 человек были наказаны за нарушение финансовой и штатной дисциплины, 408 – за отсутствие контроля и руководства, 372 человека – за прочие злоупотребления⁷.

Важно отметить, что в 1957–1961 гг. по-прежнему институционально сохранялись два основных контрольных органа, но предпринимались попытки реорганизации самой контрольной системы. Так, в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС наряду с вопросами развития народного хозяйства рассматривалась работа МГК СССР. В отчетном докладе Н.С. Хрущев подверг острой критике работу контрольных органов, указав, что ведомство госконтроля не справляется с задачей проверки исполнения директив партии и правительства⁸.

В связи с признанием неэффективности сложившейся контрольной системы, а также с учетом новых условий, возникших в результате расширения прав союзных республик и перестрой-

⁷ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 132. Л. 80; Д. 318. Л. 11; Оп. 2а. Д. 35. Л. 177; Д. 40. Л. 154.

⁸ Цит. по: Андреев А.Г., Никольский Д.В. Изменения в деятельности органов государственного финансового контроля в 1951–1965 годах. URL: <http://audit.gov.ru/about/history/in-1951-1991-years/changes-in-the-activity-of-bodies-of-the-state-financial-control-in-the-1951-1965-years> (дата обращения: 25.12.2015).

ки управления промышленностью и строительством, прежние контрольные структуры преобразовались в соответствующие комиссии. 23 августа 1957 г. образовалась Комиссия советского контроля Совета Министров СССР (СМ СССР). Аналогичные комиссии создавались также в союзных республиках, которые, следует отметить, не были связаны прямым подчинением центру⁹.

Данная реформа советского контроля была направлена на его частичную децентрализацию – с передачей части контрольных функций на места. В крупных экономических и административных районах создавались группы контролеров (по 5–10 человек) при сокращении численности контрольного аппарата в центре, ликвидации должностей постоянных контролеров на предприятиях, железных дорогах, в портах и военных округах¹⁰. Предполагалось, что в новых условиях деятельность органов советского контроля должна проводиться силами небольшого числа квалифицированных штатных работников как в центре, так и на местах с привлечением широких масс, местных Советов народных депутатов и общественных организаций.

Но вскоре стало очевидно, что объявленная децентрализация госконтроля привела к обособлению комиссий и дезорганизации их работы и взаимодействия между отделами комиссий и группами контролеров. Надежды на улучшение работы контрольных структур не оправдались, о чем свидетельствуют статистические отчетные данные. В частности, количество взысканий, наложенных госконтролем, постоянно увеличивалось: с 2220 в 1953 г. до 8641 – к началу 1960 г. (см. табл. 2). Частично этот рост объясняется увеличением числа проверяемых ведомством объектов, появлением новых управленческих структур и разрастанием бюрократического аппарата вследствие административных реформ. Увеличилось также число руководящих советских работников, привлеченных МГК–КСК СССР к дисциплинарной и судебной ответственности. Если в 1956 г. на руководящих советских работников было наложено 101 взыскание (8,8%), то в 1960 г. – уже 1296 (15% от общего числа привлеченных к ответственности работников)¹¹.

⁹ Государственный финансовый контроль... С. 175.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 74. Л. 215–215 об.

¹¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 132. Л. 80; Д. 318. Л. 11; Оп. 2а. Д. 35. Л. 177; Д. 40. Л. 154; Ф. Р-9477. Оп. 1. Д. 648. Л. 3.

Численность должностных лиц, привлеченных МГК–КСК СССР к ответственности (1953–1960 гг.), человек¹

Годы	Тип ответственности:		Всего привлечено
	дисциплинарная	судебная	
1953	1831	389	2220
1957	2467	273	2740
1960	8545	96	8641

¹ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. Р-8300. Оп. 2. Д. 132. Л. 80; Д. 318. Л. 11; Оп. 2а. Д. 35. Л. 177; Д. 40. Л. 154; Ф. Р-9477. Оп. 1. Д. 648. Л. 3.

В центральном руководстве росло недовольство сложившейся ситуацией. 22 июля 1961 г. КСК СССР преобразуется в союзно-республиканский орган – Комиссию государственного контроля. Функции госконтроля расширились: теперь Комиссия контролировала также выполнение планов по поставкам материалов, оборудования и товаров в общесоюзный фонд и по межреспубликанским поставкам, состояние учета и отчетности.

В автономных республиках, краях и областях создавались группы контролеров (по 5–11 человек), упразднившие группы по экономическим административным районам¹².

На первое место выдвинулось изучение вопросов управления промышленностью, структуры и штатов государственного аппарата в целях его рационализации, борьба с бюрократизмом и местничеством. Согласно отчету Комиссии Госконтроля РСФСР, за первое полугодие 1962 г. было проведено 492 проверки, из них 416 проверок касались деятельности госаппарата¹³. По поручению Секретариата ЦК КПСС от 26 июня 1962 г. КСК СССР провела проверку ряда министерств, ведомств, учреждений и организаций по факту правильности расходования средств, предназначенных на выплату персональных окладов и улучшение бытового обслуживания работников. Проверка выявила значительные нарушения в начислении персональных окладов (часто завышенных) и распределении фонда бытового обслуживания между работниками¹⁴.

Но, несмотря на предпринятые реорганизации, ситуация в контрольной сфере не улучшалась, что не устраивало в первую очередь

¹² Государственный финансовый контроль... С. 176.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-9477. Оп. 1. Д. 1178. Л. 1–8.

¹⁴ Там же.

самого Н.С. Хрущева, который в своей записке «Об улучшении контроля за выполнением директив партии и правительства», адресованной Президиуму ЦК КПСС 19 февраля 1962 г., обосновывая необходимость реформы сталинской системы партийно-государственного контроля, указывал на факты масштабной коррумпированности всех звеньев управления, в том числе взяточничества в Госплане СССР, союзных министерствах и республиках СССР и пр.¹⁵

Наиболее важное значение для функционирования контрольной системы имел третий период (1962–1965 гг.), когда руководство страны предприняло попытку кардинальной трансформации сталинской модели партийно-государственного контроля под лозунгом возвращения к ленинским принципам работы контроля. Данная реорганизация была нацелена на институциональную модернизацию контроля, а также на усиление контроля над всеми звеньями управления и управленческого слоя – номенклатуры всех уровней, получившую ранее определенные преференции и гарантии собственной неприкосновенности.

27 ноября 1962 г. был создан единый контрольный орган, наделенный широкими полномочиями по проверке как партийных, так и государственных органов и огромным штатом работников, – Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и СМ СССР (КПГК)¹⁶. К апрелю 1963 г. в стране было создано 3270 региональных и местных комитетов контроля, куда было избрано более 2,4 млн человек: 15 республиканских, 216 краевых и областных, 1057 городских и районных в городах и т. д.¹⁷

Создание нового контрольного органа являлось составной частью реформирования партийно-советских органов, поскольку новая система контроля пронизывала и фактически дублировала систему партийных и советских органов. Но в отличие от той же ЦКК–РКИ 1920–1930-х гг. новая контрольная структура практически не касалась компетенции партийных органов всех уровней. Даже если в процессе проверок и ревизий вскрывались факты, связанные с недостатками в работе парторганов, контрольные органы лишь информировали об этом соответствующие партийные структуры. Можно согласиться с выводом Р.Г. Пихои, что «...**громадная** машина крутилась без особого результата. Ожидаемого хозяйственного эффекта от деятельности армии контролеров не было...»¹⁸.

¹⁵ Цит. по: Пихоя Р.Г. Советский Союз... С. 219.

¹⁶ Государственный финансовый контроль... С. 178.

¹⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти... С. 223.

¹⁸ Там же.

В целом следует отметить, что в исследуемый период в партийно-государственном контроле и управлении номенклатурой произошли определенные институциональные трансформации, которые привели к отказу от преимущественно «карательной» по своей направленности сталинской модели контрольной системы в направлении частичной либерализации и децентрализации ее деятельности.

Однако, несмотря на все изменения и реорганизации, контрольная система по-прежнему не отличалась высокой эффективностью, поскольку сохранялись серьезные системные недостатки, связанные как с бюрократизированной системой управления, корпоративной консолидированностью номенклатуры, так и с самими принципами номенклатурного отбора. При этом контроль над номенклатурой в форме внутрикорпоративного «правосудия» выступал сущностным элементом, инструментом обеспечения ее относительно устойчивого функционирования.

В. Сирутавичус

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ЛИТВА В 1953–1957 гг.

Свою небольшую статью я бы хотел начать с нескольких общих тезисов.

Во-первых, процесс десталинизации в Литве имел ярко выраженный национальный характер. В политической повестке дня появились вопросы (ожидания и требования), актуальные для литовцев – титульной нации республики. Это и продвижение литовского языка в общественной жизни, возвращение культурного наследия, и, наконец, продвижение национальных кадров в советском бюрократическом аппарате.

Во-вторых, в самом начале процесса десталинизации политическую инициативу в решении «национального вопроса» проявило новое советское руководство – так называемая бериевская оттепель. После XX съезда партии либерализация общественной жизни создавала условия отдельным группам общества, в первую очередь литовской интеллигенции, поднимать культурные, национальные вопросы, актуальные для титульной нации.

В-третьих, местные республиканские элиты – руководители советской Литвы – воспринимали национальный вопрос (а точнее, этнокультурные аспекты национального) как важное и эффективное средство для легитимации советской (и своей персональной) власти.

В-четвертых, новый политический курс КПСС для местных элит – руководителей Коммунистической партии Литвы (КПЛ) – также создавал проблемы и вызовы. Перед руководством КПЛ встал вопрос, как отделить этнокультурные и легитимные потребности титульной нации от попыток политизировать эти потребности, то есть от того, что в официальном дискурсе называлось *буржуазным национализмом*.

И, наконец, в-пятых, замечу, что в статье дается только очень фрагментарный анализ начала десталинизации¹. У читателя может

¹ Более обширный анализ десталинизации в Литве, взаимоотношения между политическими процессами и «национальным вопросом» см.:

возникнуть также вопрос и о периодизации процесса десталинизации в Литве. 1957 г. – важный этап в этом процессе. Прежде всего, руководству советской Литвы удалось достаточно успешно решить «национальные проблемы» в конце 1956 г. – усмирить «националистический всплеск» в республике. Также в начале 1957 г. в политике КПЛ можно увидеть тенденцию отступления (хотя и очень осторожное, непоследовательное) от жесткого классового подхода к обществу к более умеренной политике².

«Национальные вопросы» в политике КПЛ в 1953 г. появились под влиянием советского руководства, в первую очередь Лаврентия Берии. Я имею в виду докладную записку Берии от 8 мая Президиуму ЦК КПСС и Постановление ЦК КПСС, принятое 26 мая, которое называлось «Вопросы Литовской ССР»³. Москва признала неудовлетворительной работу ЦК КПЛ и Совета Министров Литовской ССР, руководство советской Литвы критиковалось за «извращения в национальной политике».

Одним из главных вопросов, который поднимался советским руководством, – был вопрос о национальных кадрах. Делался вывод, что есть недостаток литовских кадров в структурах МВД, МГБ, а также в партийном и советском аппарате, поэтому советская власть неэффективна и не имеет поддержки у большинства населения.

В решении ЦК КПСС говорилось: «...В аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами всего 7 литовцев; в Каунасском обкоме партии из 11 заведующих отделами и секторами – 2 литовца; в Каунасском горкоме партии из 8 заведующих отделами – 1 литовец; в Вильнюсском обкоме партии из 16 заведующих отделами и сектора-

Sirutavičius V. Etnokultūriniai nacionalizmo proveržiai ir valdžios politika: apie lietuvių nacionalinę identifikaciją po-stalininiu laikotarpiu // Epochas jungiantis nacionalizmas: tautos (de)konstravimas tarpukario, sovietmečio ir po-sovietmečio Lietuvoje [Манифестации национализма и политика власти: литовская национальная идентичность в послесталинский период // Эпохи объединяющий национализм: (де)конструирование народа в межвоенной, советской и пост-советской Литве] / red. Š. Lauginavičius. Vilnius., 2013. P. 169–203.

² Некоторые авторы именно этот аспект в политике советского руководства после XX съезда – отступление от жесткого классового подхода – считает главной чертой процесса десталинизации. См.: Jervis R. Identity and the Cold War // The Cambridge History of the Cold War / ed. by M.P. Leffler, O.A. Westad. Cambridge University Press, 2014. Vol. 2. P. 36.

³ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигаев. М., 1999. С. 49–52.

ми – 3 литовца; в Шауляйском обкоме партии из 8 заведующих отделами литовцев всего 2 человека. В партийных органах республики, как правило, вторыми секретарями партийных комитетов состоят русские работники. Естественно, что при таком положении литовские товарищи не чувствуют в полной мере возложенной на них ответственности».

Далее отмечалось: «Делопроизводство как в республиканских, так в районных партийных органах Литовской ССР, как правило, ведется на русском языке. Конечно, все это не может не сказаться на настроениях в деревне и в особенности среди литовской интеллигенции, которая связана с националистическим подпольем и с эмиграцией».

Некоторые представители литовской власти начали исполнять Постановление президиума ЦК КПСС, не дождавшись решения Пленума ЦК КПЛ. Прокурор республики Георгий Бахаров⁴ своим приказом от 2 июня уволил с работы нескольких сотрудников республиканской прокуратуры с формулировкой «как не знающих литовского языка». Кстати, Бюро ЦК КП Литвы 9 июня признало решение прокурора ошибочным. В его решении было сказано, что Бахаров «проявил вредную и ненужную поспешность»⁵.

На этом заседании Бюро обсуждался и проект постановления Пленума ЦК КПЛ «О постановлении ЦК КПСС от 26 мая, «Вопросы Литовской ССР». На Пленуме, состоявшемся 11–13 июня, руководство КПЛ признало правильность Постановления ЦК КПСС, свои ошибки в национальной политике. Много говорили о том, что и как менять.

Большое внимание уделялось литовскому языку. Его роль в общественной жизни подчеркнул Первый секретарь ЦК КПЛ Антанас Снечкус. Он отметил, что литовский язык игнорируется партийными и советскими органами. Это особенно заметно в столице советской Литвы – г. Вильнюсе: практически все общественные надписи сделаны на русском, в государственных и советских учреждениях трудно изъясняться на литовском. А это, по его мнению, создает благоприятную почву для «буржуазного национализма» и «антирусской пропаганды».

⁴ Георгий Бахаров был прокурором Литовской ССР с 1948 по 1957 гг. Перед этим работал прокурором в Смоленской и Тамбовской областях. После Литвы продолжил карьеру прокурора в Ивановской области.

⁵ LKP(b) SK biuro protokolo nr. 39 medžiagos [Материалы к бюро ЦК КПЛ], 06–09.06.1953 // Lietuvos Ypatingasis archyvas, LKP dokumentų skyrius (далее – LYA DS) [Литовский Особый архив, отдел документов КПЛ]. F. 1771. Ap. 131. B. 282. L. 46–48.

Резко выступал и руководитель правительства Литвы Мечисловас Гедвилас. Он много говорил о кадровой политике, о том, что надо активнее и решительнее выдвигать «национальные [литовские] кадры». Еще на Бюро 9 июня Гедвилас заявил, что все руководители промышленных предприятий в Литве должны быть литовцы. По мнению Гедвиласа, во всех советских учреждениях представители титульной нации должны иметь возможность разговаривать на родном языке⁶.

Уже на заседании Пленума о кадровом составе в руководстве КПЛ произошли важные изменения. (Ранее изменения произошли в руководстве МВД республики.) Был освобожден от занимаемой должности второй секретарь Василий Аронов, им стал близкий к Снечкусу Владас Нюнька, а вместо первого заместителя председателя Совета Министров В. Писарева был назначен Мотеюс Шумаускас.

Тенденцию изменения кадрового состава по национальному принципу можно проследить не только Вильнюсе, но и на периферии, на уровне местных органов власти. Происходившие изменения подтверждают разные источники, в том числе и так называемые письма к власти – как правило, центральной власти, ЦК КПСС, реже – литовскому партийному руководству. Авторы жаловались на неправильное увольнение с работы по национальному принципу или об усилении местного литовского национализма⁷.

В литовской историографии утверждается, что весной и летом 1953 г. (как раз в это время было принято решение об упразднении областей и кадровой перестановке в министерствах) около 6 тыс. работников потеряли работу. С июня до начала октября из республики уехали около 2500 разных партийных работников⁸. В большинстве это были приезжие из других советских республик, в первую очередь из Российской Федерации. Эти обстоятельства создавали условия

⁶ LKP SK V-as plenumas, 11–13.06.1953. Stenograma [Стенограмма V Пленума ЦК КПЛ] // LYA DS. F. 1771. Ap. 131. B. 179. L. 32, 232.

⁷ Автор одной такой жалобы писал, что после июньского Пленума отдельные секретари райкомов «скатились в лагерь местного национализма» и начали проводить массовое увольнение работников русской национальности. По этому анонимному письму, которое было адресовано Г. Маленкову и Снечкусу, было начато расследование. В докладной записке к Снечкусу говорилось, что в конце июня секретари райкомов получили задание от ЦК КПЛ о составлении «списков работников русской национальности с указанием места нового жительства» и «провели индивидуальные беседы с такими работниками...» Это вызвало недовольство у части работников и разные слухи. См.: Письма и жалобы, 1953 г. // LYA DS. F. 1771. Ap. 146. B. 18. L. 134–137.

⁸ Streikus A. Politinės ir ekonominės raidos bruožai Lietuvoje. 1953–1955 [Политическое и экономическое развитие Литвы. 1953 – 1955] // LGGRTI Darbai [Труды центра резистенции и геноцида]. Vilnius, 1996. Nr. 2. P. 71.

для формирования более литовской по национальности КПЛ, а также более литовского советского бюрократического аппарата. Число литовцев в то же самое время в партийном аппарате выросло с 38 до 48%, в министерствах – от 41 до 51%⁹.

Таким образом, бериевская «оттепель» создала предпосылки для изменения в кадровой структуре партии и советского аппарата. Включение «кадрового вопроса» в политическую повестку дня позволило руководству КПЛ не только укрепить и расширить свое влияние в бюрократическом аппарате, но и ослабить влияние неместных, приезжих. Уже после ареста Берии руководитель КПЛ А. Снечкус подчеркивал, что решения КПСС от 26 мая остаются в силе. И хотя первый секретарь КПЛ признавал, что была поспешность в решении кадровых вопросов, он не отказался от установки выдвижения на руководящие посты национальных кадров.

В то же время быстрые и радикальные изменения в политике центральной власти летом 1953 г. (в конце июня Берия был арестован, а в начале июля был созван внеочередной Пленум ЦК КПСС, на котором говорилось о необходимости ликвидировать вредные последствия его национальной политики), а позже – изменения в руководстве советского государства в начале 1955 г., вносило в ряды литовской партийной элиты неуверенность, конкуренцию и трения. Надо признать, что Снечкус с этим вызовом справился и наконец укрепил свою власть. В ноябре 1955 г. он и его окружение отстранили от власти Председателя Совета Министров Гедвиласа¹⁰ (формально вопрос о Гедвиласе решился в начале января 1956 г.).

Большое внимание уделялось также борьбе с буржуазным национализмом. На июльском Пленуме ЦК КПЛ (13–14 июля 1953 г.) Снечкус не только подчеркивал отрицательные и вредные аспекты национальной политики Берии, но и обратил внимание на одно важное обстоятельство – именно национальная политика Берии «активизировала» националистические элементы и настроения в республике. По мнению первого секретаря, даже некоторые коммунисты

⁹ Там же.

¹⁰ Вопрос Гедвиласа решался на закрытом заседании Бюро ЦК КПЛ в ноябре 1955 г. Бюро решило освободить Гедвиласа от занимаемой должности, а вместо него утвердить человека Снечкуса – Шумаускаса. Интересно, что Бюро на этом самом заседании «просило» ЦК КПСС на место второго секретаря прислать «товарища», который имел опыт работы в сельском хозяйстве. (Гедвиласу как раз ставились в вину проблемы в сельском хозяйстве, что он недостаточно активно осуществлял коллективизацию и «либеральничает».) См.: LKP SK biuro nutarimas [Постановление бюро ЦК КПЛ]. 14.11.1953; Niunka V. Trumpi uždaro LKP SK biuro užrašai [Нюнька В. Короткие записки Бюро ЦК КПЛ]. 14.11.1953 // LYA DS. F. 1771. Ap. 190. B. 10. L. 8, 11–18.

и комсомольцы поддались влиянию «националистических настроений». Также участились «националистические нападки на русских». В конце июля 1953 г. Бюро ЦК КПЛ приняло постановление и утвердило мероприятия по борьбе с «националистическими вылазками»¹¹. В постановлении, например, говорилось и о необходимости организации открытых судебных процессов над лицами, которые ведут враждебную националистическую пропаганду.

Если в самом начале десталинизации национальные аспекты в политике появлялись под влиянием (и давлением) Москвы, то в 1956 г. ситуация изменилась. Появлялись новые внешние и внутренние факторы, которые косвенно или напрямую влияли на политическую и социальную ситуацию в Литве. Политизация и радикализация общественного мнения в 1956 г. происходила более интенсивно. Конечно, можно предполагать, что влияние имел XX съезд, осуждение сталинского культа и его последствий.

И все-таки анализ архивных документов показывает, что первая половина 1956 г. была относительно спокойная, не было признаков того, что в республике могут произойти волнения на национальной почве. Правда, уже летом, в июне, Снечкус писал в Москву – в ЦК КПСС, что «националистические элементы активизировались». По мнению первого секретаря ЦК КПЛ, это произошло из-за плохого экономического положения, вражеской пропаганды и, как он признавался, из-за ошибок литовского руководства¹².

Во второй половине 1956 г. появились новые внешние факторы, влияющие на общественное мнение. Это – известия о волнениях в Венгрии и особенно – в Польше. Органы государственной безопасности и внутренних дел фиксировали разные проявления *буржуазного национализма* и усиления антирусских, антисоветских «настроений», более всего – среди молодежи и студентов. Типичными для того времени были слухи, что из-за событий в Венгрии и Польше русские уедут из Литвы и Литва станет свободной.

Еще одним важным фактором, который влиял на проявления национализма, по крайней мере так его воспринимала власть Литвы, было возвращение в Литву осужденных за антисоветскую деятельность. По данным КГБ Литвы, к концу 1956 г. в республику вернулись около 17 тыс. осужденных за антисоветскую и контрреволюционную деятельность.

¹¹ Мероприятия по усилению борьбы с вражескими буржуазно-националистическими вылазками. 23.07.1953 // LYA DS. F. 1771. Ap. 131. B. 290. L. 70–73.

¹² В письме Снечкус также жаловался на руководителей союзных предприятий и приезжих, что они не учат литовский язык. А. Снечкус, письмо в ЦК КПСС. 06.06.1956 // LYA DS. F. 1771. Ap. 190. B. 10. L. 66–76.

Вернулись и некоторые влиятельные политические деятели межвоенной Литовской республики. Оказывали ли они какое-то воздействие на происходящее в Литве, трудно сказать однозначно. Но факт остается фактом – литовское руководство эту социальную группу считало особенно опасной¹³. Проблемы, возникшие в связи с возвращением людей этой группы, КПЛ постаралась решить. В ноябре 1956 г. Снечкус обратился в ЦК КПСС с просьбой запретить селиться в Литве бывшим участникам подполья, и вопрос был решен позитивно в 1957 г.

Кульминацией антисоветских и националистических проявлений были массовые демонстрации в Вильнюсе и Каунасе в самом начале ноября. В историографии есть разные данные о количестве людей, принимавших участие в манифестациях. В отчетах литовского КГБ утверждалось что в Каунасе участвовали около 4 тыс. протестующих, в Вильнюсе – на порядок меньше. Данные о задержанных тоже отличаются. В Каунасе, по некоторым данным, было задержано около 90 человек – большая часть их была отпущена¹⁴.

Еще одним важным аспектом событий 1956 г. было то, что все активнее разные требования национального характера к власти начали выдвигать представители лояльной интеллигенции, особенно писатели. В ноябре на отчетном партийном собрании Совета писателей выступали известные литовские писатели – Антанас Венцлова, Эдуардас Межелайтис, Юозас Балтушис, Альгимантас Балтакис, Антанас Ионинас. Практически все они касались актуальных вопросов национальной культуры, литовского языка, исторического прошлого. Например, Венцлова, автор слов гимна Советской Литвы, говорил о том, что надо наконец переименовать проспект Сталина на проспект Гедиминаса. (Этого тоже требовали и студенты Вильнюсского государственного университета.) Другие выступавшие возмущались, что в советских учреждениях служащие не знают литовского языка, а иногда даже оскорбляют тех, кто обращается на литовском. На собрании писателей присутствовал и секретарь Вильнюсского городского комитета партии Пятрас Гришкевичюс. Со многими претензиями,

¹³ По мнению председателя КГБ ЛССР К. Ляудиса, во многом на «антисоветские проявления» повлияло массовое возвращение из мест заключения лиц, приговоренных за контрреволюционную деятельность. По словам Ляудиса, эти люди происходящие в Венгрии и Польше воспринимали «как сигнал для антисоветских действий». См.: Отчет председателю КГБ СССР И.А. Серову. 27.02.1957 // Lietuvos Ypatigasis archyvas (далее – LYA) [Литовский Особый архив]. Ф. К-16. Ар. 1. В. 85. Л. 8–9.

¹⁴ Отчет председателя КГБ ЛССР К. Ляудиса Снечкусу. 16.11.1956 // LYA. Ф. К-41. Ар. 1. В. 510. Л. 335–341.

высказанными писателями, он согласился и признал, что в национальной политике был сделан ряд ошибок¹⁵.

В тот же месяц группа писателей и художников обратилась с письмом к Председателю Правительства ЛССР с призывом больше внимания уделять литовским школам в восточных районах Литвы, где большинство жителей составляли поляки. С похожим письмом обратился и Венцлова. Он предлагал руководству больше заботиться о литовцах, живущих в западных районах Беларуси.

Позиция интеллигенции, и особенно писателей, лояльных к власти, волновала и тревожила партийное руководство и самого Снечука. Не случайно поэтому в начале 1957 г. руководители партии несколько раз встречались с писателями. Во время этих встреч сам первый секретарь доказывал писателям, что в политике можно сочетать социализм с культурными потребностями литовского народа. Снечук подчеркивал, что партия не за «запреты» в культуре, а, напротив, за более широкое использование литовского культурного наследия. Главное, по его мнению, чтобы «враги социалистического строя» этим наследием не воспользовались. Вот как Снечук определил в советской литовской культуре место известного поэта и священника Майрониса: (1862–1932 гг.): «Нам надо достичь того, чтобы Майронис служил нам. Ну а если нет – не подходит»¹⁶.

И в заключение можно сделать вывод, утверждающий, что власть Литвы решила главную задачу, которая стояла перед ней на начальном этапе десталинизации – *деполитизировать национальные проявления*. На встрече с коммунистами в Каунасе в марте 1957 г. Снечук сказал слова, которые как бы определили цели партии в процессе десталинизации: «Мы должны на свою сторону перетянуть всех, кроме убийц. Тем, которые хотят добросовестно работать, но не согласны с нашим строем, мы можем подать им руку. Но если они не будут добросовестно работать, мы будем делать выводы. Если они будут нам мешать, мы их отодвинем с пути»¹⁷.

В новых условиях лидер литовских коммунистов выступал за более прагматичную политику партии, в которой *классовый подход* уже не был преобладающим.

¹⁵ Informacija apie Lietuvos SSR rašytojų sąjungos valdybos partinės organizacijos susirinkimą [Информация о партийном собрании совета писателей]. 19.11.1956 // LYA DS. F. 3109. Ap. 21. B. 20. L. 220–221.

¹⁶ A. Sniečkaus pasikalbėjimo su Lietuvos rašytojais komunistais protokolas [Встреча А. Снечука с советскими литовскими писателями]. 16.01.1957, 18.01.1957 // LYA DS. F. 16895. Ap. 2. B. 226. L. 1–20, 22–45.

¹⁷ Kauno m. XII partinė konferencija. Stenograma [Стенограмма XII партийной конференции в г. Каунасе]. 06–07.03.1957 // LYA DS. F. 3110. Ap. 22. B. 3. L. 141.

П.И. Дятленко

ПРОТИВОРЕЧИЯ ДЕСТАЛИНИЗАЦИИ НА СОВЕТСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В 1950 – НАЧАЛЕ 1960-х гг. (НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗСКОЙ ССР)

При анализе процесса реформ и частичной десталинизации в СССР в период хрущевской «оттепели», их реализации и итогов важно учитывать отличия отдельных союзных республик и регионов.

Киргизская ССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) имела ряд существенных особенностей, которые союзный центр и республиканские власти учитывали при проведении своей политики. К ним относятся: постепенное религиозное возрождение (суннитский ислам, православие, протестантские течения); рост неформальных отношений (усиление родоплеменных связей и клановости в разных сферах); наличие мелкой торговли (работали колхозные, скотные, продовольственные базары в сельской и городской местности) и нелегального предпринимательства; наличие контактов у населения с Синьцзянем (в республике жили общины уйгуров и дунган) и неплотно закрытая граница с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР¹; наличие на территории республики большого количества представителей депортированных народов (на 1 января 1953 г. – 143 638 человек (из них 116 755 переселенцев с Северного Кавказа)²) и ряда промышленных и строительных объектов, на которых они работали; наличие на территории республики и строительство промышленных и иных объектов оборонного значения.

¹ См.: Сумароков Л.И. История российской пограничной охраны на Тянь-Шане и Памире. Бишкек, 2006. С. 169–173; Разаков Т. Зарождение и становление органов безопасности Кыргызстана. 1918–1953 годы. Бишкек, 2014. С. 249–254.

² См.: Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации). Бишкек, 2013. С. 175–176.

В период позднего сталинизма Киргизская ССР пережила (как и другие среднеазиатские республики) ряд крупных идеологических и репрессивных кампаний по борьбе с «буржуазным национализмом» и «космополитизмом» (против ряда московских и ленинградских ученых и писателей, связанных с республикой, таких как С.М. Абрамзон³, А.Н. Бернштам, С.И. Липкин, В.М. Жирмунский⁴), несколько выборочных и немассовых репрессий против представителей киргизской интеллигенции, киргизского фольклора и литературы, эпоса «Манас» и его исследователей. Были нанесены идеологические удары по республиканским союзам писателей и художников, Институту языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Также репрессиям в этот период подвергся ряд киргизских чиновников среднего звена из нескольких южных районов республики, которых обвиняли в «буржуазном национализме»⁵.

В 1950 г. Первым секретарем ЦК КП(б) Киргизии впервые за советский период стал этнический киргиз – Исхак Раззакович Раззаков, который до этого назначения занимал пост Председателя Совета Министров Киргизской ССР с 1945 по 1950 г.

Кстати, союзный центр заранее готовил и держал в запасе кандидатов на высшие руководящие должности из числа киргизов. Это было частью многолетней советской политики коренизации и протекционистской кадровой политики. Кроме того, союзный центр учитывал наличие деления киргизов по региональному признаку – на «северных» и «южных» (в советский период представители северных кланов доминировали в политической элите⁶). Поэтому достаточно закономерно, что южанина Исхака Раззакова сменил северянин Турдакун Усубалиев.

³ См.: Дятленко П.И. Оценки научных трудов С.М. Абрамзона в советский и постсоветский периоды // Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-этнолога С.М. Абрамзона «Комплексный подход в изучении природы, общества и человека», 16–17 мая 2015 г.: сб. докл. Бишкек, 2015. С. 18–24.

⁴ См.: Батырбаева Ш.Д. Идеологические и репрессивные кампании в Кыргызстане в середине XX в.: борьба с инакомыслием // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII Междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 дек. 2014 г. М., 2015. С. 624–631.

⁵ Подробнее см.: Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.). Бишкек, 2010. С. 128–147, 111–112.

⁶ См.: Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек, 2012. С. 84–89.

В республике одновременно сосуществовали советская и традиционная (неформальная) сфера отношений в повседневной жизни, баланс между которыми менялся в течение советского периода.

Для партийной элиты Киргизской ССР того времени характерно следование за изменчивой ситуацией в союзном центре. При этом по ряду причин стали усиливаться борьба кланов внутри партийной организации и системы государственного управления, восстанавливаться неформальные отношения (связанные с распределением разных ресурсов и защитой интересов), контроль союзного центра над партийной элитой республики стал постепенно слабеть.

Существование и воспроизводство кланов было связано с сохранением родовых и территориальных связей у киргизов⁷, доминированием сельского населения (подавляющее большинство киргизов проживало в сельской местности, что влияло на социальный капитал и габитус отдельных людей, включая управленцев) и увеличением представленности в республиканской элите киргизов – выходцев из сел.

Наличие кланов в определенной степени влияло на процесс реабилитации репрессированных граждан, так как были случаи, когда о реабилитации просили или содействовали ей сородичи и земляки.

О степени роста неформальных отношений и включенности в них чиновников разного уровня можно судить по «трикотажному» делу (конец 1950 – начало 1962 г.), которое привело к чисткам в партийной номенклатуре и силовых ведомствах Киргизской ССР. После него Москва усилила контроль над республикой и в 1961 г. сменила в ней партийное руководство (Первого секретаря и Председателя Совета Министров) и руководителей силовых ведомств республики (генерального прокурора, министра внутренних дел, председателей КГБ и Верховного Суда). Полагаем, что «трикотажное» дело было одной из нескольких причин такой смены руководства.

Александр Михайлович Сатаров (1908–1999 гг.) проработал прокурором республики три разрешенных Конституцией срока подряд – с 1961 по 1976 г. После Великой Отечественной войны он занимал должности областного прокурора в Читинской, Кемеровской и Ростовской областях. А.М. Сатаров пользовался большим доверием у

⁷ См.: Джунушалиев Д., Плоских В. Трайбализм и проблемы развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/17.Dzhunu.shtml>; Шустов А.В. Центральная Азия: особенности этнодемографического и социального развития в советский период // Центральная Азия. Человек – общество – государства: сб. ст. / отв. ред. А.А. Улунян. М., 2013. С. 164–188.

Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко, который предложил ему на выбор место одного из заместителей Генпрокурора СССР или самостоятельную работу (в качестве прокурора Киргизской ССР)⁸. После отставки и ухода на пенсию Сатаров с семьей остался жить в г. Фрунзе. Он был заслуженным юристом, почетным работником прокуратуры, персональным пенсионером⁹. В силу его принципиальности, решительности и четкого следования закону с ним считалась партийная элита республики, даже Первый секретарь партии республики¹⁰.

В течение 1950-х гг. партийное руководство Киргизской ССР следовало не только за изменениями политики союзного центра, но и лавировало между разными кланами, группами и влиятельными лицами, существовавшими в системе управления и поэтому иногда принимало противоречивые, а то и противоположные ранее принятым решения. Примером может служить противоречивый и частичный процесс судебной и политической реабилитации жертв сталинских репрессий, неоднозначного литературного и научного наследия ряда киргизстанских авторов советского и царского периодов¹¹.

С 1954 г. началось поэтапное освобождение отдельных групп депортированных со спецпоселения. По мере того как становилось ясно, что по депортированным народам будут приняты кардинальные решения, руководство республики изменило тактику в их отношении. Оно перестало возражать против освобождения депортированных народов и снятия с них режима спецпоселенцев. В то же время предлагалось сделать все возможное, чтобы оставить освобожденных лиц в республике. Это показывалось и в улучшении жилищно-бытовых условий, и в обеспечении всех спецпоселенцев работой. В частности, широко распространялся тезис, что «отдельные спецпоселенцы в связи со снятием ограничений заявляют, что экономически они живут в Киргизии значительно лучше, чем жили на Кавказе, но высказывают сожаления о том, что спецпоселенцы не имеют свою национальную культуру и свои национальные права»¹².

⁸ Из записи беседы с В.В.В., близким родственником А.М. Сатарова. Архив автора, 2014 г.

⁹ См.: Жакыпова Ч.Ш. Конфискация жизни. Бишкек, 1999. С. 142.

¹⁰ Из записи беседы с В.В.В., близким родственником А.М. Сатарова...

¹¹ См.: Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.)... С. 176–191.

¹² Цит. по: Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации)... С. 251.

Возможно, в данном случае на первый план выдвигались не политические, а чисто меркантильные, экономические причины, учитывающие обоюдные интересы властей республики и переселенцев. С одной стороны, происходили освоение депортированными народами экономически бесперспективных районов республики и перевод их в экономически благоприятную зону, в основном в сфере сельхозпроизводства и сельхозпереработки. С другой стороны, проявлялось нежелание большей части спецпоселенцев начинать все заново в местах исторической Родины. Основным новым тезисом в идеологической работе стала идея борьбы с феодальными пережитками в среде спецпоселенцев¹³.

Несмотря на активизацию народных движений среди депортированных народов, союзный центр и после ликвидации спецпоселений стремился сохранить статус-кво, то есть обеспечить пребывание всех депортированных в местах высылки. Центр пытался сохранить существующий баланс на рынке труда в местах проживания депортированных народов и избежать межэтнических конфликтов при их массовом возвращении в места исторического проживания¹⁴.

В 1956–1958 гг. в компартии была восстановлена группа партийных и советских работников, реабилитированных решениями суда или прокуратуры:

Шубриков Владимир Петрович – Первый секретарь Киробкома ВКП(б);

Кульков Михаил Максимович – Первый секретарь Киробкома ВКП(б);

Токбаев Турдалы – Секретарь Киробкома ВКП(б);

Белоцкий Морис Львович – Первый секретарь Киробкома ВКП(б);

Уразбеков Абдыкадыр – Председатель ЦИК Киргизской ССР;

Исакеев Баялы – Председатель СНК Киргизской ССР;

Юлдашев Каримжан – Заместитель Председателя СНК Киргизской ССР;

Четвертаков Владимир Николаевич – начальник УНКВД Киргизской ССР;

Алимов Азиз Ахмеджанович – Заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии;

Салихов Мурат – И.о. Председателя ЦИК Киргизской ССР;

¹³ Там же. С. 251, 254.

¹⁴ Там же. С. 261–281.

Султанбеков Эшбай Бокоевич – Заведующий Отделом ЦК, заместитель директора Киргосиздата;

Эсенаманов Эркинбек – Нарком земледелия Киргизской ССР;

Абдраимов Абдукадыр – Заведующий Отделом ЦК, Нарком земледелия Киргизской ССР;

Камбаров Курман – Нарком просвещения Киргизской ССР;

Джиенбаев Хасан – Второй секретарь ЦК КП Киргизии;

Иманбаев Мукаш – Заведующий Отделом промышленности ЦК КП Киргизии;

Алиев Осмонкул Игенбаевич – Нарком просвещения Киргизской ССР;

Шамурзин Султанкул – И.о. Председателя ЦИК Киргизской ССР;

Булатов Юсуф Исхакович – Нарком совхозов Киргизской ССР;

Кененбаев Керим – Второй секретарь ЦК, начальник коневедения Наркомзема Киргизской ССР;

Джамансариев Асанбай – начальник Управления по делам искусств при СНК Киргизской ССР;

Джумаев Омор – Заведующий Отделом оргпартрabajo ЦК КП Киргизии;

Мактыбеков Акун – Заведующий Отделом культпросветработы ЦК КП Киргизии;

Далбаев Мукаш – Секретарь Чуйского РК КП Киргизии;

Табалдиев Каратал – Нарком юстиции культпросвет отделом ЦК КП Киргизии ССР;

Бейшембаев Шакембай – Заместитель директора совхоза «Сан-таш» Тюпского района;

Кульматов Сатар – Нарком легкой промышленности культпросвет отделом ЦК КП Киргизии ССР;

Достаев Токтосун – Первый секретарь Джумгалского РК КП Киргизии;

Аильчинов Абдулла Монголбаевич – Секретарь ЦИК Киргизской ССР;

Истамбеков Гадий – в РККА, комиссар Киркавполка;

Сарманов Сиражитдин – редактор газеты «Кызыл Кыргызстан»;

Аммосов Максим Кирович – Первый секретарь Киргизской ОК ВКП(б);

Епанешников Константин Ильич – Председатель Президиума Южкирпотребсоюза;

Булатов Абдрахман – Секретарь Ошского РК КП Киргизии;

Энгельгардт Александр Серафимович – Инспектор ОТК УНКВД Киргизской ССР;

Ишназаров Усман – Нарком Наркомата совхозов Киргизской ССР;

Айтматов Тюрякул – Слушатель Института красной профессуры;

Чукин Сайдахмет – директор Ат-Башинской МТС, директор Токмакского отделения Киргизторга;

Иманов Данаке – Председатель Иссык-Кульского райисполкома;

Айдарбеков Иманалы – Персональный пенсионер;

Чонбашев Садык – Заместитель председателя Сулюктинского горсовета;

Садаев Джайнак – Секретарь Киробкома ВКП(б), секретарь РК КП Киргизии г. Кара-Балта, заведующий Узгенским райвнуторгом;

Шоруков Ходжа-хан – Нарком здравоохранения Киргизской ССР;

Кожамедов Айзахмет Сулейманович – Заведующий Совторготделом Южно-Казахстанского обкома партии (с 1956 г. – нач. снабжения и сбыта Учпедгиза г. Фрунзе);

Бугубаев Тюля – Председатель колхоза «Тогуз-Булак» Балыкчинского района;

Давлетов Ахмет Бакеевич – начальник Управления начальных школ и педучилищ Наркомпроса Киргизской ССР;

Джаманкулов Малабек – Второй секретарь Тамдынского РК КП Узбекистана;

Атаев Дюйше – Секретарь ЦК КП Киргизии по пропаганде и агитации;

Курманов Таир – начальник Ошского облуправления кинофикации;

Шеркулов Кадыркул – Второй секретарь Ачинского РК партии;

Боркеев Сатылган – Заместитель управляющего Кирзаготхлопкотреста¹⁵.

Также в период 1956–1958 гг. Бюро ЦК КПСС Киргизской ССР были восстановлены в рядах коммунистической партии семь человек, ранее исключенных по политическим обвинениям:

Богубаев Т., член партии с 1932 г.;

Джуманкулов И. – с 1928 г.;

Арзамасцев Д.Ф. – с 1924 г.¹⁶;

¹⁵ Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики (далее – ЦГА ПД КР). Ф. 391. Оп. 2. Д. 688. Л. 1–6

¹⁶ Подробнее см.: Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане... С. 110–111.

Оликер Б.Л. – с 1919 г.¹⁷;
Баратов П. – с 1930 г.;
Давлетов А. – с 1925 г.;
Шишкунас – с 1918 г.¹⁸

Исхак Раззаков в своем докладе на IX съезде КПСС Киргизской ССР, прошедшем 21–23 марта 1958 г., говорил: «ЦК КП реабилитировал в партийном отношении (посмертно) всех членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов ревизионной комиссии Компартии Киргизии, репрессированных в 1937–1938 гг. В числе реабилитированных такие видные руководящие работники республики, как Уразбеков – председатель Киргизского ЦИКа, Исакеев – председатель СНК, первые секретари обкома и ЦК Аммосов и Белоцкий, секретари ЦК – Джеенбаев и Кененбаев, член партии с 1918 г. Айдарбеков, Тыныстанов – писатель, и другие»¹⁹.

Анализ сведений о перечисленных лицах показывает, что в республике в период «оттепели» в первую очередь реабилитировались чиновники высшего и среднего звена (включая даже сотрудников НКВД), работавшие в республике.

Одновременно происходили частичное восстановление прав пострадавших верующих и духовенства и новые антирелигиозные гонения (с 1954 по 1959 г. Бюро ЦК Компартии Киргизии приняло четыре постановления в этом направлении). Надо отметить, что новые антирелигиозные преследования были начаты после того, как партийные органы выяснили, что население республики (и городское, и сельское) спокойно сочетает исполнение советских норм и соблюдение религиозных обрядов.

Многие святые места и мазары на территории республики стали посещаться десятками тысяч верующих не только из Киргизии, но и из других Среднеазиатских республик СССР. Организаторами паломничества верующих мусульман выступали в основном потомственные шейхи, представлявшие религиозную касту, а также народные целители, использовавшие эти места для исцеления больных, пророчества и знахарства.

Особое беспокойство республиканского партийно-государственного аппарата вызывал значительный рост доходов мечетей и церквей.

¹⁷ См.: Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане... С. 158–160.

¹⁸ ЦГА ПД КР. Ф. 391. Оп. 2. Д. 122. Л. 71.

¹⁹ Исхак Раззаков: Жизнь, отданная народу: сб. док и материалов / сост. С.Р. Джумалиев, Д.Ш. Кызаева и др. Бишкек, 2000. С. 6.

Одной из причин восстановления общественной роли религии называлось усиление духовенством работы с молодежью и женщинами. Но каковы бы ни были истинные причины усиления роли религии в жизни советского общества, власти были заинтересованы в первую очередь в противодействии этому процессу. Для этого применялись различные ограничительные методы и средства. Верующие коммунисты и комсомольцы стали подвергаться партийным взысканиям (вплоть до исключения из рядов партии и комсомола) за участие в религиозной деятельности или содействие им. Была введена строгая ответственность для руководителей колхозов, совхозов, предприятий и учреждений за прямое или косвенное участие в религиозной деятельности.

Простые верующие стали чувствовать ограничение своих гражданских прав и свобод. Закрывались, переносились или разрушались мечети и храмы. Преследовались под различными предлогами руководители и активисты религиозных общин.

Сталинские репрессии и гонения против мусульманского духовенства не привели к значительному ослаблению религиозности у титульных этносов советских республик среднеазиатского региона, так как верующие могли выполнять все религиозные требования без мусульманского духовенства и мечетей²⁰.

Полагаем, что период «оттепели» стал заканчиваться для Киргизской ССР в мае 1961 г., после замены Первого секретаря ЦК КПСС Киргизии Исхака Раззакова на Турдакуна Усубалиева, который обладал сильной поддержкой в Москве (с 1943 по 1945 гг. он учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), в 1945–1955 гг. работал инструктором в отделе печати Управления пропаганды и агитации ЦК партии²¹), и был, как политик, более самостоятелен и консервативен.

Отметим, что после его прихода реабилитация жертв сталинских репрессий была постепенно свернута. В силу инерции процесс реабилитации шел еще несколько лет, а с 1967 по 1988 г. включительно Верховный Суд Киргизской ССР принимал ежегодно менее 10 решений о реабилитации²². Единичные случаи судебной и партийной

²⁰ См.: Дятленко П.И. Антирелигиозная политика государства в Киргизской ССР в 1950-х гг.: частичная реабилитация и новые гонения // Диалог цивилизаций. 2011. № 13. С. 73–83.

²¹ См.: Усубалиев Т.У. Жизнь, ты знаешь, что это такое // Он же. Эпоха. Созидание. Судьбы. Книга воспоминаний Первого секретаря ЦК Компартии Киргизии в 1961–1985 гг. Бишкек, 1995. С. 29.

²² См.: Приложение 3. Реабилитация репрессированных граждан Верховным судом КР в цифрах (по документам текущего архива Верховного суда

реабилитации были связаны с особой настойчивостью самих репрессированных лиц или их близких родственников.

В постсоветский период в историографии республики сложилась практика идеализации личности и деятельности И.Р. Раззакова и периода его руководства республикой, которая была создана и поддерживается его бывшими соратниками и южными кланами. Реальная ситуация периода «оттепели» в Киргизской ССР была более сложной, изменчивой и противоречивой. На советской периферии (в том числе в Киргизской ССР) общесоюзные процессы серьезно дополнялись местными особенностями и интересами, что и создавало многослойность повседневной социальной жизни.

КР) // Дятленко П.И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.). С. 234–235.

В. Резмер

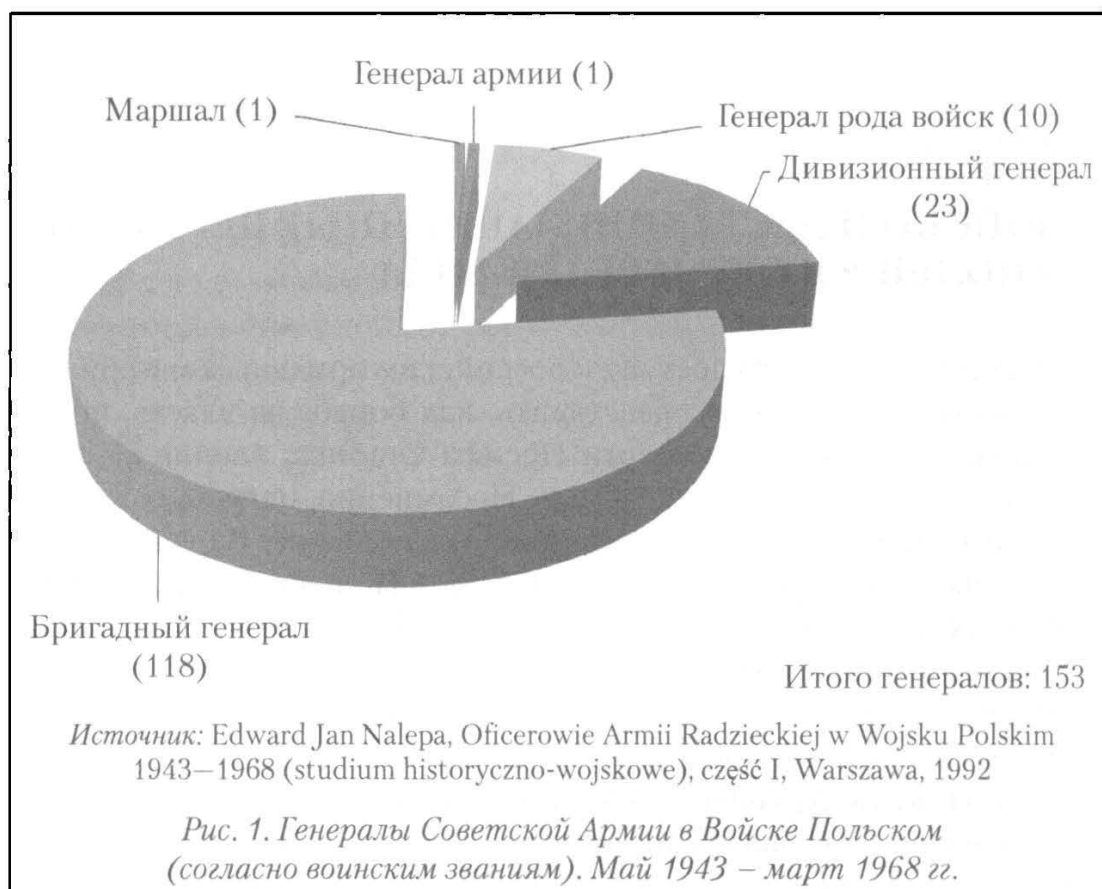
ВОЙСКО И ДЕСТАЛИНИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛЬШЕ В ОКТЯБРЕ 1956 ГОДА

Отсутствие полного доступа к российским архивным материалам не позволяет достоверно представить, как борьба за власть, происходившая в СССР после смерти Иосифа Сталина, влияла на политику Кремля в отношении Польши. Несомненно, однако, события в СССР имели непосредственное влияние на политику Варшавы, о чем свидетельствовали ротации послов СССР в Польше. В период 1953–1956 гг. их было четверо: Аркадий Соболев, Георгий Попов, Николай Михайлов и Пантелеймон Пономаренко.

Нараставшая в Польше весной 1956 г. политическая оживленность, вызванная обнародованием результатов XX съезда КПСС и доклада Никиты Хрущева «О культе личности и его последствиях», была особенно заметна среди интеллигенции и активистов Польской объединенной рабочей партии (ПОРП, *Polska Zjednoczona Partia Robotnicza*). Вскоре, однако, она нашла свое отражение и в Войске Польском (ВП, *Wojsko Polskie*).

Все громче офицерские кадры начали требовать проведения необходимых демократических реформ в армии. Внимание обращалось на негативные последствия назначения в ноябре 1949 г. Константина Рокоссовского маршалом Польши и министром национальной обороны (с мая 1950 г. был также членом Политбюро ЦК ПОРП и заместителем Председателя Совета Министров); массового наплыва советского командующего состава и советников, число которых превысило 700 человек (около 2% офицерского состава) (рис. 1); процесса «очистки» офицерского корпуса ВП от «вражеского и чуждого элемента» (речь шла о лицах, которые были офицерами до 1939 г., а также принадлежавших к конспиративным организациям Польского подпольного государства); психоза подозрительности; частой практики нарушения закона и верховенства права органами военной разведки и контрразведки, военными судами; устранения из армейской жизни многих национальных символов (например, в обмундировании – замена в 1950 г. традиционной польской военной конфедератки; (польск. *rogatywka*) круглой фуражкой), обычаев и

празднований годовщин, а также отсутствия в воспитании солдат патриотических, народно-освободительных традиций и традиций польского оружия.

12 марта 1956 г. в Москве умер Болеслав Берут (в 1947–1952 гг. – первый президент Польской Народной Республики; с 1948 г. – Председатель ЦК ПОРП; в 1952–1954 гг. – Председатель Совета Министров; с 1954 г. – Первый секретарь ЦК ПОРП) – человек, на котором в значительной степени лежит ответственность за доминирование в партии сталинской фракции. Это благодаря ему произошло увеличение числа генералов и советских офицеров в Войске Польском, назначение Константина Рокоссовского на должность польского Министра национальной обороны и присвоение звания маршала Польши (рис. 2). Это Берут во время работы над Конституцией Польши предлагал изменить национальный гимн и герб Польши, на что Сталин не выразил согласия.

Берут, однако, был очень популярен в польском обществе. Поэтому, когда из Москвы пришло сообщение о его кончине, появились слухи о том, что смерть его была не естественной. На этом фоне усилились антисоветские настроения в польском обществе. Руководящие кадры Министерства национальной обороны старались, насколько это было возможно, сохранить спокойствие в стране, опасаясь ши-

Рис. 2. Маршал Польши Константин Рокоссовский, Министр национальной обороны

Рис. 3. Генерал армии Станислав Поплавский, заместитель министра обороны ПНР

рокомасштабной военной реакции на происходящие события. Ведь именно представители Войска Польского в ЦК ПОРП в лице маршала Константина Рокоссовского и генералов Юрия Бордзиловского – начальника Генерального штаба Войска Польского, Станислава Поплавского – заместителя Министра национальной обороны (рис. 3), Казимира Виташевского – начальника Главного политического управления считались в обществе наиболее пылкими сталинистами, сдерживающими процесс демократизации и в партии, и в армии.

Виташевский на встрече с рабочими Фабрики им. Шайблера в Лодзи в апреле 1956 г. заявил, что партия будет решительно защищаться от ревизионистских и антигосударственных сил, а «если будет такая необходимость – то и свинцовой трубой»¹. Определение «свинцовая труба» стало с тех пор синонимом и символом сталинской «политической консервы».

Весной 1956 г. отношения между руководством партии и руководством Минобороны отнюдь не были наилучшими, особенно между так называемыми молодыми секретарями (Владиславом Матвиным и Ежи Моравским) – сторонниками демократических преобразова-

¹ Wojsko wobec polskiego października, 56: rezolucja, uchwały, listy / wybór, wstęp i opr. [сост., предисл. и ред.] E.J. Nalepa. Warszawa, 2002. С. 6.

ний и руководством ГПУ во главе с генералом Виташевским. ГПУ специально задерживало распространение в войске материалов XX съезда КПСС (секретного доклада Хрущева), «защищая» таким образом армию «от определенного нездорового фермента, который наблюдался в стране на волне политического оживления».

Несмотря на предпринимаемые усилия, партийному, государственному и военному руководству все меньше удавалось контролировать ситуацию. Об этом свидетельствовали партийные конференции с участием центральных учреждений Минобороны, военных округов и родов войск, на которых кадры все смелее включались в дискуссию о необходимости демократизации жизни в стране. Это было совершенно новое явление в политической жизни страны в период 1949–1955 гг.

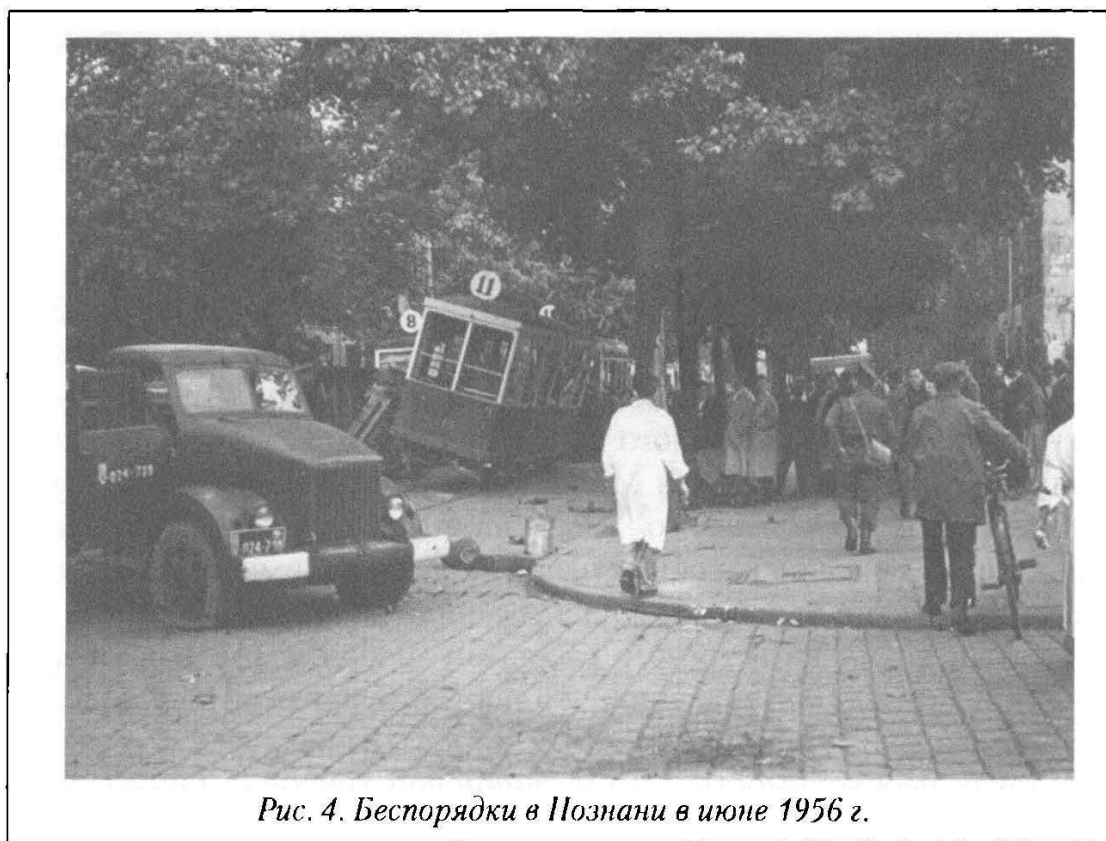

Рис. 4. Беспорядки в Познани в июне 1956 г.

Существенным импульсом к ускорению политического созревания офицеров и солдат, а также разрыву со сложившимися в начале 1950-х гг. отношениями между армией и обществом были события в г. Познани, где 28–30 июня произошел общественный бунт (рис. 4). Для пачификации уличных столкновений и протестов рабочих было задействовано войско: 10 297 солдат, 359 танков, 31 самоходно-артиллерийская установка, шесть 37-мм зенитных орудий, 30 БТР, 880 автомобилей и 68 мотоциклов (рис. 5, 6). В течение трехдневных

действий подразделения Войска Польского использовано 189 тыс. комплектов амуниции. Погибли 73 человека, в том числе три сотрудника Управления безопасности, один сотрудник Гражданской милиции, один солдат Корпуса внутренней безопасности (КВБ) и три солдата Войска Польского².

Рис. 5. Танки на улицах Познани в июне 1956 г.

Втягивание вооруженных сил в политическую борьбу за власть вызвало сопротивление многих офицеров ВП. В некоторых больших городах (в Варшаве, Вроцлаве, Кракове, Познани, Гданьске) царила истинно революционная атмосфера. На важнейших предприятиях и в вузах продолжались постоянные митинги, на которых собравшиеся поддерживали Владислава Гомулку и требовали его возвращения к партийному руководству. Это должно было произойти на VIII Пленуме ЦК ПОРП, запланированном на 19 октября 1956 г.

² Nalepa E.J. Pacyfikacja zbuntowanego miasta. Warszawa, 1992; Po obu stronach barykady: Wojsko Polskie w Poznaniu 1956 w dokumentach / wybór i opr. [предисл. и ред.] E.J. Nalepa. Warszawa, 1998; Ptasiński J. Wydarzenia poznańskie – czerwiec 1956. Warszawa, 1986.

Рис. 6. Танки на улицах Познани в июне 1956 г.

Решения о созыве VIII Пленума и изменениях в руководстве ПОРП не согласовывались с Москвой. В Кремле опасались, что власть в Польше перейдет в руки людей, слишком самостоятельных в своих действиях. Поэтому посол СССР в Польше Пантелеймон Пономоренко настаивал на том, чтобы передвинуть заседание. Согласия польской стороны он, однако, не получил. Несмотря на это, утром 19 октября на аэродроме Окенце, в районе Варшавы, приземлился самолет с советской делегацией. Кроме Никиты Хрущева прибыли также политики, ассоциируемые со Сталиным: Министр иностранных дел Вячеслав Молотов, заместитель Председателя Совета Министров Лазарь Каганович, член Политбюро Анастас Микоян. Перед вылетом из Москвы руководство КПСС уведомило руководство нескольких коммунистических партий об озабоченности развитием ситуации в Польше «в связи с особым значением положения Польши для социалистического лагеря, а в частности для Советского Союза»³.

Переговоры с советской делегацией в Бельведерском дворце были очень бурными. Хрущев обвинял польское партийное руководство в том, что оно проводит изменения без консультации с Москвой, и Гомулку – что тот хочет довести до демонтажа советское влияние в Польше, в результате чего создается угроза для всего социалистического блока. Драматизм этих переговоров заключался прежде всего в том, что одновременно в направлении Варшавы происходило движение подразделений Советской Армии. В любой момент могла начаться военная интервенция и кровопролитные бои.

³ Sowa A.L. *Historia polityczna Polski 1944–1991*. Kraków, 2011. С. 246.

Временно дислоцированные на территории Польши части Северной группы войск (СГВ) – в составе, по меньшей мере, двух дивизий, броневой и механизированной – уже в ночь с 18 на 19 октября отправились в направлении Варшавы из воинских частей в Силезии и Поморье. Вечером 19 октября первые из них добрались до окрестности Лодзи, а другие – до линии Влоцлаvek–Гостынин. До Варшавы оставалось около 100 км, но там, однако, им было приказано остановиться.

Это было результатом переговоров советской делегации с новым польским партийным руководством (рис. 7). Если бы они «не договорились», т. е. если бы Хрущев не одобрил состав новой власти ПОРП во главе с Гомулкой и не поверил в его заверения о нерушимости польско-советского союза и членства Польши в Варшавском Договоре, то, вероятно, колонны советских войск все же дошли бы до Варшавы. Реализовалась бы угроза Хрущева, высказанная Гомулке: «Этот номер вам не пройдет, мы готовы к активному вмешательству»⁴.

Рис. 7. Никита Хрущев и Владислав Гомулка

Угроза Хрущева была вполне реальной, поскольку кроме направлявшихся уже в Варшаву двух дивизий, в состоянии повышенной боевой готовности были приведены корабли Балтийского флота в Свиноуйсьце, часть кораблей, патрулировавших Гданьский залив, и некоторые подразделения граничивших с Польшей военных округов – Киевского и Белорусского.

⁴ Ten numer wam nie przejdzie. Październik'56: Chruszczow w Warszawie // Życie Warszawy. № 252. 26–27.X.1956. (Вкладыш: Historia i Życie, № 22).

23 октября, после телефонного разговора Гомулки с Хрущевым, советским дивизиям был дан приказ отойти от Варшавы и вернуться в свои воинские части. Они вернулись туда: в Легницу (Нижняя Силезия) и Борно-Сулиново (Поморье) – 25 октября. На VIII Пленуме ПОРП Министр национальной обороны маршал Рокоссовский заявил, что «действительно советские войска передвигались. Проводили осенние маневры на территории, где располагалась группа советских войск. Эти войска двигались в направлении Быдгощи и в направлении Лодзи. В связи с этим по поручению Политбюро я обратился к маршалу Коневу, который руководил этими учениями, чтоб они вернулись в воинские части постоянной дислокации»⁵.

Из объяснений Рокоссовского, следовательно, вытекало, что советские части проводили самые обычные, рутинные, ранее запланированные учения, а приписывание им политического контекста – это инсинуация и неверное толкование очевидных фактов и событий.

Более искренним был новый Первый секретарь КЦ ПОРП Владислав Гомулка. На историческом, огромном митинге на Площади Парадов (Plac Defilad) в Варшаве 24 октября 1956 г. он сказал: «Мы получили от товарища Хрущева заверение, что советские войска с территории Польши на протяжении двух дней вернутся в свои места временной дислокации, в которых они находятся на основании международных договоренностей в рамках Варшавского Договора»⁶.

Во время заседаний VIII Пленума и переговоров с советской делегацией происходили также перемещения и подразделений Войска Польского, подчиненных Министру национальной обороны маршалу Рокоссовскому, а также частей Внутренних войск, подчиненных командующему этих войск бригадному генералу Вацлаву Комару. Вечером 19 октября, в ходе драматических переговоров обеих делегаций, в режиме тревоги под столицу перегруппировались некоторые единицы 1-й Варшавской механизированной дивизии и 2-й Тяжелой саперной бригады. Часть этих подразделений была введена в город и расположена на территории варшавской Цитадели.

Одновременно из Замбрува в Легионово (20 км севернее Варшавы) был перемещен танковый полк. Состояние повышенной готовности было введено в 10-й Механизированной дивизии в Ополе, 11-й Бронетанковой дивизии в Жагане и 16-й Бронетанковой дивизии в Эльблонге. Для выполнения «спецзаданий» были подготовлены также подразделения Корпуса внутренней безопасности Вар-

⁵ Wojsko wobec polskiego października, 56... С. 11.

⁶ Przemówienie tow. Władysława Gomułki // Trybuna Ludu. 1956. № 298. 25.X.1956.

шавского гарнизона, подкрепленные вызванными дополнительно обособленными силами 1-й Бригады КВБ из Гуры-Кальварии, бронетанковой ротой и мотострелковой ротой из 7-го полка КВБ из Лодзи.

На второй день заседаний, 20 октября, несколько членов ЦК ПОРП задали вопрос Министру национальной обороны Рокоссовскому: «С какой целью и на основании чьих решений происходило это движение войск? Было ли это поручение Политбюро, правительства или же решение Минобороны?»⁷ Рокоссовский заявил, что по согласованию с Политбюро он приказал частично сосредоточить некоторые военные подразделения для специальных целей: «Это делалось в связи с опытом, связанным с познаньскими происшествиями»⁸.

Объяснения маршала Рокоссовского не убедили участников Пленума. Еще в тот же день он был отозван из состава Политбюро ЦК ПОРП, а 10 ноября отстранен от должности Министра национальной обороны и заместителя Председателя Совета Министров. При этом Политбюро ЦК назначил ему пожизненную пенсию, сравнимую с доньше получаемой зарплатой, что утвердил 13 ноября 1956 г. Сейм ПНР. Руководство ПОРП предложило Рокоссовскому вид на жительство в Польше, от чего он, однако, отказался и вместе с советскими советниками, занимавшими ранее важные посты в Войске Польском, выехал в СССР⁹.

До конца жизни Рокоссовский выписывал польские журналы: «Trybuna Ludu» («Народная трибуна»), «Życie Warszawy» («Жизнь Варшавы»), иллюстрированные еженедельники, периодические военные издания и начинал свой день с их чтения. Часто слушал польские пластинки. Очень любил слушать песни ансамбля «Mazowsze». Искал также контакт с поляками, в основном с офицерами, обучавшимися в советских военных академиях, и старался хоть немного поговорить с польскими курсантами. Не избегал также бесед с генералами Войска Польского, которые приезжали по разным делам в СССР.

В польской историографии доминирует взгляд, что некоторое влияние на приостановление военного вмешательства и возвращение подразделений Советской Армии в свои воинские части имел разговор посла СССР в Пекине с главой Коммунистической партии Китая Мао Цзэдуном, который предлагал утвердить изменения в руководстве ПОРП и избрание Владислава Гомулки Первым секретарем ЦК

⁷ Wystąpienie A. Starowicza na VIII Plenum KC PZPR w dniu 20.X. 1956 r. // Nowe Drogi. 1956. № 10. С. 18–19.

⁸ Wystąpienie K. Rokossowskiego // Op. cit. С. 15.

⁹ Pióro T. Armia ze skazą: W Wojsku Polskim 1945–1968: wspomnienia i refleksje. Warszawa. 1994. С. 250–252.

Рис. 8. Владислав Гомулка произносит речь на митинге в Варшаве 24 октября 1956 г.

ПОРП, а также считал, что следует «установить с ним сотрудничество и отношения на равных условиях». Таким образом, используя события в Польше, впервые Мао откровенно подверг сомнению лидерство СССР в блоке социалистических государств.

Несомненно при этом, что защищать партийных реформаторов готовились также рабочие крупнейших предприятий Варшавы и студенты столичных вузов (рис. 8).

В заключение следует отметить, что вооруженные силы сыграли значительную роль в переломных для Польши событиях октября 1956 г. Выход из кризиса путем политического соглашения уберег Польшу от военного вмешательства. В результате в Польше не произошли такие трагические события, которые имели место в Венгрии.

IV. ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

А.В. Захарченко

ОТ СТАЛИНСКОГО ЛАГЕРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА – К РАСПАДУ ЭКОНОМИКИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА (1953–1956 гг.)¹

В последний год правления И.В. Сталина лагерно-промышленный комплекс (ЛПК) как многопрофильный хозяйственный комбинат в системе МВД достиг максимально уровня расширения в советской экономике. Этот экстенсивный рост шел на фоне системного кризиса, проявлявшегося в невыполнении планов, финансовых потерях, нарастающих проблемах в контроле над местами заключения.

Тупик лагерной системы, ее хронические изъяны были осознаны руководителями самой системы еще до смерти И.В. Сталина. Неожиданные, на первый взгляд, инициативы главы Министра внутренних дел Л.П. Берии по упразднению большинства производственных функций ГУЛАГа и массовой амнистии заключенных лишь подтверждают это. Стремительная реорганизация карательного ведомства в 1953–1956 гг. привела не только к упразднению лагерно-промышленного комплекса как хозяйственного агента, но и к распаду экономики принудительного труда.

Быстрый отказ от ГУЛАГа как от наиболее тяжелого сталинского наследия в период 1953–1956 гг. был связан с возвращением к старой модели ведения хозяйства в местах заключения, где осужденные в колониях продолжали вырабатывать продукцию теперь уже, главным образом, для воспроизводства самой пенитенциарной системы.

В этой связи нам представляется важным рассмотреть процесс реорганизации лагерной экономики, ставшей, по сути, началом распада системы принудительного труда.

Состояние лагерно-промышленного комплекса накануне реформы

После войны Сталин продолжал рассматривать ГУЛАГ в качестве мобилизационного инструмента при решении хозяйственных задач и не планировал пересматривать курс, взятый на рубеже 1920–1930-х гг.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, №16-01-50017, основной конкурс).

Анализ документов Госплана СССР, связанных с разработкой проектов развития народного хозяйства на пятую пятилетку (1951–1955 гг.), позволяет говорить о дальнейшем расширении пространства лагерной экономики.

В течение 1951–1955 гг. МВД СССР должно было освоить 63 млрд рублей капиталовложений, из которых 24,8 млрд выделялись на гидротехническое строительство². Значительные средства направлялись на введение в эксплуатацию мощностей цветной металлургии, нефтяной, химической промышленности и предприятий других отраслей. Однако производственные планы, которые надлежало выполнить МВД, оказались настолько напряженными, что специалисты Госплана посчитали необходимым увеличить финансирование лагерной экономики еще на 7,7 млрд рублей³.

На фоне разрастания лагерной экономики и напряженных плановых заданий в руководстве МВД зрело беспокойство относительно того, что система мест заключения становится все менее управляемой. Глава министерства С.Н. Круглов (с декабря 1945 – по март 1953 г.) довольно скептически высказался относительно исправительного характера и высоких хозяйственных задач ГУЛАГа. В марте 1946 г. на совещании начальников политотделов лагерей,строек и территориальных управлений органов внутренних дел он признал тот факт, что расширение участия вольнонаемных кадров, востребованность которых ГУЛАГ ощущал все острее, несовместимо с принципом существования мест заключения⁴.

Тенденция к росту числа вольнонаемных кадров в ГУЛАГе продолжалась вплоть до изъятия из системы МВД экономических функций в марте 1953 г., что было связано с расширением масштабов промышленного производства и строительства. В 1952 г. удельный вес вольнонаемных в общей численности трудовых ресурсов МВД увеличился до 38,6%⁵.

² Объяснительная записка заместителя начальника Второго главного управления Госплана СССР А. Фомина к проекту пятилетнего плана по капиталовложениям МВД СССР на 1951–1955 гг. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 98. Д. 314. Л. 2–5.

³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 98. Д. 314. Л. 5.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Д. 54. Л. 24–25.

⁵ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 4. Д. 823. Л. 72. Вольнонаемных работников, согласно документам бухгалтерских отчетов МВД СССР, стало больше в таких главках, как Главгидроволгодонстрой, Главпромстрой, Енисейстрой.

Хозяйственная реорганизация МВД

Кризис ГУЛАГа и демонтаж лагерно-промышленного комплекса свидетельствовал о том, что затянувшийся эксперимент с массовым использованием принудительного труда и активной хозяйственной деятельностью НКВД–МВД, сопровождавший процесс индустриализации, войны и послевоенного восстановления страны, завершался. С весны 1953 г. численность заключенных в лагерях и колониях МВД СССР стала резко сокращаться. Изменился и принцип их трудового использования⁶.

После смерти Сталина вновь возглавивший объединенное МВД Берия, самый влиятельный на тот момент из членов коллективного руководства, выступил с инициативами «освобождения МВД от несвойственных ему функций». 17 марта 1953 г. эта идея была изложена им в письме Председателю Правительства Г.М. Маленкову. Учитывая, что при решении вопросов, связанных с производственной деятельностью лагерей, Берия, как правило, запрашивал мнение своих заместителей и других сотрудников, курировавших экономический блок в МВД, вполне вероятно, что предложения избавить ведомство от ненужной хозяйственной обузы были высказаны и заместителем Министра внутренних дел генерал-полковником С.Н. Кругловым.

В конечном счете, своим постановлением Совет Министров СССР 18 марта 1953 г. передал в гражданский сектор народного хозяйства все основные главки, строительные организации и производственные комбинаты лагерной экономики⁷. Данное постановление означало не только упразднение в МВД хозяйственных функций, но и расформирование лагерно-производственных структур. Например, в Поволжье на тот момент таковыми являлись строительные управления Куйбышевгидрострой и Сталинградгидрострой, переданные в состав Министерства электростанций и электропромышленности. Входящие в структуру этих комбинатов Кунеевлаг и Ахтублаг переходили в прямое подчинение ГУЛАГа и выстраивали хозяйственные отношения с данными управлениями на договорных условиях.

⁶ См.: История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. М., 2004. Т. 3: Экономика Гулага / отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. С. 365.

⁷ К таковым относились: Управления строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, Норильский комбинат цветных и редких металлов, Ухтинский нефтяной и Печерский угольный комбинаты, Дальстрой, ГУЛЖДС, ГУШОСДОР, Главгидроvolгобалтстрой и др. специализированные главки, комбинаты и управления. См.: Кокурин А.И., Моруков Ю.Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 9. С. 97–98.

Опасаясь возможных волнений в связи с проведенной реформой, начальники лагерей получили указание из Москвы «принять меры к усилению режима, охраны, бытового обслуживания и полного трудоустройства заключенных, недопущению каких-либо эксцессов и безусловного выполнения производственного плана»⁸.

Амнистия и «оптимизация» кадров

В связи с выведением производственно-хозяйственных структур из подчинения МВД и передачей их гражданским министерствам, возникала проблема обеспечения их рабочей силой, что было связано с массовой амнистией по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. Указом давалось освобождение из мест заключения 1,2 млн человек⁹. Это составило 70% от всех получивших досрочное освобождение за период с 1 января 1953 по 1 апреля 1954 г. К началу апреля 1954 г. общий контингент ГУЛАГа сократился по сравнению с январем 1953 г. на 45, составив 1,3 млн человек¹⁰. В период 1954–1959 гг. было проведено еще 8 амнистий по указам Президиума Верховного Совета, согласно которым досрочное освобождение получили более 900 тыс. человек. Доля политических заключенных сократилась с 23,1% в 1952 г. до 14,5 в 1956 г.

Руководители ГУЛАГа МВД СССР были обеспокоены тем фактом, что проведенная амнистия приведет к массовому оттоку бывших заключенных с производственных объектов. Для советской экономики, особенно в северных территориях, где многие хозяйственные организации функционировали, опираясь на подневольную рабочую силу, это была серьезная проблема. Судя по опубликованным документам, такой же настрой был у руководителей гражданских министерств, поскольку с принятием на баланс производственных объектов от МВД возникал вопрос о восполнении трудовых ресурсов взамен контингентов ГУЛАГа¹¹.

Противодействие в отношении амнистии выражалось в том, что хозяйственные органы гражданских министерств старались в обход

⁸ Государственный архив Волгоградской области. Ф. Р-6497. Оп. 4. Д. 23. Л. 131.

⁹ См.: Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 12. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ О реакции министра лесной промышленности Г.М. Орлова и министра среднего машиностроения А.П. Завенягина относительно передачи в 1955 г. в их ведомственное подчинение очередных объектов МВД см.: Там же. С. 98.

формальных процедур задержать заключенных, получивших досрочное освобождение на своих объектах. Такие же действия предпринимали и руководители ряда лесных лагерей, еще оставшихся в системе МВД¹². Кроме того, существовал вполне легальный способ привлечения рабочей силы в условиях амнистии: подразделения политотдела ГУЛАГа были ориентированы на проведение «разъяснительной работы» среди освобождавшихся узников, целью которой было убедить остаться на производстве в качестве вольнонаемных работников. Для обеспечения данной кампании в лагерях проводились митинги.

В докладных записках политотделов лагерей, посвященных таким мероприятиям, отмечалось, что многие заключенные, попавшие под действие указа, проявляли сознательность и «заявляли о своей готовности остаться для работы по вольному найму». Представители политотдела, отчитываясь перед руководством МВД, старались показать положительные результаты этой кампании. Если опираться на статистику, приведенную в докладных записках политотдела ГУЛАГа, то в течение марта-апреля 1953 г. в Кунеевском ИТЛ было завербовано на строительство ГЭС по вольному найму 2 тыс. человек. В Ахтубинском ИТЛ изъявили желание остаться работать на строительстве Сталинградского гидроузла 1800 человек¹³. В то же время о неоднозначной реакции осужденных свидетельствуют упоминания об имевших место в ходе проведения кампании «антисоветских высказываниях бандитствующих элементов», стремление некоторых заключенных получить освобождение под чужими фамилиями¹⁴.

Документы свидетельствуют о том, что власть признавала как один из показателей неэффективности ГУЛАГа его разросшийся бюрократический аппарат. Поэтому изъятие хозяйственных функций и передача производственных подразделений в профильные министерства и проведение амнистии решили сопроводить сокращением гулаговской бюрократии.

Так, 29 марта 1953 г. распоряжением начальника ГУЛАГа И.И. Долгих в связи с проведением амнистии начальникам лагуправлений, УИТЛК, ОИТК УМВД предлагалось «закрыть по своему ус-

¹² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Д. 84. Л. 86.

¹³ Там же. Л. 84–85.

¹⁴ Со стороны женщин указ об амнистии имел разную реакцию. Некоторые, как отмечается в одном из отчетов политотдела ГУЛАГа, узнав о досрочном освобождении, совершили убийство своих малолетних детей, чтобы не иметь «обузы» на воле. О случаях таких преступлений в Норильском ИТЛ см.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Д. 84. Л. 87; и др.

мотрению нерентабельные, плохо подготовленные для содержания заключенных контрагентские и собственные подразделения¹⁵.

Аппараты лагерных подразделений и колоний по их ликвидации упразднились. Последовавшее за тем сокращение штатов ГУЛАГа вновь подняло вопрос об их качестве. Проблема моральных и профессиональных качеств кадров ГУЛАГа, особенно на низовом уровне, осознавалась и ранее. Однако к серьезной ротации не прибегали, так как замены «морально разложившимся» сотрудникам, обслуживающим и охраняющим многотысячные контингенты лагерей, не находилось. Наконец, воспользовавшись амнистией, руководство МВД вынуждено было приступить к сокращению личного состава охраны с увольнением стрелков и сержантов, «скомпрометировавших себя на службе».

ГУЛАГ: ведомственные перемещения

Попытка Л.П. Берии путем смены ведомственной принадлежности реорганизовать ГУЛАГ на более эффективном, с точки зрения управления, уровне, не только потерпела фиаско, но и усугубила системный кризис карательного ведомства. 28 марта 1953 г. он направляет главе Правительства Г.М. Маленкову проект постановления о передаче самого ГУЛАГа из МВД в Министерство юстиции (за исключением особых лагерей и спецлагеря для военных преступников). Сам Берия как глава МВД, по-видимому, руководствовался ведомственными интересами, перекладывая ответственность за столь проблемный карательный институт на другое министерство.

Возникшие проблемы, связанные с различиями в структуре и функциях ГУЛАГа и Минюста, вызвали у представителей центрального аппарата бывшего главка МВД тревогу по поводу результатов реорганизации¹⁶. Под угрозой полного паралича оказалась вся пирамида управления системой мест заключения. Находясь в МВД, ряд ключевых направлений ГУЛАГа (продовольственное, вещевое, материально-техническое снабжение, учет заключенных, финансирование мест заключения, планирование их производственной деятельности) курировались профильными управлениями и отделами.

¹⁵ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко; отв. сост. И.А. Зюзина. С. 429.

¹⁶ О заявлении начальника оргинструкторского отдела ГУЛАГа В.С. Лямшина председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову от 30.12.1953. см.: Там же. С. 456.

В то же время, передача ГУЛАГа в Минюст не предполагала создания там аналогичных структурных подразделений. Их функции легли непосредственно на ГУЛАГ. Ситуация усугублялась тем, что штаты ГУЛАГа в три раза превышали штаты Минюста, которое оказалось не в состоянии «переварить» такую разросшуюся структуру собственными кадровыми ресурсами¹⁷.

В результате ГУЛАГ оказался «ведомством в себе», его региональные структуры (управления и отдел исправительно-трудовых лагерей и колоний) не взаимодействовали с аппаратом Минюста. Сложившуюся ситуацию в ГУЛАГе оценили как паралич центрального руководства со стороны Минюста. Там, в свою очередь, запросили увеличения финансирования и расширения штатов. Руководители ГУЛАГа предлагали повысить собственный ведомственный статус.

Рассматривался вариант выведения ГУЛАГа из Минюста, сделав его самостоятельным главком при союзном правительстве¹⁸. Осознав угрозу управленческого коллапса, советское руководство не нашло других вариантов, кроме как возвращение ГУЛАГа в систему МВД, что было оформлено Постановлением Совета Министров СССР от 21 января и совместным приказом МВД и Минюста от 28 января 1954 г. о передаче лагерей и колоний снова в Министерство внутренних дел СССР¹⁹.

Лагерно-производственный комплекс и идеи отказа от сталинских принципов существования карательной системы

О том, что целый ряд проектов, в свое время возложенных на МВД, оказался слишком затратным для экономики и приводил к излишнему распылению капиталовложений, свидетельствовала самая масштабная после военного 1941 г. консервация строительства 19 некогда крупных гулаговских строек. Она также стала результа-

¹⁷ Если в региональных управлениях Минюста в 1953 г. насчитывалось от 8 до 15 штатных единиц, то в аналогичных лагерных подразделениях и отделах колоний – 60–100. Эти управления и отделы имели значительную производственную программу, в то время как Минюст не получил ни одной штатной единицы для обеспечения контроля за работой лагерей и колоний на местах. См.: Там же. С. 457.

¹⁸ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 2: Карательная система: структуры и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров; отв. сост. Н.И. Владимирцев. С. 460.

¹⁹ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / ред. А.Н. Яковлева; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2002. С. 372–373.

том инициативы Л.П. Берии, направившего в Президиум Совета Министров СССР предложение о целесообразности «прекращения или ликвидации некоторых объектов строительства» по причине их дороговизны. 25 марта эта инициатива была оформлена Постановлением Совета Министров СССР «Об изменении строительной программы 1953 года», согласно которому полностью прекращалось строительство объектов, некогда входивших в производственный комплекс МВД, общей сметной стоимостью в 49,2 млрд рублей²⁰.

В процессе реорганизации карательной системы ее пространство сокращалось – хозяйственно, географически и демографически.

К концу декабря 1953 г. в связи с сокращением численности заключенных было ликвидировано 60% лагерей, в остальных сокращался на 40%²¹ контингент заключенных, а также административно-хозяйственный аппарат.

Ликвидация лагерей отражала процесс распада ГУЛАГа. Если в марте 1954 г. функционировали 65 ИТЛ, то в январе 1959 г. – 28. Численность заключенных в лагерях с 1954 по 1959 гг. сократилась более чем вдвое – с 884 040 до 388 114 человек (по состоянию на 1 января)²².

Тем не менее к концу 1953 г. ГУЛАГ продолжал сохранять в себе черты института сталинской диктатуры, использовавшей в экономической политике принудительный труд. Он обеспечивал рабочей силой до 300 предприятий и строителств других министерств, по договору заключенных. В самом ГУЛАГе к концу 1953 г. производственную программу выполняли 478 предприятий и сельскохозяйственных организаций. Все они в совокупности имели производственный план на 1954 г. в размере 3800 млн рублей²³.

Заключенные продолжали использоваться на неквалифицированных работах в различных секторах советской экономики: цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности, спецстроительстве, лесной промышленности. На 1 января 1956 г. в этих отраслях, а также на предприятиях других министерств трудились более 780 тыс. заключенных²⁴.

²⁰ Закрытие подлежали в том числе строительства железных дорог в Сибири, на Дальнем Востоке и Европейском Севере СССР, предприятия химической промышленности, гидротехнические сооружения (Главный Туркменский канал, самотечный канал Волга-Урал, Волго-Балтийский водный путь).

²¹ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 460.

²² См.: Земсков. В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // Мир России. 1999. Т. 8. № 4. С. 115.

²³ Там же. С. 459.

²⁴ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей)... С. 169.

Среди последовавших вслед за смертью Сталина стремительных изменений по сокращению масштабов «гулаговской империи», 10 июля 1954 г. было издано распоряжение правительства о введении в действие Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел, в котором по-прежнему провозглашалась обязанность всех заключенных, способных к труду, работать, включая инвалидов. Положение закрепляло введенные еще в последние годы жизни Сталина методы трудовой мотивации в местах заключения (зачеты рабочих дней и заработную плату)²⁵.

После смерти Сталина в ведомственных документах органов внутренних дел проходят упоминания о том, что механизм приобщения к общественно-полезному труду, возвращению к честной трудовой жизни тех, кто вышел из мест лишения свободы, до сих пор не реализован. Именно поэтому в Постановление Совета Министров СССР от 10 июля 1954 г. был включен пункт о том, что места заключения содержатся за счет госбюджета²⁶. Так, согласно смете на содержание лагерей и колоний на 1956 г., доходы от трудового использования заключенных составили 2914,7 млн рублей, а расходы – 316,33 млн. Остаток расходов компенсировался из госбюджета²⁷.

Однако отказ от сталинской практики эксплуатации подневольного труда занял несколько лет. Новый порядок финансирования лагерей по указанному Положению так и не был введен до конца 1950-х гг. и по представлению Минфина отменен правительством 30 сентября 1954 г.

ГУЛАГ по-прежнему продолжал, как и в сталинские годы, работать, опираясь на принцип самокупаемости, когда государство покрывало из бюджета только недостающую часть расходов на содержание системы мест заключения. Из материалов итоговых отчетов МВД за вторую половину 1950-х гг. видно, что система мест заключения, как и раньше, сохраняла черты сталинского лагерно-промышленного комплекса. Там по-прежнему стремились «максимально охватить трудовыми процессами» все группы заключенных, включая инвалидов. Об этом свидетельствует, например, продолжающаяся практика включать в отчеты статистику о количестве заключенных, задействованных на оплачиваемых работах.

Создаваемые при Сталине крупные лагерные комплексы как структуры, призванные обеспечить режим изоляции и безопасности, уже к концу жизни диктатора были признаны плохо управляемыми.

²⁵ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 499, 503–504.

²⁶ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей)... С. 394.

²⁷ Там же. С. 400.

Так, после рассмотрения предложений по реорганизации ГУЛАГа, изложенных в записке руководителя этого главка И.И. Долгих, в МВД было заявлено, что «содержание больших масс контингента отрицательно влияет на обеспечение режима и создает опасность массового неповиновения».

Именно поэтому 25 марта 1952 г. вышло распоряжение МВД СССР № 536, запрещавшее строительство лагподразделений с лимитом наполнения более 3 тыс. человек²⁸. Как до реформирования карательной системы, так и после смерти Сталина это предписание не соблюдалось, поскольку 24 июня 1953 г. вышел циркуляр Минюста (куда был переведен ГУЛАГ), в котором вновь повторялся запрет содержать в лагерных подразделениях более 3 тыс. человек. Очевидно, что реформа системы мест заключения в СССР назрела и для ее осуществления необходимо было отказаться от сталинского наследия, ликвидировав ГУЛАГ в том виде, в котором он существовал при Сталине, реорганизовав карательную систему в пенитенциарный институт государства.

Предметно об этом заговорили в 1956 г., когда руководство МВД СССР 5 апреля представило в ЦК КПСС доклад за подписью министра Н.П. Дудорова. В нем признавалось, что положение дел в лагерях и колониях в течение многих лет оставалось неблагополучным, а органы внутренних дел не обеспечивают выполнения государственной задачи «по перевоспитанию заключенных». Признавался провал в политике перевоспитания заключенных трудом, когда 25% отбывавших наказание совершали преступления повторно и вновь попадали в места лишения свободы²⁹.

Задачи исправления осужденных не могли быть реализованы, поскольку сталинская карательная политика и реализация экономической функции ГУЛАГом делали неизбежным использование заключенных на массовых работах, что влекло за собой совместное содержание в ИТЛ рецидивистов с остальными узниками, которые, по признанию руководства МВД, «подвергались разлагающему влиянию» уголовного мира. Как следствие неэффективной организации труда в ГУЛАГе вновь констатировался факт использования заключенных, имевших производственную специальность на неквалифицированных работах разнорабочими, землекопами, грузчиками³⁰.

В МВД пришли к убеждению (мысль эта неоднократно в той или иной форме высказывалась на совещаниях лагерного аппарата на ме-

²⁸ См.: История сталинского ГУЛАГа... Т. 2. С. 640.

²⁹ ГУЛАГ (Главное управление лагерей)... С. 164.

³⁰ Там же. С. 165.

стах), что в лагерях существует противоречие между хозяйственной и пенитенциарной задачами, которые реализовывал ГУЛАГ. Решить проблему можно было упразднением самой лагерной структуры. Однако к такому шагу в министерстве не были готовы, хотя и осознавали его необходимость, отмечая тот факт, что наличие крупных лагерей вызывало потребность в массовых перемещениях заключенных по всей стране, и создавало трудности «для их перевоспитания и исправления».

Предложения Дудорова по поводу пересмотра «форм и методов работы исправительно-трудовых учреждений», по сути, сводились к упразднению лагерных комплексов как ключевых элементов структуры ГУЛАГа. Для изоляции осужденных за наиболее опасные преступления предлагалось использовать тюрьмы, для остальных – трудовые колонии. При этом в МВД отмечали, что в колониях следует сохранить практику трудового использования заключенных, но только в целях приобретения ими профессиональных навыков, которые будут востребованы после освобождения. Это был существенный отход от сталинских принципов организации и деятельности ГУЛАГа. К тому же не планировалось использовать труд заключенных в колониях на массовых физически тяжелых работах.

Однако идея главы МВД вызвала противодействие со стороны Комитета государственной безопасности СССР. Его руководитель И.А. Серов посчитал предложения Дудорова слишком радикальными, что нашло отражение в докладной записке от 10 мая 1956 г. на имя секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, который в тот период курировал деятельность органов внутренних дел. Шеф КГБ полагал, что очередная реорганизация мест заключения приведет к дополнительным затратам бюджетных средств, а закрытие крупных лагерей и создание на их основе мелких колоний «будет создавать видимость наличия в СССР огромного количества мест заключения»³¹.

Наличие двух позиций по поводу будущего ГУЛАГа свидетельствует о том, что внутри «силовых» ведомств имелись существенные разногласия по этому вопросу. Первоначально мнение МВД было услышано, и 25 октября 1956 г. вышло совместное постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС, где, по сути, констатировался полный провал предшествующей «исправительно-трудовой политики»³². Ключевой пункт постановления – восьмой – гласил: «Признать нецелесообразным дальнейшее существование ИТЛ МВД

³¹ Цит. по: Иванова. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. С. 331.

³² См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей)... С. 188.

СССР, как не обеспечивающих выполнение важнейшей задачи – перевоспитания заключенных в труде. В связи с этим реорганизовать ИТЛ в колонии»³³.

Однако, учитывая, что лагеря еще несколько лет продолжали свое существование, точка зрения КГБ, которую Серов высказал Брежневу, не только уравнивала позицию МВД, но и стала на несколько лет доминирующей. Более того, 14 ноября 1958 г. вышло постановление Совета Министров СССР, разрешавшее «в виде исключения» не только сохранить на период 4–5 лет ИТЛ, но и «при необходимости организовать их на строительстве новых объектов»³⁴. Таким образом, хозяйственная и институциональная составляющая ГУЛАГа пусть и в измененном, урезанном виде, но с чертами сталинского лагерно-промышленного комплекса продолжала существовать.

Немаловажно подчеркнуть, что дискуссии вокруг реформирования МВД не могли не содержать в себе ведомственных интересов. Кажется бы, с демонтажем сталинской лагерной карательной машины ресурсы для МВД были урезаны. Но это означало снятие с министерства бремени хозяйственных обязательств, а также открывало доступ к новым ассигнованиям. Согласно постановлению Правительства от 14 ноября 1958 г. до 60% плановых накоплений, полученных от производственной деятельности исправительно-трудовых колоний, оставалось им «на расширение производства и благоустройство»³⁵.

Таким образом, реформа МВД была проведена поспешно, можно даже сказать, спонтанно, что привело к дезорганизации управления, нарушениям в обеспечении безопасности, откровенным просчетам. Собственно, передача ГУЛАГа из МВД в Министерство юстиции и обратно за столь короткий срок говорит сама за себя. Замысел механическим путем, за счет сокращения кадров и лагерных структур перевести, поменять ведомственную принадлежность ГУЛАГа, разгрузив МВД от этой «обузы», и тем самым улучшить управляемость этой карательной структуры, сократить расходы и при этом повысить эффективность работы всех ее звеньев потерпел неудачу. Инициативы Берии, а потом и Хрущева ускорили процесс разложения сталинского инструмента террора, мобилизационного инструмента проведения экономической политики посредством принудительного труда. Идея самокупаемости системы, с хозяйственной точки зрения, при одновременной реализации в полной мере экономических и пенитенциарных задач оказалась утопичной.

³³ Там же. С. 190.

³⁴ Там же. С. 207.

³⁵ Там же.

* * *

Таким образом, реформирование, а фактически инициированный «сверху» демонтаж ГУЛАГа шел по нескольким направлениям, таким как:

1) лишение МВД СССР хозяйственных функций и передача их со всеми материальными средствами и вольнонаемными кадрами в хозяйственные министерства;

2) сокращение числа заключенных в ГУЛАГе путем проведения масштабной амнистии;

3) упразднение лагерных комплексов как основы ГУЛАГа, переход на двухуровневый тип мест заключений – колонии и тюрьмы;

4) отказ от принципа самокупаемости системы мест заключения и переход на финансирование из госбюджета;

5) реорганизация административного аппарата, сокращение штатов, закрытие части лагерей и колоний в целях обеспечения управляемости системы мест заключения.

Распад ГУЛАГа при Н.С. Хрущеве стал важным результатом процесса десталинизации. И не случайно лагерно-промышленный комплекс, с его разросшейся бюрократией, многочисленными административно-хозяйственными ведомствами, более чем миллионным населением заключенных, работавших в советской экономике, существовал в таком виде только при Сталине. Он был его создателем, и ГУЛАГ вплоть до его смерти был неотъемлемым институтом сталинской диктатуры. Со смертью диктатора этот институт ждала та же участь, поскольку произошел транзит политического режима СССР в более мягкие авторитарные формы, где террор уже не был востребован как один из ключевых инструментов управления государством.

Н.Ю. Пивоваров

СТРАСТИ ПО ЦЕЛИНЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ ЦЕЛИННОГО ПРОЕКТА В ИЮЛЕ 1953 – ФЕВРАЛЕ 1954 г.¹

Целинный проект Н.С. Хрущева неоднократно становился предметом исторического исследования. Его изучали с экономической точки зрения – насколько распашка целинных земель была выгодна и как она отразилась на развитии сельского хозяйства. Эти вопросы рассматривали как на уровне всего Советского Союза², так и отдельных регионов³.

Целинный проект изучался с социальной точки зрения – анализировался быт целинников, их непростые взаимоотношения с местным населением и особенно – с народами, депортированными на восток

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-01-00067а.

² На сегодняшний день хрущевская аграрная политика и целинный проект лучше всего исследованы в работах И.Е. Зеленина. См.: Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; Он же. Советская аграрная политика в 1950 – начале 1980-х гг. // Россия в XX веке: реформы и революции. М., 2002. Т. 1.

³ Из региональных исследователей наиболее полно раскрыл историю сибирской целины новосибирский исследователь С.Н. Андреенков. См.: Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007; Он же. «Целинный проект» 1954 г.: предпосылки, разработка и реализация в Сибири // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2011. С. 95–103. Целина также стала предметом специального изучения в коллективных монографиях, подготовленных в секторе аграрной истории Института истории СО РАН. См.: Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории: монография / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2008; Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: монография / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2012; Мобилизационная роль советского государства в хозяйственном освоении Сибири: сб. науч. трудов. Новосибирск, 2012; Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации: монография / отв. ред. А.А. Николаев. Новосибирск, 2015.

страны⁴. Однако роль политической борьбы в формировании проекта, развернувшейся в советском руководстве после смерти И.В. Сталина, практически не рассматривалась исследователями. «Целина», несомненно, была не только крупнейшей экономической кампанией, но и кампанией политической. По сути, целинный проект стал первой масштабной акцией, организованной аппаратом ЦК партии после смерти И.В. Сталина и утверждения во власти Н.С. Хрущева. Ключевыми источниками, позволившими раскрыть политическую историю целинного проекта стали документы и материалы делопроизводства ЦК КПСС (Президиума, Секретариата, аппарата), сохранившиеся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ).

На рубеже 1952–1953 гг. советское сельское хозяйство переживало глубокий социально-экономический кризис. Причиной этого был жесткий административно-командный прессинг со стороны властей. Ситуация в аграрном секторе экономики была настолько тяжелой, что практически сразу после смерти Сталина власть начинает стремительные реформы в этой области. Первым центром послесталинских преобразований в сельском хозяйстве стало Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР, образованное Постановлением Президиума ЦК от 13 марта 1953 г. на основе семи государственных структур (министерств сельского хозяйства, хлопководства, совхозов, заготовок, лесного хозяйства, а также государственной инспекции по определению урожайности и главного управления по заповедникам). Возглавил новое министерство А.И. Козлов – ставленник Г.М. Маленкова, до этого занимавший пост заведующего Сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС.

После июльского пленума 1953 г. министерство направило в ЦК ряд проектов, для рассмотрения которых была создана специальная комиссия во главе с Н.С. Хрущевым. 4 августа 1953 г. на совместном заседании Совета Министров СССР и Президиума ЦК КПСС эти проекты были одобрены⁵. Реформы Маленкова и его команды долж-

⁴ Наиболее интересное исследование в этой области провел в своей диссертации М. Пол. См.: Pohl M. *The Virgin lands between memory and forgetting: people and transformation in the Soviet Union, 1954–1960* // Indiana University, 1999.

⁵ Были утверждены следующие постановления: «О мерах по дальнейшему развитию животноводства в стране и снижению норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих»; «О мерах увеличения производства и заготовок картофеля и овощей в колхозах и совхозах, механизации работ по возделыванию и уборке этих культур и об увеличении производства пропашных тракторов и сельскохозяйственных машин в 1953–1955 годах»; «О мерах по дальней-

ны были помочь в оздоровлении аграрной сферы. Однако ситуация в сельском хозяйстве оставалась тяжелой.

Сказывались неблагоприятные климатические условия весны-лета 1953 г. Так, Первый секретарь Украинской компартии А.И. Кириченко сообщал в ЦК, что в связи с плохими погодными условиями многие колхозы и совхозы республики не смогут выполнить обязательства по хлебозаготовкам, крайне низкими оказались и фуражные фонды. Руководство республики просило уменьшить план заготовок хлеба до 46 млн пудов. С аналогичными просьбами в ЦК обращались руководители других республик, краев и областей. Так, власти Казахстана, Латвии, Литвы, Краснодарского и Алтайского краев, Новосибирской и Омской областей обратились в Минсельхоззаг СССР с просьбой продать зерна меньше, чем это было заявлено по плану, а руководители Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении, Ставропольского края, Сталинградской и Рязанской областей вообще попросили отменить план по хлебозаготовкам на 1953 г. Начатые позитивные аграрные преобразования натолкнулись на неудовлетворительные хлебозаготовки, а Маленков стал терять политические очки.

Первый серьезный удар по инициативам Маленкова был связан с отстранением Козлова от руководства министерства. Незадолго до отставки Козлов обратился в ЦК с просьбой уменьшить план по хлебозаготовкам, однако был жестко раскритикован и переведен на должность министра совхозов СССР – нового государственного органа, выделенного из Министерства сельского хозяйства. На место Козлова решением Президиума ЦК в конце августа был поставлен бывший сталинский министр И.А. Бенедиктов, до этого непродолжительное время проработавший послом в Индии. Утверждение кандидатуры Бенедиктова было аппаратной победой Хрущева над Маленковым. Хрущев явно благоволил новому министру, и не случайно Президиум ЦК пошел на уменьшение плана хлебозаготовок по стране на 25 млн пудов – почти ровно на столько, на сколько просил и Козлов.

Впрочем, пока Хрущев не прибегал к открытой политической борьбе с Маленковым. В этом отношении показателен сентябрьский пленум ЦК КПСС. Центральное место на пленуме занял доклад Хру-

шему улучшению работы машинно-тракторных станций»; «О мерах по усилению агрономической и всетехнической помощи колхозам и дальнейшему укреплению состава председателей колхозов»; «О мерах по обеспечению сельского хозяйства минеральными удобрениями, повышению их качества и расширению ассортимента»; «О сельскохозяйственном налоге» (Закон СССР) [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 38. Л. 1–4].

щева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР»⁶. Фактически в выступлении повторялись основные идеи Маленкова, озвученные им на 5-й сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. С одной стороны, это было связано с тем, что доклад готовился в сжатые сроки (в течение нескольких недель), с другой – для Хрущева главной целью на пленуме было получение долгожданного поста первого секретаря ЦК КПСС, ради него он был готов на временную сделку с Маленковым.

Решения, зафиксированные на сентябрьском пленуме ЦК, не могли коренным образом повлиять на ситуацию в сельском хозяйстве. Но эти же решения (точнее требования по их выполнению на местах) развязали руки Н.С. Хрущеву. Уже 14 октября на заседании Президиума ЦК было принято совместное Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О ходе хлебозаготовок»⁷, в котором уже в ультимативной форме от местных руководителей неукоснительно требовалось выполнение плана.

Выговор в постановлении был объявлен Тульскому обкому партии за плохое ведение хлебозаготовительной кампании. Почему именно Тульское руководство было выбрано на роль жертвы – не совсем понятно. По уровню выполнения плана Тульская область демонстрировала низкий, но не самый худший показатель по стране – 39,6% от утвержденного плана. Например, Новгородская область к 10 октября 1953 г. выполнила только 20,2%, Калининская – 23,4, Литва – 26,4, Вологодская – 37,0. В таких условиях, нагнетавших срыв хлебозаготовок, в аппарате ЦК окончательно утверждается идея целинного проекта как реальной хрущевской альтернативы аграрным преобразованиям Маленкова.

Идею освоения целины трудно назвать новой. Впервые освоение целинных и залежных земель началось еще в начале XX в., когда в Сибирь стали пребывать столыпинские переселенцы, и продолжилось после Февральской революции 1917 г. Освоение целины особенно активно шло в 1930-е и начале 1940-х гг. Но что стало отправной точкой в развитии хрущевского целинного проекта, до сих пор остается загадкой.

Ответом на этот вопрос могла бы послужить записка некоего Б. Савельева – инструктора по определению урожайности при Совете Министров СССР, направленная еще в феврале 1953 г. тогда еще заведующему Сельскохозяйственным отделом ЦК А.И. Козлову. К сожалению, текст записки не сохранился. Однако в делопроизвод-

⁶ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48. Л. 2–204.

⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 10. Д. 53. Л. 24, 119–120.

ственной картотеке Общего отдела ЦК имеется карточка, в которой в краткой форме изложено содержание записки. Из делопроизводительной карточки известно, что в документе речь шла об изменении урожайности и структуре посевных и сельскохозяйственных площадей за 1913 г. и 1940–1952 гг., о плане на 1953 г., а также о предложениях по вводу новых площадей в сельскохозяйственный оборот. Что конкретно содержалось в записке Савельева – неизвестно. Но можно с уверенностью предполагать, что там были предложения по освоению целинных и залежных земель. С этим документом довольно плотно работали сотрудники аппарата ЦК, а возможно, и сам Хрущев. Не случайно, что, несмотря на пометку Козлова на карточке: «С мат[ериалом] ознаком[ились]. Хранить три мес[яца]. С[ельско] Х[озяйственный] отд[ел]. Козлов», – записка была уничтожена только 9 января 1956 г.

Скорее всего, идея целинного проекта в самых общих чертах была уже подготовлена аппаратом ЦК к сентябрьскому партийному пленуму. Ведь на следующий день после окончания пленума Хрущев встретился с секретарями ЦК и обкомов компартии Казахстана⁸. К сожалению, начало встречи не стенографировалось. Однако, судя по тому, что участники совещания неоднократно поднимали вопрос об увеличении производства зерна в республике, вопрос об освоении целины затрагивался. В ходе совещания Хрущев также предложил всем казахским обкомам подготовить записки о развитии местного сельского хозяйства и сообщил, что из Москвы в республику приедут инспектора и инструкторы ЦК для изучения сельского хозяйства⁹.

Такое внимание к Казахстану было обусловлено двумя ключевыми факторами. Во-первых, республика обладала самой большой площадью целинных и залежных земель. Во-вторых, Хрущев и аппарат ЦК делали ставку на политический фактор. Дело в том, что еще год назад руководство Казахстана оказалось в непростой ситуации. Казахские власти получили серьезный выговор из центра за кризис в животноводческой сфере¹⁰. Только во многом благодаря Хрущеву, возглавившему комиссию по изучению животноводческого кризиса, лидеры республики не были привлечены к серьезной ответственности.

Однако расчеты на то, что Казахстан выступит локомотивом введения в севооборот новых пахотных земель, не оправдались. В ноябре 1953 г. на пленуме ЦК Компартии Казахстана первый секретарь

⁸ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 251. Л. 117–131.

⁹ Там же. Л. 124–125.

¹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 10. Д. 2. Л. 12.

Ж.Ш. Шаяхметов даже не упомянул об идее распашки целинных земель. Он предложил увеличить посевы овса, ячменя, кукурузы, т. е. культур, необходимых для решения животноводческой проблемы. Это вызвало законное возмущение центра. Присутствовавшие на заседании казахстанского партийного пленума инспектор ЦК П.Ф. Пигалев и инструктор Сельскохозяйственного отдела М.С. Дьячков направили в Москву шифротелеграмму, в которой назвали выступление Шаяхметова «политически неострым докладом».

Дополнительным поводом для негодования в ЦК КПСС стали записки о развитии сельского хозяйства, подготовленные руководителями казахстанских обкомов. Во всех записках заявлялось о необходимости интенсивного, а не экстенсивного пути развития сельского хозяйства. Например, руководство Алма-Атинской области согласилось увеличить число пахотных земель на 2,6%¹¹. Восточно-Казахстанский обком обязался в течение 1954–1955 гг. ввести в севооборот 15,7% новых земель¹², отметив, что «планирование посева зерновых культур сверх названных цифр будет неизбежно приводить к перегрузке отдельных зерновых районов и колхозов в ущерб развитию и внедрению чистых паров».

Многие обкомы предлагали делать упор не на зерновых, а на выращивании бахчевых культур, картофеля и овощей. Талды-Курганский, Кызыл-Ординский и Кокчетавский обкомы писали о своем негативном опыте распашки целинных земель, о том, что урожайность со временем перестает быть устойчивой и колеблется в пределах от 1,4 до 5,3 ц с гектара.

Одновременно в Москву стали поступать записки сотрудников аппарата ЦК КПСС, в которых была представлена совершенно иная картина перспектив развития сельского хозяйства. Например, 23 ноября 1953 г. Н.С. Хрущев ознакомился с запиской о сельском хозяйстве в Алма-Атинской области. В ней заявлялось, что руководство обкома «мирится с ведением кочевого животноводства» и «не учитывает возможностей распашки новых земель»¹³. Аналогичные записки были подготовлены по всем казахстанским областям.

С начала декабря 1953 г. ЦК разворачивает антиказахстанскую кампанию. Первым таким шагом стал фельетон «Алгабасский сват», опубликованный в газете «Правда»¹⁴. В нем высмеивались бытовые стороны казахского общества. С середины декабря в Казахстан вы-

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 24. Д. 521. Л. 53.

¹² Там же. Д. 522. Л. 17.

¹³ Там же. Д. 521. Л. 2–13.

¹⁴ Правда. 1953. 6 декабря. № 340.

езжают уже целые группы проверяющих, направляемые аппаратом ЦК. Они интересуются уже не только сельским хозяйством, но всеми аспектами жизни республики. В Москву одна за другой поступают записки, разоблачавшие «феодално-байские отношения», царившие в Казахстане. В ход шел буквально любой компромат. В этом смысле особенно показательна анонимка на Шаяхметова, поступившая в Комитет партийного-контроля при ЦК КПСС в январе 1954 г. и разо- сланная по распоряжению Хрущева всем секретарям ЦК. «Видимо, вам неизвестны казахские дела, которые непонятно только почему терпят ЦК и нашим правительством. Семейственность, круговая порука. Устройство на теплые места своих людей и поддержка их, со- бутельничество – свили прочно гнездо под руководством Шаяхме- това и его сподручных в аппарате»,¹⁵ – объявлялось в записке.

30 января 1954 г. на заседании Секретариата ЦК состоялось об- суждение вопроса о ЦК Компартии Казахстана. На заседание были приглашены члены Бюро ЦК КП Казахстана и сотрудники аппара- та ЦК КПСС. С докладом выступил инспектор ЦК П.Ф. Пигалев – один из главных критиков деятельности руководства республики. Шаяхметов пытался возражать: «Насчет освоения целинных земель. При разработке мероприятий мы по таким масштабам, как сейчас, не шли. Мне оправдываться нечего, положение с сельским хозяйством плохое, и я лично повинен в этом, но сказать, что мы задерживали темпы и не согласны с ними – нельзя. Основная ошибка, что мы к таким темпам и масштабам, которые сейчас предполагаются, не при- выкли, в частности я»¹⁶.

Оправдания руководителя Казахстана не устроили Хрущева, ко- торый в ходе выступления Шаяхметова неоднократно в грубой фор- ме прерывал его: «Несколько слов, чтобы дать направление обсуж- дению этого вопроса. Мы обменялись мнениями на Президиуме ЦК по вопросу о состоянии работы в Казахстане и у нас сложилось такое впечатление, что в связи с большими задачами, поставленными перед Казахстаном, настоящее руководство ЦК Казахстана, в первую голо- ву секретарь т. Шаяхметов, не обеспечивает того, что нужно от Казах- стана. У него не хватит силы, чтобы организовывать людей, сплотить и направить на выполнение решений Центрального Комитета»¹⁷. Хрущев рекомендовал на пост первого секретаря ЦК КП Казахстана П.К. Пономаренко, а на пост Второго секретаря – Л.И. Брежнева. Со-

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 493. Л. 27–28.

¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 618. Л. 132.

¹⁷ Там же. Л. 138.

стоявшийся 5–6 февраля 1954 г. казахстанский партийный пленум единогласно одобрил кандидатов Хрущева.

Одновременно с антиказахстанской кампанией аппарат ЦК запустил кампанию по широкому продвижению целинного проекта. Появились сторонники целины. Первыми о необходимости распашки целинных и залежных земель объявили руководители Омского обкома и Алтайского крайкома. Так, первый секретарь Алтайского крайкома Н.И. Беляев направил Хрущеву записку, в которой выступил с инициативой увеличения пахотных земель до 1,2 млн га, в том числе в 1954 г. – 700 тыс., а в 1955 г. – 500 тыс га¹⁸. Позднее основные мысли Беляева были изложены в его статье, опубликованной в «Правде»¹⁹. В пользу распашки целины выступил Т.Д. Лысенко. 13 января он направил записку Н.С. Хрущеву, в которой заявлял, что на «осваиваемых летом 1954 г. целинных и старозалежных землях, т. е. по парам и ранней зяби, в степных и лесостепных районах Сибири и Казахстана можно и необходимо в 1955 году получить в среднем 15 центнеров с гектара зерна яровой пшеницы»²⁰.

С декабря 1953 г. в периодической печати разворачивается открытая агитация за освоение целинных земель²¹. Незадолго до начала

¹⁸ Андреенков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири... С. 77.

¹⁹ Беляев Н. Использовать под посевы пшеницы огромные земельные резервы Алтая // Правда. 1953. 11 декабря. № 345.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 1. Л. 74.

²¹ Первой такого рода статьей стала публикация начальника Северно-Казахстанского областного управления сельского хозяйства Д. Омельченко («Шире использовать под хлеба целинные земли. Крупный источник увеличения зерна // Сельское хозяйство. 1953. 9 декабря. № 212»), спустя несколько дней вышла упоминавшаяся статья Н.И. Беляева, спустя еще два дня со статьей выступил председатель Русско-Полянского райисполкома (Омская область) М. Скидский («Увеличим производства зерна за счет освоения целинных земель // Сельское хозяйство. 1953. 13 декабря. № 215»), а уже 24 декабря с программным заявлением выступил председатель Совета Министров Казахской ССР Е. Тайнбеков («Использовать под хлеба целинные земли Казахстана» // Правда. 1953. 24 декабря. № 358»). Вал статьей только увеличивался – 25 декабря опубликована статья начальника Кокчетаевского управления сельского хозяйства В. Ерофеева («Увеличим производства зерна на целинных землях» // Сельское хозяйство. 1953. 25 декабря. № 225»), председателя колхоза им. Молотова Кокчетаевской области И. Руднева («Колхоз освоит 1,500 гектаров целины под посевы пшеницы // Сельское хозяйство. 1953. 30 декабря. № 230»), кандидатов сельскохозяйственных наук А. Белозорова и В. Юферова из Омска («Крупный резерв увеличения производства зерна. Как вести в Сибири обработку целинных и залежных земель, осваиваемых под зерновые культуры» // Сельское хозяйство. 1954. 8 января. № 6) и многие другие.

газетной кампании в крупнейших сельскохозяйственных изданиях была произведена смена главных редакторов, а в конце ноября состоялось совещание с главными редакторами и руководителями отделов сельского хозяйства под руководством М.А. Суслова, посвященное вопросам освещения в печати проблем сельского хозяйства.

Наконец, в самом аппарате ЦК начинается активная разработка окончательного варианта проекта постановления о распашке целинных и залежных земель. В конце декабря 1953 г. записку по этому вопросу Н.С. Хрущеву направил министр сельского хозяйства Бенедиктов. По распоряжению первого секретаря ЦК была образована комиссия в составе С.Ф. Демидова, И.А. Бенедиктова, Л.Р. Кориница, П.П. Лобанова, А.И. Козлова, В.В. Мацкевича и Т.А. Юркина.

К середине января 1954 г. комиссия направила записку, в которой уже подробно обосновывалась необходимость освоения целины²². Именно на основе этой записки М.А. Сусловым и Д.Т. Шепиловым была подготовлена к 22 января записка Н.С. Хрущева для Президиума и Секретариата ЦК²³. Записка Хрущева, рассмотренная на Президиуме, была положена в основу его доклада, произнесенного на февральско-мартовском пленуме ЦК 1954 г.²⁴ Примечательно, что на самом Президиуме ЦК записка Хрущева не вызвала особых дискуссий и возражений. Гораздо больше внимания советские руководители уделили другой записке Хрущева – «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппаратов»²⁵, разосланной почти одновременно с запиской о целине.

Целина стала первым крупным политическим проектом, в ходе реализации которого на практике были использованы методы ведения политической борьбы, позже применявшиеся в последующих хрущевских экономических и политических кампаниях.

На примере целинного проекта мы можем наблюдать две доминанты политической культуры хрущевского десятилетия. Во-первых, это скорость принятия решений. От идеи целины до ее утверждения на февральско-мартовском пленуме прошло менее полугода – крайне небольшой срок для проекта подобного масштаба. Во-вторых, опора на аппарат ЦК КПСС. Хрущев, в отличие от Сталина, который в борьбе со своими политическими противниками использовал и аппарат ЦК, и карательные органы, опирался лишь на партаппарат.

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 1. Л. 32–42.

²³ Там же. Л. 1–31.

²⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–111.

²⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 80. Л. 1–2.

История формирования целинного проекта наглядно демонстрирует, что все шаги и начинания первого секретаря, в том числе в антиказахстанской кампании, были подготовлены исключительно внутри ЦК партии. Целина также стала важным этапом в формировании абсолютной монополии ЦК при принятии решений практически по всем государственным вопросам. В сталинские времена ЦК был одним из центров принятия решений наряду с Совнаркомом (Советом Министров) и карательными органами. При Хрущеве ЦК КПСС превратился в параллельную государственным органам структуру, настолько могущественную и эффективную, что в дальнейшем он же инициировал и провел его снятие с поста первого секретаря.

С.Н. Андреенков

ОПТИМИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА КОЛХОЗОВ В СЕРЕДИНЕ 1950 – НАЧАЛЕ 1960-х гг. В СИБИРИ

Базовой организационной структурой аграрного строя в СССР, созданного в 1930-е гг., являлись колхозы (сельхозартели), которые находились под жестким административным, налоговым и технологическим диктатом государства. Хотя, начиная коллективизацию, верховное руководство не планировало использовать в колхозной системе механизмы принуждения. Их пришлось применять в связи с нежеланием значительной части крестьянства вступать в колхозы и результативно в них трудиться.

В 1930 – начале 1950-х гг. базовые параметры хозяйственной жизни колхозов (размеры и структура посевных площадей и поголовья скота, обязательный минимум выработки трудодней, расценки работ и пр.) определяли региональные органы власти, которые руководствовались указаниями из центра. Сложной техникой сельхозартели не обладали. Трактора, комбайны и прочие сельхозмашины концентрировались на специальных государственных предприятиях – машинно-тракторных станциях (МТС), которые на возмездной основе осуществляли механизированные работы на колхозных полях. Кроме того, МТС контролировали учет труда колхозников, распределение дохода, в директивном порядке определяли агротехнику.

Значительная часть произведенной колхозами продукции отчуждалась государством посредством обязательных поставок. Они оплачивались по заготовительным ценам, уровень которых не позволял хозяйствам получать средства, достаточные для быстрого наращивания материальных фондов. Обязательные поставки имели форму налога. Одновременно с ними существовала система государственных закупок. Закупочные цены были выше заготовительных, но ниже рыночных.

Основной задачей госзакупки являлось изъятие «излишков» сельхозпродукции, появлявшихся в деревне в урожайные годы. Значительные объемы зерна изымались в качестве натуропла-

ты МТС, размеры которой зависели от урожайности. Только после осуществления всех платежей, а также возвращения ссуд, формирования семенных, фуражных и страховых зерновых фондов оставшийся в колхозе хлеб можно было выдавать колхозникам. Нередко после выполнения сверхнормативных заготовительных заданий или в неурожайные годы распределять по трудодням было нечего.

Колхозники были слабо заинтересованы в развитии коллективного производства. Постоянными спутниками колхозной системы являлись хищения общественного имущества, работа спустя рукава, пьянство. В этих условиях попытки вовлечь сельхозартели в реализацию крупных государственных программ по подъему сельского хозяйства не могли дать должный результат.

Повышение дисциплины труда колхозников власть связывала с ограничением их личных подсобных хозяйств (ЛПХ), являвшихся важным элементом аграрной системы. Для работников сельхозартелей труд в ЛПХ был главным источником получения материальных и денежных средств и поэтому имел большое значение. Власть стремилась перенаправить трудовую энергию колхозников из личного хозяйства в общественное путем ограничения размеров и налогового удушения ЛПХ, а также за счет подъема обязательного минимума выработки трудодней и ответственности за его невыполнение.

После смерти И.В. Сталина «коллективное руководство» страны попыталось снизить давление на колхозы и обеспечить существенное увеличение их доходов. В связи с этим должно было повыситься материальное благосостояние работников сельхозартелей. Его подъем связывался и со смягчением политики по отношению к ЛПХ. Результат осуществления данных мер виделся в росте показателей дисциплины и производительности труда колхозников.

Ради повышения доходности колхозов и их работников верховная власть решила на пересмотр основ государственной ценовой политики в сельском хозяйстве. Значительно были подняты цены на животноводческую продукцию, картофель и овощи. Их первое повышение провели в августе 1953 г., второе – в 1955–1956 гг. В итоге заготовительная цена на крупный рогатый скот увеличилась в 5 раз, закупочная – в 2 раза. Расценки на картофель поднялись в 8 и 1,5 раза соответственно.

В заготовках зерновых культур возростала в основном закупочная цена. Осенью 1953 г. она возросла более чем в 8 раз. В 1958 г. было решено перейти к единым закупочным ценам, позволявшим покрывать затраты и создавать накопления. Обязательные поставки, натуропла-

та МТС и другие натуральные платежи отменялись, задолженности по ним списывались¹.

В 1953–1958 гг. в Сибири доходы колхозов в расчете на одно хозяйство увеличились в 5,3 раза, стоимость трудодня – в 4,9 раза². С 1956 г. сельхозартели региона, как и страны в целом, стали переходить на авансированную оплату труда. В Красноярском крае в указанном году подобные платежи практиковали 38% сельхозартелей, в 1958 – 60, в 1960 г. – 76³.

Рост доходности сибирских колхозов был обусловлен не только подъемом заготовительных и закупочных цен, но и существенным увеличением производства зерна, связанным с освоением плодородных целинных и залежных земель. Оно началось в 1954 г. по инициативе Н.С. Хрущева и осуществлялось за счет средств государства. МТС целинных регионов получили значительные технические и кадровые ресурсы. В конце 1953 и в 1954 г. все колхозники, работавшие в МТС трактористами и комбайнерами на временной (сезонной) основе, становились штатными сотрудниками станций с более высокой и гарантированной оплатой труда.

Доходы работников сельхозартелей увеличивались и благодаря личным подсобным хозяйствам, налогово-податное бремя которых было облегчено. В ЛПХ колхозников Сибири с 1953 по 1956 г. количество крупного рогатого скота выросло на 32%, коров – на 21, овец и коз – на 73, свиней – на 59. Уменьшился удельный вес бесскотных и бескоровных семей.

Возросло число посевных площадей огородных культур. Колхозники Новосибирской области расширили их за данный период на 10%.

Увеличились объемы реализации продукции ЛПХ на рынке. В Томской области продажа работниками сельхозартелей говядины поднялась на 9%, молока – на 50, яиц – на 67, картофеля – на 7⁴.

¹ См.: Андреенков С.Н. Реформирование системы заготовок колхозной продукции в СССР в 1950-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. 2014. М., 2015. С. 449–458.

² См.: Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 325.

³ Там же.

⁴ См.: Численность скота в СССР: стат. сб. М., 1957. с. 140, 147, 154, 160; Народное хозяйство Новосибирской области и города Новосибирска: стат. сб. Новосибирск, 1957. С. 54; Народное хозяйство Томской области: стат. сб. М., 1965. С. 130.

Принимались меры по расширению внутриколхозного самоуправления. Районные хозяйственные органы, существенно сократив свои штаты, передали колхозам ряд управленческих полномочий. В 1954 г. было принято решение предоставить сельхозартелям право определения размеров обязательных минимумов трудодней, в 1955 – составления производственных планов, в 1956 г. – внесения изменений и дополнений в уставы сельхозартели.

Однако аграрная политика «с человеческим лицом» своих целей не достигала. Дисциплина труда колхозников не выросла. В 1953 г. в Новосибирской области доля трудоспособных членов сельхозартелей, не выработавших минимума трудодней, составила 9,1%; в 1954 – 10,5; в 1955 – 11,7; в 1956 – 10,5; в 1957 г. – 11,7⁵. При этом в 1954–1955 гг. многие колхозы установили для своих членов умеренные трудовые нормы.

Увеличение числа лиц, уклонявшихся от работы в коллективном хозяйстве, происходило в основном за счет женщин. В 1950 г. в Новосибирской области их доля в числе работников, не выполнявших минимума трудодней, составляла 16,2%; в 1954 – 18,7; в 1955 – 21,1⁶. Невыход колхозниц на работу не всегда был связан с уходом за детьми и другими уважительными причинами. Многие женщины стали активнее заниматься домашним производством. Из-за их уклонения от труда в колхозе в первую очередь страдало общественное животноводство, где преобладал ручной женский труд.

Удельный вес трудоспособных мужчин, которые не выработывали минимума трудодней, был заметно меньше. В Новосибирской области в 1950 г. трудовую норму не выполняли 1,8% мужчин, в 1954 – 2,3; в 1955 г. – 2,4. Как видно из этих данных, доля уклонистов в колхозах Новосибирской области выросла. Хотя в Алтайском крае она уменьшилась (1,1; 1,0 и 0,8% соответственно). В Западной Сибири за указанные годы этот показатель мало изменился (1,6; 1,9 и 1,7%), в Восточной Сибири он несколько повысился (1,6; 2,7 и 1,9%)⁷.

Колхозное производство развивалось весьма умеренными темпами. Если растениеводство благодаря целинной кампании сделало шаг вперед, то животноводство топталось на месте. В 1953–1956 гг. в колхозах Сибири производство мяса выросло на 11%, в ЛПХ – на 57. Еще хуже была ситуация в производстве яиц (–11 и +64%) и шерсти

⁵ ГАНО. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1820. Л. 3, 4, 9; Д. 1917. Л. 3, 5; Д. 2010. Л. 2, 4, 6 об.; Д. 2097. Л. 2 об., 5, 7 об.; Д. 2213. Л. 2 об., 5, 7 об.

⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1394. Л. 125, 128.

⁷ Там же.

(-10 и +94%). Зато общественные фермы стали давать больше молока (+47 и +16%)⁸.

В середине 1950-х гг. политику государства во многом стал определять Н.С. Хрущев. Если для «коллективного руководства» страны новый курс в деревне сводился к «косметическому ремонту» сталинской аграрной системы, то для Хрущева он означал перевод организационно-производственного механизма сельского хозяйства в действительно новое состояние. Новизна заключалась в реализации замыслов марксистских теоретиков 1920-х гг., согласно которым колхозно-кооперативная собственность является временным явлением и неминуемо сольется с общенародной (государственной), то есть сельхозартели превратятся в совхозы. Последние являлись предприятиями индустриального типа, поэтому отличались крупными размерами, централизованной директивной системой управления, располагали сложной техникой и квалифицированными кадрами, использовали гарантированную оплату труда. В совхозную модель хозяйствования не вписывались такие элементы сталинской аграрной системы, как ЛПХ, МТС и натуральные расчеты.

Политика «совхозизации» колхозов стала активно реализовываться. В 1956 г. возобновилось укрупнение колхозов. В Сибири с 1953 по 1959 г. средняя численность дворов одного хозяйства увеличилась на 68%, размеры сельхозугодий – на 56%, посевная площадь – в 2,3 раза, поголовье крупного рогатого скота – в 2,2 раза. По этим параметрам сибирские колхозы занимали лидирующие позиции в стране. При этом количество дворов в сельхозартелях Сибири было меньше, чем в СССР⁹. С 1957 г. экономически слабые колхозы стали преобразовывать в совхозы.

Укрупнение колхозов позволяло сократить управленческий персонал и высвободить дополнительные средства для развития хозяйства. Многим укрупненным высокодоходным колхозам удалось перейти от системы трудодней к гарантированной хозяйством оплате труда. В Сибири в конце 1950 – начале 1960-х гг. ее использовала почти треть всех колхозов. Укрупненным хозяйствам легче было наращивать материальные фонды.

Колхозы объединялись и в целях получения дополнительных средств для выкупа техники МТС, и закрепления переходящих из них механизаторских кадров. (Реорганизация МТС проводилась в 1958–1960-х гг. по инициативе Н.С. Хрущева, решившего, что время

⁸ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 338–339, 342–347, 350, 352–355, 357–360, 362–363.

⁹ Там же. С. 62–63.

технологической диктатуры станций закончилось и колхозы должны стать полноценными хозяевами на своей земле.) Покупка технического парка МТС, имевшая поспешный и принудительный характер, оказалась по карману только для небольшой части укрупненных хозяйств. Для большинства сельхозартелей она была чревата подрывом финансовой системы. После покупки технического парка у многих хозяйств средств, достаточных для создания механизаторам достойных условий труда и проживания, почти не осталось. Трактористы и комбайнеры бывших МТС работали в колхозах без должной заинтересованности. Производительность техники в колхозном секторе на прогнозируемый уровень не поднялась.

Во многих регионах вследствие объединения хозяйств расстояния между производственными объектами, а также между ними и селами, где жили колхозники, существенно увеличились, что осложняло организацию производственного процесса. Строительство дорог, коммуникаций, переселение колхозников требовали расходования больших средств, которых у хозяйств не было. Развитие аграрного производства в этих районах имело застойный характер.

Бригады в укрупненных колхозах имели большие размеры. Самыми крупными были комплексные, тракторно-комплексные и тракторно-полевые подразделения, в каждом из которых трудилось более 100 колхозников. В 1960 г. в Алтайском крае их средний размер достигал 134 человек¹⁰. Управлять такими структурами было крайне сложно. Заработок работников слабо зависел от производственных результатов подразделения, что отрицательно отражалось на производительности труда.

Негативным последствием укрупнения колхозов было окончательное свертывание еще сохранявшихся в них элементов внутриартельной демократии и установление жесткого централизованного управления хозяйством. Мнение колхозников окончательно потеряло какое-либо значение, поскольку в объединенных сельхозартелях общие собрания были трансформированы в собрания уполномоченных от укрупнившихся хозяйств.

Порядок избрания и функционирования последних определялся руководством сельхозартели и утверждался райисполкомом. Так, в колхозе «Союз строителей» Ояшинского района Новосибирской области уполномоченные от трех входивших в него населенных пунктов избирались всеми колхозниками по норме – один предста-

¹⁰ Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991. С. 123.

витель от трех членов артели на три месяца. Собрание уполномоченных собиралось не реже двух раз в квартал¹¹.

Роль председателя в управлении хозяйством возрастала. Теперь только с ведома главы колхоза и по его воле происходили исключение и прием в члены сельхозартели, устанавливались нормы выработки, расценки работ, авансовые и поощрительные выплаты, обязательный минимум трудодней, размеры ЛПХ и т. д. При этом колхозники фактически уже не выбирали себе руководителя. Процесс смены власти в сельхозартели представлял собой голосование за кандидатуру, рекомендованную райкомом.

В середине 1950-х гг. корпус колхозных председателей был «усилен» множеством нечленов колхозов. В 1955–1957 гг. в деревне высадили тридцатитысячный «десант председателей», который состоял в основном из горожан, имевших опыт управленческой работы на государственной службе и в промышленности. Организаторская деятельность новых председателей должна была обеспечить увеличение трудовой отдачи. «Тридцатитысячников» в первую очередь следовало трудоустроить в экономически слабые хозяйства, где им надлежало добиваться выполнения спускаемых сверху указаний.

Данную задачу посланцы партии в целом не выполнили, но их вклад в развитие колхозной системы все же оказался весомым. «Тридцатитысячники» вытеснили из руководства сельхозартелей лиц, связанных с местным сельским социумом, и усилили подчиненность хозяйств районным властям.

По уровню доходов руководители колхозов намного опережали рядовых колхозников. По правилам, установленным в 1948 г., количество начисляемых председателю трудодней зависело от размеров посевных площадей и поголовья скота артели, а денежных выплат – от годового денежного дохода хозяйства. Действовала также система надбавок за перевыполнение плана и стаж работы.

«Тридцатитысячникам» выплачивались специальные надбавки. Агрономы, зоотехники, бухгалтера получали зарплату, которая достигала 60–90% объема средств, получаемого председателем. С 1948 г. многое изменилось, колхозы стали намного больше и доходнее. Богаче стали и их руководители. Например, в 1959 г. в сельхозартели имени Ленина Горьковского района Омской области среднемесячная зарплата председателя составила 4434 рублей, а бухгалтера – 3563 рублей, тогда как каждый трудоспособный кол-

¹¹ По решению общего собрания колхозов // Советская Сибирь. 06.05.1956.

хозник в среднем получал всего 231 рубль, или в 19 и 15 раз меньше соответственно¹².

Лучше жилось колхозникам, которые являлись родственниками или друзьями руководящих лиц. Они располагали дополнительными возможностями в получении авансов, поощрительных выплат, в ведении личного хозяйства, чаще избегали взысканий за малорезультативный труд и т. д.

В целом порядок начисления зарплаты председателям превратился в сложную проблему. Сохранять прежний довольно высокий уровень оплаты труда главам сельхозартелей было нельзя, так как он создавал условия для более глубокого социального расслоения в деревне. Но понижение доходности руководящих должностей также представлялось нецелесообразным, поскольку способствовало обострению дефицита руководящих кадров в сельском хозяйстве.

Проблема состояла еще и в том, что официальная зарплата была для колхозной верхушки не единственным источником доходов. Руководящие лица хозяйств активно занимались «предпринимательством» – участвовали в торговле запчастями и материалами, дефицит которых обострился после реорганизации МТС, а также пользовались услугами «диких бригад». Конечно, в экономические отношения руководители колхозов такого порядка вступали не только ради личной выгоды. Часто они помогали решать общехозяйственные вопросы.

Видя доходы колхозной верхушки и работников «диких бригад», которые зарабатывали больше колхозников и вели праздный образ жизни, многие рядовые члены сельхозартелей также стремились к повышенной оплате труда. Высокие заработки колхозники, как правило, искали за пределами колхоза. Они уходили из хозяйств и пополняли ряды селян и горожан, формально не занятых общественно-полезным трудом.

В 1960 г. в райцентре Полтавка Омской области более 500 трудоспособных граждан нигде официально не работали и получали доход от кратковременного трудоустройства в различных учреждениях. В селе Малахово этого региона половина способных к труду жителей (свыше 50 человек) зарабатывали на жизнь продажей продукции со своих личных приусадебных хозяйств и деятельностью по найму¹³.

Решение многих социально-экономических вопросов верховная власть связывала с усилением руководящей работы партийных структур. Проблемами развития колхозного хозяйства в первую оче-

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 269. Л. 120.

¹³ ИАОО. Ф. Р-1699. Оп. 1. Д. 2792. Л. 22.

редь должны были заниматься райкомы. По указанию центра они взяли под контроль работу по определению трудовых норм колхозников. Весной 1956 г., когда вносились изменения и дополнения в устав сельхозартелей, для колхозников Сибири были установлены относительно высокие годовые минимумы трудодней. Процент хозяйств, определивших для мужчин (80%) и женщин (17%) повышенную трудовую нагрузку (свыше 250 трудодней), был выше общероссийских показателей (56 и 9% соответственно)¹⁴.

Одновременно были уменьшены нормы приусадебного хозяйствования колхозников. В число лиц, личные хозяйства которых подлежали сокращению, входили престарелые, семьи с членами, работавшими в МТС и других государственных организациях, находившиеся на учебе или в армии. «Избыточный» скот колхозники на возмездной основе могли передать в общественное стадо. Нередко продавать коров вынуждало руководство хозяйства.

Колхозы активно вовлекались в осуществление общегосударственных программ развития сельского хозяйства (в рамках кампании по освоению целинных и залежных земель, распространению посевов кукурузы, выполнению задачи догнать США по производству продукции животноводства), поэтому реальной свободой планирования хозяйственной деятельности у них, конечно, не было.

Несмотря на все усилия, колхозная экономика с желаемой скоростью не прогрессировала. Количество низкодоходных хозяйств оставалось существенным. В 1963 г. в РСФСР к ним отнесли 23% колхозов. В Сибири к рангу убыточных причислили 18% сельхозартелей. Среди сибирских регионов максимальной долей низкорентабельных колхозов отличалась Кемеровская область (34%), минимальной – Иркутская (11%)¹⁵.

Таким образом, в рассматриваемый период аграрный строй в стране претерпел существенные изменения. В начале 1960-х гг. колхозы уже мало чем отличались от совхозов. «Совхозизация» сельхозартелей во многом стала реакцией власти на падение дисциплины труда, связанное с попытками развить внутриколхозную демократию.

Однако централизация, укрупнение, огосударствление производственных структур не подняли на нужный уровень производительность труда колхозников и ускорили процессы отчуждения труда, элитаризации руководящей верхушки и социального расслоения.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1471. Л. 89, 92.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 490. Л. 11–13.

В.А. Ильиных

ПРОГРАММА Н.С. ХРУЩЕВА ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ АГРАРНОГО СТРОЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ

С конца 1953 г. аграрную политику, как и вообще политику страны, стал определять Н.С. Хрущев, оттеснивший, а затем и устранивший своих политических соперников от власти.

В современной историографии имя Хрущева, как правило, связывается с реализацией трех основных сверхпрограмм (проектов) развития сельского хозяйства страны: целинной, кукурузной и животноводческой. Эти программы имели отраслевой, в целом внеидеологический характер и не приводили к изменению аграрных отношений. Масштабом действительной сверхпрограммы обладала проведенная под руководством Хрущева организационно-хозяйственная перестройка сельского хозяйства, которая в конечном итоге привела к формированию новой модели аграрного строя страны.

В своей деятельности по преобразованию аграрных отношений Н.С. Хрущев основывался на доктринальных постулатах марксизма в его российской большевистской интерпретации. Большевистский вариант решения аграрного вопроса окончательно сложился в конце 1920-х гг., когда лидеры режима приняли решение о переходе к форсированной социалистической модернизации сельского хозяйства. Приступая к ней, они исходили из ряда базовых положений.

1. Крупное общественное хозяйство с мощной технической базой имеет преимущества над мелким, поэтому социализм в сельском хозяйстве может быть построен только на базе крупных механизированных сельхозпредприятий, в которых труд работников превращается в разновидность индустриального.

2. Организационно-производственная структура социалистического сельского хозяйства должна состоять из предприятий двух типов – государственных хозяйств и базирующихся на кооперативной собственности колхозов.

3. Индустриализация сельскохозяйственного труда создаст условия для постепенного преодоления различий между городом и деревней, которое будет завершено в коммунистической перспективе, и эта закономерность в рамках строительства социализма должна проявляться в концентрации сельской поселенческой сети и модернизации внутриселенческой среды на базе урбанизации.

Помимо общих подходов к решению аграрного вопроса на рубеже 1920–1930-х гг. были последовательно разработаны три конкретные модели социалистической модернизации сельского хозяйства.

В соответствии с так называемым ленинским кооперативным планом¹ наиболее оптимальным путем перехода крестьян к социалистическому хозяйству провозглашалась кооперация. Построение социализма в сельском хозяйстве, которое должно было занять относительно длительное время, рассматривалось как развитие всех видов кооперации и постепенный переход от ее «низших» форм к «высшим» (колхозам). При этом взаимоотношения между государством и кооперацией и внутри кооперации должны были строиться на договорной (контрактационной) основе. Совхозам в рамках ленинского кооперативного плана отводилась важная, но все-таки вспомогательная роль. Они должны были оказывать колхозам организационно-техническую помощь, снабжать их сортовыми семенами и племенными животными.

Вторая модель, которая пришла на смену «ленинскому кооперативному плану» условно определяется нами как «совхозно-колхозная»². Структурными составными частями модели являлись колхозы и совхозы. Причем на первом этапе социалистической реконструкции преобладающей организационно-производственной формой сельхозпроизводства должны были стать колхозы. Данное соотношение должно было постепенно меняться в пользу совхозов.

В более отдаленной перспективе кооперативная форма собственности сливается с общенародной (государственной), а колхозы фактически превращаются в совхозы. Совхозный сектор сельской экономики с самого начала преобразований был призван вносить существенный вклад в валовое и товарное производство сельхозпродукции. Превосходя колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда, совхозы становились «локомотивами» аграрной экономики.

¹ См.: Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. С. 38.

² Там же. С. 41.

Этим полет футурологической мысли не завершился и в конце 1929 – начале 1930-х гг. была разработана третья модель – модель агропромышленной интеграции³, предполагающая объединение сельхозпредприятий различных форм собственности и перерабатывающих предприятий в единые хозяйственные комплексы. Наиболее перспективной формой организационно-производственного комплекса в сельском хозяйстве признавался агро-индустриальный комбинат (АИК), представляющий собой объединение хозяйственных ячеек в виде совхозов, колхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и другой инфраструктурой.

Центральное место в структуре АИКа занимал головной специализированный совхоз, который владел перерабатывающими предприятиями и базовыми элементами инфраструктуры. АИКи также обладали развитой социально-культурно-бытовой инфраструктурой, основная часть которой сосредоточивалась в центральном населенном пункте комбината, фактически становящегося агрогородом.

Агро-индустриальные комбинаты должны были способствовать не только многократному наращиванию валовой и товарной сельхозпродукции. Они были призваны внести существенный вклад в решение краеугольных социально-экономических задач коммунистического строительства: слияния кооперативной и государственной собственности, превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, преодоления различий между городом и деревней.

Однако созданный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй радикально отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Его организационно-производственной основой являлись колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне. Колхозы, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Как по своим размерам, так и по уровню механизации колхозы не стали «фабриками зерна, мяса и молока». Они обладали лишь простым конно-ручным инвентарем. Сложные сельхозмашины находились в машинно-тракторных станциях (МТС)⁴. Важной составляющей

³ См.: Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в. С. 44–45.

⁴ МТС не рассматривались теоретиками коллективизации как постоянно действующие структуры, а должны были функционировать лишь в условиях переходного периода, обслуживая мелкие колхозы. После их укрупнения

колхозной системы были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ)⁵. Совхозы отличались относительно высоким уровнем механизации и существенно превосходили колхозы по своим размерам. Однако они не стали, как это планировалось, ведущей организационно-производственной формой сельского хозяйства, а превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики.

Очевидный провал сформулированной в конце 1920-х гг. программы социалистической реконструкции сельского хозяйства официально признан не был. Более того, в официальных документах, а затем и в советской историографии был сделан вывод о том, что коллективизация в СССР прошла в соответствии с основными принципами «ленинского кооперативного плана». Незначительные же отступления от него на первых этапах колхозного строительства, виновниками которых являлись левые и правые оппортунисты, были исправлены.

В постсоветской историографии тождественных взглядов на позицию И.В. Сталина по вопросу перспектив коллективизации придерживаются приверженцы теорий модернизации и тоталитаризма. Адепты тоталитаризма абсолютно уверены в том, что тиран изначально (уже в 1922 г.) сделал ставку на построение «агрогулага». Сторонники концепции модернизации считают, что Сталин ясно осознавал необходимость создания колхозного строя как инструмента внеэкономической перекачки ресурсов из аграрной сферы в индустриальную. Иного выбора ни у вождя, ни у страны не было.

Принципиальные отличия двух перечисленных позиций заключаются в формулировке конечных целей Сталина: завоевание мирового господства или сохранение суверенитета страны в условиях враждебного окружения.

По нашему мнению, предпринятый большевистским режимом эксперимент не удался в силу противодействия ему со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической модернизации сельского хозяйства⁶.

техника МТС становилась составной частью материально-технической базы колхозного производства.

⁵ Теоретические построения аграрников-марксистов и конкретные планы колхозного строительства также не предусматривали возникновения личного сектора сельской экономики.

⁶ См.: Ильиных В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 31.

Некоторые из высокопоставленных представителей большевистской политической элиты 1930-х гг. воспринимали сформировавшуюся в ходе форсированной коллективизации модель аграрного строя как вынужденное временное отступление от идеальной социалистической модели. Одним из них был Н.С. Хрущев, который испытывал когнитивный диссонанс от разрыва между теорией и практикой социалистической реконструкции сельского хозяйства. Именно этими убеждениями он руководствовался, когда в 1950 г. начал укрупнение колхозов в Московской области, затем лоббировал перенесение данной практики на всю страну, а в 1951 г. предложил вернуться к воплощению идеи агрогородов, сформулированной в рамках агропромышленной модели социалистической реконструкции сельского хозяйства. Составной частью его предложения было сокращение размеров ЛПХ колхозников⁷.

И.В. Сталин, напротив, по нашему мнению, воспринимал сформировавшийся в ходе массовой коллективизации аграрный строй как утвердившийся «всерьез и надолго», поскольку, считал он, применительно к российским условиям такой аграрный строй оптимально отвечал решению стоящих перед страной геостратегических задач. Именно поэтому Сталин подверг предложение Хрущева об агрогородах и сокращении ЛПХ разгромной критике. Раскритиковал он и предложение В.Г. Венжера о передаче техники МТС колхозам⁸.

Н.С. Хрущев в ответ на критику Сталина публично покаялся⁹, но своих убеждений не изменил и после смерти Сталина попытался воплотить их в жизнь.

Особенно сильное отторжение у него вызывали такие отличительные черты сталинского аграрного социализма: а) абсолютное преобладание колхозной формы производства; б) небольшие размеры колхозов; в) лишение колхозов сложной сельскохозяйственной техники, сосредоточенной в МТС; г) натуральный характер отчуждения сельхозпродукции; д) значительные масштабы развития личного сектора сельской экономики; е) увеличивающийся разрыв между условиями жизни в деревне и городе.

Устранение перечисленных «отступлений» от марксистско-ленинских принципов функционирования социалистического сельского хозяйства и составляло основное содержание сверхпрограммы Хрущева по реформированию аграрного сектора экономики. Данная

⁷ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в. ... С. 58, 235–236.

⁸ Там же. С. 59; Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 33, 45–46.

⁹ Отечественные архивы... С. 44.

программа не была зафиксирована в каком-либо документе, а существовала лишь в виде концептуальных ориентаций реформатора, реализация которых имела ситуативный характер.

Поддерживая по ряду позиций сторонников перехода к экономическим методам регулирования аграрной экономики, Хрущев фактически оставался адептом административной системы управления. Мобилизационные рычаги широко использовались для реализации целинной программы. Показателем преобладания административных, волюнтаристических методов в реализации аграрной политики стали практически все проводимые по его инициативе кампании: кукурузная, по увеличению производства продукции животноводства, по реорганизации МТС и др. Посылка в деревню в 1955 г. «тридцатитысячников», которые должны были стать основными проводниками интересов государства в колхозах, была проявлением недоверия к крестьянству, свойственного и И.В. Сталину.

В дискуссии о судьбе МТС Н.С. Хрущев встал на сторону В.Г. Венжера. Но это была не единственная точка зрения о судьбе МТС. С.Н. Андреенков нашел ряд докладных записок в ЦК КПСС, авторы которых предлагали объединить колхозы и МТС в государственно-кооперативные сельхозпредприятия – соцхозы или госкоопхозы¹⁰. Хрущев, как и Венжер, настаивал на ликвидации МТС и продаже принадлежавшей им техники колхозам. Данная позиция, по мнению С.Н. Андреенкова, имела как идеологические, так и прагматические основания.

Создание интеграционных объединений колхоз–МТС давало государству ежегодно лишь часть прибыли от их деятельности, которая могла возместить госзатраты только в отдаленной перспективе. Напротив, единовременная продажа техники колхозам позволяла в относительно короткие сроки получить весомую прибавку в госбюджет¹¹. Мы считаем, что в принятии решения о судьбе МТС преобладали доктринальные соображения. Государственная (общенародная) собственность имела более высокий идеологический статус, нежели колхозно-кооперативная. Движение к коммунистическому идеалу подразумевало превращение последней в общенародную. Соединение государственной собственности с кооперативной, напротив, означало движение вспять.

За ликвидацией МТС, в результате которой в небытие ушла натуроплата за их услуги, последовала радикальная реформа всей си-

¹⁰ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в. ... С. 63–66.

¹¹ Андреенков С.Н., Ильиных В.А. Аграрный вопрос в 1950-е гг.: выбор модели решения // Экономическая история. 2014. № 2. С. 83.

стемы отчуждения сельхозпродукции в колхозах. Летом 1958 г. были отменены обязательные поставки. Госзаготовки в колхозах стали осуществляться исключительно в форме закупок по единым ценам. Объемы заготовок определялись в соответствии с установленными плановыми заданиями.

Реорганизация МТС дала новый импульс также процессу укрупнения колхозов, которое началось в предыдущий период. Объединение колхозов вызывалось стремлением создать надежную ремонтную базу, облегчить финансирование покупки техники МТС.

Начало «совхозизации» аграрного сектора экономики было положено в 1954 г. созданием новых зерновых совхозов на осваиваемых целинных и залежных землях. Под них отводились массивы из государственного земельного фонда и необрабатываемых колхозных угодий. Решение было вполне логичным, поскольку образование новых колхозов на отведенных для освоения участках было фактически невозможным. Опыт строительства крупных механизированных зерносовхозов на пустующих землях был апробирован в конце 1920 – начале 1930-х гг. Кроме того, по мнению Н.С. Хрущева, государственные хозяйства могли дать более дешевый, чем колхозы, хлеб¹².

Помимо нового совхозного строительства государственный сектор аграрной экономики прирастал за счет преобразования в совхозы экономически слабых колхозов. Как правило, в новый совхоз входило несколько соседних колхозов. Подобное преобразование должно было привести к существенному повышению эффективности объединенного и поменявшего форму собственности хозяйства и улучшению материального положения бывших колхозников. «Добровольное» преобразование колхозно-кооперативной собственности в разряд государственной рассматривалось как важная веха на пути к ее слиянию в будущем в общенародную. Широкие масштабы «совхозизация» колхозов приняла после принятия утвержденного постановлением Совета Министров СССР и ЦК КПСС 3 мая 1957 г. Положения о порядке передачи совхозам земель и общественного имущества колхозов при преобразовании их в совхозы и о порядке расчетов с колхозниками¹³.

¹² Андреенков С.Н. Проект реформирования системы машинно-тракторных станций 1955 г. // Проекты освоения и развития Сибири в XX в.: сб. науч. статей. Новосибирск, 2013; Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в. ... С. 64–66.

¹³ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.): в 4 т. М., 1958. Т. 4. С. 726–732.

Параллельно с преобразованием колхозов в совхозы шло укрупнение последних, которое в массовом порядке началось в 1954–1956 гг. Оно производилось путем объединения мелких совхозов, расширения за счет свободных земель государственного фонда, включения в уже существующие хозяйства соседних колхозов. Итогом «совхозизации» стало существенное увеличение доли совхозов в сельскохозяйственном производстве.

Одним из основных направлений в аграрной политике государства в 1950-е гг. оставалось регулирование личного сектора сельской экономики. В 1953 г. был принят ряд решений, направленных на стимулирование его развития. Существенно снижалась тяжесть налогово-податного обложения ЛПХ, а местные органы получили указание оказать помощь его владельцам¹⁴. Увеличение размеров личного хозяйства рассматривалось как один из эффективных способов повышения материального благосостояния сельских жителей. Признавая в целом экономическую значимость ЛПХ и поддерживая его освобождение от налоговых пут, Н.С. Хрущев тем не менее никогда не отказывался от мысли ликвидировать эту несоциалистическую, «бесперспективную» форму хозяйствования.

Попытки притормозить развитие личного сектора стали предприниматься еще в середине 1950-х гг. В 1956 г. Правительство предложило колхозам и совхозам приступить к скупке скота у колхозников, рабочих и служащих. 27 августа 1956 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту», которое ограничивало права городских жителей, владеющих ЛПХ¹⁵.

В конце 1950-х гг. началась кампания по ограничению размеров личных приусадебных хозяйств. Наступление на ЛПХ было предпринято в связи с выводами Н.С. Хрущева о том, что существующий уровень развития общественного хозяйства позволяет полностью обеспечить продовольственные потребности занятых в нем работников. В связи с этим от индивидуальных хозяйств следует отказаться, так как их ведение отнимает у граждан много времени и сил, которые можно с большей отдачей использовать в «высокопродуктивном» общественном секторе.

Целесообразность свертывания ЛПХ обосновывалась возрастанием роли совхозов. Эти установки были одобрены декабрьским

¹⁴ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конiec 1920–1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 71–72.

¹⁵ Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в. ... С. 72.

(1958 г.) Пленумом ЦК КПСС. Директорам совхозов указывалось на необходимость организации скупки скота у рабочих и служащих. С этого момента совхозы должны были полностью удовлетворять потребности своих работников в картофеле, овощах, молочных и мясных продуктах¹⁶.

Руководству колхозов подобных рекомендаций в постановлении пленума не давалось. В нем лишь отмечалось, что с ростом общественного хозяйства колхозов ЛПХ колхозников будут постепенно утрачивать свое значение. Колхозникам станет выгоднее получать продукты из колхоза, чем тратить свой труд на их производство в личном хозяйстве¹⁷. В докладе на декабрьском пленуме ЦК партии 1959 г. Н.С. Хрущев заявил: «Еще не так давно большую часть молока и мяса поставляли колхозники со своих личных хозяйств. Это было очень неприятное явление для нашего социалистического сектора и давало врагам социализма повод для всевозможных измышлений против социалистической системы сельского хозяйства»¹⁸.

Печать и радио, подхватив это высказывание, создавали общественное мнение в пользу отказа от ЛПХ и атмосферу нетерпимости по отношению к тем колхозникам, которые сопротивлялись курсу на их свертывание. Политика ограничения ЛПХ привела к сокращению поголовья скота и объемов производимой в личном секторе сельской экономики животноводческой продукции, что способствовало обострению продовольственной проблемы и отрицательно сказывалось на жизненном уровне населения, включая самих колхозников.

Таким образом, в конце 1950-х гг. Н.С. Хрущев реализовал базовые положения своей сверхпрограммы по организационно-хозяйственной перестройке аграрного сектора экономики. При этом она не выходила за рамки упомянутой в данной статье ранее совхозно-колхозной модели социалистической реконструкции сельского хозяйства. Фактически эта модель была реализована в том виде, в котором была задумана только в конце 1950-х гг., хотя сделать это предполагалось в начале 1930-х гг.

Основные политические акции по воплощению в жизнь сверхпрограммы Хрущева (реорганизация МТС, отмена натуральных податей, публичное объявление войны ЛПХ) были предприняты в

¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т.; 9-е изд., доп. и испр. / под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Т. 9: 1956–1960. М., 1986. С. 287.

¹⁷ Там же. С. 289–290.

¹⁸ Пленум ЦК КПСС 22–25 декабря 1959 г.: стеногр. отчет. М., 1960. С. 167.

1958 г. В первую очередь, это было связано с разгромом консервативной («антипартийной») группы в руководстве КПСС. Кроме того, советский лидер полагал, что в результате предшествующего развития сельского хозяйства для реформ созрели объективные условия.

На рубеже 1950–1960-х гг. Н.С. Хрущев, посчитав этап создания социалистической экономики завершенным, принял решение приступить к строительству коммунизма. Данный курс был закреплен в принятой в 1961 г. Третьей программе КПСС, в которой была поставлена цель в течение 20 лет создать материально-техническую базу коммунизма.

В аграрной сфере ставились следующие задачи: превращение сельскохозяйственного труда «в разновидность промышленного»; сведение к минимуму зависимости сельского хозяйства «от природной стихии»; достижение «изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности»; экономическое «изживание» личного подсобного хозяйства; создание условий для «слияния колхозной собственности с общенародной в единую коммунистическую собственность»; ликвидация «в основном» различий между городом и деревней¹⁹.

Соратники Н.С. Хрущева, устранив его в октябре 1964 г. от власти, отказались от немедленного построения коммунизма, но не отказались от сделанной им ставки на совхозно-колхозную модель функционирования сельского хозяйства. Она окончательно была оформлена в 1970-е гг. Преемники Хрущева также начали внедрять в советское сельское хозяйство элементы агропромышленной модели. Однако в начале 1990-х гг. от социализма у нас в стране отказались, а существующую систему аграрных отношений демонтировали.

¹⁹ КПСС в резолюциях... С. 135–142.

В.Н. Круглов

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РЕФОРМА 1957 г. И ДИСКУССИИ О РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СССР

Реформа управления народным хозяйством СССР, проведенная в 1957 г., достаточно хорошо изучена в отечественной историографии. Однако внимание, как правило, сосредоточивается на ее экономическом аспекте – организационных мерах, ходе и результатах, влиянии на производство, связи между различными отраслями и т. д. Региональная же проблематика в значительной мере остается в тени, и прежде всего такой сюжет, как влияние этой акции советского руководства на административно-территориальное устройство страны, на представления о наиболее адекватной и эффективной его конфигурации. Между тем территориальный аспект был одной из важных характеристик преобразований 1957 г. Упразднение отраслевых министерств означало не только отказ от ведомственного принципа хозяйственного управления, но и переформатирование последнего на основе экономического районирования, то есть организации территории страны, на научных основаниях.

Территория Советского Союза была разделена на 105 экономических административных районов, из которых 70 пришлось на Российскую Федерацию¹. В каждый из них вошли одна или, реже, несколько соседствующих административно-территориальных единиц, представлявших собой единый хозяйственный комплекс или регион со сложившимися экономическими особенностями. Однако в отличие от опыта 1920-х гг., когда экономические районы были одновременно и единицами политического управления, на этот раз районирование не заменяло существующего деления. Оно действовало параллельно ему, будучи призвано обеспечить комплексный подход к хозяйственному развитию территорий, в сфере его воздействия на-

¹ См.: Лысенко В.Н. История повторяется трижды // Российская газета. 16.05.2000.

ходило, прежде всего, управление промышленностью, строительством и т. д. Стоит отметить, что в общих чертах политическая карта СССР к концу 1950-х гг. была уже сформирована. Во всяком случае в РСФСР после 1957 г. на протяжении десятилетий не принималось решений о создании новых единиц территориального управления. Различные же инициативы «с мест», такие как проект слияния Кемеровской области и Хакасской автономии в единый Кузнецкий край² или образование Тобольской области на территориях Ямало-Немецкого и Ханты-Мансийского округов и районов Тюменской и Омской областей³, раз за разом отвергались высшим руководством страны.

Ревизии сложившегося деления в связи с реформой или в рамках ее развития формально не предполагалось. В то же время отмечалось, что «эта система не является неизменной», поскольку «далеко не везде полно соответствует задачам, стоящим перед Советским государством в период развернутого строительства коммунизма»⁴. Таким образом, власть сохраняла за собой свободу действий на всех уровнях регионального управления. В этот же период возродилась идея экономических районов. Впервые она была выдвинута еще в конце 1930-х гг., когда ученые-экономисты предложили создать 13 районов, которые должны были использоваться для сбора статистико-экономической информации и планирования размещения производительных сил. Это предложение осталось, по сути, на бумаге. В 1961 г. по предложению союзного Госплана была утверждена новая сетка из 17 ареалов. Основой для нее послужили в том числе и наработки предвоенных лет.

Так, создание около половины новых районов, расположенных преимущественно на востоке, было намечено именно в тот период⁵. В 1963 г. численность районов выросла до 18, из которых 10 приходились на РСФСР (Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный)⁶. Однако они были сформированы строго в грани-

² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 14. Д. 86. С. 97–98.

³ Там же. Д. 27. С. 25–26.

⁴ Лужин А. В. О совершенствовании административно-территориального устройства Советского государства // Советское государство и право. 1962. № 9. С. 48–49.

⁵ См.: Адамеску А. А. К совершенствованию территориально-организационной структуры России // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 65.

⁶ См.: Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 13.09.1961 «Об экономическом районировании РСФСР и орга-

цах уже существующих республик, так что экономическая составляющая в данном случае отступила перед административно-политическими соображениями. Жесткая увязка районирования с границами субъектов СССР ставила барьер межрегиональной интеграции на союзном пространстве и способствовала скорее размежеванию республик, нежели их сплочению в рамках единого государства. К тому же советы народного хозяйства, управлявшие экономическими административными районами, в своих действиях имели тенденцию к обособлению: хозяйственный цикл замыкался на подведомственной им территории, ослабевали связи с соседями, районы начали напоминать своего рода «удельные княжества»⁷.

Это не ускользнуло от внимания центра, который попытался повлиять на ситуацию. В новой Программе КПСС (1961 г.) содержалось положение о том, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе <...> все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели – коммунизму»⁸. Во многом исходя из этих установок, лидер страны Н.С. Хрущев заявил, что «сложившееся к настоящему моменту административное деление утратило свое прежнее значение» и «задача обеспечения высококвалифицированного оперативного руководства <...> требует укрупнения административных районов»⁹.

Интересно, что создать крупные совнархозы предлагалось еще во время подготовки проекта реформы 1957 г. и даже сам Хрущев рассматривал возможность их организации, но в отдаленной перспективе¹⁰. Последняя, как показала практика, стала реальностью значительно раньше. На рубеже 1962–1963 гг. путем укрупнения районов их количество сократилось более чем вдвое: по стране – со 105 до 47, по России – с 70 до 24¹¹. Кроме того, из ведения совнархозов был

низации советов по координации и планированию в крупных экономических районах» // Собрание постановлений Правительства РСФСР. 1961. № 24. Ст. 108.

⁷ Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – начало 1980-х гг. СПб., 2010. С. 150–151.

⁸ Справочник партийного работника. М., 1963. Вып. 4. С. 115–116.

⁹ Лужин А.В. Указ. соч. С. 51.

¹⁰ См.: Демичев Е.В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. М., 2011. С. 137.

¹¹ Там же. С. 186.

изъят ряд ключевых отраслей (энергетика, строительство, транспорт, «оборонка»).

Фактически реформируя систему совнархозов, центр не только стремился интенсифицировать межрайонную интеграцию, но и заявлял о возможности пересмотра принципов построения Советского государства. При таком обороте дел в сфере административно-территориального деления наиболее вероятным представляется возвращение к опыту районирования образца 1920-х гг. Это соответствовало бы духу хрущевского «коммунистического реформизма» с его активной апелляцией к «ленинскому наследию». Окно возможностей для претворения подобных планов в жизнь открыла стартовавшая в 1962 г. работа по подготовке новой Конституции СССР. В недрах властных структур появились аналитические материалы с предложениями о преобразованиях¹², различного рода идеи и проекты поступали в форме писем граждан в ЦК КПСС и Конституционную комиссию¹³.

Параллельно этим хозяйственно-политическим процессам масштабная дискуссия об административно-территориальном делении СССР, его основах, возможных и желательных путях его изменения («совершенствования») развернулась в научной сфере. Впервые с 1920-х гг. ученые получили возможность относительно свободно обсуждать тему, имевшую прямое отношение к судьбе страны. Поэтому представляется, что для науки реформа 1957 г. имела, возможно, даже большее значение, чем для экономики. Изучение теоретических проблем районирования и обоснование новой «сетки» экономических районов страны стало полноправным направлением исследований. Конечно, проводились они на основе постулатов марксизма-ленинизма и должны были базироваться на работах Ленина, однако иное в ту пору и не было возможно. Главное, что сообщество ученых давало власти ясный сигнал о своей готовности принять активное участие в совершенствовании социалистической системы.

Основным содержанием исследований стало изучение размещения производительных сил, выделение экономических районов на основе естественного хозяйственного тяготения территорий друг к другу, определение сущности, главных проблем, условий и путей

¹² См.: Мякшев А.П. Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет национальностей Верховного Совета СССР (1945–1991). Саратов, 2004. С. 167–168.

¹³ См.: Данилов А.А. Проект конституционной реформы в СССР начала 60-х годов // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 217–218.

развития хозяйства каждого района в целях оказания помощи государственному планированию развития народного хозяйства¹⁴. Однако создание экономических административных районов поставило принципиальный вопрос о том, возможно ли формирование экономических районов «сверху» или исследователи должны лишь фиксировать объективно сформировавшиеся и развивающиеся районы.

Сторонники первой точки зрения – ленинградский экономист-географ П.М. Алампиев и представители его научной школы – выступали за первый вариант. Причем экономическое районирование прочно увязывалось с административно-территориальным делением: «Республика, край, область при планировании народного хозяйства выступают как единое хозяйственное целое. <...> Поэтому установление определенных республиканских или административно-территориальных границ приводит к форсированию формирования экономических районов»¹⁵.

Их оппоненты – представители экономического факультета МГУ – выступили против такой трактовки. Они указывали, что еще в начале 1920-х гг. учеными были разработаны (и одобрены Лениным) принципы, согласно которым выделение административных областей – объектов политического управления – отражает и завершает объективный процесс экономического районирования¹⁶. Фактически имело место столкновение двух подходов – представители одного отстаивали чистоту идей 1920-х гг. и выступали за их дальнейшее развитие, приверженцы же другого в значительной степени стремились соответствовать веяниям современности, характеризовавшейся регулярными структурными перестройками, и исходили из потребностей конъюнктуры, текущего управления. Научный спор оказался столь интенсивным, что был вынесен на III съезд Географического общества СССР, состоявшийся в 1960 г. В дискуссии приняли участие более 50 ученых (в том числе из-за рубежа), докладчики – Алампиев и Ю.Г. Саушкин (МГУ) – представили «свои» методики и сетки экономического районирования, а также аргументы по собственно предмету дискуссии.

Так, Саушкин отстаивал точку зрения, согласно которой «экономические районы не обязательно должны иметь административ-

¹⁴ См.: Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973. С. 127.

¹⁵ Алампиев П.М. Экономическое районирование СССР. Кн. 1. М., 1959. С. 209.

¹⁶ См.: Саушкин Ю.Г. Указ. соч. С. 128.

ный атрибут»¹⁷, хотя О.А. Кибальчич (АН СССР) отметил, что «нет полной ясности в вопросе влияния административно-политических границ на районные формы группировок производительных сил»¹⁸. Откликаясь на доклад Алампиева, представитель Географического общества И.С. Юньев заявил: «Из требования единства административного и экономического районирования вытекает необходимость исследовать и практически проверить оставшуюся в наследство от 30–40-х годов сеть областей и краев; некоторые области окажется целесообразным объединить, а некоторые разделить или ликвидировать». Кроме того, «следует пересмотреть сложившуюся систему районирования страны и исследовать вопрос о ее упрощении»¹⁹.

Представитель Горьковского пединститута И.К. Орфанов затронул не менее важную проблему: «...Кто из географов или других квалифицированных специалистов принимает участие в административном районировании, районировании, основанном на научном изучении действительности?.. Географическая общественность должна внести предложения в соответствующие инстанции о необходимости научного подхода при административном устройстве территории и привлечении к этому делу географов»²⁰. Конечная резолюция гласила: «Съезд считает необходимым, чтобы экономико-географы усилили разработку теоретических вопросов экономического административного районирования, административно-территориального деления страны и практических вопросов совершенствования сетки экономических административных районов и областного деления»²¹.

Таким образом, научная дискуссия завершилась двояко. С одной стороны, верх одержала концепция объективного существования экономических районов. С другой – идея совмещения экономического районирования и административного деления не просто «получила права гражданства», но и быстро набрала популярность. Причем не только среди экономистов-географов, но и в государственно-правовой литературе. Необходимость укрупнения областей с перспективой последующего совпадения новых единиц управления с экономическими районами отмечалась большинством авторов как желательный путь развития территориальной организации Советского государства в свете итогов хозяйственной реформы 1957 г. Не-

¹⁷ Материалы III съезда Географического общества СССР по проблеме экономического районирования страны. Л., 1961. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 55.

¹⁹ Там же. С. 63–64.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Там же. С. 81.

которые авторы даже выдвигали проекты того или иного пути объединения областей, сопровождая их обоснованной аргументацией²².

Однако сказался разрыв между научным сообществом и партийно-государственными структурами, установившийся уже в конце 1920-х гг. Инициативы ученых до власти «не долетали». И, например, на Пленуме ЦК КПСС в ноябре 1962 г., давшем старт реорганизации совнархозов, было специально подчеркнуто, что «опыт существования многообластных укрупненных районов себя оправдал», более того, ставилась задача «развития областей как единых экономически крупных и территориально целостных политических объединений».

Все это полностью расходилось с предложениями ученых, возможно, последним даже завуалированно давалось понять, что при решении столь серьезных вопросов в их услугах не нуждаются. Как следствие, дискуссии на эту тему сошли на нет, а исследователям пришлось писать о том, что очередное «судьбоносное решение» верхов «позволит создать экономическую целостность территорий в пределах каждой области, ликвидирует несоответствие экономических и административных границ, будет способствовать правильному формированию укрупненных экономических районов, являющихся территориальной базой деятельности крупных совнархозов»²³. На примере этого видно, что, несмотря на модную в те годы наукообразную риторику, на деле научное сообщество виделось структурами управления лишь в качестве коллективного комментатора их решений, а не партнера, пусть даже младшего. Сохранялась преемственность со сталинским курсом, когда «научному обоснованию партийно-государственных решений предшествовало... их принятие»²⁴.

Следует отметить, что если укрупнение областей или изменение границ регулярных административно-территориальных единиц обсуждалось достаточно свободно, то национально-территориальные образования дискуссиями фактически не затрагивались. Постоянно декларировалась неприкосновенность их границ, звучали призывы «расширять и впредь права союзных и автономных республик во всех областях государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни».

Даже положения новой Программы КПСС об утере внутренними границами прежнего значения подвергались завуалированной

²² См.: Ржевский В.А. О территориальной организации Советского государства // Правоведение. 1964. № 1. С. 46.

²³ Там же. С. 47.

²⁴ Летенко А.В. Российские хозяйственные реформы: история и уроки. М., 2004. С. 92.

критике: «Тесное сближение и полное единство народов СССР будет достигнуто не путем преобразования советской федерации в унитарное государство, а путем дальнейшего развития и совершенствования федеративного государственного устройства, укрепления государственного суверенитета и расширения прав союзных республик, расширения прав автономных республик»²⁵. Отмечалось, что «учет национальных особенностей и интересов развития каждой нации и народности имеет важное значение при обосновании размещения производительных сил»²⁶, что «районирование не затрагивает суверенитета национальных республик, границы экономических районов согласуются с национальными»²⁷.

Учитывая все изложенное, в то же время надо констатировать, что обсуждения, предложения и проекты по существу носили характер умозрительный. Обстановка первой половины 1960-х гг. характеризовалась внешнеполитическими конфронтациями, нестабильным экономическим положением и все более сложной общественно-политической ситуацией. Все это вызывает сомнения в том, что руководство страны действительно пошло бы на такую хлопотную и чреватую серьезными трудностями и разногласиями меру, как ревизия административно-территориального деления страны.

Однако сам факт развития дискуссии по вопросу «государственной важности», пусть не согласованных, но все же однонаправленных выступлений представителей как власти, так и научного сообщества говорит об определенных подвижках в идеологической сфере, а также об осознании необходимости «дальнейшего совершенствования» территориального устройства Советского Союза. Отстранение от руководства страной Н.С. Хрущева осенью 1964 г. положило конец осуществлению многих его инициатив. Практически сразу началась ликвидация последствий хозяйственной реформы: было принято решение о возвращении к отраслевому принципу управления народным хозяйством, экономические административные районы и совнархозы прекратили существование. В области же административно-территориального деления новое руководство страны фактически отказалось от каких-либо серьезных действий – кажется, что регионально-политическая проблематика перестала представлять для него интерес.

²⁵ Халилов А.М.-С. Программа КПСС и некоторые вопросы развития национальной государственности народов СССР в период развернутого строительства коммунизма // Материалы VII научной конференции ДВГУ. Владивосток, 1962. С. 147–148.

²⁶ Экономическая география СССР. М., 1976. С. 54.

²⁷ Калашникова Т.М. Экономическое районирование. М., 1982. С. 13–14.

В научном сообществе дискуссии об оптимальном внутреннем устройстве СССР возобновились в поздние 1960-е гг. и дали довольно интересный материал для будущих размышлений и проектов. Однако в общественно-политических дискуссиях эти сюжеты обрели «субъектность» лишь в конце 1980-х гг.

В.В. Коровин

О ВЛИЯНИИ СОВНАРХОЗОВСКОЙ РЕФОРМЫ НА РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Необходимость изменения форм руководства деятельностью промышленных предприятий со стороны как союзных и республиканских министерств и главков, так и промышленных управлений (отделов) областных исполнительных комитетов, обуславливалась многочисленными объективными причинами. Реформа управления промышленным комплексом должна была существенно изменить административные подходы, дать импульсы к развитию новых производственных технологий, значительно повысить производительность труда во всей промышленной сфере.

Лето 1957 г. характеризовалось переходом промышленных предприятий Курской области под контроль Совета народного хозяйства экономического района (Курского Совнархоза). Подчиняясь в рамках текущего планирования СНХ РСФСР, а по остальным вопросам – СМ РСФСР, он был призван осуществлять руководство предприятиями через отраслевые управления и тресты. В соответствии с решениями майской (1957 г.) сессии Верховного Совета СССР, принявшей Закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством»¹, на местах реорганизацию управления следовало осуществить явно в короткие сроки – до 1 июля 1957 г.²

Довольно быстро свернули работу 140 общесоюзных, союзно-республиканских и республиканских министерств и ведомств в РСФСР, было сформировано 70 административно-экономических районов и краевых (областных) советов народного хозяйства³.

¹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг.: сб. док. за 50 лет: в 5 т. Т. 4. М., 1968. С. 343–347.

² См.: Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва. Седьмая сессия (7–10 мая 1957 г.): стеногр. отчет. М., 1957. С. 27, 179, 261, 297.

³ См.: Экономическая жизнь. Хроника событий и фактов: в 2 кн. Кн. 1: 1951–1965. М., 1967. С. 526; Демичев Е.В. Реформа управления промышлен-

26 сентября 1957 г. было опубликовано Постановление СМ СССР № 1150 «Об утверждении Положения о Совете народного хозяйства экономического административного района»⁴. Этот документ жестко регламентировал деятельность Совнархозов на местах.

15 апреля 1957 г. бюро Курского обкома КПСС приняло важное постановление, в котором отмечалось: «Принять предложение об организации Курского экономического района и создании Совета народного хозяйства. Поручить Л.Н. Ефремову, С.И. Черепухину, А.К. Марасанову отредактировать записку в бюро ЦК КПСС по РСФСР по этому вопросу»⁵.

1 июня 1957 г. постановлением № 424 СМ РСФСР назначил председателем Совета народного хозяйства Курского экономического административного района С.И. Шапурова⁶, работавшего с 1955 г. Председателем Государственного комитета СМ РСФСР по делам строительства и архитектуры⁷.

К 3 августа 1957 г. в состав Курского областного СНХ входило 9 человек⁸. Постановлениями СМ РСФСР от 10 июня 1957 г. № 555 и от 11 июня 1957 г. № 580 Б.Г. Лишутин, К.В. Трофимов и А.К. Коваленок были утверждены заместителями председателя Совнархоза Курского экономического района⁹.

Планировалось, что передача всех промышленных предприятий области в ведение Совнархоза будет способствовать значительному росту промышленного производства во всех отраслях промышленности области¹⁰.

2 июля 1957 г. постановлением СНХ Курского экономического административного района в соответствии с Постановлением СМ РСФСР от 1 июня 1957 г. № 423 была утверждена структура СНХ Курского экономического района: технико-экономический совет, 8 функциональных подразделений (отделы: планово-экономический, технический, труда и зарплаты, кадров, кооперирования и межрайонных связей и др.), 7 отраслевых управлений (горнодобывающей,

ностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. М., 2011. С. 164.

⁴ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 7а, Л. 1–19.

⁵ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2795. Л. 12.

⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 199. Л. 21; ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁷ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 59. Д. 562. Л. 1–4.

⁸ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 9. Л. 98; Д. 15. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2, 3.

¹⁰ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9407. Л. 129.

машиностроительной и металлообрабатывающей, химической, мясо-молочной, легкой и пенькообрабатывающей промышленности, строительства и управление материально-технического снабжения)¹¹.

Промышленные предприятия и строительные организации, ранее переданные постановлениями Правительства РСФСР в состав областного Совета, были подчинены его отраслевым управлениям¹². К 1958 г. в подчинении Курского СНХ находилось 113 предприятий бывшего союзного и республиканского подчинения¹³.

20–24 июня 1957 г. приказами С.И. Шапурова состоялось назначение на должности большинства начальников управлений, их заместителей и руководителей функциональных подразделений Курского СНХ¹⁴. 18 сентября 1957 г. были утверждены правила внутреннего трудового распорядка для работников Совнархоза¹⁵.

16 августа 1957 г. произошло утверждение состава технико-экономического Совета СНХ Курского экономического административного района (в количестве 80 человек)¹⁶. Его возглавил председатель Совнархоза С.И. Шапуров, заместителем стал В.Р. Кункин, ранее с апреля 1950 по август 1957 г. работавший в должности главного инженера паровозного депо «Курск» Московско-Курско-Донбасской железной дороги¹⁷. В состав экономического Совета вошли руководители управлений и трестов СНХ, крупных промышленных предприятий – Н.Ф. Донец, Ф.Г. Корчевский, К.Х. Кадоглы, А.Е. Карпов, А.М. Милов, В.И. Ларионов, Н.А. Романов и др.

Первое заседание СНХ Курского промышленного района состоялось 22 июля 1957 г.¹⁸ На нем были обсуждены акты о приемке заводов «Аккумулятор», низковольтной аппаратуры, «Счетмаш», передвиж-

¹¹ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

¹² Там же. Л. 34–38, 39.

¹³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2887. Л. 37; ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 9. Д. 160. Л. 48–53; Народное хозяйство СССР: стат. сб. М., 1956. С. 41.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 9. Л. 4–19.

¹⁵ Там же. Д. 27. Л. 1–8.

¹⁶ Там же. Д. 9. Л. 120–123; Кункин В. Технико-экономический совет совнархоза // Бюллетень технической информации Курского совнархоза. 1957. № 1. С. 6–7.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 9. Л. 116. Л. 116; Объединенный архив Московской железной дороги (далее – ОАМЖД) (г. Курск). Ф. 1. Оп. 2-ЛД. Д. 468. Л. 2–4. [В должности заместителя председателя экономического Совета Курского СНХ В.Р. Кункин работал до 15.03.1963. На должность главного инженера Курского отделения МЖД он был переведен 04.04.1963 (Д. 468. Л. 13)].

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

ных агрегатов и о включении их в состав профильных управлений Курского СНХ¹⁹.

10 августа 1957 г. состоялась приемка в состав управлений Совнархоза курских заводов «Аккумулятор», низковольтной аппаратуры, «Счетмаш», передвижных агрегатов, тракторных запасных частей. Свободинского электромеханического, Пенского машиностроительного, Курского механического заводов, завода радиоизмерительной аппаратуры, завода А-156 Министерства авиационной промышленности, Щигровского механического завода буровой аппаратуры²⁰.

27 сентября 1957 г. на заседании Курского СНХ были обсуждены семь вопросов: о финансовом состоянии предприятий Совнархоза, о работе Щигровского фосфоритного завода и др.²¹ Участники заседания отметили, что промышленность области располагала недостаточным объемом оборотных средств – 16,6 млн рублей. В выступлении заместителя председателя Совнархоза А.К. Никитина подчеркивались высокие потери по бракам – 1,65 млн рублей, в основном за счет заводов КЗТЗ и «Аккумулятор»²². В принятых рекомендациях намечались мероприятия по улучшению экономической деятельности заводов РТИ, КЗТЗ, Щигровского завода «Геомаш» и других предприятий области.

Первые шаги деятельности Курского областного СНХ вскоре показали, что Совнархоз – это весьма бюрократическая структура. К тому же многие из его ответственных работников были склонны к нарушениям трудовой и финансовой дисциплины.

Так, 1 июля 1958 г. бюро обкома КПСС указало, что ряд работников Совнархоза были склонны к нарушению финансовой дисциплины. Например, первый заместитель председателя СНХ К.В. Трофимов, управляющие трестами: «Маслопром» – В.А. Успенский, пищевкусовой промышленности – И.И. Богданов, пенькотрестом – В.И. Тихонов, – пользуясь формальным правом на выплату выходных пособий при ликвидации трестов, выплатили себе пособия на сумму 37 тыс. рублей²³.

Из 33 руководящих работников, прибывших из Москвы для работы в Совнархозе, 23 не перевозили семьи на постоянное место жительства в г. Курск. Среди них были члены Совета СНХ А.К. Ни-

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–5.

²⁰ Там же. Д. 9. Л. 99–114.

²¹ Там же. Д. 16. Л. 1, 9–14, 20, 44–47.

²² Там же. Л. 33.

²³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3014. Л. 32.

китин, Б.Г. Лишутин, И.И. Наумов, Г.Л. Зарувинский, Г.А. Турков и П.А. Рыжков²⁴.

В принятом постановлении бюро обкома КПСС было отмечено, что Совнархоз не предъявляет должной требовательности к руководящим работникам аппарата, мирится с тем, что отдельные работники живут в Курске без прописки. Это создает неуверенность в их работе. Бюро обкома КПСС привлекло В.А. Успенского, В.К. Иванова, К.В. Трофимова, Л.П. Кустова к партийной ответственности²⁵.

Руководство Курского областного СНХ при воздействии местных партийных и советских органов вело работу по изменению функций и ликвидации многочисленных, дублировавших друг друга управленческих структур (трестов, управлений и отделов Совнархоза). Так, учли предложение начальника подразделения областного финансового отдела С.Я. Кирпичникова о необходимости перестройки управлений и трестов пищевой промышленности области²⁶, высказанные им в ходе обсуждения тезисов доклада Н.С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» на заседании Президиума ЦК КПСС 24 марта 1957 г.²⁷

СНХ Курского экономического района постановлением от 18 января 1958 г. «в целях дальнейшего улучшения управления промышленностью, ликвидации излишних звеньев управления, сокращения численности административно-управленческого персонала» ликвидировал тресты «Мясоптицепром», «Маслопром» и «Заготскоттоткорм» и передал промышленные предприятия, входившие в их состав, в непосредственное ведение управления мясомолочной промышленности²⁸. Это позволило сократить административно-управленческий аппарат на 94 единицы и уменьшить расход заработной платы для трестов в сумме 775 тыс. рублей в год²⁹.

В этот же период поступили предложения промышленно-транспортного отдела Курского обкома КПСС по совершенствованию структуры административно-управленческого персонала Совнархоза (было рекомендовано объединение управлений: сахарной и

²⁴ Там же. Л. 33.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 2199. Л. 42.

²⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 259. Л. 113 об.; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2003. С. 243–245.

²⁸ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 1. Д. 61. Л. 8–9, 24.

²⁹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9407. Л. 70–71; ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2887. Л. 37.

пищевой промышленности, горнодобывающей и химической промышленности, объединение в управлении материально-технического снабжения отдела топлива и нефтепродуктов и отдела химической продукции).

По центральному аппарату областного Совнархоза предлагалось сократить 58 штатных единиц (или 13,2% от общего числа работников аппарата Совнархоза) с экономией фонда заработной платы 61,86 тыс. рублей в год³⁰. Подобные мероприятия были осуществлены и на предприятиях промышленности и транспорта, находившихся в ведении областного Совнархоза³¹.

Руководство СНХ Курского областного экономического района в первые годы своей работы при поддержке отдела пропаганды обкома КПСС в средствах массовой информации вело пропаганду своей деятельности, раскрывало суть организационной и технической перестройки в работе промышленности области. Так, в 1957–1960 гг. в газете «Курская правда» заместитель председателя технико-экономического Совета Совнархоза В.Р. Кункин, заведующий отделом промышленности «Курской правды» М.Я. Лейбельман, журналисты И.И. Юрченко, В. Сергеева (В.И. Шалыгина) более 25 раз выступили по проблемам деятельности Курского областного СНХ³².

Старейший журналист М.Я. Лейбельман позднее вспоминал: «Могу по праву сказать: мы, журналисты, как и строители, строили, восстанавливали заводы – электроаппаратный, КЗТЗ, кожевенный, комбинат химических волокон, ТЭЦ и другие предприятия. В номерах “Курской правды” были репортажи, очерки и острые критические корреспонденции. Некоторые писались спешно и передавались в редакцию по телефону. Это были далеко не шедевры, но и они дороги своим первородством...»³³

На страницах областной и центральных газет выступали и руководители Совнархоза, секретари обкома КПСС, курировавшие вопросы промышленности, сотрудники промышленно-транспортного

³⁰ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2887. Л. 39–40, 41.

³¹ Там же. Л. 41–46.

³² См., напр.: В Курском совнархозе // Курская правда. 26.06.1957; Некрасов Н. За высокую культуру в работе совнархоза // Курская правда. 05.05.1958; Лейбельман М. Время показало (О взаимосвязи между предприятиями и совнархозом) // Курская правда. 11.05.1958; Кункин В. По рекомендациям технико-экономического Совета совнархоза // Курская правда. 03.09.1959; Совнархоз и критика в печати // Курская правда. 24.05.1959; и др.

³³ Страницы и люди: «Курская правда». 1917–2002 / авт.-сост. Н.С. Ферантов. Курск, 2002. С. 260.

отдела обкома партии. Они освещали различные аспекты в работе Совнархоза и его подразделений³⁴.

В первый период своей деятельности руководство Совнархоза приняло ряд важных решений. Во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР от 29 сентября 1960 г. № 6145-р Курский СНХ сообщил в Москву, что при обсуждении итогов финансово-хозяйственной деятельности промышленных предприятий и строительных организаций за 9 месяцев 1960 г. на заседаниях Совнархоза неоднократно рассматривались недостатки, изложенные в записке бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР. Совнархозом были приняты оперативные меры по оказанию помощи предприятиям в устранении недостатков в выполнении плана отдельными предприятиями.

К началу 1959 г. на курских заводах управления машиностроения Совнархоза потери от брака составили около 5 млн рублей. Особенно значительные потери от брака были допущены на заводах КЗТЗ, «Аккумулятор», КЗПА, Львовском литейно-механическом. В результате план работы Совнархоза за 10 месяцев 1958 г. был выполнен только на 62,3%³⁵.

В целях недопущения выпуска сверх плана продукции, имеющей ограниченный сбыт, 31 марта 1960 г. Совнархозом было принято соответствующее распоряжение и установлен строгий контроль за его выполнением. Совнархозом были разработаны мероприятия, обеспечивающие выполнение годового плана капитального строительства, особое внимание уделялось вводу мощностей, предусмотренных планом.

В отношении завода синтетического волокна были приняты меры по вводу комплекса объектов производства волокна лавсан к 7 ноября 1960 г. Ряд объектов пускового комплекса по итогам 9 месяцев 1960 г. строительством был закончен. В главном корпусе начиналось опробование оборудования.

При приемке в эксплуатацию новых промышленных и жилых объектов в Совнархозе имели место факты нарушения порядка приема и сдачи в эксплуатацию с большими недоделками. Этот вопрос рассматривался на заседании Совнархоза, были намечены конкретные мероприятия по устранению недоделок в кратчайшие сроки. По ряду объектов они вскоре были устранены. Планы по себестоимости и накоплениям за 9 месяцев 1960 г. Совнархозом оказались не выпол-

³⁴ См.: Шапуров С. Выгоды точного счета // Известия. 24.06.1964; Он же. С опережением на год // Курская правда. 20.04.1963; Соколов А. К новым успехам // Курская правда. 14.08.1963; и др.

³⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2963. Л. 20.

нены. Но меры, направленные на своевременное выполнение плановых показателей регулярно разрабатывались.

Вместе с тем Совет народного хозяйства области просил Совет Министров РСФСР дать указание Госплану РСФСР и Министерству финансов РСФСР решить вопросы об увеличении затрат на 1960 г. в размере 11,5 млн рублей в связи с переходом выработки плоских приводных ремней на натуральный каучук взамен наирита, внести изменения в план производства и себестоимости в связи с низкими выходами сахара во втором полугодии 1960 г. и привести финансовый план в соответствие с планом себестоимости Совнархоза³⁶.

В 1960 г. руководство Курского областного СНХ обратилось в СМ РСФСР с предложением расширить права Совнархозов в области капитального строительства, материально-технического снабжения, финансирования и кредитования предприятий организации мероприятий в области труда и заработной платы³⁷. Но по большинству предложений, высказанных курянами, СМ РСФСР дал отрицательные заключения.

В 1957 г. результаты выполнения плана развития народного хозяйства РСФСР оказались в целом положительными, в том числе и в Курской области. Совет Министров РСФСР в своем Постановлении от 4 июля 1958 г. № 750 «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций Курского совнархоза за 1957 год» отмечал, что предприятия Курского СНХ выполнили годовой план 1957 г. по валовой продукции на 100,9%, увеличили объем производства против 1956 г. на 22,2%.

Предприятиями Совнархоза был перевыполнен план по производству запасных частей к тракторам, трикотажных изделий, шерстяных тканей, обуви и колбасных изделий³⁸. В результате перестройки управления областной промышленностью предприятия и организации Совнархоза выполнили во втором полугодии 1957 г. план по валовой продукции на 102,5%³⁹.

Вместе с тем в работе ряда предприятий и организаций Курского СНХ имелись серьезные недостатки. Так, по Совнархозу не были выполнены планы производства продукции по ассортименту, производительности труда, себестоимости продукции и накоплениям. 18 из

³⁶ ГАКО. Ф. Р-5374. Оп. 9. Д. 81. Л. 27–28.

³⁷ Там же. Л. 87–89.

³⁸ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 199. Л. 1.

³⁹ Там же.

112 предприятий Совнархоза в 1957 г. недодали валовой продукции на 58,2 млн рублей⁴⁰.

На предприятиях Совнархоза велась значительная работа по внедрению новой техники. Но это было не всегда успешным. Так, на Щигровском механическом заводе не была освоена дробеструйная очистка литья, заводом «Счетмаш» было выпущено счетных машин ВММ-2 7 штук вместо 200 по плану⁴¹. Щигровский фосфоритный рудник работал неритмично и недовыполнил план по фосфоритной муке в размере 1,1 тыс. т, или на 0,9%⁴².

Предприятия легкой промышленности области в 1957 г. вели значительную работу по использованию внутренних резервов и экономии сырья. Например, обувная фабрика № 1 достигла экономии по кожаным изделиям. За счет этого дополнительно было выработано 40 тыс. пар обуви⁴³.

Положение дел в народном хозяйстве Курского региона в 1958 г. ухудшилось по сравнению с предыдущим 1957 г. В Постановлении Совета Министров РСФСР от 24 сентября 1958 г. № 1125 «О неудовлетворительном хозяйственно-финансовом положении предприятий Курского совнархоза» были отмечены недостатки в финансово-хозяйственной деятельности совнархоза, предприятия которого допустили потери сахарной свеклы – 10,88%⁴⁴.

В 1958–1959 гг. областным Совнархозом был проведен ряд мероприятий по сокращению административно-управленческого персонала: 1) были объединены управления сахарной и пищевой, горнодобывающей и химической промышленности, был упразднен отдел кооперирования и межрайонных связей (аппарат Совнархоза сократился на 34 единицы); 2) объединены несколько промышленных предприятий, контор, баз (был сокращен административно-управленческий аппарат на 346 единиц)⁴⁵.

23 июня 1960 г. вышло в свет Постановление Совета Министров РСФСР № 962 «О передаче промышленных предприятий и хозяйственных организаций Курского облисполкома в ведение Курского совнархоза». Передача предприятий была вызвана необходимостью

⁴⁰ ГАОПИКО. Ф П-1. Оп. 2. Д. 2887. Л. 2.

⁴¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 199. Л. 7, 24; ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2887. Л. 2.

⁴² ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 199. Л. 24.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Д. 1880. Л. 2.

⁴⁵ Там же. Оп. 7. Д. 9407. Л. 29.

большей специализации, улучшения технического оснащения и дальнейшего развития этих отраслей промышленности⁴⁶.

В 1960 г. предприятия Курского СНХ выполнили план по выпуску валовой продукции на 101%. По сравнению с 1959 г. выпуск продукции увеличился на 14%. Высокими темпами шло развитие машиностроительной промышленности, которая увеличила объем производства на 25%⁴⁷. Однако Совнархозом не было обеспечено использование имеющихся на предприятиях резервов по увеличению выпуска продукции, повышению производительности труда, снижению себестоимости продукции, рентабельности производства, предусмотренной планом⁴⁸. Из 144 предприятий 25 не выполнили планы по выпуску валовой продукции. Например, Курский завод тракторных запасных частей план выпуска запасных частей к тракторам выполнил только на 97%, а к автомобилям – на 83⁴⁹.

Курский СНХ не смог добиться ритмичной работы всех предприятий. Основными причинами этого являлись недостатки в организации производства и материально-техническом снабжении. Многие предприятия не полностью использовали производственные мощности и допускали сверхплановые простои оборудования. Например, на Курской трикотажной фабрике простои оборудования даже возросли по сравнению с 1959 г.⁵⁰

В 1960 г. увеличилось количество убыточных предприятий. Если в 1959 г. таких предприятий в области было 24 (19,8%), то в 1960 г. – уже 40 (27%)⁵¹. Руководство Совнархоза не проводило должной работы по сокращению числа убыточных предприятий.

В 1961 г. предприятия и организации Курского СНХ выполнили план по выпуску валовой продукции на 101%, по сравнению с 1960 г. увеличив объем производства на 16,1%⁵². Промышленностью области было произведено сверх плана продукции на 5,2 млн рублей, в том числе 584 т синтетического волокна, 195 т резинотехнических изделий⁵³.

Однако анализ результатов работы Совнархоза в 1961 г. свидетельствует о том, что многие недостатки, отмеченные в Постановле-

⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9407. Л. 6.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 42. Д. 6601. Л. 105.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 105–106.

⁵⁰ Там же. Л. 106–107.

⁵¹ Там же, Л. 111–112.

⁵² Там же. Д. 8239. Л. 7.

⁵³ Там же. Л. 54.

нии Совета Министров РСФСР от 20 мая 1961 г. № 596 «Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности предприятий и организаций Курского совнархоза за 1960 год», продолжали иметь место. Так, 37 предприятий Совнархоза не справились с выполнением плана. Количество предприятий, не обеспечивших выполнения производственной программы, выросло по сравнению с 1960 г. на 8,5%⁵⁴.

Управлением мясомолочной промышленности план по выпуску валовой продукции не был выполнен на 14%. Серьезные недостатки в работе были допущены Михайловским железорудным комбинатом: план вскрышных работ в 1961 г. был выполнен только на 70%. Неудовлетворительная организация производства, низкий уровень технического руководства, а также отсутствие надлежащего контроля и помощи со стороны Управления машиностроения привели к тому, что план выпуска запасных частей к тракторам был выполнен только на 87%⁵⁵.

Большое влияние на повышение затрат выпускаемой продукции было оказано непроизводительными расходами. По отдельным предприятиям эти потери намного возросли относительно 1960 г. Например, по Управлению машиностроения сверхплановые потери от брака в 1960 г. составили 366 тыс. рублей, а за 1961 г. выросли до 453 тыс.⁵⁶

На основе исследованных материалов приходится констатировать, что к 1963 г. деятельность областных совнархозов оказалась малофункциональной и неэффективной при реализации общегосударственных интересов, составлении новых народно-хозяйственных планов. Они не обеспечили реальной возможности для разграничения партийно-политического руководства и хозяйственного управления как на областном уровне, так и на местах. После 1963 г. реформа управления промышленностью вступила в заключительный этап.

Произошло восстановление централизованных структур управления в системе совнархозов, а областные совнархозы постепенно превращались в лишнее звено управления. 28 февраля 1963 г. на основании распоряжения СНХ Центрально-Черноземного экономического района Курский СНХ был ликвидирован. С этого времени все функции управления промышленностью Курской области переходили к Центрально-Черноземному экономическому району.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 55.

⁵⁶ Там же. Л. 59.

Р.В. Павлюкевич

ВЛИЯНИЕ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И СТРОИТЕЛЬСТВОМ НА РАЗВИТИЕ г. НОРИЛЬСКА

Первой крупной реформой после смерти И.В. Сталина была реформа системы управления промышленностью и строительством в период 1957–1965 гг. В ходе нее была совершена попытка перехода от отраслевого принципа управления к территориальному.

При реализации реформы было принято решение организовать Советы народного хозяйства, которые должны были осуществлять управление региональными промышленными комплексами. Совнархозы были наделены широкими полномочиями – от самостоятельного планирования до решения разнообразных проблем регионов, в том числе социальных.

Реформа оказала особенно сильное влияние на Красноярский экономический район. В регионе имелось огромное количество проблем, вызванных прежней системой управления: долгострой, дорогостоящие встречные перевозки, диспропорции в развитии отраслей промышленности, нехватка оборудования и отсталость социальной сферы края. Эти проблемы усугублялись высокой ролью режимных организаций системы ГУЛАГа в развитии производительных сил Красноярского края.

В послевоенный период существенная часть промышленного комплекса края была передана под контроль «Енисейстроя» и «Норильлага» МВД СССР. Это, судя по архивным документам, было обусловлено необходимостью форсированного развития в крае цветной металлургии и формированием здесь комплекса предприятий атомной промышленности. Режимные организации в своей структуре имели органы управления, научно-исследовательские и проектные организации, систему материально-технического снабжения и 17 исправительных лагерей, в которых содержалось более 22 тыс. заключенных¹. Они обеспечивали рабочей силой предприятия цветной

¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 24. Д. 16. Л. 60–61.

металлургии, атомной промышленности и строящийся Норильский горно-металлургический комбинат (НГМК).

Таким образом, «Енисейстрой» и «Норильлаг» представляли собой крупную управленческую структуру, которая контролировала развитие стратегических отраслей экономики Красноярского края, подчиняясь напрямую высшему руководству страны и союзному МВД. Деятельность режимных организаций обеспечила развитие цветной металлургии, атомной и некоторых других отраслей промышленности. Использование труда заключенных и жесткая исполнительская дисциплина в исправительно-трудовых лагерях в немалой степени повлияли на то, что за 1946–1950 гг. объем промышленного производства в крае вырос в 1,8 раз, превысив показатели 1940 г. в 13,5 раза².

Реформе управления промышленностью и строительством в Красноярском экономическом районе предстояло решить дополнительную задачу – по переводу промышленности с труда заключенных на вольнонаемный состав. Особенно сильно эта проблема стояла в Норильске. До реформы комбинат и город долгое время представляли собой, по сути, один большой лагерь.

Среди проблем Норильского горно-металлургического комбината, накануне начала реформы 1957 г., к числу наиболее сложных проблем относились добыча глубокозалегающих месторождений полиметаллических руд, недостаточная механизация горнодобывающего цикла и высокий уровень травматизма на производстве. За первое полугодие 1957 г. на комбинате было зафиксировано более 1680 несчастных случаев³.

Не менее серьезные проблемы стояли и перед г. Норильском. Расформирование лагерной системы привело к тому, что часть бывших заключенных, работавших на предприятиях края, оказались без жилья. В начале 1957 г. крайком КПСС направил обращение в Совет Министров СССР, в котором говорилось, что после перехода НГМК на использование вольнонаемного труда большинство работников не имели пригодного для жизни в условиях Крайнего Севера жилья. Большинство зданий Норильска не имело центрального водоснабжения, теплоснабжения и канализации. В городе не хватало больниц, бань и школ⁴.

Проблемы развития Норильска были ключевыми для Красноярского совнархоза, так как цветная металлургия была отраслью его

² См.: Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. С. 49.

³ ГАКК. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

⁴ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 31. Д. 3Л. С. 122.

базовой специализации. Это нашло отражение в назначении руководящего состава Красноярского совета народного хозяйства. Практически весь его высший кадровый состав был связан с работой цветной металлургии. Председателем совнархоза стал бывший министр цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако, который уже в первые месяцы работы в Красноярске вместе с известным ученым-металлургом академиком И.П. Бардиным совершил поездку в Норильск для определения перспектив развития Норильского горно-металлургического комбината⁵.

С этой же отраслью были связаны трое из четырех заместителей председателя Красноярского СНХ. Так, В.С. Зверев к тому же руководил с 1948 по 1953 г. работой НГБК⁶. Другой его заместитель, А.Д. Бизяев, ранее являлся начальником отдела оборудования Министерства цветной металлургии СССР⁷.

Последний из его замов, В.Н. Ксинтарис, так же, как и В.С. Зверев, был связан с Норильским горно-металлургическим комбинатом. В 1940 г. после получения высшего образования он был распределен в Норильск и прошел здесь путь от начальника Дудинского речного порта до заместителя директора НГМК. Его деловые качества были востребованы и на работе в СНХ, где он поэтапно прошел по служебной лестнице от начальника отдела материально-технического снабжения и сбыта до заместителя председателя. В 1963 г. он возглавил Красноярский СНХ.

С работой в «Норильлаге» был связан также начальник финансового отдела Н.Т. Глушков, который в предыдущие годы работал начальником финансового отдела комбината, начальником финансового отдела главного управления «Енисейстрой», директором горно-промышленного управления Минцветмета СССР.

Руководство страны делало явный акцент на развитии цветной металлургии в Красноярском крае. Уже в 1953 г. Норильский горно-металлургический комбинат производил 12% меди, 30 – кобальта, 35 – никеля и 90 – платиноидов от общего производства этих металлов в Советском Союзе⁸.

⁵ См.: Курячий А.Н. Ломако Петр Фадеевич. URL: <http://www.minister.su/article/1223.html>

⁶ См.: Совнархоз Красноярского административного района (Беседа с председателем Совета народного хозяйства П.Ф. Ломако) // Красноярский рабочий. 1997. № 142. С. 2.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 26. Л. 82.

⁸ См.: Развитие производственных сил Восточной Сибири. Труды конференции. Т. 1. М., 1960. С. 24.

К числу серьезных проблем, которые сдерживали рост производства цветных металлов, относилась низкая степень их извлечения из добываемой руды. На НГМК из руды извлекалось не более половины содержащихся в ней меди, никеля и кобальта, в то время как по другим металлам извлечение не достигало 10–20%⁹. Невысокой была комплексность использования рудного сырья. При условии расширения комплексности использования и повышения извлечения полезных компонентов из руды экономические показатели работы предприятия, согласно расчетам экономистов, могли бы существенно возрасти. Однако это требовало проведения большего объема научных исследований, модернизации добычи и обогащения руд цветных металлов. Госплан СССР предусматривал значительное расширение действующих предприятий, таких как НГМК, а также запуск в действие новых заводов, чтобы увеличить продукцию отрасли в 1965 г. более чем в два раза по сравнению с 1958 г.¹⁰

Свою работу в Красноярском крае председатель СНХ, как уже отмечалось, начал с поездки в июле 1957 г. на Норильский горно-металлургический комбинат вместе с крупнейшим советским металлургом академиком И.П. Бардиным. В Норильске было проведено специальное расширенное заседание СНХ. В его работе приняли участие ведущие специалисты технологических и научных подразделений предприятия, рабочие, представители городской администрации, которые обсудили широкий комплекс проблем развития производства и организации жизни работников комбината и других предприятий города в суровых условиях Крайнего Севера.

Это заседание стало первым из ежегодных заседаний, проводимых на Севере, которые посвящались исключительно обсуждению экономических и социальных проблем Норильского горно-металлургического комбината и самого Норильска. Данная традиция позволяла руководству СНХ выстраивать прямую и обратную связь с работниками и жителями Норильска.

Стремясь преодолеть проблемы Севера, П.Ф. Ломако в ноябре 1957 г. вновь выехал в Норильск для определения комплекса чрезвычайных мер по преодолению сложившейся ситуации¹¹. С ним в Норильск вылетел глава управления цветной металлургии А.И. Бунин, который в дальнейшем должен был обеспечивать их выполнение. Личное участие председателя совнархоза в решении вопросов, возникающих у Норильского горно-металлургического комбината,

⁹ Там же.

¹⁰ ГАКК. Ф. Р-1408. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

позволяло находить быстрые решения, используя опыт Ломако и его связи, сложившиеся еще в бытность министром цветной металлургии СССР.

П.Ф. Ломако часто напрямую обращался за поддержкой к правительству страны и Госплану СССР, чтобы обеспечить выделение необходимой для Норильского горно-металлургического комбината техники и оборудования. Ситуация осложнялась тем, что предприятия цветной металлургии, химической и других отраслей промышленности оказались рассредоточены по многочисленным совнархозам страны. И нужно было длительное время для налаживания взаимодействия, необходимого для развития Красноярского экономического региона. Совнархозы, которые имели другие приоритеты, нередко отказывали в поставках оборудования в Красноярский край.

Существующий недостаток специальной техники и оборудования привел к тому, что горно-металлургический комбинат в 1957 г. не сумел выполнить плановые задания и недодал 220 тыс. т руды¹². Снабжение предприятия необходимой техникой в условиях децентрализации управления народнохозяйственного комплекса страны, в значительной степени зависело от налаживания ее производства на машиностроительных предприятиях Красноярского экономического района. В конце 1957 г. Ломако отправил на имя председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина письмо с просьбой оказать содействие в производстве экскаваторов и подъемных кранов для НГМК¹³. Полученная поддержка позволила начать разработку специализированных экскаваторов и наладить производство необходимого кранового оборудования на заводе «Сибтяжмаш».

Благодаря принятым мерам, а также переводу работы местных предприятий машиностроения на нужды Красноярского экономического района к началу 1959 г. Красноярскому СНХ удалось добиться полной механизации проходки горных выработок. На очередь встала необходимость совершенствования горно-обогачительного оборудования и развития складского хозяйства. В ответ на ходатайство руководства комбината о необходимости выделения соответствующих средств СНХ предложил компромиссный вариант.

Руководству НГМК было предложено за счет оптимизации производства обеспечить получение сверхплановой прибыли в 30 млн рублей. Половину этой суммы комбинат мог использовать на развитие производства и совершенствование структуры предприятия¹⁴.

¹² ГАКК. Ф. Р-1408. Оп. 2. Д. 10. Л. 2–10.

¹³ Там же. Д. 9. Л. 30.

¹⁴ Там же. Д. 81. Л. 119.

Таким образом, совнархоз поощрял хозрасчетные методы работы, что в какой-то степени предопределяло подходы, предложенные позже в косыгинской экономической реформе.

Данные методы, апробированные на НГМК, впоследствии применялись на других предприятиях Красноярского экономического района. Благодаря предпринятым мерам в течение 1958 г. совместными усилиями руководства СНХ и дирекции комбината удалось обеспечить рентабельную работу Норильского горнометаллургического комбината. Это было серьезным успехом для всего Красноярского экономического района. В 1959 г. производственные расходы комбината удалось снизить на 32 518 тыс. рублей и отказаться от выделения государством дополнительных финансовых средств¹⁵.

Важную поддержку работе НГМК оказал перевод в 1958 г. в Красноярск Института цветных металлов имени М.И. Калинина, коллектив которого вел исследовательские работы в сфере геологии, горнодобывающих работ, обогащения руды, выплавки цветных металлов.

После создания работающей на новых условиях системы управления руководство совнархоза приступило к решению задачи повышения эффективности работы подчиненных ему предприятий. В начале 1959 г. оно провело экспертизу работы большинства предприятий черной и цветной металлургии, которая показала, что наиболее успешно работающим предприятием является Норильский горно-металлургический комбинат.

Эти и другие меры, направленные на повышение эффективности производства в горнодобывающей промышленности, цветной и черной металлургии, позволили добиться более высоких показателей работы предприятий этих отраслей. Норильский горно-металлургический комбинат, Туимское горнопромышленное управление, Сорский комбинат и Абаканский железный рудник, которые в начале реформы относились к отстающим предприятиям, на собрании актива Красноярского экономического района и крайкома КПСС Красноярского края в конце 1960 г. были отмечены как рентабельные предприятия. В целом сверх плана было выдано продукции цветной металлургии на 43,2 млн рублей, стали – на 3,6 тыс. т, на 592 тыс. т – угля¹⁶.

НГМК, который в 1957 г. получил дотаций на сумму 217 млн рублей, а в 1958 г. – на 42,1 млн, в 1960 г. уже имел прибыль в 124,3 млн¹⁷. В декабре 1962 г. Совет Министров РСФСР обязал Красноярский СНХ принять меры по расширению производства за счет ускорен-

¹⁵ Там же. Д. 126. Л. 157.

¹⁶ Там же. Д. 184. Л. 9–11.

¹⁷ Там же. Оп. 148. Л. 11–12.

ного освоения Талнахского медно-никелевого месторождения. Как вспоминал бывший директор Норильского горно-металлургического комбината В.И. Долгих, большую помощь в этом оказали Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР Н.С. Хрущев и председатель Госплана СССР П.Ф. Ломако¹⁸.

За первые шесть лет семилетки производство валовой продукции на НГМК увеличилось на 46,5% вместо запланированных на этот период 32,9%. Комбинат одним из первых в крае вышел на рентабельную работу, и в 1965 г. он полностью окупил затраты на строительство и развитие предприятия в предыдущие годы¹⁹.

Не меньших успехов удалось добиться в развитии Норильска. Был реализован план, который предусматривал сдачу в 1957-1962 гг. в эксплуатацию более 400 тыс. кв. м жилья, семи школ, пяти корпусов городской больницы, двух поликлиник, станции скорой помощи, кинотеатра, бассейна, а также нескольких клубов и бань²⁰. Значительных успехов удалось достигнуть в сфере обеспечения населения города продуктами питания за счет строительства заводов по производству рыбопродуктов и организации производственных объединений-фирм в области пищевой промышленности.

Реформа 1957 г. оказала позитивное влияние на Норильск, облегчив ему переход из ведения режимных организаций. Комбинат, изначально приносивший убытки, был не только переведен на рентабельную работу, но и смог окупить затраты на его строительство. В кратчайшие сроки были обеспечены условия для работы вольнонаемного состава в условиях крайнего Севера.

¹⁸ Свидетель эпохи Владимир Долгих: «смена Хрущева – необходимое решение». URL: <http://file-rf.ru/analytics/581>

¹⁹ ГАКК. Ф. Р-1408. Оп. 1. Д. 401. Л. 9.

²⁰ Там же.

А.В. Трофимов

ХРУЩЕВСКИЕ РЕФОМЫ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

При обращении к проблемам уровня и качества жизни в контексте отечественной истории середины XX века следует учитывать, что факторами, определяющими представления, мотивацию и стратегии поведения населения наряду с политическими и «доктринальными» были: 1) степень (мера) удовлетворения базовых, общечеловеческих экзистенциальных потребностей людей; 2) потребность в следовании принятым в обществе в качестве образцов социокультурным моделям поведения; 3) воздействие на общественное сознание средств массовой информации и пропаганды.

Жители Уральского региона, оказавшись в середине XX в. на острие модернизационных процессов, в полной мере ощутили все «плюсы и минусы» советской промышленной политики. Укрепление и развитие уральского оборонно-промышленного комплекса оказывало непосредственное влияние на жизнь значительной части населения уральских городов. Овладение современными производственными технологиями, высокая степень ответственности, дисциплина труда не только достигались жесткими формами контроля, но и стимулировались высокими заработками и социальными льготами, что особенно ярко проявлялось в закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). Население только трех уральских ЗАТО – Озерска, Лесного и Новоуральска – в 1960–1965 гг. покупало до 2% производимых в стране легковых автомобилей¹.

Воздействие на качество жизни уральского населения в середине XX в. оказывал и демографический фактор: в Уральском регионе в это время обеспечивалось лишь простое воспроизводство рабочей силы. С конца 1950-х гг. Урал утратил лидирующее положение по темпам прироста населения. Отмена законов, запрещающих репрес-

¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов. Екатеринбург, 2011. С. 359.

сированным народам выезжать за пределы территории вынужденного переселения, снятие ограничений на выезд из сельской местности усилили миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей, стремившихся найти лучшие условия жизни. В условиях отказа от принципа принудительного закрепления работников на предприятиях заметной стала текучесть кадров, объясняемая такими факторами, как необеспеченность жильем, неудовлетворенность зарплатой и условиями труда, невозможность устройства детей в детских учреждениях².

В приросте численности рабочих и служащих начала интенсивно возрастать абсолютная величина и доля женщин. Возможности для усиленного привлечения женщин в народное хозяйство были созданы высокими темпами роста общественного производства, переводом в конце 1950 – начале 1960-х гг. рабочих и служащих на сокращенный рабочий день, что не компенсировалось соответствующим ростом часовой производительности труда, улучшением условий труда в результате механизации производства, повышением образовательного уровня женщин, снижением рождаемости³. Вместе с тем значительная часть женского населения Урала проживала в сельской местности, что предопределяло их сезонную занятость в сельскохозяйственном производстве, а труд сельских женщин был тяжелым, слабо механизированным и неквалифицированным.

Представления о справедливости в оплате труда зафиксированы в письмах, отправленных из уральского региона в газету «Правда» в 1954 г.: «Следует задуматься над тем, правильно ли положение, когда существует огромная разница между зарплатой большого количества малоквалифицированных рабочих и непомерно раздутой, роскошной зарплатой научных работников, военных и “высших” работников промышленности и административного аппарата. Для нашей системы амплитуда от 210 рублей в месяц до 18–20 тысяч (не говоря уже о более высоких суммах) – недопустима». <...> Несмотря на политику систематического снижения цен на товары широкого потребления, жизнь для большей части населения еще нелегка. Прожиточный минимум семьи с доходом в 200–300 рублей – очень низок. Такой семье нет возможности покупать детям молоко, сливочное масло, яблоки. Такая семья ходит в обносках. Ей недоступно приобретение валенок, зимнего пальто и уж, конечно, посещение кино, театра. <...> Такая семья питается черным хлебом и картошкой, покупает сахар в количе-

² Государственный архив Челябинской области (далее – ГАЧО). Ф. 1613. Оп. 4. Д. 5. Л. 23, 24.

³ См.: Бреева Е.Б. Население и занятость. М., 1984. С. 42.

стве, далеко не соответствующем нормальным потребностям. А нужно еще приобретать дрова, покупать книги, учебники, тетради для детей, учащихся в школе. В то же время, другие семьи ходят в дорогих меховых дохах, в каракулевых и котиковых саках, носят шелк, атлас, панбархат, коверкот, бостон, швыряют деньги на кутежи в шикарных ресторанах, приобретают автомобили, мотоциклы, радиолы, содержат домработниц, абонируют постоянно лучшие места в театрах. И вот нарождается определенный антагонизм <...> такие семьи друг к другу в гости не ходят и если вступают в контакт, то он сводится к тому, что женщины из плохо обеспеченных семей нанимаются к зажиточным семьям мыть полы, стирать белье, пилить дрова, т. е., иными словами – это контакт «черной и белой кости»⁴.

Одним из результатов реформирования системы оплаты труда во второй половине 1950-х гг. стал рост заработной платы. На Среднем Урале он составил в 1956–1964 гг.: по всем отраслям народного хозяйства – с 77 до 100 рублей; в промышленности – с 87 до 110 рублей. В целом по Уральскому региону заработная плата в отраслях, где проводилось «упорядочение», выросла на 13–25%⁵. Вместе с тем в 1956–1962 гг. в промышленности Урала практически повсеместно проводилось снижение тарифных разрядов. Были «упорядочены» льготы, которыми пользовалась часть рабочих, уменьшены размеры районных коэффициентов, отменены в ряде районов зональные надбавки. Так, на предприятиях Свердловской области из-за «уточнения границ районов Крайнего Севера» зарплата снизилась у 12% рабочих. Причем снижение коснулось в основном квалифицированных рабочих, чей заработок превышал 150–200 рублей⁶.

Благодаря увеличению заработков люди получили возможность улучшить свое питание, на него уходило примерно 40% семейного бюджета промышленных рабочих, что соответствовало стандартам потребления малообеспеченных слоев. Структура питания за 1953–1964 гг. улучшилась: потребление мяса выросло на 70%, масла – на 34, рыбы – на 29. При этом потребление жиров и белков животного

⁴ См.: Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сб. док. и материалов / отв. ред. А.В. Трофимов; авт.-сост. Е.А. Игишева [и др.]. Екатеринбург, 2015. С. 206, 207.

⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 1813. Оп. 10. Д. 485. Л. 10; Д. 543. Л. 9.

⁶ См.: Мартюшов Л.Н. Промышленные рабочие Урала в 1955–1985 годах (историко-экономический аспект). Екатеринбург, 1999. С. 134.

происхождения оставалось гораздо ниже нормы (66 и 54% соответственно). Даже хлеб и картофель люди ели меньше, чем нужно⁷.

На качество жизни уральского населения во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. повлияло изменение баланса рабочего и свободного времени, введение «самого короткого в мире рабочего дня», при котором количество свободного времени населения должно было увеличиться на 200 часов в год. У мужчин свободного времени было в среднем на 60% больше, чем у женщин. Много времени у женщин отнимал труд в домашнем хозяйстве. Постепенное развитие сети предприятий бытового обслуживания даже в крупных городах региона высвобождало лишь 5% времени, необходимого для удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд.

Источником сокращения времени на домашнюю работу было общественное питание. Если в 1955 г. общественное питание готовило только 5% всех блюд, потребляемых населением, то в 1960 г. удельный вес общественного питания увеличился до 13% на селе и до 25 – в городе. Сокращению временных затрат на домашнюю работу способствовало использование в хозяйстве бытовой техники. В середине 1950-х гг. спрос на нее удовлетворялся лишь на 40–50%, в целом лишь 3–4% семей в начале 1960-х гг. имели дома бытовую технику⁸. При этом в 1960 г. в семьях машиностроителей Урала, то есть высокооплачиваемой категории работников, стиральные машины имелись в каждой четвертой, телевизоры – в каждой третьей семье. Почти 60% семей пользовались радиоприемниками, швейными машинами⁹.

Многие уральские жители в начале 1960-х гг. меняли представления о стандартах потребления, использовали достигательные социальные практики (образование, спорт, туризм, культурное творчество). Часть свободного времени посвящалась как традиционным, так и новым праздничным формам: посвящение в рабочий класс, хлеборобы; чествования героев пятилеток, трудовых династий; конкурсы по профессиям; слеты передовиков производства, наставников молодежи; трудовые вахты, ударные недели, месячники, красные субботники и воскресники; декады «Наука – производству», слеты рационализаторов и изобретателей, праздники первой зарплаты, про-

⁷ См.: Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 155.

⁸ См.: Балакин В.С. [и др.]. Свободное время населения Урала в 1955–1965 гг.: новые источники и подходы / В.С. Балакин, О.В. Ралкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. 2012. № 4. С. 42.

⁹ См.: Уральский рабочий. 28.05.1960.

воды на пенсию. Тем не менее нехватку свободного времени продолжало отмечать большинство взрослого населения, недостаточно развитой оставались транспортная инфраструктура, коммунально-бытовая и жилищная сферы, на производстве широко использовались сверхурочные работы.

Предпринятые в хрущевский период попытки создания советского варианта потребительского общества воздействовали на социальные практики. На рубеже 1950–1960-х гг. заметно было нарастание отложенного спроса населения. Так, число вкладчиков в сберкассы в Пермской области увеличилось с 1958 по 1965 г. на 168 тыс. человек, сумма вкладов почти удвоилась, при этом средний размер вклада вырос на 63% и составлял в 1965 г. 191 рубль, при среднемесячной зарплате в промышленности 110 рублей¹⁰.

Обострилась проблема невыполнения торговыми предприятиями кассового плана товарооборота. В существовавшей экономической модели руководители предприятий уральских совнархозов стремились выполнить план по основной производственной программе, прежде всего оборонного назначения, а выпуск товаров народного потребления становился некой «обузой». В 1959–1962 гг. выпуск товаров народного потребления в Свердловской области вырос на 55%. Стали выпускаться мотоциклы, радиоприемники, электроутюги, но в основном вместо компрессионных холодильников, электробытовых приборов и других товаров повышенного спроса предприятия совнархоза выпускали почтовые ящики, подставки для горячих блюд, гладильные доски¹¹.

В наиболее сложных условиях находилось сельское население Урала. Материалы бюджетных обследований показывают, что в 1963 г. по уровню реальных доходов крестьянство Свердловской области состояло из следующих групп: 1) 45% имели невысокие денежные доходы до 300 рублей в год на одного члена семьи; 2) среднеобеспеченная группа: доходы от 361 до 600 рублей – 37%; от 601 до 900 рублей – 14%; 3) высокообеспеченная группа с доходом свыше 900 рублей – 4%.

Такие размеры доходов сельского населения Урала в 1950–1960-е гг. обеспечивали в основном лишь удовлетворение экзистенциальных потребностей, о чем говорят преобладание в структуре потребления расходов на питание и предметы первой необходимости,

¹⁰ См.: Трофимов А.В. Доходы, потребление, торговля на Урале (середина 1950 – середина 1960-х гг.). Екатеринбург, 1995. С. 23.

¹¹ См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 2. Л. 35, 36.

низкие затраты на удовлетворение культурно-бытовых запросов. Причем структура потребления колхозников и горожан (рабочих и служащих) примерно совпадали, что свидетельствовало об однородности советского общества по показателям уровня жизни, тогда как качество жизни в городах было выше, чем на селе. Так, в рабочих семьях в 4 раза больше потребляли фруктов и ягод, в 2 – рыбы, в 3,8 – сливочного масла, в 2 – круп и макаронных изделий¹². В рационе уральских жителей преобладали картофель, мучные изделия, овощи и молочные продукты – при недостаточном потреблении фруктов, рыбы, мяса.

Важной составляющей показателя качества жизни является мода. Запрос со стороны населения на модную одежду в 1950–1960-х гг. стали реализовывать не только частные портные, но и создаваемая в системе советских государственных учреждений сеть широко доступных ателье, которые становились каналом распространения модных тенденций, элементом модной индустрии в стране¹³. Появление одежды из синтетических материалов разнообразило внешний вид людей (расширяло степень свободы), освобождало, в первую очередь женщин, от постоянного ухода за изделиями из синтетики (увеличивало свободное время).

В лексиконе советского человека 1960-х гг. появились новые слова, отражающие названия новых материалов: ацетат, болонья, дакрон, дедерон, кашмилон, кожвалон, куртель, лавсан, нитрон, орлон, триацетат. Появились новые прилагательные, образованные от свойств синтетики: безразмерный, безусадочный, водоотталкивающий, несминаемый. В «джентельменский набор» модного человека 1960-х гг. входили: китайская авторучка, кожаная папка на молнии вместо портфеля, электрическая бритва «Харьков», нейлоновые рубашки и плащ «болонья»¹⁴. Попытки следовать моде ограничивались не только «размерами кошелька», но и качеством товаров, доступных рядовым гражданам, поскольку в начале 1960-х гг. в уральских магазинах в продаже были преимущественно мешковатые однообразные костюмы, отсутствовали джемперы, сарафаны, пальто современного покроя и другие модные изделия.

¹² См.: Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 339.

¹³ См.: Журавлев С. [и др.]. Мода по плану. История моды и моделирования одежды в СССР. 1917–1991 / С. Журавлев, Ю. Гронов. М., 2013. С. 109.

¹⁴ См.: Лебина Н. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. М., 2014. С. 107, 159.

По данным советской статистики, жилищные условия в СССР улучшили с 1954 по 1964 г. более 100 млн человек¹⁵. В 1955 г. в Свердловской области были учтены 512 бараков и 470 землянок, где проживало 20 тыс. человек. В 1957–1958 гг. лишь 22% всей жилой площади в Свердловской области имели водопровод и канализацию. С 1957 г. начинается жилищный «бум». Если за 1946–1956 гг. ежегодно в Свердловской области строилось по 600 тыс. кв. м жилья, то в 1957 г. – 1,3 млн кв. м, в 1958 г. – 1,7 млн кв. м. В Пермской области за 1959–1965 гг. было израсходовано на жилищное строительство 589 млн рублей, что в 1,5 раза больше, чем за предыдущие семь лет.

Платой за высокие темпы жилищного строительства стало строительство тесных, но «отдельных» малометражек с максимальным удешевлением всех материалов и работ¹⁶. Растущий поток людей в города частично компенсировался сдачей жилья внаем. Спрос рождал предложение, цены росли. В начале 1960-х гг. в г. Свердловске органы власти рекомендовали брать 2–3 рубля в месяц (без вычета налогов и сборов) за сдачу комнаты, тогда как фактически комната сдавалась за 25–30 рублей. Быстрому росту жилья не соответствовало количество объектов соцкультбыта, существовали трудности с разделением жилого фонда на районы и микрорайоны, платой за большие объемы стала неудобная планировка квартир, невыразительный внешний вид домов.

На качество жизни уральского населения воздействовали изменения, происходившие в середине 1950-х гг. в области образования: увеличение финансирования позволило расширить сеть школ и увеличить число педагогов; начался переход от семилетнего образования ко всеобщему среднему; вводилось совместное обучение мальчиков и девочек; отменялась плата за обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях; одной из задач стала перестройка работы школы на основе соединения общеобразовательного обучения с трудовым, в уральских школах оборудовались мастерские, кабинеты по машиностроению и электротехнике; возник новый тип школ с группами продленного дня, а также школы-интернаты с особым режимом для детей с отставанием в развитии.

Поощрялось производство игрушек, способствовавших развитию практических навыков у детей. Так, исполком г. Челябинска наградил в 1958 г. коллектив литейно-штамповочного завода премией в

¹⁵ См.: Народное хозяйство СССР в 1970 г. М., 1970. С. 545.

¹⁶ См.: Урал в панораме XX века... С. 342.

размере 6000 рублей за освоение и массовый выпуск детской швейной машины, особо отметив «высокий спрос населения»¹⁷.

Важным фактором, влияющим на качество жизни, являлась система советского здравоохранения, основанная на принципах доступности, бесплатности и профилактики. В 1950–1960-е гг. в русле реализации этих принципов на Урале происходило увеличение финансирования здравоохранения, расширение сети медицинских учреждений, развитие сети женских и детских консультаций, фельдшерско-акушерских пунктов в уральских селах, существенное увеличение коечного фонда, рост численности специалистов, укрепление материально-технической базы. Вместе с тем обеспеченность населения врачами (из расчета на 10 тыс. населения) составляла в 1958 г.: по РСФСР – 19,3 единицы (в 1965 г. – 24,9), в Уральском экономическом районе – 16,0 (19,8) соответственно¹⁸. Все это способствовало снижению уровня заболеваемости населения региона по ряду болезней и увеличению показателя естественного прироста населения.

«Субъективное» восприятие проблем уровня и качества жизни уральского населения показывают данные социологического опроса, проведенного в августе–сентябре 1960 г. На вопрос: «Как изменился уровень вашей жизни за последние годы?» – повышение уровня жизни отметили 76% уральских респондентов, а ухудшение зафиксировали 7%. Так, инженер и преподаватель П.А. Т-н (60 лет) из Пермской области отмечал, что уровень жизни остался без изменений, а качество продуктов и товаров в провинции хуже, чем в больших городах. Он предлагал «ликвидировать очереди в магазинах. Все семьи снабдить дешевыми холодильниками, а в новых домах их монтировать при строительстве. Больше магазинов без продавцов! Лучше планировать сезонную торговлю». Учительница из г. Свердловска (25 лет) отмечала, что «снизились цены на товары. У мужа увеличилась зарплата. Сократился рабочий день, а это дает возможность больше времени уделять семье, заниматься самообразованием»¹⁹.

Для большинства жителей Урала главной проблемой, относившейся к уровню и качеству жизни, было сведение семейных доходов с расходами. Некоторый рост доходов населения СССР, начавшийся в середине 1950-х годов, достаточно жестко коррелировался как

¹⁷ ГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 16. Д. 30. Л. 31.

¹⁸ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1965 году: стат. ежегодник. М., 1966. С. 519, 520.

¹⁹ Грушин Б.А. Четыре жизни России. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 121, 125.

объемом предложения товарной массы соответствующих отраслей промышленности и торговли, так и принятыми тогда моделями потребительского поведения.

Сравнение качественных параметров жизни происходило тогда по двум основным линиям: для старших поколений – с тем, как жили до Великой Отечественной войны, младших поколений – с жизнью родителей. Нельзя не заметить дифференциацию и поляризацию в советском обществе: существенно отличались условия жизни в городах и сельской местности, а в городах у семей, получивших отдельные квартиры, и семей, продолжавших жить в коммуналках, бараках и т. д.

Позитивные изменения в качестве жизни, и прежде всего в части расширения степеней свободы человека (от совместного обучения мальчиков и девочек в школах до отдельных квартир и разрешения аборт), девальвировались следованием идеологизированным принципам: ограничение личных подсобных хозяйств, запрещение частнопредпринимательской деятельности и т. д.

Менялись стандарты потребления, экономические стратегии поведения уральского населения. Позитивные изменения качественных параметров жизни происходили в первую очередь у городского населения (жителей ЗАТО), модифицировались стандарты потребления, возникали новые формы проведения досуга и т. д. Вместе с тем для значительной части населения Урала востребованными оставались стратегии выживания в условиях бедности. Надежды и разочарования, вызываемые противоречивостью хрущевских реформ, порождали как социальный оптимизм, так и социальное недовольство.

Л.Н. Лазарева

ОТ СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА – К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ А.Н. КОСЫГИНА: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Середина XX века части темпов экономического роста является одним из самых успешных периодов в развитии советского народного хозяйства. По сравнению с 1940 г. валовый общественный продукт в 1950 г. составил 161%, а в 1965 г. – уже 570%. Рост национального дохода был соответственно 164 и 597%. Продукция всей промышленности – 173 и 791% (из них группа «А» – производство средств производства – 205 и 1056%, группа «Б» – производство предметов потребления – 123 и 442%)¹.

Советскому Союзу стало доступно производство любой промышленной продукции, существовавшей в мире. Если в 1913 г. доля России в мировом производстве промышленной продукции составляла около 4%, то взятый темп роста вел к сокращению разрыва с развитыми капиталистическими державами. Производство чугуна, в процентах к США, составило 32% в 1950 г. и 82 – в 1965-м; стали – 30 и 75%; железной руды – 40 и 172%, цемента – 26 и 111%; хлопчатобумажных тканей – 32 и 66%; шерстяных – 32 и 124%². Успехи электроэнергетики, химической, нефтяной и газовой промышленности заложили дальнейший потенциал развития страны.

Экономисты оценивают³ 1950-е гг. как период интенсивного развития народного хозяйства. В пятую пятилетку (1951–1955 гг.) более $\frac{2}{3}$ прироста промышленной продукции было получено за счет повышения производительности труда, рост которой обгонял рост численности работников (см. таблицу)⁴.

¹ Некоторые данные о развитии экономики и культуры Советского Союза за послевоенные годы. М., 1975. С. 3.

² Там же. С. 6.

³ Ханин Г.И. Динамика экономического развития СССР. М., 1991. С. 173.

⁴ Составлено по: Основные показатели развития СССР: Краткий стат.

**Рост производительности труда рабочих и служащих
в 1951–1955 гг.**

	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Рост численности рабочих и служащих в % к предыдущему году	104,08	102,26	107,43	104,91	101,91
Рост производительности труда в промышленности в % к предыдущему году	110	107	106	107	108

Основу успеха советской экономики составляла «сталинская» модель, демонтаж которой начался вскоре после смены власти в Кремле. Уже следующее пятилетие (1955–1960 гг.) происходило снижение темпов роста производительности труда.

«Сталинская» экономическая модель в современной историографии остается объектом дискуссий, получая полярные оценки. От характеристики ее как поиска, налаживания и поддержания «...в нужном режиме специальных механизмов в экономике, которые гарантировали правящему слою стабильность господства над населением России и распространение своего владычества за пределы державы»⁵ до утверждения, что в СССР была создана уникальная система, разительно отличавшаяся от того, что было известно человеку до этого, «...эффективность которой могла проявиться лишь при наличии гораздо более совершенного человека и организованного на новых принципах социума»⁶. Неоднозначность в оценках подталкивает исследователей продолжать работу.

Ключом к пониманию «сталинской» экономической модели являются сформулированные И.В. Сталиным задачи планирования: «Первая задача состоит в том, чтобы спланировать так, чтобы обеспечить самостоятельность социалистического хозяйства от капиталистического окружения. Это форма борьбы с мировым капитализмом. Добиться того, чтобы металл и машины иметь в своих руках, чтобы не стать придатком к капиталистическому хозяйству – в этом основа планирования. Это главное... Вторая задача планирования состоит

справочник. М., 1956. С. 25. С. 52.

⁵ Попов В.П. Сталинское экономическое «чудо» после войны (1946–1953) / Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 266.

⁶ Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 118.

в том, чтобы закрепить безраздельное господство социалистической системы хозяйства и закрыть источники и клапаны, откуда возникает капитализм... Третья задача планирования – это не допускать диспропорций. Но так как хозяйство громадное, то прорывы все-таки могут иметь место. Поэтому нужно иметь большие резервы, не только фондов, но и рабочей силы»⁷.

Стремление к самодостаточной экономике делало необходимым жесткое государственное регулирование в виде директивного планирования, создающее приоритет сектора «А» (производство средств производства) над сектором «Б» (производство предметов потребления).

В учебнике политической экономии (1954 г.), создание которого контролировал И.В. Сталин⁸, дана характеристика ключевым точкам данной модели. Государство контролировало: выполнение плана в натуральных и денежных показателях, рациональное использование фондов, выдачу заработной платы рабочим и служащим, своевременное внесение платежей в бюджет, использование бюджетных средств и кредитов. Товарное производство ограничивалось «...главным образом предметами личного потребления»⁹.

Коллектив предприятия ставился перед необходимостью постоянно повышать производительность труда. «Важнейшим средством планового воздействия социалистического государства на величину общественно необходимого времени являются прогрессивные нормы затрат труда и материалов, устанавливаемые на опыте передовых предприятий»¹⁰, – объяснял учебник. Прогрессивными нормами плановики называли нормы, которые были ниже, чем у ударников труда, но выше действующих.

⁷ Бухерт В. Г. «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом». Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 8.

⁸ Подробнее см: Журавлев В.В. Сталин и экономическая дискуссия 1951 г. в СССР (к проблеме сталинского теоретического наследия) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII Междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 314–325; Журавлев В.В. [и др.]. Лазарева Л.Н. «Нужно поднять уровень экономических знаний». Сталинская метода создания учебника политической экономии / В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева // Родина. 2014. № 3. С. 54–61.

⁹ Политическая экономия: учебник / под ред. К.В. Островитянова. М., 1954. С. 441.

¹⁰ Там же. С. 444.

В качестве инструмента распределения квалифицированной рабочей силы между отраслями выступала заработная плата¹¹. Применялись различные формы: сдельная, сдельно-прогрессивная, сдельно-премиальная, сдельная бригадная или групповая, повременная, повременно-премиальная. Плановики руководствовались непреложным правилом: рост производительности труда должен превышать рост заработной платы¹².

При планировании цены государство учитывало закон стоимости как один из воздействующих факторов. Но главным был план: механизм цен регулировал пропорции между отраслями в соответствии с государственными директивами. Цены на продукцию отраслей, производящих средства производства, налога с оборота не содержали, входя в оптовую цену производителей предметов потребления¹³.

Важную роль играли хозяйственный расчет и рентабельность (доходность) предприятия¹⁴. Часть чистого дохода (прибыли) предприятия поступала в фонд директора (от плановой суммы: 1–5% от полученной сверх плана: 15–45%). Половину данного фонда можно было направить на расширение производства и ремонт жилищного фонда, другую – на содержание детских учреждений, оборудование домов отдыха и подобных объектов, а также из нее выдавались индивидуальные премии работникам, оказывалась им единовременная помощь.

Норма рентабельности предприятий¹⁵ устанавливалась планом и не допускала излишнего накопления у них денежных средств. К тому же «замковым камнем» данной экономической модели был прин-

¹¹ Во II квартале 1953 г. среднемесячная заработная плата квалифицированного рабочего в угольной промышленности составляла 1465 рублей, а в текстильной отрасли – 756. См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953. Тамбов, 2000. С. 66.

¹² Политическая экономия... С. 459.

¹³ Налог с оборота составлял более 50% от всех доходов бюджета государства. Согласно данным ЦСУ доля налога с оборота на 01.04.1953 составляла в цене: литра водки – 89%, пачки папирос (25 шт.) – 76, килограмма говядины – 70, килограмма хлеба – ок. 50, килограмма соли – 54, литра керосина – 70, часов наручных «Победа» – 71, мужского шерстяного костюма – 45, женского платья – 44, велосипеда мужского дорожного – 18. См.: Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова, Г.А. Кошелева [и др.]. М., 2003. С. 525.

¹⁴ Под доходностью предприятия понималось возмещение себестоимости продукции и получение дохода сверх того.

¹⁵ Выраженное в процентах отношение суммы чистого дохода предприятия к полной себестоимости реализуемой продукции.

цип народнохозяйственной рентабельности¹⁶, которой подчинялась рентабельность предприятия. Учебник объяснял: «...Нерентабельные или малорентабельные на первых порах предприятия, нужные для народного хозяйства... не закрываются, а сохраняются и поддерживаются, причем принимаются меры к тому, чтобы сделать их рентабельными. Социалистическое государство может перекрывать временную убыточность одних отраслей или предприятий за счет доходов, полученных другими отраслями или предприятиями...»¹⁷ В 1949 г. была проведена реформа оптовых цен, ликвидирована система дотаций, уровень рентабельности части предприятий тяжелой промышленности вырос¹⁸.

Обобщающим показателем работы трудового коллектива являлось снижение себестоимости. Так проводилось стимулирование предприятий к наращиванию производительности труда, рациональному использованию основных и оборотных фондов, ускорению оборота средств, сокращению административных расходов.

Важным звеном в «сталинской» экономической модели выступало снижение розничных цен на товары. После проведения в 1947 г. денежной реформы и отмены карточек оно проводилось регулярно¹⁹. Плановое задание по снижению себестоимости в условиях снижения цен ставило предприятие перед необходимостью вскрывать резервы и наращивать производительность труда. Этот механизм должен был побуждать управленческое звено к скорейшему внедрению достижений научно-технического прогресса в производственный цикл²⁰.

Кроме того, снижение цен на определяемые планом виды продукции давало возможность государству регулировать потребительский спрос, направляя его в нужное русло. К тому же цены государственной торговли диктовали уровень колхозному и кооперативному

¹⁶ Определяется в ракурсе всего народного хозяйства в разрезе длительного периода времени.

¹⁷ Политическая экономия... С. 445.

¹⁸ Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: Историко-правовое исследование (1957–1987 гг.). М., 1990. С. 294.

¹⁹ В докладной записке ЦСУ СССР приведены данные: от снижения цен в расчете на год выгода населения составила: от первого снижения цен (16.12.1947) – 57 млрд рублей, от второго (01.03.1949) – 48 млрд, от третьего (01.03.1950) – 80 млрд, от четвертого (01.03.1951) – 27,5 млрд, от пятого (01.04.1952) – 24 млрд, от шестого (01.04.1953) – 46 млрд. См: Советская жизнь... С. 527.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1243. Л. 66.

рынку²¹. А задача «закрывать источники и клапаны, откуда возникает капитализм», была на втором месте в приоритетах «сталинской» модели. Ежегодное снижение цен несло и пропагандистскую нагрузку, «примирая» трудящихся с заданиями по росту производительности труда и тяжелыми условиями существования, внушая веру в «лучшее» завтра²².

В жертву реализации основной задачи планирования – обеспечение самостоятельности социалистического хозяйства от капиталистического окружения – был принесен аграрный сектор. Рост промышленности достигался за счет «перекачивания» ресурсов села. Три четверти населения получали в колхозах минимальную оплату своего труда²³. Причем оплата на трудодни распределялась только после выполнения всех обязательств перед государством. Поэтому в начале 1950-х гг. около четверти всех колхозов вообще не выдавали денег²⁴. Обложенные денежным и натуральным налогами²⁵, колхозни-

²¹ Из расчета на год сумма снижения цен составила в кооперативной торговле и на колхозном рынке: 29 млрд рублей (декабрь 1947 г.); 23 млрд (1949 г.); 30 млрд (1950 г.); 7 млрд (1951 г.); 5 млрд (01.03.1952). См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства... С. 102.

²² Например, по данным ЦСУ об итогах обследования бюджетов рабочих промышленности за 1948 г., в результате снижения цен на продукты питания и непродовольственные товары, а также в связи с ростом денежной зарплаты реальная заработная плата рабочих промышленности в 1948 г. по сравнению с 1947 г. повысилась более чем в 2 раза. См: Советская жизнь... С. 94.

²³ Средние выдачи на 1 трудодень колхозникам и рабочим тракторных бригад в колхозах, согласно статистической таблице ЦСУ, включенной в сборник 1956 г., составляли: в 1950 г. – 1,5 кг зерна, 0,4 кг картофеля, 1,49 рублей; 1951 г. – 1,4 кг зерна, 0,2 картофеля, 1,50 рубля; 1952 г. – 1,8 кг зерна, 0,2 кг картофеля, 1,44 рубля. См.: Советская жизнь... С. 253.

²⁴ См.: Попов В.П. Сталинское экономическое «чудо» после войны... С. 279.

²⁵ Если в 1940 г. крестьяне и единоличники выплатили государству в форме сельхозналога 2,4 млрд рублей, то в 1952 г. – 8,7 млрд. Хозяйство среднего колхозника, имевшего: 1 корову; 2 овцы; 1 свинью; 0,15 га посевов картофеля; 0,05 га посевов овощей – облагалось сельхозналогом в размере 100 рублей в 1940 г. и 1116 рублей – в 1952 г. См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999. С. 66. В марте 1948 г. 100%-ная скидка с исчисленной суммы налога для семей военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести на фронтах ВОВ, была заменена 50%-ной. В июле 1948 г. существенно повысились ставки сельхозналога и одновременно сократился контингент лиц, которым представлялись льготы. В 1950 г. увеличились нормы вмененной доходности приусадебного земледелия, а также ставки обложения хозяйств с годовым доходом свыше 4 тыс. рублей. В 1952 г. произошло очередное су-

ки вынуждены были поставлять на рынок продукцию своих личных приусадебных хозяйств.

Отсутствие паспортов у колхозников помогало государству обеспечивать промышленность трудовыми кадрами в строго регламентированном порядке. За период с 1946 по 1952 г. из 4 239 548 учащих системы трудовых резервов из сельской местности было 3 215 297 человек²⁶. Главными заказчиками этих кадров являлись угольная промышленность, металлургия, промышленное и военное строительство. Надежда на возможность перебраться в город, где жизнь казалась «сытнее», заставляла сельскую молодежь соглашаться на работу в тяжелых условиях²⁷.

Уже в середине 1950-х гг. перекося в сторону сектора «А» вступил в противоречие с требованием процесса формирования постиндустриального общества – развитие отраслей, производящих предме-

щественное сокращение числа дворов, имевших права на налоговые льготы. Учителя, врачи, зоотехники, агрономы и другие сельские специалисты стали привлекаться к его уплате, если их облагаемые доходы от личного хозяйства превышали 3 тыс. рублей в год. Как и единоличные (удвоение ставок) стали облагаться хозяйства рабочих и служащих, размер земельного участка которых превышал законодательно установленные нормы. В начале 1953 г. Сталин предложил повысить налоги на колхозы и личные хозяйства сельских жителей на 40 млрд рублей. См.: Ильиных В.А. Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика // Советское государство и общество в период позднего сталинизма... С. 447.

²⁶ См.: Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011. С. 58.

²⁷ Согласно проведенному ЦСУ обследованию бюджетов семей рабочих, инженерно-технических работников промышленности, служащих и колхозников в 1953 г., питание семей колхозников существенно отличалось от питания других категорий. Семьи колхозников больше, чем семьи рабочих, потребляли хлеба, картофеля и молока и в значительно меньших количествах ели мясо, мясопродукты, рыбу, рыбопродукты, жиры, сахар и кондитерские изделия. Существенных различий же в питании рабочих, инженерно-технических работников (ИТР) и служащих выявлено не было (в семьях ИТР немного больше потреблялось мяса, мясопродуктов, яиц, молока, фруктов). Согласно заключению, составленному ЦСУ, Институтом экономики АН СССР и Институтом питания АМН СССР, в 1954 г. на душу населения в СССР приходилось на 8% калорий ниже рекомендованной физиологической нормы, особенно недостаточным было потребление продуктов, содержащих белки, жиры, витамины А и С, что «уменьшает сопротивляемость человеческого организма заболеваниям и угрожает нормальному развитию детей и подростков». См.: Советская жизнь... С. 128.

ты потребления и сферы услуг. В то же время нерешенные проблемы перехода к четвертому технологическому укладу и «холодная война» не позволяли сократить инвестиции в тяжелую промышленность. Деревня больше не могла выступать в роли «донора», так как рост отраслей сектора «Б» зависел от уровня производительности сельского хозяйства. Отсюда – необходимость корректировки действующей экономической модели, обеспечивающей рост при ограниченном потреблении. Требовался хозяйственный механизм, способный одновременно поддерживать высокий уровень накопления и потребления.

Ахиллесовой пятой «сталинской» экономики стала ее жесткая централизация. Государство, выступавшее в роли единой фабрики и поощрявшее предприятие наращивать объемы и снижать себестоимость, должно было из центра задавать ассортимент и распределять полученную продукцию. Рост объема информации, требовавшийся для принятия эффективных решений Госплану СССР, входил в противоречие с возможностями ее обработки. Еще в 1940 г. в «Правде» была опубликована статья директоров ленинградских заводов, выносящая на обсуждение проблему корректировки принципов управления: «Мелочная опека со стороны главков и наркоматов не помогает руководителю предприятия, а, наоборот, усложняет его практическую работу... Директор должен на основе определенных заводу главных показателей разработать план деятельности и в пределах установленных лимитов быть полномочным руководителем предприятия, нести полную ответственность за соблюдение государственной дисциплины»²⁸.

Эта проблема трансформировала весь хозяйственный механизм, не давая ему эффективно функционировать. Экономисты вынуждены были брать за основу средние показатели и прибавлять к ним один и тот же темп роста, планируя от «достигнутого». Руководителям предприятий выгоднее было «скрывать» резервы, а не стремиться к «напряженному» заданию, рискуя оказаться в худших условиях в следующий плановый период.

Низкие цены на ресурсы и рабочую силу, лежавшие в основе «сталинской» модели, делали невыгодной замену ручного труда современными средствами механизации и автоматизации, не создавая экономического запроса на внедрение инноваций. К началу 1960-х гг. постановления ЦК КПСС и Совета Министров по вопросу скорейшего внедрения достижений НТР в производство, представляли со-

²⁸ Восканян В. [и др.] О единоначалии и правах директора / В. Восканян, А. Соловьев [и др.] // Правда. 10.09.1940.

бой попытки в режиме «ручного управления» бороться с симптомами заболевания.

Предприятие, выступавшее в «сталинской» модели в роли цеха в единой общегосударственной фабрике, жестко контролировалось административными методами²⁹. С ослаблением «карающей» руки потери от брака увеличивались год от года. В 1961 г. в промышленности они составляли 873,2 млн рублей, в 1962-м – 907,7 млн, в 1963-м – 931,9 млн, за 9 месяцев 1964 г. – 643,6 млн³⁰. Делая космические корабли, в СССР не могли наладить массовое производство качественных телевизоров, холодильников, радиоприемников³¹.

Нарастало «омертвление» ресурсов. В 1961 г. сумма сверхнормативных запасов товарно-материальных ценностей составляла 1373,6 млн рублей, за 9 месяцев 1964 г. она уже стала равна 2151,5 млн³². Стали снижаться темпы роста производительности труда³³. Хозяйственный механизм становился все более затратным³⁴.

²⁹ Хотя проблема «брака» присутствовала и в «сталинской» экономике. А. Бирман приводил данные, что в 1939 г. потери от брака в машиностроительных предприятиях союзного подчинения достигали сотни миллионов рублей. Потери текстильных фабрик от выпуска продукции более низких сортов, чем предусматривал план, составили 80 млн рублей. См.: Бирман А. Некоторые вопросы укрепления хозяйственного расчета в промышленности // Проблемы экономики. 1941. № 1. С. 111.

³⁰ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 56. Д. 375. Бюджетное управление отдела финансово-экономической статистики. Ход выполнения бюджета за 1964 год. Л. 6.

³¹ ЦСУ СССР во II квартале 1963 г. выборочно обследовало качество важнейших товаров культурно-бытового и хозяйственного обихода путем проверки рекламаций. Были выявлены факты: по 9 обследованным заводам по причине низкокачественных узлов и деталей было зарекламировано 2854 телевизора, из 47 тыс. телевизоров по гарантии пришлось ремонтировать 79%, причем 48% из них ремонтировались два и более раза. По данным торговых организаций, до 30% телевизоров, поступивших в магазины, браковались еще до выпуска в продажу, из 100 проданных телевизоров не менее 60 выходили из строя в течение первых шести месяцев. Из 3722 радиоприемников и радиол было забраковано по причинам дефектов узлов и деталей, поставляемых смежниками, 2196, или 59%. Из-за нарушения в конструкции радиоприемников на Бердском заводе было забраковано 81% радиоприемников. На Московском заводе им. Лихачева 61% холодильников был зарекламирован из-за низкого качества узлов и деталей. См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98. Д. 330. Л. 150. Л. 152, 153, 169.

³² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 56. Д. 375. Л. 7.

³³ В 1950–1957 гг. производительность труда в промышленности увеличилась в 1,7 раза, а с 1958 по 1965 гг. – в 1,4 раза. См.: Хачатуров Т. Капитальные вложения и капитальное строительство в СССР за 50 лет // Вопросы экономики. 1967. № 8. С. 14.

³⁴ По данным обследования ЦСУ СССР, на 01.10.1964 было выявлено невыполнение значительным количеством предприятий плана по объему

Советское руководство оказалось поставленным перед необходимостью менять модель, обеспечившую победу в Великой Отечественной войне и восстановление страны в условиях фактической торговой блокады. Адекватность найденного ответа зависела от багажа, накопленного научным сообществом, а также от представлений о пределах допустимых корректировок властных структур.

Снижение эффективности управления народным хозяйством выдвигало проблемы совершенствования планирования в круг первоочередных вопросов, требующих решения. В среде плановиков – практиков и ученых – шли жаркие споры о «волшебном» показателе, который заставит предприятие эффективно хозяйствовать, а центру даст возможность объективно оценивать вклад трудового коллектива³⁵. Логика поиска закономерно вела к осознанию необходимости смены концепции управления народным хозяйством.

Поиск новой хозяйственной модели возвращал научное сообщество в область дискуссии о роли товарных отношений при социализме. Этот вопрос составлял предмет жарких споров в 1920-е гг. Тогда обсуждение было прервано выбором курса на ускоренную индустриализацию и коллективизацию. Лишь в ноябре 1951 г. состоялось экономическое совещание, на котором советские ученые вернулись к анализу данной проблемы: «...По существу это была первая попытка ЦК ВКП(б) разобраться с помощью широкой научной общественности в закономерностях социального строя, который создавался в нашей стране уже более тридцати лет»³⁶.

производства, себестоимости и производительности труда, большие потери от брака и непроизводительные расходы, несвоевременный ввод в эксплуатацию и освоение новых производственных мощностей, невыполнение плана реализации в связи с выпуском большого количества некачественной и неходовой продукции. См.: РГАЭ. Ф. 7733. Министерство финансов СССР (1917–1991). Оп. 56. Д. 375. Доклады, справки, таблицы, характеризующие ход выполнения народнохозяйственного плана и госбюджета за 1964 год. Л. 11, 14.

³⁵ Февральско-мартовский (1954 г.) Пленум ЦК КПСС: вопросы ошибок в планировании в сельском хозяйстве. Июльский (1955 г.) Пленум ЦК КПСС: недостатки в планировании, связанные с медленным внедрением инноваций в промышленности, раскритикован валовый показатель. XX съезд КПСС (1956 г.): улучшить планирование, усилить материальную заинтересованность. Июльский (1960 г.) Пленум ЦК КПСС: обязать соответствующие организации разработать предложения по совершенствованию плановых показателей, учитывая необходимость заинтересованности предприятий и совнархозов в наиболее эффективном использовании основных и оборотных фондов, выпуске продукции нужного ассортимента и высокого качества.

³⁶ Опенкин Л.А. И.В. Сталин: последний прогноз будущего // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 122.

Ключевым в дискуссии стал вопрос о роли закона стоимости в социалистической экономике: пережиток капитализма, который должен быть «преодолен» по мере продвижения к высшим стадиям развития общественно-экономической формации, или «вечный» закон, который «будет существовать отныне и до века и даже в царстве коммунизма»³⁷. Большинство участников склонялось к выводу, что основным экономическим законом является план, но «...наряду с другими хозяйственными показателями, имеющимися у нас, должен быть и стоимостной показатель. Он даст критерий успешной работы наших предприятий»³⁸.

Позиция научного сообщества состояла в том, что такие «капиталистические» показатели, как товар, деньги, цена и прибыль могут работать в плановой экономике, повышая ее эффективность.

Это выводило дискуссию на новый уровень, требуя замены волюнтаристского подхода к установлению цены на товары в СССР объективными критериями. Вокруг проблемы ценообразования тут же завязался спор. С.Г. Струмилин считал, что необходимо определять стоимость товара путем прибавления к их себестоимости стоимость прибавочного продукта, исчисленную пропорционально заработной плате³⁹. Его оппонентами выступили В.С. Немчинов и А.И. Ноткин, отрицавшие необходимость связи цены со стоимостью в условиях, когда цены выступали в роли рычага экономической политики государства⁴⁰.

Не менее важен для дальнейшего развития теории и практики был вопрос о хозяйственном расчете. Большинство ученых, выступавших на Совещании, придерживались мнения, что «..хозрасчет представляет собой весьма действенный рычаг в борьбе за выполнение и перевыполнение планов, плановых норм и заданий, за режим экономии. Он повышает заинтересованность каждого предприятия в снижении затрат живого и овеществленного труда на единицу продукции. Вместе с тем он предоставляет каждому предприятию широкие возможности добиться этого посредством правильного использования своих ресурсов, повышения хозяйственной инициативы. Обеспечивается это тем, что хозрасчет ставит доход и расход предприятия в прямую зависимость от эффективного использования своих ресурсов, от степени выполнения установленных ему плановых заданий»⁴¹.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1242. Л. 76.

³⁸ Там же. Л. 76.

³⁹ Там же. Л. 61–66.

⁴⁰ Там же. Д. 1243. Л. 17–21.

⁴¹ Там же. Д. 1242. Л. 123.

Но при этом развернулся диспут вокруг определения сущности данного понятия. «Нельзя согласиться и с определением хозрасчета как принципа возмещения произведенных предприятием расходов собственными доходами и получение денежного накопления путем продажи продукции. Известно, что ни цех, ни участок, ни бригада не продают своей продукции; данное определение не включает в себя определение хозрасчета участка, цеха и т. д.»⁴²

Начальник управления Министерства финансов СССР В.И. Переслегин в своем выступлении еще больше расширил постановку вопроса, указав, что «...хозрасчет касается не только предприятий. У нас сейчас главки, министерства, правительственные учреждения имеют хозрасчетные права, получают хозрасчетные функции, поэтому нужно показать весь механизм действия хозрасчета, начиная с министерства и кончая рабочим местом»⁴³.

Итог дискуссии опять был подведен И.В. Сталиным. 1 февраля 1952 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило для рассылки членам ЦК партии и участникам Совещания «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года». Позже были написаны «Ответ товарищу Ноткину, Александру Ильичу», «Об ошибках товарища Ярошенко Л.Д.», «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.» Все они вошли в «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованные в октябре 1952 г. в журнале «Большевик» и газете «Правда».

Экономические законы при социализме признавались объективными. К тому же получил право на существование в социалистической экономике закон стоимости. Была признана и важность для повышения эффективности советской экономики таких «рыночных» понятий, как хозрасчет, рентабельность, себестоимость, цена. В долгосрочной же перспективе, по мнению Сталина, товарные отношения должны были уступить место прямому продуктообмену между городом и деревней, потому что они не совместимы с коммунизмом.

Выводы Сталина, воспринятые как аксиома его «наследниками» на властном Олимпе, стали «прокрустовым» ложем для советской политэкономии. Практика хозяйственной деятельности опиралась на расширение и эффективное использование «рыночных» рычагов в плановой экономике. В Программе КПСС (1961 г.) было зафиксировано: «В коммунистическом строительстве необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма. Большую роль при

⁴² Там же. Л. 81.

⁴³ Там же. Д. 1243. Л. 66–72.

этом играет применение таких инструментов развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы»⁴⁴.

В то же время Н.С. Хрущев в своем выступлении на XXII съезде КПСС подчеркивал: «Правильное сочетание материальных и моральных стимулов – вот наш курс, наша линия на весь период строительства коммунизма. Пока общество находится на социалистической стадии, нельзя обойтись без распределения по труду, без товарно-денежных отношений и таких категорий, как цена, прибыль, финансы, кредит. Эти экономические инструменты имеют у нас социалистическое содержание и служат построению коммунизма. Когда коммунизм будет создан, они окажутся устаревшими и будут заменены более совершенными категориями прямого учета и распределения общественного труда»⁴⁵.

Таким образом, отрицая сталинское наследие, Н.С. Хрущев остался в поставленных им рамках: хотя «рынок» имеет право существовать при социализме, но по мере продвижения к коммунизму этот «пережиток» необходимо преодолеть.

С конца 1950-х гг. дискуссия о соотношении «плана» и «рынка» в социалистической экономике больше не прекращалась, лишь иногда затихая. В результате экономисты разделились на два лагеря. «Анти-товарники», или «планомерники»⁴⁶, отстаивали посыл: социализм – это планомерно организованное общество, а товарно-денежные отношения существуют в силу противоречивой сущности социализма как первого этапа в процессе перехода к коммунизму. Их противники – «товарники»⁴⁷ – доказывали, что, поскольку существование товарно-денежных отношений при социализме отрицать нельзя, необходимо признать значение закона стоимости как основного регулятора развития народного хозяйства и пользоваться им для улучшения эффективности работы предприятия.

В.Г. Венжер утверждал, что «чем совершеннее становится материальное производство и обусловливаемое этим общественное разделение труда, тем разностороннее связь обмена, а значит и его условия. Это ведет к расширению рыночных отношений при социализме...»⁴⁸

⁴⁴ Программа КПСС. М., 1976. С. 89.

⁴⁵ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. С. 206.

⁴⁶ К ним можно отнести таких экономистов, как В.А. Соболев, Н.Ф. Хесин, И.С. Малышев и др.

⁴⁷ Я.А. Кронрод, В.Г. Венжер, А.И. Викентьева и др.

⁴⁸ Бокарев Ю.П. Александр Михайлович Бирман и его модель будущего // А.М. Бирман и время экономических реформ. Материалы круглого стола / под ред. М.И. Воейкова. М., 2011. С. 33.

К концу «хрущевского десятилетия» на первый план вышли вопросы практики, заслоняя собой теоретические споры. Реформы 1957–1958 гг., имея незавершенный характер, не оправдали возложенных на них надежд, зато обострили запрос на совершенствование форм и методов хозяйствования.

9 сентября 1962 г. в газете «Правда» была напечатана статья Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Отталкиваясь от того, что противоречия, существовавшие в механизме управления народным хозяйством, можно снять, только согласовав интересы общества и предприятия, Евсей Григорьевич доказывал, что для этого необходимо заинтересовать коллектив предприятия в наибольшей эффективности хозяйствования. Причем необходимо проводить изменения одновременно по трем направлениям: корректировать парадигму планирования, давать предприятию хозяйственную самостоятельность, менять систему поощрения. Самое главное – концепция Либермана меняла экономическую модель: в этой системе «замковым» камнем становилась рентабельность предприятия.

На страницах центральных газет развернулась широкая дискуссия. Шла она и среди научного сообщества. Участники разделились на три лагеря: консерваторы, радикалы и центристы⁴⁹. К «консерваторам» были отнесены противники «демонтажа» действующего хозяйственного механизма; К «центристам» – экономисты, одобряющие предложения Либермана, но с существенными оговорками; «радикалам» – сторонники «харьковской системы», как предлагал называть свою концепцию сам Евсей Григорьевич.

В лагерь «консерваторов» входило много маститых ученых и практиков – ответственных работников Госплана СССР, справедливо предупреждавших, что переход к новой хозяйственной модели поставит на повестку дня решение сложных проблем, таких как: непротиворечивое разграничение прав и обязанностей центра; определение меры регулирования «рыночными рычагами» работы предприятий, находящихся в различных климатических условиях и на различном уровне технологической оснащенности, способы стимулирования предприятий в выпуске продукции, необходимой народному хозяйству и т. д. К тому же положение усугубит и нехватка резервов для «маневра».

⁴⁹ Золотай П.А. Экономическая реформа 1965 г. и ее теоретическая база: оценки зарубежных экономистов // Экономический журнал 2005. № 1 (10). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-reforma-1965-g-i-ee-teoreticheskaya-baza-otsenki-zarubezhnyh-ekonomistov>

В процессе развернувшегося обсуждения сторонники Либермана попытались «доработать» концепцию. Логика предложенного подхода привела их от тезиса «не забрать рычаги управления у центра, а заменить методы воздействия на хозяйственные субъекты экономическим регулированием» к ограничению директивного планирования, конкуренции за госзаказ⁵⁰, требованию обеспечить свободный перелив капитала из одной отрасли в другую, допустив формирование цен на основе спроса-предложения⁵¹, так как регулятором общественного производства в целях повышения эффективности и устранения диспропорций может выступать только закон стоимости⁵².

Большинство научного сообщества и экономистов-практиков, не выступая против того, чтобы принять «прибыль» и другие «рыночные рычаги» в дружную семью плановых показателей, не были готовы к столь радикальной смене курса. С критикой «харьковской системы» выступили даже товарники.

Учитывая, что непротиворечивой концепции, дающей ответы на вопросы о роли и месте товарно-денежных отношений, законе стоимости и прибыли при социализме, предложено так и не было, состояние экономической науки перед косыгинской реформой оценивалось практиками так: «В то время наша экономическая наука ничего, кроме общих рассуждений о необходимости реорганизации управления народным хозяйством, не предлагала»⁵³.

Именно не готовность большинства научного сообщества и экономистов-практиков к смене идеологии управления привела к тому, что озвученная Алексеем Николаевичем Косыгиным в сентябре 1965 г. концепция реформы сочетала взаимоисключающие вещи: усиление административного начала и хозяйственную самостоятельность предприятий, являясь компромиссом между «радикалами» и «консерваторами». Понимая, что концепция «сырая», дорабатывать ее Косыгин решил «на ходу», но следовать логике начатых преобразований советское руководство отказалось.

Среднегодовые темпы роста произведенного национального дохода сначала возросли с 6,5% в седьмой пятилетке (1961–1965 гг.) до 7,8 – в восьмой пятилетке (1966–1970 гг.). В то же время не решаемые противоречия концепции, привели к тому, что не дали закреп-

⁵⁰ В.С. Немчинов.

⁵¹ Н.Я. Петраков.

⁵² Г.С. Лисичкин.

⁵³ Байбаков Н.К. Из записок зампреда // Премьер известный и неизвестный / сост. Т.И. Фетисов. М., 1997. С. 130.

пить полученный положительный эффект. Уже в девятой пятилетке (1971–1975) темпы роста упали до 5,7%⁵⁴.

В итоге сложилась ситуация, когда ключевые звенья «сталинского» хозяйственного механизма были уже «демонтированы», а новой, непротиворечивой управленческой модели, предложено не было. Это и стало основным фактором, приведшим к печальному результату: обеспечить переход народного хозяйства СССР на интенсивный путь развития косыгинская реформа не смогла.

⁵⁴ Ю.П. Бокарев. Указ. соч. С. 44.

Т.Б. Бердникова

ТРАНЗИТ КУЛЬТУРЫ ЦЕННЫХ БУМАГ: ОТ СТАЛИНА – К ПРИВАТИЗАЦИИ

Реформы 1950-х гг. Советского Союза многие годы привлекают внимание историков, политологов и экономистов феноменологией разворота советской державы от мобилизационной экономики к обществу потребления. Вопросы создания экономических предпосылок этого кардинального разворота в эпоху правления И.В. Сталина¹ и содержания реформаций политической системы и организации управления народным хозяйством, сельского хозяйства и образования, управления промышленностью и строительством в послесталинский период широко исследованы². Изучены роль и значение экономических реформ 1950-х гг.³

В исторической тени остались вопросы изменения культуры ценных бумаг. Отчасти это объясняется недостаточностью историогра-

¹ См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. (Советская история в зарубежной историографии); Гулаг. Экономика принудительного труда / отв. ред. Л.И. Бородин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М., 2008; Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М., 2014. (Исследования русской цивилизации); Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. (Россия XX век). Т. 2: Апогей и крах сталинизма. Кн. 4.

² См.: Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: Проблема лидерства и трансформации власти. М., 1999; Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР: историко-правовое исследование (1957–1987 гг.) / отв. ред. И.Л. Бачило. М., 1990; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993; Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993.

³ См.: Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М., 1989; Дрындин В.Л. К вопросу историографии советских экономических реформ начала 1950-х – первой половины 1960-х годов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2004. № 10. С. 87–93; Трофимов А.В. Экономическое развитие Советской страны в 1953–1964 гг. Екатеринбург, 1997. (Проблемы историографии).

фии по данному вопросу и большой рассредоточенностью малых фактографических данных об изменении роли и значения ценных бумаг в период реформ 1950-х гг. в архивных источниках различных советских ведомств. В связи с этим исследование транзита культуры ценных бумаг после Сталина на примере долговых государственных ценных бумаг, которые были до 1957 г. одной из основ механизма поддержки населением бюджетного финансирования, представляется весьма актуальной.

Дефиниция «культура ценных бумаг» вводится в научный оборот автором для определения понятия, отражающего совокупность существенных признаков, характеризующих содержание, виды, формы и методы использования ценных бумаг в конкретной исторической эпохе и период правления. В историческом плане культура как определенный уровень развития общества, основана на восприятии и разделении системы ценностей, знании и соблюдении законов, норм, правил, традиций, обычаев, и ее элементами являются воспитание, образование, воздействие общества, власти, среды, условий и обстоятельств.

В широком смысле культура ценных бумаг означает уровень развития технологий и механизмов целевого использования фондовых операций в определенном пространственно-временном континууме и степень встроенности ценных бумаг в финансово-хозяйственную деятельность государства, региона, отрасли, отдельных хозяйствующих субъектов, социальных групп населения и отдельного гражданина.

В узком значении культура ценных бумаг как разновидности финансовых инструментов представляет собой совокупность определенных политических, правовых, экономических, организационных и социальных установок, реализация которых позволяет в конкретный исторический период аккумулировать накапливаемые и сберегаемые денежные средства в различные целевые фонды долевого или долгового финансирования.

В послесталинский период отношение к государственным облигациям претерпело значительные изменения, вызванные сменой политического курса, экономической политики, значения облигационного механизма поддержки государственного бюджета, а также общественных настроений и системы мотивации финансового поведения населения.

На принципиальную трансформацию культуры ценных бумаг в 1950-е гг. большое влияние оказали политические, организационно-правовые и экономические предпосылки.

В политическом смысле культура ценных бумаг в указанные годы, была продуктом многолетней политики обязательности ежегодного планового выпуска государственных займов для поддержки сред-

ствами населения бюджета страны. Правящая партия Советского Союза (РСДРП(б) – в 1898–1918 гг.; РКП(б) – в 1918–1925; ВКП(б) – в 1925–1952; КПСС – в 1952–1991 гг.) в решениях съездов, на заседаниях президиума и пленумов ЦК и в материалах партийных конференций определяла генеральную линию по финансовой политике и государственным долговым обязательствам. В ряде случаев ЦК партии выпускал совместные с высшим коллегиальным органом исполнительной и распорядительной советской власти (Совет народных комиссаров СССР – в 1923–1946 гг., Совет Министров СССР – в 1946–1991 гг.) постановления по вопросам государственных займов.

При И.В. Сталине, занимавшем пост генерального секретаря Центрального Комитета партии с 3 апреля 1922 г. до 5 марта 1953 г., партия рассматривала участие населения в государственных займах политическим делом и считала организацию массовой подписки на государственные займы важной частью партийной, комсомольской и хозяйственной работы. Партийные органы измеряли отношением и степенью участия в подписке на государственные займы преданность делу строительства социализма, патриотизм и сознательность.

Исполнение директивных указаний съездов, заседаний ЦК и партийных конференций о необходимости облигационной поддержки государственного бюджета и массовом размещении облигаций государственных займов среди населения находилось под строгим партийным контролем. Например, 5 сентября 1930 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мобилизации денежных средств населения». В постановлении говорилось о недопустимости слабого внимания «к делу реализации займа в деревне со стороны Наркомфина, печати, а также местных советских и партийных организаций (в особенности ЦЧО, Дальнего Востока, Ленинградской обл., Северного края)».

Там же подчеркивалось, что «неудовлетворительно идет размещение займа среди единоличных хозяйств (из реализованной суммы 20 млн руб. – только 1,5 млн руб. приходится на единоличников)». Политбюро ЦК КПСС давало прямое указание партийным и советским организациям «немедленно развернуть широкую агитационно-массовую работу по распространению займа с тем, чтобы намеченная цифра в 200 млн руб. была бы размещена не позднее 1 декабря»⁴.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 794. Л. 21–22. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мобилизации денежных средств населения». 05.09.1930 // Цит.

В результате репрессивной нивелировки советского общества и под воздействием пропагандистских установок любое официальное сообщение в 1950-е гг. считалось обязательным для немедленного исполнения. Типичным примером этого является сообщение в одной из районных газет Архангельской области в 1955 г.: «С горячим воодушевлением встретили рабочие и служащие Няндского сельсовета постановление Совета Министров СССР о выпуске нового Государственного займа развития народного хозяйства СССР. Сразу после оглашения закона по радио началась подписка. Все присутствующие дали займы государству трехнедельный заработок»⁵. Автор заметки, как и большинство советских граждан, не видел разницы между законом, обязательным для исполнения, и постановлением исполнительного органа, утвердившего срок выпуска и условия размещения займа, и демонстрировал мобилизационную готовность трудящихся незамедлительно отдать займы государству $\frac{3}{4}$ месячной заработной платы.

К началу 1950-х гг. в структуре государственного бюджета доходы от займов стали понижаться, а расходы по их обслуживанию росли⁶. Представители финансовой власти обращались в Совет Министров СССР и ЦК КПСС с докладами о ситуации с долговыми обязательствами населению и предложениями прекратить выпуск государственных займов⁷.

Было принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 апреля 1957 г. № 435 «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза», где был продемонстрирован алгоритм партийной подготовки решений по «назначенным в отношении займов мероприятиям»:

по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и материалы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь. 1929 – дек. 1930. С. 600–601.

⁵ Коковкин Л. Государственный заем развития народного хозяйства СССР // Ленский колхозник. 12.05.1955. № 38.

⁶ Подробнее см.: Бердникова Т.Б. Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь. Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 451–463. (Экономика сталинизма. Дебаты.)

⁷ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 28. Д. 600. Л. 56–59. Докладная записка председателя Госбанка СССР В.С. Герашенко председателю Совета Министров СССР тов. Маленкову Г.М. Предложения о прекращении подписки на займы. 19.05.1956 // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 15. М., 2014. С. 85, 86.

1) постановка «на обсуждение трудящихся предложения» (фактически – в выступлениях Н.С. Хрущева) перед коллективами завода «Красное Сормово» и Горьковского автомобильного завода;

2) одобрение «единодушно... подавляющим большинством трудящихся города и деревни всех советских республик» своевременности и целесообразности «в интересах Советского государства и всего нашего народа» прекращения выпуска новых займов, проведения тиражей выигрышей и отсрочки погашения ранее выпущенных займов на 20–25 лет (фактически – в отдельных письмах в газеты, выступлениях по радио и на собраниях);

3) принятие постановления 19 апреля 1957 г. № 435⁸.

Указанное постановление признавало «большую и славную роль в социалистическом строительстве средств, поступавших от населения по государственным займам». В постановлении было отмечено, что в «годы Великой Отечественной войны средства, полученные государством от займов, покрыли около 15 процентов всех военных расходов страны. <...> В течение пятой пятилетки народ дал займы государству сумму, равную стоимости пятнадцати таких гигантских гидроэлектростанций, как Куйбышевская ГЭС».

В постановлении прямо было сказано о большом государственном долге по ранее выпущенным массовым займам, значительном обременении займами населения, а также была подтверждена плановость заданий по размещению подписки трудящихся в указании, что подписка «на заем 1957 года не должен превышать двухнедельного заработка... Среди рабочих, служащих, студентов и военно-служащих, получающих заработную плату, пенсии или стипендии в размере 500 рублей и менее в месяц, подписку на заем не проводить».

Следует отметить, что после политического решения об отмене в 1957 г. массовой подписки на государственные займы в доход государственного бюджета страны продолжали поступать средства по отмененной подписке. На подписку на государственные займы в 1958 г. рабочие и служащие потратили 310,7 млн рублей, а крестьяне – 6,5 млн рублей⁹.

⁸ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» от 19.04.1957 № 435 // СП СССР. 1957. № 5. Ст. 53.

⁹ См.: Тетрадь инв. № 1980. Баланс денежных доходов и расходов населения по СССР. УДО Правления Госбанка СССР // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 1. М., 2006. С. 37.

Всего в 1958 г. население израсходовало на подписку на государственные займы 317,2 млн рублей, что составило $\frac{1}{6}$ суммы поступившей по данной статье в 1957 г. в госбюджет и 0,4% всех годовых расходов населения СССР. Это свидетельствует о том, что в отдельных организациях подписка какое-то время продолжалась и/или ответственные за подписку сдавали переходящие остатки и оплаченную задолженность по ранее проведенной подписке в рассрочку. Отмена массовых государственных займов так широко, как их размещение, не пропагандировалась.

С 1959 г. политика организационных сбережений населения претерпела изменения. Государственным приоритетом стало массовое привлечение средств населения в сберкассы, а приобретение облигаций государственного внутреннего выигрышного займа стало личным делом каждого.

Отсрочка выплат по облигациям государственного займа стала одной из причин утраты доверия населения к государству, развития сомнений в правильности приоритетов социалистического коллективизма¹⁰.

Прекращение выпуска новых, замораживание выплат и погашений массовых государственных займов стало *главной новацией в реформах 1950-х гг.*, напрямую касающейся транзита культуры ценных бумаг.

Организационно-правовые предпосылки развития культуры ценных бумаг определялись решениями органов власти.

Высший законодательный орган государственной власти (ВЦИК Российской Советской Республики – в 1917–1918 гг., ЦИК СССР – в 1922–1938, Верховный Совет СССР – в 1938–1991 гг.) издавал законы, которые являлись источниками права. В период между сессиями функции высшего законодательного органа исполнял его Президиум, который принимал указы, имевшие законодательную силу. Законодательный орган утверждал законы о государственном бюджете и его исполнении, включая в состав источников формирования доходов бюджета поступления от размещения и в состав расходов бюджета – ассигнования на выплату процентов, выигрышей и погашение облигаций государственных займов.

Высший государственный орган исполнительной и распорядительной власти, имеющий право законодательной инициативы (Совнарком СССР – в 1923–1946 гг., Совет Министров СССР – в

¹⁰ В аналогичной ситуации за рубежом долговые обязательства ряда государств перед населением замораживались помещением на временно недоступные индивидуальные вклады в банках.

1946–1991 гг.), принимал решения и издавал постановления о сроках и условиях выпуска, порядке размещения, выплаты процентов, выигрышей и погашении облигаций государственных займов.

Госплан СССР планировал направления развития народного хозяйства и предусматривал состав возможных источников финансовых ресурсов для выполнения планов, включая поступления от размещения выпусков государственных займов.

Госбанк СССР принимал решения по организационным вопросам работы сберегательных касс, через которые происходил сбор денег от реализации непосредственно работниками сберкасс (до 1958 г.) и от организованной подписки на заводах, фабриках, в колхозах, совхозах, воинских частях, а также выплата выигрышей, процентов, выкуп и погашение облигаций государственных займов. Госбанк СССР разрабатывал правила перемещения собранных денежных средств на счета государственного бюджета, правила выпуска и хранения бланков облигаций, приравниваемых в кассовом обороте к денежным средствам.

Минфин СССР определял общий порядок работы финансовой системы страны, включая утверждение образцов, организацию выпуска, размещения, хранения и погашения, а также осуществлял финансовый контроль за обращением облигаций государственных займов.

Министерство торговли СССР на основании соответствующих заявок выделяло необходимое количество товаров, предназначенных лицам, выигравшим по займу.

Деноминация долговых обязательств по государственным внутренним займам стала *еще одной новацией культуры ценных бумаг* в ходе реализации реформ 1950-х гг.

Одна десятая часть мероприятий постановления Совета Министров СССР от 4 мая 1960 г. № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми», реализуемых «в интересах населения и государства <...> по дальнейшему совершенствованию советской денежной системы, имеющих важное значение для укрепления хозяйственного расчета, еще большего внедрения бережливости во всей хозяйственной деятельности, повышения покупательной способности советского рубля», была связана с государственными займами. Постановление предусматривало осуществить с 1 января 1961 г. пересчет соответственно изменению масштаба цен, а значит уменьшение в 10 раз: 1) государственного долга по займам, размещенным по подписке среди населения, включая Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1957 г.), а также установленные по этому займу размеры выигрышей; 2) номинала (нарицательной стоимости) облигаций свободно обращающегося Государственного 3%-ного внутреннего выигрышного займа и установленных по этому займу размеров выигрышей;

3) процентов по государственным займам, размещенным по подписке; 4) невостребованных по тиражам, произведенным до 1961 г., сумм выигрышей по Государственному 3%-ному внутреннему выигрышному займу; 5) продажу и покупку после 1 января 1961 г. облигаций Государственного 3%-ного внутреннего выигрышного займа достоинством 200 рублей по нарицательной стоимости 20 рублей и достоинством 100 рублей – по нарицательной стоимости 10 рублей¹¹.

С позиций экономической природы государственных долговых обязательств, это была необоснованная новация. Сокращение в 10 раз размера государственного долга (в сумме превышающей $\frac{1}{5}$ годового государственного бюджета страны) осуществлялось по коэффициенту деноминации денег и снижения текущих цен без соразмерного изменения других бюджетных позиций. При этом уменьшение долговых обязательств государства перед населением осуществлялось механически без учета их реальной стоимости в текущий момент времени и сопоставимых изменений покупательной стоимости денег с учетом масштаба цен.

С правовых позиций, новация в части изменения государственного долга в составе бюджета СССР была законодательно неустойчива, поскольку изменение государственного бюджета могло быть произведено соответствующим законом СССР, а не постановлением исполнительного органа – Совета Министров СССР. (СМ СССР организует исполнение государственного бюджета на основании ст. 22 Закона СССР от 30.10.1959 «О бюджетных правах Союза СССР и Союзных республик».)

С политических позиций, обе новации демонстрировали волюнтаристский стиль Н.С. Хрущева, который являлся Председателем Совета Министров СССР, выпустившим указанные постановления 1957 и 1960 гг.

Экономическими предпосылками интенсивности долговых заимствований государства у населения были недостаток доходных источников государственного бюджета, необходимость связывания отложенного спроса населения и дифференциация финансовых инструментов организованных сбережений.

В период правления И.В. Сталина долгосрочные государственные займы у населения превратились в постоянный источник образования доходной части государственного бюджета.

¹¹ Постановление Совета Министров СССР от 04.05.1960 № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми».

Таблица 1

Характеристика условий государственных займов 1953–1982 гг.¹

Название	Государственный заем развития народного хозяйства СССР					3%-ный внутрен- ний вы- игрыш- ный заем	Внутрен- ний вы- игрышный заем
	1953	1954	1955	1956	1957		
Год выпуска	1953	1954	1955	1956	1957	1966	1982
Номинал, рублей	10, 25, 50, 100 ² , 200, 500					10, 20 ²	25, 50 ² , 100 ³
Разряды, млн рублей	По 100						По 500
Количество серий в раз- ряде, тыс.	20					100	100
Номера серий	140001– 160000	160001– 180000	180001– 200000	200001– 220000	220001– 240000	100001– 200000	200001– 300000
Доходность, годовая, %	3		2			3	
Тиражи выигрышей	40 всего, по 2 в год				5 всего, 1 в год	160 всего, 8 в год	
Размер вы- игрышей, рублей ⁴	10 тыс., 5 тыс., 1 тыс., 500, 200		5 тыс., 1 тыс., 500, 200			5 тыс., 2,5 тыс., 1 тыс., 500, 100, 40	10 тыс. ⁵ , 5 тыс., 2,5 тыс., 1 тыс., 500, 250 и 100
Сумма выиг- рышей, всего, тыс. рублей	79 912		55 136		12 578	82 009,6	417 104
Выигравшие облигации, %	35		25		6	30	32
Заявленная сумма вы- пуска, млрд рублей	15,0	16,0	32,0	32,0	12,0	27,0	Н.д. ⁶
Срок займа, лет	20				5	20	

¹ Ивонин Ю.Н., Гоголин Ю.А. Каталог облигаций государственных внутренних займов СССР. М., 1990. С. 90–96; условия выпуска, размещенные на бланках облигаций.

² Базовая облигация займа, пропорционально по отношению к номиналу которой дробится или умножается выигрыш на облигации меньшего или большего достоинства.

³ Добавлен с 27-го разряда с июля 1986 г.

⁴ На базовую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации.

⁵ Владелец выигрыша в 10 тыс. рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5 тыс. рублей – автомобиля другой марки классом ниже.

⁶ Вып. 2, покупка и продажа облигаций и проведение тиражей выигрышей по займу 1982 г. с 20.02.1992 были приостановлены Постановлением Правительства РФ от 19.02.1992. № 97 «О Государственном внутреннем выигрышном займе 1982 года и выпуске Российского внутреннего выигрышного займа 1992 года».

После Сталина долговое заимствование государства у населения условно можно подразделить на три советских этапа: инерционный этап (1953–1957 гг.); этап замораживания (1958–1965 гг.); дисперсионный этап (1966–1990 гг.) (табл. 1). В 1953–1957 гг. было выпущено четыре государственных займа развития народного хозяйства СССР. В 1958–1965 гг. обращались облигации 3%-ного внутреннего выигрышного государственного займа 1947 г., выпущенного в обращение до 30 ноября 1967 г., и до 1962 г. – облигации займа развития народного хозяйства СССР выпуска 1957 г. В 1966, 1982 и 1990 гг. были выпущены новые государственные облигационные займы.

В мотивационном плане массовая политическая пропаганда государственных займов в период правления И.В. Сталина трансформировалась в 1950-е гг. в плановую агитационную деятельность сберегательных касс. После Сталина роль облигаций государственных займов упала из-за смены общего политического курса и финансовой политики, что вызвало кардинальное изменение социальных мотивационных установок (табл. 2).

Таблица 2

Мотивационные установки размещения облигаций государственных займов

Характеристика	В период правления И.В. Сталина	После 1957 г.
Цель	Организация массовой подписки на займы для облигационной поддержки государственного бюджета	Привлечение свободных денежных средств населения для сбережения и накопления
Базовая установка	Обязанность всех советских патриотов принять участие в подписке на облигации государственных займов развития, обороны и восстановления народного хозяйства страны	Личное сбережение и накопление денежных средств на основе добровольного участия в государственных выигрышных внутренних займах
Способы оповещения населения	Повсеместная устная и плакатная агитация	Сообщения по радио, объявления в газетах и наглядная агитация в сберкассах
Подготовительный процесс	Партийные и комсомольские собрания, массовая агитация, большие тиражи агитационных брошюр, плакатов, открыток, газетные и журнальные публикации, радиопередачи	Разъяснительная работа работников сберкасс, рекламные статьи и плакаты, световая реклама, информационные и рекламные сообщения на радио и телевидении

Характеристика	В период правления И.В. Сталина	После 1957 г.
Методы привлечения населения	Убеждение, принуждение	Разъяснение, привлечение
Агитационная риторика	Призыв, лозунг	Обращение
Принципы участия	Обязательность; принудительность	Добровольность; самостоятельность участников
Формы участия населения	Коллективное участие	Индивидуальное участие
Ответственность за размещение	Партийная, комсомольская, уголовная	Административная, личная
Отчетность	По партийной, комсомольской административной линиям, статистическая	Статистическая
Конечный результат	Финансовая помощь государству	Личное накопление
Социальные итоги	Укрепление коллективизма	Формирование индивидуализма

Изменилась и художественная концепция плакатной агитации. Агитационные плакаты государственных займов после Сталина стали отражать основные направления реформ 1950-х гг. (рис. 1). С конца 1950-х гг. агитация 3%-ных внутренних выигрышных займов стала не только плакатной, но и световой. Световую рекламу займов, сконструированную из газоразрядных трубок, стали размещать в крупных городах на крышах зданий.

Облигационный механизм поддержки населением источников формирования государственного бюджета изменил свой характер с массового на индивидуальный, что резко сократило объем поступлений в доходы государственного бюджета по этой статье доходов (табл. 3).

Таблица 3

Государственные займы в доходах государственного бюджета СССР¹ (млрд рублей)

Источник дохода государственного бюджета	1953	1954	1955	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1970
Доходы, всего	53,98	55,86	56,43	77,08	78,05	84,31	89,54	94,41	102,32	106,3	117,16	156,7
Государственные займы	3,04	2,72	3,68	0,91	0,80	1,17	1,31	0,11	0,18	0,22	0,13	0,47

¹ Составлено по: Государственный бюджет СССР и союзных республик: стат. сб. М., 1966; Государственный бюджет СССР и союзных республик. 1966–1970 гг.: стат. сб. М., 1971.

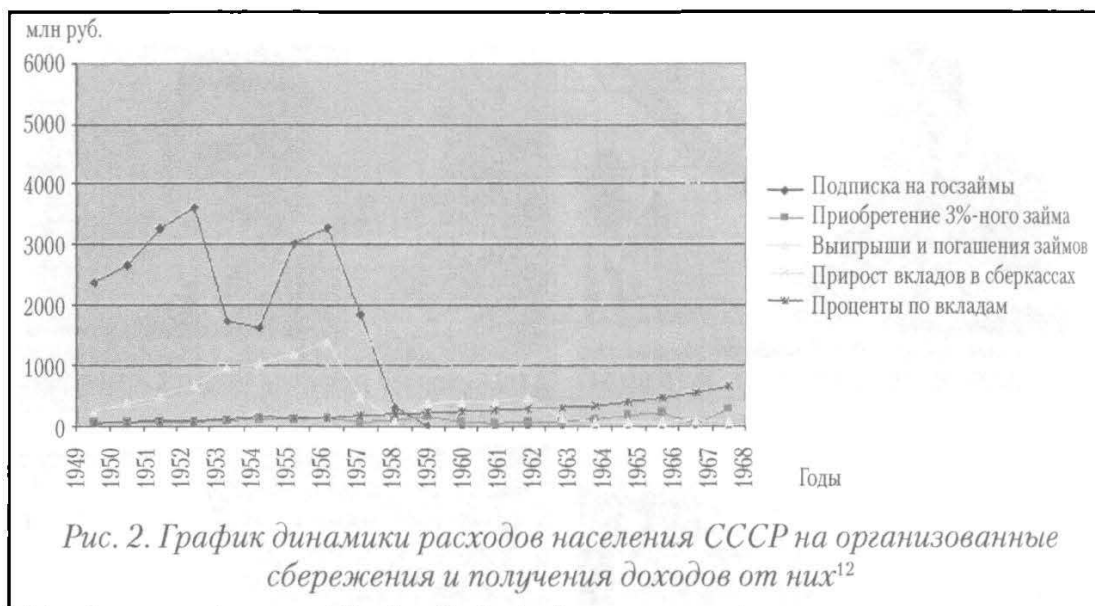

Рис.1. Агитационные плакаты государственных займов развития народного хозяйства СССР 1953–1957 гг.

В стоимостном измерении в 1960 г. по сравнению с 1953 г. объем поступлений в государственный бюджет от размещения облигаций 3%-ного внутреннего выигрышного займа упал в 3,3 раза, а в 1970 г. по сравнению с 1953 г. – в 6,5 раз.

Удельный вес поступлений от государственных займов в структуре доходной части государственного бюджета сократился еще значительнее. В 1960 г. доля поступлений от госзаймов в структуре доходов государственного бюджета СССР по сравнению с 1953 г. уменьшилась в 6,2 раза, а в 1970 г. по сравнению с 1953 г. – в 18,8 раза. опережение структурных сдвигов по сравнению с объемными было связано с увеличением удельного веса прироста вкладов населения в сберегательные кассы из-за роста отложенного спроса на товары и услуги. Это отразилось на структуре баланса доходов и расходов населения СССР (рис. 2).

До 1957 г. траектории подписки на государственные займы и прироста вкладов в сберкассы были зеркально асимметричны, за исключением 1954 г. (см. рис. 2). В 1954 г. по сравнению с 1953 г. подписка на займы и прирост вкладов в сберкассы уменьшились из-за повышения покупки товаров на 10,2% и оплаты услуг – на 10,4.

До 1954 г. доходы населения от выигрышей и погашения займов были сравнимы с расходами населения на прирост вкладов в сберкассах. С 1955 г. наблюдалось постоянное увеличение прироста вкладов населения в сберкассы, а с 1956 г. – падение доходов населения от выигрышей и погашения облигационных займов.

С 1964 г. расходы населения на приобретение 3%-ного государственного внутреннего выигрышного займа стали превышать доходы населения от выигрышей и погашения займов, но продолжали составлять незначительную долю в балансе доходов и расходов населения, как и проценты по вкладам. Умаление роли и значения государственных ценных бумаг наряду с недостаточной товарно-денежной сбалансированностью привело к общей разбалансировке народного хозяйства СССР.

Смена политических установок и многолетняя практика обязательно-принудительного размещения сталинских государственных займов не способствовали развитию обращения ценных бумаг. Массовая культура ценных бумаг стала возрождаться в период акционирования и приватизации.

¹² График на рис. 2 построен по: Государственный бюджет СССР и союзных республик.; Государственный бюджет СССР и союзных республик. 1966–1970 гг. ..; По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 14. М., 2013.

**V. КОНФЕССИИ
И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА**

Л.И. Сосковец

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА ХРУЩЕВСКОГО РУКОВОДСТВА В ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ

Тема статьи, несмотря на обилие публикаций по ней, по-прежнему представляется очень актуальной. Последнее обусловлено рядом факторов.

Прежде всего, тема очень сложна и многоаспектна. Она дискуссионна: авторы, обращавшиеся к исследованию состояния церковно-религиозной ситуации в стране в 1950–1960-е гг., дают самые различные, нередко противоположные, оценки политики государства и партии в данной сфере, ее целям, направленности и результатам. Кроме того, в большинстве исследований внимание сосредоточено на государственно-церковных отношениях, под которыми понимаются преимущественно взаимоотношения государства и Русской православной церкви¹. Положению иных конфессий в СССР уделяется гораздо меньше внимания. Перекос в сторону анализа положения РПЦ, с одной стороны, понятен: самая многочисленная конфессия, институционально выстроенная, основной идеологический конкурент ВКП(б)/КПСС. С другой стороны, налицо устоявшаяся даже в научном сообществе тенденция игнорировать меньшинства, в данном случае религиозные.

Интерес к представленной теме вызывается и тем обстоятельством, что линия государства в отношении церкви и верующих, будучи в целом весьма типичной для всех лет советской власти, тем не менее контрастировала с общим политическим контекстом, который, при всей его противоречивости и непоследовательности, именуется «политической оттепелью» и характеризуется определенной либерализацией.

¹ См.: Одинцов М. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994; Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005; Васильева О.Ю. Романтик Хрущев и его «церковная реформа». URL: <http://foma.ru/romantik-xrushhev-i-ego-czerkovnaya-reforma.html>

Кроме того, за период правления Н.С. Хрущева политика в религиозной сфере претерпела существенные изменения, поэтому нельзя ее рассматривать как жесткую на протяжении всего периода нахождения его у власти. Тем более считать, что она нанесла религиозным объединениям урон, едва ли не превышающий издержки репрессивной политики периода сталинского руководства, и это утверждение, на котором настаивают многие проправославные авторы не только из числа публицистов, но и даже отдельных маститых историков, объективно неверно.

В отношении религии, церкви и верующих политика государства и коммунистической партии, возглавляемых Хрущевым, может быть условно разделена на два этапа. Первый (1953–1958 гг.) ознаменовался попыткой усилить идеологическое наступление на религию как форму общественного сознания и церковно-религиозные институты – как способ организации верующих и духовенства. Это намерение было изложено в Постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»².

Партия, констатировав факт плохой организации научно-атеистической пропаганды в стране, потребовала покончить с пассивностью в этом деле. Надо полагать, что развернувшаяся после данного постановления антирелигиозная работа приобрела такой характер, что ЦК КПСС через короткое время вынужден был принять еще один акт. Так, в принятом 10 ноября 1954 г. Постановлении «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» ЦК указал, что в ходе антирелигиозной работы повсеместно допускались оскорбления чувств верующих, что она приобретала нередко характер административного произвола, что, дескать, недопустимо в стране, где провозглашен принцип свободы совести³. Понятно, что подобные заявления не были по-настоящему искренними, но все-таки в этот период партия намеревалась бороться с религией по преимуществу в форме пропагандистского наступления.

Кроме того, следует помнить, что начавшаяся кампания по реабилитации осужденных в период сталинских репрессий, освобождение их из лагерей и тюрем, позитивно сказалась на деятельности многих церквей и религиозных объединений. Вернувшиеся из заключения и ссылки священники, проповедники, пресвитеры, религиозные активисты и рядовые верующие значительно пополнили ряды своих общин, повысили качество руководства и проповедничества. Так,

² См.: О религии и церкви. М.: 1981. С. 69–75.

³ Там же. С. 75–80.

были освобождены и смогли приступить к религиозной деятельности крупные иерархи РПЦ, которых не коснулась «сталинская либерализация» и которые стали известными моральными авторитетами для верующих в 1950–1960-е гг.: епископы Ермоген (Голубев), Вениамин (Новицкий) и др.

Особо следует отметить факт, о котором мало пишут в литературе, касаясь религиозной ситуации в стране в 1940–1954 гг., а именно о том, что на период середины 1950-х гг. приходится возрождение протестантских церквей и конфессий на территории СССР. В том числе заметно активизировались и восстановили свои общины меннониты, лютеране. Это было связано с массовой реабилитацией лиц немецкой национальности и их религиозных проповедников. Оживились общины адвентистов Седьмого дня, пятидесятников и некоторых других вероисповеданий.

Таким образом, если определенное возрождение РПЦ, создание церкви евангельских христиан-баптистов пришлось на вторую половину 1940-х гг., то в эпоху Хрущева со второй половины 1950-х гг. смогли воссоздаться объединения тех конфессий, которые «сталинская либерализация» никак не затронула. К тому же и при Сталине, и при Хрущеве, и в целом в период существования советской власти в СССР имелись религиозные организации, существование которых было официально запрещено: ИПХ-ИПЦ, Свидетели Иеговы, мурашковцы и некоторые другие.

Широкомасштабная антирелигиозная пропаганда всегда являлась одним из способов борьбы с религией, верой и верующими. Однако в 1950-е гг. произошли определенные изменения в ее теоретических обоснованиях. На место оголтелого отрицания всего положительного в религиозной вере планировалось поставить антирелигиозную пропаганду и вести ее как идеологическую борьбу между материалистическими научными взглядами и идеалистическим антинаучным религиозным учением. Предлагалось от исключительного бичевания религии и церкви перейти к жанру научного просветительства.

Эта установка определялась тезисом, что в связи с успешным строительством социализма в СССР была ликвидирована социальная база церкви и религии, а большинство ее служителей отказались от контрреволюционных позиций, стали позитивны по отношению к советской власти. Поскольку Русская Православная Церковь (РПЦ) и некоторые другие церкви демонстрировали лояльность и даже преданность Советскому государству, то не стало особого смысла часто ссылаться на их антисоветские и враждебные позиции. Правда, при этом никто не запрещал припоминать им верную службу царскому режиму, их позиции по отношению к свободомыслию и другую историческую вину.

Но в партийной пропаганде акцентировалась идея, что лояльность церкви, ее патриотизм были лишь результатом стремления выжить и приспособиться к некомфортным для религии и церкви условиям советского общественно-политического строя. Власть подчеркивала, что идейных компромиссов не будет, даже сервильное отношение церкви к государству не защитит ее от критики.

Таким образом, очевидно, что для хрущевского партийно-государственного руководства задача борьбы с религией и церковью оставалась приоритетной, но первоначально она предполагала идейную дискредитацию и крушение религии и ее институтов. Между тем в партийно-государственном руководстве существовали разные точки зрения, каким образом и как быстро следовало дальше решать религиозный вопрос в стране. В итоге к концу 1950-х гг. возобладала линия на его быстрее разрешение.

В октябре 1958 г. Секретариат ЦК КПСС принял Постановление «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В нем снова было подчеркнуто, что атеистическая пропаганда повсеместно запущена, в то время как религиозные организации заметно оживили свою деятельность. Секретариат бил тревогу, что усилилась миссионерская деятельность религиозных объединений, что они развернули широкую подготовку кадров, увеличивали свои доходы от продажи предметов культа. Духовенство было обвинено в корысти: оно улучшало свое материальное положение, используя патриотические чувства верующих.

Еще более серьезными стали обвинения в нарушении религиозными организациями законодательства о культах. Это, как отмечалось, проявлялось в том, что духовенство стало незаконно организовывать специальные группы верующих для изучения религиозной литературы, участились случаи приобщения детей к религии, шло строительство и открытие новых молитвенных зданий и т. д. Более того, как следовало из Постановления, стали создаваться запрещенные группы сектантов, которые вели антисоветскую деятельность, а руководители религиозных центров использовали для антисоветской работы лиц, возвратившихся из мест заключения. Вновь открыто заговорили о связях религиозных активистов с идеологическими центрами Запада⁴.

Таким образом, тон в оценке религиозных организаций вновь становился обвинительно-угрожающим. Были отброшены звучавшие ранее, хотя и фальшиво, призывы не оскорблять религиозных чувств,

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2650. Л. 13–15.

отказаться от проявления политического недоверия духовенству, применения административных методов.

Далее последовала серия партийно-государственных постановлений и мер по их осуществлению, которые совокупно и означали новое наступление на религиозные организации, в первую очередь на РПЦ. Именно по ней наносился самый серьезный организационно-экономический удар, но, конечно, и другие легально признанные церкви и объединения попали под очередную антирелигиозную волну.

Как отмечают многие исследователи, с этого времени политика партии и государства по отношению к церкви осуществлялась по нескольким целевым направлениям: 1) началось сокращение церковно-приходской и монастырской сети путем закрытия церквей и монастырей и роспуска общин; 2) имело место финансово-экономическое удушение приходов и церквей (постановления Совета Министров СССР «О свечном налоге» и «О монастырях в СССР» от 16 октября 1958 г.); 3) уменьшалось количество духовных учебных заведений и сокращалась численность служителей культа; 4) активизировалось вмешательство в административно-управленческую деятельность церкви; 5) велась широкая антирелигиозная пропаганда⁵.

Если в 1959 г. в стране насчитывалось 13 324 действовавших приходов РПЦ, большая часть из которых была открыта в период с 1943 по 1948 г., то затем их численность ежегодно стала уменьшаться и достигла в 1965 г. 7551 молитвенного дома⁶, т. е. за шесть лет сократилось более чем на 44%.

Под ударом оказались и православные монастыри, которых по сравнению с дореволюционным периодом было не так уж и много – всего 40. К 1968 г. их осталось 12. Ликвидация обителей обеспечивалась разными способами: элементарным закрытием-разгоном, слиянием в один-два или несколько монастырей. И все это становилось результатом административных решений и подрыва материально-экономической базы монастырей: уменьшались площади земель, принадлежавших монастырям, увеличивался налог на оставшуюся землю, Патриархии запретили выдавать дотации монастырям. Кроме того, отныне монастыри не могли нанимать людей для возделывания принадлежавших им угодий, принимать в монастырь людей моложе 30 лет, пресекались разъезды по стране монахов для сбора средств.

⁵ См.: Панков Г. О политике советского государства в отношении Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия. М., 1993. С. 218–224.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2041. Л. 2.

Еще одним церковным институтом, который значительно пострадал с конца 1958 г., стала система подготовки православного клира. Закрывались духовные семинарии, ужесточились правила приема в уцелевшие: урезание стипендий, прекращение заочного обучения, запрет на прием лиц с высшим образованием, тех, кто не служил в армии.

К середине 1960-х гг. из восьми семинарий РПЦ, имевшихся в середине 1950-х гг., осталось только три. А количество семинаристов в них с 1958 по 1964 г. сократилось в 44 раза⁷. Одновременно с ликвидацией церквей, снятием с регистрации общин, закрытием семинарий государство решало еще одну важную для себя задачу – значительного сокращения остававшихся на духовной службе священников. Это достигалось снятием их с официальной регистрации, без которой священник не мог выполнять свои обязанности, не нарушая закона. Так, по отчетам Совета по делам Русской Православной Церкви, в 1958 г. были лишены регистрации 189 клириков, в 1960 г. – 1002 человека⁸. Поводов для снятия с регистрации у уполномоченных Совета по делам РПЦ было много: если распускалась община; если закрывался храм; если священника обвиняли в финансовых нарушениях, в отступлениях от положений законодательства о культурах и др.⁹

В марте 1961 г. Совет Министров принял Постановление «Об усилении контроля за выполнением советского законодательства о культурах». Оно обязывало местные органы власти в лице советов депутатов провести учет религиозных организаций (зарегистрированных и незарегистрированных), молитвенных зданий (снятых с регистрации и действовавших), зафиксировать размеры имущества, которое находилось в распоряжении религиозных объединений¹⁰. Начавшаяся в связи с выполнением данного постановления кампания преследовала две основные цели: найти повод для закрытия молитвенных зданий и, соответственно, снятия с регистрации общин или, если первое не удастся, провести очередную конфискацию денежных средств и имущества. Цели эти были в значительной степени выполнены.

Оставшиеся в результате антицерковной атаки 1958 – начала 1960-х гг. зарегистрированные приходы и священники не были оставлены без внимания государства, возможности для их жизнедеятель-

⁷ См.: Панков Г. Указ. соч. С. 222.

⁸ ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 25. Л. 118.

⁹ См.: Постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах» // ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 47. Л. 14–25.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 9. Л. 28–29.

ности постоянно ограничивались: увеличивались налоги; вводилась квитанционная система регистрации обрядов; священники переводились на «твердые» оклады; расширилось вмешательство во внутри-приходскую жизнь.

Уполномоченные прилагали немало усилий, чтобы собрать «компромат» на церковников и общинных активистов, внести смуту и раздор во внутриобщинные отношения. Апогеем вмешательства государства во внутрицерковные дела стало разработанное в недрах Совета по делам РПЦ и принятое под его давлением Архиерейским Собором Положение об управлении Русской Православной Церкви» (июль 1961 г.).

Многие специалисты оценивают появление этого документа едва ли не как самый серьезный урон для РПЦ, поскольку он вызвал принципиальное изменение действовавшей системы управления приходскими общинами. В результате перестройки этой системы произошел разрыв внутренней, канонически обоснованной связи духовенства с паствой. Если коротко, то прежде настоятель руководил вверенной ему общиной верующих, то отныне духовенство было отстранено и от финансово-хозяйственной деятельности, и от реальной административной власти в приходах. Последняя была передана исполнительным органам религиозных объединений. Выборы же таких органов проходили под давлением уполномоченных, что часто приводило в церковный актив людей, далеких от представлений об истинном верующем. Такие исполкомы общин больше подчинялись гражданской власти в лице уполномоченного, проводили в жизнь их инструкции. Все это тоже разрушало общины, но теперь изнутри.

Таким образом, с конца 1950-х гг. государство и партия успешно организовали и провели очередную кампанию, направленную на ликвидацию религии, церквей и религиозных объединений. Повсеместно в литературе подчеркивается, что основной целью этой кампании стала Русская Православная Церковь. С этим трудно спорить, но хотелось бы подчеркнуть, что и все остальные конфессии и их организации подверглись столь же сильной атаке.

От массового снятия общин и священнослужителей с регистрации и закрытия молитвенных домов пострадали все конфессии, которые не были официально запрещены: церковь евангельских христиан-баптистов, католическая и старообрядческая церкви, мусульманство. У всех у них в 1940-е гг., в период сталинской «либерализации» в религиозной сфере, восстановлено и зарегистрировано было многократно меньшее количество общин и молитвенных домов, а антирелигиозная кампания периода «хрущевского наступления» довели это количество до предельного минимума. Например, в те годы закрыли

свыше 43 % мечетей, действовавших ранее, 69 католических костелов, 69 лютеранских храмов, 27 синагог¹¹.

Значительная часть религиозных объединений, именовавшихся сектантскими, вообще не имели официального статуса в государстве. Большинство протестантских общин, равно как и мусульманских, католических, старообрядческих, иудейских, не имели регистрации, а потому их существование было незаконным, и, соответственно, вся их деятельность была таковой. Поэтому в борьбе с ними применялся еще больший набор средств, в том числе постоянное административное и уголовное преследование.

Масштабы гонений на РПЦ были, конечно, самыми значительными, и не только потому, что она более, чем остальные конфессии, была восстановлена в предыдущий период. Церковь имела, хотя и ненадежное, но официальное признание, строгую иерархическую структуру, определенный авторитет и наибольшее число приверженцев. К середине 1950-х гг. она укрепилась материально, воссоздала приходы и храмы, имела опытный корпус служителей, осуществляла, хотя и неполноценную, но насыщенную богослужебную деятельность.

Получалось, что за 40 лет советской власти партия так и не смогла справиться с основной религиозной организацией страны. Понятно, что это было своеобразным вызовом для партии, которая никогда не скрывала и не отказывалась от планов уничтожения религии и церкви в стране. Можно полагать, что очередной удар по РПЦ мог быть «образцово-показательным».

При этом поскольку так поступают с основной разрешенной церковью, чье руководство с 1927 г. демонстрировало лояльность и своеобразную преданность правящему режиму, то представителям иных конфессий и вовсе не было смысла ожидать милости со стороны государства.

Вместе с тем нельзя полностью согласиться с теми авторами, которые пишут, что: хрущевская кампания гонений на РПЦ была самым тяжелым периодом в ее новейшей истории; она нанесла церкви непоправимый урон; это была новая «война» против церкви; хрущевская «оттепель» обернулась «лютými заморозками» для православной церкви и т.д. Разве можно сравнить разгром церкви в 1920–1930-е гг. с тем, что случилось в 1950–1960-е? Разве можно сравнить сталинские массовые физические репрессии против духовенства и мирян с преследованием священников во времена правления Хрущева?

¹¹ Данные из доклада заместителя председателя Совета по делам религий В. Фурова на совещании Совета в 1969 г. См.: ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 199. Л. 36.

И все же причины столь серьезного натиска на все религиозное и церковное требуют объяснения. Ясно, что сама по себе жесткая антицерковная политика коммунистического руководства не являлась чем-то новым и необычным. В хрущевский период продолжалась осуществляться генеральная линия коммунистической партии на ликвидацию всех религиозно-церковных институтов, искоренения религиозного мировоззрения в любом ее проявлении. Парадокс антирелигиозной борьбы в тот период заключается в том, что, во-первых, она развернулась после относительно спокойных, в частности для РПЦ, лет государственно-церковных отношений, которые стали результатом сталинской политики 1943–1948 гг., и, во-вторых, времена общественной «оттепели» вовсе не диктовали необходимость начала столь оголтелой кампании против религии, церкви, верующих.

Причины указанных нападков могут объяснить несколько факторов, таких как: Хрущев стремился утвердить и подтвердить личную власть в партии и государственном руководстве (властный фактор); власть противилась укреплению альтернативной идеологии (идеологический фактор); власть не могла допустить укрепления материального положения РПЦ, поэтому устроила очередное ее ограбление (экономический фактор).

Имеют распространение и конспирологические теории. Заслуживают внимание две основные причины, в логике которых наиболее убедительно выглядит объяснение церковно-религиозных гонений. Борьба с окрепшими религиозными объединениями понималась Хрущевым как очевидный вариант десталинизации, отказа от сталинской политики, позволившей воссоздаться некоторым религиозно-церковным структурам. Да и реформаторская логика строителей коммунизма требовала быстрого и бескомпромиссного решения религиозного вопроса в СССР.

Кстати, после смещения Н.С. Хрущева преследование религиозных организаций, как могло показаться, прекратилось. Но это было не так. В очередной раз сменилась тактика антирелигиозной борьбы. От бесцеремонного закрытия молитвенных домов перешли к более тонким методам лишения приходов и религиозных общин регистрации.

При Л.И. Брежнев не было отменено ни одного антицерковного мероприятия предшественника. В последующие годы численность зарегистрированных приходов РПЦ и других конфессий постоянно уменьшалась. Ужесточалось уголовное законодательство по отношению к духовенству и верующим. Государство беспощадно преследовало баптистов-раскольников и диссидентов из религиозной среды. Появление тех и других было новым явлением в религиозной жизни страны и стало одним из результатов хрущевской «оттепели».

С.А. Чарный

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Говоря о советской политике в отношении религии в период 1953–1964 гг., обычно выделяют три ее периода.

Первый (1953–1954 гг.) является временем, когда руководство КПСС никак не могло решить, какой политики в отношении религии держаться. Поэтому хрупкую либерализацию сменяет антирелигиозная кампания.

К моменту смерти И.В. Сталина религиозная ситуация в стране характеризовалась следующим образом. После небольшого «потепления» в 1943–1947 гг. начался с 1948 г. новый тур давления на религиозные конфессии. В 1949–1953 гг. было закрыто и снято с регистрации 1237 общин различных конфессий (в том числе – 1055 православных церквей). Вновь начинаются аресты священнослужителей различных конфессий.

За оставшимися надзирали два Совета, созданных в 1943–1944 гг. – Совет по делам русской православной церкви (СДРПЦ) и Совет по делам религиозных культов (СРК), занимавшийся всеми остальными. Оба Совета возглавляли бывшие сотрудники карательных органов – Иван Полянский и Григорий Карпов.

Начавшаяся после смерти Сталина либерализация неизбежно коснулась и религии. Были отменены некоторые ограничения на прием иностранцев представителями религиозных общин, началась подготовка к пересмотру законодательства о культурах.

23 сентября 1953 г. Карпов и Полянский обратились в ЦК КПСС с предложением провести реформу законодательства о культурах, предусматривая отмену постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» и выработку вместо него нового закона, учитывающего изменения, произошедшие в 1940-х гг.¹

¹ См.: Дупленская Е. Совет по делам религиозных культов при СМ СССР: история создания, основные направления деятельности // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. докл. и материалов меж-

22 октября 1953 г. Полянский и Карпов обратились к Председателю Совета Министров СССР Маленкову с просьбой разрешить религиозным центрам издание календарей и дать СДРК право решать вопрос о тираже этих изданий самостоятельно в пределах установленных лимитов². В январе 1954 г. появился циркуляр Совета, в котором прямо указывалось на то, что Уполномоченные не должны рассматривать верующих как своих подчиненных и вмешиваться во внутренние дела общин³.

Можно согласиться с И. Серовой, отмечавшей в своем исследовании деятельность СДРК в 1953 г., что Совет старался, чтобы политика государства в отношении религии стала более толерантной⁴, добавив, что речь шла не о какой-то личной доброте руководства СДРК, а о стремлении, действуя в рамках дозволенного, ликвидировать наиболее вопиющие проблемы, грозившие взрывом недовольства со стороны верующих.

Было немного уменьшено количество бумаг, составлявшихся Уполномоченными. В декабре 1953 г. ежеквартальные отчеты были заменены полугодовыми. Но, кроме этого, Уполномоченные должны были предоставлять «наверх» докладные записки о прохождении религиозных праздников, копии докладных записок местным парторганизациям, записи приема верующих и духовенства, а также планы работы на квартал, полугодие, год. Каждый Уполномоченный в среднем посылал 16–17 записей приемов населения и 3–4 информационные записки о прохождении религиозных праздников в год. Помимо отчета СДРК областной Уполномоченный должен был писать специальные отчеты и для Уполномоченного по союзной республике (от этого были освобождены лишь Уполномоченные, находившиеся в областях РСФСР ввиду отсутствия такой должности на республиканском уровне).

Однако очень скоро прагматичная политика в отношении церкви подверглась первому удару со стороны партийных идеологов, чьим вождем был рвавшийся к лидерству Н.С. Хрущев. Как только его позиции укрепились, он немедленно попытался организовать массированное наступление на религию. Поводом для развертывания

регион. науч.-практич. сем. и конф. 2002–2004 гг. URL: <http://www.rusoir.ru/print/01/53/index.html>

² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 93. Л. 253.

³ Там же. Д. 104. Л. 6.

⁴ См.: Серова И. Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в 1953 г. // Российское государство и общество. XX век. М., 1999. С. 191, 193, 205.

подобной кампании была записка заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (ОПиА) А. Румянцева и его заместителя В. Кружкова от 22 марта 1954 г. «О крупных недостатках в организации естественнонаучной, антирелигиозной пропаганды». В ней демагогически утверждалось, что «за последние годы церковь значительно окрепла» и ее влияние на «отсталые слои населения» значительно возросло, игнорируя массовое закрытие церквей и аресты верующих и священнослужителей в последние годы жизни Сталина.

В то же время в Записке говорилось о крайне низком уровне антирелигиозной пропаганды, которая находится в запущенном состоянии, идейный уровень лекций низок, а издаваемые Госиздатом брошюры отличаются догматизмом и начетничеством. При этом с возмущением отмечали высокопоставленные бойцы идеологического фронта, что местные власти часто обращаются к священнослужителям за помощью в мобилизации населения на сельхозработы и т. д.⁵

7 июля 1954 г. появилось Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению», некоторые положения которого дословно повторяли записку Румянцева–Кружкова. В нем отмечалось, что данный участок идеологической работы запущен, в то время как церковь и религиозные секты усиленно распространяют свою идеологию среди отсталых слоев населения. Говорилось об ошибочном мнении «некоторых ответственных работников», что религия, мол, отомрет сама во время построения коммунизма. ЦК обязывал все нижестоящие организации покончить с пассивностью в области религии и начать мощную агитационно-пропагандистскую кампанию. 7 августа было также издано Постановление ЦК ВЛКСМ со схожим названием – «Об улучшении научно-атеистической пропаганды среди молодежи». Как и в Постановлении ЦК КПСС в нем признавалось, что комсомольские организации «запустили этот важный участок идеологической работы», и призывалось покончить с пассивным отношением комсомольских организаций к религии путем организации массовой пропагандистской кампании⁶.

25 августа 1954 г. прошла коллегия Министерства культуры, посвященная антирелигиозной кампании. Одно из решений, подписанных первым заместителем министра С. Кафтановым, устанавливало: «Считать одной из важнейших задач всемерное усиление антирелигиозной пропаганды и распространение научно-атеистических знаний. <...> Обязать учреждения Министерства культуры проводить

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 650. Л. 19–21.

⁶ Там же. Ф. 1. М. Оп. 3. Д. 840. Л. 14–16.

антирелигиозную работу систематически и регулярно. <...> Во всех библиотеках регулярно рекомендовать читателям естественнонаучную и научно-атеистическую литературу». Главному Управлению радиовещания было рекомендовано организовать систематические передачи по научно-атеистической тематике⁷. Но большинство этих рекомендаций не было воплощено в жизнь по причине краткосрочности кампании.

Верующих и их родственников «прорабатывали» на партсобраниях настолько основательно, что многие из них еще год-два опасались появляться в церкви, боясь потерять работу. По стране развернулась агитационная кампания, во время которой верующих изображали врагами народа. Все эти меры вызвали серьезное недовольство населения, которое власти не могли игнорировать, поскольку, несмотря на массовые репрессии и не менее массовую пропаганду, весьма значительная часть населения, особенно в сельской местности и на национальных окраинах СССР, ходила в церкви, кирхи, мечети и синагоги. Этим воспользовались члены коллективного руководства, выступавшие за более умеренную политику по отношению к религии. 10 ноября 1954 г. появляется новое Постановление ЦК – «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды». В нем признавалось, что антирелигиозная кампания привела к массовому вмешательству в дела религиозных групп, грубому отношению к духовенству со стороны администрации и лекторов. Вывод из этого был следующим: «Обязать обкомы, крайкомы КПСС, ЦК компартий союзных республик решительно устранить ошибки и впредь не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в дела церкви».

Недовольство населения суровой антирелигиозной политикой и некоторая непрочность положения ее главного идеолога, Хрущева, а также общая либерализация в связи с начинающейся десталинизацией приводят к тому, что следующие два года (1954–1956 гг.) все конфессии получают послабления и льготы и их положение оказывается максимально благоприятным за весь послесталинский период существования СССР (исключая конец 1980 – начало 1990-х гг.).

Отменяется часть запретов на проведение религиозных обрядов, прекращаются преследования верующих, а наиболее ретивых Уполномоченных одергивают посланием такого типа: «Содержание Вашей записки свидетельствует о том, что вы не поняли постановления ЦК от 10.11.1954 г. <...> Совет рекомендует вам тщательно ознакомиться с названным постановлением ЦК, из которого вы должны будете по-

⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 664. Л. 41–43.

нять, что административная борьба с верующими из практики должна быть исключена»⁸.

Зампред Совета В. Гостев, выступая на Всесоюзном совещании Уполномоченных 28 июля 1955 г., обозначил новые принципы деятельности Уполномоченных по ДРК: «Нужна чуткость, внимание, вежливость и терпеливое отношение к их (верующих. – С.Ч.) внутренним убеждениям <...> прямое администрирование и незаконное вмешательство должны быть исключены».

Кроме того, Уполномоченным предписывалось не допускать администрирования со стороны местных властей, обеспечивать правильные ответы верующих и духовенства при беседах с иностранцами⁹. С этого момента одной из важнейших сторон деятельности Советов становится подготовка верующих и священнослужителей для того, чтобы они давали правильные ответы иностранным делегациям и обычным туристам, которым они должны были говорить о полной свободе отправления религиозных культов в СССР. Лояльное духовенство должно было поощряться материально¹⁰. 5 февраля 1955 г. главы обоих Советов – Карпов и Полянский – обратились в ЦК КПСС с просьбой о разрешении зарегистрировать 130 фактически существующих общин. Они писали, что, конечно, «в настоящее время не может быть и речи о массовом открытии», но нужно удовлетворять хотя бы несколько ходатайств в год, поскольку политика постоянных отказов (1013 случаев только за 1953–1954 гг.) является тактически вредной, поскольку вызывает «нездоровые настроения среди определенной части верующих», что в переводе с бюрократического языка на нормальный значило – массовое недовольство¹¹. Кроме того, во избежание казусов, подобных случившемуся в 1948 г., когда разрешения на открытие церквей были аннулированы задним числом, они просили делегировать полномочия по открытию и закрытию культовых зданий, по согласованию с СДРК и СДРПЦ, советам министров союзных республик. 17 февраля 1955 г. постановление СМ СССР о делегировании полномочий Советам Министров союзных республик было утверждено.

Прагматичная религиозная политика достигла своего апогея весной–летом 1956 г. в период максимального либерализма властей за все время «оттепели». Шли даже разговоры о возможной либерализации законодательства о культурах, что усиленно отстаивало руковод-

⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 854. Л. 49.

⁹ Там же. Д. 116. Л. 9–10.

¹⁰ Там же. Д. 127. Л. 88.

¹¹ Там же. Д. 113. Л. 110–112, 117–118.

ство СДРК, удостоившееся от чиновников ОПиА за свои усилия на смешливого именованья «ходатаи по делам религий».

В своем стремлении улучшить отношения церкви и государства Полянский и Карпов зашли так далеко, что даже направили 18 апреля 1956 г. записку в ЦК КПСС с просьбой ликвидировать Музей истории религии и атеизма в Казанском соборе в Ленинграде, переведя его в другое помещение и упразднив отдел папизма и инквизиции, а сам собор превратить в Музей войны 1812 г. или просто в памятник архитектуры¹².

Однако эта политика «верхов» вызывала полное непонимание со стороны низовых партчиновников, справедливо полагавших, что «нельзя вести активное наступление на религию, не наступая на попов», и считавших, что в стране происходит нечто вроде идеологического НЭПа, вызванного потребностями внешней политики, который, как и его экономический предшественник, будет вскоре свернут. Общим настроением этой партийной массы было: «Пора прижать церковников!»¹³.

Иногда Уполномоченные Совета вынуждены были даже расстаться с должностью из-за подобных настроений местной номенклатуры. Так, в начале 1956 г. Уполномоченный по Белоруссии Уласевич, пытавшийся помешать партийным чиновникам, разгонявшим общины католиков в Молодеченском районе, был снят с работы по решению тогдашнего Первого секретаря ЦК КПБ К.Т. Мазурова. Лишь спустя несколько месяцев Совету удалось добиться его восстановления на работе.

Неприятие новой религиозной политики со стороны провинциального партийного чиновничества подстегивалось и тем, что верующие стали одними из самых активных участников кампании по десталинизации. Многие из них выражали надежду на возвращение отобранных ранее молитвенных домов. 29 июня 1956 г. верующие католики в с. Черновцы (Винницкая обл.) даже провели демонстрацию с требованием вернуть им костел. Кроме того, возвращавшиеся из лагерей священники и верующие вселяли надежду на лучшее.

Реагируя на изменившуюся ситуацию, СДРК 25 августа 1956 г. разослал всем Уполномоченным письмо «О пресечении противозаконной деятельности духовенства, вернувшегося из мест лишения свободы». Предписывалось вызывать вернувшихся из ГУЛАГа служителей культа и проводить с ними профилактические беседы в

¹² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 129. Л. 100.

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 22. Л. 162.

целях пресечения каких-либо активных действий с их стороны без санкции Уполномоченных. Кроме того, в этой же инструкции было с осуждением отмечено, что многие религиозные общества, особенно часто баптисты и иудеи, предоставляют трибуну зарубежным критикам, восхваляющим жизнь в капиталистических странах¹⁴. Одновременно в ОПиА было направлено письмо с описанием «подозрительной активности» вернувшихся из лагерей верующих и духовенства и о ведущейся ими антисоветской пропаганде¹⁵.

С конца 1956 г. государственная политика в области религии вновь ужесточается. Причинами этих изменений были как общее ужесточение советской внутренней политики в рамках стремления сдержать «стихийную десталинизацию» от сползания к откровенно антисоветским формам подобно тому, как это случилось в Польше или Венгрии, так и провозглашенное Хрущевым в рамках «разрыва с наследием культа личности» «возвращение к ленинским принципам», включавшим в том числе воинствующий атеизм, противопоставлявшийся якобы процерковной политике, имевшей место в войну и послевоенные годы.

К этому примешивалась искренняя уверенность самого Хрущева в том, что с распространением просвещения не останется места для веры в Бога¹⁶, и в то же время боязнь идеологической конкуренции, поскольку религиозные конфессии в СССР к этому моменту оставались единственной легальной и массовой альтернативой марксистской идеологии.

19 декабря 1956 г. появилось закрытое письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антиобщественных враждебных элементов», ставшее отправной точкой для отката назад. Пассажи письма о недопущении попустительства антисоветским выступлениям были весьма своеобразно восприняты на Украине. Во время обсуждений письма среди парторганизаций отмечалось, что «партийные организации республики в последние годы слабо ведут антирелигиозную пропаганду». В результате ОПиА ЦК Компартии Украины разработал программу антирелигиозной пропаганды, включавшую в себя, в частности, создание шести фильмов и выпуск 200 книг на антирелигиозную тематику¹⁷.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 127. Л. 135; Д. 130. Л. 92–93.

¹⁵ Там же. Д. 131. Л. 6.

¹⁶ См.: Алексеев В. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 221.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 31. Д. 79. Л. 19.

Еще один сигнал о том, что «на местах» ощутили смену курса пришел с юга РСФСР. Через несколько дней после появления письма ЦК к Уполномоченному СДРК по Ставропольскому краю явился заведующий Отделом культуры краевого управления соцкультбыта и потребовал предоставить ему списки верующих, а также список рабочих и служащих, совершающих религиозные требы «для проведения антирелигиозной работы»¹⁸.

Изменение курса ощутили не только на Украине и Ставрополье, но и в Москве. И столичные чиновники один за другим начинают сигнализировать в ЦК о «религиозной опасности». Быстрее всех отреагировал ЦК ВЛКСМ, чьи лидеры были прямо заинтересованы в проведении антирелигиозной кампании, которые надеялись таким образом потеснить недостаточно радикальных партийных идеологов и сделать карьеру.

Уже 25 января 1957 г. было принято Постановление ЦК ВЛКСМ «Об усилении научно-атеистической пропаганды среди молодежи». Как и другие подобные постановления, оно было построено по классической схеме: после указания на то, что «состояние научно-атеистической пропаганды среди молодежи может быть охарактеризовано, как неудовлетворительное. Многие комсомольские организации не ведут научно-атеистическую пропаганду <...> усиленно распространяется религиозная идея», принимались меры борьбы с этим «злом». В основном это были усиление пропаганды и расширение ее объема, ориентация на индивидуальные беседы. Для подготовки лекторов и «беседчиков» предлагалось организовать три семинара, посвященных католицизму, православию и сектантству. Не были забыты и достижения технического прогресса. ЦК ВЛКСМ предполагал обратиться в Министерство культуры с просьбой о создании антирелигиозных телепередач и производства соответствующих короткометражных фильмов¹⁹. За комсомольцами последовали и другие чиновники.

В декабре 1956 г. руководство Совета, сразу же после появления письма «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антиобщественных враждебных элементов», вторично разослало августовский циркуляр, в котором подчеркивало, что основную роль в оживлении деятельности религиозных общин сыграли вернувшиеся из лагерей «фанатики». Уполномоченным предписывалось вызвать их к себе и предупредить о

¹⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 34. Д. 3. Л. 73.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 4. Д. 2356. Л. 107–110.

том, что в случае дальнейшей активизации своей деятельности они подвергнутся репрессиям.

Еще одной заботой СДРК стал предстоящий Фестиваль молодежи и студентов. Поскольку было известно, что его участников будут возить по СССР, то Уполномоченным было приказано проинструктировать служителей культа и активистов религиозных общин о том, как и что нужно отвечать на вопросы зарубежных гостей²⁰.

В мае 1957 г. в Москве прошло Всесоюзное совещание-семинар по научно-атеистическим вопросам, а в конце этого месяца и.о. председателя СДРК В. Гостев писал заведующему ОПиА Ф. Константинову о необходимости ограничить «распоясавшихся церковников», то есть: прекратить разъезды служителей культа и незаконные богослужения. Для проверки возможности реализации этих предложений как раз подошла украинская инициатива о проведении локальной антирелигиозной кампании. Полигоном для нее были выбраны западные области Украины, где положение с религиозностью населения было наиболее серьезным (в Закарпатье верующие даже не работали по праздникам, а количество молодежи в религиозных обществах кое-где росло быстрее, чем численность комсомольских организаций). Кроме того, там были представлены практически все религии, исповедуемые жителями СССР.

В область был направлен «десант» из лекторов и агитаторов из Киева, Львова и Одессы, а во всех учебных заведениях был проведен курс научного атеизма²¹. При Институте философии АН УССР был создан сектор атеизма, введен курс атеизма в гуманитарных вузах. Кроме желания проверить возможности антирелигиозной пропаганды решение о проведении локальной, а не общесоюзной кампании было продиктовано стремлением не портить имидж СССР в преддверии проходившего в Москве 28 июля – 11 августа 1957 г. VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, в проведении которого на «отлично» власть была весьма заинтересована.

Так, 27 марта 1957 г. А. Шелепин, возглавлявший тогда ВЛКСМ, выступая на Пленуме его Центрального Комитета, заявил о том, что антирелигиозную пропаганду надо усиливать и вести ее более боевито и конкретно. Однако тут же он предостерег своих подчиненных от излишней ретивости, заявив, что в данный момент, перед фестивалем, ЦК ВЛКСМ нецелесообразно «открыто и резко» высказывать свои намерения на этот счет²².

²⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 149. Л. 3–4.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 90. Л. 49.

²² РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 2. Д. 356. Л. 317.

Полученный результат локальной антирелигиозной кампании, по всей видимости, удовлетворил партийную верхушку, и была начата подготовка к повторению закарпатского опыта по всей стране.

Руководители СДРПЦ и СДРК (в 1957 г. на место умершего в 1956 г. И. Полянского пришел бывший руководитель Главного управления по радиоинформации при СМ СССР Алексей Пузин) первоначально пытались продолжить прежнюю линию.

25 ноября 1957 г. Карпов и Пузин направили в ОПИА справку «К вопросу о научно-атеистической пропаганде среди населения», в которой попытались, оперируя фактами о росте религиозности населения, добиться санкции, а главное – средств на обновление кадров Уполномоченных и набор референтов и консультантов. Они жаловались, что многие Уполномоченные не могут активно действовать из-за возрастных причин, имеют низкий культурный и политический уровень. Кроме того, авторы письма ходатайствовали о расширении сети Уполномоченных и создании в советах международных отделов²³.

7 февраля 1958 г. руководство Совета направило письмо секретарю ЦК КПСС Н. Мухитдинову с предложением о более активном использовании духовенства в советской пропаганде. В письме отмечалось, что духовенство может не только противодействовать антисоветской пропаганде, но и, «при умелом направлении их деятельности», стать одним из действенных каналов советского влияния на зарубежные страны. Алексей Пузин, сетуя на то, что раньше этому вопросу не уделялось достаточного внимания, просил об увеличении штата СДРК на пять единиц. Впрочем, затем он умерил свои аппетиты и в направленной 2 июня 1958 г. в ЦК КПСС записке «Об использовании религиозных организаций СССР в интересах внешней политики Советского государства в странах Ближнего и Среднего Востока» просил уже только три штатные единицы²⁴.

Однако в ЦК господствовали совершенно другие настроения. В апреле 1958 г. специальный корреспондент «Литературной газеты» Л. Шапошникова прислала в ОПИА ЦК КПСС письмо о неудовлетворительном состоянии научно-атеистической пропаганды, а также о том, что Совет по делам религиозных культов «идет на поводу у церковников». В письме содержалась просьба принять необходимые меры к исправлению ситуации. Письмо легло на благодатную почву, оказавшись формальным поводом для ужесточения религиозной политики, который можно было предъявить окружающим.

²³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 148. Л. 71–72.

²⁴ Там же. Д. 166. Л. 13–14, 79–86.

16 апреля 1958 г. появилась записка ОПиА «О состоянии мер по улучшению научно-атеистического воспитания населения», подписанная Ф. Константиновым и заведующим сектором Отдела, будущим Генеральным секретарем ЦК КПСС, К. Черненко. В ней констатировалось, что «церковники и сектанты стремятся укрепить позиции церкви и религиозных культов» и «значительно активизировались за последние годы». В вину религиозным организациям ставилось улучшение материальных условий священнослужителей, усиление миссионерской деятельности, стремление привлечь молодежь. Утверждалось, что деятельность религиозных конфессий «начинает выходить за рамки чисто религиозной» (это отчасти было правдой – конфессии действительно постепенно начинали выходить за те жесткие рамки, которые были установлены в 1920 – 1930-х гг.) и что они «получили активную поддержку со стороны империалистических сил».

Здесь же впервые четко формулируется тезис о том, что усиление роли религиозных организаций явилось следствием равнодушия многих низовых партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и политики, проводившейся во второй половине 1940-х гг.²⁵

8 мая 1958 г. последовала записка заместителей заведующего Отделом В. Снастина и В. Москвитина с просьбой о разрешении на разработку плана мер по усилению научно-атеистической пропаганды. 9 мая 1958 г. те же Снастин и Москвитин предложили выполнить один из пунктов постановления от 7 июля 1954 г. – организовать ежемесячный журнал «Наука и религия»²⁶. Плодом этих разработок и было Постановление от 4 октября 1958 г. «О Записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», которое считается отправной точкой официальной антирелигиозной кампании.

Начали появляться первые антирелигиозные публикации. Впрочем, Совет первоначально старался одергивать наиболее грубых пропагандистов. Так, 31 мая 1958 г. А. Пузин направил письмо Л. Ильичеву, сменившему Ф. Константинова на посту заведующего ОПиА, с просьбой приструнить «Комсомольскую правду» за жесткие антирелигиозные статьи, поскольку «такого рода выступления наносят вред».

Однако все подобные настроения исчезли после того, как в СДРК прислали для согласования проект записки ОПиА о состоянии антирелигиозной пропаганды. В нем слово в слово повторялись обвине-

²⁵ РГАНИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 255. Л. 88–93.

²⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 30–31.

ния Л. Шапошниковой в адрес СДРК – Совет-де шел на поводу у духовенства и поддерживал его необоснованные требования. Ознакомившись с проектом письма ОпиА, руководство СДРК уяснило для себя, что направление религиозной политики поменялось. При этом Пузин постарался по мере возможности отвести удар от себя, свалив всю вину на прежнее руководство Совета. 11 июня 1958 г. он писал в ЦК, что, хотя в письме «справедливо указаны серьезные ошибки руководства СДРК, справедливости ради следовало бы сказать о «бывшем руководства СДРК», поскольку рядовые партийцы, не знающие об обновлении руководства Совета, отнесут все перечисленные ошибки на его счет²⁷. Одновременно Пузин воспользовался моментом и уволил своего неудачливого конкурента – зампреда СДРК В. Гостева, которого сменил на его посту В. Рязанов. Впрочем, Совет еще пытался указывать, что нельзя вести слишком уж разнузданную антирелигиозную пропаганду, поскольку этим воспользуются западные пропагандисты, а через них это неизбежно вернется в СССР.

Согласования и разработка дополнительных документов, регламентирующих ход антирелигиозной кампании, продолжались еще несколько месяцев.

12 августа 1958 г. Пузин и Карпов делают последнюю попытку «плыть против течения». Руководство обоих советов направляет в ЦК просьбу о рассекречивании постановлений СНК, принятых в 1944–1946 гг. и дававших религиозным общинам ограниченные права юридического лица, для лучшего объяснения зарубежным визитерам особенностей положения церкви в СССР. Подписанный Ф. Козловым, бывшим тогда заместителем Н. Хрущева в Совете Министров СССР, ответ от 21 августа 1958 г. был кратким: «Совет Министров не считает целесообразным удовлетворить просьбу СДРПЦ и СДРК»²⁸. Чиновникам окончательно стало ясно, что курс меняется всерьез.

25 сентября 1958 г. СДРК разослал Уполномоченным в Латвии, Башкирии, Эстонии и Узбекистане запрос о возможности уменьшения тиража религиозной литературы, издававшейся на их территории. Лишь узбекский Уполномоченный Иногамов высказался против снижения тиража – остальные поддержали это начинание. В тот же день в ЦК была отправлена записка «О фактах шарлатанства и использования суеверий верующих духовенством мусульманского вероисповедания, католической и армянской церкви». После изложения фактов «шарлатанства» следовали предложения руководства СДРК, круто повернувшего руль религиозной политики, навести

²⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 166. Л. 110.

²⁸ Там же. Д. 168. Л. 6.

порядок в «святых местах», потребовать от религиозных центров издания специальных постановлений о прекращении паломничеств к «святым местам», находящимся внутри СССР. Кроме того, А. Пузин просил издать антирелигиозные учебники, снять научно-популярный фильм и поручить Генеральной прокуратуре «усилить борьбу с паразитическими элементами».

Со своей стороны руководитель СДРК обещал существенно обновить кадровый состав Уполномоченных, «особенно в республиках Средней Азии», и просил создать международный отдел в Совете²⁹. Позже эта записка послужила основанием для принятия Постановления ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничеств к так называемым святым местам».

Наконец, 4 октября 1958 г. Президиум ЦК КПСС утвердил Постановление «О Записке Отдела пропаганды и агитации КЦ КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» и дал указание разослать его на места. Этим постановлением партийным, комсомольским и государственным органам предписывалось начать наступление на «религиозные пережитки», в том числе с принятием административных мер. Принятие этого постановления стало формальным началом антирелигиозной кампании.

Говоря о том, что же побудило Хрущева начать антирелигиозную кампанию, различные исследователи этого периода сходятся во мнении, что главная причина гонений на религию лежала в сфере идеологии – советский лидер, искренне уверенный в скором построении коммунизма, стремился убрать последнее, по его мнению, серьезное идеологическое препятствие на этом пути³⁰. Это мнение вполне обосновано. Хрущев, широко декларировавший «возвращение к ленинским принципам», под которыми понималась политика большевиков в 1920 – начале 1930-х гг., в том числе и широкое применение насилия по отношению к религиозным конфессиям, судя по его высказываниям, искренне полагал, что религия в СССР отмирает и нужно лишь слегка «помочь» ей уйти. Подобные же настроения разделяли многие партийные чиновники и широкие слои молодежи, увлеченные романтическим образом будущего коммунистического общества³¹.

²⁹ Там же. Д. 167. Л. 25–32.

³⁰ Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 309; Чумаченко Т. Государство, православная церковь и верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 209; Шкаровский М. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 360.

³¹ Чумаченко Т. Указ. соч.; Tzvi G. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present: 2-nd ed. // Indiana Univ. press, 2001. P. 157.

Интересным, но недостаточно доказанным является предположение М. Шкаровского об экономической подоплеке наступления на религию, в ходе которого государство, по его мнению, стремилось пополнить истощившийся бюджет³². Хотя полностью исключать фискальных мотивов этих гонений все же нельзя, изученные материалы показывают, что если этот мотив и имел место, то лишь как вспомогательный.

Вряд ли обоснована догадка М. Одинцова о противоборстве в советском руководстве двух групп, выступавших за различные подходы в религиозном вопросе, и антирелигиозной кампании как следствия поражения одной из этих групп в 1957 г.³³ Как видно из приведенных выше данных, поворот в сторону ужесточения антирелигиозной политики начался уже в конце 1956 г., а среди тех, кто потерпел поражение в составе «антипартийной группы» были как сторонники жесткого подхода к религиозным конфессиям, так и «прагматики».

То же можно сказать и о гипотезе, согласно которой начало антирелигиозной кампании знаменовало собой переход религиозной политики в сферу ответственности партийных органов, в то время как ранее она проводилась в основном государственными чиновниками, и подмену «правового подхода к проблемам свободы совести <...> подходом идеологическим»³⁴. Реально же, как видно из документов того времени, именно партийные органы и в 1940-х, и в 1950-х гг. определяли направления религиозной политики, и именно их решения, имевшие в том числе и идеологический подтекст (например, о ликвидации «враждебных» культов), влияли на направленность действий СДРПЦ и СДРК.

Достаточно экзотической и малодостоверной выглядит и концепция В. Цыпина, предполагающего, что Хрущев начал антирелигиозную кампанию для того <...> чтобы доказать сталинистам в партийном аппарате, что он остался на «партийных позициях»³⁵. Для опровержения этого тезиса достаточно напомнить, что антирелигиозная кампания проводилась под лозунгом разрыва с

³² Шкаровский М. Указ. соч. С. 361.

³³ Одинцов М. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. URL: <http://www.rusoir.ru/print/02/101/index.html>

³⁴ См.: Одинцов М. Государство и церковь. XX век. М., 1994. С. 119; Чумаченко Т. Указ. соч. С. 197, 231.

³⁵ Цыпин В. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды: 1700–2005. М., 2006. С. 510.

«искривлениями времен культа личности» в религиозной политике³⁶.

Антирелигиозная кампания развивалась по следующим направлениям: административные ограничения деятельности религиозных объединений, принудительное закрытие молитвенных домов и снятие общин с регистрации, ограничение производства предметов культа и издания религиозной литературы, судебное преследование, а также агитационно-пропагандистская деятельность.

Первое совещание Уполномоченных СДРК в условиях антирелигиозной кампании прошло 25–28 ноября 1958 г. На нем был провозглашен разрыв с прежней политикой поддержки конфессий. А. Пузин заявил, что Совет иногда шел на поводу у духовенства, поддерживал их «необоснованные требования» и не информировал партийные и советские органы о деятельности религиозных организаций, которые, пользуясь беспечностью чиновников, грубо нарушали законодательство о культах. Он обвинил своих предшественников в том, что те «часто проявляли политическую незрелость», и гневно вопрошал: «Как можно говорить, что совет оказывает помощь в подготовке служителей культа? Разве это не укрепление церкви?»³⁷

Уполномоченные получили новую официальную установку относительно положения религии в стране: «Затухание религии идет все глубже, охватывая все более широкие массы» (в реальности, как мы видели, все было как раз наоборот). Верующие – советские люди, трудящиеся, заразившиеся чуждыми нам идеями. Духовенство – паразитический слой, стремящийся использовать религию для своего обогащения³⁸. Практически же речь шла о возобновлении всего того

³⁶ Так, Председатель СДРПЦ В. Куроедов, выступая в феврале 1964 г. на Пленуме ЦК ВЛКСМ, заявил: «Вы знаете, что во время войны и в первые годы после нее духовенство у нас разболталось. В последние годы мы работали над тем, чтобы восстановить ленинское законодательство о культах». См.: РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 32. Д. 1141. Л. 155. Председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин, выступая в феврале 1964 г. на совещании идеологических работников республик Средней Азии также заявлял о том, что «в послевоенное время стали грубо нарушаться ленинские принципы политики партии и государства в отношении религии и церкви. Имело место прямое попустительство незаконной деятельности духовенства со стороны некоторых государственных органов». См.: Доклад Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А.А. Пузина на совещании идеологических работников республик Средней Азии 5 февраля 1964 г.. URL: http://www.enlight.ru/frog/index.php?page=s_okultah

³⁷ ГА РФ, Ф. 6991. Оп. 3. Д. 165. Л. 5–9.

³⁸ Там же. Л. 11, 111.

репрессивного законодательства, которое было отложено в сторону, но не отменено с прекращением открытого преследования религии при Сталине. При этом Пузин призывал не увлекаться «голым администрированием», то есть проводить работу по закрытию церквей так, чтобы это не вызывало скандалов, и напоминал, что церкви «при их умелом использовании» могут стать каналом советского влияния за рубежом. Призыв «поменьше администрирования» находил мало откликов в сердцах Уполномоченных. Здесь преобладали настроения, которые ясно выразил Уполномоченный по ДРК по УССР П. Вильховый, предлагая призвать к порядку, а если нужно, то и репрессировать всех, кто «не поддерживает нашу власть»³⁹.

28 ноября 1958 г. было издано Постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничеств к так называемым “святым местам”». После получения прямых директив по всей стране местные государственные и партийные органы взялись за осуществление этих мер: засыпали святые источники, уничтожали могилы святых (в Средней Азии на месте одной из таких могил устроили городскую помойку), проводили среди паломников «разъяснительную работу». По словам председателя СДРПЦ В. Куроедова, сменившего в 1960 г. Карпова, от многих святых мест «остались одни воспоминания»⁴⁰.

Однако эти мероприятия далеко не всегда приносили тот эффект, на который рассчитывали их организаторы. Так, выступая в феврале 1964 г. с докладом, А. Пузин с тревогой отмечал, что, несмотря на «проведение большой работы», продолжается паломничество верующих к мусульманским святым местам советской Средней Азии (в том числе и к уничтоженным в 1958–1964 гг.), которых в этом регионе насчитывалось около 200⁴¹.

В 1959 г. был отменен восьмой параграф прежней инструкции СДРК, согласно которому число членов исполнительного органа не ограничивалось. Это привело к выводу примерно 10 тыс. человек из состава религиозного актива, что делало общины более уязвимыми для закрытия.

13 января 1960 г. было издано Постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законода-

³⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 165. Л. 16–19, 33, 62.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 32. Д. 1141. Л. 55.

⁴¹ Советское законодательство о культурах и задачи по усилению контроля за его выполнением. Доклад Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. Пузина на совещании идеологических работников республик Средней Азии 5 февраля 1964 года. URL: http://www.enlight.ru/frog/index.php?page=s_okultah

тельства о культах», которое предусматривало ужесточение санкций за эти нарушения вплоть до тюремного заключения. В нем впервые был оглашен список «враждебных сект»: иеговистов пятидесятников, ИПХ-ИПЦ, адвентистов-реформистов, мурашковцев – и провозглашена борьба с ними⁴². До того многие из этих сект были «паствой» не СДРК, а «заинтересованного органа» – МГБ–КГБ. Очень скоро массовая пропаганда сумела внушить значительной части населения, что все сектанты поголовно есть уголовники и американские шпионы. Эти постулаты настолько прочно вошли в умы населения, что на Алтае преступники, совершившие убийство на бытовой почве, пытались свалить его на иеговистов, якобы призывающих убивать начальников, и большинство окружающих первоначально поверили в это⁴³.

Впрочем, иногда антисектантская пропаганда использовалась представителями «официальных» религий. Так, в 1962 г. в газету «Комсомольское племя» (г. Оренбург) пришло письмо от прихожан православной церкви в г. Бузулуке. В письме они благодарили редактора газеты за антисектантские статьи и просили продолжать в том же духе. «Нужно показать народу, что эти изуверские учения не имеют ничего общего с настоящим христианством», – говорилось в письме⁴⁴.

Подобная же ситуация сложилась в Средней Азии, где все внимание партийных руководителей было обращено на борьбу с «сектантами», которые рассматривались как гораздо большая опасность по сравнению с «традиционными» религиями⁴⁵.

Примерно с этого же времени КГБ начал проводить в отношении этих «антигосударственных сект» мероприятия, основной целью которых был раскол и легализация лояльной части «сектантов» для усиления контроля над ними⁴⁶.

18–20 апреля 1960 г. состоялось очередное совещание Уполномоченных, на котором присутствовало руководство обоих советов, а также представители ЦК КПСС – К. Черненко и А. Вещинов. А. Пузин вновь предостерегал от излишней поспешности в деле закрытия церквей, призывая каждый конкретный случай согласовывать с СДРК, дабы не вызывать недоверия верующих и «ненужного озлобления духовенства». Предостерегая своих подчиненных от из-

⁴² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 339. Л. 213–214.

⁴³ Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 727. Л. 30–33.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 32. Д. 907. Л. 27.

⁴⁵ Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением...

⁴⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 97–99.

лишнего администрирования, Пузин объяснял им (а через них – и местным партийным организациям), что, закрывая все секты, они не сделают верующих атеистами, а лишь озлобят их, и призывал отделять «честных людей, по своей политической незрелости попавших под влияние религиозных элементов», которых, видимо, предлагалось перевоспитывать, от «нечестных людей, сознательно использующих невежество верующих в своих целях». Репрессии предлагалось применять лишь в отношении последних⁴⁷.

Была изменена и формулировка основных задач Уполномоченного. Теперь она звучала так: «Задача Уполномоченного в том, чтобы активно, но тонко и незаметно, подсекать позиции религиозных организаций. Делать это нужно так, чтобы не давать повода к обоснованным жалобам и протестам. Дело поставить так, чтобы всегда быть в курсе внутренней жизни религиозного общества. Выводить из состава исполнительных органов религиозных общин энергичных и красноречивых людей»⁴⁸.

Наиболее «урожайным» на ограничительные законодательные акты стал 1961 г. 16 марта 1961 г. вышло постановление Совета Министров СССР «Об увеличении налога на служителей религиозных культов, певцов церковных хоров, регентов, организаторов и преподавателей религиозных духовных училищ». Согласно этому постановлению вводилась максимальная налоговая ставка на доходы перечисленных категорий – 81%, как на частные коммерческие организации.

В тот же день СМ СССР издал постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», прямым результатом которого стало образование так называемых «комиссий содействия» – групп активистов, получивших право следить за деятельностью религиозных общин, информируя власти об «опасных» проявлениях. 7 августа 1961 г. было издано Постановление Совета Министров «О ликвидации извращений в начислении пенсий», по которому пенсии работникам религиозных организаций начислялись исходя из средней заработной платы служащих по стране. При этом ранее установленные пенсии подлежали перерасчету в сторону уменьшения. А 13 сентября 1961 г. вышло Постановление Совета Министров «Об изменениях в перечне лиц, пользующихся профсоюзной защитой», согласно которому сокращался круг категорий служащих религиозных организаций, пользующихся профсоюзной защитой, со 100 до четырех (дворники, истопники, сторожа и счетные работники), причем, если обладатель данной профессии одновременно зани-

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 162. Л. 16.

⁴⁸ Там же. Л. 15.

мал какие-либо должности в руководстве религиозного объединения, он также исключался из перечня⁴⁹.

В том же 1961 г. СДРПЦ и СДРК была издана новая инструкция «О религиозных культах», утвержденная 16 марта, согласно которой религиозные организации утратили право на статус юридического лица и полностью переводились под контроль местных Уполномоченных по делам религии. Строго ограничивался перечень дел, на которые религиозные объединения имели право расходовать собранные исключительно посредством добровольных пожертвований верующих деньги: на содержание служителя культа, культового здания и культового имущества.

В соответствии с новой Инструкцией религиозные объединения не должны были: использовать молитвенные собрания для антисоветской пропаганды либо для пропаганды, направленной на отрыв верующих от активного участия в хозяйственной или активно-политической жизни; организовывать «принудительные сборы», вовлекать несовершеннолетних в отправление религиозного культа, организовывать отдельные женские или детские религиозные объединения, поддерживать своим имуществом другие религиозные объединения, заниматься благотворительностью.

Кроме этого, религиозным объединениям было запрещено без разрешения Советов проводить съезды (соборы), издавать религиозную литературу, открывать духовные учебные заведения и т. д. Всеми делами общины должен был управлять выборный исполнительный орган, право на отвод кандидатур в члены которого было у местного Уполномоченного СДРПЦ или СДРК. В исполнительный орган отныне не мог входить служитель культа. Он становился лишь наемным работником. Общины были обязаны быть готовыми к государственной ревизии в любой момент. При неоднократном нарушении законодательства о культах либо неустранении ранее найденных нарушений Уполномоченный ставил вопрос о снятии с регистрации служителя культа или всей общины, о роспуске исполнительного органа или привлечении к уголовной ответственности руководства общины перед Советами.

Увеличилось количество причин, по которым могли быть закрыты молитвенные дома. Кроме снятия с регистрации общины основанием для закрытия молитвенного дома с разрешения Совета могли послужить его ветхость либо снос здания при реконструкции населенного пункта⁵⁰. Кроме этого, произошло новое перераспределение

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1360. Л.15, 150; Д. 1363. Л. 66, 147, 150, 160.

⁵⁰ Там же. Оп. 4. Д. 120. Л. 3–9.

полномочий в области открытия и закрытия культовых зданий. Теперь это право по согласованию с СДРК или СДРПЦ принадлежало облисполкомам и правительствам автономных республик.

В октябре 1961 г. в Москве прошел XXII съезд КПСС, выступая на котором Н.С. Хрущев заявил, что коммунистическое воспитание предполагает освобождение сознания от религиозных предрассудков и суеверий, а в новый Устав КПСС был включен пункт об обязанности каждого коммуниста «вести непримиримую борьбу с религиозными предрассудками»⁵¹. Естественно, что подобные выступления и решения стимулировали новый всплеск антирелигиозной активности государства.

В 1962 г. государство занялось финансовым давлением на священнослужителей. Постановлением Совета Министров СССР все они были официально переведены на «твердый оклад», исчисляемый исключительно из добровольных пожертвований верующих, с введением уголовной ответственности за нелегальные доходы. «Излишки» пожертвований, остававшиеся после оплаты труда священнослужителей и других дозволенных расходов, общины были обязаны отчислять в Фонд мира. На введении твердого оклада особенно настаивало Министерство финансов, считавшее, что таким образом возможно увеличить количество выжимаемых из «религиозников» денег⁵².

Возражения части Уполномоченных СДРПЦ и СДРК, полагавших, что введение твердого оклада приведет лишь к переходу церкви в тень, а священнослужители будут получать свои деньги тайно, были проигнорированы.

В том же 1962 г. начинается разработка новой Конституции, призванной заменить «сталинскую» 1936 г. Несмотря на то что ст. 50 проекта Основного закона запрещала любую дискриминацию по религиозной принадлежности, ст. 72, посвященная свободе совести, в окончательном варианте звучала так: «Свобода совести – то есть свобода не исповедовать никакой религии или исповедовать любую религию и совершать религиозные обряды, равно как и свобода научно-атеистической пропаганды, признается за всеми гражданами и охраняется законом. Обеспечивается отделением церкви от государства и школы от церкви. Атеистическое воспитание обеспечивается системой просвещения и другими средствами идейного характера. Запрещается совершение религиозных обрядов, если они нарушают обще-

⁵¹ Хрущев Н. Отчет Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза XXII съезду партии. М., 1961. С. 133–134; Устав КПСС. М., 1961. С. 6.

⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 137.

ственный порядок, или сопровождаются посягательством на права и здоровье гражданина. Никто не может уклониться от выполнения обязанностей гражданина под предлогом религиозных убеждений»⁵³ (последнее предложение отсутствовало в первоначальном проекте конституции и было добавлено в 1963–1964 гг.).

31 августа 1963 г. Постановлением Совета Министров была введена переоценка культовых зданий и их обязательное страхование. В результате этого многие общины были вынуждены платить за арендованные ими здания в 3-4 раза больше прежнего⁵⁴. Знаменательным в этом было то, что согласно новой Инструкции о культах страховые суммы от сгоревшего церковного здания могли быть использованы не только на восстановление церкви, но и на культурные нужды района, где она находилась. Кроме того, подверглись обложению налогами пособия по болезни, которые власти рассматривали как способ сокрытия церковных доходов. Отныне можно было получать необлагаемое налогами пособие раз в году в размере, который не превышал месячную зарплату получавшего (для лиц старше 60 лет – двухмесячную)⁵⁵.

Принятые в декабре того же года ЦК КПСС «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения» требовали от партийных организаций «разобраться» с состоянием религиозности в каждом населенном пункте и коллективе. В ноябре 1963 г. Идеологическая комиссия ЦК партии заслушала и обсудила доклад Секретаря ЦК КПСС Л. Ильичева «Формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание». 2 января 1964 г. Секретариат ЦК утвердил мероприятия по усилению атеистического воспитания населения, выработанные идеологическим отделом ЦК (подробнее речь о них пойдет далее).

В этих мероприятиях имелся специальный пункт, в котором давалось поручение СДРПЦ и СДРК совместно с Юридической комиссией при Совете Министров СССР разработать дополнительные рекомендации по применению советского законодательства о культах, предусмотрев, в частности, меры по ограждению детей и подростков от влияния церкви и «от принуждения родителями детей к совершению ими обрядов».

За годы антирелигиозной кампании в СССР было закрыто около 6 тыс. религиозных объединений, в том числе около 5 тыс. общин Русской Православной Церкви и 865 общин, принадлежавших

⁵³ Там же. Оп. 30. Д. 466. Л. 191; Д. 467 Л. 17.

⁵⁴ Там же. Оп. 33. Д. 215. Л. 137; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 168. Л. 33.

⁵⁵ Там же. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1360. Л. 15 об.

иным конфессиям⁵⁶ (не считая неофициальных). Основаниями для снятия общин с регистрации служили: «распад общины» (наличие в ней менее 20 постоянных активных верующих), нарушение законодательства о культах (благотворительность, обучение молодежи и др.), обвинения в нарушении уголовного законодательства и т. д. Иногда повод для закрытия был абсолютно абсурдным, например отсутствие у церкви водоема. Часто общины были вынуждены продавать «незаконно приобретенные» дома либо расставаться с ними в пользу государства. В некоторых областях грубое административное закрытие общин было поставлено на поток. Составлялись даже планы по «уменьшению церковной сети».

Впереди всех в этом отношении шла Украина. К концу 1960 г. количество религиозных общин на Украине уменьшилось на 58%, при том что в среднем по стране эта цифра составила 12%. Еще через два года было закрыто 59% от оставшихся к 1961 г. религиозных общин. Такой результат был достигнут путем грубого административного нажима, осуществлявшегося под руководством в 1959–1963 гг. республиканского Уполномоченного К. Полонника, что признавал и его преемник на этом посту К. Литвин, писавший о «неправильном поведении отдельных работников», подменяющих терпеливую работу с верующими незаконным закрытием церквей и изъятием молитвенных зданий», и руководство СДРК⁵⁷. Причем способы для закрытия церковных зданий выдумывались такие, что даже чиновники Совета признавали их противозаконными. Так, в Львовской области подписи за закрытие костела собирали среди православных и атеистов, а не среди его прихожан.

Количество закрытых церквей было засекречено по просьбе руководства СДРПЦ и СДРК, поскольку это «оскорбляет чувства верующих»⁵⁸. Но руководство Советов интересовала, конечно, не столько реакция верующих, сколько периодически вспыхивающие на Западе скандалы, отвечать за которые приходилось им.

Одновременно, дабы исключить возвращение церквей верующим, лишить их повода для жалоб и искоренить всякую память о существовании религии, начался массовый снос отнятых культовых зданий. В докладе А. Пузина на совещании Уполномоченных в апреле 1961 г. этому даже был посвящен специальный раздел «Вредные увлечения реставрацией и ремонтом церковных сооружений». Здесь он не преминул бросить камень в руководство СДРПЦ, выдававшее

⁵⁶ Шкаровский М. Указ. соч. С. 392.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1758. Л. 15–16; Д. 1761. Л. 52.

⁵⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 123.

разрешение на ремонт церквей, «многие из которых не имели исторической и художественной ценности», в то время как тремя годами ранее он, наоборот, сокрушался о большом количестве памятников архитектуры, переданных церкви⁵⁹.

Во многих областях появились комиссии по пересмотру списков памятников архитектуры. О масштабах уничтожения церквей можно судить по отдельным цифрам. Так, в Карелии в 1961–1962 гг. были уничтожены 116 деревянных церквей. Разрушителей не останавливало даже то, что многие из уничтожаемых зданий были памятниками архитектуры. В декабре 1961 г. в г. Витебске была снесена построенная в XII в. церковь Благовещения, а ее камни пошли на щебенку для дорог. В Львовской области только в 1961 г. было снесено 65 церквей⁶⁰. Три великолепные каменные церкви XVII–XVIII вв. в г. Устюге постигла такая же судьба просто потому, что они стояли на площади, на которой местные власти воздвигли очередной памятник Ленину.

Те общины, которые не подверглись закрытию, часто были лишены священнослужителей, которых местные Уполномоченные снимали с регистрации по малейшему поводу, а часто и без повода. Кроме того, власти грозились, что в случае если церковные иерархи не смогут добиться от своих подчиненных исполнения законодательства о культах, то сами потеряют свои кафедры.

Справедливости ради нужно отметить, что председатель СДРК А. Пузин в своих выступлениях продолжал указывать на необходимость совмещать административное давление с пропагандистской деятельностью. «Администрирование лишь разжигает фанатичность верующих и загоняет религиозную жизнь в подполье», – отмечал он, выступая в феврале 1964 г. перед партийными функционерами Среднеазиатских республик. Он также призывал не приукрашивать успехи в «борьбе с религией», основываясь лишь на числе закрытых молитвенных зданий, обращая внимание на существование многочисленных незарегистрированных (и не подконтрольных властям) религиозных общин. «Можно назвать много районов и городов, где закрыты все или почти все мечети и церкви, а количество людей, исполняющих религиозные обряды, очень большое», – подчеркивал Пузин⁶¹. Власти также уделяли большое внимание активистам религиозных общин. В 1960 г. СДРК разослал на места циркуляр, в котором пред-

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 165. Л. 22 об.

⁶⁰ Там же. Д. 1822. Л. 50

⁶¹ Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением...

писывал «выводить из состава исполнительных органов чрезмерно активных и энергичных людей», заменяя их на менее опытных руководителей⁶².

Вводились и ограничения на подготовку новых кадров духовенства. Так, у РПЦ в результате закрытия нескольких семинарий число выпускников, пополнявших ряды священнослужителей, сократилось с 1700 в конце 1950-х гг. до 750⁶³. Как отмечал в своем докладе в феврале 1964 г. Пузин, итогом работы «по сокращению подготовки кадров духовенства» стало то, что действовавшие духовные учебные заведения не восполняли естественную убыль духовенства, что вызвало у властей надежду, что священнослужители просто-напросто вымрут⁶⁴.

Дабы уменьшить число треб, во многих областях родители должны были лично расписываться в специальной книге, что они желают крестить ребенка. В других местах вводили специальные квитанции на церковные требы, где должны были стоять личные данные (Ф.И.О.) заказчика, после чего с ним проводилась «индивидуальная работа».

20 ноября 1958 г. Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств) направил в СДРК просьбу о проверке библиотек религиозных объединений на предмет изъятия антисоветской литературы⁶⁵. В феврале 1959 г. эта проверка началась. Ее результатом стало массовое изъятие «антисоветской», по мнению Уполномоченных СДРК, литературы в спецхраны Главлита.

31 августа 1959 г. была Главлитом утверждена инструкция «О порядке ввоза религиозной литературы», согласно которой запрещалось ввозить религиозную литературу религиозным организациям и деятелям, не входившим в особый список, который составлялся ежегодно СДРПЦ, СДРК и Советом по делам Армянской церкви. Первоначально список включал следующих лиц: Патриарха Алексия и митрополита Николая (Ярушевича (позже – митрополита Никодима (Ротова)) и католикоса Армянской церкви Вазгена. Позже к ним были добавлены еще три иерарха РПЦ, главы Духовных управлений мусульман Средней Азии и Европейской части СССР, глава Духовного управления буддистов, имам-хатыб Соборной мечети в Москве, председатель и генеральный секретарь ВСЕХБ (Всесоюзный совет

⁶² ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1758. Л. 60.

⁶³ Шкаровский М. Указ. соч. С. 376–377.

⁶⁴ Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением...

⁶⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 153.

евангельских христиан-баптистов) и два архиепископа лютеранской церкви.

Первые три сановных деятеля духовенства имели право также ввозить для личных потребностей предметы, необходимые для отправления религиозного культа. По просьбе СДРК в список были включены также республиканские Уполномоченные Совета в Прибалтике, которым требовалось знакомство с новейшей «антисоветской» литературой для успешной борьбы с подведомственными им конфессиями.

Все включенные в список священнослужители имели право ввозить по два экземпляра каждого наименования религиозной литературы. Тот же объем дозволялся иностранным туристам и возвращавшимся из-за рубежа обычным советским гражданам. «Излишки» конфисковывались (иностранцам их возвращали при выезде из СССР). «Антисоветская» литература поступала в спецхраны Главлита⁶⁶.

17 сентября 1960 г. в Инструкцию были внесены изменения. Отныне ввозить религиозную литературу для личного пользования могли лишь указанные в списке СДРК священнослужители и возвращавшиеся в СССР репатрианты. Невостребованная религиозная литература и предметы культа, изъятые Главлитом и таможней, хранились три месяца, после чего подлежали уничтожению⁶⁷.

В том же году были резко сокращены тиражи религиозной литературы – на 22 тыс. экземпляров. По всей вероятности, власти всерьез надеялись на то, что дефицит богослужебных книг приведет к падению уровня образованности священнослужителей, которое сделает их легкой добычей для агитаторов и лекторов⁶⁸.

Кроме того, был существенно пересмотрен список издававшейся литературы, откуда железной рукой было исключено все, что могло бы напоминать верующим о религии. В числе прочих, например, было запрещено издание «Книги скорбных песнопений» армянского поэта Григора Нарекаци под таким предлогом: «Издание литературы религиозно-мистического содержания большим тиражом может нанести ущерб в деле воспитания трудящихся республики».

В 1962 г. циркуляром Главлита всем типографиям СССР, кроме одной-единственной, было категорически запрещено печатать религиозную литературу, поскольку, по мнению главного цензора страны, «каждый лишний экземпляр подобного издания способствует рас-

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 195. Л. 21–25.

⁶⁷ Там же. Д. 217. Л. 136–137.

⁶⁸ Там же. Д. 195. Л. 24–25, 75, 116 об.

пространению религиозной идеологии». Но даже в этой типографии религиозная литература могла печататься только с визой редактора и цензора Главлита⁶⁹. Любые попытки обсуждать в печати «перекося» антирелигиозной кампании сурово пресекались.

Так, когда журнал «Наука и религия» кроме атеистической пропаганды начал обнародование фактов грубого администрирования, руководство Главлита выразило гнев и потребовало в феврале 1964 г. реорганизовать редакцию – фактически провести ее чистку под предлогом, что вместо «борьбы с тунеядцами» – в действительности с верующими и духовенством – сотрудники журнала «ударились» в розыск фактов, свидетельствующих о возвращении к вере бывших атеистов.

Начиная с 1959 г. вводились ограничения на изготовление предметов религиозного культа – свечей, куличей, мацы, крестиков, молитвенных ковриков и т. д.

Еще радикальнее были настроены комсомольские функционеры. Так, в апреле 1963 г. они предлагали придавать широкой огласке все случаи крещения, «создавая вокруг них атмосферу отчуждения». Таким образом предлагалось вновь вернуть большое число советских граждан в состояние людей второго сорта⁷⁰.

Для регулирования мероприятий антирелигиозной кампании было необходимо соответствующее уголовное законодательство. Его разработка проводилась в рамках нового Уголовного Кодекса.

21 марта 1959 г. после длительного обсуждения проект УК был передан в Комиссию законодательных предположений ВС РСФСР. Была создана специальная комиссия по рассмотрению этого проекта.

Статья 124 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» была окончательно принята на заседании комиссии, состоявшемся 3 ноября 1959 г. Ее текст звучал следующим образом: «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви – наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до ста рублей».

Тогда же комиссия приняла ст. 125 «Возбуждение религиозных суеверий», направленную против многочисленных святых мест, чудотворных гробниц, икон и др.: «Совершение обманных действий в целях возбуждения религиозных суеверий наказывается исправительными работами на срок до 1 года, или штрафом до 3000 рублей». Из статьи было исключено положение об обязательном извлечении

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 215. Л. 18–23; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 187. Л. 18, 84–85.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 32. Д. 1114. Л. 36.

какой-либо выгоды «от чудес», поскольку в таком виде она, вероятно, давала возможность многим священнослужителям доказать, что они не имеют прямой материальной выгоды. В дальнейшем эта статья не вошла в подготовленный проект УК, но отразилась в законодательстве некоторых союзных республик.

12 ноября состоялось специальное заседание комиссии, посвященное исключительно «религиозным» статьям Уголовного Кодекса. В качестве экспертов на него были приглашены главы СДРК Пузин (не явился) и СДРПЦ Карпов, а также юрисконсульт Советов А. Федулов. Карпов, не упустивший случая напомнить членам комиссии о необходимости строго надзирать за религиозными организациями, отметил, что не видит необходимости в создании специализированной статьи, посвященной сектам (что, в общем-то, понятно, поскольку это был не его профиль деятельности), но зато считает необходимым принятие статьи 124. При обсуждении этой статьи Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР С. Орлов подчеркнул, что она будет применяться исключительно к мирянам (как конкретизировал Карпов, – к родителям, принуждавшим детей ходить в церковь).

Разгорелось обсуждение – можно ли привлекать родителей к уголовной ответственности, не будет ли это опасно для семьи? Касаясь статьи о наказании за воспрепятствование совершению религиозных обрядов (ст. 125 по той нумерации УК), Карпов довольно цинично заметил, что она необходима в основном для иностранцев. Говоря о проекте статьи об ответственности за «возбуждение суеверий», председатель СДРПЦ заметил, что «таких примеров у нас много», но, по его мнению, для УК РСФСР эта статья не нужна, поскольку в РПЦ «чудеса», связанные, по его словам, либо со стремлением верующих открыть церковь, либо с желанием священника получить достойный церковный пост, совершались очень редко. Поэтому Карпов даже заявил, что видит необходимость введения статьи исключительно из-за деятельности неправославных и нехристианских конфессий. Тем самым он бросил камень в огород своего коллеги и соперника – председателя СДРК А. Пузина, отсутствовавшего на заседании.

Карпова поддержал Федулов. В своей речи в поддержку ст. 125 он развернул перед слушателями яркую картину якобы имевшего место нарушения «церковниками» советских законов. Вначале он рассказал о баптистах, покупающих здания под молитвенные дома на подставных лиц, а потом перешел на действия евреев. По мнению Федулова, иудаизм в корне отличался от других религий тем, что использовал синагоги в качестве трибуны и получал помощь от Израиля. Завершали эту тираду обличения католиков, «которые имеют свой центр не здесь, а в Риме».

На заседании комиссии, прошедшем 11 января 1960 г., был сформулирован текст статьи об ответственности за «изуверство» (на тот

момент это статья под номером 125 вместо исключенной статьи о «чудесах»). Текст звучал так: «Создание религиозной группы, проповедующей под каким-либо предлогом причинение вреда здоровью граждан или половую распущенность, а равно и руководство такой группой – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет со ссылкой на тот же срок или без ссылки». Круг осужденных по этой статье мог быть весьма широким, поскольку под причинением вреда здоровью вполне могли иметь в виду даже обычный пост. Указание на половую распущенность, вероятно, подразумевало такую секту, как хлысты (христоверы)⁷¹.

21 января 1960 г. статья 124 была переименована в 139-ю, 125-я – в 140-ю, 125«а» превратилась в статью 141, а позже и вообще исчезла из российского УК. И наконец, под номером 142 была включена статья «Создание религиозных групп, пропагандирующих причинение вреда здоровью граждан». 12 апреля 1960 г. номер статьи 142 изменился на 227, а название – на «Создание религиозных групп, деятельность которых сопряжена с причинением вреда здоровью граждан». Ее содержание звучало так: «Создание под прикрытием проповеди религиозного вероучения группы, деятельность которой сопряжена с причинением вреда здоровью или с половой распущенностью, а также руководство такой группой или вовлечение в нее несовершеннолетних – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет со ссылкой на тот же срок или без ссылки».

Таким образом, с одной стороны, власти поспешили исправить ошибку, которая могла бы вызвать международный скандал, что было для СССР, чрезвычайно заботившегося о своем имидже, весьма некстати. С другой – упоминание о вовлечении несовершеннолетних фактически возвращало ситуацию к вопросу об ответственности родителей, которых вполне могли осудить за «вовлечение в религию» собственных детей⁷².

После утверждения проекта УК РСФСР подготовительной комиссией, он был разослан для обсуждения. Руководство Комиссии законодательных предположений ВС РСФСР предложило сменить заголовок статьи 227, поскольку, по его мнению, он неизбежно стал бы ассоциироваться на Западе с подавлением свободы нетрадиционных религиозных культов.

Кроме того, свои соображения по поводу антирелигиозного законодательства изложил Верховный Суд РСФСР, приславший свои замечания к проекту УК 8 сентября 1960 г. Предлагалось изложить

⁷¹ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 183. Л. 41, 48–52, 83, 93, 99.

⁷² Там же. Л. 106.

текст статьи 227 «Причинение вреда здоровью граждан под прикрытием проповеди религиозного вероучения» в редакции: «Создание группы, деятельность которой под прикрытием проповеди религиозного вероучения сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью, а равно руководство такой группой или вовлечение в нее несовершеннолетних – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, со ссылкой или без нее». Такая редакция статьи открывала простор для самых широких толкований, поскольку не было четко прописано, что является причинением вреда здоровью граждан. Иначе говоря, руководителя религиозной группы можно было осудить за то, что кто-то из прихожан простудился во время богослужения.

В других замечаниях, представленных по результатам обсуждения от соответствующих инстанций и организаций, было даже предложено повысить санкцию по ст. 227 до 10 лет с конфискацией имущества. Мосгорсуд предлагал ввести статью об уголовной ответственности за совершение религиозных обрядов с привлечением детей, а также за их вовлечение в секту. Статью же об ответственности за воспрепятствование проведению религиозных обрядов Мосгорсуд предлагал вообще отменить, аргументируя это тем, что она, во-первых, чересчур неконкретна, а во-вторых, в стране, где церковь отделена от государства, «предоставлять уголовно-правовую защиту религиозным обрядам нецелесообразно».

Замминистра МВД РСФСР Б. Шумилов предлагал следующую формулировку ст. 227: «Всякого рода нелегальная деятельность религиозных сектантских групп <...> та же деятельность религиозных сектантских групп, повлекшая тяжкие последствия для общества или отдельных граждан, в том числе участников этих сектантских групп – организаторам лишение свободы до 5 лет с конфискацией имущества, или ссылка на срок от 2 до 5 лет, для остальных – общественное порицание или исправительные работы на срок от 6 месяцев до 1 года».

Член подготовительной комиссии М. Якубович предложил следующий заголовок «Ответственность за создание религиозной группы, причиняющей вред здоровью граждан, и вовлечение в эту группу несовершеннолетних»⁷³.

Новый УК РСФСР вступил в действие 1 января 1961 г. Но еще до этого «сверху» начали раздаваться требования об изменении законодательства в сторону ужесточения. 6 октября 1960 г. в ЦК КПСС была направлена записка «Об усилении борьбы с церковно-сектантским подпольем», подписанная председателем КГБ СССР

⁷³ Там же. Д. 153. Л. 219, 370.

А. Шелепиным, заместителем Генерального прокурора СССР А. Мишутиним, заместителем Председателя Верховного Суда СССР Н. Морозовой и председателем Юридической комиссии при СМ СССР А. Денисовым. Ссылаясь на «широкое возмущение общественности», авторы записки требовали введения в законодательство репрессивных антирелигиозных статей, обосновывая это тем, что «законодательство, регламентирующее деятельность религиозных обществ и групп (Постановление ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 г.), не содержит ни уголовных, ни административных санкций за нарушение требований об обязательной регистрации религиозных объединений, за организацию нелегальных сектантских групп», и это очень сильно мешает осуждать «сектантов». «Принятие такого закона даст возможность своевременно пресекать антигосударственную деятельность враждебных элементов, а также усилить профилактическую работу по разложению церковно-сектантского подполья и отрыву от сектантов честных советских людей, подпавших под их влияние по своей политической незрелости», – утверждали они.

Здесь же приводился вариант подобной статьи, намного превышающий то, что в конечном счете появилось в Уголовном Кодексе: «Посягательство под видом исполнения религиозных обрядов на личность и права граждан или побуждение их к отказу от исполнения своих гражданских обязанностей, а равно нарушение установленных законодательством правил о регистрации религиозных объединений и вовлечение граждан в незарегистрированные религиозные общины или группы, – наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, или ссылкой на тот же срок, или исправительными работами на срок до одного года. Если эти действия совершены впервые, и не представляют большой общественной опасности, к лицам, их совершившим, могут быть применены меры административного или общественного воздействия»⁷⁴.

Предложенный проект не был принят, но поползновения к ужесточению законодательства не прекратились. 27 января 1961 г. Л. Брежнев, занимавший тогда должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР, пишет записку Председателю Президиума Верховного Совета РСФСР Н. Органову с рекомендацией усилить уголовную ответственность за систематическую пропаганду религиозных обрядов, «причиняющих вред здоровью или посягающие на иные личные права граждан». Активным участникам таких групп предлагалось давать до трех лет лишения свободы и ссылку либо

⁷⁴ Архив НИПЦ «Мемориал»...

исправительные работы на срок до одного года⁷⁵. А наиболее радикальные Уполномоченные по СДРК, вроде Н. Ендакова из Ростова-на-Дону, вообще предлагали законодательно запретить всякое приобщение к религии несовершеннолетних⁷⁶.

20 июля 1962 г. ст. 227 была вновь изменена. Теперь она называлась «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов» и звучала так: «Организация или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или ссылкой на тот же срок с конфискацией имущества или без таковой. Активное участие в деятельности группы, указанной в части первой настоящей статьи, а равно систематическая пропаганда, направленная к совершению указанных в ней деяний, – наказываются лишением свободы на срок до трех лет, или ссылкой на тот же срок, или исправительными работами на срок до двух лет.

Примечание. Если деяния лиц, указанных во второй части настоящей статьи, и сами лица, их совершившие, не представляют большой общественной опасности, к ним могут быть применены меры общественного воздействия».

В Уголовных Кодексах республик Средней Азии наряду с названными были введены статьи, заменявшие и конкретизировавшие ст. 142. Уголовная ответственность полагалась за совершение обманных действий в целях возбуждения религиозных суеверий в массах населения, а также извлечения таким путем каких-либо материальных выгод (ст. 147 УК Узбекской ССР; ст. 262 УК Туркменской ССР); за принудительное взимание сборов в пользу мечетей, церквей и других религиозных групп и организаций или отдельных служителей культа, за понуждение к исполнению религиозных обрядов (ст. 147 УК Узбекской ССР; ст. 262 УК Туркменской ССР; ст. 143 УК Киргизской ССР; ст. 153 УК Таджикской ССР).

Пользуясь расплывчатостью формулировок ст. 142 и 227 УК РСФСР, местные чиновники «от идеологии» расширяли список «преступлений» до бесконечности. Так, краевая газета «Алтайская правда» в статье, касающейся деятельности евангельских христиан-

⁷⁵ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 26. Д. 185. Л. 48–49.

⁷⁶ Там же. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1416. Л. 176.

баптистов, называет уголовным преступлением даже присутствие детей на богослужении. «Ни один случай привлечения детей к молениям, – говорилось в этой статье, – не должен проходить баптистам безнаказанно»⁷⁷.

Довольно частыми были случаи, когда по ст. 227 осуждали не только (и не столько) активных участников религиозных групп, но и рядовых членов «сект» только за факт их принадлежности к запрещенным религиозным организациям, не зарегистрированным местными властями сектам и общинам либо в случае их исключения из официальной общины. Верховный Суд СССР, выступавший против подобной практики, был вынужден отменять приговоры нижестоящих судов в 1963–1964 гг. Из-за отсутствия в законе четких указаний о деятельности, подлежащей пресечению, судьи нередко квалифицировали действия, предусмотренные ч. второй ст. 227, частью первой.

По ст. 142 и аналогичным ей статьям в Уголовных Кодексах других республик в 1961–1964 гг. был осужден 101 человек, по ст. 227 – 1130 (по другим данным – 996) человек – представителей разных конфессий (православных, ИПХ, ИПЦ, баптистов, пятидесятников, униатов, католиков, иеговистов, мусульман, иудеев, буддистов)⁷⁸.

Как отмечал в начале 1964 г. Председатель СДРК А. Пузин, именно после «обновления» ст. 227 УК РСФСР ее применение существенно расширилось. При этом власти рассматривали судебные процессы по «религиозным» статьям как важнейший рычаг в борьбе с неподконтрольными религиозными организациями. Можно также говорить о стремлении использовать судебные процессы в антирелигиозной пропаганде⁷⁹. Очень много верующих привлекалось к ответственности как «тунеядцы» по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный и паразитический образ жизни», для чего ВС РСФСР выпустил 4 мая 1961 г. специальное разъяснение. Только в РСФСР по этому Указу было выслано 165 человек. В качестве «тунеядцев» нередко судили стариков-пенсионеров⁸⁰ либо рядовых рабочих и крестьян, вся вина

⁷⁷ Доклад А.А. Пузина на всесоюзном совещании Уполномоченных 25 июня 1964 г. URL: <http://weird.here.ru/lib/kults1.htm>

⁷⁸ Из них 218 – в РСФСР, главным образом в Сибири и на Дальнем Востоке.

⁷⁹ Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением...

⁸⁰ В основном членами церковных «двадцаток» были пенсионеры, поскольку, во-первых, это легче переносилось всеми отвечающими за идеологию органами, поскольку отвечало советской пропагандистской мифологии

которых заключалась в том, что они принадлежали к «секте». При этом решение о выселении часто принимал не суд, а внесудебный орган – собрание жителей квартала (внесудебные органы, имевшие право приговаривать «тунеядцев» к высылке в отдаленные районы на срок до пяти лет) или сельский сход. Впрочем, итог этих выслоек стал кардинально противоположным тому, на что рассчитывали их инициаторы. Ссылные сектанты немедленно начинали вербовку сторонников, превратив Сибирь, по словам одного из сотрудников ЦК ВЛКСМ, в сектантский заповедник.

Использовались также уголовные статьи о мелком хулиганстве и посягательстве на жизнь милиционера или народного дружинника. Нередки были случаи, когда местные органы власти под разными предлогами снимали общины с регистрации или отказывали им в регистрации, а потом привлекали руководителей этих объединений к судебной ответственности за нарушение закона «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» либо как «тунеядцев». Как правило, к подсудимым применялась самая тяжкая мера наказания, предусмотренная законом.

Религиозные общества часто вызывались в суд в качестве обвиняемых по делам о налоговой недоимке. В 1962–1964 гг. состоялось около 70 подобных процессов. Священнослужителей также признавали виновными в нанесении материального ущерба (15 дел) и причинении вреда здоровью верующих (три дела)⁸¹.

На Украине были тоже часто заводились дела об уклонении от службы в армии по религиозным соображениям. Весьма распространено было также лишение верующих родительских прав. Самые радикальные атеисты предлагали отбирать детей у всех верующих вообще и воспитывать их потом в специальных интернатах, а представителей наиболее «злостных» сект «изолировать от общества», не учитывая, что те и так находятся на положении ссыльных⁸². Наиболее специфичным было судопроизводство по данному вопросу в Закар-

о пожилых людях как об основных приверженцах религии (как раз наличие среди верующих молодежи обычно становилось поводом для беспокойства среди партийных идеологов), а во-вторых, пенсионеры были свободны от страха потерять работу в случае обнаружения их религиозности. Кроме того, преобладание среди верующих лиц старших возрастов часто использовалось при подаче жалоб и просьб об открытии молитвенных домов для «доказательства» того, что эти «идеологически вредные» акции будут иметь небольшую временную протяженность – пока не вымрет старшее поколение.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 851. Л. 34–35.

⁸² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 472. Л. 203.

пать. Там суды лишали священнослужителей прав за занятие священнической деятельностью на срок от трех до пяти лет⁸³.

Однако массовые суды не привели к желательному для властей результату, верующие не отошли от религии под угрозой репрессий. Скорее, наоборот, – они сплотились вокруг «новомучеников». А некоторые наиболее одиозные судебные решения так и не были выполнены. Например, 10 мая 1963 г. Народный суд г. Макеевки Донецкой области вынес решение о лишении родительских прав за воспитание детей в религиозном духе верующих-баптистов Нестеренко. У них было 10 детей. В течение года власти не решались привести этот приговор в исполнение, а затем он был и вовсе отменен, поскольку вызвал такое возмущение населения, что власть боялась осложнений⁸⁴. Осуждение владельцев домов, предоставлявшихся для молитвенных собраний, приняло такие масштабы, что СДРК был вынужден издать 19 апреля 1963 г. специальное разъяснение, согласно которому домовладельцев можно было привлечь к ответственности лишь в том случае, если можно было доказать, что он «тунеядец» и с помощью сдачи дома получает нетрудовые доходы⁸⁵.

Широкие масштабы приняло применение к верующим внесудебных репрессий. Собrania верующих разгоняли с помощью милиции, усиленной пожарными машинами. По всей стране верующих, а особенно активистов общин, выгоняли с работы лишь за то, что они верующие, и никуда вновь на работу не принимали. Огромные масштабы приобрела такая форма внесудебной расправы, как лишение верующих родительских прав на детей. Слишком строптивых, по мнению властей, верующих заключали в психбольницы.

Чиновники часто даже не скрывали, что считают такие действия нормальными и не остановятся до момента полной ликвидации верующих на своей территории любым путем, поощряя к тем же действиям своих подчиненных. О том, насколько распространенным были эти судебные и внесудебные формы преследования верующих, говорит следующая фраза А. Пузина, произнесенная им на совещании Уполномоченных в июне 1964 г.: «Если бы я сейчас попросил поднять руку тех из вас, в сфере деятельности которых нет подобного рода фактов, боюсь, что это сделали бы немногие».

Центрами гонений на верующих считались Белоруссия, Алтайский край, Брянская область, республики Средней Азии.

⁸³ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 188. Л. 92 об.

⁸⁴ Доклад А.А. Пузина на Всесоюзном совещании Уполномоченных 25 июня 1964 г. ...

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1407. Л. 104.

От родителей, желавших совершить религиозный обряд над детьми, требовали письменного заявления и предъявления паспорта, военного билета или справки исполкома местного Совета, удостоверяющей их личность. Но, поскольку эти требования, как признавали сами власти, не привели к снижению уровня религиозной обрядности, в некоторых областях подобные разрешения просто перестали выдавать.

М. Шкаровский и В. Цыпин отмечают, что по сравнению с кампаниями 1930-х гг. власти располагали гораздо менее ограниченным набором административно-репрессивных методов воздействия⁸⁶. Хотя, конечно, нельзя, как это делает В. Цыпин, говорить о том, что антирелигиозная кампания проходила «почти без арестов». Скорее, наоборот, – по количеству арестованных и осужденных это была одна из самых крупных кампаний в послесталинском СССР.

М. Шкаровский связывает подобные ограничения с необходимостью считаться с мировым общественным мнением⁸⁷, которое после публикации так называемого секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС было настроено по отношению к СССР достаточно критично. Но эта причина все же играла вспомогательную роль. Основным, видимо, было нежелание советского руководства начинать широкомасштабную репрессивную кампанию, что неизбежно привело бы к повышению роли спецслужб.

Антирелигиозная пропаганда была одной из важнейших составляющих борьбы с религией. В декабре 1958 г. ЦК КПСС издал директиву ВЛКСМ «Об организации воинствующей борьбы против религиозной идеологии». Во исполнение этой директивы по всей стране начала разворачиваться сеть научно-атеистического образования, которую составляли мероприятия по пропаганде научного атеизма – лекции, кружки, семинары для лекторов, вечерние школы и отдельные факультеты народных университетов. Вскоре сводки об антирелигиозной пропаганде стали похожи на материалы спецслужб. Появилось понятие антирелигиозных рейдов, в разных регионах были образованы опергруппы по пропаганде атеизма, а важное место в арсенале их работы занял отрыв верующего от общины путем его компрометации.

Основными приемами пропагандистов были: индивидуальная работа с верующими (прикрепление опытных агитаторов к каждой семье или человеку); сбор и обнародование материалов, компрометирующих служителей культа (Л. Ильичев и В. Москвитин специально

⁸⁶ Шкаровский М. Указ. соч. С. 10–11; Цыпин В. Указ. соч. С. 517.

⁸⁷ Шкаровский М. Указ. соч. С. 11.

рекомендовали это в письме от 16 июля 1959 г.); проведение лекций и т. д. Особую отрасль пропаганды составляли статьи в периодической печати (их количество колебалось от 345 до 460 в год, не считая статей в районных газетах, многотиражках и др.). Об их содержании и направленности может дать представление мнение авторов обзора по «религиозным» уголовным делам, составленного для Верховного Суда СССР в 1964 г.: «...Выступлениями печати создавалась нездоровая обстановка, раздавались призывы к обязательному осуждению, хотя для этого не было никаких оснований». Лучше всего о результатах подобной пропаганды высказался крупнейший советский сектовед А. Клибанов: «Мы сами превратились в секту – секту атеистов»⁸⁸.

Двумя постановлениями Президиума Академии наук СССР от 17 апреля и 9 октября 1959 г. при Президиуме был организован Научно-литературный совет по атеизму, призванный координировать издание научно-атеистической литературы, достигшее вскоре огромного размаха (издавалось около 300 наименований книг и брошюр в год общим тиражом 6 млн. экземпляров⁸⁹).

В некоторых местах дело борьбы с религией вылилось в прямое насилие над верующими. В Литве старообрядцам насильно сбривали бороды. В Иркутской области «антирелигиозная молодежь» отлавливала ссыльных «сектантов» из движения «Свидетели Иеговы» и заставляла их пить водку и ругаться матом. В Средней Азии в 1960 г. началась кампания против ношения паранджи. Для достижения положительного результата местное руководство пустило в ход все возможные средства. Традиционно одетых женщин не обслуживали в магазинах и парикмахерских, не пускали в общественный транспорт, а особо ретивые комсомольцы пытались сдирать паранджи со всех встречных женщин⁹⁰.

Важным направлением антирелигиозной пропаганды было внедрение новой обрядности. В обиходе появились такие праздники, как торжественное отмечание рождения ребенка, совершеннолетие (или получение паспорта), торжественная регистрация брака, мальчишники и девичники, посвящение в рабочие (в сельской местности – в хлебробы), день получения первой зарплаты, проводы в армию, праздники Русской березки, Весны, Урожая, Зимы.

Впрочем, верующие не отставали и изобретали свою новую обрядность. В сельской местности, в местах, где были закрыты все церкви,

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 851. Л. 25; Ф. 6991. Оп. 4. Д. 168. Л. 140.

⁸⁹ Шахнович М. Закат иудейской религии. М., 1965. С. 20.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1360. Л. 29 об.; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 77. Л. 19.

получило распространение новое религиозное венчание – новобрачные трижды обходили закрытую церковь, что заменяло торжественное венчание внутри нее⁹¹.

Направление партийной пропаганды в этой области регулировали такие постановления ЦК КПСС, как «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди трудящихся Сталинской области» (от 11 марта 1959 г.) и «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» (от 9 января 1960 г.). Последнее требовало от коммунистов «непримиримой борьбы с религиозными пережитками». Н.С. Хрущев, выступая в 1961 г. на XXII съезде КПСС, заявил: «Нужно строить систему научно-атеистического воспитания, которая охватила бы все слои и группы населения». В Уставе КПСС, принятом XXII съездом, одной из важнейших обязанностей коммуниста, как уже отмечалось, была провозглашена борьба с религиозными пережитками. В третьем номере журнала «Коммунист» за 1962 г. в статье главного идеолога партии М. Сулова религиозные идеи были поставлены в один ряд с туеядством, воровством, взяточничеством. Сулов категорически заявил о принципиальной невозможности существования марксизма и религии⁹².

По стране организовывалась сеть Домов научного атеизма, которые должны были служить базами для подготовки лекторов, большинство из которых подчас не имело ни малейшего представления о догматах критикуемой ими религии, довольствуясь пересказами из третьих рук. Для того чтобы они лучше знали «врага», в спецхранах библиотек этих Домов хранилась новейшая богословская литература. Но, несмотря на все эти ресурсы и учреждения, а также призывы к ведению боевой и наступательной пропаганды, очень часто работа велась исключительно среди атеистов, в то время как священнослужители обрабатывали верующих.

Начиная с 1960 г. при обкомах и горкомах появились Советы по атеистическому воспитанию, координировавшие все антирелигиозные мероприятия на подведомственной территории. Возглавлял этот орган заместитель заведующего соответствующего ОПиА компартии. Кроме него, в состав совета входили лекторы, консультанты Домов политпросвещения и Домов научного атеизма, «замзав» ОПиА комсомольской организации, редакторы основных газет, Уполномоченные СДРК и СДРПЦ, представители органов образования. В городах и сельских районах организуются комиссии содействия (комсоды).

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 32. Д. 1077. Л. 18; ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 66. Л. 245, 275; Д. 75. Л. 75; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 3. Д. 1552. Л. 22–23.

⁹² Алексеев В. «Штурм небес» отменяется?... С. 137–138.

Основной задачей этих комиссий являлось облегчение работы Уполномоченных в плане организации наблюдения за общинами (проще говоря, – слежки) на предмет нарушения ими законодательства о культах. Наряду с этим комиссии занимались составлением списков верующих, которых потом «обрабатывали» агитаторы. Первоначально предполагалось, что оптимальный состав комиссии содействия – 7–10 человек, но вскоре численность комсодов выросла почти в два раза. Нормальной численностью комиссии стало считаться 15–18 человек. При меньшей численности занятых там людей речь шла о недокомплекте.

В 1963 г. руководство КПСС попыталось усилить наступление на религию. На состоявшемся в июле 1963 г. Пленуме ЦК КПСС заведующий ОПИА, секретарь ЦК и претендент на место главного идеолога партии, Л. Ильичев в своем докладе призвал к развитию наступления на «одни из самых цепких пережитков прошлого». В ноябре появилось специальное постановление ЦК КПСС о внедрении новой обрядности. Идеологической комиссией под председательством Ильичева в декабре 1963 г. были разработаны «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», согласно которым предполагалось: широко развернуть преподавание научного атеизма, создав НИИ научного атеизма; ввести во всех гуманитарных вузах специальность «Преподаватель научного атеизма» и курсы «Основы научного атеизма» во всех остальных; расширить выпуск научно-атеистической литературы и фильмов, в том числе на языках национальных меньшинств; ввести строгий контроль за исполнением законодательства о культах и особенно «ограждать» детей и подростков от религии; «разобраться с состоянием религиозности в каждом населенном пункте и коллективе» и т. д.⁹³

В феврале 1964 г. свои предложения по атеистической работе с населением подготовил и ОПИА ЦК ВЛКСМ. Они включали в себя следующие пункты:

- 1) провести совещание в ЦК ВЛКСМ;
- 2) организовать Атеистический совет при ОПИА – направлять и координировать атеистическую работу комсомольских организаций;
- 3) подготовить письмо «Об усилении борьбы с религиозными крещениями»;
- 4) поручить издательству «Молодая гвардия» выпустить «Библиотечку атеиста»;
- 5) рассмотреть перспективный план научно-атеистической пропаганды;

⁹³ «О религии и церкви». М., 1965. С. 85–92.

б) обязать молодежные газеты регулярно выступать со статьями, разоблачающими религиозную идеологию и деятелей церкви, организовать систематические молодежные программы на радио и телевидении;

...

14) создавать в школах, на производстве, в колхозах лектории, клубы, кружки;

15) ввести в ЦКШ [Центральной комсомольской школе – аналог ВПШ] с 1964 /1965 учебного года курс «Основы научного атеизма»;

16) провести четыре зональных семинара: в Вильнюсе (католики), Узбекистане (ислам), Киеве (сектанты), Москве (православие);

19) внести в Юридическую комиссию законопроект о привлечении родителей к ответственности за насильственное приобщение детей к религии⁹⁴.

Позднее комсомольское руководство даже предлагало законодательно запретить любую деятельность религиозных объединений среди детей и подростков. В случае принятия подобного предложения произошла бы легализация имевших место практических действий Уполномоченных.

В дополнение к этим постановлениям 18 февраля 1964 г. появилось решение СМ СССР о внедрении новой обрядности. Был образован специальный Совет по внедрению во главе с А. Кругловым, председателем Юридической Комиссии при СМ РСФСР⁹⁵. Через три дня, 21 февраля 1964 г., появилось еще одно Постановление – «Об участии органов культуры в работе по атеистическому воспитанию населения», согласно которому кино, радио и литература должны были отдавать подавляющее большинство времени атеистической пропаганде.

В результате принятия этих нормативных актов начался последний, самый краткий и самый жесткий, этап антирелигиозной кампании. Это была попытка решить проблему путем, как тогда предпочитали говорить, «штурма небес». Даже Председатель СДРК А. Пузин, не отличавшийся большой любовью к подведомственным ему религиозным культам, в своем докладе на Всесоюзном совещании Уполномоченных в июне 1964 г. (речь о нем пойдет далее) признавал, что «в последнее время администрирование в отношении религиозных объединений и верующих приняло самые грубые формы и очень широкие размеры, что вызвало большое недовольство и озлобление верующих граждан СССР».

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 68. Д. 2. Л. 82–83.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 119. Л. 13.

О том, к чему приводило рьяное исполнение рекомендаций ЦК можно узнать из отчета секретаря Львовского промышленного обкома «О мероприятиях Львовского обкома в связи с усилением научно-атеистической пропаганды», датированного 30 апреля 1964 г. К пропагандистским мероприятиям были привлечены врачи, учителя и прочая городская интеллигенция. В ударном порядке начали закрываться церкви. Если за 1959–1963 гг. в Львовской области было снято с регистрации 323 религиозные общины, то за четыре месяца 1964 г. религиозная сеть области уменьшилась сразу на 62 единицы. Кроме того, было снесено 30 тыс. крестов и каплиц. Была создана спецшкола, готовившая кадры пропагандистов для наиболее «отсталых» районов, созданы специальные группы по изучению пропагандистской деятельности священнослужителей⁹⁶.

И так было повсюду. Антирелигиозный раж был настолько силен, что в качестве руководства к действию по применению ст. 142 использовалась не относившаяся к официальным источникам нормотворчества статья Ю. Розенбаума «Такой закон есть», опубликованная в журнале «Наука и религия» № 4 за 1964 г. год, в которой утверждалось, что ст. 142 УК РСФСР и соответствующие статьи Уголовных Кодексов других союзных республик могут служить основанием для привлечения к уголовной ответственности священнослужителей, совершающих религиозные обряды над детьми без согласия родителей. Если бы не то обстоятельство, что антирелигиозную кампанию начали в скором времени сворачивать, количество осужденных по этой статье вполне могло бы вырасти на порядок.

В наиболее тяжелом положении оказались так называемые сектанты – баптисты, пятидесятники, Свидетели Иеговы и пр. Впрочем, нельзя сказать, что положение представителей других конфессий было лучше. Их, как заметил Председатель СДРК А. Пузин, «не судят как сектантов, да в печати не так грубо ругают, а во всем остальном администрирование по отношению к ним приобретает часто столь же недопустимые формы, как и в отношении сектантов».

По воспоминаниям очевидцев, в мордовских лагерях для политзаключенных находились представители баптистов, христианских сионистов, пятидесятников, униатов, литовских католиков и членов ИПЦ-ИПХ.

Общая демонизация пропагандистами религии и верующих привела к тому, что многие религиозные праздники нарушали буйные толпы антирелигиозной молодежи, врывавшиеся в храмы и пытавшиеся сорвать богослужение. После прекращения антирелигиозной

⁹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 237. Л. 41–44.

кампании властям даже приходилось некоторое время охранять храмы с помощью конной милиции.

Все это, вместе взятое, привело к росту ожесточения со стороны верующих. В Москву хлынул поток жалоб, многие из которых подписывали сотни людей, и ходяков, искавших в столице справедливости. Возмущение охватило не только верующих, но и неверующих, часть из которых, возможно, увидела в этой кампании возвращение к сталинским временам⁹⁷. Кроме того, притеснения верующих стало уже абсолютно невозможно скрывать от зарубежного общественного мнения, и весь с таким трудом выстроенный имидж СССР грозил рухнуть. Страсти накалились настолько, что уже спустя несколько месяцев после начала реализации «Предложений...» власти решили пойти на попятную, не желая усиливать недовольство населения, которое и без того относилось к правительству весьма негативно. Первой на этом пути стала Украина, как и семь лет назад использованная в качестве полигона. ЦК КПУ принял специальное постановление «О фактах грубого администрирования некоторых местных органов власти по отношению к верующим»⁹⁸. 14 мая 1964 г. было издано официальное письмо республиканского Уполномоченного по СДРК под тем же названием, после чего страсти там слегка поутихли.

СДРПЦ и СДРК было приказано произвести проверку подлинности фактов, изложенных в жалобах. Большинство из них оказались, даже на взгляд весьма пристрастных чиновников от религии, абсолютно достоверными. В составленной Советами докладной записке фигурировали многочисленные факты грубого администрирования: незаконное закрытие молитвенных домов; отказ в регистрации и снятие с регистрации религиозных общин; незаконные обыски в молитвенных домах и квартирах верующих; разгон молитвенных собраний верующих силами милиции, дружинников, пожарных команд и т. д.; увольнение верующих с работы; незаконное привлечение верующих, главным образом – так называемых сектантов, к судебной ответственности. В ЦК КПСС было экстренно созвано совещание, посвященное борьбе с «перегибами».

По его итогам 24–25 июня 1964 г. в Москве состоялось последнее за этот период Всесоюзное совещание Уполномоченных. Центральным пунктом этого мероприятия был доклад Председателя СДРК А. Пузина, основными положениями которого было следующее.

⁹⁷ Этот факт может объяснить природу распространившегося среди интеллигенции слуха, что если бы Хрущева не сместили в ноябре 1964 г., то стране ожидало бы повторение массовых репрессий.

⁹⁸ Шкаровский М. Указ. соч. С. 388.

Борьба с религией является неразрывной составной частью работы по коммунистическому воспитанию трудящихся. При этом основное внимание должно было быть обращено на детей и подростков, поскольку «вопрос о детях – это вопрос жизни и смерти церкви. Церковь умрет, если ей не удастся овладеть душами подрастающего поколения». Однако борцам с «религиозным дурманом» стало не хватать существующего законодательства о культах, и они очень часто стали действовать, выходя за его рамки.

Затем в докладе были перечислены примеры насилия над верующими, часть которых приведена выше. Кроме того, председатель СДРК, впервые с момента введения ст. 227 УК РСФСР, дал четкое толкование понятиям «причинение вреда здоровью граждан» и «иные посягательства на личность или права граждан». Он отнес к этому такие действия: «изнурительные моления, доводящие иногда до психических заболеваний; длительные посты, которые доводят до крайнего истощения и тяжелых заболеваний; побои и другие насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли, телесных повреждений, нарушением нервной деятельности; запрещение обращаться к врачам, пользоваться профилактическими прививками; лишение свободы, например, заточение в изолированных помещениях; запрещение детям посещать школу и т. п.». Было четко указано, что религиозное воспитание несовершеннолетнего в семье не является уголовным преступлением, если оно не сопровождается побоями и др., поскольку оно не связано с вовлечением его в группу.

Нельзя сказать, что Пузин внезапно стал сторонником свободы совести или апологетом церкви. Он продолжал заявлять о грубых нарушениях законодательства о культах верующими и духовенством, имея в виду их попытки не отталкивать детей и подростков, приходящих в храмы. В разделе своего доклада, озаглавленном «О некоторых неправильных толкованиях уголовной ответственности», он обрушивается на «неправильный» комментарий юристов Ленинградского университета к ст. 142, согласно которому преподавание малолетним и несовершеннолетним основ религии является уголовно наказуемым лишь в случае, если это преподавание ведется «в государственных или общественных учебных заведениях (в частности, в школах)». «Выходит, что преподавание религиозных вероучений вне школы, например, в молитвенном помещении, в доме священника и т. п., не влечет уголовной ответственности», – возмущался Председатель СДРК. Впрочем, в этом же разделе он подверг критике и чиновников, считавших уголовным преступлением даже присутствие детей на богослужении.

Пузин также раскритиковал «некоторых Уполномоченных», уделяющих слишком много времени антирелигиозной пропаганде в

ущерб основной работе, тем самым дав понять, что знак равенства, который ставился между этими двумя понятиями в предыдущие годы, исчез. Особое возмущение у него вызвал тот факт, что из-за разглашения Уполномоченными тех сведений, которые они получали от своих контрагентов в конфиденциальном порядке, сети СДРК по сбору информации о положении внутри общин грозило полное разрушение. Совещание приняло резолюцию о борьбе с «перегибами» в отношении верующих. Основной задачей Уполномоченных, как и 10 лет назад, стало исправление перегибов (и наказание тех, кто исправляться не желал) и помощь партийным организациям в индивидуальной работе с верующими⁹⁹. А чтобы Уполномоченные не думали, что это обычная руководящая блажь, был установлен специальный трехмесячный срок, по истечении которого они должны были представить отчеты о принятых мерах.

Кроме того, доклад Пузина помимо Уполномоченных также был разослан местным управлениям Министерства охраны общественного порядка (так называлось тогда МВД). Еще одно совещание-семинар по вопросам улучшения организации и содержания научно-атеистической антирелигиозной пропаганды, на котором также были подвергнуты критике многочисленные «перегибы», состоялось в Москве 15–17 сентября 1964 г.

И наконец, в октябре 1964 г. было проведено совещание в Верховном Суде СССР «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам, связанным с нарушениями социалистической законности». В частности, было признано, что обучение детей религии со стороны родителей не подпадает под ст. 227 УК РСФСР, поскольку по декрету СНК РСФСР 1918 г. было провозглашено, что «граждане могут обучать и обучаться религии частным образом». По результатам совещания было принято Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1965 г. «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих», согласно которому осужденные по ст. 142 и 227 УК освобождались. Постановление Президиума Верховного Суда СССР от 14 апреля 1965 г. «О работе судов РСФСР в отношении служителей культа, участников сект и других религиозных организаций и групп» конкретизировало формы и методы применения «религиозных» статей Уголовного Кодекса.

Таким образом, сворачивание антирелигиозной кампании началось еще до смещения Н.С. Хрущева с руководящих постов, а не

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 4. Д. 168. Л. 12; Доклад А.А. Пузина на Всесоюзном совещании Уполномоченных 25 июня 1964 г. ...

после его отстранения, как традиционно считается¹⁰⁰. Можно лишь предполагать, что отставка Хрущева ускорила этот процесс.

Антирелигиозная кампания, направленная на выкорчевывание религии как «пережитка прошлого», в общем и целом окончилась неудачно. Советской власти и ее пропагандистскому аппарату не удалось, несмотря на массовое закрытие молитвенных домов, осуществить снятие с регистрации общин, репрессии против верующих и служителей культа, ввести ограничения в производстве предметов культа и функционирования духовных учебных заведений, кампании в печати, уничтожить религию как общественное явление (например, в РСФСР в 1960–1962 гг. было закрыто 2 тыс. молитвенных домов, а количество проводимых религиозных обрядов, по официальным данным, снизилось всего на 2%)¹⁰¹. Судебные репрессии не ослабили, а, наоборот, сплотили религиозные организации.

В дальнейшем советское руководство выбрало линию на постепенную инкорпорацию конфессий в свою систему, когда власти интересовало не столько закрытие общин, сколько их лояльность действующему порядку.

¹⁰⁰ Шкаровский М. Указ. соч. С. 389; Цыпин В. Указ. соч. С. 520.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 1М. Оп. 32. Д. 1114. Л. 10.

А.Ф. Степанов

КАЗАНСКАЯ ЕПАРХИЯ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ НА РЕЛИГИЮ И ЦЕРКОВЬ (ПО ДОКУМЕНТАМ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РПЦ ПО ТАТАРСКОЙ АССР)

Годы правления Н.С. Хрущева характеризуются не только «оттепелью», критикой «культы личности» Сталина и новациями в разных сферах жизни, но и контрреформами, затруднившими дальнейшее развитие государства и создание предпосылок для его антитоталитарного преобразования в будущем.

Достаточно назвать ликвидацию промысловой кооперации (1956 г.), ограничения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и сохранившегося мелкого и мельчайшего частного предпринимательства в городах в начале 1960-х гг., а также ликвидацию машинно-тракторных станций (МТС), которая затруднила социальную мобильность в деревне, возможности выстраивания индивидуальных жизненных стратегий сельских жителей.

В ряду контрреформ следует рассматривать и кампанию против Российской Православной Церкви (РПЦ) и верующих всех религиозных конфессий СССР, начавшуюся в 1958 г. и продолжавшуюся до осени 1964 г.

В данной статье антирелигиозные акции властей рассматриваются на примере православной Казанской епархии на территории Татарской АССР.

С 1947 г. и до начала гонений в Казанской епархии было 15 действующих храмов: 14 церквей и молитвенный дом (МД). В г. Казани действовали две церкви, еще одна работала в пригородном с. Азино-Царицыно, которое в конце 1950-х гг. было включено в городскую черту.

К началу 1954 г. в штате Казанской епархии было 25 священников и пять диаконов, из них в возрасте 41–55 лет – шесть человек, старше 55 лет – 24. В диаконы был посвящен один человек.

Число священнослужителей по состоянию на 1 января 1955 г. увеличилось до 27 (14 – в городах). В 1953–54 гг. умерло трое священ-

ников и диакон. Было одно посвящение в сан. В г. Казани служили восемь священников и четыре диакона, в г. Чистополе – три священника и диакон, в г. Мамадыше – два священника.

В начале 1957 г. было 25 священников и семь диаконов. Число священнослужителей в возрасте 41–55 лет увеличилась до 11 (посвящено в священники два человека), старшая группа сократилась до 22: один священник умер.

По состоянию на 1 января 1958 г. было 27 священников и шесть диаконов, из них в возрасте 41–55 лет – 11, старше 55 лет – 23 человека.

На 1 января 1959 г. было 29 священников (19 – в городах и 10 – в селах) и семь диаконов, в том числе от 27 до 40 лет – четыре, от 41 до 55 лет – восемь, старше 55 лет – 25, в том числе 20 – в возрасте от 64 до 83 лет. Вновь посвящено в сан было трое, оставили службу двое¹.

В то же время в ТАССР на 1 июля 1956 г. было зарегистрировано еще 19 религиозных общин: 14 мусульманских, три МД евангельских христиан-баптистов и два – старообрядческих с 13 зарегистрированных СРК, а на 1 января 1959 г. – 15 служителей религиозного культа: 11 мулл, три протестантских пресвитера и священник-старовер².

Ходатайства верующих об открытии церковей продолжались как в 1953–1954 гг., так и в последующие годы. За 1953 год поступило всего 19 заявлений и было 30 посещений и. о. Уполномоченного Совета по делам РПЦ (СД РПЦ) Гаты Сафина³ из г. Бугульмы, г. Елабуги и пяти сел ТАССР, за 1954–55 гг. – делегаты из еще 12 других сел республики⁴.

Жизнь религиозных конфессий достаточно жестко контролировалась. Например, 10 марта 1953 г. Гата Сафин сообщал председателю СД РПЦ Г. Карпову, что к нему обратились члены Казанского епархиального управления с просьбой о разрешении покупки частного дома под квартиру архиерея и канцелярию епархии. Канцелярия находилась в сторожке кладбищенской церкви в г. Казани, которая, по мнению Сафина, «является достаточной и вполне соответствует». Дом с квартирой архиерея (ул. Лесгафта, д. 40, впоследствии снесен) имел во дворе кирпичный гараж, построенный в 1952 г. При посещении Сафина секретарь епархиального управления Н. Евтропов и ар-

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 11. Л. 99, 104, 108, 132, 149, 155, 164, 168.

² Там же. Д. 16. Л. 94, 239.

³ С конца 1952 г. в ТАССР не было Уполномоченного Совета по делам РПЦ; его обязанности до выхода на пенсию в 1959 г. исполнял Уполномоченный Совет по делам религиозных культов Гата Сафин.

⁴ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 5. Л. 97–99, 108–111, 115–119.

хиерархия уточнили, что желательно иметь во дворе дома архиепископа сад, а развести его «нет земельного участка». Сафин был настроен против покупки нового дома и запросил указания центра.

Совет по делам РПЦ уже через неделю, 18 марта, сообщил Сафину, что «будет более целесообразным разрешить епархиальному управлению покупку дома, чем отказать. По опыту работы известно, что всякие накопления денежных средств духовенство обычно использует на личное обогащение, что в то же время не может не служить своего рода приманкой для других лиц встать на путь церковной деятельности. В данном случае дом, на покупку которого будут израсходованы церковные средства, и сад, который намерено епархиальное управление развести, – **все это в конечном счете поступит в фонд коммунального городского хозяйства**»⁵ (выделено нами. – А.С.).

С начала 1953 г. правящим архиереем Казанской епархии стал епископ (с 25 февраля 1954 г. – архиепископ) Иов (Кресович), который на два года сохранил за собой управление Чебоксарской и Чувашской епархиями, где его очень почитали. С декабря 1957 г. он стал управлять еще и Марийской епархией⁶. Об архиепископе Иове Г. Сафин отмечал в отчете за 1955 г., что его деятельность была направлена «на увеличение количества верующих и их активизацию», что Иов «старается укрепить состав священников и диаконов», производит перемещения священнослужителей и посвящения в сан.

Иов во время своих посещений Сафина «неоднократно поднимал вопрос о необходимости открытия в городе Казани дополнительной церкви», но неизменно получал отказ. Иов «очень часто сам лично проводит церковную службу и выступает перед верующими фанатично. Заметно, что его выступления особенно влияют на верующих, которые посещают церковь постоянно... В результате активной религиозной деятельности архиепископа Иова за последние годы стало заметно увеличение фактов крещения детей, и имеются случаи крещения подростков»⁷. Увеличить число действующих хра-

⁵ Там же. Д. 11. Л. 94; Д. 15. Л. 9.

⁶ Подробнее об архиепископе Иове (Кресовиче) см.: Архиепископ Иов (Кресович): Некролог // Журнал Московской Патриархии (далее – ЖМП). 1978. № 3; Липаков Е.В. Архипастыри Казанские. 1555–2007. Казань, 2007. С. 397–406; Пидгайко В.Г. и др. Иов (Кресович) / В.Г. Пидгайко, Е.В. Липаков, Н.П. Зимица // Православная энциклопедия. Т. XXV. М., 2010. С. 310–312; Степанов А.Ф. Пастырь добрый и грешный. Casus Иова (Кресовича), архиепископа Казанского и Марийского // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2016. Вып. 26 (в печати).

⁷ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 11. Л. 119, 120–121, 150–151.

мов Иову не удалось, так же как и количество зарегистрированных священнослужителей.

Но при Иове увеличилось число верующих, посещавших храмы, а также количество требоисполнений. Выросли и доходы епархии. Правда, гражданские власти старались аккумулировать «излишек» денежных средств, предлагая обоим казанским приходам заводить сберкнижки на предъявителя и покупать в больших количествах облигации госзаймов. Это способствовало улучшению финансовых показателей райфинотделов и выполнению ими планов по привлечению денежных средств. Впоследствии в период «погрома и натиска» на Казанскую епархию следование этой политике местных властей будет поставлено руководству епархии в прямую вину.

Значительные средства тратились епархиальным начальством на ремонт церквей и иконостасов, в казанских церквях пели большие платные хоры. Иов много времени уделял поиску диаконов с хорошими голосами, поскольку они «украшают церковь и церковную службу». Прожив жизнь при четырех режимах, не считая периода Гражданской войны, и служа при трех епархиях, архиепископ Иов старался тесно взаимодействовать с гражданскими властями и довольно откровенно вел с ними беседы о проблемах епархии: престарелое духовенство, поиск более молодых священнослужителей, укрепление сельских приходов и т. д. Иов много служил сам и много проповедовал, был любим верующими. Он установил «дежурных» священников в обеих казанских церквях для крещения детей во второй половине дня. Естественно, это не понравилось местному республиканскому руководству.

Вновь назначенный в 1959 г. Уполномоченным СД РПЦ бывший зампред. КГБ ТАССР кадровый чекист А. Диульский рьяно взялся за дело выявления малейших нарушений законодательства со стороны духовенства и епархиальных служб, а также занялся выяснением возможностей сократить финансовые доходы Казанской епархии. В частности, он произвел обследование работы епархиальной свечной мастерской и «выявил» способы снижения работниками себестоимости производства свечей, в том числе за счет использования неучтенных свечных огарков. Но главная задача состояла в поиске путей дискредитации духовенства Казанской епархии и ее руководства.

Как известно, в начавшейся с рубежа 1957–1958 гг. кампании по ослаблению религии и Церкви в СССР свою роль сыграла чекистская операция по дискредитации служителей религиозного культа. За короткий период времени вслед за профессором Ленинградской духовной академии Осиповым около 200 связанных с КГБ священ-

нослужителей отреклись от сана⁸ с непременным опубликованием своих заявлений в советской печати.

Кампания эта не обошла стороной и Казанскую епархию. Так, в декабре 1959 г. диакон чистопольской кладбищенской церкви Тюшев публично порвал с религией и напечатал соответствующее заявление в районной газете «Знамя коммунизма»⁹. В большой статье автор сообщал, что как диакон получал зарплату в 5 тыс. рублей в месяц, но хотел бы честно работать на советской службе, естественно, при много меньшей зарплате. Диакон-расстрига «забыл», правда, упомянуть, что, когда ему начислили за IV квартал (срок уплаты 15 ноября 1959 г.) авансовый платеж в сумме 7886,5 рублей при зарплате в 5 тыс. рублей, он *сам* попросил денежной помощи у епархии, которая и была ему оказана в размере 4 тыс. рублей. Еще ранее за счет ссуды Казанской епархии Тюшев погасил свою недоимку в Саранской епархии в размере 10 тыс. рублей¹⁰.

«Неожиданно выяснилось», что находящиеся на твердом окладе казанские и чистопольские священники получают по 6 тыс. рублей в месяц (72 тыс. рублей в год), диаконы – по 5 тыс. (по 60 тыс.), а псаломщики – по 2 тыс. рублей в месяц (24 тыс. рублей в год).

Архиепископ Иов получал 20 тыс. рублей в месяц (240 тыс. рублей в год). Эта зарплата складывалась из 5 тыс. рублей за управление епархией и дважды по 7500 рублей – за службу в обеих казанских церквах, относительно чего им были заключены соответствующие договоры с обоими церковными советами. Иов действительно служил много – во все воскресные и праздничные дни.

Напомним, что, согласно данным статистики, среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве с добавлением выплат и льгот, получаемых из общественных фондов, составляла: в 1958 г. – 778–1044 рублей; 1959 г. – 790–/1067; 1960 г. – 801–1077; 1963 г. – 87,6 рублей (здесь и далее – в новых деньгах 1961 г.); 1964 г. – 90,1–/121; 1965 г. – 95,6 рублей (в ТАССР в 1965 г. – 89,2 рублей)¹¹.

⁸ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 370. Все отступники были извергнуты из сана и отлучены от Церкви Святым Синодом 30.12.1959.

⁹ См.: Тюшев Т. Почему я порвал с религией // Знамя коммунизма (Чистополь). 17.01.1960. См. также: Троицкий А. Я порываю с церковью // Советская Татария. 14.03.1961.

¹⁰ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 20. Л. 63–64, 66.

¹¹ Народное хозяйство СССР в 1964 г.: стат. ежегодник. М., 1965. С. 555; Народное хозяйство СССР в 1965 г.: стат. ежегодник. М., 1966. С. 567; Народное хозяйство Татарской АССР за 60 лет: юбилейный стат. сборник. Казань, 1980. С. 87.

Здесь необходимы пояснения. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. о подоходном налоге с населения доходы священно- и церковнослужителей приравнивались к доходам некооперированных кустарей и ремесленников («частников») и облагались по повышенной налоговой ставке. Так, псаломщик должен был заплатить 8586 рублей годового налога (35,78%), диакон - 31 546 (52,6%), священник - 40 266 (55,9%), правящий архиерей - 159 346 (66,4%). Налог платился поквартально, платежи были приурочены к 15 марта, 15 мая, 15 августа и 15 ноября текущего года. Получалось, что, например, псаломщик с 4 тыс. рублей дохода за первые два месяца текущего года должен был заплатить в качестве первого взноса 2146,5 рублей, оставляя себе в среднем по 745,4 рублей в месяц, что было даже ниже средней зарплаты по стране. При такой налоговой нагрузке казанский священник получал бы в среднем в месяц не 6 тыс. рублей, а 2644,5 рублей, что, конечно, превышало уровень зарплаты большинства рабочих и служащих, но при тогдашнем низком уровне жизни и неработающей попадье было не столь уж высоким.

Все дело в том, что примерно с 1947 г. по приказанию правящего епископа Гермогена (Кожина) налоги за казанских священно- и церковнослужителей выплачивались за счет Казанской епархии¹². Архиепископ Иов не стал ломать сложившейся традиции, тем более что доходы Казанской епархии росли. Деньги выдавались священнослужителям также в виде ссуд на покупку домов и безвозмездно - по 1 тыс. рублей - на празднование именин. Поскольку новые храмы открывать было запрещено, а число требоисполнений не уменьшалось и даже несколько выросло, на банковских счетах епархии к концу 1950-х гг. образовался неиспользуемый избыток в размере 3 млн. рублей. Еще 324 900 рублей были размещены на 10 сберегательных книжках на предъявителя, а 244 800 рублей пошли на принудительную покупку облигаций 3%-ного займа. Все эти средства и облигации госзайма по приказанию уполномоченного А. Диульского в 1960 г. были переданы государству¹³.

После «разоблачения» диакона-расстриги Тюшева, состоящего в том, что трое священников и диакон чистопольской кладбищенской церкви помимо окладов, получаемых ими за церковные службы и исполнение треб, имеют дополнительные доходы (налоговые платежи), которые они скрывают от налогового обложения, чистопольский горфинотдел произвел перерасчет сумм причитающегося с этих лиц

¹² НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 20. Л. 38.

¹³ Там же. Д. 20. Л. 15-16, 20, 66, 186; Д. 22. Л. 5.

подходного налога, в результате чего с них было взыскано за 1958 и 1959 гг. дополнительно 109 тыс. рублей налога. В сложившейся ситуации архиепископ Иов собрал в конце января 1960 г. казанских священнослужителей и повелел начать платить подходный налог из своих заработков, начиная с доходов за последний квартал 1959 г.¹⁴ Но было уже поздно.

Как отмечал 26 марта 1960 г. в донесении председателю СД РПЦ В. Куроедову татарстанский уполномоченный А. Диульский, «**в полном контакте с соответствующими органами** и при участии финансового аппарата было проведено разоблачение руководителей епархии и служителей культа в злоупотреблениях с церковными суммами и в невыполнении ими законов о налоговом обложении. Было доказано, что архиепископ Кресович, установив себе зарплату в 20 000 рублей в месяц, на протяжении ряда лет для уплаты подходного налога брал деньги из церковной кассы. Кроме того, ежемесячно присваивал себе из той же кассы по 35 000 рублей (на представительские расходы и содержание епископии. – А.С.). В обоих случаях без какого бы то ни было документального оформления. С его ведома для уплаты налогов священники, диаконы и псаломщики двух казанских церквей получали из церковной кассы деньги также без документального оформления, в чем они сознались и письменно подтвердили.

Горфинотдел в соответствии с Законом начислил к уплате дополнительный налог (только за последние два года) на 15 служителей культа в сумме 1 391 342 рубля, в том числе архиепископ Кресович должен будет уплатить 790 154 рубля. Выяснилось, что на содержание одного Кресовича расходуется в год до миллиона рублей церковных средств.

Необходимо отметить, что Кресович в своей церковной деятельности стремится разжечь религиозный фанатизм среди населения, увеличить количество прихожан и доходы духовенства. Находясь в Казани, Кресович в целях расширения влияния церкви на население практикует частые архиерейские службы с привлечением большого количества священников, диаконов и иподиаконов. Удвоил численный состав хора церковных певчих. Значительные средства расходует на создание т. н. благолепия в церквях. Имели место случаи, когда по указанию Кресовича в церквях читались акафисты Св. Гурью, по существу, разжигающие национальную вражду между русскими и татарами. Указанные факты пресечены и Кресович был строго предупрежден.

¹⁴ Там же. Д. 20. Л. 28; Д. 22. Л. 14.

В сложившейся обстановке возникает вопрос о смещении Крещовича с поста правящего архиерея, что целесообразно будет осуществить после полного его разоблачения и взыскания налогов, причем для замещения этой должности на месте имеется возможность подобрать кандидата»¹⁵ (выделено нами. – А.С.).

Выскажем предположение, что «соответствующие органы», скорее всего, знали о практике денежной помощи епархии в выплате подоходного налога казанскими церковнослужителями. Как отмечал позднее Уполномоченный А. Диульский, «аналогичные конкретные материалы были получены и соответствующими органами»¹⁶. Однако «органы» в прежние годы руководствовались прямым указанием И.В. Сталина «не смотреть в карман церкви и духовенства, так как это испортит отношения между Советом (по делам РПЦ. – А.С.) и церковным центром и другими руководящими деятелями церкви, и считать это компетенцией органов Министерства финансов <...> и обеспечить <...> право архиерея распоряжаться церковными суммами»¹⁷. Новая политика в отношении религии и Церкви требовала новых решений.

Интересно и другое. Архиепископ Иов был арестован 24 апреля, а всего лишь за месяц до этого Уполномоченный СД РПЦ по Татарской АССР не предлагал его арестовать, а намечал просто сместить с должности. Инструкция Минфина СССР от 16 января 1956 г. № 20 допускала, что «показание в декларации (о доходах. – А.С.) заведомо неверных сведений влечет за собой ответственность в уголовном порядке», но действующая практика, видимо, таких примеров не знала. По крайней мере, выписка из упомянутой инструкции была направлена Уполномоченным Диульским начальнику следственного отдела Прокуратуры ТАССР по его просьбе только 10 мая 1960 г. Более того, неплательщики привлекались к погашению налога «не более чем за два предшествующих года»¹⁸. Следовательно, решение о проведении репрессии в отношении архиепископа Иова, скорее всего, принималось «на самом верху».

24 апреля 1960 г., в день ареста архиепископа Иова, в центральной республиканской газете «Советская Татария» была опубликована огромная статья «Казанские “отцы духовные” и их дела греховные», в которой излагались основные положения обвинительного заклю-

¹⁵ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 20. Л. 22–23.

¹⁶ Там же. Д. 29. Л. 9.

¹⁷ Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 898.

¹⁸ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 22. Л. 8.

чения в адрес архиепископа Иова. «Поступки казанских служителей культа, их разгульный образ жизни, разврат, царящий под сенью церковных сводов, показывают, чего стоят утверждения религии, будто она является защитницей высокой морали и нравственности, – утверждалось в статье. – ...В народе говорят: “Каков поп, таков – приход”. Черные дела казанских священнослужителей творятся с ведома и при попустительстве архиепископа Иова»¹⁹.

17–18 июня 1960 г. архиепископ Иов (В.А. Кресович) был осужден Верховным Судом Татарской АССР по статье 169 части II УК РСФСР к трем годам лишения свободы с конфискацией имущества на сумму 290 тыс. рублей несмотря на то, что начисленная ему сумма неуплаченного налога – 790 154 рубля – была им уплачена еще до суда (его дети продали свой дом в г. Львове и внесли соответствующую сумму)²⁰.

В нашем распоряжении нет материалов суда или хотя бы репортажа из зала судебного заседания. Известно только, что адвокат обвиняемого просил переквалифицировать обвинение со статьи 169 части II УК РСФСР («мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному учреждению» – наказание до пяти лет лишения свободы с конфискацией имущества) на статью 62 части I («организованное по взаимному соглашению сокрытие или неверное показание количества подлежащего обложению и учету предметов» – лишение свободы до 2 лет с конфискацией или штраф в пятикратном размере), но суд остался на своих позициях, правда, срок наказания оказался не максимальным – три года лишения свободы с конфискацией имущества²¹.

Как бы ни было несправедливо тюремное заключение архиепископа Иова в казанской тюрьме, прегрешения перед Законом с его стороны, несомненно, были. Тем не менее приведенные факты отнюдь не отменяют правильности вывода современных исследователей, что «приговор Иову был показательной акцией властей, которая имела целью запугать архиереев, не согласных с ситуацией в стране, т.к. любой из них мог быть осужден по подобному обвинению. Суд над Иовом стал одним из знаковых событий в наступлении Совет-

¹⁹ Куприянов Ю., Николаев Ю. Казанские «отцы духовные» и их дела греховные // Советская Татария. № 98. 24.04.1960; То же: Казань, 1960.

²⁰ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 29. Л. 11.

²¹ Итоги судебного процесса были доведены до сведения советской общественности: Жогин Н. Прокурор ТАССР. Архиепископ Иов разоблачен // Советская Татария. 19.06.1960.

ского государства на Церковь в конце 50 – начале 60-х гг. XX века и получил большой резонанс в стране и за границей»²².

А вполне приемлемая для церковной иерархии и верующих версия случившегося с архиепископом Иовом была предложена ...официозом «Наука и религия». В чрезвычайно развязной статье ответ секретаря журнала Л. Завелева в № 7 за 1960 г. было много рассуждений о сотрудничестве Иова с немецко-фашистскими оккупантами, но о составе преступления – об уклонении от уплаты налогов с собственной зарплаты – не говорилось ни слова, в вину же вменялось то, что архиепископ до 1960 г. не платил налоги с *представительских расходов*.

В годы гонений в ТАССР было закрыто два православных храма из 15 – в с. Тавели Таканышского района (1960 г.) и с. Тюрясево Октябрьского района (1962 г.). Духовенство было отстранено от руководства приходами. Были введены специальные бланки квитанций для фиксации треб, в которых должны были указываться адреса родителей, крестивших своих детей. Эти сведения направлялись в райкомы партии для проработки «несознательных» граждан. Проводилась чистка исполнительных органов приходов и самих «двадцаток», откуда выводились «нелояльные» люди и назначались вполне управляемые. Проповеди в церквях не читались. «Епархиальное правление никаких отчетов не получает <...> Духовенство никаких сведений о работе церкви не получает. Оно не приглашается на собрания «двадцаток» или исполнительных органов... – отчитывался уполномоченный. – Теперь исполнительные органы, прежде чем им решить какой-то вопрос, приходят на консультации...»²³

Сменивший Иова во главе Казанской епархии архиепископ Михаил (Воскресенский), после того как властями были сняты подряд два секретаря епархиального управления (последний был к тому же осужден на 5 лет), все вопросы решал вместе с Уполномоченным СД РПЦ И. Михалёвым. Церковная организация была парализована. Но все произошедшее послужило толчком к началу «религиозного диссидентства» и «религиозного возрождения» в кругах интеллигенции СССР.

²² Пидгайко В.Г. и др. Указ. соч. С. 311.

²³ НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 3. Д. 51. Л. 23.

А.Л. Глушаев

«БРОСЬ ТЫ ЭТУ СЕКТУ!»: ПРОЦЕДУРЫ НОРМАЛИЗАЦИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»¹

Антирелигиозный дискурс хрущевского времени включал в себя разные уровни нормативных суждений, призванных воздействовать на человека, проявившего неортодоксальную религиозность.

В качестве примера приведем фрагмент письма:

«Я прошу органы КГБ, убедительно прошу принять немедленно участие в сохранении семьи моего сына. Надя еще не закоренелая сектантка, думаю, что ее можно “вылечить” от этого дурмана. А вылечит ее по моим убеждениям труд и учительский коллектив»².

Этот пассаж представляет небольшой срез индивидуальной картины мира рубежа 1950–1960-х гг., когда «обыкновенный советский человек», столкнувшись с чем-то для него непонятным и неприемлемым, с точки зрения усвоенной им культуры, стремится «побороть» религиозный выбор другого человека, апеллируя то к силовым ведомствам, то к власти коллектива. Прибегая к медицинскому дискурсу, он надеется «излечить от заблуждений» верующего методами общественной терапии, включая своеобразные практики, маркированные словами «труд и коллектив». Подобные фрагменты живой речи, сохранившиеся в архивных документах, помогли определить цель данной статьи – исследование нормативных практик и дисциплинирующего дискурса хрущевского времени и ответной реакции евангельских верующих на ситуацию начала 1960-х гг.

¹ Развитию многих идей этой статьи способствовали замечания и подсказки О.Л. Лейбовича. Выражаю ему признательность за действенную помощь.

² Цит. по: Свобода вероисповедания по-советски: Тюменская община пятидесятников (христиан веры евангельской) на рубеже 1950–1960-х гг.: док. и материалы / сост., предисл., ком. В.П. Ключевой; закл. И.В. Боброва. СПб., 2010. С. 36.

В историографии хрущевской «оттепели» вопрос взаимодействия групп верующих и большого советского социума интерпретируется преимущественно через призму государственно-конфессиональных отношений. Однако сопутствующий этой схеме тезис о «широкомасштабных гонениях на церковь в 1958–1964 гг. превратился за последние годы в клише, которое стало задавать сектор поиска и подходы в интерпретации документов недавнего прошлого³. В итоге за рамками многих исследований оказались сюжеты о способах социальной интеграции, формах коллективного контроля и практиках нормализации советских евангельских верующих. Эти сюжеты не вмещаются в схему государственно-конфессиональных отношений.

Иной подход предлагается в работах, например, Т.К. Никольской⁴, А.А. Панченко⁵, Н.А. Беяковой⁶. Изучение истории евангельских церквей послевоенного времени с помощью методов социальной истории или культурной антропологии позволяет этим авторам зафиксировать нормы и практики «обыкновенных советских людей», выявить возможные стили поведения в обыденных ситуациях как евангельских верующих, так и антисектантски настроенного окружения.

Необходимо также заметить, что хрущевское социальное экспериментирование реформировало сложившийся при Сталине социальный порядок и в определенной степени согласовало систему

³ Под влиянием клише «гонения на церковь» эмоционально исключаются факты, противоречащие заданным конструкциям. В результате исторические образы той же хрущевской эпохи (1953–1964 гг.) приобретают характеристики inferнального зла. Так, М.И. Одинцов полагает, что хрущевская «оттепель» «...не привнесла ничего конструктивного в систему государственно-церковных отношений и не расширила возможности для граждан СССР свободно иметь и выражать религиозные убеждения. Более того, это время стало одним из самых трагических периодов в жизни религиозных объединений в послевоенной истории Советского Союза». См.: Одинцов М.И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас дух святой...» История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб., 2012. С. 329.

⁴ См.: Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009.

⁵ См.: Панченко А.А. «Трясуны»: дисциплинарное общество, политическая полиция и судьбы пятидесятничества в России // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 223–255.

⁶ См.: Беякова Н.А. Повседневная жизнь евангельских (протестантских) верующих в условиях разворачивающейся холодной войны // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: Материалы VII Междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 дек. 2014 г. М., 2015. С. 564–585.

политической и административной власти с естественным ходом вещей в модернизируемом советском обществе⁷. И в этом контексте антирелигиозная кампания конца 1950 – начала 1960-х гг., имевшая свои ритмы и периодические всплески, постепенно создавала своеобразную структуру контроля и регулировала систему отношений с евангельским сообществом. Иначе говоря, по отношению ко всем представителям евангельских общин власть стремилась добиться их непротиворечивости системообразующим принципам социалистического социума⁸. В этом и заключается основное содержание понятия «нормализации», или «хрущевской нормализации», введенного О.В. Хархординым⁹.

В архивных фондах уполномоченного Совета по делам религиозных культов (СД РК) в Пермской области сохранились – полностью или частично – письма к власти, протоколы товарищеских судов, на которых обсуждали «сектантов» первой половины 1960-х гг. (баптистов, пятидесятников). Эти документы стали источниками данного исследования.

Кроме того, в последние годы появились интересные публикации личных документов верующих и материалов судов общественности над активистами евангельских общин в других городах СССР¹⁰, что помогает выявить типичные черты «хрущевской нормализации» евангельских христиан.

С конца 1950-х гг., во время антирелигиозной кампании, в качестве социальных институтов контроля над евангельскими верующими

⁷ См.: Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993.

⁸ По меткому замечанию М.Ю. Смирнова, со временем в антирелигиозном дискурсе сложились основные типажи верующих, которые сводятся «к трем основным модификациям: отсталые, больные, враждебно настроенные. С врагами надо было бороться, больных надо было лечить, отсталых – просвещать, охватывать и вовлекать, т. е. по отношению ко всем добиваться их непротиворечивости системообразующим принципам советского социалистического социума». См.: Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. СПб., 2013. С. 105.

⁹ См.: Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. С. 389. (Труды факультета политических наук и социологии).

¹⁰ См., напр.: Белякова Н.А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М., 2015; Свобода вероисповедания по-советски: Тюменская община пятидесятников (христиан веры евангельской) на рубеже 1950–1960-х гг.: док. и материалы / подг. В.П. Ключевой. СПб., 2010.

ми стали использовать товарищеские (общественные) суды. Стиль проведения судов общественности складывался на протяжении 1920–30-х гг.¹¹ и был закреплен в жестоких партийных чистках¹². Спустя десятилетия наблюдается отчетливое стремление следовать устоявшемуся канону.

В свою очередь евангельский христианин, оказавшийся в этом силовом поле индивидуального воздействия и коллективного надзора, стремился использовать собственный личный опыт, чтобы ответить окружающему миру (защититься, подтвердить собственную лояльность, сохранить автономию), и тем самым он как бы замыкал круг *нормализации по-советски*.

Сама организация судебного разбирательства подчинялась определенному сценарию. После вступительных слов председателя товарищеского суда и обычного в этих случаях выступления с лекцией «о вреде сектантства» представителей партийной организации либо областного Комитета госбезопасности, начиналось дознание «правды». «Я ему сказала, – обращалась к залу одна из участниц общего собрания, – чтобы он сказал правду <...> и что больше не будет ходить в секту»¹³.

Для присутствующих на суде формула признания «правды», исполненная в ритуале покаяния, представлялась незамысловатой. Так, председатель цехкома Пермского Механического завода на собрании, где обсуждали пятидесятника И.Н. Шолопова, заявил в начале своей речи о том, что в «сектантстве» Шолопова «...*повинен* цехком и завком профсоюза. Я, как председатель цехкома, имел неоднократные разговоры, просил его чтобы он бросил свою веру, но он ничего не говорил. По работе он хороший работник. Мое мнение Шолопов должен все

¹¹ См.: Пыжиков А.В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950 – начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. 109–110.

¹² См.: О партийных чистках накануне и в годы Большого террора см.: Лейбович О.Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // Вестник Пермского ун-та. 2015. Вып. 3 (30). С. 160–168; Он же. «Индивид разоблаченный» в террористическом дискурсе в 1937–1938 годах // История сталинизма: репрессированная российская провинция: Материалы междунар. науч. конф. Смоленск, 9–11 окт. 2009 г. / под ред. Е.В. Кодина. М., 2011. С. 16–32.

¹³ Протокол № 3 общего собрания рабочих, ИТР и служащих цеха № 3 Пермского Механического завода Главзападуралстроя. 10.04.1964 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

взвесить и *оторваться от секты и идти в ногу с коллективом*¹⁴ (курсив мой. – А.Г.).

В данном контексте предложение «оторваться от секты» или, как допустимый вариант, молиться «в своей кухне», но не посещать молитвенные собрания незарегистрированных евангельских общин¹⁵ задавали желаемую модель поведения. Идиоматический оборот «идти в ногу с коллективом», перекочевавший из советского идеологического словаря в речи хозяйственных руководителей и сотрудников администраций, обращенный к работнику предприятия, должен был сигнализировать о соответствии поступков верующего идеологически выверенной норме.

Постепенно, и это заметно по протокольным записям, среди участников коллективного судебного разбирательства нарастало раздражение: «Мы сидим здесь 3-ий час из-за него, а он не может понять»¹⁶; «Мы хотели услышать от него всю правду, какой он вред наносит коллективу»¹⁷. Говорящие уже конструировали «честное признание» вместо обсуждаемого человека, и оно звучало, например, следующим образом: «...на наши вопросы – кому он верит – он не ответил, нам надо разобраться основательно. <...> Должно быть одно – или ненавижу советский строй и верю в секту, или же наоборот. Вы не хотите *честно признаться*. Вы живете по заданию руководителей вышестоящих сектантов»¹⁸ (курсив мой. – А.Г.).

Ну а в том, что «секта эта не наша»¹⁹, многие и не сомневались. Сюжеты «вредительства и заговора» в репликах и вопросах с мест звучали неоднократно. «Знаете ли, – спрашивали обсуждаемого пятидесятника, – что нарушаете советские законы и лица, связанные с ним (речь о пресвитере общины г. Углеуральска, бывшем зэке и спецпоселенце. – А.Г.), являются преступниками, это учение (пятидесятников. – А.Г.) создали американцы с определенной целью»²⁰. В антисектантском дискурсе, усиленном текущей повесткой политической пропаганды, всплывали традиционные представления о чужих – «сектантах», «американцах», «выродках», «мракобесах».

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Протокол общего профсоюзного собрания автохозяйства № 7. 04.10.1963 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 43.

¹⁷ Протокол № 3 общего собрания... // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹⁸ Протокол товарищеского суда по делу помощника машиниста кра-на Цюрпиты о нелегальном сборище в своем доме. 12.10.1960 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 107.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 106.

В этой круговерти ярлыков образ евангельского верующего нередко подвергался дегуманизации, разрушавшей налаженные межличностные связи. «Я не могу и не хочу разговаривать после сегодняшнего, вот как он мне опротивел, – заявил сослуживец А.С. Новожилова, пресвитера незарегистрированной группы баптистов г. Перми. – Если он будет продолжать нарушать советские законы, то его надо изолировать от людей». «Его надо отдать в госбезопасность», – настаивал следующий выступающий²¹.

Действуя в соответствии с собственной традицией, власть попыталась изолировать отдельных членов незарегистрированных евангельских общин, пользующихся авторитетом у единоверцев. По ходатайству организаторов собраний общественности материалы судов могли стать основой для решения об административной ссылке религиозных активистов²². В этой ситуации, подчиняясь, а где-то и признавая «совершенные ошибки», советский верующий стремился сохранить собственную конфессиональную идентичность. Так, рабочие, обсуждавшие пятидесятника И.Н. Шолопова, после окончания собрания подошли к нему и «...просили его оставить секту, не бросать семью, но он категорически отклонил советы товарищей и заявил всем, что он будет молиться», посещать «сектантские» «сборища, а семье будет помогать материально из мест переселения»²³.

В других случаях угрозу и процедуру изоляции заменили придирчиво-педантичным надзором за деятельностью евангельских групп. Например, в г. Соликамске Пермской области действовали немецкоязычные общины баптистов и меннонитов, состоявшие из бывших спецпоселенцев. Общины отличались сплоченностью, ими руководили проповедники, избранные членами общин. В городской администрации часто поднимали вопрос о применении «строгих административных мер» в отношении актива «нелегальных» евангельских общин.

Но, по свидетельству уполномоченного по области В.В. Беляева, после «детального рассмотрения этого вопроса пришли к единому мнению, что высылать и привлечь к судебной ответственности, в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 4/V – 1961 г., в г. Соликамске кого-либо из руководи-

²¹ Протокол общего профсоюзного собрания автохозяйства № 7... // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 43.

²² Возможность административной ссылки появилась в 1961 г., когда был принят Указ Президиума ВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни».

²³ Протокол № 3 общего собрания... // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

лей нелегальных сект нет целесообразности и достаточных оснований. На этом же совещании договорились об усилении контроля...»²⁴

Вероятно, существовали опасения, что немецкое население рабочих поселков, среди которого наблюдались эмигрантские настроения, ответит на судебные разбирательства усилением религиозной замкнутости либо интенсивнее будет поддерживать баптистов-инициативников – движение, альтернативное официальному союзу евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), заявившее о себе в 1961 г.

Казалось бы, антисектантская риторика полностью перекрыла возможности для выражения других точек зрения. Тем интереснее встретить голоса возражения, немногочисленные, но свидетельствующие в пользу верующего. Так, во время обсуждения пожилого пятидесятника в его защиту выступила дочь:

«Прослушав все, я не знаю, как все можно назвать, нас воспитывали 4-х детей, нас в секту не вовлекали, если родители верят они старые, все сыновья отца были в армии и все вернулись, сейчас родители воспитывают внуков. Ходим мы везде нам не запрещают, сама в секте не состояла, была пионеркой. У нас в семье не было хулиганов»²⁵.

Кто-то из присутствующих задал вопрос:

«– Считаете, что не правильно обвиняют отца?»

– Нет не правильно, много говорили здесь про дом, строили его мы на собственные средства»²⁶, – отвечала женщина.

Разрушение тоталитарной матрицы массового сознания, особенно после 1956 г., вывело из тени разные стили мышления и поведения. В архивных фондах уполномоченного по Пермской области сохранился документ, о котором в связи с нашей темой стоило бы упомянуть отдельно. Уполномоченный В.В. Беляев описал своеобразный казус, почти невозможный для поздней сталинской эпохи, но случившийся в хрущевскую «оттепель». Председатель совета пенсионеров А. Вебер в пос. Верхняя Курья г. Перми, руководивший атеистической работой и наблюдавший за деятельностью общины евангельских христиан-баптистов, «после критики сектантов на кинозрительской конференции» по кинофильму «Тучи над Борском»²⁷ и антирелигиозной публикации в областной газете «Звезда» обратился лично с письмом

²⁴ Справка о состоянии научно-атеистической пропаганды в г. Соликамске. 16.04.1962 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 3. Д. 6. Л. 72.

²⁵ Протокол заседания общественного суда Дзержинского района г. Перми по рассмотрению дела о руководителе религиозной секты «пятидесятников» гр. Хацкове Василии Семеновиче. 13.04.1964 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 10. Л. 26–27.

²⁶ Там же.

²⁷ Антисектантский фильм, снятый в 1960 г. в СССР.

к пресвитеру и регенту пермской церкви евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Содержание письма председателя совета пенсионеров неожиданно показало новый тип восприятия повседневности советским человеком.

«Я ближе познакомился с некоторыми членами общины, – писал пенсионер. – Они хорошие, очень хорошие люди, сердечные, отзывчивые, доброжелательные люди. Хотя мы люди разных убеждений, но я их уважаю за стремление к совершенствованию, за трудолюбие, за чистоту нравов и товарищеский характер и за их дела. Если в вашей общине, где Вы пресвитер, такие чудесные люди, то я признаю, что я ошибался... я их считал лицемерами, ханжами, жадными, обманутыми людьми, жалкими своей несознательностью... Хотя сама духота в помещении давит и гнетет, зато... в обстановке и в душе – красиво, потому что талантливо, твердо, искренне»²⁸.

Происходящие в обществе перемены влияли и на ответные реакции евангельских христиан на коллективный контроль и санкции. Например, в начале 1960-х гг. в «государственно-конфессиональных отношениях» на местном уровне сложилась ситуация, которую точно описал секретарь горисполкома г. Гремячинска Пермской области. В разговоре с областным уполномоченным СД РК он признавал: «Мы их (верующих) гоняем, вызываем в горисполком, предупреждаем, заставляем отказаться от секты, а они (Афанасьев, Гофман, Берестова и др.) заявляют: “молились и будем молиться, собирались и будем собираться...”»²⁹

В результате под влиянием нормативных суждений и дисциплинарных практик власти, с одной стороны, и в опыте повседневного взаимодействия евангельских верующих и ближнего социального окружения – с другой в обществе складываются новые конвенции, компромиссные, раздвигающие жесткие границы официального дискурса. Участники событий «согласуют и признают», каким может быть советский человек, если он считает себя верующим. «...Кто как верует я не знаю, – писала в жалобе пятидесятница со станции Боквая Пермской области, – но знаю за себя, что я против Советской власти не была и не желаю быть, поскольку она мне от моих молодых лет дала все знания, которые я имею <...> но я имею свободу слова и свободу совести. Я верю Богу...»³⁰

²⁸ Справка о состоянии и деятельности религиозных культов в области. 23.06.1962 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 27. Д. 138. Л. 4–5.

²⁹ Информационный отчет за 1964 год. 23.01.1965 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 3. Д. 6. Л. 96.

³⁰ Жалоба Губиной Л.С. 10.10.1961 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 8. Л. 98–98 об.

Со временем складывается действенный компромисс, позволяющий сохранять сотрудничество в важных сферах деятельности (на производстве, в быту). Приведем пример.

«– Почему ты не в ногу с нами, Афанасьев... и что нам с тобой делать? – спрашивал начальник одной из шахт Гремячинска своего подчиненного, баптиста А. Афанасьева.

– Как так не в ногу? Задания всегда перевыполняю, прогрессивку платите мне, дисциплину не нарушаю, <...> днем и ночью являюсь на вызовы... – отвечал Афанасьев.

– В секте, говорят, ты в какой-то состоишь. Брось ты эту секту. Ты же неплохой парень.

– Вот этого я сделать не могу.

– Ну и черт с тобой, иди... – заключает начальник шахты»³¹.

Таким образом, антисектантский дискурс кампании начала 1960-х гг. рассматривал евангельских верующих в качестве людей, к которым следовало бы применять методы коллективной терапии. Политическая власть стремилась с помощью системы дисциплинирующих суждений и практик, административных санкций растворить в общей массе автономные сообщества верующих, заменить внутриобщинные связи отношениями, подконтрольными власти, в том числе опосредованно, через индивидуальный и коллективный надзор (суды общественности, наблюдение за деятельностью отдельных членов евангельских церквей и жизнью общины, индивидуальная работа с верующими).

Попадая в это поле коллективизированного воздействия, евангельский христианин, член баптистской или пятидесятнической общины, целенаправленно «нормализовал» свое положение верующего. В частности, по ходу товарищеских судов складывались своеобразные площадки для дискуссии на тему о «советском верующем».

Этому способствовали изменения общественных норм и стилей жизни во время хрущевской «оттепели». На уровне антисектантской риторики и с помощью административных санкций власть демонстрировала «штурм неба», но ее натиск ограничивался новыми дискурсивными практиками и конвенциями, допуская присутствие евангельского меньшинства в советском обществе.

³¹ Информационный отчет за 1964 год. 23.01.1965 // ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 3. Д. 6. Л. 96. Для удобства чтения предложения диалога структурированы автором.

В.П. Ключева

ПРЕОДОЛЕВАЯ СТАЛИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ВЕРУЮЩИЕ ОТ СОЦИАЛЬНОЙ МИМИКРИИ – К РЕЛИГИОЗНОМУ ДИССИДЕНТСТВУ¹

После смерти Сталина советские верующие надеялись на изменения отношения к ним со стороны государства. На протяжении всего позднесоветского периода (1950–1980-е гг.) перемены происходили, хотя не совсем так, как хотелось бы верующим. Инициаторами изменений выступало не только государство, особенно в сфере государственно-конфессиональных отношений, например при регулировании деятельности официальных (легальных) и упорядочении незарегистрированных религиозных структур. Сами верующие своими действиями и ожиданиями становились активными участниками процесса десталинизации, особенно в том, что касалось гражданских свобод, и прежде всего свободы совести и вероисповедания.

Для современной историографии неоспоримой доксой выступает факт исключения или вытеснения советских верующих из социального пространства советского общества². Однако анализ поведенческих практик и выключенность верующих в повседневную жизнь

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00488 «Христианские церкви Восточной Европы в период Холодной войны: публично-правовое положение и международная активность».

² Подробнее см.: Заватски В. Евангелическое движение в СССР после Второй мировой войны. М., 1995; Буббайер Ф. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010. С. 93–94; Гордеева И.А. Советский период в историческом опыте российских евангельских христиан-баптистов // «Советское наследие». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России. М., 2010. С. 159–198; Глушаев А.Л., Ключева В.П. «Новые» меннониты Урала и Сибири: генезис и трансформация этноконфессиональных сообществ в 1940–1960-е годы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 4 (32). С. 295–313; Белякова Н.А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М., 2015.

опровергают это утверждение. Мы предлагаем рассмотреть поведенческие практики религиозного сообщества в позднесоветский период на примере евангельских верующих, прежде всего пятидесятников³. Евангеликам приходилось не просто выживать в условиях антирелигиозной идеологии, но и постоянно опровергать активно транслируемый (со стороны государства и части общества) образа «сектанта», а в случае с пятидесятниками – «сектанта-изувера»⁴.

Более того, евангельские верующие находились под двойным прищипом: со стороны государства – как носители религиозного мировоззрения и со стороны общества – как представители «чужой/не своей/нерусской» веры. Выбор пятидесятников как объекта также объясняется особенностями их существования в советском легитимном пространстве. В отличие от евангельских христиан-баптистов, общины которых были объединены и зарегистрированы во Всесоюзном совете евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), большинство общин пятидесятников были незарегистрированными и потому воспринимались как незаконные⁵.

Неустойчивое положение в обществе и постоянный, зачастую репрессивный надзор со стороны государства способствовали вариативности существования в советской системе. Для них сложились разнообразные формы поведенческих практик: от *социальной мимикрии*, с принятием «правил игры» в советском обществе при сохранении собственных установок на организацию частной жизни, до *религиозного диссидентства* как открытого отстаивания принципа инакомыслия и противостояния тому режиму, который исключал, запрещал и карал явное, убежденное разномыслие⁶.

³ Статья написана на основе интервью и воспоминаний о повседневной (обыденной) жизни пятидесятников, собранных в их церквях в г. Малоярославце, Тюменской области, Краснодарском и Пермском краях, Республике Казахстан. Респондентами являются верующие, имевшие опыт религиозной жизни в советское время.

⁴ См., напр.: Федотов И.П. Встать! Суд идет! М., 2006. С. 61–77; Свобода вероисповедания по-советски: тюменская община пятидесятников (христиан веры евангельской) на рубеже 1950–1960-х гг.: док. и материалы. СПб., 2010. С. 53–109; Новикова В.Г. Его огненные маяки. Малоярославец, 2009.

⁵ О проблемах регистрации пятидесятников как отдельного союза либо в составе ВСЕХБ подробнее см.: Никольская Т.К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников в 40–50-х гг. XX в. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 124–133; Ключева В.П. «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М., 2015. С. 586–594.

⁶ Мы позволили себе распространить на понятие «религиозное диссидентство» формулировку М.Я. Гефтера о диссидентах в целом. См.: Буду-

Социальная мимикрия и равнодушие к общественным практикам и ритуалам

Большинство верующих находились в своеобразной оппозиции по отношению к тем нормам и практикам советской идеологии, которые противоречили их религиозным взглядам или внутренним убеждениям. Однако и светская (неверующая) часть общества тоже не разделяла целиком и полностью советский идеологический дискурс⁷.

При этом говорить о том, что это было лицемерием, сознательным притворством, отделением публичного поведения от частной жизни, не следует⁸. Мы придерживаемся точки зрения А. Юрчака о необходимости отказа от понимания поведения в советском обществе как жесткой бинарной оппозиции между реальным действием и притворством. На наш взгляд, социальная мимикрия евангеликов хотя и может восприниматься как своеобразная «двойная» игра на публичном и частном пространствах, в действительности была стилем жизни, где присутствует попытка сочетания несочетаемого – религиозного взгляда на жизнь в целом и советского образа жизни.

Социальная мимикрия для пятидесятников характерна в том случае, когда они не могли избежать травмирующей ситуации, и потому придавали событию свой собственный смысл. Наиболее ярким примером является отношение к службе в армии. Служба в Советской Армии несла двойной функционал для евангельских верующих. С одной стороны, это было подтверждением законопослушности и в дальнейшем могло использоваться как аргумент при легитимации своей мировоззренческой инаковости, с другой – сами призывники-пятидесятники воспринимали это как своеобразное «испытание веры»: «Мы понимали и настраивались, что армия – это оружие, и не детский сад и не школа. Там вопрос может встать очень круто. Может быть, и умирать придется. Для меня идти в армию, это было так – или жить, или умирать. Поэтому я готовился, что, Бог знает, какая (мне) судьба уготована» (В.В., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь).

Вообще, для пятидесятников в позднем СССР характерны две стратегии в отношении военной службы: отказ от армейской служ-

щее прошлого. (Михаил Гефтер отвечает на вопросы Лоренца Скаккаборони) // Век XX и мир. 1991. № 8. URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/1991/08/gefter1.htm>

⁷ См.: Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. С. 347–362.

⁸ О критике жесткой пары «реальное поведение» vs «притворство» или «истинное лицо» vs «маска» см.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2014. С. 58–62.

бы либо служба в армии, но без присяги. Первая стратегия была распространена незначительно, и по своей категоричности ее следует отнести к религиозному диссидентству. Поэтому рассматривать ее мы будем позднее. Вторая стратегия повсеместно использовалась в пятидесятнических (и в других евангельских) общинах. Ее распространение связано с позицией религиозных лидеров о необходимости максимально жить жизнью обычных советских граждан. В интервью зачастую необходимость идти в армию объясняется угрозой уголовного наказания: «В то время по закону всеобщая воинская обязанность. За отказ идет статья» (В.В., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь).

Молодые пятидесятники в большинстве своем шли в армию добровольно, осознанно. До армии, до 18 лет, они могли принять водное крещение, став, таким образом, членом церкви. В этом случае они не могли принимать присягу, так как в религиозной среде существовал негласный запрет на принесение клятвы (присяги)⁹. До конца 1950-х гг. «отказники» (отказывавшиеся от присяги) попадали под уголовное наказание: «И оттуда меня призвали в армию. Безусловно, я уже был членом церкви в то время. И отказался от присяги и взятия оружия. Ну, меня судили, дали пять лет. Отбывал я срок в разных местах, значит...» (Вл.Д., мужчина, 1935 г. рождения, г. Петропавловск, Казахстан).

Некоторые пятидесятники призывного возраста сознательно старались пройти крещение до ухода в армию, пытаясь таким способом утвердиться в своем выборе между светским и религиозным: «Я хотел, чтобы идти уже в армию и быть уже человеком обязанным, членом церкви. Все, это было поворотное» (В.О., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь).

Но если они опасались того, что не смогут выдержать давления, то они уходили в армию не крещеными. Хотя публичная точка зрения в пятидесятнической среде отрицает какое-либо давление на юношей призывного возраста. И официально никакого наказания за принятие присяги членом церкви не существовало. Однако в некоторых наиболее консервативных общинах пятидесятников такие солдаты наказывались вплоть до отлучения от церкви.

Другим примером социальной мимикрии выступает отношение к публичным ритуалам, например к демонстрациям. Буквальный смысл демонстраций заключался в демонстрировании населением

⁹ «Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас: «да, да» и «нет, нет», дабы вам не подпасть осуждению» [Иак. 5:12].

поддержки политики партии и правительства. Но подобные действия к позднесоветскому времени перешли в разряд ритуализированных действий, смысл которых оказался нивелирован. Поэтому многие верующие, не участвовавшие в демонстрациях, не считали свое поведение каким-то особенным или высказыванием собственного мнения по поводу ситуации в стране.

Те же, кому приходилось бывать на демонстрациях, объясняют свое участие бытовыми причинами и вероятным наказанием за отсутствие: «Нас часто с училища отправляли, то есть, если не придешь, то стипендию не получишь» (А.К., мужчина, 1965 г. рождения, г. Петропавловск, Казахстан).

Более того, участие в таких мероприятиях воспринималось как рутина, которая не стоит запоминания: «Я ходил на демонстрации от училища и от школы, мне кажется, я не помню. Я помню, что ходили. <...> Первого мая я помню, что мы ходили и где-то стоять надо было. И ходили как-то, что холодно было. Это с училища я помню» (В.Д., мужчина, 1965 г. рождения, г. Петропавловск, Казахстан).

Тот, кто не ходил на демонстрацию, объяснял свое поведение рабочей необходимостью:

«– Вам приходилось участвовать в демонстрациях от завода?»

– На праздник обычно всегда приходилось сутками дежурить. Никому неохота в праздники дежурить, все уж надеялись, что Филиппов всех выручит. Я обычно и дежурил.

– А вы специально шли дежурить, чтобы не идти на демонстрацию, или вам предлагали?

– Начальник скажет: “Будешь дежурить?”, я говорил: “Не откажусь, продежурю”. А на демонстрациях я не бывал» (В.Ф., мужчина, 1926 г. рождения, г. Пермь).

Участие в советских политических событиях (например, в выборах) пятидесятниками воспринимается как незначительное. Здесь нельзя говорить об избегании или наполнении собственным смыслом ритуала. Происходящее оценивалось как рутинное действие, не сулящее никаких изменений:

«– А в выборах участвовали?»

– В выборах – да. Была такая ситуация, что не хотелось идти на эти выборы, потому что все выбрано, и потому, что они сами распространяли, что сектанты на выборы не ходят. Ну, пришли – что от этого изменится? Хоть иди, хоть не иди.

– Наверное, так думали все, не только верующие.

– Наверное, люди-то понимали, но система такая и поэтому шли» (В.В., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь). Именно такое описание своего участия в процедуре, в которой уже «все выбрано», может быть охарактеризовано как перформативный сдвиг, когда воспроиз-

водство нормы идеологического ритуала доминирует над буквальным смыслом¹⁰. Показателем индифферентности к происходящему является и забывание своего участия в нем:

«А выборов тогда, по-моему, и не было.

Были выборы в Верховный совет.

Не помню что-то. Так, наверное, если выборы – то куда деваться. В них все участвуют, и верующие, и неверующие. За властей нужно ж голосовать тоже» (В.Ф., мужчина, 1926 г. рождения, г. Пермь).

Особенно ярко индифферентность проявляется по отношению к обязательному членству в общественных организациях, и прежде всего в профсоюзе. Казалось бы, членство в профсоюзах не воспринималось всерьез всеми советскими гражданами. Все работающее население автоматически в них состояло. Членами профсоюзов были и верующие. Причем их членство было таким же формальным, как и прочих работающих. И именно так его и воспринимали:

«– Да, я был (в профсоюзе). И платил деньги. Да там копейки-то.

– А чем профсоюз помогал?

– Мне лично ничего не давали. Только вот путевки в лагеря давали» (В.Ф., мужчина, 1926 г. рождения, г. Пермь). Здесь четко видно, что профсоюз воспринимается как механизм социального обслуживания. Даже если верующий вдруг отказывался от членства по «идейным» мотивам, то возникшая потребность могла его заставить обратиться в профком. «Мне сказал кто-то, что деньги, которые в профсоюз, они же ведь идут на борьбу с христианами. Они поддерживают атеизм, и так далее. Я подошел (к председателю профкома) и говорю: “Я не буду”. Она говорит: “Это же процент, который ты платишь. Ты все равно ко мне придешь”. <...> Это просто было ошибкой, кто-то подзадорил. Где-то года три я вообще не был (в профсоюзе), а родился второй ребенок – нужен садик. <...> Это было мое заблуждение, потому что профсоюз есть профсоюз, партия есть партия. Я видел, что помощь, и всегда отношение очень хорошее» (В.О., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь). Зачастую в воспоминаниях верующих профсоюз связан с новогодними подарками, путевками на санаторно-курортное лечение для взрослых и пионерские лагеря для детей. (Хотя большинство детей евангельских верующих не были пионерами, но пионерские лагеря (как форма летнего отдыха) в их жизни присутствовали). «Это работа профсоюза была (подарки детям, билеты, поездки в лагеря), и здесь ограничений они не делали. Даже они больше были заинтересованы вовлечь детей. Отцу они предлагали: и телевизор тебе купим, и прочее. В лагеря, имея школьный опыт об-

¹⁰ См.: Юрчак А. Указ. соч. С. 76.

щения с учителями, будучи не пионером, ехать в пионерский лагерь меня было не заставить. Хотя могли бы дать путевку» (В.О., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь).

Таким образом, по отношению к профсоюзу евангельские верующие занимали достаточно выжидательную позицию: «вреда от членства не будет, а при необходимости еще и пользу извлечем».

В отношении верующих возможно говорить о своеобразном гибридном поведении, когда религиозное и советское сосуществовало и в различных обстоятельствах могло доминировать одно над другим. Наиболее ярким примером является использование лингвистических штампов при обращении к вышестоящим органам. Подобные примеры приводит А. Глушаев, говоря о языковых нормах и системе аргументации, используемой пятидесятниками в заявлении о регистрации религиозной общины¹¹.

Многие пятидесятники по отношению к обязательным общественным практикам были совершенно равнодушны: если заставляли, то участвовали по мере необходимости, если их не трогали, то избегали. Но избегали не по религиозным причинам. А вот когда появляются религиозные причины и богословское обоснование, то здесь нельзя говорить о мимикрии или индифферентности. Верующие могли высказывать жесткие убеждения, крайней формой которых и было религиозное диссидентство.

Религиозное диссидентство и жесткое противостояние

В отличие от светских людей верующие пытались возвращать прежние, буквальные значения некоторым действиям (присяга, принесение клятвы, богоборчество). И именно поэтому участие в некоторых обязательных практиках для них оказалось неприемлемым. Именно понимание изначального смысла действия заставляет одного из пятидесятников отказываться от участия в демонстрации: «Вы знаете, что такое демонстрация? Что там демонстрировать? <...> Это ж было своего рода – показать то, что у нас есть. А показать-то было что? Атеизм, безбожие. Мы новый мир построили, не нужен нам ни Бог, ни царь, ни герой. Я должен быть соучастником в том, что не нужен нам Бог? Я участвовал в деле, в труде, в субботнике. А выйти и продемонстрировать, что я с вами, что мы своей рукой разрушили и

¹¹ Глушаев А.Л. Протестантские общины в городах и рабочих поселках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2013. С. 64–65.

хотим победить веру в Бога – а я веру в Бога побеждать не хочу, я ее насаждать хочу» (С., мужчина, 1965 г. рождения, г. Краснодар).

Отвергались общественные политические организации (пионерская и комсомольская). В этом случае своеобразную «проверку на прочность» религиозных убеждений проходили дети и подростки:

«– Учителя сильно не грозили, а одноклассники и кулаки показывали, и высказывались.

– Из-за того, что не пионер?

– Ну, так все же пионеры, а как из стада выделяться?» (С., мужчина, 1965 г. рождения, г. Краснодар). Хотя тема вступления в пионеры обсуждалась внутри семьи, но окончательное решение приходилось принимать самим детям. «Дома обсуждали, конечно, но отец всегда говорил, что решения должны принимать вы и никак не я. Я принял решение отказаться. <...> А в пионеры – там надо было и клятву учить, и жесты знать, и галстук носить. Уже были отличительные знаки и поэтому я отказался и от того, и от другого» (С., мужчина, 1965 г. рождения, г. Краснодар).

Встречаются нечастые случаи, когда дети из верующих семей хотели вступить в пионеры, их желание основывалось на принципе «быть вместе со всеми друзьями». «Третий класс. Всех в пионеры (принимают). Они знали, что у меня родители верующие: “А тебя не примем. Ты откажись от родителей, тогда тебя примем”. <...> А самое обидное было, что в пионеры не принимают» (А.К., мужчина, 1950 г. рождения, г. Челябинск).

Разумеется, сейчас свое желание они оценивают по-другому: «А я хотел, конечно. Ну что я тогда понимал?!»

Отказ от вступления в комсомол для пятидесятников был вопросом решенным. Свое решение они подкрепляли ссылкой на невозможность следовать букве Устава ВЛКСМ, в котором говорилось: «Вести решительную борьбу со всеми проявлениями буржуазной идеологии, с тунеядством, религиозными предрассудками». В некоторых школах или училищах предпринимались попытки сломить/переубедить каким-то образом верующего. Последствия отказа от вступления в комсомол зачастую не было, в худшем случае молодые верующие не могли поступить в вуз. «Пойти в институт – тем более требовалось быть комсомольцем, и дорога закрыта практически всем» (М.Н., мужчина, 1955 г. рождения, г. Краснодар).

Интересно, что даже не будучи убежденными верующими, некоторые молодые люди из пятидесятнических семей отказывались от комсомола: «Я видел, что творили сами эти комсомольцы. <...> Нет, я видел, что у них это до беспредела доходило» (А.К., мужчина, 1950 г. рождения, г. Челябинск).

Отказ от армейской службы как форма противостояния государственной системе был характерен для пятидесятников и в целом для евангельских верующих в том случае, когда они пытались эмигрировать из СССР. Репрессии, следовавшие после отказа, перечислялись в ряду причин, подтверждающих право и требование на эмиграцию из СССР.

Среди пятидесятников движение за эмиграцию из СССР началось в середине 1960-х гг. Массовым это движение стало в 1970-е годы. Верующие использовали различные способы, чтобы покинуть страну: от терпеливого ожидания после подачи заявления до эскалации ситуации (например, действия знаменитой «сибирской семерки»: семьи пятидесятников Ващенко и Чмыхаловых, проживших в американском посольстве в г. Москве в 1978–1983 гг.). Все эти способы не были достаточно успешными, разрешение на выезд из СССР получали единицы.

И вот здесь следует говорить о формировании религиозного диссидентства, когда верующие шли на открытое противостояние с режимом, отстаивая свое право на самостоятельные действия. Вот что говорят сами пятидесятники о причинах эмиграции: «От тех репрессий некоторые уже вот так вот изнывали. Там было движение – в Находку двинули. И поэтому они просили – мы отказываемся от гражданства, мы хотим в свободную страну уехать» (В.О., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь).

Встречаются подробные описания гонений и тягот, которые пришлось претерпеть верующим. Эти же описания кочуют из одного источника в другой; например, одними и теми же словами они могут приводиться в Хронике текущих событий, Бюллетенях пятидесятников и рукописях «Факты и только факты», а затем и в заявлениях на выезд. Хотя нужно относиться осторожно к таким заявлениям и понимать, что существовало несколько слоев причин эмигрировать – и бытовые трудности жизни в СССР здесь тоже присутствовали. Пятидесятники предприняли новую тактику – они помыслили эмигрировать не по индивидуальным вызовам, а большими группами, подавая заявления о выезде, в которых указывалось более 500 человек.

Религиозные диссиденты (пятидесятники) шли на контакт с правозащитниками. Через диссидентов верующим удалось установить контакты с западными журналистами. В 1976 г. состоялась поездка Лидии Ворониной и Аркадия Полищука в станицу Старо-Титаровскую (Краснодарский край) к епископу Николаю Горетому и в г. Находку (Приморский край), где были крупные общины верующих, желавших эмигрировать. В том же году пятидесятники подготовили сборник «Выходи из нее, народ мой», объемом более 500 машинописных страниц с биографиями пятидесятников, стремившихся уехать.

Одним из результатов контакта евангеликов и правозащитников становятся совместные заявления и выступления пятидесятников и других отказников. (Например: выступление Б. Перчаткина на пресс-конференции еврея-отказника Виктора Елистратова в 1979 г.)

А как относились другие, оставшиеся в СССР, верующие к эмигрантам? С одной стороны, они участвовали в передаче информации на Запад (например, Вл. Мурашкин участвовал в передаче писем из Находкинской общины Александру Гинзбургу, но при этом саму возможность эмиграции оценивал негативно), но при этом те, кто остался в Советском Союзе, подчеркивают свое негативное отношение к эмиграции: «Раз мы призваны жить именно в этой стране, мы никогда не говорили, что это плохая страна. Где мы живем, значит, так надо и прожить» (В.О., мужчина, 1958 г. рождения, г. Пермь).

Нужно учитывать, что это современное высказывание пресвитера, хотя и рукоположенного в советские годы. Вопросы эмиграции поднимались и обсуждались внутри конкретной общины, более того – для решения этой проблемы приезжали высокопоставленные религиозные лидеры. В находкинскую общину в 1974–1978 гг., чтобы сгладить конфликт, несколько раз приезжали представители ВСЕХБ, в которых неизменно присутствовал Петр Шатров, председатель пятидесятников в этом союзе, и епископ Виктор Белых, представитель так называемого Киевского епископата.

Подводя итог, нужно отметить, что мы не можем разделить всех евангельских верующих по полюсам: диссиденты/инакомыслящие и «принявшие» советский образ жизни. В действительности это было тесное переплетение – в большинстве случаев верующие были лояльными либо индифферентными к большинству проявлений советской системы и можно говорить о принятии ими внешних условий жизни в советском обществе, при этом они сохраняли собственные установки на организацию частной жизни. Но были вопросы, в которых их принципы оказались достаточно жесткими и не поддающимися корректировке.

В.А. Содоль

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В 1950-е гг. И МОЛДАВСКОЕ МОНАШЕСТВО: ОТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ВЛАСТЬЮ – К ПРЕКРАЩЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Потепление государственно-церковных отношений в СССР, начавшееся под давлением внешних обстоятельств еще в ходе Великой Отечественной войны, оказало существенное влияние и на положение православной церкви в Молдавской ССР.

За местными религиозными организациями, в отличие от церквей и монастырей центральных и восточных районов СССР, был закреплён ряд льгот по налогообложению, а также были предоставлены права юридического лица. Характерным явлением послевоенных лет стала стабилизация взаимоотношений между православными монастырями и руководством Молдавии. Монастыри всячески демонстрировали свою лояльность в отношении к Советскому государству, а последнее, с одной стороны, использовало их возможности для восстановления разрушенного войной хозяйства республики, с другой – контролировало соблюдение обителями законодательства.

После смерти И.В. Сталина негласное соглашение с церковью, заключённое осенью 1943 г., оказалось под ударом. На основании Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» на нижестоящие партийные структуры была возложена обязанность «...покончить с запущенностью антирелигиозной работы, развернуть научно-атеистическую пропаганду, уделяя особое внимание проведению ее среди наиболее отсталой части населения, находящейся в плену религиозных верований и предрассудков»¹.

Постановление стало сигналом для начала в стране масштабной пропагандистской кампании. В Молдавии, например, предпола-

¹ О религии и церкви. Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М., 1977. С. 69.

лось особое внимание обратить на «...разоблачение и пресечение антигосударственной и антиобщественной деятельности отдельных церковников»². Однако в республике на практике оно осталось не реализованным. Более того, полностью пересмотреть государственную церковную политику в это время новому руководству страны не удалось. По сообщениям Г.Г. Карпова, верующие пытались оказывать сопротивление антирелигиозным акциям³. Помимо этого, церковь вновь оказалась нужна для поддержки политики государства на Ближнем Востоке, в связи с чем Патриарх просил прекратить «перегибы» в отношении церкви. Он заявил, что «это выбивает у нас все козыри и затрудняет нашу работу по сближению между нашими [восточными – В.С.] церквями и народами»⁴.

Под давлением обстоятельств руководство страны было вынуждено отступить. 10 ноября было принято Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором партийные лидеры были вынуждены признать, что «служители церкви в своем большинстве, как свидетельствуют факты, также занимают теперь лояльные позиции по отношению к Советской власти»⁵.

Тем не менее, по мнению исследователей, именно июльское постановление легло в основу дальнейшей политики государства в отношении церкви⁶. На наш взгляд, данное утверждение не применимо к положению и жизни церкви в Советской Молдавии. Напротив, вплоть до февраля 1956 г. религиозная жизнь в республике протекала своим чередом: в 1955–1956 гг. епископ Нектарий (Григорьев) рукоположил 14 священников, отправил на сельские приходы 16 иеромонахов⁷. В местные монастыри за этот период был принят 141 человек⁸. В июне и октябре 1955 г. им были проведены совещания благочинных

² Бабий А.И. и др. Гольденберг М.А., Табакару Д.Н. Преодоление религии и утверждение атеизма в Молдавской ССР / А.И. Бабий, М.А. Гольденберг, Д.Н. Табакару. Кишинев, 1983. С. 46.

³ См.: Волокитина Т.В. и др. Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории / Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова. М., 2008. С. 119, 120.

⁴ Цит. по: Волокитина Т.В. и др. Указ. соч. С. 120.

⁵ О религии и церкви... С. 75.

⁶ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 281.

⁷ См.: Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004. С. 134.

⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 205. Л. 176–178.

церквей, настоятелей и настоятельниц монастырей, на которых были обсуждены актуальные вопросы внутрицерковной и монастырской жизни, деятельности духовенства среди верующих⁹. Были достигнуты значительные успехи в хозяйственной деятельности обителей, выражавшиеся в значительном росте их доходов¹⁰.

В этот период практически все молдавские монастыри приступили к ремонту и реставрации имевшихся в их распоряжении зданий, среди которых были и памятники архитектуры, находившиеся под государственной охраной. Посредством Уполномоченного по делам РПЦ при СМ СССР по Молдавской ССР П.Н. Роменского, Киприяновский, Жабский, Сурученский, Гербовецкий монастыри получили для этого наряды на различные строительные материалы и т. д.¹¹

Конфликтные взаимоотношения в рассматриваемый период, по имеющимся данным, сложились лишь между Кицканским монастырем и колхозом «Красный садовод» по вопросам землевладения.

Некоторые признаки очередного наступления на церковь в Молдавии проявились лишь после XX съезда КПСС. Так, уже в марте 1956 г. были введены временные тарифы на электроэнергию, согласно которым для учреждений религиозного культа стоимость 1 кВт/ч составляла 2 рубля 50 копеек (для сравнения – другие потребители закупали ее по цене от 35 копеек до 1 рубля 10 копеек)¹². В то же время, несмотря на отмену обязательного страхования жилого фонда, оно было сохранено для церковных зданий¹³.

Однако дальнейшего натиска на церковь в это время не последовало. Повлияла на это, видимо, непростая обстановка на Ближнем Востоке, (Суэцкий кризис)¹⁴. В целом, как отмечает М.И. Одинцов, «период с 1954 по 1957 гг. характеризуется стремлением Г.Г. Карпова <...> сохранить тот курс церковной политики, что выработан был в середине 40-х годов, в условиях, когда государство все более откровенно занимает позицию безучастности в вопросах государственно-церковных отношений, уступая инициативу партийному руководству. <...> Советам удалось не допустить развязывания кампании по массовому закрытию культовых зданий, сохранить статус-кво в религиозной ситуации на начало 1954 г.»¹⁵

⁹ Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Указ. соч. С. 134, 135.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 205. Л. 173–175.

¹¹ Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ). Ф. 3046. Оп. 1. Д. 64. Л. 84; Д. 65. Л. 47–49; Д. 75. Л. 23, 37–39, 69, 86.

¹² Там же. Д. 64. Л. 128–130.

¹³ Там же. Л. 138.

¹⁴ Цит. по: Волокитина Т.В. и др. Указ. соч. С. 133.

¹⁵ Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., 2002. С. 160.

Как отмечают исследователи, мнение о необходимости ограничить деятельность РПЦ и ее влияния на население, вновь проявилось в ЦК КПСС с весны 1957 г.¹⁶ На этот процесс свое влияние оказали данные об укреплении положения церкви в стране, а также разгром «антипартийной группы»¹⁷. Помимо этого, среди причин ужесточения церковной политики государства в литературе фигурируют недовольство советского руководства неэффективным проникновением Московской патриархии на Ближний Восток, а также желание Н.С. Хрущева продемонстрировать партийно-номенклатурным кругам свою приверженность идеалам партии¹⁸. Также борьба с религией была необходима и с точки зрения решения очередной глобальной задачи – строительства коммунистического общества¹⁹.

Уже в августе 1957 г. по распоряжению Совета Министров МССР «в целях наведения порядка в земельном хозяйстве и правильной организации территории колхозов» районные исполнительные комитеты (РИКи) были обязаны передать колхозам земельные участки монастырей, расположенные в общественных землях колхозов, компенсировав их за счет госземфонда или колхозных земель в другом месте равновеликими участками²⁰.

В дальнейшем одним из звеньев атаки на религию стала Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», появившаяся после совещания ответственных работников отделов пропаганды, науки, образования, культуры, состоявшегося 8 мая 1958 г.²¹ В новых условиях на Совет по делам РПЦ была возложена задача максимально содействовать «строительству коммунизма и угасанию религиозных пережитков», сокращению числа религиозных организаций²². В результате уже летом Совет разработал ряд мероприятий по ограничению деятельности православной церкви, которые легли впоследствии в основу октябрьских постановлений правительства СССР²³.

¹⁶ Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 178.

¹⁷ Там же. С. 178–179.

¹⁸ См.: Шкаровский М.В. Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 гг. СПб., 1995. С. 62; Цыпин В., протоиерей. История Русской церкви. 1917–1997. М., 1997. С. 379.

¹⁹ См.: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 180.

²⁰ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 76. Л. 80.

²¹ См.: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 182.

²² См.: Одинцов М.И. Указ. соч. С. 161.

²³ См.: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 182, 183.

4 октября 1958 г. появилось секретное Постановление ЦК КПСС «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», в котором всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть наступление на «религиозные пережитки» советских людей²⁴. Вскоре после этого по совместному предложению Совета по делам РПЦ и Министерства финансов СССР Совет Министров СССР принял 16 октября 1958 г. Постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей», положения которого ломали годовой бюджет РПЦ и дезорганизовывали ее деятельность²⁵. В этот же день правительство Советского Союза приняло Постановление «О монастырях в СССР», которое поручало Совету «изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет Министров согласованные предложения по этому вопросу»²⁶.

Спустя месяц Постановление СМ МССР «О налоговом обложении доходов монастырей», основанное на решениях союзного правительства, определило дифференцированные ставки сельскохозяйственного налога для взимания подоходного налога с земельных участков, находящихся в пользовании монастырей в пределах от 20 до 50 рублей с 0,01 га²⁷. Церковные строения, а также земельные участки в пользовании монастырей теперь подлежали обложению налогом со строений и земельной рентой. Таким образом, положения Постановления СНК МССР от 18 сентября 1945 г. были отменены.

Спустя еще несколько месяцев, в феврале 1959 г., новое Постановление СМ МССР «О монастырях в Молдавской ССР» уничтожило существовавшую прежде разницу во взимании платежей за недвижимое имущество местных монастырей по сравнению с обителями других союзных республик. Теперь монашествующие должны были заключать арендные договоры с РИКаи о пользовании национализированными строениями, находившимися на их территории²⁸. Помимо этого, уменьшалось землепользование монастырей, так как в их пользовании оставались земельные угодья из расчета до 0,1 га на каждого монашествующего монастыря. Отрезанные «излишние» земли из пользования обителей подлежали передаче колхозам и совхозам

²⁴ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 66, 67.

²⁵ См.: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 185, 186.

²⁶ Там же. С. 186.

²⁷ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 154. Л. 18.

или зачислению в госземфонд. Монастырям запрещалось применение в своих хозяйствах «наемного труда во всех его видах и формах».

Реализация этого постановления сопровождалась различными нарушениями со стороны местных органов. Например, настоятельница Жабского монастыря монахиня Серафима жаловалась, что из 56 га пашни, отошедшей колхозу «Молдова», монашествующими были засеяны 27 гектаров (после проведенного расследования колхоз обязали возратить монастырю 4 200 кг. семян)²⁹.

Помимо этого, Постановление СМ МССР от 7 марта 1959 г. «О переоценке строений монастырей, церквей и молитвенных домов» установило новую оценочную стоимость по расценкам на капитальное строительство. В итоге ряд обителей были привлечены к уплате аренды из расчета наивысшей ставки (11%)³⁰. В связи с этим значительные проблемы с оплатой аренды возникли, например, у Гербовецкого монастыря. Эти ставки, впрочем, в конце года были понижены до уровня 2–3% вместе с установлением единой ставки сельхозналога – 16 рублей за 0,01 га³¹.

Таким образом, в этот период руководство страны последовательно подрывало материальную базу церкви, лишая ее даже тех средств, которые находились на хранении в сберегательных кассах (в случае ликвидации религиозного общества эти средства поступали в союзный бюджет)³².

Тем не менее на практике все же частыми были случаи сотрудничества монастырей с общественными и государственными предприятиями. В частности, насельницы Жабского монастыря отзывчиво относились к призывам руководства колхоза и во время рабочей и уборочной кампаний оказывали помощь, за что правление вознаграждало их труд тем, в чем нуждалась обитель³³. Кроме того, в мае 1960 г. в течение 10 дней по 10–15 человек из Гербовецкого монастыря работали на прашовке колхозного поля³⁴.

В январе 1960 г. произошло очередное ужесточение антирелигиозной линии партии после принятия Постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»³⁵. Бо-

²⁹ Там же. Л. 72, 191.

³⁰ Там же. Д. 91. Л. 50.

³¹ Там же. Л. 50 об., 211.

³² Там же. Д. 101. Л. 88.

³³ Архив Молдавской митрополии (далее – АММ). Дело Жабского монастыря 1958, 1959, 1960 гг. Л. 156.

³⁴ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 99. Л. 268, 269.

³⁵ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 78.

лее жестко прозвучало и Постановление ЦК КПСС от 13 января «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Здесь речь шла уже об изменении основ деятельности церкви, поскольку «... церковнослужители сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это в интересах религии»³⁶. В марте 1961 г. была утверждена Инструкция по применению законодательства о культах, запрещавшая религиозным центрам организовывать детские и женские собрания, кружки, паломничество, благотворительность, санаторную и лечебную помощь, экскурсии, библиотеки, использовать средства для возрождения затухающих церквей и монастырей и т. д.³⁷

Как верно заметил М.В. Шкаровский, антирелигиозная кампания началась с монастырей, поскольку их духовная роль всегда была чрезвычайно важна.

В Молдавии уже 20 декабря 1958 г. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Молдавской ССР П.Н. Роменский в справке «О положении и деятельности церквей и монастырей в Молдавской ССР» перечислил основные мероприятия, предпринятые Советом Министров МССР совместно с ЦК КП Молдавии в целях прекращения дальнейшего роста и укрепления монастырских хозяйств, ограничения их церковной и хозяйственной деятельности, а также снижения их влияния на окружающее население³⁸. Эти меры предусматривали, в частности, сокращение количества монастырей в республике с 14 до 5, поскольку местная монастырская система была второй по величине в пределах СССР после Украины³⁹.

В результате обсуждения этого вопроса на встречах Г.Г. Карпова и патриарха Алексия (Симанского) в феврале и апреле 1959 г. патриарх согласился на упразднение 22 православных монастырей и скитов в стране⁴⁰. Вскоре Совет по делам РПЦ утвердил план закрытия в 1959–1960 гг. 28 из 63 монастырей и скитов Русской православной церкви, в том числе 7 в Молдавии и 17 – на Украине⁴¹. В дальнейшем подобные плановые показатели правились в сторону увеличения.

Процесс ликвидации монастырей в республике получил дополнительный импульс после утверждения 17 марта 1959 г. в должности Уполномоченного Совета по делам РПЦ А.И. Олейника вместо П.Н. Роменского. 5 июня было принято Постановление СМ МССР

³⁶ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 78.

³⁷ Там же. С. 83.

³⁸ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 3; Цыпин В., протоиерей. Указ. соч. С. 373.

⁴⁰ См.: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 186.

⁴¹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 68.

«О сокращении монастырей на территории Молдавской ССР», которое обязало уполномоченных Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Молдавской ССР Олейника и Колесника в 1959–1960 гг. ликвидировать девять монастырей на территории республики.

Постановлением предусматривалось также проведение исполкомами районных Советов депутатов трудящихся среди монашествующих работы их по трудоустройству в колхозах, совхозах и других предприятиях. Местные органы должны были оказывать необходимое содействие в определении больных и нетрудоспособных в дома престарелых и инвалидов, в перевозке монашествующих и их личного имущества в остающиеся монастыри. Предполагалось, что жилые дома, хозяйственные и церковные помещения, а также земли сокращаемых монастырей будут использованы для нужд социально-культурных учреждений. Запрещались какие бы то ни было изъятия имущества и инвентаря в монастырях, разрешался сбор урожая с огородов и пахотных земель, засеянных в 1959 г. Также подчеркивалось, что церкви монастырей подлежали закрытию вместе с обителями⁴².

В рамках подготовки к ликвидации этих монастырей была «проведена работа» с архиепископом и его сотрудниками по непосредственному проведению ликвидации. Например, 17 июня благочинный церковью Бульбокского и других районов протоиерей Мина Палихович представил епископу Нектарию список насельниц Хировского монастыря, проживающих в стареции, с указанием, куда хочет каждая идти дальше жить, а также инвентаря с указанием имущества, которое следовало разделить⁴³.

ЦК КП Молдавской ССР в каждый населенный пункт, где располагались подлежащие ликвидации монастыри, направил группу актива и лекторов-атеистов, подготовил транспорт для перевозки монастырского имущества и переселяемых монашествующих. Все пять предполагавшихся к упразднению в 1959 г. монастырей были закрыты к 3 июля, а их имущество и сами монашествующие с личными вещами были перевезены в намеченные места⁴⁴.

Исследователи отмечают резко негативную реакцию Председателя Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпова на методы, с помощью которых выполнялось постановление Совета о закрытии монастырей на Украине, в Молдавии и республиках Прибалтики. В июле 1959 г. он направил в Правительство Советского Союза «Сообщение об ошибках, до-

⁴² См.: Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. М., 1994. С. 648–649.

⁴³ АММ. Д. Хировского монастыря 1958–1959 гг.

⁴⁴ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 91. Л. 18.

пущенных при проведении мероприятий по закрытию монастырей». В нем он просил «по линии ЦК КПСС или Совета Министров СССР предупредить партийные и советские органы Украинской, Молдавской, Белорусской, Литовской и Латвийской ССР о более осторожном и постепенном осуществлении мероприятий по сокращению монастырей и скитов, проводя это только по согласованию с Советом»⁴⁵.

Однако подобная позиция Карпова не могла уже повлиять на ситуацию в церковной сфере. Напротив, процесс ликвидации монастырской системы в Молдавии только наращивал обороты: хотя июньское Постановление СМ МССР предусматривало ликвидацию Припиченского, Кошеловского и Таборского монастырей в I квартале 1960 г., А.И. Олейник внес предложение о ликвидации Припиченской обители в октябре 1959 г.⁴⁶ Кроме того, Уполномоченный считал возможным использовать и «благоприятный момент» для ликвидации Добрушского монастыря, поскольку об этом в беседе с ним заявил епископ Нектарий, пожелавший сделать это силами епархии⁴⁷.

Для реализации этого проекта архиепископ Нектарий уполномочил ряд доверенных лиц, а также распорядился заблаговременно вывезти из монастырей тех монахов, которые вели «подрывную работу против закрытия монастырей»⁴⁸.

В итоге за несколько дней (с 29 по 31 октября) Добружский и Припиченский мужские монастыри были закрыты⁴⁹. Сопrotивления этим акциям со стороны населения фактически не было.

К ноябрю 1959 г. в Молдавии было закрыто восемь монастырей (четыре мужских и четыре женских), более 500 бывших насельников и насельниц были приобщены к общественно-полезному труду. В республике продолжали действовать семь монастырей (три мужских и четыре женских), в которых проживал 821 человек.

По решению Совета Министров МССР в 1960 г. планировалось закрытие еще двух женских монастырей⁵⁰. Одним из них был своекоштный женский монастырь Св. Успения в с. Кошеловка, к ликвидации которого приступили 26 января 1960 г.⁵¹ Интересен факт отсутствия при передаче монастырской церковной утвари антиминса, который «неизвестно куда делся».

⁴⁵ Цит. по: Чумаченко Т.А. Указ. соч. С. 191.

⁴⁶ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 91. Л. 30.

⁴⁷ Там же. Л. 30.

⁴⁸ Там же. Д. 92. Л. 182; Д. 91. Л. 49.

⁴⁹ Там же. Л. 48.

⁵⁰ См.: Пасат В.И. Указ. соч. С. 652.

⁵¹ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 102. Л. 73, 74.

Подготовительная работа к ликвидации Каларашовского монастыря во втором полугодии 1960 г. сопровождалась усилением атеистической пропаганды, изучением настроения монашествующих. Органами гражданской власти для этого были использованы наиболее лояльные работники епархиального управления и податливость самого архиепископа Нектария⁵². Были использованы также факты морального разложения отдельных монашек, междоусобная борьба между руководящей монастырской верхушкой и рядовыми сестрами⁵³. После этого в МССР оставалось четыре монастыря с количеством монашествующих 363 человека⁵⁴.

В дальнейшем в решении задач по ограничению влияния церкви и монастырей на население, численного их сокращения и других мероприятий активно использовалась агентура КГБ. По опубликованным данным, в Молдавии агентурная сеть по линии православной церкви в январе 1960 г. состояла из 16 человек, в том числе агенты «Казанцев» и «Юрьев» занимали руководящее положение в епархии, «Вознесенский», «Белый», «Никитин», «Флоря», «Григорьев» и «Скурту» управляли благочиниями и монастырями⁵⁵.

Например, при упразднении Гербовецкого монастыря по указанию «Казанцева» (архиепископа Нектария) из него были перемещены в другие монастыри лица, способные «отрицательно повлиять» на ход подготовки и закрытие монастыря⁵⁶. Агент «Скурту» (видимо, архимандрит Евтихий. – В.С.) совместно с агентами «Никитиным» и «Белым» склонил к уходу из монастыря 52 человека⁵⁷. После того как все монахи, отошедшие от монастыря, выехали, агент «Флоря», являвшийся настоятелем Кицканского монастыря (видимо, игумен Иосиф (Гаргалык). – В.С.), не ставя в известность правящего епископа, организовал перевозку монахов, изъявивших желание проживать в Кицканском монастыре⁵⁸.

Наряду с подготовкой к «самоликвидации» Гербовецкого монастыря была проведена соответствующая работа с настоятелями Киприяновского и Кицканского монастырей, направленная на уход из этих монастырей молодых, трудоспособных послушников и монахов, после чего эти обители были закрыты⁵⁹.

⁵² Там же. Д. 101. Л. 50.

⁵³ Там же. Л. 51.

⁵⁴ Там же. Л. 32.

⁵⁵ Пасат В.И. Указ. соч. С. 652.

⁵⁶ Там же. С. 665.

⁵⁷ Там же. С. 664.

⁵⁸ Там же. С. 665.

⁵⁹ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 101. Л. 31; Иосиф (Павлинчук), иеромонах. Указ. соч. С. 244.

В следующем, 1963 г., Уполномоченный планировал ликвидировать и последний оставшийся на территории МССР женский Жабский монастырь⁶⁰. Однако этого так и не произошло. Видимо, в данном случае свою роль в очередной раз сыграл внешнеполитический фактор, поскольку внешняя деятельность религиозных организаций в СССР, по мнению идеологического отдела ЦК КПСС, являлась «одним из действенных каналов советской пропаганды и контрпропаганды в зарубежных странах, действенным средством борьбы за мир»⁶¹. Расширение международных связей РПЦ привело к широкой известности последней в мире, и ее судьба начала волновать всемирное христианство. В связи с этим руководству страны стало сложно ликвидировать церковь и ее институты, заявляя о ее «самоликвидации»⁶².

Таким образом, произошедшие в начале 1950-х гг. изменения среди первых лиц СССР повлекли за собой и перемены в государственно-церковных отношениях. Новое руководство страны предпочло вернуться на путь конфронтации с церковью. Однако «кавалерийская атака» на церковь в середине 1950-х гг. в Молдавии практически не ощущалась. Напротив, 1954–1957 гг. стали временем расцвета местных монастырей.

Характер отношений между монастырями и советскими органами изменился лишь в конце 1950-х гг., когда начался отход от реализации принципа свободы совести в стране и основной линией церковной политики стало превращение Советского Союза в сугубо атеистическое государство. Борьба с «религиозными предрассудками» и их непосредственными носителями осуществлялась поэтапно, с привлечением различных отраслевых органов как центрального, так и местного управления, включая аппарат комитета государственной безопасности.

Основными мероприятиями этой борьбы стали сведение к минимуму хозяйственной деятельности монастырей, усиление атеистической пропаганды среди населения, запрет на осуществление миссионерской и благотворительной деятельности религиозными организациями, ускоренная ликвидация монастырей и церквей под административным нажимом государственных органов. В последних акциях представители власти умело использовали разногласия и настроения, существовавшие внутри монастырей, стремясь «взорвать» изнутри эти религиозные организации путем использования агенты КГБ из среды их руководителей.

⁶⁰ НАРМ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 101. Л. 31.; Иосиф (Павлинчук), иеромонах. С. 244.

⁶¹ См.: Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 96.

⁶² Там же. С. 100–101.

Е.В. Носова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ (1950–1960-е гг.)

После смерти Сталина деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ. – *Е.Н.*) в Киргизии в период 1950–1960 гг. претерпевает изменения.

Происходит замена его руководства. Уполномоченным вместо В. Соловьева становится Я. Гритчин. Отчеты областных уполномоченных свидетельствовали о том, что Церковь привлекала все большее число верующих. Понятно, что это очень тревожило уполномоченных, часть из которых считала, что правительство СССР слишком активно идет навстречу чаяниям верующих, издавая постановления, направленные на упорядочение отправления религиозных культов, что приводило к усилению религиозной пропаганды и втягиванию части молодежи в религиозное движение¹.

В 1956 г. Я. Гритчиным на основании отправленных в центр сводок о числе молящихся в пасхальные, крещенские и рождественские службы был сделан вывод об успехах в атеистической пропаганде. Также им было отмечено увеличение количества прихожан, особенно в праздники: «Только... в один крещенский праздник общее число людей составляет около 10 тыс. человек»².

В 1958 г. он же отметил, что «...приток молящихся в своей массе начинает заметно изменяться в возрастном составе» и все более омолаживается, что требовало особой настороженности со стороны Совета и властей. В 1959 г. он же указывает на посещение кладбища в праздничные дни во Фрунзе большим количеством людей – «не менее семи с половиной – восьми тысяч...»³

¹ ЦГА КР. Ф. 2597. Оп. 2 Д. 4. Л. 21.

² Там же. Ф. 1631. Оп. 2. Д. 47. Л. 9.

³ Там же. Д. 46. Л. 23.

Увеличение числа молящихся в церквях в 1956–1958 гг. было связано, по мнению уполномоченного, с активностью духовенства (настоятеля церкви иеромонаха Илии⁴; игумена Иосафа (г. Фрунзе); священника Евдокимова и диакона Шенрока (г. Ош). Причем количество молящихся увеличилось с 1000 человек в 1956 г. до 2800 – в 1957 и до 3500 человек – в 1958⁵.

В 1960 г. уменьшается число молящихся в церквях на Рождество, объясняемое Я. Гритчиным широко развернутой атеистической пропагандой и агитацией, выступлениями в печати, улучшением материального состояния трудящихся республики, а также давлением на правящего архиерея, который был вынужден переместить активного священника (игумена Иосафа), уволить старого священника (Хлопнина) и оставить его место не занятым⁶, что привело в последующем к закрытию церкви.

В корне стали меняться принципы деятельности уполномоченных Совета. Если главной целью уполномоченного до 1960 г. было «создание сложностей» епископу Ермогену, священникам и всем верующим, то с 1960 г. был разработан новый стиль в деятельности Совета по делам РПЦ: «...строгий контроль за выполнением советского законодательства о культурах»⁷.

Именно жесткий контроль должен был ограничить влияние церкви на население⁸. Церкви запрещалось украшать храмы, заниматься благотворительностью, приобретать автотранспорт и любую собственность, строить церкви, расширять свечное производство и др. И главное – было предложено разработать меры по сокращению Ташкентско-Среднеазиатской епархии и приходов республики⁹.

Фактически уполномоченным по Средней Азии было дано указание проводить активную работу по ликвидации церквей, сокращению числа священнослужителей и приходов. Именно Я. Гритчин оспаривал назначения священников, препятствовал увеличению числа благочиний в Киргизии, указывал местным органам власти на негодных ему настоятелей приходов.

В свою очередь, Владыка Ермоген упорно отстаивал конституционные права Церкви и всеми силами способствовал укреплению

⁴ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 2. Д. 46. Л. 21.

⁵ Там же. Л. 11.

⁶ Там же. Д. 47. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 64.

епархии. Благодаря его усилиям в Киргизии не было закрыто ни одного прихода¹⁰.

С 1960-х гг. уполномоченные и инструкторы Совета разбирали жалобы верующих на священников, участвовали в атеистической работе¹¹, ездили по всей Киргизии, изучали религиозные проповеди, их тематику, содержание, «идеологическую направленность и влияние служителей культа на религиозность населения, особенно детей, подростков и молодежь, способы, формы и методы религиозного воздействия»¹². Проповеди становились незаконными, священники наказывались, вплоть до ареста, что приводило к отказу последних от произнесения проповедей. А это, в свою очередь, обедняло духовную жизнь православных в Советской Киргизии – прерывался диалог верующих с духовенством и Церковью.

У настоятеля храма не было никаких прав, а вот приходской совет («двадцатка») и ревизионная комиссия наделялись всеми полномочиями по отношению к деятельности храма. Если священник занимался активной деятельностью, но не умел наладить отношения с «двадцаткой», то с ее стороны начинали поступать жалобы в Совет по делам РПЦ. Уполномоченный отправлял инструктора для проверки «сигналов о нарушении законодательства о культурах», и на их основании священника могли уволить с прихода¹³.

Уполномоченные Совета воздействовали на приходской совет и ревизионные комиссии, следили за тем, чтобы в этих органах не оказалось священников и приходские советы не попали под влияние настоятеля¹⁴.

Если приходской совет «выходил из-под контроля уполномоченного», то его распускали и набирали новый состав, полностью отвечающий требованиям советской власти, или же просто запрещали деятельность прихода. Именно эти действия привели к активному закрытию храмов в 1960-х гг. Так, при архиепископе Гаврииле (Огородникове) в Киргизии почти половина храмов (14 из 32) была закрыта.

Иногда верующие обращались к уполномоченному по делам РПЦ с просьбой назначить постоянного настоятеля, так как священники отказывались служить в связи с низкой заработной платой¹⁵.

¹⁰ См.: Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии XIX–XX вв.: исторический очерк. Бишкек, 2003.

¹¹ ЦГА КР. Ф. 2597. Оп. 3. Д. 5. Л. 49.

¹² Там же. Д. 7. Л. 38.

¹³ Там же. Л. 28, 34, 70, 78, 86.

¹⁴ Там же. Л. 34.

¹⁵ Там же. Ф. 2597. Оп. 3. Д. 4. Л. 165–166.

Все перечисленное свидетельствует, с одной стороны, о неусыпном контроле государства в отношении деятельности не только Русской Православной Церкви, но и умонастроений граждан, а с другой — об особой посреднической деятельности Совета по делам РПЦ при СНК СССР, а затем и Совета Министров СССР между Церковью и госструктурами СССР любого уровня.

VI. «ОТТЕПЕЛЬ» И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Г.В. Костырченко

ХРУЩЕВ И ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОСЛЕСТАЛИНСКИЕ 1950-е гг.

Олигархическое правление «коллективного руководства партии», заменившее единоличную диктатуру И.В. Сталина, в целом позитивно отразилось на дальнейшем развитии страны. Благодаря заметному снижению уровня нагнетавшегося «сверху» страха и некоторому разряжению социальной атмосферы несвободы определенным импульс получило развитие производительных и творческих сил общества.

В то же время, избавившись от репрессивных крайностей, правящий режим в СССР остался в основе своей таким же антидемократическим, как прежде. Правящая бюрократия по-прежнему представляла собой закрытую управленческую корпорацию, предпочитавшую рулить страной без реального участия общества, что порождало, с одной стороны, коррупцию, цинизм, апатию, пьянство и социальный эскапизм («стиляжничество»), а с другой – стихийный молодежный протест («дело Краснопевцева» и др.).

Вместе с тем, даже несмотря на то что предпринятое Н.С. Хрущевым развенчание «культы личности» Сталина носило половинчатый и противоречивый характер, порожденная им «оттепель» позволила сколько-нибудь самостоятельно мыслящей творческой интеллигенции, жестко придавленной еще вчера прессом перманентных идеологических проработок и чисток, перевести дух и обрести робкую надежду на лучшее будущее. Причем это проявилось уже сразу после XX съезда КПСС – в марте 1956 г., когда на бурлящем либеральной эйфорией партийном собрании в Московском отделении Союза писателей СССР (МО СП; с ноября 1958 г. – Московская организация Союза писателей РСФСР) была принята резолюция, осудившая послевоенную антикосмополитическую кампанию и «продукт массового психоза» – антисемитизм¹.

¹ См.: Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–1970 гг. М., 1999. С. 67–68.

Такой тон собранию был задан выступлением заместителя секретаря парткома МО СП В.А. Рудного, который, припомнив недавнее прошлое, с горечью отметил: «Ушли от ответственности те, кто впервые ввел скобки, назвав Мельникова Мельманом, кто издал знаменитый позорный писательский справочник под редакцией Софронова, где Гроссман Василий Семенович – Иосиф Соломонович Гроссман. Фактически антисемиты сохранили свои позиции»².

Отчет об этом собрании оказался столь острым и критичным в отношении консервативного писательского истеблишмента, что один из его лидеров – В.А. Кочетов, назначенный в январе 1956 г. главным редактором «Литературной газеты», – отказался печатать в ней этот, как он выразился, «реваншистский» текст³.

Однако нахлынувшая на страну волна демократизации оказалась столь сильной, что под ее напором не устояли те рогадки, которые Кочетов и его единомышленники пытались ставить своим идейным оппонентам в писательском союзе. Уже в дни работы XX съезда – в феврале 1956 г. – вышел в свет первый выпуск альманаха «Литературная Москва», в редколлегию которого вошли такие бывшие «космополиты» и сочувствовавшие им коллеги из числа столичных писателей, как тот же Рудный, писатели В.А. Каверин, Э.Г. Казакевич, К.Г. Паустовский, А.А. Бек, В.Ф. Тендряков, а также поэт М.А. Алигер, ставшая лидером этого неформального творческого коллектива. Хотя и ее, и других либерально настроенных литераторов на Старой площади считали «гнилыми элементами», тем не менее там в интересах «преодоления сковывающих творческий процесс излишнего администрирования и мелочной опеки со стороны партийных и государственных органов» вынуждены были в течение почти всего 1956 г. идти на некоторые уступки и «умягчения»⁴.

Откликаясь на все более настойчивые призывы либеральной интеллигенции отменить «ждановские» постановления 1946–1948 гг., Отдел культуры ЦК КПСС направил 27 июля 1956 г. в Секретариат ЦК записку, в которой вынужден был признать, что те действительно содержат «отдельные неточности и ошибки». Но при этом утверждалось, что эти ошибки носят «частный характер» и в целом послевоенные директивы по вопросам культуры «сохраняют все свое принци-

² Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы. М., 1999. С. 150.

³ Там же. С. 193.

⁴ См.: Правда. 05.04.1956.

пиальное значение, отражают позицию партии, направляющей наше искусство по пути жизненной правды и народности»⁵.

Не удивительно, что далее обвинительный пафос этого послания сфокусировался на «весьма распространенном среди творческих работников огульном охаивании всего партийного и государственного аппарата». Конкретно в намеренном «очернительстве советской действительности» были обвинены М.А. Алигер и такие авторы материалов, вошедших в первый выпуск «Литературной Москвы», как прозаик С.П. Антонов и поэт Р.И. Рождественский⁶.

Однако, после того как благодаря стараниям главного редактора «Нового мира» К.М. Симонова в журнале осенью 1956 г. был напечатан роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым», в ЦК решили, что наибольшая угроза устоям советской государственности исходит именно от этого сочинения. Дело в том, что книга Дудинцева сразу превратилась в своеобразный символ веры советской либеральной интеллигенции, зачарованной ключевой фразой главного героя романа: «Кто научился думать, того полностью лишить свободы нельзя».

Самым первым Дудинцева поддержал Рудный, назначенный к тому времени главным редактором вновь созданного «Московского литератора»⁷, сразу ставшего трибуной писателей-«оттепельщиков». Подобная цеховая солидарность вызвала у властей сначала беспокойство, а потом и яростный гнев. Особенно болезненно они реагировали на яркую и эмоциональную речь Константина Паустовского, с которой тот выступил 22 октября 1956 г. на обсуждении романа в Центральном доме литераторов. Наплыв публики в ЦДЛ был столь велик, что для ее сдерживания была вызвана конная милиция.

Одной из последних «оттепельно»-прорывных акций либеральной интеллигенции стал выход в свет в декабре 1956 г. объемного (800 страниц) второго выпуска альманаха «Литературная Москва», в котором, как определили надзиравшие за литературой цеховские чиновники, «значительно сильнее, чем в первом сборнике, выражены тенденции фрондерства и критиканства, настроения уныния и разочарования в правде и красоте жизни»⁸. Если первый выпуск аль-

⁵ В вышедшей в феврале 1957 г. редакционной статье главного партийного журнала «ждановские» постановления назывались «снятыми самой жизнью» (Коммунист. 1957. № 3. С. 21–22).

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 88–96.

⁷ См.: Информационный бюллетень Московского отделения Союза писателей СССР, который начал выходить с 17.10.1956.

⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: док. / отв. ред. В.Ю. Афиани; отв. сост. З.К. Водопьянова, М.Ю. Прозуменщиков [и др.]. М., 2001. С. 676.

манаха вышел 100-тысячным тиражом, то второй – 75-тысячным. А третий, уже составленный, вообще не увидел света – якобы из-за нехватки бумаги. Все это свидетельствовало о том, что на либеральный вызов общества власть ответила достаточно быстрой консервативно-охранительной самообилизацией и консолидацией.

Закручивая гайки, Хрущев в октябре 1956 г. в запальчивости обвинил руководство Союза писателей в участии в «международном заговоре писателей против социализма»⁹. А вскоре в состав правления МО СП, считавшегося в партийном ЦК ревизионистским и анархистским, был введен новый секретарь по оргвопросам – В.Н. Ильин, отставной генерал-лейтенант КГБ.

Подмораживая «оттепель», ЦК КПСС издал 19 декабря 1956 г. закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», которое потребовало ликвидировать «нездоровые настроения <...> среди отдельных работников литературы и искусства... охаивающих <...> с позиции безыдейного искусства <...> советский общественный строй <...> и очерняющих советские порядки»¹⁰.

Уже вскоре писательскому начальству была устроена в аппарате ЦК КПСС настоящая головомойка. Наиболее разносной критике подверглось руководство МО ССП, которое обвинили в культивировании «дешевого фрондерства и критиканства». Одним из тех, кто оказался в эпицентре нападков, был В.А. Рудный – пожалуй, самый яркий обличитель борцов с «космополитизмом». Обвиненный в том, что, будучи главным редактором «Московского литератора», он придал этой региональной многотиражке Союза писателей «явно тенденциозный характер» и превратил ее в «своеобразный рупор нездоровых настроений», он был снят с этого поста и выведен из состава парткома МО СП¹¹. А 11 мая 1957 г. в аппарате Центрального Комитета партии занялись и альманахом «Литературная Москва». В датированной этим числом пространной записке Отдела культуры ЦК КПСС в его Секретариат редакция этого издания была обвинена

⁹ Долматовский Е.А. «Я из-за тебя ночь не спал...» // Цит. по: Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. / отв. сост. М.Ю. Прозуменщиков, А.Н. Артизов [и др.]. М., 2009. Т. 1. С. 643.

¹⁰ Реабилитация: как это было: док. Президиума ЦК КПСС и др. материалы: в 3 т. / сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев и др. М., 2003. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 210. (Россия. XX век. Документы).

¹¹ См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957... С. 655, 676–677; Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы... С. 150, 205.

в «групповщине», под которой, видимо, подразумевалось и еврейское происхождение членов редколлегии альманаха, таких как Казакевич (главный редактор), Алигер, Каверин и Рудный (ответственный секретарь).

Отлично понимая по опыту недалекого прошлого, чем грозит им обвинение в «групповщине», Казакевич и Рудный, выступая 21 и 22 мая на заседании парткома МО СП, решительно «отрицали групповой характер своей деятельности». Вынужденные тогда признать «отдельные ошибки, допущенные <...> при выпуске... сборника», они в дальнейшем отказались от активных общественных действий, что, впрочем, не помешало властям обвинить их, а также Каверина в «проведении линии молчания», то есть в скрытом протесте¹².

Очень скоро кампания борьбы против «идейных шатаний в рядах творческой интеллигенции» из кабинетной превратилась в пропагандистскую. Публичный тон ей был задан серией встреч писателей и деятелей искусств с лидерами партии и государства. Проходившие и в официальной обстановке в ЦК КПСС, и в неофициальной («без галстуков») – на подмосковных правительственных дачах, они как бы продолжили практику прежних подобных посиделок Сталина с «инженерами человеческих душ».

Правда, теперь на эти мероприятия приглашались уже не только начальники творческих союзов, как это было раньше, но и десятки «не руководящих» писателей, музыкантов и художников – широко известных и начинающих. К тому же если при Сталине общение представителей высшей бюрократии с творческой интеллигенцией проходило при полном доминировании вождя, изрекавшего, как считалось, одни бесспорные установочные истины, то при Хрущеве на подобных встречах порой возникали достаточно жаркие дискуссии. Впрочем, этот наследник «великого и ужасного» вождя явно претендовал на его вакантные лавры и, всегда доминируя на встречах с советской творческой интеллигенцией, хотел стать таким же, как он, ее наставником. Однако не обремененному ни образованием, ни интеллектом, ни хорошим воспитанием Хрущеву данная задача оказалась не по плечу.

В то же время, затеяв развенчание «культы личности» и столкнувшись потом с вызванными им потрясениями основ «советской империи» (массовые волнения в Польше, Венгрии, идейное брожение в СССР), Хрущев вынужден был пойти на непосредствен-

¹² См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: док. / отв. ред. В.Ю. Афиани; отв. сост. З.К. Водопьянова, М.Ю. Прозуменщиков [и др.]. М., 2005. С. 239.

ное общение с интеллектуальной элитой страны, очевидно, осознав, что она способна существенно воздействовать на настроения в обществе.

Первым контактом такого рода стала состоявшаяся 13 мая 1957 г. на Старой площади встреча членов Президиума ЦК с почти 70 ведущими литераторами страны. С самого начала встреча задумывалась организаторами (непосредственным организатором была Секретарь ЦК КПСС Е.А. Фурцева) как начальственная накачка тех, кто, как считалось, чрезмерно увлекся антисталинскими разоблачениями.

Вот поэтому суть пространной и эмоциональной речи, с которой выступил тогда Хрущев, сводилась к следующим установкам: 1) оценка деятельности Сталина должна проводиться «диалектически» и ни в коем случае не сводиться к одной только негативной критике, которая чревата очернением партии и всей системы власти («Я Сталина хвалил за то, что он был нестигаемым человеком, он не страшился обрушить меч на голову врага, но я осуждаю Сталина за то, что он допустил, чтобы под этот меч попали наши друзья»); 2) только власть определяет меру либерализации системы и не допустит никакой самодеятельности снизу («Мы никогда не стояли за такую демократию, которая без берегов, без руля и без ветрил, у нас достаточно и ума, и сил для пресечения этого»); 3) главное в творчестве писателей не художественное мастерство и даже не отстаивание моральных принципов, а преданное служение власти («Писатели, как и при Сталине, являются первыми помощниками партии, ее лучшей опорой... они – защитники самого главного участка идеологического фронта»)¹³.

Не удивительно, что, изложив подобного рода тезисы, Хрущев принялся защищать с трибуны писателей-сталинистов, к которым, как он выразился, «незаслуженно... привешивают ярлык лакировщика» и которых пытаются «затоптать <...> смешивают с грязью». Конкретизируя, он заявил, что такие литераторы, как Н.М. Грибачев и С.П. Бабаевский, - «наши люди... преданные партии», они «шли за партией, верили Сталину, воспевали Сталина».

Далее Хрущев устроил разнос литераторам-либералам. Особенно досталось Дудинцеву («смакует недостатки <...> это цыпленок, ему ли вскрывать недостатки партии?») и руководителям МО СП («нельзя, чтобы в Москве разводилась гниль»). И наконец, Никита Сергеевич предложил – явно в противовес «космополитическому» МО СП – создать Союз писателей РСФСР. Причем для того, «чтобы дать возможность городам РСФСР воздействовать на Москву и мо-

¹³ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени... Т. 2. С. 446–462.

сковских писателей»¹⁴. При этом, конечно, имелось в виду консервативно-охранительное воздействие.

Наблюдая, как антилиберальный прессинг Хрущева на литературу стимулирует в ней насаждение конформизма и посредственности, писатель А.Т. Твардовский хоть и предпочитал держаться особняком, тем не менее во многом сочувствовал Алигер и ее единомышленникам и понимал, чем чреваты нападки на них. 13 мая 1957 г. в его дневнике появилась следующая исполненная скепсиса запись: «Речь Хрущева – она многими благоговейно и дословно записана – рассеяние последних иллюзий. Все то же, только хуже и мельче. Рады одни лакировщики, получившие решительную и безоговорочную поддержку»¹⁵.

Следующая встреча Хрущева с творческой интеллигенцией состоялась менее чем через неделю, 19 мая 1957 г. По своему формату она значительно разнилась с предыдущей: помимо писателей в ней участвовали и деятели искусств – художники, скульпторы и композиторы. К тому же ее проводили не в навевавших священный трепет стенах штаб-квартиры ЦК КПСС на Старой площади, а на бывшей сталинской даче в подмосковном Семеновском, где на лоне природы было организовано располагавшее к раскованному общению застолье с обильными возлияниями.

Явно подражая Сталину, любившему таким незамысловатым способом развязывать языки гостям, Хрущев взял на себя роль гостеприимного хозяина и тамады. Не умолкая ни на минуту, он предлагал тосты и одновременно сбивчиво излагал свое идеологическое кредо. Говоря о Сталине, заверил, что его имя «не позволим растоптать», а потом неожиданно спикировал на покойного вождя: «Россию-матушку Сталин боялся <...> при нем ее <...> обобрали, как белку». Затем Хрущев прошелся по либеральным руководителям МО СП. Назвав их «лжепредставителями» и «самозванцами», которые «хотят представлять русский народ перед партией», он резко бросил в их адрес: «Суррогат какой-то <...> не кофе, а подделка»¹⁶.

Потом Хрущев вдруг вспомнил об Алигер, сказав, что, хотя с нею и не знаком, но, поскольку она приглашена на данную встречу, не прочь с ней «побороться». Услышав свое имя, Алигер привстала, и тогда заметивший ее Хрущев стал подтрунивать: «Мне изображали вас такой

¹⁴ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени... Т. 2. С. 447, 451, 455, 461.

¹⁵ Твардовский А.Т. Из рабочих тетрадей (1953–1960) // Знамя. 1989. № 8. С. 127.

¹⁶ Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени... Т. 2. С. 463–464, 477–479.

силой, против которой нужно чуть ли не водородную бомбу мобилизовать». Вперившись в эту хрупкую женщину, лавировавшую тем временем между занятыми коллегами столиками и пробирающуюся к президиуму, Хрущев, находясь, очевидно, уже в изрядном подпитии, вдруг устрашающе изрек: «Но кто встанет поперек нашего пути с партийным билетом (Алигер была членом КПСС с 1942 г. – Г.К.) или без партийного билета – сотрем в порошок»¹⁷.

Подойдя к Хрущеву, Алигер иронично парировала его выпад: «...Я рада, что могу хотя бы выйти и вы уже видите, что я не так уж страшна». Пробурчав под нос, что он «не из пугливых людей», лидер партии вновь с раздражением набросился на Алигер: «Ваши друзья те, кто против нашей партии. Вот беспартийный Соболев, который по недоразумению не в партии, – я за него ручаюсь головой, а за Вас и одной руки не подниму»¹⁸.

Однако этот прозвучавший с самого «верха» грубый окрик не вразумил Алигер, которая и на сей раз не дрогнула, что исходило из ее письма, направленного в партком МО СП и зачитанного 29 мая 1957 г. на закрытом партийном собрании организации. В нем она, как констатировали в ЦК, «не признала своих ошибок», за что подверглась «резкой критике» со стороны Л.Р. Шейнина, Е.А. Долматовского и других литераторов¹⁹.

И все же осенью 1957 г. Хрущев психологически давил Алигер, принудив к публичной капитуляции в виде статьи, где она покаялась за участие в выпуске альманаха «Литературная Москва»²⁰. Ответ на вопрос, в какой атмосфере она приняла это мучительное для нее решение, можно найти в интервью Хрущева в ноябре 1957 г. американскому журналисту Генри Шапиро, когда советский руководитель, затронув проблему взаимоотношений Кремля с творческой интеллигенцией, вдруг – совсем как при Сталине – стал рассуждать о «безродном космополитизме»²¹.

Однако, приструнив Алигер и ее друзей – либеральных литераторов, власти столкнулись с гораздо большей проблемой. Как раз той же осенью 1957 г. мир облетела сенсационная новость о предстоящем вскоре выходе за границей неподцензурного романа Б.Л. Пастернака

¹⁷ Там же. С. 492.

¹⁸ Там же. С. 492–493.

¹⁹ См.: Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957... С. 680–681.

²⁰ См.: Алигер М.А. Быть требовательней к себе // Литературная газета. 08.10.1957.

²¹ Pinkus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge, 1988. P. 221.

«Доктор Живаго». А когда 23 октября 1958 г. стало известно о присуждении Пастернаку Нобелевской премии за «значительный вклад как в современную лирику, так и в область великих традиций русских прозаиков»²², в тот же день Президиум ЦК КПСС срочно принял строго секретное Постановление «О клеветническом романе Б. Пастернака», установившее: «Признать, что присуждение Нобелевской премии роману Пастернака, в котором клеветнически изображается Октябрьская социалистическая революция, советский народ, совершивший эту революцию, и строительство социализма в СССР, является враждебным по отношению к нашей стране актом и орудием международной реакции, направленным на разжигание холодной войны»²³.

В соответствии с этой директивой развернулась массированная общественная травля писателя, который, будучи принужден под угрозой высылки из СССР к отказу от премии, скончался 30 мая 1960 г. от быстрой смертельной болезни.

* * *

Оптимистический настрой, возникший в обществе в «оттепельном» 1956 г., способствовал повышению потенциала либеральной творческой интеллигенции и созданию ею новых талантливых произведений в области литературы и искусства. Однако она недолго пребывала в плену радужных иллюзий. Горькое разочарование наступило сразу после того, как Алигер, Паустовский и их друзья по литературному цеху захотели опубликовать свои новые произведения.

Тогда они на себе почувствовали то, что идеологическая цензура партии хоть и не свирепствует, как в сталинские годы, но осталась такой же непробиваемой для всего, в чем усматривалось малейшее стремление автора к свободе творчества. Окончательное охлаждение демократически настроенной творческой элиты к Хрущеву, который поначалу воспринимался ею почти как новоявленный царь-освободитель, произошло после XXII съезда КПСС. На съезде тот хоть и инициировал второй этап десталинизации, но так и не решился на сколько-нибудь основательное реформирование страны, подменив его тупиковым «коммунистическим проектом» – утопией, обернувшейся потом социальным застоём.

Попытка либеральной интеллигенции стимулировать власть к основательному демократическому обновлению страны вызвала лишь

²² Литературная газета. 25.10.1958.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 14. Д. 250. Л. 15–16.

раздражение в «верхах», предпринявших в ответ серию показательных словесных порок наиболее «отбившихся от рук партии фрондеров». На этих организованных в «воспитательных целях» встречах руководства КПСС с работниками литературы и искусства Хрущев постарался в полной мере продемонстрировать номенклатурному слою свою корпоративную преданность, в том числе и посредством риторики с «элементами» антисемитизма. Даже такой тяготевавший к сталинизму высокопоставленный чиновник той поры, как первый секретарь МГК КПСС Н.Г. Егорычев, впоследствии утверждал, что эти встречи прошли «постыдно плохо, а сам Хрущев основательно подорвал свой авторитет среди творческой интеллигенции»²⁴.

По сути, Хрущев оказался заложником межеумочной «застойной» позиции – «ни сталинизма, ни демократизации». Это окончательно развело власть с социально активной интеллигенцией, причем не только с либеральной, но и неопочвеннической. Приверженцы обоих этих направлений начали постепенно отмежевываться от бесплодной официальной идеологии, все более обособляясь в собственных идеологических катакомбах. С противоположных позиций они принялись подспудно оппонировать власти, которая, оказавшись на идеологической обочине, способна была реагировать на подобные вольности разве что по примитивному охранительному принципу «тащить и не пущать».

²⁴ После XX съезда... Интервью с Н.Г. Егорычевым // Вопросы истории КПСС. 1991. № 5. С. 103.

С.А. Красильников

ФЕНОМЕН СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА НАУКИ

О создании и последующей эволюции Сибирского отделения, действительно ставшего знаковым феноменом для советской модели организации академической и в целом отечественной науки, написаны за истекшие более чем полвека сотни работ самого разнообразного формата и профиля. Если из их числа выделить тематическое ядро, т. е. научную, исследовательскую рефлексию, то в более узком смысле речь может идти об оценочном осмыслении данного феномена, прежде всего, самими создателями и руководителями Отделения («базовая рефлексия») и примыкающими к ним работы социальных историков науки, науковедов («надстроечная рефлексия»).

Некоторым итогом, заключившим эти жанры в один формат, стал выпуск к 50-летию юбилею СО РАН в 2007 г. серийного издания из трех книг, в первой из которых нашла отражение «базовая рефлексия» (избранные статьи и выступления председателей Отделения за годы его существования), во второй – «надстроечная рефлексия» (исторический очерк о развитии академической науки в регионе), а третьей стало справочное издание, содержащее биограммы на почти 300 ученых, избранных в течение полувека в члены Академии наук и работавших в Отделении (персональный состав)¹.

Если говорить о концептуальном ядре работ, анализировавших феномен СОАН/РАН, то здесь очевидным образом центральное место в нем заняли принципы, озвученные в партийно-директивных документах той хрущевской эпохи, в рамках которой создавался научный комплекс на востоке страны. Затем указанные принципы

¹ См.: Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров / сост. В.Д. Ермиков, Н.А. Притвиц, О.В. Подойницына. Новосибирск, 2007; Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск, 2007; Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / сост. Е.Г. Водичев, Г.М. Запорожченко, О.Н. Калинина и др. Новосибирск, 2007.

были адекватно переведены основателями Отделения на научный язык и далее – в плоскость реализации конкретных управленческих решений. В работах исследователей воспроизводился симбиоз из властных директив в сочетании с оценками основателей и руководителей Отделения и с наполнением данного «каркаса» эмпирическим материалом.

В итоге взаимного подкрепления аргументами была сконструирована следующая «матрица» причин создания, принципов функционирования и потенциала устойчивости созданной модели Отделения. Акцент делался на благоприятном сочетании и взаимодействии факторов объективного и субъективного характера. При этом объективный включает в себя необходимость: научного обеспечения ускоренного развития производительных сил на Востоке страны, деконцентрации в размещении научного потенциала, комплексности взаимодействия различных групп наук в рамках Отделения, создания системы подготовки кадров для нужд академической науки и т. д.; субъективный – наличие сильных научных лидеров, готовность последних переехать на Восток с учениками и единомышленниками, высокая степень мотивации и подвижности внутри данной части научного сообщества и поддержка идеи ученых руководством страны.

Вплоть до начала 1990-х гг. безусловно доминировала официальная концепция истории создания и развития Сибирского отделения АН СССР, которая базировалась на отработанной и закреплённой на двух уровнях (официальном/пропагандистском и историко-научном) схеме. Согласно данной схеме новаторские принципы, заложенные лидерами – создателями Отделения в первое десятилетие (1957–1967 гг.), обеспечивают его устойчивое развитие на необозримый период. Сложности, противоречия во взаимодействии ученых со структурами власти, внутринаучные конфликты, постепенная утрата динамизма и мобильности в 1980-е гг. оставались для внутрикорпоративного обсуждения, а попытки их анализа и обсуждения приводили к маргинализации этого направления историко-научных исследований.

В новейшей исторической литературе некогда базовая, официальная трактовка истории создания и последующей динамики развития Отделения уже не играет прежней роли. Ей на смену пришла более многоаспектная и потому более реалистичная историческая реконструкция причин, факторов и тенденций, сыгравших свою роль в создании и последующей трансформации феномена Сибирского отделения АН СССР².

² См.: Артемов Е.Т. Как принимались решения в советской системе управления (случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Ураль-

В принципиально новой плоскости социальными историками науки поставлен вопрос о слагаемых успешной реализации новой модели организации науки («случай Академгородка») с позиций сочетания действия объективных и субъективных факторов: если ранее аксиомой считался приоритет действия объективных условий, то ныне гораздо более обсуждаемым становится действие «человеческого фактора» на благоприятный или негативный исход событий. Более углубленно изучаются проблемы: корпоративных взаимоотношений внутри научного сообщества, сформировавшегося в Отделении; мотивации деятельности лидеров-организаторов Отделения; роли и значения мобилизационных технологий и практик в ходе создания инновационного для своего времени Новосибирского научного центра и т. д.

Новый виток изучения социальной истории науки в Сибири приводит ученых к необходимости обращения к предпосылкам, условиям и механизмам создания основ Отделения и тем самым переосмысления событий, связанных с хрущевским периодом в истории страны и отечественной науки. Данная публикация не претендует на концептуальную или эмпирическую новизну в данной области, ее целью является реинтерпретация уже накопленных в науке данных и оценок о начальном этапе создания Сибирского отделения АН СССР.

Говоря о феномене Отделения, следует отметить, что всеми исследователями признается роль в его возникновении двух групп факторов фундаментального характера, первая из которых находилась вне научной плоскости, а вторая исходила из внутринаучных потребностей. Имея в виду сочетание и совпадение вне- и внутринаучных потребностей, исследователи так или иначе обращаются к деятельному моменту, который должен был быть в виде интенции – отрефлексированном речевом/текстовом действии, направленном на объяснение необходимости реализации актуального проекта.

В нашем случае интенция нашла отражение в нескольких публикациях и обращениях инициаторов создания Отделения, первоначально – академиков М.А. Лаврентьева и С.А. Христиановича. Так, в своей записке, имевшей гриф секретности и направленной 8 декабря 1956 г. на имя Н.С. Хрущева, имевшей целью обосновать необходи-

ский исторический вестник. 2011. № 3 (32). 2011. С. 129–138; Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012; Кузнецов И.С. Неизвестный Лаврентьев. Новосибирск, 2010; Он же. Создание новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 10: История. С. 86–91.

мость создания в Сибири мощного научного центра (первоначально последний мыслился в виде Академии наук Российской Федерации), академики использовали преамбулу с пояснением назревших потребностей данного шага. В ней на языке, привычном и понятном высшему номенклатурному звену, доказывались три базовые причины.

Первая причина из них состояла в том, что модель нового мощного территориального академического комплекса хорошо/удачно согласовывалась с *потребностями стратегического характера* – созданием своего рода дублирующей структуры на случай военной угрозы: «В настоящее время основные научные силы по всем разделам науки сосредоточены в Москве... Такое положение с точки зрения развития науки, связи науки с техникой, подготовки научных кадров *не рационально* (выделено нами. – С.К.); в случае военной ситуации такое положение *крайне опасно*»³.

Вторая причина акцентировала внимание руководителя страны на то, что модель территориального академического комплекса хорошо/удачно согласовывалась с *потребностями государственной научно-технической политики (НТП)* в научном обеспечении новых производств на востоке страны, что позволит создать единый научный комплекс из разнопрофильных учреждений, связанных единой организационно-управленческой структурой: потребуется привлечение на Восток «значительных групп ведущих ученых разных специальностей, связанных с оборонной техникой, новой техникой, тяжелой индустрией...»⁴

Третья причина напоминала о том, что модель территориального академического комплекса хорошо/удачно согласовывалась с *потребностями/приоритетами территориального развития экономики*, сформулированными в виде партийной директивы: «На XX съезде КПСС принято решение о создании мощной индустриальной базы на Востоке»⁵.

Обращает на себя внимание немалая оперативность рассмотрения данной «записки» высшим партийным руководством. Из делопроизводственной пометы на документе следует, что она 18 декабря – уже через 10 дней – была направлена для дачи по нему заключения в профильные отделы ЦК. Отделы науки, вузов и школ в лице В. Кириллина и Н. Казьмина подготовили положительное заключение.

³ Сибирское отделение Российской академии наук: создание (1957–1961 годы): сб. док. / сост. Е.Г. Водичев, И.С. Кузнецов [и др.]. Новосибирск, 2007. С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ние по обращению академиков, датированное 30 декабря. В преамбуле не только фактически подтверждалась правота и своевременность инициативы ученых, но и воспроизводилась в несколько измененном виде их аргументация: «Тт. Лаврентьев и Христианович обоснованно ставят вопрос о необходимости в кратчайший срок создания на востоке крупной научно-исследовательской базы, привлечении туда ведущих ученых разных специальностей. <...> Сосредоточение научных учреждений в Москве, Ленинграде и некоторых других городах СССР неправильно в принципе. Оно затрудняет связь науки с производством, ограничивает возможности подготовки и правильного использования кадров, *нерационально со стратегической точки зрения* (выделено нами. – С.К.)»⁶.

Из отмеченного следует, что инициатива известных руководству страны ученых оказалась весьма грамотно «упакована» в партийно-государственный «новояз» с верно расставленными акцентами, где на тот момент при обосновании создания будущего Отделения делался упор на геополитический, военно-стратегический фактор. Такая особенность предполагает выявление прямых связей между новационной идеей – осуществить декомпозицию научно-образовательного потенциала страны путем изменения традиционной модели «Центр–периферия» и создания на востоке страны мощного многопрофильного академического научного центра – и мобилизационными методами и практиками ее реализации. Иначе говоря, речь идет о том, что Новосибирский академгородок в значительной мере «вырос» из «сталинской шинели».

Здесь очевидным образом следует говорить о *трансфере модели научного обеспечения проектов ВПК*, в частности об опыте создания закрытых/секретных научно-технических центров (моногородов) в рамках атомного и ракетно-космического проектов, в том числе центров в гг. Снежинске (Урал) и Арзамасе – 16, а на территории Сибири – гг. Северска (под Томском) и Железногорска (под Красноярском). Соответственно имел место и *трансфер технологии ресурсного/инфраструктурного обеспечения* – перенос опыта строительства и инфраструктурного обеспечения моногородов при формировании Новосибирского научного центра (ННЦ).

В частности, на раннем этапе строительства Академгородка предусматривалось использование «спецконтингента» и военно-строительных частей в подкрепление к коллективу «Новосибирскгэсстроя» как главной строительной организации. В проекте Постановления Совета Министров СССР в данной части предусматривалось: «Обя-

⁶ Сибирское отделение РАН: создание (1957–1961 годы)... С. 18–19.

зять Министерство внутренних дел СССР обеспечить “Новосибирскгэсстрой” рабочей силой в количестве 2000 чел. с ноября 1957 г. до конца строительства научного городка. Распространить Положение на рабочую силу заключенных о производстве зачетов 1 к 3 отбытого времени наказания... Обязать Министерство обороны СССР выделить в текущем году “Новосибирскгэсстрою” до конца строительства научно-исследовательских институтов СО АН СССР строительные батальоны в общем количестве 2000 чел.»⁷

Через два года, весной 1959 г., в условиях сбоя с темпами строительства ННЦ произошла полная передача строительства в ведение Минсредмаша с созданием специальной организации «Сибкакадемстрой». Последняя естественным образом продолжала использовать указанную специфическую «рабочую силу», хотя, предположительно, и в несколько меньших масштабах. При создании Отделения имел место и *трансфер социальной мобилизации*.

Организация Академгородка сопровождалась мощной и интенсивной пропагандистской кампанией мобилизационного типа. В то же время в ней имелись два принципиальных отличия от мобилизационной модели сталинской эпохи: кампания создания наукограда в Новосибирске имела полностью позитивную, консолидационную природу; кроме того, в ней имели место процессы так называемой самомобилизации, проявления социальных инициатив и начинаний в научной среде.

Инициаторов идеи создания первого территориального Отделения в структуре академической науки М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича, а затем и вошедшего в эту команду С.Л. Соболева, включая и группу других директоров – организаторов институтов Отделения, объединяла успешная на протяжении нескольких лет работа в рамках указанного атомного проекта.

Так, **М.А. Лаврентьев** (директор Института гидродинамики) с мая 1953 по 1955 гг. являлся заместителем научного руководителя КБ–11 (г. Саров), в 1955–1957 гг. продолжал работу в КБ–11 по совместительству. Вместе с учениками он разработал образец артиллерийского снаряда с атомным зарядом, испытание которого состоялось в 1956 г. на Семипалатинском полигоне. **С.А. Христианович** (директор Института теоретической и прикладной механики) в период 1953–1961 гг. принимал непосредственное участие в испытаниях ядерного оружия в атмосфере и под водой, а также работал над про-

⁷ Цит. по: Кузнецов И.С. Создание Новосибирского академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета... С. 88–89.

блемами защиты от этого оружия. **С.Л. Соболев** (директор Института математики) с 1945 по 1957 г. работал как заместитель И.В. Курчатова, возглавляя направление по математическим вычислениям. **И.И. Новиков** (директор Института теплофизики) выполнил ряд исследований по тематике советского атомного проекта. В 1950–1956 гг. возглавлял научно-техническое управление Минсредмаша. **Г.И. Будкер** (директор Института ядерной физики) с 1946 по 1957 г. работал в Лаборатории измерительных приборов АН СССР (позднее – Институт атомной энергии) под руководством И.В. Курчатова. **А.А. Ковальский** (директор Института химической кинетики и горения), работая до 1957 г. в Институте химической физики, участвовал в изучении излучения при взрыве атомной бомбы и разработке средств защиты от радиации. Таким образом, из 12 первых директоров институтов Новосибирского академгородка шестеро принимали активное участие в реализации атомного проекта⁸.

Группа инициаторов создания Отделения имела и весьма высокие в рамках академической иерархии статусные позиции, позволявшие им выдвигать и озвучивать данную инициативу в высших академических научных кругах. **М.А. Лаврентьев** в послевоенный период занимал посты вице-президента АН Украины (1946–1948 гг.), директора Института точной механики и вычислительной техники (1950–1953 гг., Москва), на момент выдвижения идеи являлся академиком – секретарем Отделения физико-математических наук АН СССР (1950–1953 и 1955–1957 гг.), членом Президиума АН СССР. **С.А. Христианович** был научным руководителем ЦАГИ (1940–1953 гг.), академиком – секретарем Отделения технических наук АН СССР (1953–1957 гг.), членом Президиума АН СССР. **В.С. Немчинов** был председателем Совета по изучению производительных сил АН СССР (1949–1963 гг.), академиком – секретарем Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР (1953–1962 гг.), членом Президиума АН СССР. Таким образом, из 12 академиков – секретарей Отделений по наукам трое являлись инициаторами создания Сибирского отделения АН СССР, чем значительно усиливали возможности формирования позитивного отношения в идее создания Отделения в академическом сообществе.

Кроме того, и это чрезвычайно важно, среди инициаторов «научного десанта» из Центра в Сибирь были те, кто имел опыт создания вузов нового типа. **М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович** входили в число создателей Московского физико-технического института

⁸ См.: Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав... С. 38, 150, 194, 240, 266–267, 394–395.

(МФТИ). **И.И. Новиков** был одним из основателей Московского инженерно-физического института (МИФИ), его первым ректором (1956–1958 гг.).

Сказанное выше свидетельствует о том, что послевоенная эпоха с ее новыми геополитическими угрозами способствовала резкому повышению востребованности ученых и формированию в научной среде высоких оценок возможностей для самореализации. Между тем все трое академиков-инициаторов (Лаврентьев, Христианович, Соболев) очевидным образом ощущали, что занимавшиеся ими к середине 1950-х гг. статусные позиции в академической и военно-технической иерархиях достигли своего максимума и новые возможности следовало искать вне Центра.

Идея формирования нового академического научного комплекса на территориальной «периферии» оказалось как нельзя более созвучной общему вектору преобразований в послесталинскую эпоху, нацеленному на реформирование систем управления во всех сферах, включая и научную. Идея деконцентрации научно-образовательного потенциала страны оказалась органически вписанной в стратегию ожидания советских верхов второй половины 1950-х гг.

Для реализации сконцентрированного в деятельности группы ведущих ученых реформаторского потенциала, впрочем, имелись также своего рода границы возможного. В частности, очевидно завышенной оказалась ставка Лаврентьева и Христиановича на идею создания научного комплекса на Востоке в форме Академии наук Российской Федерации, предложенную Н.С. Хрущеву в процитированной ранее «записке» от 8 декабря 1956 г. Аппаратные деятели из ЦК разумно трансформировали данную инициативу ученых в проект создания территориального подразделения АН СССР в качестве Сибирского отделения.

В то же время для академиков-инициаторов было открыто несколько уникальных по тем временам преференций, или «коридоров возможностей». Первым и основным из них стал *политический коридор*. Фактическим куратором создания новой модели децентрализации науки выступал Н.С. Хрущев как руководитель государства. М.А. Лаврентьев и С.А. Христианович пользовались его доверием. Поэтому наиболее благоприятным для решения ключевых проблем формирования Отделения был период с 1957 по 1963 г.

Производным от *политического* стал *ресурсно-управленческий коридор*. Выделение для Отделения (фактически – для Новосибирского академгородка) ресурсов (финансовых, материально-технических и др.) производилось «особой строкой». Ранее уже отмечалось использование для строительства Академгородка строительного потенциала ВПК. Режим наибольшего благоприятствования касался в

эти годы принятия базовых решений, обеспечивших устойчивое развитие ННЦ в первое «семилетие». Новая территориальная академическая структура получила тогда все возможные преференции.

Вместе с тем уже на этапе становления Отделения проявили себя, вначале в не столь явной, открытой форме, противоречия и препятствия вненаучного и внутринаучного характера. К числу первых следует отнести сложные взаимоотношения руководства Отделения с региональным партийным руководством в лице Новосибирского обкома КПСС, когда последнее стремилось установить «политконтроль» над сферой науки, влиять на решение кадровых вопросов и т. д. Помимо этого, произошло определенное снижение управленческого потенциала М.А. Лаврентьева и его возможностей «выхода на руководство» после отставки Н.С. Хрущева осенью 1964 г.

Начинали сказываться и неизбежные для столь форсированного и многоаспектного создания Академгородка просчеты организационно-финансового характера, перерасходы средств, выделяемых на строительство и формирование научных учреждений и другие проблемы. Произведенной Минфином РСФСР в 1959 г. ревизией хозяйственно-финансовой деятельности Сибирского отделения АН СССР были установлены «существенные недостатки, бесхозяйственность и излишества в расходовании государственных средств». Соответствующим решением Совета Министров РСФСР Отделение было «наказано» определенным снижением от запланированных на 1960 г. средств на фонд заработной платы, капитальные вложения и др., ряд хозяйственных работников Отделения за нарушения были сняты с занимаемых должностей⁹.

Эти внешние для науки факторы накладывались на начинавшие проявлять себя внутриэлитные конфликты, в том числе с руководством АН СССР до его смены в 1961 г. и приходом на пост президента М.В. Келдыша. Через несколько лет последовали перестановки внутри руководства Отделения, Лаврентьев начал проводить реформатирование команды, создававшей вместе с ним ядро ННЦ. В силу ряда причин произошли отставки и уходы со своих постов С.А. Христиановича, И.И. Новикова и некоторых других.

К середине 1960-х гг. проявилось действие миграционного маятника, когда приток научных кадров в Отделение столкнулся с начавшимся кадровым оттоком. Стало сказываться также противоречие между фундаментальными исследованиями и прикладными, в том числе для нужд ВПК, что порождало «закрытость» и преференции

⁹ См.: Сибирское отделение Российской академии наук: создание... С. 125–136, 138–146.

одних групп ученых перед основной их массой. Но пока, в хрущевский период, указанные «болевые точки» еще не столь ослабляли тенденцию поступательного роста.

Создание в Сибири, с ядром в Новосибирске, нового регионального научного центра, не уступавшего столичным, позволило изменить сложившуюся инерционную конфигурацию территориального размещения отечественной академической науки. Происходило это в научно-технической сфере середины – второй половины XX в. в соответствии с мировой тенденцией – реализацией стратегии *полюсов роста*. В то же время становление модели Сибирского отделения/Новосибирского научного центра стало следствием уникального совпадения факторов вненаучного (прежде всего, социально-политического) и внутринаучного характера, которые не могли быть тиражированы, повторены адекватным образом.

Феномен Отделения был достигнут путем соединения черт и технологий двух эпох – позднесталинской и хрущевской. Инновационная модель организации науки реализовывалась сочетанием мобилизационных технологий тоталитарной системы с «оттепельной» тенденцией корпоративной самоорганизации и самомобилизации научного сообщества. Все в последующем создаваемые отечественные научные центры и городки обладали «ослабленными» в сравнении с ННЦ научно-организационными характеристиками и не столь значительным, как в Академгородке, «пассионарным» потенциалом развития¹⁰.

¹⁰ См.: Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы... С. 202, 205–207.

В.Ю. Михайлин

АПОГЕЙ И КРАХ «ОТТЕПЕЛЬНОГО» МОБИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА В ФИЛЬМАХ «ЗАСТАВА ИЛЬИЧА» М. ХУЦИЕВА И «ТРИ ДНЯ ВИКТОРА ЧЕРНЫШЕВА» М. ОСЕПЬЯНА

В данной статье речь пойдет о двух фильмах – о «Заставе Ильича» Марлена Хуциева (1964/1988 гг.) и «Трех днях Виктора Чернышева» Марка Осепьяна (1968/1988 гг.). Эти две картины самым интимным образом связаны между собой – обе вышли на экран в довольно странную эпоху ранне-брежневской «пост-оттепели», обе имели непростую судьбу, подвергались разного рода цензурным нападкам, переделкам и запретам, и при этом обе принесли своим создателям престижные премии¹; обе были «восстановлены» в более или менее изначальных авторских версиях в одном и том же 1988 г. – и все это при том, что фильм Марка Осепьяна представляет собой злую и принципиальную пародию на фильм Марлена Хуциева.

Главный пафос хуциевского фильма – постепенное рождение системы незыблемых ценностей из кажущегося многообразия и хаоса, которые сами по себе, во всей своей сложности и неоднозначности хороши, насквозь пронизаны жизнеутверждающим романтическим пафосом «запутавшегося обилия» и – плоть от плоти «нашей», «единственно правильной» действительности. Конечно, в этой действительности есть место явлениям неоднозначным и даже принципиально неприемлемым, но они не делают погоды, поскольку исходная система координат задана правильно, и молодому поколению советских людей просто нужно как следует вслушаться в гул времени, чтобы почувствовать его неумолимую логику. Впрочем, при всей очевидной готовности принять сей оптимистический проект как данность, жесткое аффирмативное высказывание, оформляющее со-

¹ Специальная премия жюри и премия исполнителю главной роли на Венецианском кинофестивале 1965 г., Золотая пластина на Римском кинофестивале для фильма «Застава Ильича», т. е., собственно, для фильма «Мне двадцать лет», ибо именно под этим названием многострадальная, на протяжении полутора лет претерпевавшая массу переделок картина была представлена как советскому, так и зарубежному зрителю; Премия Ленинского комсомола Марку Осепьяну за «Три дня» в том же 1968 г., когда фильм сняли с проката.

вершенно однозначный идеологический посыл, получает право быть произнесенным, причем без тени иронии, без тени сомнения – только в самом конце фильма, после того как к нему со всех сторон будут подведены как бы случайные и как бы не связанные между собой мотивирующие основания².

Представить себе в начале фильма текст, пафосный не то что в степени, сопоставимой с пафосом финальным, но даже просто проговаривающий напрямую какие-то «правильные», общественно значимые позиции, практически невозможно. Здесь любые элементы публичного дискурса фрагментированы, перепутаны, помещены в иронический интертекст и автоматически превращаются в то, что десятилетием позже, уже в 1970-е гг., получит название «стеб». Они имеют право на существование разве что в качестве стертых цитат, которыми персонажи пользуются для того, чтобы за счет их ложной выпренности «подсветить» собственные интимные контексты, в основании которых лежит скроенное по хемингуэевским лекалам суровое мужское взаимопонимание «без слов».

Главный герой возвращается из армии, встречается с двумя закадычными друзьями, и вот во время этой встречи, на частной квартире, под водочку, огурчики и консервы, звучат советские лозунги, давно успевшие превратиться в бессмысленный «красный шум»: «С разоружением! Вольемся в мирный созидательный труд», «За мирное существование, которое может еще сделать нас семейными людьми!». Лозунг «перекодирован» в тост, помещен в неподобающую ситуативную рамку, иронизирован за счет комментирующих интонаций и жестов, – и зрителю, который ограничится просмотром первых 40 минут фильма, может показаться, что он имеет дело с пусть не слишком жесткой, но все же деконструкцией советской идеологии в любом ее, даже самом «оттепельном» варианте.

Но фильм идет не 40 минут, а три часа, и за это время тем ценностям, которые в самом его начале представляются как стертые и скомпрометированные, предстоит обрести новый – теперь уже не предельно общий, годный для газетного заголовка или праздничного транспаранта, а глубоко персонализированный смысл. «Застава Ильича» представляет собой великолепный образец советской пропаганды, в своем роде квинтэссенцию хрущевской «оттепели», кото-

² «Ничего не страшно, если ты не один, и у тебя есть, во что верить. Просыпаясь утром, знать, что стоит начинать этот день. Я так хотел вас видеть, ребята. Я ведь очень дорожу тем, что вы есть у меня на свете, что мы живем здесь, и нигде бы больше жить не смогли. И как бы иногда нам трудно ни приходилось, я знаю: ничего дороже у нас нет, это все наше, единственное, и мы будем верны этому до конца. Я это знаю».

рую имеет смысл рассматривать как последний удачный мобилизационный проект в истории советской культуры.

Сутью этого проекта была попытка вовлечь достаточно крупные слои населения в масштабные модернизационные процессы, «переадресовав ответственность» за все происходящее в стране и мире на индивидуальный уровень. Отказ от прежних, сталинских методов, основанных на тотальном насилии и контроле, диктовал необходимость замкнуть напрямую сферу личных интересов конкретного советского человека и сферу широкой публичности, представив последнюю единственным источником «больших» объясняющих конструкций, уникальной инстанцией, способной предложить человеку такие «режимы успешности», в рамках которых микросоциальные мотивации были бы не просто совместимы с мотивациями макросоциальными, но находились бы с ними в отношениях прямой взаимозависимости³.

Ход этот во многом был вынужденным и связан был, прежде всего, с насущной необходимостью провести своеобразную санацию идеологических активов, утвердив за «единственно верным учением» право и впредь предлагать безальтернативную и всеобъемлющую систему интерпретаций; заново обосновав право элит, переживших весьма серьезный системный кризис, связанный со смертью Сталина, на тотальный контроль за любыми ресурсами, и прежде всего – над публичным пространством.

Ключевой для «оттепельного» мобилизационного проекта была весьма нехитрая, с точки зрения психологии управления, операция. Индивиду тем или иным способом вменялся в ответственность «контроль» за суммой обстоятельств, радикально превышающей не только пределы его компетенции, но и возможности его кратковременной и долговременной памяти. В результате индивид, дезориентированный и утративший привычную опору на повседневный здравый смысл, вынужденно прибегал к абстрагированию «больших величин» и испытывал доверие и благодарность к тем инстанциям, которые могли предложить ему уже готовые и внешне непротиворечивые модели интерпретации, основанные на абстракциях, которые он воспринимал как адекватные «большому» публичному опыту.

В самой подобной операции ничего специфически «оттепельного» не было: этот *know-how* перешел к новой эпохе по наследству от предшествующей, сталинской. Новым был способ организации эм-

³ Подробнее см.: Михайлин В., Беляева Г. Энтузиаст, сын Героя: эволюция устойчивых раннесоветских и сталинских конвенций в «оттепельном» плакате // Неприкосновенный запас. 2012. № 3 (83). С. 176–194; Михайлин В. Успех безнадежного дела: проект «советский человек» из перспективы *postfactum* // Человек как проект. Интерпретация культурных кодов. Саратов, 2016 (в печати).

пятийных мостиков между широкой публичностью (и связанными с ней «большими» суммами обстоятельств) и индивидуальным опытом простого советского человека. В рамках сталинской пропаганды природа этой связи была сугубо ритуальной, если иметь в виду ритуал как способ понимания мира в «сослагательном наклонении», через признание его принципиальной неоднородности и несводимости разных «действительностей» одна к другой⁴.

Тот набор проективных реальностей, который смотрел на зрителя с картин и плакатов, с экранов и театральных сцен, не имел никакого непосредственного отношения к его повседневному опыту, моделируя некий идеальный, выстроенный по строгим жанровым канонам и потому очищенный от всего случайного горний мир, воздействие которого на сферу обыденности, по сути, строилось по законам симпатической магии: сам контакт уже должен был вести к «нормализации» обыденности или, по крайней мере, к приданию последней неких формальных, внешних признаков соответствия норме.

Эта «воспроизводимая эпифания» естественным образом не предполагала никакого активного соучастия со стороны самого зрителя: достаточно было соблюдать нехитрые ритуальные практики и демонстрировать ритуальную же чистоту, являвшую собой условие доступа к этим практикам. В пределе единственным гарантом истинности этого насквозь воображаемого мира был Сталин, и его смерть – даже помимо всех прочих сложностей, которые она повлекла за собой для советской номенклатуры и советской пропаганды – означала, что мир этот утратил право на безальтернативность и бесспорность.

Латать образовавшееся на месте фигуры Сталина смысловое зияние было бесполезно, и в конечном счете его преемники пошли другим путем, перенастроив механизм советской пропаганды в полном соответствии с догмами диалектического материализма, а именно с законом отрицания отрицания: сталинская эпоха была объявлена временем «нарушения» неких никому доселе неведомых «ленинских норм» и, следовательно, для утверждения оных сама подлежала отрицанию. Советского человека требовалось заново подключить к «большой» действительности и «большим» объясняющим конструкциям, предложив такой способ связи между всеобщим и частным, который достаточно очевидным образом отличался бы от предыдущего, подлежащего дискредитации.

И поскольку предыдущий был ритуализирован насквозь, выбор альтернативы также был вполне очевиден: на авансцену вышла пресловутая «оттепельная» «искренность», традиционное и неодно-

⁴ Подробнее см.: *Seligman A.B. [et al]/ Ritual and Its Consequences: An Essay on the Limits of Sincerity / Seligman A.B., Weller R.P. [et al]. N.Y., 2008.*

кратно опробованное⁵ лекарство от тотальности ритуала, предполагающее построение непротиворечивой картины мира, в которой все уровни бытия связаны единой логикой, а многообразие несводимых друг к другу «сослагательных» реальностей, каждая из которых требует опознания, смены кодировки и ритуализированного перехода, уступает место реальности сплошной, не требующей перенастройки оптики и разных языков описания.

Эта единая логика парадоксальным образом позволяла радикально диверсифицировать общую картину реальности. Надобность в жестких жанровых схемах, в узко специализированных культурных кодах, описывающих каждый свою «сослагательную» действительность, отпадала сама собой: чем более обильным и разнообразным был представленный зрителю «спектр возможного», тем более значимой должна была казаться логика, способная связать все это изобилие воедино.

Эксперименты с искренностью всегда и всюду наталкивались на один и тот же подводный камень: отсутствие и, по большому счету, принципиальную невозможность языка описания, который действительно был бы настолько универсальным, чтобы, исходя из предложенной логики, и в самом деле охватить *все* сферы бытия – от предельно частных до предельно общих. Впрочем, всегда и всюду от этой проблемы находилось одно и то же лекарство – ставка на интуитивное «чувство», «понимание и приятие сердцем», противопоставленное как «бескрылому рационализму», так и «нелепым предрассудкам», ассоциируемым с «бездумным» соблюдением ритуалов (не важно, в религиозной/идеологической или бытовой сфере).

«Застава Ильича» и впрямь ознаменовала собой апогей «оттепельного» мобилизационного проекта, идеально воплотив стратегию «искренности» и предложив советскому зрителю новый набор моделей самоидентификации, востребованный людьми, которые не хотели ассоциировать себя со сталинским СССР, но хотели ассоциировать себя с СССР. Его эстетика диаметрально противоположна эстетике сталинской и при этом вполне очевидным образом апеллирует к модернистской эстетике экспериментального кинематографа 1920-х гг., то есть к активно конструируемой нормативной первоэпохе.

Начало «Заставы Ильича» представляет собой типично конструктивистское любование городом как массовым движением, с той разницей, по сравнению с авангардной классикой 1920-х гг., что теперь это массовое движение развоплощено, оно получает право рассу-

⁵ Скажем, в европейском протестантизме в качестве средства от тотально ритуализированной католической культуры? а также в суфизме, хасидизме, ряде неортодоксальных русских сект и т. д.

паться на отдельные лица, причем лица эти подаются уже не как элемент телесности, а как маркер персональности, «права на собственный взгляд». Что, в свою очередь, не отменяет того обстоятельства, что предмет интереса составляет именно массовый человек, человек из толпы. На этом активно настаивает сама манера съемки: камера Маргариты Пилихиной увлеченно фиксирует уличный хаос, некое импрессионистическое мельтешение, потом из этого хаоса внезапно вычленяется значимое лицо, на котором – не сразу – сам собой фиксируется взгляд зрителя⁶.

Марлен Хуциев начал снимать свой фильм со сцены, сплошь построенной на массовом движении и на неразрывном единстве с этим движением индивидуального сюжета – с подчеркнуто праздничной как по сюжету, так и по общей атмосфере сцены первомайской демонстрации. Что само по себе весьма характерно и для «Заставы Ильича», и для всего «оттепельного» проекта в целом, ибо праздник, с одной стороны, представляет собой прорыв в динамику, время и место, где и когда все устойчивые смыслы и социальные капиталы пересматриваются и вступают в новые конфигурации. А с другой – праздник есть неотъемлемый элемент любой устойчивой социальной структуры, за счет которого она получает возможность отслеживать и инкорпорировать неизбежные изменения, приводить их к системе.

Общая атмосфера постоянного праздника не в последнюю очередь создается в «Заставе Ильича» за счет того, что мы практически не видим, как, собственно, трудятся, строят социализм и зарабатывают на жизнь трое *рабочих* парней, выступающих в роли этакого триединого протагониста картины, подчеркнуто отсылающего к «Трем товарищам» Ремарка.

Кроме пары декоративных зарисовок, выполняющих свои, никак не связанные с производительным трудом задачи (акцент на эмоциональном состоянии и маскулинных установках персонажа Станислава Любина; пафос избавления от «старого» и строительства «нового»), за все три часа экранного времени нам не показывают в этом смысле в буквальном смысле слова ничего, а в том единственном 15-секундном эпизоде, где персонаж Валентина Попова появляется в заводских декорациях, он занят тем же, чем всегда – фланирует и молчит. Зато эти рабочие парни активно посещают поэтические вечера и выставки современного искусства, гуляют ночи напролет по московским улицам и думают – через закадровый монолог – не о том, во сколько им завтра встать к смене, а о собственном месте в структуре бытия. Формулируя в конце концов тот пронизанный фирменным

⁶ Подобная абсолютно управляемая за счет монтажа не критичная эмпатийность восприятия кинематографического текста была еще одним *know-how* «оттепельного» кино.

советским пафосом, но прочитанный вдумчиво и с чувством монолог, который весьма показательным образом начинается с утверждения личных, дружеских чувств, а заканчивается радостным и твердым приятием единственно правильного вселенского порядка вещей.

И фоном для этого постепенно набирающего эмоциональный заряд монолога становится сначала спешащая утром на работу толпа и сцена «передачи огонька» незнакомому, но симпатичному парню (Олег Видов), после чего камера, поспешая за стремительно шагающим молодым человеком, переходит с него на тройку чеканящих шаг караульных, которые держат курс на пост номер один – у Мавзолея, замыкая тем самым сквозную, через все три часа, проходку символических «трех товарищей» через знаковые для заново сконструированной советской истории контексты: «заставочный» революционный патруль превращается в троих автоматчиков Великой Отечественной, а те, через посредство современных «простых рабочих парней», встают на самую главную вахту – под именем ЛЕНИН.

После этого зритель, получивший все необходимые привязки к великим токам бытия, переадресуется к своей собственной реальности, которая ждет его за стенами кинотеатра. Последняя фраза фильма, сказанная все тем же проникновенным голосом Валентина Попова на фоне утренней панорамы Москвы, звучит как глубоко личный, товарищеский призыв к новым свершениям, для которых весь этот трехчасовой праздник был всего лишь прологом: «Был понедельник, первый *рабочий* день недели».

«Три дня Виктора Чернышева» Марка Осепьяна начинается титром «Будни. Конец рабочей недели» – совсем как киклическая поэма «Эфиопида», первый стих которой представлял собой несколько видоизмененный, но достаточно узнаваемый последний стих «Илиады». С той разницей, что «Эфиопида», судя по всему, никак не была ориентирована на деконструкцию прецедентного текста, чего никак не скажешь о «Трех днях...».

Основной принцип этой деконструкции состоит в своеобразной «пересборке» «Заставы Ильича»: исходный кинотекст как будто раскладывается на составные части – сцены, реплики, типажи, контексты, из которых затем выстраивается новая экранная реальность, куда более похожая на ту, которая начинается сразу за стенами кинотеатра. Складывается ощущение, что авторы картины с самого начала поставили себе в качестве сверхзадачи цель показать, как выглядела бы жизнь персонажей Хуциева, если бы они были реальными советскими людьми 1960-х гг., а не функциями от «вечного праздника», за которым, в свою очередь, угадывается вполне прагматичное мобилизационное задание.

И одним из средств решения этой задачи стало обнажение нестыковок между двумя ключевыми для «Заставы Ильича» принципами

изображения: «искренностью» и «праздничностью». На это указывает уже первое слово заглавного титра – «Будни», открывающего череду сцен, которые рисуют панораму явления, создателям «Заставы Ильича» практически неведомую, – обычного рабочего дня.

Вообще титры у Оsepьяна играют весьма значимую структурную роль, так же полемически направленную против вполне конкретного элемента организации художественного высказывания у Хуциева. В «Заставе Ильича» до совершенства доведен один из типично «оттепельных» повествовательных приемов – «интериоризированный резонер», выполняющий ту же функцию, что и стандартная фигура резонера в сталинском кино, но только на ином уровне организации зрительской эмпатии.

В любом из двух основных «оттепельных» вариантов этого приема⁷ зритель получает сигнал, связанный с постоянным присутствием больших истин, метанарратива, рядом со всяким частным сюжетом, причем носителем этого метанарратива отныне может – и должен! – быть каждый конкретный человек, со своими интонациями, сомнениями, правом на ошибку⁸. Хемингуэевское молчание главных героев «Заставы Ильича», сопровождаемое долгими крупными планами с акцентом на структурных элементах кадра⁹, заставляет этот «внутренний голос» звучать особенно убедительно и интимно.

У Оsepьяна главный герой тоже постоянно «молчит и смотрит», но никаких сигналов, свидетельствующих о напряженной работе в глубоком внутреннем мире Виктора Чернышева зритель не получает, за вполне очевидным отсутствием каких бы то ни было глубин. Если герой открывает рот, мы становимся свидетелями речевых реакций, не выходящих за пределы ситуативной обусловленности.

Зрительская эмпатия моделируется таким образом, чтобы между наблюдателем и объектом наблюдения постоянно оставался зазор – в полном противоречии с обычной «оттепельной» моделью тотальной эмоциональной включенности в ситуацию протагониста. Титры

⁷ Голос за кадром и внутренний монолог персонажа; понятно, что в «Заставе Ильича» мы имеем дело со вторым вариантом.

⁸ Подробнее об этом «внутреннем Сталине» позднесоветского кино см.: Михайлин В. Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино / Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. научных статей / отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2015. С. 312–320.

⁹ В чем-то параллельное каноническим «предстояниям» у художников «оттепельного» «сурового стиля», густо настоящим на «шершавом» колорите, на едва ли не ОСТовском обнажении композиционных элементов, на «подкубливании» с понятной разницей в количестве фигур. Прием этот настолько важен для Хуциева, что он акцентирует его даже на уровне диалога между персонажами.

(уже упомянутые «Будни»; «Свободное время», «Интересы») не несут почти никакой нагрузки по организации сюжета и разбивают цепочку эпизодов на как будто случайные, не завершенные внутри себя блоки, но само это членение заставляет зрителя следовать предложенной «классифицирующей» логике и хотя бы в минимальной степени воспринимать каждую последовательность сцен как набор иллюстраций для соответствующих аспектов жизни главного героя.

В итоге самой своей необязательностью они создают дополнительный отстраняющий эффект, радикально меняя прагматику зрительского созерцания: вместо истории, с которой можно «сжиться», нам предлагается материал для аналитического наблюдения¹⁰.

Система переключек между двумя фильмами заслуживает обстоятельного и многоуровневого анализа, для которого в рамках небольшой статьи, к сожалению, просто нет места, а потому я буквально в режиме перечня обозначу несколько основных тематических областей, которые Марк Осепьян выбирает в качестве поля для полемики с Марленом Хуциевым.

Начать следует с устойчивой, до навязчивости, «оттепельной» темы Отца как архетипической фигуры, пришедшей на смену сталинской Матери-Родине. Объяснять ее триумфальное шествие по «оттепельному» кино можно и нужно с самых разных точек зрения, начиная от бытовой мотивированности массовой безотцовщины и заканчивая психоаналитическими мотивациями, связанными с исчезновением базовой отеческой фигуры Отца народов. Но меня в данном случае интересуют, прежде всего, соображения антропологического порядка, связанные с передачей механизма трансляции «проективно значимых» мобилизационных ценностей на уровень личной эмпатии. Марлен Хуциев предлагает нам «оттепельный» канон во всем разнообразии вариантов. В «Заставе Ильича» фигура отца появляется и в

¹⁰ Жесткий внешний взгляд и специфическая «мерцающая» манера организации зрительской эмпатии роднят «Три дня...» с кинематографом британской «новой волны». Одним из более или менее прямых источников можно считать «С пятницы на воскресенье» (Friday Night and Sunday Morning, 1960) Карела Рейша, с точки зрения как общей эстетики, так и организации сюжета: те же три дня между двумя рабочими неделями, то же рутинное расписание досуга вместо «праздника» и т. д. В то же время Марк Осепьян во многом следует здесь общей логике советских «пост-оттепельных» авторских фильмов, для которых, по мнению Александра Прохорова, характерен отстраненный взгляд на «исчезающие культурные ценности оттепели. Их доминанта – разочарование в этих ценностях и вытеснение их через посредство целого ряда смещений в структуре фильма» (См.: Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб., 2007. С. 231). Впрочем, данного автора скорее интересует иронический «сдвиг» в «позднеоттепельном» кинематографе; Марк Осепьян представляет куда более жесткий вариант той же тенденции.

откровенно негативированном варианте: соответствующий персонаж (отец Ани) придуман так, чтобы вызывать нарастающее неприятие и раздражение со стороны зрителя (когнитивный диссонанс из-за несвязности и пустоты сигналов, исходящих как от самого персонажа, так и от той стилистики, в которой выдержана сцена разговора героя с «неправильным отцом»).

Достаточно четко обозначена собственная неготовность молодых героев к принятию на себя отцовской роли (Славкина семейная жизнь; эпизод с Сергеем и Кузьмичом в автобусе). Ну и, конечно же, тему эту суммирует и венчает ключевой эпизод, разговор с мертвым отцом, встроенный в тщательно продуманную логику подведения опор под финальную вспышку мобилизационной дидактики. Именно эта, последняя, сцена, при всем разнообразии вариантов, формулирует общий посыл «отцовской» темы у Хуциева: нам досталось непростое наследство, но теперь наш черед принять за него ответственность перед Историей.

«Три дня...» как по разнообразию вариантов «отцовской» темы, так и по ее значимости для общего целого, ничуть не уступают «Заставе Ильича», но каждый из этих «изводов» жестко полемичен по отношению к хуциевскому кинотексту. Одна из боковых сюжетных линий, связанная с приятелем Чернышева по имени Антон, строится вокруг сцены «разговора с отцом», поданной как событие, крайне значимое для двоих почти не знакомых друг с другом людей (отец уже давно живет с другой семьей), насквозь пронизанное искренним желанием понять и помочь.

Однако стоит отцу уйти – и зритель понимает, что Виктор Чернышев оказался свидетелем этой проникновенной и насквозь пропитанной искренностью сцены не случайно: Антон попросил его заранее занять место за соседним столиком, чтобы тот посмотрел, как он будет отца «разводить на бабки», поскольку отец теперь пожизненно «должен» ему за совершенное когда-то предательство.

Эта сцена выводит сразу на два эпизода из «Заставы Ильича». Явным образом она отсылает к разговору Сергея с отцом Ани – как за счет аллюзий сюжетного и ситуативного порядка (разговор про «хотим жить отдельно» и про необходимые для этого деньги, «счастье» и т. д.), так и за счет аллюзий сугубо визуального порядка (облик и манера отца¹¹, «внешний» визуальный ряд, постоянно вторгающийся в кадр¹²).

¹¹ Семен Соколовский, играющий отца Антона в «Трех днях...», не только типологически похож на Геннадия Некрасова, исполнителя соответствующей роли в «Заставе Ильича», но и подчеркнута работает в той же пластике и в том же интонационном регистре.

¹² Здесь следует особо отметить еще одну сцену из «Трех дней...». Сюжетная линия «отцовского наследства» продолжается в достаточно остром

Перестановка акцентов по сравнению с фильмом Хуциева достаточно очевидна: срыв коммуникации между «отцами» и «сыновьями» теперь происходит не по вине отцов, закосневших в номенклатурном цинизме, а по вине сыновей, разыгрывающих искренность только ради того, чтобы поудобнее устроиться в жизни, вытянув все, что можно из отцов, которых они, по большому счету, в грош не ставят. Но есть еще и отсылка куда менее явная и куда более злая. На роль Антона Марк Осепьян взял Льва Прыгунова – актера, который в цензурированной версии «Заставы Ильича» под названием «Мне двадцать лет» сыграл отца главного героя в самой ударной и вызвавшей наибольшие нарекания сцене «разговора с мертвыми». Комментарии излишни.

Если Виктор Чернышев призван выступить в роли репрезентативного персонажа, представляющего реальное лицо молодого советского поколения середины – второй половины 1960 гг., то персонаж Льва Прыгунова играет «злую» его ипостась, впрочем, не единственную¹³. Есть и более жесткий вариант, «отрабатывающий» тему не горькой насмешки «обманутого сына над промотавшимся отцом», которой так или иначе можно придать хоть какой-то моральный статус, а полного распада любой социальности, за исключением самой примитивной, стайной.

Воплощением этого лица «комсомольца шестидесятых лет»¹⁴ в фильме является еще один приятель Чернышева, лидер дворовой шпаны по имени Колька¹⁵, инициатор самой страшной, по сути, вари-

разговоре между Виктором и Антоном, и третьим участником в этом разговоре становится телевизор, в котором детский хор поет о будущей счастливой жизни – совсем как в сцене с отцом Ани в «Заставе Ильича». Эффект иронического остраннения достигается в обоих случаях, но у Осепьяна он жестче: в телевизоре не просто хор, там идет финальная сцена из фильма «Золотой ключик» 1939 г., в которой Буратино и прочие куклы улетают на воздушном корабле в счастливую страну будущего, где «человек человеку – надежный товарищ и друг», т. е., «с точки зрения» 1939 г., в тот самый Советский Союз, где живет Антон, с его весьма специфическим отношением к предшествующему поколению.

¹³ Справедливости ради, стоит оговориться, что у главного героя, который «как все» и «ни с кем», а потому вписан в самые разные контексты, есть и позитивные ипостаси: Марк Осепьян и впрямь рисует достаточно разнообразную и максимально объективную панораму поколения.

¹⁴ Прямая цитата из пафосной «Комсомольской песни» Юрия Стржелинского на слова Михаила Светлова как бы между делом проходит в сцене допроса главного героя в милиции.

¹⁵ Еще один привет как заглавному персонажу «Заставы Ильича» (самому брутальному из троих, в исполнении Николая Губенко), так и протагонисту знаковой «оттепельной» ленты 1961 г. «Друг мой, Колька!» А. Салтыкова и А. Митты, который к 1968 г. как раз должен был войти в нужный возраст.

ации на тему «разговор с отцом» – сцены унижения, а затем избиения группой подростков бывшего фронтовика¹⁶.

Третья вариация на эту тему содержит некий намек на позитивную программу режиссера, поданную «от противного» и так же радикально противопоставленную той, что прямым текстом звучит у Марлена Хуциева. Виктор Чернышев несколько раз оказывается в ситуациях, возводящих его статус «ребенка войны», который никогда не видел собственного отца, к архетипической роли «Ивана, родства не помнящего»¹⁷. А уже в самом конце картины в качестве контрастной антитезы к идущим следом сценам избиения ветерана в темной городской подворотне и последующего допроса в милиции, зрителя погружают в совершенно другую, не городскую реальность, поданную через демонстративно иную, почти документальную, манеру съемки, которая задает еще один, едва ли не буколический горизонт, с неотъемлемой от этого жанра феокритовской темой непоправимо утраченного «золотого века».

Взятые в сумме, эти ситуации формируют месседж, близкий к пафосу позднесоветской деревенской прозы, с ее радикальным, густо замешанном на своеобразном традиционализме отказом от прогрессистского в своей основе «оттепельного» пафоса¹⁸.

Эта позиция, в рамках которой формулируется вопрос о «человеческой» цене модернизации¹⁹, принципиально меняет расстановку акцентов еще в одном тематическом поле, общем для обеих кинокар-

¹⁶ Любопытно, что по типуажу молодой Геннадий Сайфулин, сыгравший эту роль, удивительно похож на Малколма Макдауэлла, которому через три года предстоит прославиться в роли протагониста «Заводного апельсина» у Стэнли Кубрика. Понятно, что Кубрик никак не мог видеть «Трех дней...», и тем любопытнее тот факт, что примерно в одно и то же время на противоположных концах Европы два очень разных по стилистике режиссера находят один и тот же антропологический тип для того, чтобы обозначить схожие тенденции в современной молодежной среде.

¹⁷ Вплоть до еще одной, и тоже очень злой, пародии на аналогичный сюжет у Хуциева, где кульминацией является знаменитая сцена разговора с мертвым отцом. Герой Осепьяна тоже умеет фантазировать и тоже в какой-то момент оказывается в другой реальности, сопряженной с Великой Отечественной («Я бы хотел тогда бежать рядом»). Но сцена разрешается фарсовой концовкой, в которой над попыткой Чернышева продемонстрировать клишированный советским кино акт героизма, смеются *немцы*.

¹⁸ Подробнее см. в недавно вышедшей и весьма дельной книге Анны Разуваевой «Писатели-“деревенщики”: литература и консервативная идеология 1970-х годов» (М., 2015).

¹⁹ В данном контексте мне ближе понятие перспициации, «опрозрачивания», повышения информационной и властной проницаемости широких публичных пространств. Подробнее см.: Михайлин В.Ю. Конструирование новой советской идентичности... С. 313 и далее.

тин. Речь идет о тотальной дискомфортности домашнего пространства, которая и в «Заставе Ильича», и в «Трех днях...» носит тотальный характер. Дом – это место, куда заходят, чтобы переодеться или переночевать. «Застава Ильича», как и большинство «оттепельных» картин, в этом смысле продолжает – на новом уровне и используя принципиально иной язык – отрабатывать прежнюю сталинскую установку на повышение проницаемости социальных пространств: все по-настоящему значимое происходит исключительно в большом внешнем мире, и любая граница, препятствующая проникновению этой логики во все без исключения сферы человеческой жизни, имеет быть разомкнута.

В мире Хуциева практически отсутствуют полные и/или счастливые семьи. Ключевая сцена разговора с отцом в качестве основного позитивного меседжа транслирует необходимость быть готовым к самостоятельному принятию решений, но фактически отказывает старшему поколению в праве давать советы и может быть считана как выраженный акцент на разрушении преемственности поколений (именно так, судя по всему, ее понял Хрущев) и семейного уровня ситуативного кодирования, в рамках которого формируются априорные ценности²⁰.

Разговор о вмененных ценностях в фильме идет и упирается в настойчиво привязанную к семейным контекстам и возведенную в культ «достоверность картошки». Но картошка оказывается последней в ряду из Интернационала, Революции и прочих публичных ценностей, фактически выступая в качестве неперемennого «семейного» члена стандартной манипулятивной метафоры («мать-родина», «братский народ», «отец нации» и т. д.). Специфична и организация домашних пространств у Хуциева. В доме протагониста визуальный ряд едва ли не каждой вполне интимной, по контексту, сцены включает на правах значимого структурного элемента портрет Маяковского и бюст Ленина (отдельные сцены обрамлены двумя этими изображениями как рамкой). Квартира Ани то служит сценой для знакового разговора с отцом девушки (в общей атмосфере тотальной проницаемости пространства – из-за присутствия чужих людей, включенного телевизора и газет на стенах, с текстом которых время от времени «сверяется» отец Ани), то становится пространством, в котором разыгрывается сцена богемной тусовки с финальной вспышкой «сущностных» доминант (Интернационал, Родина и картошка).

²⁰ О «функционале» различных микрогрупповых уровней ситуативного кодирования при формировании основ социальной когниции см.: Михайлин В. О ситуативности репутаций: возвращение Одиссея // Отечественные записки. 2014. № 1 (58). С. 52–84.

Квартира Славки есть постоянноеместилище бытовой неустроенности, конфликтности и т. д. «Три дня...» с готовностью подхватывают эту логику организации частных пространств, полностью перекодируя стоящее за ней послание: речь идет уже о реликтах не частного быта, которые нужно преодолеть для достижения желаемого единства интимного и «большого публичного» сюжетов, а когда-то большой и значимой культуры, которые доживают свой век в случайных и дискомфортных «карманах» безликого, беспамятного и агрессивного городского бытия.

Еще одна линия водораздела между этими двумя фильмами проходит по тематическому полю агрессии – одному из самых прямых экранных способов активизации зрительской эмпатии. В «Заставе» за три часа экранного времени мы сталкиваемся всего с тремя случаями агрессивного поведения, тщательно выстроенными и четко мотивированными, с точки зрения моральных оснований. Один – это пощечина, финальный аккорд в «картофельном» сюжете, катарсис, который позволяет закрепить индивидуальную – для зрителя – значимость сконтаминированной связки символических маркеров (отцы, революция, интернационал, 37-й год, картошка). Весьма показательно, что агрессия здесь передоверена случайному женскому персонажу, что, несомненно, усиливает зрительскую эмпатию по отношению к декларируемой моральной позиции.

Второй – сцена несостоявшейся вербовки Николая, где моральная позиция также обозначена более чем отчетливо.

И, наконец, третий – ссора в метро, необходимая для чисто сюжетной дезинтеграции перед финальным объединяющим аккордом. В «Трех днях...» агрессия предстает зрителю как постоянный, спонтанно возникающий элемент реальности. Моральные составляющие присутствуют, но они настолько разнообразны, разнородны и бессистемны, что никакого единого морального поля не создают, за исключением разве что общего ощущения негармоничности и неправильности всего происходящего.

Финальную точку Марк Осебян также ставит с подчеркнутой оглядкой на «Заставу Ильича». Только вместо трех товарищей, застывших в символическом карауле у Кремлевской стены, мы видим троих угрюмых – после вчерашнего – молодых людей, которых не связывает между собой ничего, кроме привычки вместе подпирать стену на одном и том же углу.

Иронию усугубляет композиция кадра, повторяющая стандартные «предстояния» простых советских геологов, нефтяников и рыбаков на картинах «оттепельного» «сурового стиля». И в качестве *coup de grace* в кадре повисает титр, с предельно точной – и предельно объективированной – аллюзией на последнюю фразу хуциевского фильма: «Понедельник. Начало рабочей недели».

И.А. Чернева

«КИНООБСЛУЖИВАНИЕ» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ С 1948 ПО 1969 г. ПОЛИТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ИСТОЧНИК ДОХОДОВ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ПРОФСОЮЗНОЙ И ВЕДОМСТВЕННЫМИ КИНОСЕТЯМИ

Использование кино в качестве элемента обучения представляет собой обширную тему, не достаточно исследованную в истории мирового кино. Ее проблематика охватывает вопросы заказа фильмов предприятиями и роли институций разной подчиненности в показе кино населению.

В западной историографии в последние годы пишется история участия таких институтов, как церковь, политические партии и профсоюзы в структурировании сети кинозалов, доступных населению¹. Также появляются работы о сопровождении показов и разъяснении фильмов представителями этих структур². Деятельность непрофессиональных распространителей фильмов мыслится в рамках обучающей работы или пропаганды определенных идей посредством кино.

Для данной статьи особую ценность представляют труды, описывающие времена, когда деятельность кинозалов служила не только идеологическим интересам таких социальных институтов, как церковь, профсоюзы или политические партии, но также сводилась к выполнению чисто экономических целей³. Именно один из таких пе-

¹ Коллоквиум «Католики и кино: производство, политические линии и власть». Оксфорд. 02–03.09.2011.

² Работы Орелио Савини, Мелизанды Левентопулос, Жан-Марк Лаверато, Фабриса Монтебелло, Димитрия Везироглу. По истории проката и эксплуатации кино см.: Creton L. [et al.]. *Les salles de cinéma enjeux, défis et perspectives* / L. Creton, K. Kitsopanidou. P., 2013; Juan M. [et al.]. *Conserveries mémorielles* / M. Juan, C. Trebuil. *Revue transdisciplinaire de jeunes chercheurs*. 12.05.2012.

³ Velden A. [et al.]. *Spectacles of Conspicuous Consumption: Picture Palaces, War Profiteers and the Social Dynamics of Moviegoing in the Netherlands. 1914–1922* / A. Velden, J. Thissen // *Film History: An International Journal*. 2010.

реходов от функции пропаганды к экономической предлагается рассмотреть в данной статье, которая посвящена непрофессиональным распространителям фильмов в Советском Союзе.

В историографии, посвященной советскому кино, нет отдельного исторического исследования об альтернативных советской киноадминистрации структурах, участвующих в показе фильмов населению. Тем не менее в СССР профсоюзы, кооперации и Красная армия располагали парком залов в начальный период политики кинофикации, когда создавалась государственная сеть залов и кинопередвижек на советской территории.

В некоторых исследовательских работах отмечается наличие сети залов профсоюзов, коопераций и Красной армии в 1920-е гг.⁴, которым еще слабая государственная сеть кино значительно уступала количественно и качественно. Профсоюзы и Красная армия активно используют кино в качестве генератора доходов и сопровождающего развлекательного элемента политики просвещения. Советские политические и административные власти в этой ситуации обычно принимали решение взаимодействовать с ними. Позже значительной сетью залов обзавелись и министерства.

Тонкое понимание значения кино как объекта социальной практики и советской повседневности не может обойтись без исследований экономического аспекта кинополитики и должно опираться на знания о доступности фильмов для зрителей. В рамках общей концепции «кинообслуживания» в архивах время от времени появляются различные бинарные оппозиции: государственная – негосударственная, трестированная – нетрестированная, коммерческая – некоммерческая сеть. Речь идет не только об игре терминов.

Значительное участие министерств и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) в создании фильмов, изученное в докторской диссертации «Неигровое кино в СССР. Творчество, создание и распространение (1948–1968)»⁵, продолжается в сфере их показа. В данной статье будет показано не только отсут-

Vol. 22. N 4. P. 453–462; Oort T. «That pleasant feeling of peaceful coziness»: Cinema Exhibition in a Dutch Mining District during the Interwar Period // *Ibid.* 2005. Vol. 17. N 1. P. 148–159.

⁴ Sumpf A. Le «Grand Muet» à la campagne. Éducateurs politiques, projectionnistes ambulants et paysans dans l'URSS des années 1920 // 1895. 2007. N 52. Sept. P. 85; Idem. Bolcheviks en campagne paysans et éducation politique dans la Russie des années 1920. P., 2010; Kepley V. «Cinefication»: Soviet film exhibition in the 1920s / *Film History*. 1994. Vol. 6. N 2. P. 269, 272.

⁵ Tcherneva I. Le cinéma de non-fiction en URSS: création, production et diffusion (1948–1968) [защищена 03.12.2014 в Высшей школе социальных и гуманитарных наук Франции].

ствии монополии киноадминистрации на распространение фильмов населению, но и доминирующая роль ведомственных и профсоюзных залов, которые можно позиционировать как альтернативные ей институции.

Статья опирается на работы, посвященные феномену «ведомственности» в экономике и политике СССР⁶. В ней будет показано также, как осуществились продолжение и преломление сталинской политики в период реформ 1953–1969 гг. На скрещении институциональной и социальной истории советского кино предлагается анализ политики, проводимой государственными органами в отношении разных типов киносети на разных территориях.

В концепции «кинообслуживания» необходимо выделить один из основополагающих критериев – территориальную доступность к фильмам. Материал Прибалтийских республик, и в частности Литвы⁷, освобожденных от нацистской оккупации в 1944 г. и переживших установление советской власти в последующие годы, особенно интересен. Он позволяет сопоставить исторически сложившиеся в Советском Союзе политические стратегии и их адаптацию к иному социальному, политическому и экономическому контексту. Чтобы реконструировать политику в сфере киноискусства и киноиндустрии на нескольких уровнях, проследить векторы ее реализации в республиках, проведен анализ архивов администраций кино на общесоюзном и республиканских уровнях, документации Совета Министров СССР, Центрального Комитета КПСС, ВЦСПС и документов управлений кинофикации – вплоть до районного уровня.

⁶ Хлевнюк О. [и др.]. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры [La paix froide. Staline et la fin de la dictature stalinienne] / О. Хлевнюк, Й. Горлицкий. М., 2011; Хлевнюк О. Региональная власть в СССР в переходный период. Устойчивость и конфликты. 1953 – конец 1950-х гг. [Le pouvoir des régions en URSS pendant une période de transition. Continuité et conflits. 1953 – fin des années 1950] // Отечественная история. 2007. N 3. P. 31–49; Kibita N. Soviet economic management under Khrushchev: the Sovnarkhoz reform // Hardcover. 26.06.2013. Также некоторые работы посвящены государственному и институциональному заказу в искусстве: Tcherneva I. [et al.]. Le cinéma de non-fiction en URSS.; Янковская Г.А. «Теневая экономика» советского изобразительного искусства в контексте позднего сталинизма / Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII Междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 дек. 2014. М., 2015. С. 394–403.

⁷ В рамках коллективного исследования Синесов, посвященного советскому кино с 1939 по 1949 г.

Парадоксальная политика кинофикации в период «позднего сталинизма»

В 1949 г. кинотеатр г. Клайпеды организовал, с помощью горкома ВЛКСМ Литвы, сеансы документального фильма «Молодые строители коммунизма». Для привлечения зрителей Горком продал зрителям специально изданные билеты по заниженным ценам. Фильм был показан также работникам торгового флота в рамках «целевых сеансов» – бесплатных для зрителей, но оплаченных в пользу кинопроката флотом.

Такое рвение показать малоизвестный документальный фильм зрителям, привыкшим в эту пору смотреть зарубежные фильмы, было расценено республиканской киноадминистрацией как нарушение установленных правил. Начальник Клайпедского отдела кинофикации, организовавший льготные сеансы, должен был быть уволен и привлечен к уголовной ответственности. Решение было оспорено в республиканском министерстве, и наказание ограничилось строгим выговором⁸.

Тем не менее как можно объяснить репрессивное решение в отношении начальника городской кинофикации, учитывая особую важность реализации проекта политического просвещения средствами кино на территории, присоединенной к СССР всего пять предшествовавших лет назад. К тому же до конца 1950-х гг.

Литовская Республика характеризовалась в административных документах как кризисная территория. Посещаемость сеансов, количество мест показа фильмов и валовый сбор с продажи билетов находились на чрезвычайно низком уровне. Новые советские фильмы редко переводились на литовский язык. Хуторная система препятствовала обычному их показу в сельской местности. Присутствие вооруженного сопротивления советской власти влияло на посещаемость, контроль кинозалов и кинопередвижек. Последние не могли перемещаться по всей территории республики. Государству было затруднительно контролировать сдачу средств в кассу и организацию сеансов.

Первоначальное жесткое наказание организатора за его ангажированность и рвение показать этот документальный фильм в сотрудничестве с так называемыми общественными организациями и флотом, как бы поразительным оно ни казалось, вписывается в череду массовых увольнений работников киносети за практику, которая квалифицировалась как спекуляция билетами, «растрата и хищение государственного и общественного имущества»⁹. С 1948 г. вводится

⁸ Государственные архивы Литвы (далее – LCVA). Ф. 472. Оп. 1. Д. 41. Л. 112–113.

⁹ Там же. Д. 19. Л. 1–2, 6, 8–10; Д. 41. Л. 19–36.

уголовная ответственность по ст.¹⁰, и такая репрессивная линия проводилась повсеместно.

Описанная конфликтная ситуация демонстрирует противоречия, имевшие место в развитии разрушенной после войны советской киносети. Так, в специфическом литовском контексте была предпринята попытка применить общесоветскую политику показа фильмов, центром которой было Постановление Совета Министров СССР от 30 марта 1948 г. № 980 «Об улучшении кинообслуживания населения и увеличении доходов от кино».

Принятие этого нормативного правового акта имело целью указать на недостаточное развитие системы проката, нехватку залов, копий фильмов и проекционных аппаратов. Он предписывал «приспособить» помещения под показ фильмов, что означало принуждение колхозов строить пункты показа под патронажем заводов, установку киноаппаратуры в помещениях другого назначения и поиск «бездействующих» киноустановок¹¹.

ВЦСПС было поручено использовать для показа фильмов все находящиеся в его подчинении помещения и увеличить количество сеансов. Профсоюзные клубы лишились финансирования головными предприятиями и организациями и перешли на режим самокооперации¹². Все ведомственные залы «открытого типа» (с продажей билетов для населения) и многие профсоюзные залы должны были быть «переданы» Министерству кинематографии СССР на правах аренды. Иными словами, эта аренда проходила насильственно.

Перелом 1948 г. касается всех областей создания, контроля и показа фильмов. После первой фазы восстановления киноиндустрии, в которую осуществлялись значительные вложения и вводились в действие техника и пленка, полученные в качестве трофеев, с названного года начался новый этап, отмеченный сокращением кинопроизводства. В периферийных студиях хроника и художественный фильм были слиты воедино, чтобы один вид производства финансово поддерживал другой. Массовые сокращения работников пересекались с репрессивной политикой «позднего сталинизма». Арест работников кино, оставшихся во время нацистской оккупации на оккупированных территориях, и кампания 1948 г. по реализации государственной

¹⁰ Государственные архивы Литвы (далее – LCVA). Ф. 472. Оп. 1. Д. 41. Л. 18–31; Государственные архивы Эстонии (далее – ERA). Ф. 1946. Оп. 1. Д. 16.

¹¹ См., напр.: LCVA. Ф. 472. Оп. 1. Д. 38. Л. 281–283.

¹² Эта политика выражается в отмене льготных правил аренды копий фильмов профсоюзными и ведомственными залами. См.: ERA. Ф. 1946. Оп. 1. Д. 113.

политики антисемитизма переплелись с драконовской экономической политикой¹³.

На таком фоне в тот период проводилась политика малокартинья. Сокращая производство советских фильмов, союзное Министерство кинематографии ставило акцент на максимальной эксплуатации зарубежных и имеющихся советских фильмов. Мартовское Постановление Правительства и последующие решения, принятые в его фарватере в период с 1948 по 1951 г.¹⁴ стали инструментом мобилизации всех залов для коммерческого проката советских и зарубежных фильмов под эгидой Министерства¹⁵.

Постановление 1948 г. свидетельствует также о попытке Совмина СССР восстановить контроль за непрозрачной ситуацией показа развлекательных фильмов и финансовой деятельностью, связанную с ней.

Большое количество зарубежных фильмов, полученных по программе обмена из США во время войны, а затем трофейных получило широкое хождение в Советском Союзе¹⁶. При такой насыщенности сети вождеденными иностранными фильмами, киноадминистрации было особенно важно максимально использовать их. Учитывая присутствие разветвленной сети кинозалов, часть из которых лишь опосредованно подчинялась так называемому Министерству кино, Постановление 1948 г. выражается как попытка установить контроль над хождением копий фильмов и над доходами, получаемыми от их показа, как желание администрации ограничить доступ к коммерческим фильмам, чтобы частично использовать закрытые типы сети для платного показа фильмов.

¹³ Tcherneva I. Le cinéma de non-fiction en URSS... С. 128–146, 162–164, 231–255; Дени Ж. [и др.]. Советизация рижских киностудий. 1944–1949. Кадровая политика в западных территориях Советского Союза / Ж. Дени, И. Чернева / под ред. В. Познер, А. Зумпф, В. Вуазен // Пережить войну. Советская киноиндустрия. 1939–1939. М. [готовится к публикации].

¹⁴ LCVA. Ф. 472. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–17, 20–23; Д. 19.

¹⁵ Подобные решения прослеживаются в эти годы в документации фондов Свердловского областного управления кинофикации (см.: Государственные архивы Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 41А, 46, 47, 51), Свердловской областной конторы по прокату кинофильмов (см.: Ф. Р-2520. Оп. 1. Д. 22), а также в фонде Партийной организации ВКП(б) Свердловского отделения кинофикации Ленинского района г. Свердловска (см.: Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 248. Оп. 1. Д. 15, 16).

¹⁶ Pozner V. Le sort des films trophées saisis par les Soviétiques au cours de la Seconde Guerre mondiale / eds. A. Sumpf, V. Laniol // Saisies, spoliations et restitutions. Archives et bibliothèques au XXe siècle. Rennes [Presses universitaires de Rennes], 2012. P. 147–163.

Постоянно повторяющиеся запреты бесплатного показа¹⁷ фильмов приобретали особый характер с изданием постановления¹⁸. Очевидно, что административное руководство кино и политические власти Советского Союза осознавали, что предприятия показывают своим работникам трофейные фильмы, представляя эти сеансы как обучающие. «Бесплатные» сеансы скрывали обращение денежных средств между зрителями, предприятиями и организаторами показов. Постановление 1948 г. имеет, таким образом, репрессивную основу и осуществляет регулирующую функцию.

Так, показывать фильмы на бесплатной для зрителей основе разрешалось влиятельным министерствам (Красной армии, министерствам внутренних дел, госбезопасности, Вооруженных Сил РСФСР)¹⁹. Иными словами, Постановление 1948 г. и политика, проводившаяся по его реализации, фиксируют соотношение сил и средств между различными типами киносети и отражают действия Совета Министров как центрального регулятора конкуренции между ними.

Территориальное неравенство в доступе к кино и разнообразие конфигураций киносетей

Советская политика кинофикации как рационального и равномерного размещения мест показа фильмов соответствовала политической ориентации начала 1920-х гг. Она должна была гарантировать равноправный доступ граждан к просвещению, искусству и развлечению. Но на протяжении десятилетий залы оставались сосредоточены в крупных городах. Доля и размещение профсоюзных, ведомственных и колхозных клубов варьировалась в республиках и регионах по-разному. Это зависело от исторически сложившихся условий деятельности профсоюзов в кино.

В Советской России и тех республиках, которые входили в состав Советского Союза с 1920-х годов, эта сеть была широко представлена, особенно в сельской местности. Так, профсоюзам было подчинено 23%, а в 1927 г. – 50,9% стационарных залов в РСФСР²⁰. К началу Великой Отечественной войны ВЦСПС имел весьма крупную сеть. В 1945 г., несмотря на мобилизацию профсоюзных установок в Красную армию, ВЦСПС располагал внушительным количеством кино-

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 36. Л. 58–59; Д. 41А. Л. 17–33; LCVA. Ф. 472. Оп. 1. Д. 5. Л. 36–37; Д. 19. Л. 6–10.

¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 59.

¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 17.

²⁰ Трайнин И. Вопросы киностроительства // Фохт-Бабушкин Ю. Публика кино в России: социологические свидетельства 1910–1930-х годов. М., 2013. С. 268.

установок. «Даже существующая сеть профсоюзных киноустановок <...> больше киносети по делам Кино. Во многих рабочих поселках и промышленных городах основное кинообслуживание осуществляется через профсоюзные дворцы и клубы», – писал в 1945 г. председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов²¹.

Многие ведомства пользовались разветвленной сетью. Только Наркомат вооружения располагал 3 тыс. передвижек и 3 тыс. стационарных залов²². В Свердловской области в 1947 г. из 714 открытых залов и киноустановок 140 принадлежали ВЦСПС, а 36 – ведомствам²³. В 1946 г. в Асбестовском районе Свердловской области работал один профсоюзный зал, один государственный, арендованный Министерством кинематографии у «Союзасбеста», и две государственных кинопередвижки. В 1946 г. в Ивдельском районе Свердловской области существовало пять профсоюзных залов и три государственных передвижки. Остальные 10 пунктов показа фильмов принадлежали Министерству внутренних дел²⁴.

В продолжение реализации Постановления 1948 г. была предпринята попытка перераспределить размещение профсоюзных залов, исходя из критерия платности сеансов для населения²⁵. В октябре того же года было принято решение систематически пересматривать административную иерархию киноустановок, вне их зависимости от ведомственной принадлежности, но на основе режима работы, вместимости зрительного зала и местонахождения. Для работников залов и местных руководителей кинофикации это означало первостепенный доступ к новым копиям и рекламе. До этого государственные залы были автоматически приоритетными в этом отношении. Критерии пересмотра залов и кинопередвижек в 1948 г. свидетельствуют, таким образом, о рассмотрении Советом Министров киносети ВЦСПС как актора коммерческого распространения фильмов и относятся к признанию конкуренции между типами кинозалов. Эти решения неизбежно вели к конфликтам, тем более что представители кинопроката, кинофикации и ВЦСПС определяли на местах иерархию залов.

Кроме того, с 1950 г. администрация кино систематически отдает профсоюзам на управление кинофикацию «нерентабельных», с ее точки зрения, удаленных регионов²⁶. Профсоюзные организации должны были самостоятельно устанавливать там пункты показа фильмов. Так, на Колыме, где право кинопроката перешло в 1950 г.

²¹ ГА РФ. Ф. Р 5446. Оп. 48. Д. 2242. Л. 1–3.

²² Там же. Л. 6.

²³ Там же. Ф. Р-2103. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

²⁴ Там же. 47. Л. 1, 18.

²⁵ ЛСВА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 18. Л. 59, 233–234.

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 502.

МВД, работали 377 профсоюзных установок, которые демонстрировали фильмы работникам «системы» и свободному населению. Заключенные же обслуживались государственной сетью²⁷. В этот период накала репрессивной политики остается только представить, как часто заключенные могли смотреть фильмы. Скрещением политических решений периода «позднего сталинизма» объясняется чрезвычайное разнообразие территориальных конфигураций. Политика, проводимая в эти годы, значительно удаляется и от постулата паритетного доступа жителей Советского Союза к фильмам, и от обязательства государства обеспечить его.

Сдерживание конкуренции между государственной, профсоюзной и ведомственными киносетями в период послесталинских реформ

Эти тенденции сохранились в послесталинской политике. Тем не менее одно из структурных отличий между политикой «позднего сталинизма» и той, что проводилась в хрущевский период, заключается в готовности Совета Министров и ЦК КПСС не просто отбрасывать так называемые нерентабельные территории профсоюзам и ведомствам, а передать им весь парк кинозалов. Государство нуждалось в негосударственных залах: проблема дефицита мест для организации сеансов возвращалась как лейтмотив в прессе, в документах и критике управляющих кинофикации и директоров кинотеатров.

Фонды на строительство кинотеатров были выделены только в 1956 г., а строительство их началось в начале 1960-х гг. Открытие профсоюзных и ведомственных залов стало мощной тенденцией при поддержке Совета Министров СССР негласно, но последовательно. Первый этап политики послесталинского периода можно охарактеризовать как тенденцию *laissez faire* – не препятствия открытию залов, обслуживающих не только сотрудников завода или предприятия, но и жителей района на платной основе. Сеть альтернативных киноадминистративных – распространителей фильмов росла. С 1955 по 1960 г. профсоюзная киносеть открывала 500–700 мест показа фильмов в год, а в 1958 г. она представляла уже 50% парка залов на общесоюзном уровне²⁸.

Доля этой сети в плане также увеличивалась. К 1954 г. профсоюзные и ведомственные установки представляли 30% валового сбора от показа фильмов в СССР. Проводимая политика акцентировала географическую разнородность залов. Даже в Москве, где были сосре-

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 450. Л. 71–73.

²⁸ Калистратов Ю. Экономика производства и обращение кинофильмов в СССР. М., 1958. С. 268.

доточены многочисленные залы, 50% сеансов в 1955 году, например, проводились в профсоюзной киносети²⁹. В таком крупном городе, как Свердловск, в 1956 г. фильмы показывали 37 клубов и домов культуры, 300 – красных уголков на предприятиях и всего 13 государственных кинотеатров³⁰. В том же году в Свердловской области ВЦСПС располагал 20% парка кинозалов и предоставлял 50% валового сбора³¹. Разница в двух последних цифрах далеко не нейтральна: с меньшим количеством стационарных залов, сеть ВЦСПС генерировала половину доходов от проката фильмов. Иными словами, фильмы там показывались часто и зрителей было особенно много.

Вынужденные свидетели такого разрастания негосударственной сети – государственные кинофикаторы – досадовали по поводу «анархичного» открытия профсоюзных залов. Сеть ВЦСПС, по их свидетельствам, отнимала у них аудиторию, что не позволяло им достичь плановых показателей³². Уровень конфликтности на собраниях кинофикаторов в эти годы был чрезвычайно высок.

Время от времени формулировалась идея объединить все залы в единую государственную сеть, но ВЦСПС систематически выступал против этого. Повышенная конфликтность была связана не столько с общим ростом количества профсоюзных и ведомственных киноустановок, сколько с их территориальным размещением. Согласно цифрам, которыми располагало Министерство кинематографии в 1959 г., 34% всех посещений кинотеатров в стране приходились на профсоюзную и ведомственную сети; общее количество мест, которыми располагала государственная сеть – 2 млн, совпадало с количеством мест в профсоюзной и ведомственной сетях³³. Количество государственных кинотеатров, которые составляли 34%, может свидетельствовать о том, что советские зрители стали больше посещать именно государственную сеть, но это нивелированное значение маскирует разницу между территориями.

ВЦСПС, следуя своим экономическим целям, не придерживался планового открытия своих залов, но и создавал их на тех территориях, где спрос на кино был велик, а именно в городах и центральных районах, оставляя государственным кинопередвижкам заботу о менее прибыльных киноаудиториях (маленькие деревни, бригады)³⁴. Согласно многочисленным фактам, только богатые колхозы или регионы, где предприятия и министерства были достаточно сильны,

²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 536. Л. 14; Калистратов Ю. Указ. соч. С. 268.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 23. Л. 206.

³¹ Советская культура. 10.10.1957. С. 2.

³² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 23. Л. 73, 157; Ф. 2329. Оп. 13. Д. 32. Л. 5.

³³ Там же. Д. 32. Л. 5.

³⁴ Там же. Д. 23. Л. 157.

имели возможность открывать для своего населения кинотеатры. Так, географическое размещение киноустановок и разница в финансовых условиях работы стали основой для понимания конкуренции, которая рождалась там, где разные типы киносети призваны были дополнять друг друга. Кроме борьбы за копии фильмов и оборудование, типы залов вступали в соревнование за зрителей. В этом заключается именно конкуренция, а не дополнение одного парка кинозалов другим, к чему стремились органы государственного управления.

Тем не менее Совет Министров СССР продолжал поддерживать открытие негосударственных залов и запрещал кинофикаторам ставить препоны плановому строительству профсоюзных и ведомственных кинотеатров, и отправлял указания на местный уровень, когда речь шла о внеплановом их появлении³⁵. После периода 1953–1958 гг., этапа экономического *laissez faire* полная «передача» государственных залов системе ВЦСПС была упомянута в 1959 г. и ее завершение планировалось к 1975 г. Эта политика была с конца Великой Отечественной войны прямо противоположной насильственной аренде помещений у профсоюзов и ведомств.

С точки зрения политической легитимности, она входила в программу Н.С. Хрущева по вовлечению граждан в управление государственными делами. В 1967 г. Совет Министров СССР постановил «передать полностью и безвозмездно все государственные киноустановки, размещенные в ДК, клубах и зданиях министерств»³⁶. На протяжении всего периода уход государственных кинофикаторов из арендованных помещений вызывал сопротивление работников киноадминистратий. Министерство культуры СССР было вынуждено постоянно сдерживать локальные конфликты (чаще всего их решение переносилось на плечи местных властей³⁷) и обоснованную критику директоров государственных залов.

Преломление общесоветской политики в прибалтийском контексте

Конфликтное сосуществование разных типов киносетей, пользующихся большей или меньшей влиятельностью, оказалось долговременной ситуацией. Она сложилась еще в 1920-е годы на основе конкуренции, которая была прикрыта термином «план». Органы государственной власти сопровождали и даже опирались на конкуренцию. Различные акторы плана мыслились как дополняющие друг друга, но в реальности постоянно конфликтовали. После парадоксальной политики «позднего сталинизма» 1950–1960-е годы отно-

³⁵ Кинофикация. Кинопрокат. Кинопромышленность: систематизир. сб. норм. актов и ведомств. указаний. М., 1972. С. 38–39.

³⁶ Там же. С. 79–80.

³⁷ Там же. С. 81–83.

сятся к признанию политическими и административными властями Советского Союза экономической роли альтернативной администрации киносети. Эти же годы отмечены повышенной конфликтностью между низовыми акторами распространения фильмов.

Литовская Республика является своеобразным лакмусовой бумажкой единой советской политики «кинообслуживания». Республика рассматривалась в 1950-е годы как «кинопустыня», категория, в которую, по сведениям Минкульта СССР, входили Азербайджан, Армения, Туркменистан и Белоруссия³⁸. Согласно документам, собранным в центре, сельское население этих республик посещало кинопоказы в среднем два раза в год, а жители некоторых территорий не видели фильмов и по два года. В документах литовской администрации обрисовываются более банальные ситуации в 1950-е годы – отсутствие сеансов по 4–5 месяцев³⁹.

Действительно, в ходе первой попытки установить советскую власть в Литве в 1940 г. в этой республике насчитывалось 66 кинотеатров, а после войны – всего четыре. В 1946 г. были открыты 67 кинотеатров и три кинопередвижки, за следующий год было отремонтировано четыре кинотеатра, и «приспособлено» для кинопоказа – 15 церквей и синагог. Эти цифры составляют лишь 30–40% от того объема работы, которая была запланирована⁴⁰.

Спецификой территории республики было почти полное отсутствие профсоюзной сети и малая доля ведомственной – как и во всех Прибалтийских республиках. Общесоветская политика не могла опереться на экономический костыль плана, коим являлась негосударственная сеть на других территориях. Так, к 1948 г. планировалось довести литовскую киносеть до 220, в том числе до 10 установок, принадлежащих ВЦСПС. Особенно проблематичным было обязать профсоюзы, которыми за шесть месяцев 1948 г. не было открыто ни одной установки⁴¹.

Второй особенностью этой территории является финансовое вливание в государственную сеть, для которой даже в период самого жесткого курса на экономию в 1948–1949 гг. было повышено финансирование Министерства кинематографии за счет бюджета Министерства здравоохранения, а отчисления первого из них в бюджет были намеренно понижены⁴². Эта тенденция, прямо противоположная общесоветской, была продолжена и в 1950-е гг.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 13. Д. 8. Л. 28–32 [документы за 1954 г.]; ЦАОПИМ. Ф. 1252. Оп. 1, Д. 19, Л. 32–34 [документы за 1964 г.].

³⁹ LCVA. Ф. 472. Оп. 1. Д. 38. Л. 19.

⁴⁰ Там же. Д. 8. Л. 46–49.

⁴¹ Там же. Д. 40. Л. 13–16.

⁴² Там же. Д. 38. Л. 78, 84, 243–244, 246.

В результате конфигурация литовской киносети отличалась от исторически обусловленного присутствия и мощной роли профсоюзной и ведомственной сетей на территориях других советских республик. Постепенное аннулирование государственной сети, размещенной в арендованных помещениях, исторически обоснованно для Советской России. В Литве же эта политика претворялась в жизнь как «передача» системе ВЦСПС государственных залов, построенных в послевоенный период. Малое влияние ведомственной и профсоюзной сетей на этой территории, с одной стороны, объясняет отсутствие восприятия конкуренции, подобной той, что мы видим в РСФСР в 1950-е гг. С другой стороны, конфликты между государственными кинофирмами и альтернативными распространителями фильмов перенеслись в иной временной отрезок.

Советская административная категория «кинообслуживание» маскирует работу большого количества институций распространения фильмов населению. Их экономические практики и географическое расположение разнятся. Общесоветская политика варьируется между опорой на альтернативные институты показа фильмов и экономическим принуждением. В период «позднего сталинизма» политика кинофикации сочетает агрессивную в отношении негосударственных залов политику и подталкивание их к коммерческому прокату фильмов. От «позднего сталинизма» до хрущевских реформ наблюдается переход от стратегии принуждения к содействию разрастающейся сети профсоюзных и ведомственных кинозалов. Одновременно перед киноадминистрацией и органами государственного управления вставала задача сгладить конфликты между типами кинозалов. Анализ этих конфликтов вписывает в исторический контекст сам термин «кинообслуживание», который акторы прочитывают по-разному. Использование экономического плана как рычага политического воздействия ставит вопросы традиции частной экономической инициативы «снизу» и реализации политического постулата открытого и равноправного доступа к культуре и развлечению.

Всеохватывающая категория «кинообслуживание» также набрасывает покров на разницу исторических условий, в которых были выстроены парки кинозалов на территориях Советского Союза. Пример кинофикации Литвы выявляет и формирование от случая к случаю отдельных стратегий политического действия, и вынужденное для органов государственного управления СССР смещение экономических практик. Наконец, он возвращает к разрыву между политическими целями обращения к кино и реальностью экономического использования фильмов, разрыву между политическими и экономическими функциями кино, исторически закрепившемуся в Советском Союзе.

VII. НОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Р.А. Хазиев

ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НА БЕДНОСТЬ: ПИОНЕРЫ КОНСЬЮМЕРИЗМА, ДОМОРОЩЕННЫЕ КОММИВОЯЖЕРЫ И ТЕНЕВИКИ НА УРАЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ В 1953–1964 гг.

В последние десятилетия произошли значительные изменения в историографическом переосмыслении ряда важных социально-экономических процессов, происходивших в послевоенное время. Это привело к тому, что перестал доминировать бинарный подход в толковании такого сложного социокультурного явления, как появление и утверждение в послесталинскую эпоху «хрущевских богатых»¹. Поэтому в условиях утвердившегося методологического многообразия принципиально важно выяснить ряд моментов, требующих более тщательного рассмотрения.

Во-первых, относительно форм проявления послесталинского синдрома переживания советским социумом внутренней психоэмоциональной «революции» растущих, но неоправдываемых ожиданий. Во-вторых, компенсирование подпольным обогащением во времена Н.С. Хрущева душевных стеснений «надрывного существования» при сталинизме, когда жизнь на полуголодный желудок «проходила зря».

На фоне неудовлетворенности базовых потребностей (еда, одежда, лекарства, быт, жилье и др.) в сознании советских людей, переживших невероятные страдания военных лихолетий, постепенно стала девальвироваться десятилетиями культивируемая идея умерщвления обыденных материальных потребностей, искусственно возводимых пропагандой в ранг роскоши. Нежелание «угрюмо суще-

¹ Отдельных сюжеты, посвященные функционированию «теневых элементов» на Урале периода «оттепели», рассмотрены в работах А.В. Трофимова. См.: Трофимов А.В. Коррупция на Урале в середине XX века: исторический контекст // Экономика, общество, человек: теория, методология, реальность: сб. научных трудов. Екатеринбург, 2015. Ч. 2. С. 29–30; Он же. Модернизационные процессы и экономические модели поведения уральского населения (1945–1965 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: сб. научных статей. Екатеринбург, 2015. С. 330.

ствовать» способствовало размыванию наработанной привычки и утвердившейся практике соответствовать поведенчески уравнилельно-хозяйственному стоицизму. Нация-победительница, не нокаутируемая более массовыми репрессиями, избавлялась от сталинского наследия жить жертвенно, серо, стандартизированной, быть скромным в быту, одежде, запросах и т. д. в пользу «лучшей повседневной доли», ранее сознательно заглушавшейся.

Начавшееся при Хрущеве заметное раскрепощение населения не только постепенно привносило в общество установки отказа от спартанского образа жизни, но и воплощалось в активизации несанкционированной хозяйственной деятельности. Данный процесс в большей степени был бессознательной защитной реакцией из-за явного наступления усталости от травмирующих общество сакрализованных коммунистических мифов, символов, сверхстатичности пропагандистской лексики сталинского типа и, соответственно, поиска противоположности – профанного.

В противодействие вызывающему раздражение «затягиванию поясов» стала появляться генерация людей с выраженным потребительским мышлением. «Хрущевские богатые» (теневики, подпольные коммерсанты, партхозноменклатура, продавцы, официанты, товареды и др.) руководствовались новыми ценностными идеалами – жить больше для себя и во благо своих семей, пренебрегая принципом отдавать жизнь ради общества или тем более во имя идеалов партии.

Жажда материальных благ предопределила, в свою очередь, модель поведения и уровень притязаний нарождавшихся консьюмеристов хрущевского времени. Они стали первопроходцами в утверждении новых идеалов, символов и практик – послесталинского роскошества в виде «сколачивания» теневого капитала, обладания дефицитными швейными машинками, ламповыми радиолами, добротной одеждой, мотоциклами, автомобилями, комплектами «шикарной» импортной мебели, косметики и т. д.

Носители потребительской идеологии, пытаясь прежде всего извлечь личную выгоду из превратностей социалистической плановой экономики, стали создавать себе благополучную жизнь по-советски. Когорта людей, начавшая делать деньги в эпоху Хрущева, была специфическим вызовом эпохи «оттепели». «Хрущевские богатые» благодаря теневым доходам, позволявшим увеличить потребление материальных благ, не доступных массе рядовых граждан, значительно отличались от большей части советского общества, жившей от зарплаты до зарплаты. Пуская теневые заработки в ход, они выходили за пределы укоренившейся социалистической стандартизации в образе жизни и поведении. Феномен «хрущевских богатых» состоял еще и в том, что они руководствовались не характерным для природы соци-

ализма принципом: они считали, что лучше быть пойманным, отсидеть, спрятав от конфискации нелегально заполученное, чем увязнуть в плену советского прозябания. Это резко отличало их от «ловкачей» 1930–1940-х гг., которые, как правило, боролись за выживание.

Появившиеся «гении» различных коммерческих комбинаций отчетливо понимали, что в отличие от сталинских времен за хозяйственные проступки, как раньше, уже практически не расстреливали, надолго в лагерь не отправляли. В условиях послабления командного администрирования изменился и ментальный настрой в отношении провинившихся. Сознание определенной части партсовуправленцев, работников административных органов, конечно, не повально, но явно коммерциализировалось. Судьи, естественно, не поголовно, но уже начали брать взятки, «свои люди» в милиции их крышевали².

Немаловажной стала принадлежность к партийному клану: тогда разгоревшийся скандал чаще всего быстро гасился, не выходя за пределы парткома-райкома, которые, особенно на местах, были нацелены пожурить оступившегося товарища. Поэтому, нередко спасая от возмездия правосудия «погоревшего» на экономических делах коммуниста, из партии его не исключали, то есть из жизни пойманного за руку дельца не вычеркивали³. Постепенно складывались неписанные правила, когда вопросы во властных структурах решались по дружбе, с помощью влиятельных родственников, друзей, денег и т. д. Так, в секретном докладе, направленном в марте 1955 г. начальником управления Министерства юстиции РСФСР по Свердловской области Куксовым в обком партии, отмечалась явная коррумпированность правоохранительной системы, «когда лица, виновные в совершении уголовных преступлений, или вовсе не привлекаются к ответственности или дела в отношении них прекращаются без достаточных оснований»⁴.

Произрастание «подпольных богатых» порождало в советском унифицированном социуме разнообразие самых различных мнений – от критических до восхищенных («вот умеют же люди жить»), что сотрясало общественный консенсус. На обыденном уровне фиксировались создаваемые молвой образные картины, ослеплявшие обывателей яркостью жизни тех, кто, «живя не на одну зарплату», тем не менее комфортно ощущал себя при распределительно-раздаточном социализме. Простых людей, добывавших в вечных очередях продук-

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 58. Д. 196. Л. 107–108.

³ Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. 122. Оп. 32. Д. 1393. Л. 3; Д. 1959. Л. 25.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 107. Л. 71.

ты питания и промтовары, ввергала в явное уныние не столько «сытая» повседневность отдельных «успешных» и их показная роскошь, сколько идеализация пропагандистской машиной «счастливой» жизни трудящихся в СССР.

Данный посыл, не отвечая действительности, способствовал формированию протестного языка, «подрывавшего социалистическую действительность» в анекдотах, частушках, гневных тирадах, постоянно фиксируемых органами КГБ и МВД: «У нас давно нет ни свободы слова, ни правды, одна ложь и лицемерие»; «семьи живут у нас впроголодь»; «жить хуже, чем при царском режиме»; «рабочим все хуже и хуже живется, пора говорить правду»; «оттого, что мы кричим о коммунизме по радио и в газетах, мы от этого сытыми не становимся»; «Советская власть – это нищета, голод, туберкулез, слезы и слезы»; «будет время, Советы выкинем на свалку истории»; «чем больше Советов, тем меньше продуктов»⁵. Глас народа, конечно, шел вразрез с официальными речами советских управленцев, бравадно рапортовавших о «благоденствии» советских людей, которые «стали лучше питаться, лучше одеваться, культурнее жить»⁶.

Неверно было бы думать, что при нерезонансных хозяйственных правонарушениях иммунитетом от преследования обладала только партийно-хозяйственная верхушка столичного и регионального уровней. Попадание в номенклатуру делало практически непотопляемыми и «начальников» районного масштаба.

Так, безрукой оказалась Фемида Бурзянского района БАССР, уличившая в конце 1955 г. в растрате 152 тыс. рублей местного руководителя ОРСа (Отдел рабочего снабжения). Горой встали на защиту своего назначенца в районном комитете КПСС. Конечно, не обошлось без партвзыскания, но, самое главное, не исключили из партии и тем самым спасли от уголовного преследования. Через некоторое время бывший начальник ОРСа, сохранивший заветный партбилет, пошел на повышение, заняв доходную должность заведующего торговым отделом Бурзянского райсовета⁷.

Фактически отделался испугом начальник Улу-Телякского ОРСа. Вместо уголовного преследования и суда его за массовые растраты, хищения и злоупотребления служебным положением

⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 21. Д. 96. Л. 30; Оп. 23. Д. 93. Л. 16; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 112. Л. 56; Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее – ЦДННОО). Ф. 371. Оп. 18. Д. 222. Л. 20; Ф. 7518. Оп. 1. Д. 76. Л. 30.

⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 787. Л. 12.

⁷ Там же. Д. 2178. Л. 53.

всего лишь сняли с работы⁸. За аналогичные преступления лишились должностей, но остались на свободе управляющий межобластной конторы «Главскоткорм», председатели артелей «Инвалид-кооператор», «Красная охрана», директор спиртзавода и многие другие южноуральские партхоз-нувориши, «обогатившиеся за счет народа»⁹.

В Мечетлинском районе БАССР мало того, что дела всех «коммунистов-обогащенцев» рассмотрели исключительно в гражданском порядке, так последние еще отказывались исполнять решение судебных органов и возмещать «нанесенный ущерб». В отдельных случаях «обогащенцев» демонстративно избирали делегатами партийной районной конференции, что равнозначно было оказанию им со стороны парторганизации особого доверия. Тех «коммерсантов», которых не удавалось надежно защитить, быстро снимали без оргвыводов с партийного учета и позволяли «выехать из района»¹⁰.

Случались и вовсе казусы, когда обвиняемые превращались в обвинителей и активно искали правду, ища на обидчиков управу в ЦК КПСС. Начальник снабжения Миасского хлебокомбината, доложив по инстанции о том, что директор предприятия закрывает глаза на «расхищение государственного имущества» на вверенном ему предприятии, фактически своими сигналами снял руководителя хлебокомбината и еще одного управленца с работы. Последних под суд, конечно, не отдали – все обошлось привлечением к партийной ответственности.

Вскоре выяснилось, что сам «пожалившийся» в ЦК КПСС, пользуясь служебным положением, удачно проворачивал подпольные сделки. В частности, он выписывал по госрасценкам на собственные нужды дрова, которые потом машинами реализовывал по рыночной стоимости. «Кляузнику», пойманному на «антигосударственном проступке», первичная партийная организация объявила строгий выговор с занесением в учетную карточку. По большому счету, с «правдолюбцем», много знавшим о порядках, царивших на хлебокомбинате, просто не захотели связываться, поэтому в компетентные органы материалы передавать не стали. Начальник снабжения хлебокомбината, рядясь в тогу преследуемого, стал добиваться правды в Миасском горкоме партии, который предложил ему стать заведующим лесным складом на оборонном заводе. Так как данная должность прежних дивидендов не сулила, бывший снабженец от предложения горкома де-

⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 2178. Л. 53.

⁹ Там же. Д. 891. Л. 35.

¹⁰ НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 203. Л. 2 об.

монстративно отказался, получил разрешение сняться с партийного учета и безнаказанно уехал в другой город¹¹.

Советские суды, известные своей преимущественно репрессивно-карательной направленностью, проявляли в некоторых случаях несвойственный им либерализм. Народный суд Орджоникидзевского района г. Свердловска весной 1955 г. рассматривал дело экспедитора одной из заготовительных организаций, которого поймали с поличным на перепродаже сена. При совершении разовой махинации экспедитор получил левый доход в размере 2400 рублей, скупая сено по твердой закупочной цене и реализуя его по рыночной. Суд, не «установив» в действиях заготовителя фактов, которые бы свидетельствовали об извлечении им «прибыли», вынес оправдательный приговор. Решение суда было опротестовано прокуратурой, но через некоторое время оно было отозвано. Можно только строить догадки, по каким причинам в ситуации, когда зарплата сотрудников органов правопорядка составляла от 525 до 1790 рублей в месяц, именно в отношении ухитрявшегося зарабатывать за один раз 2400 рублей тайного коммерсанта правосудие оказалось столь благодушным¹².

При существовавшем в стране, казалось бы, тотальном надзоре за кадровым составом предприятий, постепенно в эпоху Хрущева стала распространяться семейственность. Царьки-хозяйственники, плодя кумовство, словно в насмешку выдавали его за «трудовую династию», урезонивали отдельных «крикунов», утверждая, что в рамках одной организации по семейной линии передаются «лучшие опыт и умения».

Буквально одними родственниками, друзьями и знакомыми окружил себя управляющий Башкирской конторы «Главвторсырье». При приеме на работу «протее», совершенно не брался в расчет опыт его прежней деятельности, образование или хотя бы элементарное знание того, что предстоит делать, не говоря уже о моральных качествах претендента на должность. Пропуском на получение места являлась личная преданность управляющему, который целенаправленно избавлялся от опытных работников, мешавших извлекать теневой доход¹³.

В обмен на полную лояльность «хозяин» всячески поддерживал, а при случае вводил от уголовной ответственности своих ставленников. Когда один из ближайших родственников управляющего присвоил в Уфимской конторе «Главвторсырье» 3 тыс. рублей, его срочно назначили заведующим складом республиканской конторы вместо того, чтобы передать материалы в прокуратуру. Чувствуя полную безнаказанность, новоявленный завскладом устроил дебош, который

¹¹ ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 17. Д. 145. Л. 13, 16.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 107. Л. 71.

¹³ НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891. Л. 32.

на этот раз замять не удалось, и дело закончилось судом и годичным тюремным сроком. После «отсидки» управляющий определил своего родственника агентом в Ишимбайскую контору «Главвторсырье», где тому вскоре предоставили еще и квартиру¹⁴.

Руководитель Башкирской конторы «Главвторсырье» воздал «спаянную команду», жил на широкую ногу и был ярким любителем увеселений. Устраиваемые им бесконечно богатые застолья требовали немалых денег. «Спонсорами» банкетов становились заготовители, управляющие низовых контор и все, кто не хотел лишаться хорошего к себе расположения высшего уфимского начальства. Тем, кто принимал сложившиеся правила игры, создавались привилегированные условия для работы, выделялись для закупок «в неограниченном количестве» средства, определялись лучшие участки для заготовок, выписывались премии и прогрессивки. Соответственно, в обмен за покровительство часть выручки шла «наверх». С «непонимающими» элементарно расправлялись – увольняли, а особо строптивым создавали невыносимые условия работы. «Бизнес» делался не только на денежных подношениях подчиненных. Значительную материальную выгоду давала спекулятивная реализация дефицитных товаров, по лимиту выделяемая для стимулирования заготовок среди селян¹⁵.

Поднаторел на теневых сделках и получении огромных по тем временам доходов начальник одного из цехов артели «Хлебопек-кондитер» Уфгорпромторга. Руководство артели, проводя внутренние проверки, находило в цехе № 1 недостачу готовой продукции и сырья на десятки тысяч рублей. Каким спросом пользовалась постоянно уходившая «налево» из артели и отсутствующая в свободной продаже в магазинах хлебная продукция, которую ажиотажно скупало население, говорить не приходится. Возникшая недостача покрывалась по документам так, что придраться оказалось невозможно. Все объяснялось удорожанием себестоимости готовой продукции, «припеком продукции», естественной убылью. Поэтому начальник цеха постоянно выходил «сухим из воды»¹⁶.

Предпринимательской жилкой отличались продавцы уфимского «толчка», за которыми постоянно следила милиция, пытаясь пресечь торговлю новыми вещами. Реализация на «толчке» запрещенных товаров шла настолько бойко, что только за первое полугодие 1955 г. к административной ответственности было привлечено 2 766 человек. Те, кого в милицейских сводках называли «штатными обитателями толчка», являлись предшественниками современных мелких торгов-

¹⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891. Л. 33.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Там же. Д. 2178. Л. 121.

цев. Одним из подпольных коммерсантов был рабочий уфимского лесозавода М.А. Ахмадеев, специализировавшийся на продаже валенок, мужских брюк и шапок. Как правило, дефицитные товары скупались у «доверенных продавцов» в магазинах, у граждан, пришедших на «толчок» реализовать единичный товар, или специально привозились из Москвы проводниками поездов, с которыми удавалось наладить коммерческие связи¹⁷.

Основателем семейного бизнеса, в который негласно были вовлечены и наемные работники, являлся нигде не работавший И.П. Елпаев. Предприимчивый нелегальный бизнесмен, реализуя товары широкого потребления, вместе с братом и двумя помощниками установил прочные связи с кустарями-нелегалами, нашел выход на поставщиков из Москвы и других городов страны. Подпольная деятельность Елпаева была столь успешна, что он купил два дома в Уфе и «много ценных вещей». Оборотистым предпринимателем показал себя В.М. Муратов. Вместе с женой и тещей он поставил на поток пошив верхней одежды, которая постоянно пользовалась спросом на рынке. Материал для изготовления пальто систематически закупался в районных сельпо республики и в городах СССР. Бизнес Муратовых приносил ощутимые дивиденды, позволив быстро решить квартирный вопрос: ими был приобретен добротный дом в Уфе¹⁸.

Оренбургские сыщики в середине 1961 г. обнаружили не одну группу теневиков, в которых ведущие роли играли коммунисты. Местные оперативники были ошеломлены, когда напали на «группу тайных коммерсантов» комбината кожгалантерейных изделий Оренбургского управления местной промышленности. Мало того, что из 14 человек семеро было членами КПСС, так нелегальное содружество настолько умело поставило дело, что часть фабрично выделанной кожи и различных полуфабрикатов, минуя учетчиков, прямо попадала на тайный склад. «Неоприходованная» продукция, находясь в полном распоряжении теневого барона, сбывалась по налаженным каналам кустарям. Выявленный доход группы за один лишь 1962 г. составил невообразимую для обывателя сумму – 44 тыс. «новых рублей»¹⁹.

Настоящим эльдорадо по извлечению нелегального дохода стали в начале 1960-х гг. «карликовые предприятия местной промышленности». Очень часто маленькие заведения располагались в крайне непрезентабельных зданиях-развалюхах, имели примитивное оборудование, небольшой штат сотрудников, особую атмосферу дружной

¹⁷ Там же. Оп. 33. Д. 204. Л. 167.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 51; Д. 1478.

производственной семьи, не выносившей сор из избы на обсуждение профкома или парткома. Именно в таких сплоченных коллективах и ковались тогда целые состояния. Преимущество теневых «малышей» перед заводами или фабриками состояло в том, что они сплошь и рядом работали без «производственного плана», обеспечивались сырьем не по разрядке, были освобождены от учета выпускаемой продукции. Немыслимое для других предприятий хозяйственное раздолье позволяло проворачивать коммерческие сделки с левой продукцией, деньги от продажи которой на десятки тысяч рублей пускались на роскошную жизнь²⁰.

Подводя итог, можно сказать, что использование различных путей, способствующих личному обогащению, было в эпоху хрущевских перемен ничем иным, как, порой, спонтанным неприятием утверждаемой советской властью идеи равенства и уравнительности для основной массы населения страны, не попавшей в номенклатурную обойму. Жажда материальных благ и денег являлась одним из изоциренных проявлений культуры бедности, для которой, конечно, характерна не только вечная нехватка денег, но и советская привычка сократить потребление, быть скромным в быту, одежде, запросах. Тем не менее ограниченность в материальных средствах, будучи характерной чертой культуры бедности, породила установки, ценностные ориентиры, модель поведения и уровень притязаний нарождавшихся «хрущевских богатых», становившихся пионерами в утверждении новой социокультурной практики – благополучия жизни по-советски.

Кроме того, достаточно широкое распространение в эпоху Хрущева нелегальных хозяйственных отношений, позволявших получать скрытый доход вне рамок официальной экономики, оказывали разрушительное воздействие на общество. Фактически шаг за шагом подрывалась легитимность власти как соответствующая интересам народа. Явная хозяйственная неустроенность существования значительной части населения страны постоянно рождала у граждан неуверенность и уязвимость в своем экономическом положении при условии, что профессионализм, образование, общественно-престижная профессия не являются гарантиями заработков, достаточных для «семейного счастья». В совокупности это и породило социально-экономические практики, выходящие за рамки закона.

Распространение неформальных практик, которые не наблюдались в сталинскую эпоху, отчасти уже сигнализировало не только о понижении способности социалистического государства в полном объеме выполнять свои властно-управленческие функции, но и о неэффективности плано-распределительной системы и даже ее прямой дискредитации.

²⁰ ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 20. Д. 1375. Л. 51; Д. 1478. Л. 51.

М.В. Ромашова

ЖЕНСОВЕТЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ЭПОХУ «ОТТЕПЕЛИ»¹

Новая программа партии, принятая на XXII съезде КПСС (1961 г.), определяла задачи построения коммунистического общества на ближайшие десятилетия.

К одной из них относилась постепенная передача общественности государственных функций управления². Профсоюз и комсомол как массовые общественные организации получили приоритет в этом процессе, а быстро развивавшаяся с конца 1950-х годов сеть самодеятельных общественных организаций (советов пенсионеров, женских советов, домовых комитетов, народных дружин, обществ охраны природы и др.) должна была обеспечить представительство в нем разных социальных и возрастных групп.

Более подробно мы остановимся на женских советах, возникавших с 1957 г. по всей стране и действовавших вплоть до распада Советского Союза. Их появление связано с возобновлением интереса к «женскому вопросу», о решении которого большевистская партия говорила еще в начале 1930-х годов.

В годы «оттепели» власти заявили о значимости вклада женщин в строительство социализма, о достигнутом ими равенстве с мужчинами и о возможностях реализации представительницами женского пола всех прав граждан социалистического общества. В то же время было признано, что существуют бытовые, семейные и производственные препятствия, которые мешают женщинам активно участвовать в общественно-политической и экономической жизни страны. В новой Программе партии утверждалось, что будут «полностью устранены

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-11-59003 и программы развития партнерских центров ЕУ СПб.

² См.: Хрущев Н.С. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде КПСС. 11 октября 1961 г. М., 1962. С. 213.

остатки неравного положения женщины в быту, созданы все социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности, в занятиях наукой, искусством»³. В мобилизации женщин на выполнение Программы партии и решений съезда особую роль должны были сыграть уже существующие в стране женские советы.

Отношение к женсоветам в исследовательской литературе сложилось неоднозначное. Ю. Градскова полагает, что с ликвидацией женотделов в 1930 г. коммунистическая партия осталась единственной организацией, реально обладавшей полнотой политической власти, при этом женщины в ней составляли меньшинство, особенно в ее руководстве. Вплоть до перестройки никаких низовых организаций, которые обучали бы женщин навыкам управления и помогали им осознать свои интересы, создано не было⁴.

Как отмечает С.Г. Айвазова, женщины, несмотря на существование женсоветов и женских комиссий, были отстранены от реального участия в процессе принятия решений. Структуры власти, разрабатывавшие внутреннюю и внешнюю политику, были закрыты для них⁵.

В таких условиях (закрытости структур власти) именно низовые организации вроде женсоветов оказывались единственным пространством, в котором женщины могли ощутить свою причастность к большой (или относительно большой) политике. Как отмечает М. Илич, женсоветы не только исполняли спускавшиеся «сверху» директивы и постановления, но и были инструментом, с помощью которого женщины на местах выражали свое мнение по самым разным вопросам и доводили его до вышестоящих инстанций⁶.

В Пермском краевом архиве сохранились документы о работе городского и районных женсоветов, личные фонды их лидеров и рядовых участников. Первые женские советы в Перми появились еще в

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 97.

⁴ См.: Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичностей. М., 1999. С. 27–28.

⁵ См.: Айвазова С.Г. Свобода и равенство советских женщин // Она же. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М., 1998. С. 66–99. URL: http://www.a-z.ru/women/texts/66_99r-2.htm# (дата обращения: 20.04.2016).

⁶ См.: Ilic M. What Did Women Want? Khrushchev and the Revival of Zhensovety // Soviet State and Society under Nikita Khrushchev / Eds. M. Ilic, J. Smith. L., 2011. P. 104–121.

1938 г. и были частью движения жен-общественниц⁷. В них входили жены сотрудников НКВД, обкома партии и УВД. С 1958–1959 гг. они стали возникать повсеместно наряду с другими общественными организациями. К 1961 г. в Перми оформилась вертикаль женских советов при горкоме, деятельность которых объединял избравшийся городской женский совет.

Можно проследить динамику роста численности организаций. В 1963 г. в Перми существовали: один городской, шесть районных и 316 женсоветов на предприятиях, стройках, домоуправлениях, в работу которых было вовлечено 2969 общественниц, а в 1967 г. в их работе принимало участие уже 4837. Спад в работе женских советов приходится на конец 1960-х гг., когда уходит из жизни ряд лидеров женсоветов и ослабевают интерес властей к этим организациям.

Появление отдельного архивного фонда, посвященного женсоветам, стало результатом кропотливой работы самих активисток, сохранявших практически все свидетельства своей деятельности для потомков и веривших, что они творят историю прямо сейчас. Знакомство с документами женсовета⁸ и личными фондами участниц⁹ привело к неожиданному открытию: лидерами и активными рядовыми участниками женсоветов были пожилые женщины 1890–1900-х годов рождения. В исследовательской литературе, так же как в источниках (например, в публицистических материалах¹⁰), о пожилых активистах вообще не упоминают либо говорят вскользь, однако архивные данные говорят об обратном.

Подобные сведения можно встретить и по женсоветам г. Свердловска, и по другим общественным организациям г. Перми¹¹. Столь неожиданные данные о личном составе женсоветов ставят перед ис-

⁷ Движение жен хозяйственных руководителей, ИТР, стахановцев и др., инициированное «сверху» в 1936 г., для вовлечения женщин в борьбу за культуру быта и оказания помощи мужьям в выполнении и перевыполнении производственных планов.

⁸ ГАПК. Ф. Р-1311. Оп. 1.

⁹ Там же. Ф. Р-1449. Оп. 1; Ф. Р-1583. Оп. 1; Ф. Р-1610. Оп. 1.

¹⁰ См.: Стоякина А.С. Женские советы. М., 1962; Полегешко А.П. Наши активистки. Ульянов, 1961; Беляева А.С. Женские советы. Саратов, 1962; Заботливые руки, щедрые сердца: о работе женских советов Челябинской области. Челябинск, 1961; и др.

¹¹ По данным архивов Пермского края и Свердловской области, в работе общественных организаций принимало участие более 50% пенсионеров, а в некоторых случаях – более 70. В каждой из этих организаций подавляющее большинство составляли пожилые женщины, как партийные, так и беспартийные// ГАПК. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 65. Л. 2; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 32. Д. 29. Л. 4; и др.

следователем целый ряд вопросов: чем занимались женские советы в годы «оттепели»? в чем их отличие от предшествующих женских организаций? почему женские советы были востребованы у пенсионерок? какие возможности предоставляли они и подобные им организации?

Женские советы были выборной общественной организацией, которая занималась политико-воспитательной и общественной работой среди работающих женщин, домохозяек и пенсионеров. В своей политической и образовательной работе женсоветы можно рассматривать в качестве наследников женотделов, учрежденных большевиками после 1917 г. при ЦК РКП(б) и местных партийных комитетах. Эти политические и социально-воспитательные учреждения были призваны вовлечь работниц и крестьянок в коммунистическое строительство. Женотделы действовали с 1919 по 1930 г., и их задачи были определены партийными директивами, закрепленными в резолюциях и постановлениях съездов и конференций.

Кроме женотделов с 1918 г. действовали делегатские собрания. Делегатки проводили политику женотделов на местах, представляя образцы общественной активности работниц и крестьянок¹². В своей добровольной общественной работе и взаимодействии с местным населением женсоветы также частично напоминали движение жен-общественниц, набравшее популярность в конце 1930-х гг.¹³

Несмотря на связь и преемственность, существовали явные отличия в работе женсоветов и его предшественников. Прежде всего, женсоветы не были проводниками женской эмансипации, а рассматривались как показатели равенства женщин и мужчин в Советском Союзе. Затем, женсоветы были больше вовлечены в жизнь территории и знали о проблемах людей, на ней проживающих. Кроме того, в отличие от женотделов или советов жен-общественниц, работа женских советов не была прописана и регламентирована многочисленными директивами и постановлениями; не было разработано общесоюзных инструкций по их организации. Появление женсоветов и выбор формата работы, направлений деятельности зависели от решений на разных уровнях: где будет создан женсовет, кто возглавит и т. д.

Партийные и профсоюзные органы курировали работу женсоветов, но содержательной координацией занимались редакции столичных журналов «Работница» и «Крестьянка» в сотрудничестве

¹² Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1 (3/4). С. 299–321.

¹³ Ilic M. Op. cit. P. 104–121.

с ЦК КПСС и ВЦСПС. Они освещали на своих страницах инициативы женсоветов, организовывали встречи и совещания активисток по всей стране¹⁴. Женские советы оставались достаточно гибкими структурами, несмотря на то что это движение возглавлял крайне формализованный институт – Комитет советских женщин. В 1956 г. так был переименован существовавший с 1941 г. Антифашистский комитет советских женщин. Официально он был заявлен как неправительственная организация, призванная содействовать повышению трудовой и общественно-политической активности женщин, но в действительности обладал, скорее, представительскими функциями на международном уровне.

Всю деятельность женсоветов можно разделить на несколько общих направлений¹⁵. Общественно-политическая мобилизация предполагала изучение и уяснение женщинами постановлений, указов советского правительства, партийных решений, повышение их политической сознательности. Экономическая мобилизация подразумевала вовлечение женщин в производственную работу, овладение сложными профессиями и повышение их квалификации, а также организацию социалистического соревнования, соревнования за звание ударников и коллективов коммунистического труда. В рамках культурно-просветительской работы женсоветы организовывали лекции, доклады, беседы, читки, открывали различные кружки для превращения женщин в проводников социалистических идей и образа жизни. Наиболее значительной частью их деятельности был социальный надзор: они вмешивались в бытовые конфликты соседей, семейные ссоры супругов, во взаимоотношения детей и родителей¹⁶. В связи с этим женсоветы можно рассматривать как платформу для дальнейшего проникновения советского государства в частную жизнь¹⁷ че-

¹⁴ См., напр.: Устный журнал про женсовет // Работница. 1963. № 1. С. 16; Силы в них кроются неисчислимы // Работница. 1963. № 2. С. 8; Левина А. Особые черты лица // Работница. 1963. № 9; Самокина З. Будни одного женсовета // Работница. 1964. № 4. С. 28; Платонова В. Неугомонные // Работница. 1964. № 12. С. 74 и др.

¹⁵ ГАПК. Ф. Р-1311. Оп. 1. Д. 1. Л. 151; Ilic M. Op. cit. P. 104–121.

¹⁶ Там же. Л. 161.

¹⁷ В концепции О. Хархордина, рассматривающего советские практики коллективного надзора и контроля над индивидом, подобные женсоветам, организации (товарищеский суд, народная дружина) занимают особое место в дисциплинировании послесталинского общества // Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002. С. 364–397; Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Совет-

рез борьбу с негативными сторонами неустроенного советского быта (детской безнадзорностью, хулиганством, преступностью и алкоголизмом, неразвитостью сети детских и бытовых учреждений и т. д.).

Все перечисленные направления работы были востребованы у тех женщин, кто активно участвовал в революционных событиях 1917 г., Гражданской войне и первых стройках социализма, кто приобрел активистский и организаторский опыт в ходе реализации политики женской эмансипации 1920-х гг., а к концу 1950-х гг. достиг пенсионного возраста. Пожилые активистки благодаря своему опыту и знаниям могли сформировать женский актив и организовать работу совета. Представительницы первого массового поколения пенсионеров, достаточно молодые для прекращения какой-либо трудовой деятельности вообще, готовы были завершить дело всей их жизни – строительство коммунизма, объявленное Хрущевым достижимой в ближайшие, на тот период, 20 лет целью.

Распространено мнение, что женсоветы создавались женщинами и для женщин. Но в своей работе они сталкивались с трудными жизненными ситуациями, проблемами детей и подростков, мужчин и др. Пожилые люди были одной из основных целевых групп, с которыми работали женсоветы. Они занимались проверкой одиночек-пенсионеров, их жилищных и материальных условий, устройством в дома престарелых, больницы, контролировали выполнение руководством городских предприятий и учреждений социальных обязательств по отношению к бывшим сотрудникам. Женсоветы на местах не могли назначить пенсию или выделить жилье, но могли обратить внимание на проблему, разъяснить пожилым их права и обязанности, добиться от ответственных органов необходимых действий.

Для этого активистки выстроили сеть вертикальных и горизонтальных связей с обкомом партии, облпрофсоветом, горно (районо), городскими (районными) отделами милиции, вузами, предприятиями, другими общественными организациями, со СМИ города и области. Наконец, общественницы могли уделить время тем, кто нуждался в общении и помощи. Архивные дела, хранящиеся в фонде горженсовета, содержат письма пожилых женщин, отстаивающих свое видение и право на достойную старость (получение прибавки к пенсии, устройство в больницу): «Выражаю свою искреннюю благодарность ... за ваше чуткое, сознательное, сердечное обращение к больным, немощным и одиноким. Вы проявляете большую душевную заботу ведь не каждый коммунист думает о других или готов

ская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 266–289; и др.

помочь им. Вот я скажу о себе. Мы обе сестры больные, пенсию получаем очень маленькую, помочь нам некому. Здоровье потеряли на общественной полезной работе...»¹⁸

Женсоветы в своей работе касались тех сфер повседневной жизни советского общества, в которых активистки могли задействовать не только свой организаторский, но и педагогический опыт, навыки воспитания подрастающего поколения. В первые десятилетия советской власти пожилых женщин, бабушек, воспитывающих новое поколение, стигматизировали как идейно чуждых, отсталых, погрязших в быту, неправильно воспитывающих детей.

Ситуация меняется в 1950-е гг., когда повседневные заботы по уходу за детьми стали частью официальной репрезентации советской бабушки. К этому времени обнаружились пробелы в реализации гендерного контракта «работающей матери» (отсутствие родительского внимания, влияние на ребенка улицы и двора), на ликвидацию которых были брошены усилия пожилых женщин. Пропагандируемый в годы «оттепели» общественно-полезный труд для пожилых женщин связывался с традиционной для них сферой присмотра и воспитания: «Очень хорошо поставлена работа с детьми домоуправлением в Сталинграде, Донбассе. Там используют бабушек, которые могут, и организуют работу по подъезду даже зимой. Этот почин подхвачен также в г. Свердловске...»¹⁹ Официальный дискурс вывел бабушек (воспитательниц и хранительниц домашнего очага) из тени и придал им более высокий статус, поддержав существование неформальных сетей «всевидающих» и «всезнающих» бабушек в советских городских дворах²⁰.

Прежняя стигматизация бабушек оставила после себя конфликтное поле, с которым пришлось столкнуться и женским советам. В 1966 г. пенсионерка из Перми, участница гражданской войны, отправившая большую жалобу в редакцию журнала «Работница». Она заканчивалась словами: «Дорогие женщины! Помогите мне найти мое настоящее доброе имя. Мне кроме “Старой ведьмы” и “Старой карги”, старухи и старая не стало имени. И все это в присутствии внуков и сына. Наверное, я им что-нибудь да дала же, при том моем возрасте не так-то порой легко бывало, ведь я все-таки с возрастом и всякие болячки имею и все же не отказывалась... Написала очень много, но

¹⁸ ГАПК. Ф. Р-1311. Оп. 1. Д. 103. Л. 58.

¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 47.

²⁰ См.: Ромашова М. «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // Новое литературное обозрение. 2015. № 133. С. 55–65.

всего не опишешь, прошу извинить за то, что отнимаю Ваше время, но мне не с кем больше поделиться и искать помощи. Может быть я неправильно обратилась к Вам, но я настолько унижена, думаю, как женщины скорее меня поймете... Помогите нам разобраться в этом деле»²¹.

В этом семейном конфликте скрывается не выходящая до 1950-х гг. в публичное пространство проблема участия старшего поколения в воспитании детей и помощи в реализации государственного гендерного контракта «работающей матери». Властям не удалось бы мобилизовать женщин на социалистические стройки без помощи старших женщин по содержанию дома и воспитанию детей (наряду с институтом домработниц). Жалующаяся пожилая женщина добивается уважения к себе как признания заслуженной старости и подтверждения выполненного поколенческого контракта: «Вложила все свое здоровье в воспитание внуков, а сейчас не нужна»²².

Первоначально письмо было направлено в редакцию журнала «Работница» как в последнюю инстанцию, где можно было найти справедливость. Но члены редакции, не увидев особого интереса в бытовой кляузе, перенаправили письмо секретарю пермского горженсовета с просьбой разобраться и помочь, что свидетельствует о существовании тесных рабочих связей столичной редакции и общественной организации. Активистки не стали искать виновных и разбираться в семейных конфликтах, а попытались привлечь ее к общественной работе – предложили выступить с воспоминаниями о Гражданской войне²³.

Таким образом, массовому вовлечению представительниц старшего поколения в общественную работу способствовало возвращение к публичному обсуждению «женского вопроса», положения женщин в социалистическом обществе. Создаваемые для поддержания равенства женсоветы привлекали женщин к решению хоть и локальных, но реальных проблем. При отсутствии каких-либо общесоюзных инструкций общественницы имели пространство для активистской творческой инициативы, в какой-то степени автономию в определении, чем будет заниматься их совет и каждый из его членов. В отличие от своих предшественников женсоветы были больше вовлечены в решение местных проблем, что делало их ближе к населению. Существовавшая преемственность в работе с женскими организациями 1920–1930-х гг. позволяла женсоветам привлекать опытных общест-

²¹ ГАПК. Ф. Р-1311. Оп. 1. Д. 14. Л. 34.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 33.

венниц, без которых сложно было бы создать новые общественные организации с нуля.

Женские советы представляли интересы разных возрастных и социальных групп, среди которых были пожилые люди. Нередко это были единственные организации, которые занимались вопросами пожилых и старых людей из-за неразвитости социальной инфраструктуры, специализированных служб. Кроме того, изменение отношения к бабушкам, пожилым женщинам в официальном публичном дискурсе способствовало активному вовлечению и участию в этих организациях одной из самых невидимых и безмолвных групп советского общества – пожилых и старых женщин. Наконец, организационная потребность в опытных, обладающих временем для занятий общественной работой активистках совпала с потребностью быть востребованными у представительниц старшего поколения, участвовавших в строительстве социализма и достигших пенсионного возраста к этому времени.

Для пожилых женщин-активисток, «ветеранов женского движения», подобные организации давали возможность воплотить в жизнь то, во что они верили, сражаясь за революцию и советскую власть, – в идеалы социальной ответственности, солидарности и добровольчества, в строительство коммунизма, завершение которого, как никогда прежде, казалось воплотимым в жизнь.

Ю.С. Колчанова

«ИНЖЕНЕРОВА ДОЧЬ»: ЖИЗНЕННЫЙ МИР СОВЕТСКОГО РАЗНОРАБОЧЕГО В ПИСЬМАХ ВО ВЛАСТЬ. 1961–1994 гг.

Массовая реабилитация в 1950–1960 гг., затронувшая, по некоторым оценкам, около 5 млн человек¹, вызвала к жизни новые социальные коллизии. Речь шла не только об адаптации бывших заключенных к изменившейся среде, но и о реакции детей репрессированных к изменившейся для них ситуации².

«Большой террор» 1934–1938 гг. имел и далеко идущие последствия. Второе поколение советской партийной и хозяйственной элиты было лишено возможности унаследовать приобретенный их родителями общественный статус; дети партийных секретарей, инженеров и директоров завода были вынуждены совершить социальный спуск, своего рода коллективный «дауншифтинг».

«Страшно подумать, – писала годы спустя дочь погибшего на фронте политрука, – что было бы с нами, если бы он остался в тюрьме во время войны: не было бы даже мизерной пенсии мне как дочери погибшего на фронте»³.

На основании материалов, сохранившихся в АСД (архивно-следственном деле) Б.А. Бергера – инженера – конструктора артиллерийских систем на заводе № 172 в Свердловской области, сделаем попытку реконструировать этот процесс применительно к одной семье. Используем для этого «казуальный метод». Его содержание точно передал российский историк-медиевист:

¹ См.: Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа / пер. с англ. И.П. Лейко. М., 2013. С. 21.

² Там же; Граматчикова Н., Енина Л. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109–130.

³ См.: Наварская С.Б. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века. С. 61. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения: 17.12.2015).

«Так, например, случай с мельником Меноккио из книги Карло Гинзбурга “Сыр и черви” абсолютно нетипичен, но он дает нам очень богатую информацию о различных пластах культуры, о “возможном и невозможном”, об особенностях судопроизводства и т. д.»⁴

В деле Б. Бергера содержатся документы двух видов: казенные (протоколы допросов, рапорты, анкеты, справки) и личные – письма его дочери во властные органы в 1961–1994 гг.

«На что были способны власти Сталинские и Бериевские, забрать ни за что отца у ребенка, мне тогда было 5 лет и 5 мес., а мать умерла, мне было 3 года и 8 мес. В общем, обидеть уже обиженного ребенка. Боже мой, всего не опишешь, что выпало на мою сиротскую долю», – читаем в письме Лидии Борисовны Галяевой, адресованном в Управление министерства безопасности РФ по Пермской области⁵. Крупный, как будто детский почерк, многочисленные грамматические ошибки, способ изложения характеризуют автора как малограмотного человека, с трудом владеющего навыками письма. Она пишет о себе: «Детство я прожила в нищете, в няньках»⁶.

Между тем Л.Б. Галяева – «инженерова дочка» (как она сама себя называет) – родилась в семье конструктора артиллерийских систем Бориса Ароновича Бергера. Если сравнивать его социальное происхождение и приобретенный им социальный статус в период индустриализации, то получается, что Борис Бергер эффективно использовал открывшиеся возможности для вертикальной мобильности, много и упорно работал, постепенно поднимаясь вверх по социальной лестнице. Он родился в административном центре – г. Житомире Волынской губернии, в черте оседлости.

В Житомире по переписи 1897 г. проживало около 24 тыс. евреев, что составляло примерно треть населения города⁷. Отец Бориса Бергера принадлежал к еврейскому мещанству и занимался часовым ремеслом, в анкете сына он назван «часовым мастером – кустарем»⁸.

⁴ Уваров П.Ю. Франция XVI века. Опыт реконструкции по нотариальным актам. М., 2004. С. 60.

⁵ См.: Галяева Л.Б. В Управление министерства безопасности РФ по Пермской области. 23.07.1993 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 334.

⁶ Галяева Л.Б. В Прокуратуру Пермской области. 10.05.1962 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 330 об.

⁷ См.: Житомир в составе Российской империи. URL: // <http://ukrainian.su/zhitomir/zhitomir-v-sostave-rossiyskoy-imperii.html> (дата обращения: 05.04.2016).

⁸ Анкета. Бергер Борис Аронович // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 9.

Можно предположить, что Арон Бергер учился в хедере, где получил религиозное еврейское образование.

Конструирование его сыном нового статуса стало возможно после революции 1917 г. В годы гражданской войны Борис Бергер служил в РККА. По возрасту (родился в 1903 г.) он мог быть только добровольцем. Читаем в протоколе допроса: «В 1921 году я демобилизовался из РККА и поехал к родителям в Житомир, не имея квалификации, на работу поступить не мог. Моя сестра Арко Рахиль в то время училась в комуниверситете народов востока в Москве⁹. Я поехал к ней. Будучи кандидатом ВЛКСМ, я обратился в ЦК комсомола об устройстве на работу и был послан на Истомкинскую мануфактуру в Ногинск. Сестра ничем помочь мне не могла, так как сама жила на стипендию. В Ногинске я работал слесарем на Истомкинской и Глуховской мануфактурных фабриках с 1922 по 1927 гг.»¹⁰

В протоколе есть неточности. На самом деле Бергер работал в Богородске, который был переименован в Ногинск только в 1930 г.¹¹ Интересен тот факт, что Богородск, возникший вокруг Морозовских мануфактур, был одним из центров старообрядческой культуры¹².

Можно предположить, что Борис Бергер, выходец из черты оседлости и освоивший в период своей первичной социализации низовую еврейскую культуру, ассимилировался в исконно русской социокультурной среде. Интеграция в новое и незнакомое для него жизненное пространство завершилась браком с Клавдией Михайловой, ткачихой, партийкой и, по всей видимости, местной уроженкой. Брак оказался, однако, недолгим, в 1928 г. супруги развелись¹³.

Адаптируясь в новом для него жизненном мире, Бергер быстро усваивал новые правила социального поведения и использовал это знание для выстраивания собственного статуса. Он вступил в партию по

⁹ Имеется в виду Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В. Сталина, учрежденный в 1921 г. (КУТВ). Возможно, подразумевался другой вуз – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского (КУМНЗ), созданный также в 1921 г. Вполне возможно, что сестра Бергера училась в КУМНЗ – там существовало еврейское отделение.

¹⁰ Протокол допроса обвиняемого Бергера Бориса Ароновича. 03.11.1936 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 17.

¹¹ См.: Смирнов А.И. Прошлое и настоящее Истомкинской фабрики. М.: Л.: Изд-во легкой промышленности, 1939.

¹² См.: Дроздов М.С., Маслов Е.Н. Старообрядчество Богородска-Ногинска с 1917 г. по настоящее время: предварительный исторический обзор. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=130 (дата обращения: 25.03.2016).

¹³ См.: Протокол допроса обвиняемого Бергера Бориса Ароновича...

ленинскому призыву 1924 г. как «рабочий от станка», потом прошел годовую срочную службу в технических частях армии в г. Новочеркасске. Осенью 1927 г. Бергер поступил на первый курс Московского высшего технического училища (МВТУ), но закончил военно-механическое отделение Ленинградского машиностроительного института в 1931 г. В нем готовили конструкторов и технологов артиллерийских систем¹⁴.

Борис Бергер получил диплом инженера. По разрядке ВСНХ он был направлен на завод № 172 в пос. Мотовилиха Свердловской области. «В 1931 году Мотовилихинский завод получил заказ на производство пушки А-19, которая вскоре стала основной военной продукцией завода. Это было мощное 122-мм орудие, способное послать снаряд на 20 км»¹⁵.

В 1935 г., за год до своего ареста, Бергер организовал и возглавил опытно-конструкторский отдел на этом заводе № 172. В 1934 г. его наградили автомобилем за освоение артиллерийской системы А-19¹⁶. По собственной инициативе с двумя-тремя товарищами он за полтора года произвел модернизацию этого орудия, создав опытный экземпляр новой гаубицы – МЛ-15¹⁷. Только арест помешал пустить МЛ-15 в серийное производство. Дирекция завода представила Бергера к ордену¹⁸. На заводе он слыл всеобщим любимцем: «Он был бабовень организации, если можно так выразиться, и его никто не обижал», – сказал о нем директор завода¹⁹.

Бергер был арестован в ноябре 1936 г. Очень трудно сегодня понять причины ареста. Скорее всего, на нем сошлось несколько силовых линий: кампания по разоблачению скрытых троцкистов и зависть коллег. Бергер учился в МВТУ в одно время с сыном Л.Д. Троцкого, его первая жена в 1923 г. голосовала за платформу оппозиции. «Споры могли быть, т. к. Бергер мог отстаивать свою систему МЛ-15, а Петров защищал свои идеи. Это бывает», – философски заметил один

¹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁵ Шабалин В.В. Спаситель Мотовилихи. О директоре завода им. Молотова Петре Константиновиче Премудрове // Ретроспектива. Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 5.

¹⁶ См.: Шабалин В. «Прошу вас нам вернуть автомашину...» Маленький этюд о большом автомобиле // 1956: Незамеченный термидор. Очерки провинциального быта. Пермь, 2012. С. 94–95.

¹⁷ См.: Протокол допроса Добровольских Николая Александровича. 24.10.1961 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 287.

¹⁸ См.: Протокол № 14 общего закрытого партсобрания заводоуправления от 08.08.1937 // ПермГАНИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. Л. 68 об.

¹⁹ Там же. Л. 65 об.

из его коллег на допросе у следователя КГБ²⁰. Видимо, имело значение и начавшаяся охота на директора завода П.К. Премудрова.

Будучи увлеченным инженером, Борис Бергер манкировал пропагандистскими обязанностями. На занятия в кружок марксизма-ленинизма приходил неподготовленным, однажды не смог правильно ответить о классовой природе Советов в Китае, за что получил партийное взыскание: «...Назвал Советы в Китае диктатурой пролетариата»²¹.

Тем самым Бергер попал под подозрение в симпатиях к «контрреволюционному троцкизму», что и стало основанием для ареста²². Через два месяца к троцкизму добавили вредительство – проектирование новой артиллерийской системы²³.

Особое Совещание при НКВД СССР постановило «Бергера Бориса Ароновича... за к[онтр]р[еволюционную] троцкистскую деятельность заключить в ИТЛ на пять лет...»²⁴ 10 марта 1938 г. в г. Магадане он был расстрелян²⁵.

В г. Молотово (так с 1932 по 1938 г. называлась Мотовилиха) у него осталась семья: жена Мария Завьялова и пятилетняя дочь от предыдущего брака Лидия. «Мать заболела и умерла, я осталась с отцом, он нашел мне мачеху, в 1937 году моего отца арестовали... и я осталась сиротой. Мачеха привезла меня в Ногинск к родителям моей покойной матери, и воспитывалась я, инженерова дочка, в голоде, нужде, нищете»²⁶. «Инженерова дочка» не сохранила высокого социального статуса своего отца. У нее не было ни высшего образования, ни высокого экономического статуса. Отношения с родственниками после ареста отца у нее не сложились, а в скором времени пре-

²⁰ См.: Протокол допроса Привалова Григория Алексеевича. 26.10.1961 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 292 об.

²¹ Протокол допроса Бергера Бориса Ароновича. 17.11.1936 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 46 об.

²² См.: Постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого. 17.11.1936 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 5–5 об.

²³ В 1961 г. эксперт в области артиллерийских вооружений даст следующее заключение: «Система МЛ-15 была более совершенной по отношению к МЛ-20, т. к. она отличалась от нее тем, что давала большую маневренность и имела лучшие тактические данные». См.: Протокол допроса Добровольских Николая Александровича... Л. 286 об.–287.

²⁴ Выписка из протокола Особого Совещания при НКВД СССР. 23.03.1937 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 242.

²⁵ См.: Бергер – Списки жертв – Мемориал. URL: <http://lists.memo.ru/d4/f182.htm> (дата обращения: 17.04.2016).

²⁶ Галяева Л.Б. В Прокуратуру Пермской области. 13.07.1961 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 276–276 об.

кратились вообще: «отцовская сестра – еврейка – отвергла меня за то, что я родилась вся в мать, в русскую женщину Барулину Клавдию Петровну, я всю свою жизнь нахожусь в бедности, даже не имею возможности съездить в Пермь, на могилу к матери...»²⁷

Эти слова о «сестре – еврейке» могут означать только то, что «инженерова дочка» Лидия отчасти связала свою «сиротскую долю» с отказом сестры отца помочь своей русской племяннице. Обращает на себя внимание то, что Лидия, вспоминая о своей тете, клеймит ее «еврейкой», таким образом отказываясь от собственной этнической идентичности. В этом отношении проявляется низовой антисемитизм, характерный для советской рабочей среды тех лет²⁸.

Воспитывалась «инженерова дочка» в детдоме, куда ее отдали собственные бабушка и дедушка из Ногинска. Условия, в которых проходила первичная социализация Лидии Галяевой, не давали возможностей для получения образования. Вполне возможно, что училась она в фабрично-заводском училище. В одном из писем Лидия определяет собственные социальные позиции: «Я всю жизнь была нянькой, нищенкой и детдомовкой»²⁹.

Таким образом, можно предположить и другие трудности, которые сопровождали «инженерову дочку» в процессе выстраивания ее жизненной траектории. В результате можно наблюдать спуск по социальной лестнице от инженера-конструктора до разнорабочего, от интеллектуальной деятельности, направленной на освоение и создание культуры модерна и технического знания, до тяжелой физической работы, ручного и неквалифицированного труда. «Я всю свою жизнь отработала на стройке каменщиком, штукатуром, облицовщиком»³⁰, –

²⁷ Галяева Л.Б. В Управление министерства безопасности РФ по Пермской области. 23.07.1993... Л. 334 об.

²⁸ «Образ еврея в коллективном сознании не отличался определенностью. Правительственный комиссар был далек от торгаша-жулика; сановный директор завода совсем не походил на жалкого беженца-попрошайку. Однако за этими перевоплощениями просматривалась фигура чужака, “человека нерусского”, от которого можно и нужно ждать всяких неприятностей и от которого следовало держаться подальше.<...> Антисемитизм воспроизводился и распространялся в виде смутных представлений, образов, настроений». См.: Лейбович О.Л. Антисемитские настроения в советском тылу // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. М., 2014. С. 293–294.

²⁹ Галяева Л.Б. В Прокуратуру г. Магадана. 29.06.1994 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 334.

³⁰ Каменщик – специалист, создающий постройки из разных материалов – природных или искусственных, в основном из кирпича. В его обязанности входит строительство и ремонт инженерных сооружений ручной кладки (дома, мосты и др.), в том числе монтаж плит перекрытий. Практически все это делается вручную, с использованием небольшого набора инструментов

пишет о себе Лидия Галяева³¹. В 50 лет она стала инвалидом: «Я уже 8 лет инвалид II группы, больна диабетом 12 лет, бронхиальной астмой – 8 лет, все время гормонально зависима, и 4 года назад в 1990 году перенесла инфаркт миокарда»³².

Письма «инженеровой дочери» по своему жанру являются типичными «слезницами», или «ритуальным плачем», с перечнем страданий и невзгод³³. Их автор стремится вызвать к себе сочувствие. Галяева демонстрирует свои несчастья и подчеркивает испытанные страдания, подробно описывает свои болезни и не стыдится своих семейных неудач, «и замужем так не повезло, осталась с двумя детьми»³⁴. Таким образом, она рисует автопортрет человека – маленького, жалкого, сильно страдающего и беспомощного.

<...> каменщик должен обладать крепким здоровьем и физической выносливостью, ведь работать зачастую приходится под открытым небом, невзирая на погоду, вручную перенося кирпичи весом от 0,5 до 5 кг. У каменщика должен быть развит глазомер, чтобы точно и ровно укладывать камни, иначе конструкция может получиться неустойчивой. Работать часто приходится и на высоте. См.: Профессия «каменщик. URL: <http://www.examen.ru/add/manual/spisok-professiy/professii-kamenshchik> (дата обращения: 13.04.2016).

Штукатур – специалист, который занимается штукатуркой и облицовкой различных строительных поверхностей (стен, пола и т. д.). <...> Первые штукатурки появились в Древнем Египте. Работали они с гипсом и глиной. Их задача заключалась в том, чтобы выровнять поверхность стен как изнутри, так и снаружи зданий. Это была технология высокого качества, поскольку их работа сохранилась и по сей день. На протяжении веков изменения происходили не только в составе раствора, но и в типе используемых инструментов. Широко распространенный ныне цемент придумали только в XIX в. Тогда же штукатурки стали широко применять этот материал. <...> Представители этой профессии должны быть физически выносливы и не иметь аллергии на пыль. <...> Медицинские ограничения для штукатурки: заболевания опорно-двигательного аппарата; нервной системы; сердечно-сосудистой системы; органов слуха и зрения; иммунной системы; различные формы аллергий (в особенности на пыль); физические ограничения (ограничения подвижности). При наличии этих заболеваний работа по профессии штукатурки может приводить к ухудшению здоровья, а также создавать непреодолимые препятствия для освоения и роста в рамках этой профессии. URL: http://udmurt.regionrud.ru/App_Shared/WebParts/DataViewers/PopupDocument.aspx?docid=afaea8d2-e275-4101-9126-45e7a3bb6158 (дата обращения: 13.04.2016).

³¹ См.: Галяева Л.Б. В Управление министерства безопасности РФ по Пермской области. 23.07.1993... Л. 334 об.

³² Галяева Л.Б. В Прокуратуру г. Магадана. 29.06.1994... Л. 334 об.

³³ См.: Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Cornell Univ. press, 2003. P. 102.

³⁴ Галяева Л.Б. В Прокуратуру Пермской области. 10.05.1962 // ПермГА-НИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 330 об.

Создавая образ человека с протянутой рукой, «инженерова дочка» во всех письмах просит материальную компенсацию за конфискованный у ее отца автомобиль. В одном из первых писем читаем: «С завода нужна справка о средней заработной плате, и еще он был премирован легковой машиной. После ареста машина отошла в пользу государства <...> может что-нибудь и получу, какую-нибудь копейку за мое осиротелое детство для своих несчастных детей»³⁵.

Принадлежность Галяевой к необразованным группам населения с низким социальным статусом можно обнаружить и в речевых оборотах, которые она использует в письменных обращениях к представителям власти. Автор писем сознательно или бессознательно пресмыкается перед своими адресатами: «Уважаемые товарищи, или Господа. <...> Отнеситесь к этому делу, вернее к моей просьбе, серьезно, об этом прошу вас, уважаемые Господа, если вы еще молоды, то дорогие сыночки, или дочки, а если мои сверстники, то уважаемые товарищи – господа»³⁶.

На основании писем дочери инженера-конструктора Бориса Бергера, адресованных в разные инстанции в 1960–1990-е гг., можно реконструировать некоторые особенности жизненного мира женщины, принадлежавшей к низам советского общества. Ее отец – интеллигент в первом поколении, выходец из «черты оседлости», точнее из среды еврейского мещанства, смог осуществить подъем по социальной лестнице в 1920–1930-е гг., получив высшее инженерное образование и став во главе опытно-конструкторского бюро по созданию и совершенствованию артиллерийских систем на заводе № 172 в Молотове.

После его гибели дочь осталась сиротой, она не смогла получить образование. Поэтому «инженерова дочка» начала свой трудовой путь в няньках и закончила строительным рабочим. В письмах обнаруживаются языковые клише, образы и представления, характеризующие автора как носителя низовой культуры, культуры неграмотного городского обывателя, чьи суждения стереотипны, а жизненный мир ограничен бытовыми проблемами.

Можно наблюдать, как на протяжении двух поколений происходило изменение вектора вертикальной мобильности. Дочь инженера утратила не только социальный статус отца, но и профессиональные достижения деда.

³⁵ Там же.

³⁶ Галяева Л.Б. В Прокуратуру г. Магадана.

Н.В. Веселкова, М.Н. Вандышев, Е.В. Прямикова

ГОРОД ЮНОСТИ КАЧКАНАР – ДЕТИЩЕ XX СЪЕЗДА ПАРТИИ¹

Качканар – это промышленный моногород с населением 40 тыс. человек, расположенный на севере Свердловской области.

Строительство Качканара, начиная с 1957 г. и до пуска первой очереди горно-обогатительного комбината (ГОКа) в 1963 г., фактически совпало с развертыванием так называемых хрущевских реформ и вообрало в себя характерные противоречия этого периода. Ослабление одного узла, связанного с обеспечением сырьем уральской металлургии, в то же время затягивался другой – связанный с созданием ГОКа. На карте Урала образовывалось еще одно монопоселение, усугубляя и без того глубокие структурные диспропорции региона, создаваемые чудовищным перекосом в сторону тяжелой промышленности и структурной безработицей².

В центре внимания настоящей статьи – начальный этап строительства Качканара, рассмотренный, главным образом, на материалах государственных архивов, местной печати и ряда опубликованных воспоминаний. Отправной точкой служит высказывание руководителя качканарского городского архива М. Титовца о том, что Качканар строили свободные люди.

По мысли историка, Качканар вдвойне представляет собой детище XX съезда КПСС, поскольку именно тогда, с одной стороны, были приняты директивы о строительстве ГОКа и с другой – стало невозможно использовать принудительный труд, который применялся

¹ Статья подготовлена на основе материалов проекта РГНФ-Урал № 13-13-66010 а(р).

² В 1960 г. доля легкой промышленности в структуре всей индустрии региона составляла всего лишь 6,8%; к 1965 г. она сократилась до 5,3%. См.: Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь: Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 159–160. Для обеспечения женской занятости в г. Качканаре в 1976 г. откроется филиал Свердловского завода электроавтоматики «Форманта», просуществовавший до 2001 г.

на других прославленных стройках – в Комсомольске-на-Амуре и Магнитогорске, с которыми Качканар себя сравнивал³. Перемены наступали, однако, не автоматически и, по воспоминаниям главного маркшейдера комбината, еще в октябре 1957 г. на Качканаре предусматривалось строительство лагерного пункта⁴, а с 1947 г. в 19 км от Качканара заключенные возводили закрытый атомный город Свердловск-45 (г. Лесной).

Первыми строителями стали жители окрестных старательских поселков, которые нуждались в работе и с энтузиазмом направились на большую стройку, но далеко не удовлетворили ее потребности в рабочей силе ни в количественном, ни в качественном отношении.

Для решения проблемы кадров было использовано другое испытанное средство. В апреле 1958 г. XIII съезд ВЛКСМ объявил Качканар ударной комсомольской стройкой, что послужило причиной закрепившейся идентификации Качканара как города юности, до сих пор популярной среди местных жителей. Чтобы понять, как именно это происходило и насколько свободны были те свободные люди, мы предлагаем объединить разнообразные (противо)действующие факторы в систему мотиваторов, демотиваторов и фоновых принуждений.

Под *мотиваторами* будем понимать социальные обстоятельства, привлекавшие к работе на стройке. Наряду с материальными стимулами (стройка обеспечивала занятость, довольно быстро предоставлялось жилье), огромную роль играли мотиваторы духовно-идеологического плана, на которых стоит остановиться подробнее. В общем виде их можно определить как целенаправленно запускаемые государством комплексы идей и процессы мобилизации. Главным таким мотиватором выступает формируемый в этот период конструкт *молодежности*. Молодежь трактовалась как возрастная категория людей, жаждущих реализовать свою энергию, оставалось только направить ее в нужное русло. В условиях, с одной стороны, послевоенной тяги к хорошей жизни, а с другой – «холодной войны», усилившей необходимость идеологического воспитания строителей коммунизма, направление молодых людей на отдаленные стройки оказывалось оптимальным решением.

³ См.: Титовец М. «Качканарец – деятельная натура» // Качканарский четверг. 03.06.2011; Он же. Качканар – территория жизни. Две исторические эпохи в судьбе города // Областная газета. 12.11.2011.

⁴ Тукмачев Н. В эти первые дни // Пономарев Г.А. Истоки. Воспоминания первостроителей о Качканаре. Качканар, 2000. С. 104–105.

К концу 1960-х гг., как показала ведущий российский специалист по социологии молодежи Е. Омельченко, комсомол перестает быть союзом для молодежи и превращается в приводной ремень партийного руководства, отвечающий за правильную социализацию и социальный контроль подрастающего поколения. Молодежность социально конструируется через «открытость миру и закрытость от Запада»⁵. Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве (28 июля – 11 августа 1957 г.), казалось бы, предстал апофеозом открытости⁶. Утверждение значимости молодежи состоялось также и благодаря Дню советской молодежи, который с 1958 г. стал отмечаться ежегодно в последнее воскресенье июня.

Именно в период этой активности происходили первые шаги Качканара, но они никогда не связывались с молодежными фестивалями, даже в воспоминаниях комсомольских вожаков и активистов. Не было такой ассоциации и в местной печати, которая сразу же стала культивировать 27 мая 1957 г. как знаменательную дату. Как Качканар не воспринимал себя частью большого молодежного проекта, так и официальный представитель – Свердловский ОК ВЛКСМ, занятый фестивальными делами, отправкой на целину и другими кампаниями, в этот период «не видел» Качканара, никакой особой молодежи за ним не признавалось. Стройка начнет встраиваться в молодежную тему только после ее объявления Всесоюзной комсомольской спустя год от начала работ.

Появятся (но не закрепятся) и фестивальные маркеры: в 1959 г. появилась информация о «первом Качканарском фестивале, посвященном VII Всемирному фестивалю молодежи»⁷. Символическую значимость молодежи топонимически воплотит открывшийся в 1963 г. кинотеатр «Юность» (рис. 1).

⁵ Омельченко Е.Л. Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск, 2004. С. 36, 34.

⁶ Р.Н. Аджубей описывает фестиваль как характерный элемент атмосферы конца 1950-х гг.: «В закрытой, отгороженной от всего мира Москве – и вдруг тысячи молодых людей из всех уголков планеты. <...> Это было открытие мира» (Пресса в обществе. 1959–2000): оценки журналистов и социологов. Документы. М., 2000. С. 21).

⁷ Все на фестивалы! // На стройке Качканара. 25.06.1959. № 8. С. 1.

Рис. 1. «Для культурного отдыха качканарцы имеют кинотеатр “Юность” на 600 мест с двумя зрительными залами»⁸

Второй мотиватор – *ценность больших свершений*. Среди «великих достижений нашей науки и техники», на которые равнялись и строители Качканара, в 1957 г. было, конечно, «создание и успешное осуществление запуска двух искусственных спутников Земли» Советским Союзом, как говорилось в новогоднем поздравлении по тресту «Качканаррудстрой» 31 декабря 1957г.⁹ Полет Юрия Гагарина в 1961 г. рифмовался с достижениями на земле: «Строительство ли нашего комбината, покорение ли Ангары, полет в космос – все это возможно только в нашей стране, которая широкой поступью идет к коммунизму и которую основал наш великий Ленин».

⁸ Фотоальбом «Качканарский горнообогатительный комбинат 1957–1963 гг.» (Институт «Уралгипроруда»). См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 221. Оп. 3. Д. 733а. Л. 104–105.

⁹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Фактически речь идет о субъектности поколения «комсомольцев шестидесятых годов»: «Качканарские комсомольцы, которые возводят сегодня горно-обогатительный комбинат, могут вполне считать себя участниками великих свершений»¹⁰. Пропасть между космической техникой где-то там и топорами и пилами здесь, похоже, никого не смущала именно за счет общей причастности.

В то же время для Свердловской области Качканар стал действительно грандиозным проектом, хотя с комсомольскими стройками здесь были хорошо знакомы. В 1954 г. такой статус получило строительство Свердловского завода железобетонных изделий (ЖБИ). 26 июня 1957 г. обком комсомола объявил общественный призыв молодежи на сооружение Белоярской ГРЭС, в 1958 г. – стана «650» в Нижнем Тагиле. В этих случаях, однако, речь шла о тысяче человек на каждый объект¹¹. Качканар же ставил задачи другого порядка: «Мы должны отправить 10 тысяч комсомольцев в Качканар. Я думаю, что мы не справимся, но вообще часть молодежи будем отправлять», – признавал первый секретарь ОК ВЛКСМ 26 апреля 1958 г.¹²

Третьим мотиватором является целенаправленное повышение *престижности профессии строителя*. В 1956 г. в РСФСР был учрежден День строителя. Согласно письму Госстроя СССР, этот праздник имел отношение не только к работникам строительной индустрии, но был нацелен на создание общественной ценности и привлекательности данной сферы деятельности.

Отдельными пунктами выделялась работа с молодежью, включая встречи строителей со студентами училищ и выпускниками школ «с целью привлечения их для работы на стройках, особенно в районы Востока, Севера и Донбасса». Документ рекомендовал также «организовать в пионерских лагерях и детских садах детей строителей торжественные сборы и утренники, посвященные Дню строителя с выдачей подарков детям»¹³. Установка на воспитание корпоративной культуры и профессиональной идентичности с раннего детства была тем более важной, если учитывать, что многие молодые люди смотрели на строительные профессии пренебрежительно¹⁴.

¹⁰ Карнаухов Е., секретарь комитета ВЛКСМ. Мы – участники великих свершений // На стройке Качканара. 18.04.1961. №. 14. С. 2.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 14. Д. 386. Л. 248, Д. 385. Л. 21.

¹² Там же. Оп. 16. Д. 34. Л. 112.

¹³ ГАСО. Ф. Р-2394. Оп. 1. Д. 8. Л. 259.

¹⁴ Петров В., Либерман Д. Вчерашние десятиклассники – сегодня резерв квалифицированных рабочих // На смену! 24.07.1958. № 123.

Четвертый мотиватор предполагал *престиж* самого Качкана-ра, и значительная роль в его формировании принадлежит СМИ. Если центральные издания в первые годы помещали только короткие разовые заметки, то газета г. Нижней Туры (там первоначально помещалась контора треста «Качканаррудстрой») «Вперед, к коммунизму!» планомерно сопровождала стройку от самого истока, а в 1959 г. к этой работе подключилась и многотиражка треста «На стройке Качканара».

Этот мотиватор сводит воедино все перечисленные выше аспекты: молодежность, причастность к большим свершениям и прославление профессии строителя. Пресса, особенно низовая, много критиковала рабочие моменты строительства, не посягая при этом на цели и основополагающие ценности. Обратное восприятие получало выражение, в частности, в письмах, как у 21-летнего заведующего отделом названной Нижне-Туринской газеты. Молодой человек не находил в окружающей действительности воплощения большой цели, чего-то важного в будущем, что придавало бы смысл настоящему:

«А жизнь по-прежнему бедна и убога. Люди живут ради только заработка и насущного хлеба, больше они почти ничего не видят, да и хорошо это отчасти, зачем терзать сердце и души бесплодными мечтами и надеждами на лучшее будущее, все равно мы, двадцатилетние, проживем в таких вот условиях все свои годы и не увидим ничего лучшего. Будем работать, зарабатывать, проедать и т. д., словно заколдованный круг. А ведь все дело в политике»¹⁵.

Письмо было вскрыто КГБ закрытого г. Лесного, где проходили службу в армии два других работника газеты. В отличие от Качканара там работало много заключенных и действовал особый режим закрытости. Закончивший десятилетку, но не имевший жизненного опыта молодой человек, по мнению сотрудника спецотдела, подвергся влиянию бывшего политзаключенного, который «[д]вадцать лет просидел в тюрьме и всю политику знает до мельчайших тонкостей, может разложить по косточкам и полочкам. Особенно силен в социологии»¹⁶.

¹⁵ Спецзаписка [зам. директора завода «Электрохимприбор» по режиму] И.И. Бадина «Об антисоветских и иных нездоровых проявлениях со стороны отдельных лиц из числа молодежи, интеллигенции и других слоев населения» [первому секретарю Лесного горкома КПСС] В.В. Семдянову 29.04.1959 // ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 70–71 // Общество и власть. Российская провинция, 1917–1985. Свердловская область: док. и материалы. Екатеринбург, 2005. Т. 2; Мельникова Н.В. Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург, 2006. С. 462.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 71.

Согласно официальной модели, Качканар как раз и давал молодым людям искомые ощущения субъектности, причастности и оптимизма. В том же 1959 г., к которому относится и сюжет с письмом, художник А. Бурак пишет об одном из героев своего очерка: «Возмужавший, энергичный, жизнерадостный. Он здесь хозяин, страстный участник огромного строительства, молодой специалист»¹⁷.

Грандиозная стройка крупнейшего комбината начиналась неспешно и постоянно наталкивалась на существенные препятствия, которые мы назвали *демотиваторами*.

Это прежде всего жилье, климат, организация, неравенство – все, что практически замечательно аккумулировано в обращении качканарского шофера к управляющему трестом «Качканаррудстрой» (21 ноября 1958). Семья с четырьмя детьми, от семи лет до трех месяцев, встретила зиму в «очень холодной» квартире, в которой «[т]епло не поступает батареи ламаются», дом «требует ремонта щекотурка отпадает цоколя не засыпаны». На плохую организацию работ указывает тот факт, что «осенью был ремонт деньги за это получены а в квартирах гуляет ветер». Наконец, автор заявления усматривает несправедливость в том, что прибывшие два-три месяца назад люди «живут в благоустроенных домах», а его проблема не решается, хотя он работает «с мая месяца 1957 нажился в палатках и в общежитии. бес семьи»¹⁸. Резолюция в верхнем углу: «Дело с жалобами переселение в дом № 50» – позволяет предположить, что отложившееся в фонде треста письмо было не единичным.

Отчеты отдела кадров треста из года в год в данный период фиксируют «отсутствие достаточной жилплощади, тяжелые климатические условия, отсутствие баз с/хозяйственного производства, а также отсутствие каких-либо льгот по зарплате»¹⁹. В октябре 1957 г. управляющий трестом объяснял «недостаточное количество жилого фонда» тем, что его проектирование «идет в Москве и составляет неудобства, так как проекты задерживаются, приходят с опозданием. Лучше было бы перенести проектирование города Качканар в Свердловск»²⁰.

По мере наращивания объемов в строительстве участвовал целый ряд субподрядных организаций. «Качканаррудстрой» систематически получал нарекания за плохую координацию их работы²¹. Ускоренное строительство комбината без подготовленной базы, удаленность

¹⁷ [Бурак А. Ф.] Качканар // Уральский следопыт. 1959. № 5. С. 40.

¹⁸ ГАСО. Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 3. Л. 23–23 об. [орфография источника].

¹⁹ ГАСО. Ф. Р-2636. Оп. 1. Д. 254а. Л. 9.

²⁰ ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 79. Л. 71.

²¹ См., напр.: ГАСО. Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 158. Л. 42.

от центров планирования и руководства относятся к фундаментальным изъянам, обусловленным свойствами системы хозяйствования.

Наряду с ними существовали не менее болезненные недостатки «местного уровня», которые, казалось, можно было устранить при более качественном оперативном управлении. Так, в октябре 1959 г. парторг строительства ГОКа возмущался: «Руководство строительства Качканарского комбината плохо организует прием прибывающих людей <...> не готовят рабочие места, а также не планируется сколько, куда требуется рабочей силы, а всех приезжающих ставят на земляные работы, вследствие этого, часть прибывающих рабочих оставляет работу и уходят со строительства»²².

Рискнем предположить, что и «большие», и «малые» препоны были вызваны системным сбоем на уровне общесоюзного планирования, который в то же время можно считать имманентным качеством ведения хозяйственной деятельности. Выступая на партконференции в октябре 1959 г., директор строящегося комбината В.П. Дерягин произнесет ошеломляющую фразу. Оказывается, только в марте 1959 г. «был окончательно решен вопрос о том строить или не строить Качканар. Вопрос так стоял потому, что железо у нас бедное, были сомнения, что экономика не выдержит сравнения с другими рудными месторождениями. Только в марте месяце научные и проектные институты обосновали экономику Качканара, обсуждавшуюся в Госплане РСФСР по поручению ЦК КПСС, после чего были окончательно отброшены все имеющиеся сомнения»²³.

Еще в июле того же года инструктор обкома КПСС внушал руководителям стройки необходимость «отказаться от мнения, что они временные работники»²⁴. Таким образом, директивы XX съезда партии в 1956 г., знаменательное начало в 1957 г. и последующие титанические усилия предпринимались в весьма шаткой ситуации в *отсутствие окончательного решения* о строительстве Качканарского ГОК, что и стало отправным пунктом, источником всех остальных демотиваторов.

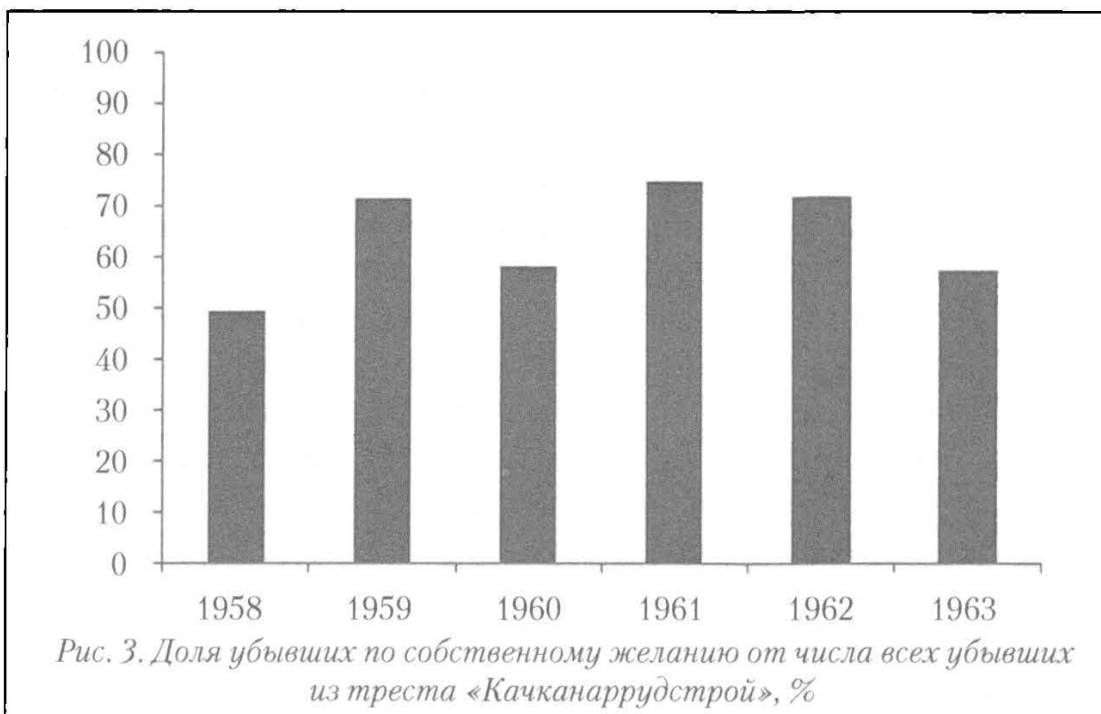
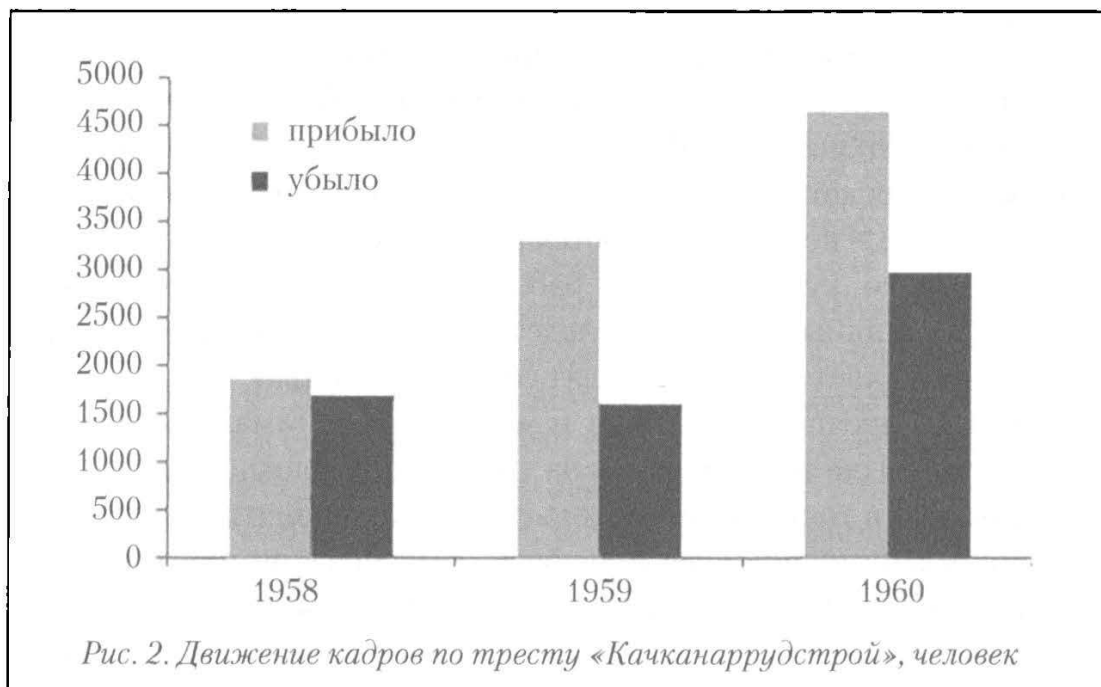
Эффектом от действия демотиваторов стали *высокая текучесть кадров и кадровый голод*. Люди охотно ехали на Качканар, но в силу названных демотиваторов многие возвращались. Представление о текучести кадров дают цифры отдела кадров: ежегодно со стройки

²² ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4 Д. 120. Л. 22.

²³ Там же. Л. 16.

²⁴ Там же. Д. 122. Л. 244–245.

уезжали тысячами, причем большей частью по собственному желанию (рис. 2 и 3)²⁵.

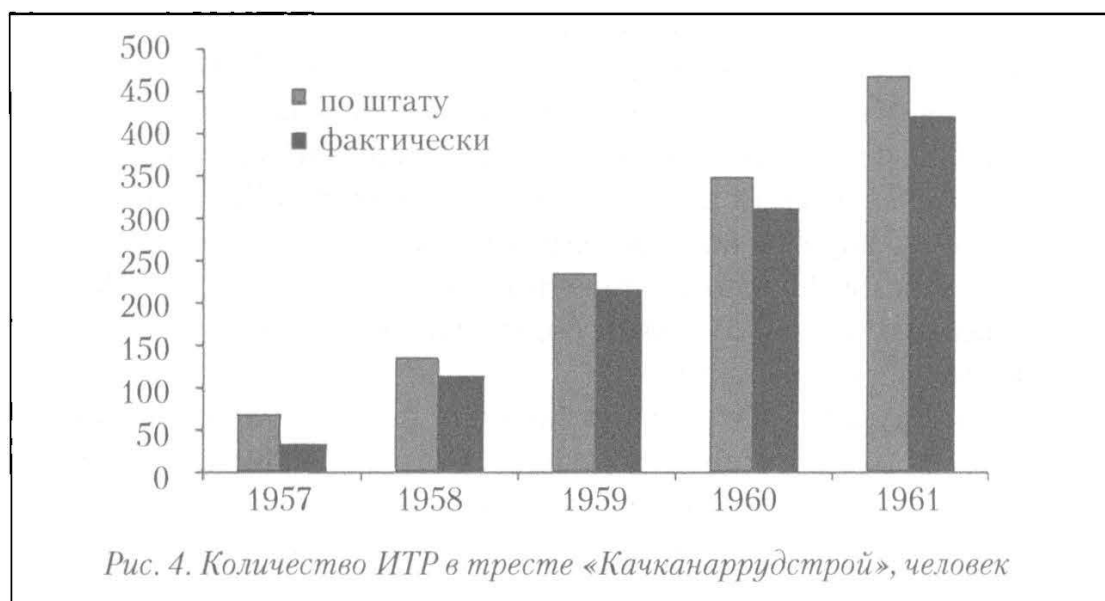

Квалифицированных работников катастрофически не хватало (рис. 4). В августе 1958 г. инструктор обкома комсомола Т. Долматов писал из Качканара первому секретарю Свердловского ОК ВЛКСМ:

²⁵ Графики на рис. 2– 4 построены по данным отчетов треста «Качканаррудстрой»: ГАСО. Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 254а.

«Страшно плохо с мастерским и прорабским составом. Это один из самых больших вопросов на стройке. Поэтому очень прошу принять все меры к тому, чтобы как можно быстрее послать сюда хороших техников и инженеров [вставлено: а также рабочих высокой квалификации]»²⁶.

Ставка на комсомольскую мобилизацию была тем более важной, что система распределения кадров не давала должного эффекта – выпускники областных вузов и техникумов не торопились ехать в таежную глушь, игнорируя разнарядки совнархоза и запросы из «Качканаррудстроя». В отчете за 1959 г. отдел кадров фиксирует: «Полностью по разнарядке трест специалистов с высшим образованием не получил. Из 40 человек инженеров к нам прибыло только 18 чел. Остальные устроились на работу в другие тресты и предприятия Свердловской и Пермской областей, и наша переписка с Уральским политехническим институтом, а также по месту жительства этих работников положительных результатов не дала»²⁷.

Серьезные проблемы были и с качественным составом молодых специалистов, которые далеко не всегда имели необходимую специализацию. В 1959 г. из 158 дипломированных инженерно-технических работников (ИТР) лишь 20% составляли инженеры-строители²⁸. Кроме специальных знаний требовался опыт, и тут молодежность выходила боком.

²⁶ ЦДОСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 41. Л. 77.

²⁷ ГАСО. Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 254а. Л. 13.

²⁸ Там же. Л. 14.

Из года в год оставались неукомплектованными штатные должности от прораба до директора завода стройматериалов. Прибывающие же инженеры «только что окончили институт, а значит не имеют опыта производственной работы и навыков в руководстве коллективом, а также в решении хозяйственно-административной вопросов»²⁹. Около четверти ИТРовских должностей занимали «практики». Качканар попал в типичные ножницы кадровой ситуации того времени, когда практикам не хватало образования, а специалистам – опыта.

Другого рода ножницы задавались образовательной политикой, нацеленной на раннее вовлечение подростков в производство. В определенном смысле стройке было выгодно привлекать вчерашних школьников: их намного проще было обеспечить жильем, чем семейных. В уже цитированном письме в обком ВЛКСМ инструктор сетует: «Особенно одолевают семейные, из-за чего с каждым днем усложняется квартирный вопрос»³⁰.

Управляющий трестом брался поселить ожидаемых в 1959 г. 8 тыс. рабочих «при условии, если большинство из них будет одинокими»³¹. В то же время такие работники не имели вообще никакой подготовки, отсюда – медленные темпы и плохое качество работ. Обратим внимание, что для обеспечения Всесоюзной комсомольской стройки искомыми кадрами главный инженер строящегося комбината С. Мясник в августе 1958 г. взывает не к комсомолу, а к партии: «Если много комсомольцев это хорошо, но не все комсомольцы могут работать на всех участках работы. Нужно поставить вопрос перед Обкомом КПСС, чтобы нам послали по путевкам более квалифицированных рабочих на строительство комбината»³².

Третью группу факторов составляют *фоновые принуждения*, к которым мы относим происходившее в стране закручивание идеологических гаек, реформирование образования и армии и т. д. Послевоенное вольнодумство получило новый импульс благодаря XX съезду КПСС и последующим политическим событиям в Польше, Венгрии и прочим, в значительной степени всколыхнув молодежь и студенчество.

Пожалуй, наилучшим образом происходящее выражают слова журналиста-пятикурсника на комсомольском собрании Уральского университета в ноябре 1956 г.: «Раньше достаточно было одного окрика на нас для того, чтобы мы все притихли, а сейчас окрика одно-

²⁹ ГАСО. Ф. 2636р. Оп. 1. Д. 254а. Л. 14.

³⁰ ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 16. Д. 41. Л. 77 [подчеркнуто в оригинале].

³¹ Там же. Ф. 126. Оп. 4. Д. 101. Л. 43.

³² Там же. Д. 103. Л. 168.

го недостаточно»³³. Значимость во многом незрелым выступлениям придала, как справедливо отмечает А. Прищепа³⁴, реакция головных партийных органов, которая в итоге вылилась в повсеместное усиление *идеологического нажима* на молодежь с конца 1956 г. Среди городов, в вузах которых возникли «нездоровые настроения» и «неправильные взгляды», в закрытом письме ЦК КПСС наряду с Москвой, Каунасом и Таллином фигурировал и Свердловск³⁵.

Партийные протоколы 1956 г. подтверждают мысль Е. Омельченко³⁶ о развернутой в данный период социальной патологизации молодежи. Эта социальная группа начинает не просто усиленно выделяться, но и конструироваться через «особые» проблемы. При этом «нездоровые проявления» идеологического характера принципиально помещаются в один контекст с уголовной статистикой и эпизодами «бытового разложения», образуя общее поле «девиации в молодежной среде».

Дабы ликвидировать столь вопиющую запущенность политической работы, письмо Центрального Комитета партии призывает воспитывать молодежь «на революционных традициях рабочего класса, на героике сегодняшнего дня».

Одним из результатов обсуждения документа в парторганизациях Свердловской области стал вывод о том, что возникновению нездоровых настроений способствует социальный состав студентов, среди которых мало рабочей молодежи³⁷. Если в 1956 г. в вузы Свердловска с производства было принято только 8% студентов, то в 1957 г., по решению ОК КПСС от 8 января 1957 г., их должно было стать более половины³⁸. Поскольку «[с]реди молодежи предприятий истроек нет разговоров о том, что у нас мало демократии или свободы, там люди практического склада», пленум Свердловского ГК КПСС 21 декабря 1956 г. высказал предложение Министерству высшего образования, «чтобы были разработаны такие условия приема в институт, которые бы давали преимущества людям с производства».

³³ Там же. Ф. 161. Оп. 27. Д. 56. Л. 7. Д. 57. Л. 28.

³⁴ Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале. Середина 1940-х – середина 1980-х гг. Сургут, 1998.

³⁵ Закрытое письмо ЦК КПСС от 19.12.1956 «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

³⁶ См.: Омельченко Е. Указ. соч.

³⁷ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 122. Л. 12. См. также: Прищепа А. Указ. соч. С. 110; Он же. О причинах школьной реформы 1958 г. // Вестник Нижневартовского гос. гум. ун-та. 2012. № 4. С. 58–62.

³⁸ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 17. Л. 18–20.

Поскольку предприятия и так уже были переполнены учениками, направлять подростков планировалось «в строительные организации, где у нас чувствуется острый недостаток в рабочей силе, где эта молодежь будет переварена»³⁹. Подобные заключения были созвучны формирующемуся вектору *реформы образования*, который будет окончательно закреплен Законом РСФСР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР». Именно запретом поступать в вузы сразу после школы, да и «деревенской безнадегой» один из качканарских первостроителей объясняет приток молодежи на стройку, особенно девушек:

«А кругом одни девчата,
Сколько их – в глазах рябит!
Без работы с аттестатом
В вузы прочно путь закрыт.
Что ж, учиться запретили –
Будем строить коммунизм.
А пока в руках девичьих
Тачка – главный механизм.
Двухгодичный стаж работы
Открывает двери в вуз;
Не ленись, трудись до пота,
Чтобы не попасть в конфуз!»⁴⁰

Возникший было перекоп по половому признаку⁴¹ быстро ликвидировали в том числе благодаря привлечению на стройку демобилизованных, а также уволенных в запас военнослужащих. Значительное сокращение личного состава в ходе *реформы армии и флота* предусматривало «поддержку патриотических стремлений демобилизованных поехать работать на новостройки восточных и северных районов, шахты и целинные земли». Усиленная «агитация и разъяснение» именно этого направления мобильности проходит красной нитью по директивам 1957–1963 гг.⁴² Наконец, к 1957 г. относится обсуждение

³⁹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 27. Д. 4. Л. 82, 113.

⁴⁰ Иванов А.С. На растворном // На житейских перекрестках. Качканар, 2010. С. 16.

⁴¹ См. также воспоминания В.В. Гаркачева: Краснопевцева Г. Партия велела – комсомол ответил: есть! // Она же. Дорогие мои земляки: очерки. Качканар, 2007. С. 54–57.

⁴² См.: Абрамова Ю.А. Незавершенная реформа Н.С. Хрущева: преобразования Вооруженных Сил СССР в 1953–1964 гг. // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2011. № 4. URL: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/148> (дата обращения: 25.02.2016).

проекта закона, направленного против антиобщественных элементов, в котором также звучат мотивы о молодежи, необходимости способствовать трудоустройству выпускников школ и вузов⁴³ (соответствующий Указ будет принят в 1961 г.).

Таким образом, конструирование особой субъектности молодежи, воспевание ее активной роли сопровождались массивным давлением со всех сторон, понуждавшим молодых людей прямо со школьной скамьи и после службы в армии направляться на ударные стройки, призванные безопасно их «переваривать».

Качканар действительно является детищем XX съезда, воплотившим в себе противоречивость символизируемых им преобразований. С одной стороны, стройка в полной мере унаследовала сформировавшиеся ранее негативные черты советского типа хозяйствования, такие как ведение работ без окончательного плана, с многократными корректировками; возведение комбината в ущерб соцкультбыту; создание монопоселения как придатка к заводу. С другой стороны, Качканар действительно строили свободные люди, ведомые как духовно-идеологическими, так и экономическими мотиваторами.

В то же время действия этих людей в значительной степени преопределились системой фоновых принуждений – от общего усиления идеологической работы до структурных реформ.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 148. Л. 10, 17, 18, 19.

М. Г. Меерович

ХРУЩЕВСКАЯ ЖИЛИЩНАЯ РЕФОРМА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В истории архитектуры СССР было два резких перелома, когда партийно-государственное руководство волевым образом изменило все ключевые принципы архитектурного и градостроительного проектирования в стране: стилевые, социальные, финансовые, конструктивно-технологические, планировочные и т. д.

Первый перелом (1929–1932 гг.) был вызван запретом архитектуры советского авангарда и переходом к так называемому сталинскому неоклассицизму (сталинскому ампиру). Второй (1954–1970-е гг.) связан с отказом от сталинского неоклассицизма и возрождением современной архитектуры, ориентированной на типизацию, стандартизацию и индустриализацию в строительстве.

Первую реформу осуществил И.С. Сталин, вторую – Н.С. Хрущев. В учебники по истории Советского Союза 11 лет правления Хрущева вошли под наименованием «период волюнтаризма», а в отношении архитектуры и градостроительства – «хрущевского утилитаризма»¹.

Обе реформы были осуществлены за три-пять лет и реализованы в значительной степени одними и теми же архитекторами. При проведении этих реформ полностью изменились:

- социальные предпосылки и архитектурно-градостроительные принципы формирования городской среды как в старых, так и в новых, на пустом месте строившихся, городах;
- типология жилья и объектов соцкультбыта;
- нормы и формы обеспечения населения жильем и социально-бытовым обслуживанием;
- характер и объемы финансирования жилищного и коммунального строительства;

¹ См.: Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы // НИИТИАГ, 2006. URL: <http://niitiag.ru/publications/biblio/52-hrushevskiy-utilitarizm-plyusy-i-minusy> (дата обращения: 02.01.2016).

- методы, содержание и институциональная организация архитектурно-градостроительного проектирования²;
- система государственного контроля за архитектурой и градостроительством;
- технологии и конструктивные системы зданий и сооружений, применявшиеся в строительстве;
- официальный архитектурный стиль.

Хрущев осуществил процесс, обратный тому, который был запущен Сталиным в начале первой пятилетки. Он реабилитировал в СССР современную архитектуру, запретил сталинский ампи́р («архитектурные излишества») из-за его дороговизны и осуществил переход от элитарной архитектуры к массовой. Правительство объявило о намерении решить жилищную проблему, с тем чтобы обеспечить в самые ближайшие годы все население страны индивидуальными квартирами. Правда, перед проектировщиками и строителями были выдвинуты требования – по стоимости эти индивидуальные квартиры в новых домах не должны были превышать стоимости комнат, занимаемых одной семьей в коммуналках³).

Основным типом жилой застройки было выбрано типовое крупнопанельное домостроение, создана новая строительная промышленность (более 400 заводов), которая обеспечивала неизмеримо более высокие, чем при Сталине, темпы строительства жилых домов. Это привело к десятикратному, по официальным данным, увеличению за 20 лет (с 1954 по 1974 г.) общей площади городского жилья в СССР⁴.

При этом произошло изменение приоритетов финансирования жилищного строительства и утверждение новых норм распределения жилья среди широких слоев населения СССР (каждой семье – отдельную квартиру с кухней, теплым туалетом/ванной, централизованным отоплением, водоснабжением, канализованием).

Советские градостроители стали осваивать снова ставший доступным опыт западного градостроительства XX века. Также восста-

² В ходе реализации Постановления Совета Министров СССР «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов» от 21.08.1963 все существовавшие проектные организации были либо упразднены, либо объединены, либо переподчинены – напрямую или через вышестоящий институт – Комитет по делам строительства при Госстрое СССР. См.: Задорин Д. Не от добра к добру, или История советского типового домостроения // Проект Россия. 2015. № 77. С. 94.

³ Там же. С. 88.

⁴ К концу 1974 г. размер городского жилищного фонда достиг 1865 млн м² общей площади, а средняя обеспеченность составила 11,9 м² общей площади на 1 человека. См.: Мясников А.Н. Государственная политика в жилищном строительстве СССР. Историческая справка. URL: http://best-stroy.ru/articles/r25/r25_3/2310/print (дата обращения: 02.01.2016).

навливалась прерванная нить преемственности с идеями советского авангарда 1920–1930-х гг., и прежде всего конструктивизма. Монументальная перестройка центров городов в целях формирования парадных ансамблей сталинского ампира на какое-то время отошла на второй план, а основной задачей нового градостроительства стала разработка современной застройки городских кварталов (микрорайонов) с полноценной инфраструктурой обслуживания.

В то же время Хрущев полностью сохранил саму государственную организацию проектирования, созданную в сталинское время, характеризующуюся превращением архитекторов в государственных служащих и, как следствие, их зависимостью от системы художественной цензуры и партийно-советского начальства. Сформированная еще при Сталине, процедура согласования и утверждения проектов сохранилась, несмотря на то что ведомственная подчиненность подавляющего большинства проектных институтов была кардинально изменена. В ходе реализации Постановления Совета Министров СССР «Об улучшении проектного дела в области гражданского строительства, планировки и застройки городов» от 21 августа 1963 г. все существовавшие проектные организации были упразднены, либо переподчинены – напрямую или через вышестоящую инстанцию – Комитету по делам строительства при Госстрое СССР⁵, либо преобразованы в сеть региональных проектных институтов («гражданпроектов»).

Сочетание современных (на тот период) принципов формирования домостроений, планировочной организации городской среды и сталинской системы художественного контроля вместе с реформированием ведомственной организации проектирования не только предопределили специфику советского градостроительства хрущевского периода (1953–1963 гг.), но и специфику последующего периода – брежневского (1970 – начала 1990-х гг.). Они отразили как все достоинства, так и все недостатки государственной системы проектного дела и организации строительного комплекса.

Специфика градостроительства эпохи Хрущева предопределила также и проблемы градостроительства постсоветской России, решать которые приходится сегодня.

* * *

Несмотря на наличие значительного объема специальной литературы, посвященной архитектуре и градостроительству хрущевского периода, обнаруживается масса неточностей, рассогласований и неясностей. Относительно хорошо изученными в данной тематике ока-

⁵ См.: Задорин Д. Не от добра к добру... С. 94.

зались лишь технические аспекты крупнопанельного домостроения и описания эволюции типов секционных домов⁶. В остальном же история зияет белыми пятнами.

Отсутствуют обоснованные датировки начала и конца хрущевской реформы.

Одни источники утверждают, что начало реформам Хрущева было положено в ноябре 1954 г. Всесоюзным совещанием архитекторов, строителей и работников промышленности строительных материалов⁷. Другие – что отсчет следует начинать еще со сталинского периода – с 1945 г.⁸, когда крупнопанельные конструкции жилых зданий стали применяться в экспериментальном строительстве в Москве. Третьи считают датой начала экспериментального строительства не 1945 г., а совершенно иные даты, так же считая, что истоки хрущевской реформы лежат в недрах сталинской эпохи: 1947⁹, 1948¹⁰, 1949 гг.¹¹ Четвертые указывают, что старт панельному домостроению был дан в 1947 г. – с началом разработок Академией архитектуры СССР научно-технических проблем массового крупнопанельного строительства¹². Пятые связывают начало хрущевской

⁶ См.: Meuser P., Zadorin D. *Towards a Typology of Soviet Mass Housing Prefabrication in the USSR 1955–1991*. Berlin, 2015; Meuser. P. *Zwischen Stalin und Glasnost: Sowjetische Architektur 1960–1990*. Berlin, 2009\$ Дроздов П.Ф., Себекин И.М. Проектирование крупнопанельных зданий (каркасных и бескаркасных). М., 1967; История индустриального домостроения: эксперименты с каркасом и панелью. URL: <http://archsovet.msk.ru/article/aktualno/istoriya-industrial-nogo-domostroeniya-eksperimenty-s-karkasom-i-panel-yu> (дата обращения: 21.07.2015); и др.

⁷ См.: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Об_устранении_излишеств_в_проектировании_и_строительстве (дата обращения: 02.01.2016); http://dvoika.net/piramida_xe/akropol64.htm (дата обращения: 02.01.2016).

⁸ См.: Панельное домостроение. URL: http://studopedia.ru/1_78_panelnoe-domostroenie.html (дата обращения: 21.07.2015).

⁹ См.: Лагутенко В.П. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лагутенко,_Виталий_Павлович (дата обращения: 21.07.2015).

¹⁰ См.: СССР строительство. Жилищное строительство в СССР. URL: http://www.spbremont1.com/publ/interesnye_stati/sss_r_stroitelstvo_zhilishhnoe_stroitelstvo_v_ssr/8-1-0-85 (дата обращения: 21.07.2015); Из истории панельного строительства в СССР и РФ. Справка. URL: <http://ria.ru/spravka/20080407/103912251.html> (дата обращения: 21.07.2015).

¹¹ См.: История индустриального домостроения. URL: <http://archsovet.msk.ru/article/aktualno/istoriya-industrial-nogo-domostroeniya-eksperimenty-s-karkasom-i-panel-yu> (дата обращения: 21.07.2015).

¹² См.: Из истории панельного строительства... URL: <http://ria.ru/spravka/20080407/103912251.html> (дата обращения: 21.07.2015).

реформы со стартом массового жилищного строительства в 1958 г.¹³, и даже с 1961 г., когда был организован Первый домостроительный комплекс (ДСК-1)¹⁴.

Некоторые авторы начинают отсчет истории советского крупнопанельного домостроения с 1951 г., когда в Москве было создано Специальное архитектурное конструкторское бюро (САКБ), начавшее разработку крупнопанельных домов серии К-7 на улице Гримау¹⁵, а потом – серий I-515 и II-32 (к 1956 г. САКБ разработало 16 типов зданий)¹⁶.

Другие ведут отсчет с 1954 г., когда в Москве на 6-й улице Октябрьского поля был возведен семиэтажный бескаркасный панельный дом¹⁷.

В одних текстах написано, что история панельного домостроения началась вовсе не в Москве, а в далеком уральском городе Берёзовске, где в конце 1945 г., на базе построенного за год до этого Берёзовского завода строительных конструкций, был собран первый в СССР крупнопанельный 2-этажный дом с неполным каркасом¹⁸. В других пишется, что история началась в Магнитогорске, где в 1950 г. стали возводиться бескаркасные панельные дома¹⁹. Есть и такие, которые

¹³ См.: «Хрущевки» и «хрущобы». URL: http://ussrlife.blogspot.ru/2012/09/blog-post_7986.html (дата обращения: 21.07.2015).

¹⁴ См.: Пущен в строй 31 мая 1961 г. В том же году В.П. Лагутенко стал руководителем специально созданного конструкторского бюро крупнопанельного и каркасно-панельного домостроения из тонкостенных железобетонных элементов при МНИИТЭПе, где продолжал работу по совершенствованию серии К-7 вплоть до конца жизни – до 1969 г.

¹⁵ «Хрущевки» и «хрущобы». URL: http://ussrlife.blogspot.ru/2012/09/blog-post_7986.html (дата обращения: 21.07.2015); Панельное домостроение. URL: http://studopedia.ru/1_78_panelnoe-domostroenie.html (дата обращения: 21.07.2015); «Хрущевки» – первый проект массового типового жилищного строительства. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-99833.html?page=6#3045577> (дата обращения: 21.07.2015).

¹⁶ Панельное домостроение. Типовой сериал. URL: http://rusadvice.org/business/real/habitation/panelnoe_domostroenie_tipovoy_serial.html (дата обращения: 22.07.2015).

¹⁷ Авторы – архитекторы Л. Врангель, Г. Кузнецов, З. Нестерова, Н. Остерман и Б. Смирнов. Из истории панельного строительства... URL: <http://gia.ru/spravka/20080407/103912251.html> (дата обращения: 21.07.2015).

¹⁸ Авторы проекта – архитекторы Г. Потапова и Г. Ростовской.

¹⁹ СССР строительство. Жилищное строительство в СССР. URL: http://www.spbremont1.com/publ/interesnye_stati/sssр_stroitelstvo_zhilishhnoe_stroitelstvo_v_sssр/8-1-0-85 (дата обращения: 21.07.2015).

считают, что первый в СССР панельный дом был возведен в Ленинграде в 1955 г. на улице Полярников (дом 10)²⁰ и был признан перспективным, после чего дома этого типа, впоследствии получившие в народе именование «хрущевки», в различных модификациях и стали строиться по всей стране. Устные свидетельства, требующие проверки, также указывают на то, что первый крупнопанельный дом был построен в г. Выкса Горьковской области²¹. И т. д.

В различных городах страны, находящихся на очень разном расстоянии от столицы и обладавших очень различным потенциалом местной строительной базы – технологическими, кадровыми, финансовыми и прочими стартовыми условиями, начало проведения хрущевской реформы отставало от столичных перемен на несколько (а кое-где на десятков и более) лет. Реформа стартовала очень по-разному и приносила очень неодинаковые результаты.

Обнаруживается путаница в фамилиях авторов-архитекторов.

Так, одни источники утверждают, что родоначальником индустриального метода строительства многоэтажных жилых домов был архитектор В.И. Светличный²² (1896–1977 г.), разработавший метод поточно-скоростного строительства жилых домов на основе применения крупных сборных железобетонных деталей²³. Другие «отцом крупнопанельного домостроения» в СССР называют В.П. Лагутенко (1904–1969)²⁴. Третьи «главным» человеком в крупнопанельном домостроении величают Николая Розанова, который, «если бы власть выражалась в построенных квадратных метрах, был бы самым могущественным человеком на земле». К 1985 г. по его проектам (серии 1–464 и выпущенной ей на смену в 1970 г. серии 90, а также множества их модификаций) было введено в эксплуатацию свыше 200 млн кв. м жилья, что составило на тот момент более 5% всего жилого фонда страны²⁵.

²⁰ Первый в СССР панельный дом. URL: <https://d3.ru/pervyi-v-sssr-panelnyi-dom-352766/> (дата обращения: 21.07.2015).

²¹ По данным Департамента градостроительного развития территории Нижегородской области (приведено А.Л. Гельфонд).

²² Панельное домостроение. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Панельное_домостроение (дата обращения: 21.07.2015).

²³ Светличный Василий Ильич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Панельное_домостроение (дата обращения: 21.07.2015).

²⁴ Почему у пятиэтажек 5 этажей? URL: <http://gre4ark.livejournal.com/187340.html> (дата обращения: 21.07.2015); Лагутенко Виталий Павлович. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лагутенко,_Виталий_Павлович (дата обращения: 21.07.2015).

²⁵ Задорин Д. Не от добра к добру... С. 93. Для справки: общая величина жилого фонда Советского Союза в 1985 г. составила 4072 млн. кв. м.

В одних источниках утверждается, что авторами первого каркасно-панельного 4-этажного жилого дома в Москве на 5-й улице Соколиной горы были архитекторы Г. Кузнецов и Б. Смирнов²⁶. В других – что авторами проекта первого экспериментального 4-этажного каркасно-панельного дома с полным каркасом из стали, разработанного в НИИ строительной техники Академии архитектуры СССР, названы архитектор Б. Богомолов, а не Б. Смирнов, и инженер (а не архитектор) – Г. Кузнецова, а не Г. Кузнецов²⁷.

Архитекторы же, сыгравшие ключевую роль в осуществлении программы массового панельного домостроения в регионах, повсеместно остаются неизвестными.

Отсутствуют объяснения социально-политических и социально-культурных причин проведения Хрущевым архитектурно-градостроительной реформы; не раскрыто ее содержание²⁸.

В трудах, посвященных теории и истории советской архитектуры 1953–1964 гг. (Н.В. Баранов²⁹, А.В. Рябушин³⁰, Н. Былинкин³¹, В.А. Шквариков³² и др.), представлен обзор наиболее значимых построек и градостроительных проектов хрущевского периода. Однако в состав этих проектов включены лишь единичные, наиболее престижные, выдающиеся (как правило, возведенные в Москве, Ленинграде или столицах союзных республиках в качестве экспериментов или в образцово-показательных целях).

Но совершенно не рассматривается массовая архитектура российской провинции, которая составляла 80–90% объемов индустриального жилищного строительства. Кроме того, эти авторы, как и многие другие, в разъяснении причин изменений направленности советской архитектуры исходили из советских партийных установок на то, чтобы доказать, что художественная эволюция в СССР была естественной, а смена стиля у советских архитекторов происходила добро-

²⁶ Из истории панельного строительства... URL: <http://ria.ru/spravka/20080407/103912251.html> (дата обращения: 21.07.2015).

²⁷ История индустриального домостроения: эксперименты с каркасом и панелью. URL: <http://archsovet.msk.ru/article/aktualno/istoriya-industrialnogo-domostroeniya-eksperimenty-s-karkasom-i-panel-yu> (дата обращения: 21.07.2015).

²⁸ Разъяснение дано лишь с позиции структурной культурологии: Паперный В. Культура Два. М., 1996; 2006.

²⁹ См.: Баранов Н.В. и др. История советской архитектуры. М., 1962; Он же. Современное градостроительство. М., 1962.

³⁰ См.: Рябушин А.В., Шишкина И.В. Советская архитектура. М., 1984. С. 87.

³¹ См.: Былинкин Н.П. История советской архитектуры (1917–1954 гг.). М., 1985.

³² См.: Шквариков В.А. Градостроительство СССР: 1917–1967. М., 1967.

вольно. Это делает научные и учебные издания советского времени только относительно годными в качестве источников информации.

В новейшей советской историографии существует целый цикл монографий биографического характера, посвященных творчеству мастеров советской архитектуры, особенно расширившийся в послеперестроечный период (Алабян, Хан-Магомедов, Душкина³³). Деятельность многих из этих архитекторов охватывает годы, относящиеся к интересующему нас периоду 1953–1964 гг. Однако в отношении этого и последующих периодов детальный анализ их творчества либо вообще отсутствует, либо занимает исчезающе малую часть.

Только иногда указывается на резкое изменение в их творчестве подхода к архитектурному проектированию, выразившемуся в «отказе от украшательства и архитектурных декораций». Но ни в одном из этих монографических исследований не разъяснены причины, по которым мастера советской архитектуры изменили в 1954 г. свои убеждения одновременно и кардинально, как и конструктивисты 20 лет назад.

Отсутствуют ответы на главные вопросы: почему был осуществлен отказ от организации помпезных ансамблей центров городов – характерных для сталинской архитектуры и градостроительства? Какие причины заставили партийное руководство страной выдвинуть задачу проектирования районов массовой жилой застройки с соответствующей инфраструктурой? Каково новое содержание профессиональной идеологии и проектной деятельности, принудительно привнесенное в архитектурную профессию вместо «сталинских»?

Среди работ новейшего периода, посвященных обобщенному анализу причин и характеристике процесса возникновения хрущевской архитектуры, можно выделить статьи С.О. Хан-Магомедова «Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы»³⁴ и Д. Хмельницкого «Конец стиля»³⁵, в которых в качестве механизма принудительной

³³ См.: Архитектор Каро Алабян. Альбом. М., 2008; Хан-Магомедов С.О. Антон Лавинский. М., 2007; Он же. Лазарь Хидекель. М., 2008; Жизнь архитектора Душкина. 1904–1977. Книга воспоминаний. Изд-во «А-Фонд», 2004; Хан-Магомедов С.О. Георгий Вегман. М., 2009; Он же. Виталий Лавров. М., 2010; Он же. Николай Ладовский. М., 2007; Он же. Генрих Людвиг. М., 2007; Он же. Николай Соколов. М., 2009; Он же. Михаил Барщ. М., 2009; Душкина Н.О. Жизнь архитектора Душкина. 1904–1977. Книга воспоминаний. М., 2004.

³⁴ См.: Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы. URL: <http://niitag.ru/xrushhevskij-utilitarizm-plyusy-i-minusy/> (дата обращения: 13.12.2015).

³⁵ См.: Хмельницкий Д. Конец стиля. К пятидесятилетию гибели сталинской архитектуры // Проект Классика. XIII-MMV, 2005. URL: http://www.projectclassica.ru/school/13_2005/school2004_13_01a.htm (дата обращения: 13.12.2015).

трансформации содержания архитектурного и градостроительного проектирования указываются органы партийно-государственной власти. Однако в этих статьях так и не раскрыты причины осуществленной государством жилищной реформы 1960-х гг.

Советская жилищная политика с первых дней перехода власти в руки большевиков основывалась на использовании жилища в качестве средства управления людьми³⁶. Поэтому первыми же декретами советской власти индивидуальное усадебное городское жилище было муниципализировано, уплотнено насильственным подселением совершенно посторонних людей и превращено в коммунальное. Коммуналки формировались не столько из-за дефицита жилого фонда, сколько, прежде всего, потому, что они обеспечивали контроль над повседневным поведением и образом мысли обывателей за счет уплотненного, максимально раскрытого соседям совместного обитания посторонних людей в одной квартире³⁷.

Власть старалась везде, где это было возможным, вселять в коммунальное жилище членов одного трудового коллектива, превращая его в трудо-бытовой коллектив и принуждая, тем самым, людей к совместному сосуществованию – «от станка до пиджака», выстраивая вертикаль управления от администрации фабрик, заводов и советских учреждений до старост (квартуполномоченных) коммунальных квартир, близких по функциям к старостам деревенской общины³⁸.

Предоставлением людям жилья власть поощряла верное служение себе; принудительным выселением наказывала, осуществляла догляд и контроль благодаря «прозрачности» переуплотненного коммунального быта, получала безграничные возможности вторгаться внешним нормирующим воздействием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни и т. д.³⁹

Именно потому государственная жилищная политика с первых дней советской власти была направлена исключительно на возведение коммунального жилища, представлявшего собой либо много-

³⁶ См.: Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008. (История сталинизма); Он же. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttgart, 2005.

³⁷ См.: Он же. Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг. Stuttgart, 2005.

³⁸ См.: Антощенко А.В., Меерович М.Г. Трудо-бытовые коллективы – социально-организационная основа доктрины соцгорода // *Miasta nowych ludzi. Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu*. Warszawa, 2007. Т. 1. С. 101–112.

³⁹ См.: Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дис. ... д. ист. наук. Иркутск, 2004.

квартирные многоэтажные дома, заселяемые покомнатно-посемейно, либо бараки⁴⁰, в которых в начальный период индустриализации в соцгородах-индустриальных новостройках обитало около 90% трудовых ресурсов⁴¹. Причем значительная часть населения соцгородов-новостроек так и не получила никакого иного жилища и продолжала существовать в бараках вплоть до середины 1950-х гг., до осуществленного Хрущевым «великого переселения народов» из коммуналок, бараков и землянок в пятиэтажные «хоромы».

Расселение с начала первых пятилеток до конца сталинской эпохи являлось средством административно-территориального управления трудовыми ресурсами. Предположим, что к началу 1960-х гг., к приходу к власти Н.С. Хрущева, отпала потребность в подобной административно-территориальной системе партийно-ведомственного управления. Но какая система была введена взамен? Она никем не описана и никак не изучена. В современной историографии нет ответа на вопрос, зачем Хрущеву понадобилось отказываться от основополагающей социально-управленческой доктрины – использования дефицита жилища как чуть ли не основного средства управления людьми? Какие формы социального управления в рамках хрущевской жилищной реформы были выдвинуты взамен сталинской системы «контроля и руководства людьми посредством жилища»? Чем был вызван отход от базового постулата организационно-управленческой модели – примата «трудо-бытового коллектива» в социальной организации общества?

Многие факты остаются не проанализированными.

Так, неизученными оказались такие факты, как переработка по личным распоряжениям Хрущева уже строящихся проектов (например, Академгородок в г. Новосибирске) в целях достижения «действительной красоты и хозяйственного подсчета»⁴² (Невзгодин⁴³) или мотивы принятия решения о переходе в градостроительстве от квартальной застройки размером 4–4,5 га к микрорайонной – 14–16 га, от «ленточной» – вдоль улицы, к свободной⁴⁴).

⁴⁰ См.: Он же. Бараки – основа жилого фонда соцгородов-новостроек первой пятилетки // Архитектор. Город. Время: Материалы XVII ежегодной международной научно-практической конференции. 17–19 апреля 2012 г. (Великий Новгород – Санкт-Петербург). СПб., 2014. С. 97–104.

⁴¹ См.: Он же. Типология жилища соцгородов-новостроек: монография Иркутск, 2014; Он же. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. // Архитектон: известия вузов. 2010. URL: http://archvuz.ru/2010_3/6 (дата обращения: 21.07.2015).

⁴² Невзгодин И.В. Архитектура Новосибирска. Новосибирск, 2005. С. 172.

⁴³ Для всестороннего изучения данного феномена в настоящем исследовании г. Новосибирск избран в качестве объекта натурного обследования.

⁴⁴ См.: Рябушин А.В., Шишкина И.В. Советская архитектура. М., 1984. С. 87.

В последние десятилетия в Интернете появились публикации, утверждающие, что жилищная программа массового крупнопанельного домостроения не ликвидировала жилищный кризис в СССР, а, напротив, усугубила его⁴⁵. Все эти факты и версии требуют своей углубленной проверки на основе обобщения статистических сведений и аналитической проработки.

Отсутствует обоснованный ответ на вопрос о влиянии иностранного опыта поточно-конвейерной сборки зданий на общую стратегию и конкретные планировочные и технологические решения, принятые на государственном уровне в СССР в середине 1960-х гг.

Различные источники сильно расходятся в этом вопросе, указывая на определяющее влияние: французского⁴⁶, немецкого⁴⁷ и даже американского опыта сборного домостроения. Одни авторы пишут, что внедрение панельной системы домостроения было начато одновременно в СССР и во Франции⁴⁸. Другие утверждают, что Франция намного опередила нас и именно оттуда крупнопанельное строительство перекочевало в Советский Союз: «...У создателя панельного домостроения Раймона Камю (компания Camus), трижды приезжавшего в СССР по приглашению советского правительства, в конце концов купили лицензию на схему массового производства... которую, впрочем, все равно переработали»⁴⁹. Третьи пишут о том, что прототипом первых «хрущевок» были блочные здания, строившиеся в Германии (в Берлине и Дрездене) в 1920-е гг., за 30 лет до наступления хрущевской эпохи.

Отсутствует описание специфики изменений архитектурно-градостроительной политики в регионах СССР.

Специфическим особенностям трансформации государственной жилищной политики в отдельных регионах СССР посвящен ряд

⁴⁵ См.: Торгашев В. Разоблачение мифов о Хрущеве: никакой пользы, кроме вреда. URL: <http://topwar.ru/28280-razoblachenie-mifov-o-hruscheve-nikakoy-polzy-krome-vreda.html> (дата обращения: 02.01.2016).

⁴⁶ См.: Почему у пятиэтажек 5 этажей? URL: <http://gre4ark.livejournal.com/187340.html>; Жилищное строительство в СССР и РФ. URL: <http://tuacse.livejournal.com/54014.html>; «Хрущевки» – первый проект массового типового жилищного строительства. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-99833.html?page=6#3045577> (дата обращения: 02.01.2016).

⁴⁷ Начало строительства «хрущевок». URL: <http://www.paganism.ru/r1/nachalo-stroitelstva-khrushhjevok.htm> (дата обращения: 02.01.2016).

⁴⁸ См.: Возникновение панельного домостроения. URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-814471-kak-rouavilis-panelnye-doma> (дата последнего посещения: 21.07.2015); Панельное домостроение. URL: http://studopedia.ru/1_78_panelnoe-domostroenie.html (дата обращения: 21.07.2015).

⁴⁹ См.: Почему у пятиэтажек 5 этажей? URL: <http://gre4ark.livejournal.com/187340.html> (дата обращения: 21.07.2015).

диссертаций (Ярославцев, Тиллоев, Хаснуллин, Коняхин, Горлов⁵⁰). Отдельные диссертационные исследования посвящены архитектуре общественных зданий сборного домостроения (Тиллоев⁵¹). Однако эти работы в значительной степени имеют описательный характер, причем не свободный от пропагандистско-агитационных штампов коммунистической эпохи и, к сожалению, не раскрывают глубинной механики изменения политики и содержания архитектурно-градостроительных решений массового жилищного строительства (индустриального домостроения).

Также необходимо указать на наличие в указанных диссертационных исследованиях разделов, посвященных истории массового жилищного строительства в СССР⁵², и работ, раскрывающих конструктивно-планировочные особенности панельного домостроения (Павлов, Синицин, Нассер Мирна Хассан Исмаил)⁵³ и описывающих подходы к реконструкции панельных домостроений (Акуленкова, Страшнова, Дао⁵⁴), методику градостроительного планирования ре-

⁵⁰ См.: Ярославцев А.В. Реализация государственной жилищной политики на Дальнем Востоке СССР: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2011; Тиллоев С.С. История становления и развития архитектуры общественных зданий Душанбе: 1924 – начало 2000-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2007; Хаснуллин Х.Х. Становление и развитие жилищного строительства в Татарстане в 1920–1959 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; Коняхин Г.В. Государственная жилищная политика в СССР и постсоветской России: политологический анализ: дис. ... д. полит. Наук. М., 2011; Горлов В.Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953–1991 гг.): дис. ... д. ист. наук. М., 2005.

⁵¹ См.: Тиллоев С.С. История становления и развития архитектуры общественных зданий Душанбе: 1924 – начало 2000-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2007.

⁵² См.: Коняхин Г.В. Указ соч.; Хуснуллин Х.Х. Указ. соч.; Горлов В.Н. Указ. соч.; и др.

⁵³ См.: Павлов В.В. Конструктивно-технологические особенности монтажа наружных стеновых панелей при реконструкции жилых домов первых массовых серий: дис. ... канд. техн. наук. Казань, 2002; Синицин К.В. Архитектурно-пространственная организация жилой застройки Екатеринбурга периода индустриального домостроения: дис. ... канд. арх. наук. Екатеринбург, 2001; Нассер Мирна Хассан Исмаил. Исследование прочности и устойчивости торцовых стен крупнопанельных зданий с поперечными несущими стенами: дис. ... канд. техн. наук. М., 2004; и др.

⁵⁴ См.: Акуленкова И.В. Эффективность реконструкции жилых зданий. На примере Санкт-Петербурга: дис. ... канд. эк. наук. СПб., 2004; Страшнова Ю.Г. Особенности градостроительного планирования развития жилых территорий при комплексной реконструкции. На примере пятиэтажной застройки Москвы 50–60-х годов, не подлежащей сносу: дис. ... канд. техн. наук. М., 2002; Дао Ченг Хунг. Повышение результативности комплексной реконструкции жилой застройки: дис. ... канд. техн. наук. М., 2010.

конструкции жилой застройки (Страшнова⁵⁵). Проблемам реконструкции и сноса панельных домостроений посвящен также ряд научных статей (Дмитриев⁵⁶ и др.).

Однако, несмотря на наличие подобных работ, в целом можно констатировать, что региональная история развития отечественной архитектуры фактически отсутствует.

Отсутствуют сводные хронологические таблицы и списки архитектурных событий.

В научной литературе на сегодняшний момент существует лишь один, довольно подробный, хронологический список архитектурных событий (Паперный, 2009 г.). Однако он охватывает период лишь до 1957 г. И, по утверждению самого автора, не является исчерпывающим.

Фактический материал разрознен и не упорядочен в соответствии с событиями социально-политической истории.

В профессиональной периодике изучаемого периода содержится широкий фактический материал, и прежде всего в главном профессиональном издании – журнале «Архитектура СССР». Начиная с № 7 за 1953 г. в нем во все нарастающих объемах стала разворачиваться кампания по официальному изменению художественных и технологических основ советской архитектуры. Однако до сих пор материалы данного издания не изучены и не обобщены.

Отсутствует характеристика трансформации общегосударственной системы архитектурно-проектного дела и органов партийно-государственного руководства архитектурным творчеством.

Этот аспект имеет важнейшее значение, потому что именно кардинальная перестройка существовавшего штучного процесса жилищного строительного и создания принципиально нового – массового, основанного на замене «строительства» «монтажом» (Рябушин⁵⁷), позволила СССР выйти из глубочайшего жилищного кризиса. Изменения коснулись всей системы проектно-строительного дела, начиная от разработки проектов заводов по изготовлению элементов крупнопанельного домостроения, через проектирование зданий из этих элементов и принятия градостроительных решений о размещении этих домов и их комплексов на территории, и заканчивая созданием целой сети научно-исследовательских и проектных институтов

⁵⁵ См.: Страшнова Ю.Г. Указ. соч.

⁵⁶ См.: Дмитриев А.Н. [и др.] Жадановский Б.В., Колосков В.Н., Сухачев В.П. Проблемы реконструкции и сноса пятиэтажных панельных домов в Москве / А.Н. Дмитриев, Б.В. Жадановский, В.Н. Колосков. [и др.] // Промышленное и гражданское строительство. 1996. № 4. 1996.

⁵⁷ См.: Рябушин А.В., Шишкина И.В. Советская архитектура. М., 1984. С. 87.

типового проектирования, дифференцированных по типам зданий и сооружений.

Следует упомянуть работу Ю.Л. Косенковой, посвященную послевоенному градостроительству в СССР⁵⁸. Она затрагивает важный для данной проблематики аспект – устройство общегосударственной системы руководства архитектурным проектированием. Однако в работе не раскрыт механизм принудительного изменения этой системой содержания проектной деятельности. В существующей историографии отсутствуют работы, посвященные комплексному исследованию особенностей функционирования партийно-государственного механизма принудительного изменения художественно-образных основ проектирования массовой жилой архитектуры.

Отсутствует анализ влияния хрущевской реформы на дальнейшее развитие советской архитектуры.

События, произошедшие в архитектуре и градостроительстве СССР в 1953–1964 гг., интересны тем, что они дали толчок к формированию явления, которое в современной российской историографии принято именовать «советским модернизмом» (Новиков⁵⁹, Казакова⁶⁰), «региональным модернизмом» (Боков⁶¹) (последнее определение применяется, в частности, в отношении иркутской архитектурно-градостроительной школы В.А. Павлова (Журавлев, Боков, Бух))⁶².

Однако если в отношении общественных (административных, культурных, спортивных и прочих типов) зданий это явление, хотя и не изучено, но, как минимум, представлено на архитектурных выставках (музей архитектуры им. А.В. Щусева, 2006 г.; Венский архитектурный центр, 2011 г.), то в отношении массовой жилой архитек-

⁵⁸ См.: Косенкова Ю.Л. Советский город 1940 – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. М., 2009.

⁵⁹ См.: Новиков Ф. Советский модернизм: 1955–1985. Екатеринбург, 2010; Он же. Дело жизни. Между делом: в 2 т. Екатеринбург, 2010; Он же. Зодчие и зодчество. Архитектура XX века. М., 2002.

⁶⁰ См.: Казакова О. Советский архитектурный модернизм: формы времени. К итогам Международной научной конференции. Москва, НИИТИАИГ, Центр авангарда в Еврейском музее, 21–22 ноября 2013 г. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku4-2013/22319-sovetskiy-arhitekturnyy-modernizm-formy-vremeni-k-itogam-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferencii-moskva-niitiaig-centr-avangarda-v-evreyskom-muzee-21-22-noyabrya-2013-g.html> (дата обращения: 13.12.2015).

⁶¹ См.: Боков А. Владимир Павлов // Проект Байкал. 2010. № 26. С. 28–31.

⁶² См.: Журавлев А., Соколов Н. Иркутский период Владимира Павлова // Архитектура и строительство России. 1989. № 11; Бух В., Григорьева Е., Боков А. Архитектура советского модернизма. Мастер Владимир Павлов. Екатеринбург, 2014; Боков А. Владимир Павлов // Проект Байкал. 2010. № 26. С. 28–31.

туры и не представлено, и не изучено. Существующие исследования данного архитектурного явления направлены на очень небольшие сегменты знания об архитектуре и градостроительстве данного периода и представляют собой, как правило, лишь описание интересного архитектурного объекта или градостроительного решения конкретного микрорайона.

Региональные архитектурные школы, проявившие себя в проектировании массовой жилой застройки, до настоящего времени объектами исследования не выступали.

Отсутствует комплексный анализ приемов адаптации насаждавшихся свыше типовых проектов и приемов застройки к местным природно-климатическим, культурно-историческим, социально-бытовым, градостроительным условиям.

В годы проведения хрущевской реформы сложилась совершенно новая ситуация в отношении архитектурно-градостроительного инструментария: наработанная профессиональным сообществом в течение сталинского периода база архитектурно-планировочных решений и приемов застройки была отвергнута и заменена новой. Накопленный за предшествовавшие годы опыт адаптации к местным условиям архитектурных решений, выработанных в центральных проектных организациях, также потерял свое значение. Как следствие, резко усугубился разрыв между насаждаемыми свыше архитектурно-планировочными установками и местными требованиями к проектам.

Архитектурно-градостроительная сторона процесса переработки и приспособления типовых проектных решений к местным условиям (проблемы, приемы, результаты) требует своего комплексного изучения – выявления набора архитектурно-градостроительных приемов и средств, использовавшихся местными архитекторами, списка региональных типовых серий, разработанных местными архитекторами на базе общесоюзных и т. д.

* * *

Особенность произведенного Н.С. Хрущевым революционного переворота в жилищной политике с наибольшей ясностью способно высветить ее сопоставление с жилищной политикой сталинской эпохи.

С первых дней перехода власти в руки большевиков, советская жилищная политика основывалась на использовании жилища в качестве средства управления людьми. Для этих целей наилучшим образом подходило многоквартирное, многоэтажное жилище коммунального заселения, которое позволяло территориально концентрировать пролетариат – управлять рассредоточенными массами большевики не умели. Поэтому первыми же декретами советской власти индивидуальное усадебное городское жилище было муниципализировано,

уплотнено насильственным подселением совершенно посторонних людей и тем самым превращено в коммуналки.

Советская власть за счет владения жилым фондом довольно эффективно манипулировала людьми, поскольку, присвоив себе единоличное право наделять рабочих и служащих крышей над головой, обрела огромную мощь воздействия на население, ведь в климатических условиях России под пальмой не перезимуешь. Здесь жилище всегда являлось основополагающим условием существования. Предоставлением жилья власть поощряла верное служение себе; принудительным выселением наказывала; формированием коммунального жилого фонда благодаря «прозрачности» переуплотненного быта обеспечивала осуществление догляда и контроля, получала безграничные возможности вторгаться внешним нормирующим воздействием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни и т. д.

Именно потому государственная жилищная политика с первых дней советской власти была направлена исключительно на возведение коммунального жилья, представляющего собой либо многоквартирные многоэтажные дома, либо бараки. Эта политика была последовательно и неуклонно продолжена с началом индустриализации сталинским руководством, так как в максимальной степени отвечала таким задачам, как: привязка трудовых ресурсов к производству; принуждение населения к труду за счет ведомственных форм возведения, владения и распределения жилища; эффективный контроль над бытовыми процессами, образом мысли и высказываниями; упрощение внешнего регулирующего воздействия на поведение людей.

Какой бы тип жилья с началом индустриализации не возводился в соцгородах-новостройках (кроме особняков для начальства), заселялся он исключительно коммунальным образом: в каждую комнату многокомнатной квартиры – по семье. При этом основным типом массового жилища были бараки, в которых обитало около 90% трудовых ресурсов первенцев первой пятилетки. Значительная часть населения соцгородов-новостроек в дальнейшем, несмотря на обещания переселения в благоустроенное жилище, так и не получила никакой иной крыши над головой и продолжала обитать в бараках и после окончания первой-второй пятилеток, и в период до и после Великой Отечественной войны – вплоть до осуществленного Хрущевым «великого переселения народов» из бараков и землянок в пятиэтажные «хоромы».

Коммунальное жилище являлось базисом стратегии расселения, воплощавшейся партийно-государственным руководством СССР непосредственно до хрущевской реформы.

Эта стратегия базировалась на формировании и управлении специфическими «социально-производственными единицами общества» – трудо-бытовыми коллективами. Совместное обитание членов

одного трудового коллектива за счет пространственной соорганизации обеспечивало формирование социально однородных, зависимых, контролируемых, управляемых, прикрепленных к месту труда и месту жительства «единиц» нового общества. Таким образом, в СССР жилищная политика была изначально накрепко срослена с общегосударственной социально-организационной и административно-управленческой политикой.

Следует, однако, заметить, что индивидуальное жилище в Советском Союзе все же возводилось, правда, в очень незначительных масштабах, в виде квартир и отдельно стоящих коттеджей, которые заселялись одной семьей. Эти типы домостроений выполняли роль премиального вознаграждения для советской элиты: предоставление советскому человеку отдельного (не коммунального) жилья было чуть ли не самой значимой мерой социального поощрения особо отличившихся или приближенных к власти. Индивидуальное жилище в СССР в течение всего сталинского периода было наиболее показательным социальным маркером должностного, партийно-административного положения.

Сегодня нет ответов на ряд вопросов. Например, по каким причинам Н.С. Хрущев принял решение отменить жилищную стратификацию советского общества, так эффективно функционировавшую в сталинский период? Какие формы социального управления в рамках хрущевской жилищной реформы были выдвинуты взамен основополагающей советской управленческой доктрины «контроля над трудовым и бытовым поведением людей посредством жилища»? Чем был вызван отход от базового постулата ленинско-сталинской организационно-управленческой модели – примата трудо-бытового коллектива (а не отдельной семьи) в социальной организации общества? Почему хрущевская реформа изменила ряд базовых установок советской жилищной политики, тогда как остальные ключевые положения оставила неизменными?

Так, на протяжении всего советского периода, вплоть до горбачевской перестройки, продолжали существовать и реализоваться принципы: прямая зависимость государственных расселенческих программ от планов ресурсного и производственного освоения территорий; ведомственный характер планирования и распределения финансовых и материальных ресурсов на жилищное строительство; прямая зависимость объемов возведения селитбы от мощности градообразующего производства, композиционной ориентации планировки поселений на градообразующий промышленный объект и т. д.

Не отменяла хрущевская реформа и другого фундаментального положения советской жилищной политики – предоставление населению возможности иметь крышу над головой в городах являлось в Советском Союзе исключительной прерогативой государства. Неизменным оставалось положение, согласно которому жилище

предоставлялось исключительно трудящимся – тем, кто работал на фабриках, заводах и в советских учреждениях, кто являлся членами государственных профессиональных творческих союзов (архитекторов, художников, литераторов, музыкантов, актеров и др.).

Получить хоть какое-то городское жилище можно было только из рук администрации предприятия или учреждения, где работал человек, либо на основании ордера муниципалитета, но также только лишь на основе справки-ходатайства с места постоянной работы. Неучащиеся бездельники, безработные, вольноопределяющиеся, надомники-предприниматели, лица творческого труда, не желавшие «прикрепляться» к соответствующим творческо-производственным институциям, были лишены права получения ордера на жилплощадь.

Наличие частного жилища допускалось лишь в сельской местности. А в существовавших или строившихся городах оно появлялось только самовольно, на периферии поселений, в подавляющем большинстве случаев нелегально – в результате неофициального, не имевшего разрешения строительства («нахаловки») ⁶³. Подобное жилище, как правило, всегда оставалось неблагоустроенным (без подключения к городским инженерным сетям) и постоянно находящимся под угрозой сноса.

Почему Н.С. Хрущев взял курс на строительство отдельных квартир для отдельной семьи (пусть и крохотных, расположенных в многоэтажных, многоквартирных домах)? «Массовое ожидание населением перемен», на которые указывает ряд исследователей, – не более чем милая выдумка: если подобные надежды и существовали после окончания Второй мировой войны, то за послевоенное семилетие «уверенной поступи сталинского социализма» они полностью и без остатка были развеяны. ... Какими же причинами было предопределено принятие Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», которое предписывало: «Начиная с 1958 года, в жилых домах, строящихся как в городах, так и в сельской местности, предусматривать экономичные благоустроенные квартиры для заселения одной семьей»?

На сегодня отсутствует научный анализ ключевых аспектов архитектурно-градостроительной реформы, произведенной Хрущевым в 1950–1960-е гг., а также сложившейся в результате этой реформы новой системы советского градостроительного и архитектурного проектирования. Отсутствуют критерии художественной, культурной и исторической оценки архитектурного наследия хрущевской эпохи.

⁶³ В лучшем случае потом, задним числом, это жилище в судебном порядке узаконивалось.

И.Б. Орлов

ЧЕРЕЗ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС»: ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ В СФЕРЕ СОВЕТСКОГО ВЫЕЗДНОГО ТУРИЗМА (1955–1964 гг.)

Холодная война, длительное время определявшая перипетии мировой истории, и сегодня, в условиях обострения отношений с США и его западными союзниками, остается объектом исследовательского интереса. В политическом языке СМИ для характеристики современных международных отношений все чаще используется понятие «холодная война 2.0».

В силу этого обращение к истории «классической» холодной войны 1946–1991 гг. открывает новые возможности для понимания «исторической колее», ведущей из эпохи противостояния двух мировых систем в реалии «холодного мира» 2010-х гг. В рамках данного подхода сфера международного туризма будет рассматриваться как «передовая позиция» холодной войны.

Новое рождение международного туризма в СССР совпало с туристской революцией второй половины 1950-х гг., связанной с расширением объемов и географии туристских потоков. Бурному росту туризма в условиях мира на большей части планеты способствовал ряд факторов, включая рост доходов населения и продолжительности отпусков, распространение культуры и образования, успехи в развитии транспорта (особенно гражданской авиации) и средств массовой информации. Кроме того, оживление международных туристских обменов стимулировалось целенаправленной деятельностью в этой сфере созданных после войны международных организаций и, прежде всего, Международной гостиничной ассоциации (1946 г.) и Международного союза официальных туристских организаций при ООН (1947 г.).

Конечно, на советский туризм эти организации не оказали прямого влияния. Однако постепенно «туристская революция» затронула и Советский Союз. Ослаблению «железного занавеса» способствовали процесс десталинизации, охвативший страны советского блока, и декларированный XX съездом партии (1956 г.) принцип мирного сосуществования двух систем.

Справедливости ради заметим, что первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1955 г. Новый Устав «Интуриста», утвержденный приказом Министерства внешней торговли СССР 8 августа

1955 г., в отличие от Устава 1929 г. открывал для туристского ведомства возможности развития туризма не только в Советский Союз, но и за его пределы¹. Институционализация сферы международного (прежде всего, выездного) туризма стала отражением нового курса на повышение его места и роли во внешнеполитической деятельности государства. Видимо, подобные оценки способствовали закреплению в зарубежной и современной отечественной историографии представления о международном туризме как важном компоненте советской внешнеполитической пропаганды. С одной стороны, с этим нельзя не согласиться. Но с другой стороны, сужение роли туризма до механизма пропагандистского обеспечения холодной войны существенно обедняет наши представления о политике культурной (в западном понимании) или народной (в советских оценках) дипломатии как составной части и механизма геополитического противостояния двух сверхдержав.

На сегодняшний день сформировалось несколько исследовательских направлений советского туризма хрущевской эпохи:

- поездки в Западную Европу в контексте «политики мирного сосуществования»²;
- путешествия советских туристов в отдельные зарубежные страны: Болгарию, ГДР и ФРГ, Финляндию и Францию³;
- социальный состав групп, объекты показа, недостатки в деятельности «Интуриста» и принимающих организаций, факты «неправильного поведения» советских туристов и впечатления советских

¹ ГА РФ. Ф. Р-9612. Учреждения по руководству иностранным туризмом в СССР (Объединенный фонд). 1929–1991 гг. Оп. 2. Д. 237. Л. 20.

² См.: Горсач Э. Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе / пер. с англ. Н. Мовниной и Д. Калугина // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 359–388.

³ См.: Андреева Е.Б. Эволюция туристских практик русских во Франции (начало XIX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006; Костайнен А. Политический туризм между Финляндией и СССР в период между 1950–1980 гг. // Туристские фирмы. Вып. 15. СПб., 1997. С. 247–248; Попов А.Д. Народная Республика Болгария как объект зарубежного (выездного) туризма советских граждан // Дриновський збірник – Дриновский сборник. Т. IV. Харків; Софія, 2011. С. 302–309; Он же. Экспорт советской модели выездного туризма: случай разделенной Германии // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2013. Вып. 3. С. 155–165; Чистиков А.Н. Советский турист в Финляндии в середине 1950 – середине 1960-х гг. // Новейшая история России: время, события, люди: сб. статей и воспоминаний к 75-летию почетного профессора СПбГУ Г.Л. Соболева. СПб., 2010. С. 384–392.

людей о загранице⁴; особенности выездного туризма через призму внешнеполитической пропаганды⁵;

– специфика молодежного зарубежного туризма⁶.

Расширение возможностей реконструкции феномена выездного туризма как механизма народной дипломатии и культурного наступления СССР в условиях холодной войны автор статьи связывает с неоинституциональным подходом, соединяющим в единое целое историю институтов (Всесоюзного акционерного общества «Интурист», Бюро международного молодежного туризма «Спутник», Центрального туристско-экскурсионного управления ВЦСПС) и людей (советских туристов за границей).

В рамках данного подхода институты рассматриваются как формальные и неформальные нормы, правила и практики. Более того, предполагается, что в условиях ограниченной информации о внешнем мире (эффект «железного занавеса») рациональности индивидов может сопутствовать оппортунистическое поведение. Последнее положение наглядно подтверждается отчетами руководителей туристских групп о «неправильном» поведении отдельных вояжеров и даже целых групп.

По институциональному критерию историю советского выездного туризма можно разбить на пять периодов. Первый (сентябрь 1955 – август 1964 г.) – от принятия нового Устава ВАО «Интурист», входившего в этот период в состав Министерства внешней торговли СССР, до образования Управления по иностранному туризму при Совмине СССР – приходится на хрущевское время. Реконструировать историю советского выездного туризма рассматриваемого периода позволяют разноплановые ведомственные документы ту-

⁴ См.: Орлов И.Б. Роль табу в советском выездном туризме // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей. М., 2013. С. 423–434; Попов А.Д. Теневые стороны зарубежного (выездного) туризма в Советском Союзе (1960–1980-е гг.) // Культура народов Причерноморья. 2008. № 135. С. 74–78; Радченко О.Н. «Интурист» в Украине 1960–1980 годов: Между красной пропагандой и твердой валютой: монография. Черкассы, 2013; Чистиков А.Н. «Ладно ль за морем иль худо?»: впечатления советских людей о загранице в личных записях и выступлениях (середина 1950 – середина 1960-х гг.) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 167–177; Шевырин С.А. «Проникновение наше по планете особенно заметно вдалеке...» Из истории зарубежного туризма в СССР // Ретроспектива. 2010. № 1. С. 21–27.

⁵ См.: Силина Л.В. Иностраный туризм и выезд советских граждан за рубеж в 1960-е гг. (по материалам Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС) // Наука и школа. 2010. № 4. С. 136–140.

⁶ См.: Орлов И.Б., Машкова А.М. Иностраный молодежный туризм в СССР в 1958–1964 гг. // Российская история. 2011. № 6. С. 155–165; Хохлов А.Н. Спутник. Пятьдесят лет на орбите туризма. М., 2008.

ристских ведомств, отложившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)⁷, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)⁸, Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ)⁹ и Российского государственного архива экономики (РГАЭ)¹⁰.

Следует уточнить, что в рассматриваемый период (вплоть до 1988 г.) распределение туристских путевок за рубеж шло преимущественно через специальные органы в структуре профсоюзных и комсомольских организаций. Такая модель, с одной стороны, сужала контингент претендентов на совершение зарубежной поездки и способствовала бюрократизации сферы туризма. Но с другой – она же позволяла задействовать формат социального туризма через частичную и в ряде случаев полную оплату стоимости путевки предприятием.

Для эффективного контроля над участниками путешествия на всех его этапах (от отбора до мероприятий по возвращению на Родину) привлекались партийные структуры, КГБ, правоохранительные, таможенные и прочие органы. Но обслуживание за границей практически полностью находилось в сфере ответственности «Интуриста», имевшего сеть представительств по всему миру и налаженные контакты с зарубежными партнерами. Тогда как деятельность ЦСТЭ (Центральный совет по туризму и отдыху) осуществлялась преимущественно в форме безвалютного обмена, значительно уступавшего показателям «Интуриста». Что касается молодежного безвалютного туризма, то устойчивый характер он принял только с декабря 1964 г., когда было подписано соответствующее Закопанское соглашение между бюро путешествий Болгарии, Венгрии, ГДР, ЧССР, Польши и Советского Союза.

Опыт «Интуриста» в организации выезда за границу был не очень большим. Как уже отмечалось, выездной туризм вошел в его компетенцию только в 1955 г. При этом специализированные структуры (отдел советского туризма в соцстраны и директораты советского туризма в отделах по туризму с капстранами) появились лишь в

⁷ ГА РФ. Ф. Р-9520. Центральный совет по туризму ВЦСПС. 1928–1965 гг. Оп. 1. Ф. Р-9612. Оп. 1–4.

⁸ РГАСПИ. Ф. 5М. Бюро международного молодежного туризма «Спутник». Оп. 1–3.

⁹ РГАНИ. Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС. Оп. 22. Высшие органы коммунистической партии (1917–1966 гг.). Д. 70. Комиссия по выездам за границу ЦК ВКП (б) – КПСС; Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС. 1952–1984 гг. Оп. 14. Комиссия по выездам за границу при ЦК КПСС. 1949–1962 гг.; Оп. 30. Общий отдел ЦК КПСС (1953–1966 гг.); Оп. 33. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам. 1956–1962 гг. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. 1965–1966 гг.; Ф. 89. Коллекция рассекреченных документов. Оп. 31–32.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 413. Министерство внешней торговли СССР. Оп. 13.

1965 г., т. е. уже после выведения ведомства из состава Министерства внешней торговли.

Еще меньшим в этом плане был опыт советских профсоюзов. Их первый туристский обмен с профсоюзными организациями Польши, ГДР, Венгрии и Чехословакии состоялся только в 1958 г.¹¹ Советские юноши и девушки до этого выезжали за границу по линии профсоюзов и «Интуриста». Становление собственно международного молодежного туризма было связано с созданием в указанном году «Спутника».

Несмотря на заметное отставание темпов роста выездного туризма от развития въездного, ведомственная статистика, даже несмотря на запутанную методику подсчетов¹², позволяет выявить устойчивую тенденцию роста выездных потоков. Если в 1955 г. по линии «Интуриста» за границу выехали чуть более 2 тыс. туристов, то в 1961 г. численность вояжеров достигла, по разным данным, от 54 тыс. до 57,5 тыс. Вполне понятное в условиях Карибского кризиса снижение численности туристов из СССР до 42–43 тыс.¹³ в следующие годы было компенсировано «Интуристом» с лихвой. В частности, план выезда на 1964 г. предусматривал 63 тыс., а на 1965 г. – 75 тыс. человек¹⁴.

Конечно, в среднем до 80% составляли путешествия в страны народной демократии, однако в некоторые годы их удельный вес (особенно в молодежном туризме) снижался до 70%. Маршруты для советских туристов проходили по территории свыше 100 государств мира: если в 1956 г. Они побывали в 61 стране, то в 1963 г. – уже в 106.

Реальная практика выявила явных лидеров туристских обменов. Например, самой посещаемой туристами из СССР страной «социалистического лагеря» стала Болгария, очень активно посещалась в эти годы и ГДР, тогда как туристские связи с Венгрией и Польшей испытывали период глубокого спада, обусловленного общественно-политическими факторами. Циклы «политической конъюнктуры» ощутимо влияли на туристские отношения с Албанией, КНР, Югос-

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9520. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–3.

¹² Например, включение (или не включение) в общие показатели выезда данных о профсоюзном обмене, поездках по линии различных министерств и ведомств и т. д. Кроме того, картину выезда искажает предоставленная «Интуристу» монополия на продажу проездных документов для всех выезжающих за пределы страны, без учета целей поездки.

¹³ В условиях обострения международной обстановки ЦК КПСС и Совмин СССР требовали от всех ведомств не только ужесточения комплектования туристских групп и улучшения инструктирования туристов, но и более эффективного использования поездок «в целях пропаганды достижений советского строя и изучения зарубежной науки и техники» (ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 299. Л. 76).

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 228. Л. 35; Д. 237. Л. 20, 65; Д. 273. Л. 61; Д. 285. Л. 103; Д. 298. Л. 2; Д. 310. Л. 23; Оп. 4. Д. 4. Л. 143–144.

лавией, не говоря уже о туризме в США, Великобританию, ФРГ и Японию. Среди капиталистических стран лидирующие позиции по приему советских туристов занимала Финляндия, а среди государств «третьего мира» – Индия.

Развивающиеся страны активно вовлекаются в сферу советского выездного туризма именно в начале 1960-х гг. В 1960 г. важным направлением работы ведомства стали мероприятия по развитию туризма «со странами негритянской Африки». Из переписки руководства «Интуриста» узнаем о направлении туристских групп в Гану, Гвинею, Либерию, Того и Тунис и об изучении возможностей обмена туристами с Камеруном и Марокко¹⁵. Под влиянием кубинской революции на декабрь 1960 г. было запланировано посещение «острова свободы» 20 советскими туристами, направляемыми в Мексику. Следующую группу на Кубу отправили уже в начале 1961 г., так же совместив с поездкой в Мексику¹⁶. В 1960 г. туристы из СССР впервые побывали в Индонезии, Пакистане и Непале, а следующий год был объявлен руководством «Интуриста» годом «посещений стран Востока»¹⁷.

Рост объемов выездного туризма был связан не только с расширением его географии, но и с апробацией новых направлений и форм туристской деятельности. В 1958 г. были организованы поездки советских туристов в Финляндию на автобусах и собственных автомобилях¹⁸. В 1959 г. были организованы прямые железнодорожные рейсы в ФРГ, Францию и Италию, специальные туристские поезда в ЧССР, Болгарию, Венгрию, ГДР и Румынию, а также специальные самолеты и рейсовые суда¹⁹.

Дальнейшее развитие получили круизные путешествия. В частности, не только увеличилось количество рейсов вокруг Европы, но и впервые был организован круиз вокруг Азии. Новым видом туризма стали путешествия по Дунаю на советских теплоходах «Дунай» и «Амур», во время которых туристы посещали шесть придунайских стран. Ежегодно увеличивалось количество советских автотуристов, побывавших в европейских странах народной демократии и Финляндии²⁰.

Для советских туристов в исследуемый период были предоставлены возможности для экскурсионно-познавательного (в соцстраны, Австрию, Италию, Финляндию, Францию), молодежного и студен-

¹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 268. Л. 31,176–178.

¹⁶ Там же. Л. 195.

¹⁷ Там же. Д. 273. Л. 67.

¹⁸ Там же. Д. 247. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 260. Л. 38.

²⁰ Там же. Д. 286. Л. 33.

ческого (в соцстраны, Великобританию), научного (в ФРГ, Великобританию, США) и экологического туризма (в Финляндию). Выездной туризм включал также туры на отдых и лечение (в соцстраны, Югославию), массовые поездки в дни главных советских праздников (в соцстраны, Италию, Францию), круизные путешествия (в страны Балтийского, Черного и Средиземного морей, Африки и Тихоокеанского региона) и деловые поездки (в Польшу, ГДР, Австрию, ФРГ, США). Появляются в этот период и откровенно экзотические туры (во Вьетнам, на Кубу, в Индию, Египет, Марокко, Алжир). Впрочем, поездки в капиталистические и развивающиеся страны ориентировались в большей степени на специализированный туризм.

Да и в целом для туристских организаций приоритетной была организация путешествий специализированных групп с однородным профессиональным составом, а также групп «идеологического авангарда» – поездки по линии обществ дружбы и городов-побратимов, ветеранских организаций, осуществлявшиеся в формате «поездов дружбы», «круизов дружбы», «авиарейсов дружбы» и т. д. Тем не менее в 1960 г. за границу в составе специализированных групп выехало менее четверти туристов. При этом в такие группы нередко (и, скорее всего, не безвозмездно) включали людей, не имеющих отношения к данной профессии.

Перед организаторами заграничных вояжей открыто ставилась задача наблюдения «за политическим эффектом поездок советских туристов»²¹. В силу этого программы путешествий (вне зависимости от маршрута, состава участников и вида поездки) непременно включали в себя посещение промышленных предприятий и социальных объектов, «мест памяти» революционного движения и Второй мировой войны, а также вечера дружбы, массовые политические акции, возложение венков и т. д.

В целом работа по организации выезда советских туристов за границу и оформлению документов на получение путевок возлагалась на республиканские и областные советы профсоюзов. Рассмотрение заявлений желающих поехать за границу поручалось профсоюзам предприятий и учреждений в соответствии с количеством выделенных ВЦСПС на отраслевые советы путевок²².

Особо тщательно рассматривались заявления на поездки в капиталистические страны. Внутри групп выделялись ответственные лица «из числа наиболее опытных и политически подготовленных туристов».

И наконец, совместно с «Интуристом» проводилось инструктирование туристов о поведении за границей и задачах туристских

²¹ ГА РФ. Оп. 2. Д. 286.

²² Заявления колхозников рассматривались исполкомами районных советов депутатов трудящихся.

поездок²³. Но гладко было на бумаге. А на практике периодически обострялись межведомственные противоречия. Управляющие отделениями «Интуриста» жаловались на отсутствие «должного контакта» с профсоюзными организациями, особенно в процессе комплектования групп. В свою очередь профсоюзные работники жаловались на низкие деловые качества и уровень политической подготовки интуристовских работников²⁴.

Приоритетными категориями туристов, с точки зрения ответственных работников партийных и государственных органов, были политически проверенные, идеологически активные и устойчивые в морально-бытовом отношении граждане²⁵. При этом туристские ведомства «сверху» ориентировались на увеличение удельного веса рабочих и крестьян среди участников путешествий, а также на сбалансированный гендерный и национальный состав отъезжающих за границу. Но в реальности больше всего среди туристов было служащих и представителей интеллигенции. В то же время гендерный состав во многом зависел от престижности поездки: чем менее престижным было направление, тем больше среди туристов было женщин. Например, в составе групп, посещающих Болгарию, удельный вес женщин доходил до 90%.

Во время пребывания туристской группы за рубежом контакты ее участников с иностранными гражданами сводились к минимуму. Турист должен был постоянно находиться в поле зрения своих попутчиков, в особенности руководителя группы, в арсенале которого были не только воспитательные, но и административные меры воздействия. В частности, в его власти было указать в отчете о поездке на нежелательность в будущем выезда за пределы СССР провинившихся туристов.

Хотя в наиболее структурированном виде система регламентаций и запретов для сферы выездного туризма сложилась к концу 1970-х гг. Однако в предыдущее десятилетие общий перечень требований, которыми должны руководствоваться советские туристы за границей, опирался на ведомственные циркуляры и принципы «морального кодекса строителя коммунизма», получившего у населения по имени его создателя наименование «Евангелие от Ильичева».

При этом запреты постепенно превращались в часть механизма самоограничения советского человека. Более того, регламентация принимала характер негласного договора власти и населения о соблюдении политической бдительности и идеологической выдержан-

²³ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 228. Л. 32.

²⁴ Там же. Д. 228. Л. 10; Д. 286. Л. 69.

²⁵ Там же. Л. 31.

ности. На остальное, и прежде всего на коммерческий интерес к поездкам за границу, власти обращали значительно меньше внимания.

Табу были положены в основу «фильтров», призванных отсеять кандидатов, чья готовность неукоснительно блюсти честь и достоинство советского человека вызывала малейшие сомнения. Кроме проверок разного уровня и бесед в областном совете профсоюзов и отделении «Интуриста», по прибытии группы туристов в капитанскую каюту с ними в советском посольстве или консульстве проводилась обязательная беседа о бдительности. В ходе самой поездки соблюдение запретов и правил поведения контролировалось руководителями групп, сопровождающими из «Интуриста», и «товарищами в штатском»²⁶. Наибольшая ответственность ложилась на старших групп и сопровождающих при поездках в капиталистические страны. Особенно если почти треть туристов владели английским языком, как это было во время тура советских туристов в Великобританию в сентябре 1956 г.²⁷

Кроме того, несмотря на существование многоуровневой системы отбора, за границей нередко оказывались туристы, демонстрировавшие различные стороны «недозволенного поведения». Чаще всего речь шла о хулиганстве, мелких кражах и нарушении таможенных правил. Среди морально осуждаемых действий были распространены интимные и излишне доверительные отношения с местными жителями, повышенный интерес к «шопингу», невоспитанность и т. д. Наибольшее впечатление на советских туристов оказывали соприкосновение с потребительской экономикой, нескрываемая религиозность населения в сочетании с проявлениями эротизма.

Посещение заграничной (особенно стран «загнивающего капитализма») не проходило для гостей из СССР бесследно. Итоги поездки проявлялись не только на материально-бытовом (пользование импортными вещами) и коммуникативном уровне (рассказ о впечатлениях), но и на уровне изменения социального статуса и мировоззрения. При этом выводы относительно жизни «у них» и «у нас» не всегда были в пользу заграничной. Хотя для части вояжеров результатом поездки становилось разрушение советских стереотипов.

Можно сделать вывод, что именно в хрущевский период выездной туризм стал самостоятельным видом путешествий, спрос на который постоянно рос. Некоторое ослабление «железного занавеса» способствовало постепенному изменению взгляда советских людей на западное общество и, соответственно, на установку о преимуществах советского образа жизни. Международный туризм вообще и зарубежный в частности в условиях хрущевской «оттепели» начал приобретать – пусть робко и противоречиво – форму диалога Запада и Востока.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 373. Л. 1; Оп. 2. Д. 237. Л. 56.

²⁷ Там же. Л. 1–7.

**VIII. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
О СТАЛИНЕ
И СТАЛИНИЗМЕ**

В.И. Меньковский

ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О СТАЛИНИЗМЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Современные Россия и Беларусь находятся в процессе поиска путей самоидентификации и формирования национальной идеи. На этом пути чрезвычайно важную роль играет историческая память. Ключевые положения концепции истории памяти (*memory studies*) были предложены немецким культурологом Я. Ассманом, и заключаются они в том, что историческая память подвергается постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности и благодаря социальной активности современников.

Как писал Я. Ассман, «прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества»¹. Таким образом, представление о прошлом перестает быть неизменным, а понятия «историческая память» (представление о прошлом) и «история» (прошлое) не синонимичны.

Поскольку в социальных и гуманитарных науках терминология является предметом дискуссий, прежде всего следует объяснить, какое значение из множества используемых и дискутируемых вкладывается автором в понятие «историческая память». Мы соглашаемся с пониманием исторической памяти как совокупности научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом.

Историческая память является сложным социокультурным феноменом, связанным с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно выступает как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях². А. Ластовский предлагает для аналитических целей выделить нескольких уровней исторической памяти, которые в социальной практике взаимосвязаны:

¹ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50.

² См.: Репина Л. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. С. 4–6.

набор описаний, идей и образов прошлого, формирующийся властным дискурсом; коллективные обыденные (фрагментарные и противоречивые) представления о прошлом; индивидуальная память, которая социально опосредована и соединяет индивида с социальной стратой³.

И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь, как в целом в странах Центральной и Восточной Европы, произошло «возвращение к истории». История оказалась мобилизована на службу национальному единству, т. е. все эти страны оказались на этапе «национализации истории», которые Западная Европа прошла в XIX веке⁴. Это привело к актуализации прошлого, повышенному вниманию к истории и ее активной политизации⁵.

Согласно социологическим опросам роль знания о прошлом в конструировании собственной идентичности россиян чрезвычайно велика. На вопрос: «Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о собственном народе» – 48% респондентов выбрали ответ: «Наше прошлое, наша история»⁶. Среди деятелей прошлого на первый план возвращается Сталин, с именем которого россияне связывают образ Советского Союза как «сверхдержавы». Если в 1989 г. рейтинг Сталина в перечне величайших исторических личностей был 12% (Ленин – 72%, Петр I – 38, Пушкин – 25), то в 2012 г. он оказался на первом месте – 49⁷.

На вопрос, были ли оправданы жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайший срок, положительный ответ дали 45% опрошенных в 2015 г. (в 2012 г. – 25%). Возросло и количество тех, кто считает смерть Сталина «утратой великого вождя и учителя»: если в 2010–2013 гг. так отвечали 18–19%, то в 2015 г. – 24⁸.

³ См.: Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 88–89.

⁴ См.: Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>

⁵ См., напр.: Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011; Историческая политика в XXI веке: сб. статей. М., 2012.

⁶ См.: Левинсон А. Архив и простота. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/le4-pr.html>

⁷ См.: Социологи порассуждали над загадкой Сталина в связи с годовщиной смерти – и «кровавый тиран», и «мудрый вождь». URL: <http://www.levada.ru/old/04-03-2013/sotsiologi-porassuzhdali-nad-zagadkoi-stalina-v-svyazi-s-godovshchinoi-smerti-i-krovavyyi->

⁸ Социологи зафиксировали рост популярности Сталина среди российских граждан. URL: <http://www.newsru.com/russia/31mar2015/stalinopros.html>

«Сталин скорее жив, чем мертв», – сделали вывод эксперты Фонда Карнеги⁹. Тема апрельского (2015 г.) номера журнала «Огонек» была сформулирована еще жестче – «Убийственно живой». Редакция отмечала упорные попытки вернуть имя Сталина и на улицы, и в учебники¹⁰. Итальянская исследовательница М. Ферретти в статье «Россия и сталинизм. Расстройство памяти» пишет о том, что «завороженность сталинизмом выдает сильнейшее давление прошлого, которое не хочет уходить в прошлое»¹¹.

При этом россияне знают о преступлениях Сталина. Более 40% в ходе опроса заявили, что при Сталине были уничтожены миллионы и десятки миллионов людей. Отвечая на вопрос: «С чем у вас лично связывается смерть Сталина?», 55% выбрали ответ: «Прекращение террора и массовых репрессий, освобождение из тюрем миллионов невинных людей»¹².

Возникает вопрос, почему при этом знании Сталин стал *persona grata* для россиян? Возрождение культа Сталина не случайно, мы связываем его с комплексом причин. Одна из важнейших заключается в том, что имя Сталина связывают с победой в Великой Отечественной войне – с тем историческим символом, отношение к которому объединяет практически все российское общество.

Не менее важен еще один аспект истории памяти, который ассоциирует имя Сталина с представлением о «величии советской страны». Либеральные принципы, популярные среди российских элит и общества в целом в первые годы после распада Советского Союза, оказались отвергнутыми в сегодняшней России. В современном российском дискурсе преобладает имперское сознание и самыми популярными персонами прошлого становятся исторические фигуры, соответствующие имперской идее. Экстраполируя сегодняшнее положение России в мире на советское прошлое, респонденты в первую очередь ориентируются на символы державного престижа и оценивают сталинский период как время наибольшего могущества советского (российского) государства.

«Сталинский СССР был сильным государством, его боялись. В глазах людей, воспитанных советским временем, страх – синоним

⁹ Социологи порассуждали над загадкой Сталина... URL: <http://www.levada.ru/old/04-03-2013/sotsiologi-porassuzhdali-nad-zagadkoi-stalina-v-svyazi-s-godovshchinoi-smerti-i-krovavyi->

¹⁰ См.: Огонек. 2015. № 13. С. 16.

¹¹ Ferretti M. Memory Disorder. Russia and Stalinism // Russian Politics and Law. 2003. Vol. 41. № 6: Nov.–Dec. P. 43.

¹² Сталин и мы: почему половина россиян до сих пор верят в вождя. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/30/01/2015/54cb37799a7947c335dca175>

уважения»¹³. Сегодняшняя российская внешняя политика, поддерживаемая большинством российских граждан, как и «при Сталине», базируется на силе, и в этой ситуации Сталин естественно оценивается как образец государственного лидера. Б. Дубин на основе анализа опросов общественного мнения показал, что с середины 1990-х гг. более половины россиян признали страны Запада «противниками России, которые стремятся решить свои проблемы за ее счет и при удобном случае нанести вред ее интересам», а западная культура, по их мнению, «оказывает отрицательное влияние на положение дел в России»¹⁴.

Поскольку отношение к Западу и «западному образу жизни» в России становится все более негативным, представление о «советском образе жизни» как об образцовом начинает превалировать у россиян. Таким образом, изменение отношения к Сталину как символу советской эпохи тесно связано и с изменением отношения к самой эпохе. Значимым фактором этого процесса является «историческая политика» современной России. Понятию «историческая политика» мы придаем значение набора практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие¹⁵.

Сегодняшняя российская историческая политика направлена на замену «травматической версии» отечественной истории, т. е. представления об истории как о цепи травм или одной сплошной травме. Основным способом преодоления травмирующего опыта является создание исторического нарратива, посредством которого прошлый опыт оформляется в определенную целостность, где события приобретают смысл¹⁶.

Новая российская версия «героической истории» строится, как и любая нациеобразующая версия истории, не столько на реальных событиях прошлого, сколько на исторических мифах. «Миф» мы рассматриваем как обобщенное представление о действительности, сочетающее в себе нравственные и эстетические установки, соединяющее реальность с мистикой. Это всегда представление в значи-

¹³ Христофоров В. Трагедия сталинизма не осознана до сих пор. URL: <http://www.mn.ru/society/rights/77553>

¹⁴ Чернявский Г. Российская сталиниана конца XX – начала XXI века. URL: <http://kackad.com/kackad/?p=7577>

¹⁵ См.: Миллер А. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.

¹⁶ См.: Репина Л. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. С. 15.

тельной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывает большое воздействие на массовое сознание¹⁷.

По мнению А. Святославского, «Сталин сегодня стал едва ли не самой яркой иллюстрацией того разрыва между реальным историческим лицом и его представлением в культурном поле, который и является предметом *memory studies*. Грубо говоря, сегодня каждый волен творить из Сталина то, что хочет»¹⁸. Используя выражение редакции журнала «Ab Imperio» мы можем говорить об использовании в современной исторической политике сталинизма в «лубочно-упрощенном изображении»¹⁹.

Л. Гудков отмечал, что дело не в Сталине, а в мифе о сильном вожде, эффективном управляющем, генералиссимусе. По его мнению, в России ведется целенаправленная кампания по оправданию Сталина, «постоянная, тихая реабилитация»²⁰. Компенсаторная самоидентификация с советским прошлым, отмечается в редакционной статье «Ab Imperio», предполагает не просто прославление могущества былых времен, но и отчаянную защиту «чести и достоинства» старого режима. В этом заключается важное отличие от аналогичных случаев приступов национальной гордости у других: речь в современной России больше не идет лишь о «славном прошлом»; оно актуализируется в современном политическом дискурсе и начинает диктовать логику поведения²¹.

В контексте этого мнения представляется интересным сравнить отношение к «сталинскому мифу» в России с ситуацией в других постсоветских независимых государствах. Ситуация на Украине была прокомментирована директором социологической службы «Украинский барометр» В. Небоженко, который отметил, что «в стране не проводятся подобные исследования, поскольку стали-

¹⁷ См.: Конорев С. Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 332.

¹⁸ Святославский А. Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 291.

¹⁹ «Суверенная демократия» и конец истории // Ab Imperio. 2009. № 3. С. 355.

²⁰ Сталин с нами? // <http://www.levada.ru/2015/04/09/stalin-s-nami/>

Детальный анализ отношения россиян к «сталинскому мифу» сделан Л. Гудковым в статье Амнезия или стерилизация большого прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 6–20.

²¹ См.: «Суверенная демократия» и конец истории... С. 349.

низм и ленинизм воспринимаются либо как ушедшее прошлое, либо как часть российской идеологии»²².

В 2012 г. Фонд Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*) заказал социологический опрос на тему «Восприятие Сталина» в России, Армении, Азербайджане и Грузии. Респондентам во всех странах задавались одинаковые вопросы. В результате был сделан вывод о том, что быстрее всего вытесняется память о Сталине в Азербайджане. В Армении было отмечено в целом негативное отношение к образу Сталина, в Грузии – позитивное²³.

К сожалению, российских социологов не заинтересовала ситуация в Беларуси, а данные белорусских исследователей, вероятно, не попали в поле внимания россиян. Поэтому в научных публикациях можно встретить чрезвычайно спорные утверждения об отношении к Сталину, точнее, к «сталинскому мифу», в современной Беларуси. Например, А. Святославский пишет, что, по его собственным наблюдениям, «в ряде бывших республик СССР (Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан) образ Сталина нередко увязан с удачной национальной (как ее называли тогда) политикой²⁴».

Впрочем, искаженные представления о Беларуси как о некоем «коммунистическом заповеднике» продолжают преобладать и среди западных исследователей. Так, по мнению немецкого историка С. Требста, Беларусь относится к государствам с тем типом культуры памяти, где «авторитарно властвующие элиты открыто опираются на коммунистическую модель и даже заявляют, что за ней будущее»²⁵. Если говорить о некоей замороженности сознания, то, с нашей точки зрения, она в большей степени присуща не белорусскому социуму, а научному сообществу.

Анализируя специальный номер белорусского журнала «Архэ», посвященный проблемам исторической памяти и исторической политики в Беларуси, А. Братачкин отмечает, что в Беларуси проводится мало социологических исследований, сфокусированных на

²² Украина снимает Ленина. Россия славит Сталина. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26954751.html>

²³ См.: Сталин с нами? URL: <http://www.levada.ru/2015/04/09/stalin-s-nami/>

²⁴ Святославский А. Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012. С. 302.

²⁵ Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 55.

проблеме исторической памяти и исторической политики, недостаточно исследована «коллективная память» белорусов²⁶. Коллективная память формируется как сложное взаимодействие воспоминаний и стереотипов сознания. Культура памяти слабо восприимчива к неадаптированным для широкой аудитории результатам академическим исследованиям, в том числе историческим, она является, прежде всего, продуктом исторической политики.

Историческая политика современной Беларуси находится в процессе формирования. И белорусская власть, и белорусское общество не могут четко определить свое положение между Востоком и Западом, между Россией и Европой. По мнению белорусского историка В. Шадурского, в республике «не сложился консенсус в коллективной исторической памяти, не найдена оптимальная модель сосуществования двух государственных языков. Белорусская нация остается еще слабо консолидированной, разделенной на несколько крупных групп идентичности с неустойчивыми границами»²⁷. Автор, на основе анализа политической трансформации белорусского государства, выделил три этапа развития исторической политики Республики Беларусь: конец 1980 – май 1995 г. (попытка строить белорусскую идентичность на этнической основе); май 1995 – начало 2000-х гг. (курс на создание Союзного государства Беларуси и России); начало 2000-х – до настоящего времени (укрепление суверенитета Беларуси путем реализации многовекторной политики и формирование независимой политической идентичности белорусских граждан)²⁸.

Результаты социологических опросов показывают специфику исторической памяти о Сталине и сталинизме в Беларуси. По данным Института социологии НАН Беларуси (2008 г.), положительно оценивали роль Сталина в истории Беларуси 8% опрошенных, противоречиво – 27, отрицательно – 44, затруднились с ответом – 21. Аналогичные позиции по опросу «Евразийского монитора» (2009 г.) составили соответственно 19% (положительно), 18 (противоречиво), 55 (отрицательно) и 9 (затруднились с ответом)²⁹. По данным Неза-

²⁶ См.: Братачкин А. «АРХЭ 2/2013»: Проблемы исторической памяти и исторической политики. URL: <http://palityka.org/2013/09/arxe22013problemyistoricheskoyepamyatiiistoricheskopolitiki/>

²⁷ Шадурский В. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого // Труды факультета международных отношений: науч. сб. Вып. 5. Минск, 2014. С. 22.

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ См.: Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 96.

висимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), средняя оценка Сталина по пятибалльной шкале в 2009 г. составила 2,63³⁰, а число респондентов, для которых «образ Сталина» соответствует «идеалу политика», сократилось за 1996–2012 гг. с 10,8 до 3,9%³¹.

Политические деятели прошлого вообще не пользуются особой популярностью у белорусов. Самые позитивные оценки получила деятельность исторических личностей, которые занимались культурно-просветительской деятельностью. Наиболее позитивно население Беларуси воспринимает вклад в историю нашей страны выдающихся просветителей Франциска Скорины (85%) и Ефросиньи Полоцкой (84%)³².

Историческая память как измерение социальной памяти отразилась в формировании различных пантеонов национальных героев и антигероев в Республике Беларусь и Российской Федерации. Получение государствами независимости не повлекло за собой немедленной консолидации граждан в единые белорусскую и российскую нации. После распада Советского Союза от интеллектуальных элит и государств потребовалась выработка стратегии строительства нации и национальной идентичности, целенаправленные усилия для реализации поставленной задачи.

При многих общих чертах процесса в обоих государствах различие в современном российском и белорусском нациестроительстве заключается в отношении к оценке степени гетерогенности (или гомогенности) постсоветского пространства. В Российской Федерации базой исторической политики, обосновывающей роль и место России в новой геополитической ситуации, стал «имперский проект», в который был вписан и советский период истории, и «сталинский миф» как одна из важнейших составляющих этого периода.

В Республике Беларусь сформировался свой исторический нарратив, базирующийся на достаточно сложной комбинации представлений о национальной, европейской и российской (советской) истории, на выборе новых исторических мифов и исторических персон, соответствующих этим мифам. Советская история и ее сталинский период во все большей степени воспринимаются как имперская история и отходят на второй план по сравнению с национальной историей и культурой, их мифами, символами, памятью. В современной Беларуси значимость советской идентичности постепенно уменьшается, уступая место европейской.

³⁰ См.: Новости НИСЭПИ. 2009. Вып. 4 (54). С. 31.

³¹ См.: Белорусский пантеон. URL: <http://www.iiseps.org/?p=2876>

³² См.: Ластовский А. Указ. соч. С. 98.

*В.В. Тихонов*¹

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА» В КОРПОРАТИВНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Корпоративная память играет важнейшую функцию в формировании профессиональной идентичности. Образы классиков профессии, ее отцов-основателей, легенды об их деятельности, интерпретация событий, оказавших определяющее влияние на историю сообщества, и т. д. являются необходимым элементом самовоспроизводства среды, развития ее самосознания, приобщения неофитов к сложившейся системе ценностей. Относительно быстрая институционализация такого направления, как историографические исследования, становится понятной и объяснимой не только с точки зрения нужд научно-исследовательского поиска, но и с точки зрения потребностей самого сообщества историков в корпоративной памяти. Если историю принято рассматривать как самосознание общества, то историография – это самосознание профессионального корпуса историков.

Память об идеологических кампаниях последнего сталинского десятилетия – в первую очередь, речь идет о кампаниях борьбы против «буржуазного объективизма» (1948 г.) и «космополитизма» (1949 г.) – занимает уникальное положение в воспоминаниях о советском периоде развития отечественной исторической науки. С одной стороны, нельзя сказать, что память об этих событиях гипертрофированно актуализирована и до сих пор играет ключевую роль во внутренней жизни российского научно-исторического сообщества. Но, с другой стороны, говорить о полном забвении также не приходится. Классики *memory studies* всегда подчеркивали, что индивидуальная память тесно переплетена с социальной². Несмотря на то, что индиви-

¹ Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, tihonovvitaliy@list.ru

² Например: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16–50. Обзор см.: Репи-

дуальная память никогда не подавляется коллективной полностью, все же ее трансформация под влиянием среды более чем очевидна. Это справедливо и в данном случае. Особенностью воспоминаний о кампаниях является то, что они оказывались долгое время вне научного дискурса, а оставались в форме живой памяти.

Пожалуй, единственной работой, анализирующей особенности корпоративных воспоминаний о событиях 1940-х гг., является монография О. Каппеса. Исследователь подчеркивает стремление общества историков к глорификации своего прошлого и замалчиванию неудобных фактов. В первую очередь О. Каппес связывает этот феномен с желанием поколения, сформировавшегося именно в годы послевоенных идеологических кампаний, сохранить свой символический капитал, в том числе и моральный³. Представляется, что этот вывод верен лишь отчасти. Дело в том, что в формировании «позитивного нарратива» самое активное участие принимали и те историки, которые не получали видимых дивидендов от поддержания коллективного мифа. Младшие поколения, в том числе и постсоветские, также внесли свою лепту. Главной причиной, как мне кажется, является стремление к поддержанию мифа об учителях. Под этим мифом понимается формирование и поддержание образов историков, ставших классиками в своем направлении исследований. Сложившиеся научные традиции, а также этос следования им, активно внедряемый в отечественной исторической науке начиная с университетской скамьи, приводит к формированию устойчивого канона описания истории исторической науки. Его обязательной составляющей являются, во-первых, рассказ о служении науке как основе жизни ученого, а во-вторых, демонстрация духовного единства корпорации историков. В данном случае страсти, кипевшие в ходе идеологических погромов последнего сталинского десятилетия, в канон явно не вписываются. Не стоит сбрасывать со счетов и кланово-сетевую структуру отечественного сообщества историков, где поддержание мифа об учителях важно для сохранения символического капитала целой группы ученых, входящих в сеть-клан, в свою очередь генетически восходящий

на Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. Глава 10; Эксле От. Г. «История памяти» – новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня. Теория. Методы. Перспективы. М., 2010. С. 75–90; Киридон А.Н. «Memory studies» как парадигма современного социально-гуманитарного знания // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М., 2014. С. 157–166; и мн. др.

³ Каппес О. «Воинственная» наука: проработка диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М., 2015.

к отцу(ам)-основателю, оказавшемуся причастным к послевоенным идеологическим кампаниям.

Спецификой идеологических кампаний «позднего сталинизма» стало то, что они охватили всех без исключения профессиональных историков. А.Я. Гуревич писал о «грехопадении» московских медиевистов⁴. Думается, что эту метафору можно перенести на все сообщество, вне зависимости от научной специализации ее членов. «Грехопадение» было вынужденным, но оттого не менее удручающим. «Академическое дело» начала 1930-х гг. коснулось только небольшой (пусть и наиболее авторитетной) части историков, буря 1937 г. смела многих историков-учеников М.Н. Покровского. Но эти события, во-первых, были значительно удалены во времени от советского сообщества историков (думаю, что оно окончательно сформировалось только в послевоенное время), а во-вторых, касались отдельных групп, а не всей корпорации. Более того, уничтоженные физически или до смерти запуганные жертвы не могли стать носителями памяти об этих событиях. Истории о страшных 1930-х гг. существовали в среде в основном в межличностном пространстве: их рассказывали ученикам и коллегам. Иногда намеки проскальзывали и в научных публикациях, но опять-таки это было для посвященных, способных эти намеки понять. О 1930-х гг. многие знали, их учитывали в объяснении биографий историков, но поколение, пережившее лихое десятилетие, в 1950–1960-е гг. уже сходило с научной сцены. Сходило почти в полном молчании, практически не оставив мемуаров, тем более честных, и поэтому память об этих событиях не стала слишком болезненной.

Иначе было с кампаниями. Их жертв и участников не смела очередная волна репрессий, поскольку режим перешел на новый качественный уровень, а гарантия физической безопасности в обмен на лояльность стала одной из его достижений. Благодаря этому осталась среда, способная сохранить (пусть и в «законсервированном» виде) живую (коммуникативную) память о кампаниях, ее антигероях, героях и простых участниках.

В советское время писать или публично вспоминать о кампаниях было невозможно не только из-за лакировки советского прошлого и умолчания репрессивной роли партии. Иногда упоминания об антикосмополитической кампании глухо звучали. Например, их можно обнаружить в мемуарах Н.М. Дружинина «Воспоминания и мысли историка», выдержавших два издания (1967 и 1979 гг.). «Негативные» тенденции вскользь указывались и связывались с культом лич-

⁴ Гуревич А.Я. Грехопадение московских медиевистов: дискуссия 1949 г. и ее последствия // Одиссей: Человек в истории. 2007. М., 2007.

ности Сталина⁵. В годы, когда «оттепельные» процессы еще не были заморожены, такое было возможно.

Была и другая, возможно не менее важная причина, чем цензурные ограничения. Память об идеологических погромах мешала формированию у историков советской идентичности. Официально подчеркивалось, что советская историческая наука развивалась поступательно, осваивая наследие классиков марксизма-ленинизма и следуя направляющим указаниям партии. Кроме того, всячески превозносилось единство советских историков, их моральная монолитность. О какой монолитности можно было говорить в годы борьбы с космополитами или после? Несмотря на осуждение культа личности Сталина, иррациональные по своей сути кампании явно не вписывались в эту схему. Наоборот, они наглядно демонстрировали, насколько развитие советской науки было неоднозначным и извилистым. О них предпочитали не вспоминать.

О «грехопадении» советских историков молчали не только из-за цензурного давления. Это еще был и вопрос личной репутации. По свидетельству Ю.В. Борисова (кстати, свидетеля и участника погромов), А.З. Манфред говорил ему: «Придет время и мы с чувством горечи и стыда будем вспоминать то, что сейчас происходит»⁶. Многие просто не хотели вспоминать, как начиналась их карьера. Еще одна причина заключалась в вероятном разрушении фактами из истории послевоенных идеологических кампаний ключевого для любой научной корпорации мифа об учителях. С какой стороны ни посмотри – классики оказывались отнюдь не в выигрышном свете. Одни были гонителями, другие проявили себя отнюдь не героически. Об этих событиях хотелось скорее забыть, вытеснив их из памяти, минимизируя тем самым травмирующий эффект для всей корпорации. Учителя должны были внушать почтение, а не вызывать чувство сожаления или даже отвращения.

Наиболее активные в годы кампаний А.Л. Сидоров, В.И. Шунков и Н.А. Сидорова к тому времени уже ушли из жизни, но они стали (в первую очередь, А.Л. Сидоров) основателями собственных школ. Например, ученики Сидорова, особенно К.Н. Тарновский, сыграли решающую роль в создании посмертного образа Сидорова как новатора и ученого без страха и упрека. Естественно, что места антисемитским погромам в этом образе не находилось. С фигурой Сидорова

⁵ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка // Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 41.

⁶ Борисов Ю.В. Альберт Захарович Манфред // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.-Иерусалим, 2000. С. 405.

прочно ассоциировалось и «новое направление» в советской исторической науке в 1960-х гг. Несмотря на разгром «новонаправленцев» в 1970-е гг., уже к 1980–1990-м гг. его участники вновь заняли ключевые позиции в науке. Это создало ситуацию, когда для поддержания легенды о «новом направлении» требовалась и позитивная оценка ее отца-основателя Сидорова.

Несмотря ни на что, рассказы о кампаниях сохранялись не только в кругу непосредственных участников, но и, скорее всего, имели хождение в среде исследователей прошлого. Об этом свидетельствуют дневники Н.Я. Эйдельмана. Так, он зафиксировал ставший легендой эпизод (бывший в реальности) с Н.М. Дружининым, который в ходе кампании борьбы с объективизмом начал критиковать не своих коллег, а П.Я. Чаадаева. «История с академиком Дружининым – статья против книги Чаадаева в журнале “Коммунист” 1949 г.: во время космополитизма полагалось долбать “своих” космополитов. Дружинин нашел блестящий выход и долбал Чаадаева», – записал 8 сентября 1966 г. историк⁷. История стала легендарной и, видимо, пользовалась определенной популярностью среди историков как пример сопротивления злу ненасилием. Здесь важно подчеркнуть, что уже в то время можно увидеть героизацию любых форм сопротивления в ходе идеологических погромов. Любопытно отметить и тот факт, что в общественном сознании антиобъективистская и антикосмополитическая кампании фактически слились в одну. На самом деле Н.М. Дружинин выступил с критикой П.Я. Чаадаева в ходе заседания против «буржуазных объективистов».

Заметным событием в актуализации и формировании знаний о кампаниях стала публикация воспоминаний А.М. Некрича «Отрешись от страха» (Лондон, 1979), где этим событиям отведено много места. Эмигрировавший автор мог себе позволить резко и беспощадно писать о живых участниках событий, несмотря на их регалии и положение в советской научной и административной иерархии. В форме «тамиздата» воспоминания дошли и до СССР. В дневнике (запись от 21 апреля 1982 г.) историка и литературоведа А.В. Ратнера зафиксирован эпизод знакомства с книгой и впечатление, которое производит описание поведения в условиях кампании борьбы с космополитами историков, ставших для него классиками советской науки и все еще занимающих ведущие административные позиции⁸.

Особое положение в мемуарной литературе советского времени занимают воспоминания и заметки А.А. Зимины, объединенные в

⁷ Эйдельман Ю. Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 38.

⁸ Конспект времени: Труды и дни Александра Ратнера. М., 2007. С. 91–92.

книгу «Храм науки», первая версия которой была написана в 1974 г. (вторая – в 1976 г.⁹). Ее особенность заключается в том, что из-за острых личностных оценок на издание книги автором был наложен мораторий в 20 лет после его кончины. Зимин умер в 1980 г., и формально мораторий кончился в 2000 г., но в реальности издание вышло только в 2015 г., а его публикация сопровождалась рядом скандалов. Идеологическим кампаниям в книге отведено важное, хотя и не центральное место. Зимин был их непосредственным свидетелем, и даже, как выясняется из мемуаров, стал автором отчета об антикосмополитическом заседании в Институте истории в 1949 г., написанного совместно с В.Т. Пашуто¹⁰. Для историка идеологические кампании являются обстоятельствами, в которых проявились истинные качества представителей поколения его учителей. Одни оказались невинными жертвами, чьи последние годы были омрачены очередными гонениями, другие делали на этом карьеру. Одни проявили свои лучшие человеческие качества, другие наоборот. Но для Зимины гораздо важнее то, как идеологические кампании отразились на историках его поколения. Он подробно описывает, как послевоенные годы для многих ведущих руководителей исторической науки стали первым этапом в карьерном взлете на волне идеологических кампаний. Но карьерный взлет стал причиной морального падения. Яркими примерами этого были Б.А. Рыбаков и В.Т. Пашуто.

Наиболее драматично описана судьба Л.В. Черепнина, который, несмотря на многочисленные жизненные препятствия, подготовил блестящую книгу «Феодальные архивы XIV–XV вв.» (М.; Л., 1948–1951). Но стремление войти в истеблишмент советской исторической науки стало причиной вовлечения ученого в кампании в качестве не только в качестве жертвы (что также было), но и добровольного помощника власти. Именно с этого началось, по мнению Зимины, «грехопадение» Черепнина, постепенно приведшее к стремлению следовать конъюнктуре и, в конце концов, увяданию таланта¹¹.

Спецификой мемуаров Зимины является оценка историков с точки зрения их моральных качеств и следования этосу служения, идущего от русской дореволюционной интеллигенции. Для него иде-

⁹ Хорошкевич А.Л. Работа души и работа над стилем: история текста публикуемой рукописи А.А. Зимины «Храм науки» // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 30.

¹⁰ Зимин А.А. Храм науки // Там же. С. 226.

¹¹ Зимин А.А. Храм науки. Глава: Такой большой и несчастный Лев. С. 168–186.

ологические кампании – один из примеров общей деградации исторической науки и среды историков.

Таким образом, память о кампаниях продолжительное время существовала в латентной форме. Ее актуализация происходит в 1990-е гг. Именно в это время начинает появляться череда публикаций воспоминаний историков поколения 1930-х гг. и послевоенного времени. Советское время теперь представлялось как эпоха тоталитаризма. В связи в этом популярной становится формула «таким было время», быстро ставшая универсальной и позволяющая оправдать практически любые поступки. В воспоминаниях, пока эпизодически, появляются сюжеты, связанные с кампаниями.

В рамках мифа об учителях начинает даже формироваться своеобразный героический дискурс, акцентирующий мужественное поведение в ходе проработок, выражающееся в отказе критиковать других. Интересно, что даже А.Л. Сидоров представлялся человеком, всячески боровшимся с антисемитизмом и спасавшим исторический факультет от погромов. Такую версию, например, находим в воспоминаниях А.С. Черняева: «Старый партиец, битый и в 20-х, и в 30-х годах, крутой и громогласный, он не предал интернационалистских убеждений большевистской молодости. Многих спас и для исторической науки, и для гуманитарных факультетов университета. Человек с характером, рискованный, “останавливал” своей большой авторитетной фигурой ретивых райкомовцев и горкомовцев, не говоря уже о местных “антисемитах”»¹². Конечно же, молодой историк, каким был тогда автор мемуаров, многим был обязан могущественному проректору. Это, должно быть, сыграло роль в его оценке деятельности А.Л. Сидорова.

В 1990-е гг. формируется и устанавливается моральная оценка послевоенных событий как «постыдной страницы» истории советского общества и исторической науки. Такой вердикт звучит в текстах Ю.А. Полякова¹³. А.Я. Гуревич оценивает кампанию в воспоминаниях 1992 г. как «омерзительные события»¹⁴. Правда, между двумя мемуаристами есть и существенная разница: если Поляков, скорее, делает акцент на вынужденном участии историков в кампаниях, то Гуревич безапелляционно осуждает активных участников как пособников.

¹² Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 205.

¹³ Поляков Ю.А. Это называлось борьбой с космополитизмом (1949 г.) // Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 315.

¹⁴ Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 457. Первая публикация мемуаров: Одиссей. Человек в истории. М., 1992. С. 81–109.

Немаловажная деталь. В издании своих мемуаров 2011-го г., Ю.А. Поляков, описывая события антикосмополитической кампании, обращается к отчету, опубликованному в журнале «Вопросы истории». В других главах ничего подобного мы не находим. Там мемуарист твердо уверен в своей памяти, и вспомогательные средства ему больше не требуются. Почему нельзя было положиться на воспоминания и здесь предложить личностную версию событий? Можно, конечно, предположить, что автор стремился максимально документировать свои мемуары. Но на это есть уже озвученный контраргумент: почему он не делает это в других местах? Ответ, думается, в следующем. Тема идеологических погромов периода «позднего сталинизма» щекотлива и актуальна до сих пор именно в силу того, что живы и некоторые ее участники, и тем более их ученики. Через горнило кампании прошли многие из тех, кто стал гордостью отечественной науки. Ю.А. Поляков, видимо, считал целесообразным представить версию событий, уже изложенную в широко известной журнальной публикации, сдобрив ее оценочными суждениями и некоторыми личными воспоминаниями, и тем самым избежать ненужных скандалов и обвинений в искажении биографий покойных классиков и современников. Хотя академический статус Ю.А. Полякова, казалось бы, позволял ему многое.

Особенно бурно дискуссии об общем прошлом прошли в среде медиевистов, вылившись в «войну мемуаров». В принципе, «мемуарные войны» историков следует рассматривать как часть аналогичного процесса в современной России¹⁵. Менее масштабные войны памяти прошли вокруг истории Историко-архивного института¹⁶.

Переходное время, потребовавшее переосмысления собственного прошлого, свобода слова, борьба разных политических точек зрения – все это и послужило причиной активизации «войн памяти» и борьбы разных версий. По мнению Ю.П. Зарецкого, «эта полемика мемуаристов вполне может быть осмыслена в рамках понятия “присвоения прошлого” – с человеческой точки зрения понятного стремления убедить читателя, что именно мое видение этого прошлого является истинным, т.е. непредвзятым, “объективным”»¹⁷.

¹⁵ Кабанов В.В. Мемуары // Источниковедение новейшей истории России. Теория. Методология. Практика. М., 2004. С. 316.

¹⁶ Илизаров Б.С. Размышления о судьбе Историко-архивного института, навеянные книгой Т.И. Хорхординой «Корни и крона» // Отечественные архивы. 1998. № 1. С. 104–107; Крылов В.В. Легенды и были Историко-архивного института. По поводу размышлений Б.С. Илизарова // Отечественные архивы. 1998. № 3. С. 125–126.

¹⁷ Зарецкий Ю.П. 1949 год, Москва, собрание медиевистов // Зарецкий Ю. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 96.

В 2001 г. были опубликованы мемуары Е.В. Гутновой, написанные еще в советское время. А.Я. Гуревич, претендовавший если не на главного творца общепринятой (или самой распространенной) версии истории корпорации, то, во всяком случае, громко требовавшего, чтобы его услышали, выступил резко против ее версии событий. Особенностью положения Гуревича по сравнению с другими представителями сообщества стало то, что над ним не довлел миф об учителях. Более того, он прямо заявлял, что давно порвал с наследием своего учителя А.И. Неусыхина¹⁸. Это освобождало его от необходимости писать о нем либо хорошо, либо ничего. Играло свою роль и то, что медиевист оказался на долгое время вне корпорации (из-за сложных отношений с кафедрой истории средних веков МГУ и сектором средних веков Института истории АН СССР), а это не способствовало установлению тесных межличностных связей в сложившейся среде, а следовательно корпоративная этика не довлела при выборе и озвучивании позиции.

Если в общей оценке эпохи и ее событийного ряда можно констатировать единодушие как Гуревича, так и Гутновой, то в определении роли конкретных людей (Н.А. Сидоровой, А.И. Данилова) их позиции резко расходились. «Война мемуаров» быстро превратилась в «войну памяти», вовлекая в этот процесс практически все небольшое сообщество отечественных медиевистов. Можно было наблюдать, как уходящее поколение яростно боролось за свою версию истории науки, стараясь оставить, в отличие от своих предшественников, как можно больше воспоминаний. Публикации и многочисленные интервью – наглядное тому свидетельство и памятник¹⁹.

Все это показало, что травмирующий эффект, вызванный участием в общем «грехопадении», продолжает существовать и, более того, оказывать определенное влияние на жизнь сообщества историков. Тем не менее 1990–2000-е гг. характеризуются тем, что оценки идеологических кампаний и их влияния на историческую науку, наконец-то, выходят из состояния приглушенной корпоративной памяти и становятся предметом научного, основанного на привлечении архивных документов, осмысления. Практически ушло поколение, помнящее те события и даже принимавшее в них участие. Все это должно добавить объективности в понимании той драматической эпохи.

¹⁸ Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка. С. 457.

¹⁹ Зарецкий Ю. П. Указ. соч. С. 96.

Р. Чепайтене

«КАМЕШЕК В САПОГЕ»: ВИЛЬНЮССКИЙ ЗЕЛЕНый МОСТ КАК КВИНТЭССЕНЦИЯ ПРОБЛЕМ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ ЛИТОВСКОГО ОБЩЕСТВА

Соцреалистические статуи на вильнюсском Зеленом мосту как яркие репрезентанты советской идеологии и образцовые примеры эстетики «сталинского ампира» в публичном пространстве литовской столицы дожили свои последние дни. Решением новоизбранного муниципального совета в июле 2015 г. они были сняты под предлогом «аварийного состояния, создающего опасность прохожим». Пока статуи хранятся на территории одного из муниципальных учреждений. Их будущее неизвестно.

Но до сих пор в литовском обществе не утихают яркие споры по поводу того, являются ли статуи почитаемыми объектами национального культурного наследия или ненавистными материальными свидетелями былого чуждого режима и осужденной коммунистической идеологии? Более того, в марте 2016 г. единогласным (!) решением Комиссии по оценке культурных ценностей (КОКЦ) при Департаменте культурного наследия нового состава скульптуры были лишены и статуса культурной ценности местного значения, который имели с 1997 г.

Этот вопрос до того однажды уже поднимался. В начале 2015 г. КОКЦ прежнего состава абсолютным большинством голосов оставила скульптурам охранческий статус объекта культурного наследия. Но, несмотря на то что в той Комиссии работали признанные специалисты по охране культурных ценностей, искусствоведы и архитекторы-реставраторы высокой квалификации, пресса сразу же набросилась на них, обвиняя в антипатриотизме, в ностальгии по советскому и прочее, что, мягко говоря, напомнило сталинскую охоту на «врагов народа»... Более того, в среде специалистов уже тогда ходили позднее подтвердившиеся слухи, что члены нового состава Комиссии набираются не по принципу компетентности и профессионализма, а именно по признаку «правильной» позиции к данной конкретной проблеме.

Выступая по телевидению на следующий день после нового решения КОКЦ, молодой вице-мэр Вильнюса от партии консерваторов Валдас Бенкунскас заявил, что теперь больше не осталось юридических преград для переплава статуй. Будем надеяться, что до того не дойдет, хотя дискуссии, ожесточившиеся вокруг них несколько лет тому назад, никак не утихают¹.

В данной статье делается попытка провести анализ основных сюжетных нитей общественных и экспертных дебатов по поводу сохранения/свержения, ценности/неценности статуй вильнюсского Зеленого моста. Очевидно, что контекстуальные рамки этой полемики выходят далеко за пределы этого конкретного случая. Но в свете (гео)политических изменений последних лет они становятся ярким примером разнопланового отношения постсоветского общества к пережитому недавнему опыту тоталитаризма, как и к современной России, а в руках нынешних политических элит – и очень эффективным средством отвода внимания общественности от до сих пор не решаемых проблем реальной десоветизации политической системы, того факта, что немало бывших членов советской номенклатуры все еще находятся у власти, несмотря на то, к каким политическим партиям они сегодня принадлежат.

Зеленый мост: история и эстетика

Один из старейших в г. Вильнюсе, существующий с эпохи Средних веков Зеленый мост не раз перестраивался и видоизменялся. Предпоследняя его реконструкция проводилась в 1894 г. Мост был подорван отступающими войсками вермахта в 1944 г., а уничтожение его руин закончили уже советские войска. Проект нового моста подготовил Ленинградский институт проектирования «Проектстальконструкция», и в 1952 г. построил инженерный полк Прибалтийского военного округа. Мост воссоздавался в тогдашнем «великом советском монументальном стиле» и был переименован в «Мост Ивана Черняховского» – советского генерала, который руководил освобождением Вильнюса и скоро после этого погиб в сражениях в Восточной Пруссии. Генерал был с почестями похоронен на одной из главных площадей Вильнюса, находящейся неподалеку от моста, а на его мо-

¹ Подробнее об этих дебатах см.: Balockaitė R. The New Culture Wars in Lithuania: Trouble with Soviet Heritage. URL: <http://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debating-20th-century-history/lithuania/the-new-culture-wars-in-lithuania-trouble-with-soviet-heritage/>

гиле воздвигнут памятник, созданный одним из ведущих советских скульпторов – Николаем Томским.

Обромляющие мост четыре скульптурные композиции, изображающие пары рабочих, крестьян, студенческую молодежь и солдат Красной армии, визуальнo олицетворяли собой программу построения коммунизма. Статуи, олицетворяющие юность, идеализм, энтузиазм, героизм, романтику, футуризм и изобилие утопического общества, были созданы известными литовскими скульпторами в эпоху, когда сталинизм в СССР уже подходил к концу, но в недавно реокупированных странах Балтии он только начинал набирать обороты. Трое из семи авторов скульптур Зеленого моста – Иозас Микенас, Бронюс Пундзюс и Петрас Вайвада – уже имели опыт работы в манере соцреализма. В 1946 г., в только что завоеванном и переименованном в г. Калининград немецком г. Кёнигсберге им было поручено создать Памятник Победы Советской Армии.

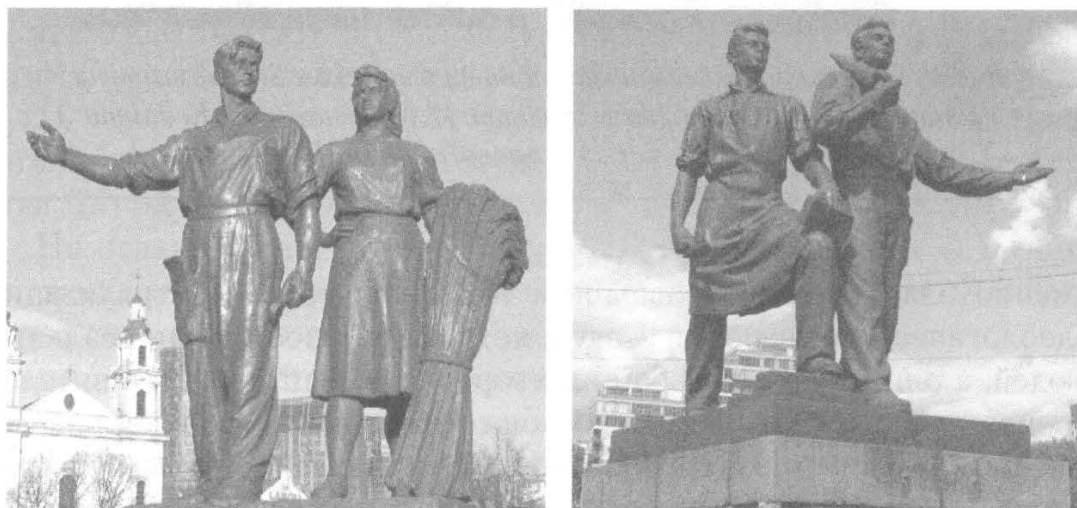

Рис. 1. Скульптурные композиции на вильнюсском Зеленом мосту «Сельское хозяйство» (слева; авт. Б. Бучас и П. Вайвада) и «Промышленность и строительство» (справа; скульпт. Н. Пятрулис и Б. Вишняускас)

Начатая Н. Хрущевым десталинизация в Литве, которая до того подвергалась жестоким репрессиям и бескомпромиссному подавлению инакомыслящих, проходила с явным опозданием и намного умереннее и осторожнее. В контексте медленных социокультурных трансформаций постсталинского общества идеологические смыслы Зеленого моста неизбежно менялись, потеряв при этом нагрузку прямой индоктринации и став, скорее, знаменательным декоративным акцентом советского облика столицы Литовской ССР. Наверное,

*Рис. 2. Скульптурные композиции на вильнюсском Зеленом мосту
«Учащаяся молодежь» (слева; скульпт. И. Микенас и Ю. Кедайнис)
и «На страже мира» (справа; авт. Б. Пундзюс)*

именно благодаря произошедшим тогда процессам нейтрализации идеологического значения статуй, которые не изображали реальных людей, а олицетворяли собой аллегории идеальных представителей процветающего «бесклассового» общества будущего во время распада СССР и десоветизации публичного пространства Литвы, первыми жертвами которой обычно становились символы и атрибуты визуальной пропаганды коммунизма, мост сохранил свой советский вид.

В 1990 г. ему было возвращено историческое название «Зеленый». От сноса статуи тогда явно спас их аллегорический характер, а в 1997 г. они даже приобрели мало кем тогда оспариваемый статус культурной ценности местного значения. Но уже в то время проявятся первые попытки переинтерпретации этого объекта: на пьедесталах статуй были прикреплены таблички, на литовском и английском языках объясняющие исторический контекст создания этого объекта.

Позднее скульптуры не раз послужили и вдохновением для разного рода художественных или общественных акций. Именно художники стали выразителями взгляда той части общества, которая высказывалась за их сохранение на месте. Они попытались придать им новое, неконвенциональное значение и тем самым их переинтерпретировать.

Известный художник Гедиминас Урбонас одним из первых попробовал «притушить» так ненавистные патриотам идеологические «сообщения» статуй. Его произведение 1995 г. «Приходишь и уходишь» – зеркальные кубы, покрывающие головы скульптурной композиции «Сельское хозяйство», – решало вопросы тоталитарного наследия при помощи социально ангажированного художественного языка. Это временное творение стало широко известным и позднее не раз использовалось на обложках художественных каталогов или научных изданий. Другая скульптурная группа – два молодых парня – украсила обложку брошюры, изданной ЛГБТ-сообществом, вызвав этим гнев и протест одного из еще живущих ее авторов... В свою очередь художник Гитенис Умбрасас, известный нестандартными решениями оформления публичных пространств столицы, в 2004 г. украсил склоны набережных рядом с мостом с обеих сторон созданными из живых цветов надписями «Я тебя люблю», «Я тебя тоже», которые с тех пор привлекают внимание туристов, при этом отводя его от статуй.

К Рождеству скульптуры моста иногда даже наряжались шапочками Санта Клауса. Своеобразное «расколдовывание» «сталинского духа» скульптур летом 2014 г. провела еще одна общественная организация, повесив над ними государственный флаг Великого княжества Литовского с гербом Витис и флаг НАТО больших размеров.

Но отнюдь не все попытки диалога «со статуями» были такими дружественными или нейтральными. Они не раз подвергались также нападкам вандалов, особенно композиция, изображающая солдат Советской армии, которые часто обливались красной краской...

Очень удачной попыткой завязать новый диалог со сложным и неудобным прошлым, на мой взгляд, можно считать появившуюся в 2009 г. под мостом скульптуру «Цепь» Кунотаса Вильджюнаса (в соавторстве с Мартинасом Лукошюсом). Произведение это явилось частью более общей программы украшения вильнюсских мостов скульптурными композициями – одного из мероприятий большого международного проекта «Вильнюс – Европейская столица культуры 2009».

Таким образом, кажется, долголетний ценностный конфликт между гражданами, высказывающимися «против» и «за» сохранение статуй на месте, был исчерпан, ничего не уничтожая и не переинтерпретируя, а просто дополняя. Если скульптуры на мосту олицетворяли собой основную черту советской системы – ее «показуху» и фасадизм, то «цепь» отражала действительную ее суть – неволю и порабощение. Поэтому, только будучи вместе, эти художественные объекты раскрывали сущность советского тоталитарного строя и становились красноречивым дидактическим средством как для детей

и молодежи, жителей Вильнюса, так и для иностранных туристов, желающих познать сложную и болезненную историю недавнего прошлого страны и города.

Последней перед сносом статуй попыткой придать мосту новый смысл стал проект архитектора Аудрюса Амбрасаса, предложившего во время Вильнюсского фестиваля стрит-арта в 2014 г. поместить скульптуры в клетки, обрамляя их ажурными конструкциями. Таким образом он реагировал на обострившуюся полемику по поводу культурной ценности статуй, не без дозы иронии предлагая символически, физически не трогая, переместить их в своеобразный музейный контекст и тем самым нейтрализовать их идеологические смыслы. Но проект не получил одобрения городских властей, скорее всего, из-за того, что судьба статуй уже была ими негласно решена.

Статуи в свете «культурных войн»

В постсоветском пространстве страны Балтии с самого начала выделились резкой переориентацией своей внутренней и внешней политики. Они отказались от вступления в СНГ, вышли из зоны рубля, добились вывода со своих территорий советских войск, начали и в 2004 г. успешно завершили переговоры о присоединении к НАТО и Евросоюзу, что указывает на достигнутый желаемый уровень демократизации, чего из всех республик экс-СССР им единственным удалось. Также эти страны, несмотря на их внутренние особенности, выделились уже в начале *восстановления независимости* сложившимся четким и ясным антисоветским (а в последнее время и антироссийским) историческим нарративом, который последовательно утвердился при помощи переинтерпретации новейшей истории государства, кардинальных перемен в сфере просвещения и культурной памяти, наконец, и в самой публичной реторике.

Как известно, началом и импульсом к началу обширного процесса десоветизации стал спонтанный и систематический снос советских идеологических знаков и символов, обильно заполнявших публичное пространство городов и поселков. В связи с тогдашним социополитическим контекстом возникает логический вопрос: почему четыре соцреалистические композиции Зеленого моста, находящиеся в самом центре г. Вильнюса, избежали участи других советских памятников, которые сносились по всей стране в начале 1990-х гг., и в итоге большинство из них оказались по частной инициативе в южной части Литвы, неподалеку от г. Друскининкай, в созданном в 2001 г. Парке Грутас?² И почему такой ожесточенный интерес к ним возник именно

² Подробнее см.: Lankauskas G., *Sensuous (Re) Collections: The Sight and Taste of Socialism at Grūtas Statue Park, Lithuania // The Senses and Society*. 2006. N 1 (1). P. 27–52.

в последние несколько лет, расколóв при этом литовское общество на ярых противников статуй и их защитников, или, как эту проблему видят комментаторы новостных порталов, на «патриотов» и «затаившихся или явных коммунистов»?

Пытаясь ответить на эти вопросы, в качестве ответа подходящим кажется понятие «культурные войны», которое было введено в научный оборот американским социологом Джеймсом Хантером³. Дискуссия о статуях на Зеленом мосту соответствует его определению культурной войны как поляризации общественных мнений вокруг двух основных пластов конфликтующих ценностей (в случае политической жизни США, которую исследовал социолог), чаще всего проявляющихся как борьба между традиционалистскими и консервативными взглядами, с одной стороны, и прогрессивными и либеральными – с другой.

В данном случае, невзирая на попытки представить полемику скорее как спор об эстетическом вкусе, политическая подоплека дебатов, хотя и была основной, но раскладка идеологических сил складывалась несколько иначе. В лагере противников сноса статуй оказались в основном представители культурной интеллигенции и специалисты системы охраны культурного наследия, которые подчеркивали их ценность в качестве исторического документа и автентичного реликта завершившейся эпохи. В то же время в лагере сторонников их свержения были члены партий консерваторов и либералов, сплотившие вокруг себя в том числе антисоветски настроенные так называемые патриотические силы (хотя данное деление остается поверхностным и довольно проблематичным, ведь по этому вопросу так и не были проведены достоверные социологические исследования мнений горожан с привязкой к их идеологической ориентации).

Скульптуры на Зеленом мосту можно считать также ярким примером «диссонирующего наследия»⁴. В данном случае проблема отделения «своего» и «чужого» в литовском обществе все еще актуальна и публично обсуждается, оставаясь достаточно красноречивой, поскольку, как известно, авторы скульптур, лучшие литовские скульпторы того времени, работали в условиях сталинских репрессий, в эпоху, когда советский режим чрезвычайно жестокими методами закреплял в стране свою власть, во времена, когда о какой-либо творче-

³ См.: Hunter J.D. Culture Wars: The Struggle to Control the Family, Art, Education, Law, and Politics in America. N.Y., 1992.

⁴ Подробнее см.: Tunbridge J. E. (et, al.) Dissonant Heritage. The Management of the Past as a Resource in Conflict / J.E. Tunbridge, G.J. Ashworth. Chichester, 1996.

ской свободе и отстраненности от стремительного «усвоения» единственно возможного в ту пору канона соцреализма не могло быть и речи.

Поэтому закономерен вопрос: кому этот мост принадлежит сегодня – Литве? правопреемнику СССР Российской Федерации? ностальгирующим по советскому строю? ценителям этого вида искусства? вильнюсцам? иностранным туристам? Данный пример тоталитарного искусства в центре Вильнюса, в зависимости от идеологических соображений оценивающего зрителя и, можно добавить, от имеющегося у него или отсутствующего опыта непосредственного проживания в СССР, может восприниматься и как *символ советской оккупации и сталинских репрессий*, и как *символ коллаборационизма местных властей с чужим режимом*, и как ценностно не представляющий опасности нейтральный *материальный исторический документ* безвозвратно ушедшей эпохи, и как атрибут определенного стиля (соцреализма), и как *хрестоматийный пример исторического развития* литовской скульптуры на определенном этапе и т. д. На мой взгляд, в таком запутанном узле (не)ценности статуй и кроется причина, почему до сих пор этот вопрос кажется таким сложным, невзирая на смены политических конъюнктур за последнее 25-летие.

Можно утверждать, что проблема статуй в 2015 г. «назрела» из-а совокупности ряда внутренних и внешних причин. Внутренними обстоятельствами можно считать, прежде всего, неизбежное старение материи и эстетическую деградацию вида статуй, и нарастающую потребность их реставрировать либо удалить в такое место, где они не будут вызывать опасность для прохожих (хотя до сих пор не известно, насколько эта опасность действительно была реальной, а не очередной попыткой спекуляции публичным мнением).

Муниципалитет города не раз объявлял конкурс на реставрацию скульптур, но, очевидно, из-за «политической деликатности» вопроса не нашлось желающих за это взяться. Российская Федерация, кстати, предлагала заплатить за их реставрацию, а позднее, уже после сноса, в лице мэра одного из городов соседней Калининградской области, попросила их отдать на хранение и экспонирование, но эти предложения не заслужили внимания.

Тем временем патриотические силы не раз настаивали на том, что сумма, требуемая для реставрационных работ статуй, должна быть вложена в другие, более ценные объекты. Более того, противники статуй прикрепили к ним быстро ставшую популярной унижительную кличку «болваны», тем самым отвергая даже саму мысль о какой-либо художественной ценности этих объектов. (Тут надо заметить, что в литовском языке жаргонизм «balvonas» по смыслу несколько

отличается от его русского аналога, и прежде всего означает «идол», «чучело», «неудачник».) Тут мы видим и отголоски своеобразного «иконоборчества», словно статуи могли стать объектом культа затаившихся почитателей советского строя или представителей «пятой колонны» России.

Следившие за происходящим заметили, что оппонентами на вооружение был выкован весь «военный словарь», с корня делегитимирующий ими ненавистный предмет. Но основным аргументом сторонников сноса стала *травма*, которую, глядя на эти статуи, каждый раз, дескать, испытывают лица, пострадавшие от советских репрессий, особенно при виде солдат Советской армии – символов оккупации. Представители организаций бывших узников ГУЛАГа и политзаключенных часто подчеркивали этот эмоционально насыщенный аргумент, хотя в данном случае возникала нерешаемая дилемма – сносить только эту, наиболее ненавистную, композицию, или все вместе. А поскольку на знамени, которое в руках держит один из солдат, изображены серп и молот, поднимался и вопрос о демонстрации литовскими законами уже в 2008 г. запрещенной нацистской и коммунистической символики (хотя, надо отметить, эти юридические нормы не распространяются на объекты культурного наследия).

Внешними причинами обострения данного вопроса можно назвать постепенно возрастающее беспокойство и боязнь малых стран региона перед возрождением и демонстрацией неоимперских амбиций путинской России. Также имел место и контекст украинского Майдана, и то, что можно назвать «новой волной» свержения советских памятников, прокатившейся по центральной и восточной Украине. Тамшний «ленинопад» как форма десоветизации часто служил аргументом для энтузиастов сноса Вильнюсских скульптур, несмотря на то что исторические контексты тут были совершенно разными. Литва, как уже отмечалось, в начале восстановления независимости сумела определиться с довольно последовательной оценкой советского периода, тогда как в Украине в этом отношении до Майдана 2014 г. сохранялась региональная раздробленность.

А ведь снести статуи на Зеленом мосту поспешили, даже последовательно не выяснив их исторической и художественной ценности, как и ценности их редкости, исключительности. Несмотря на то что в мире есть немало мостов со статуями, в Литве – это единственный в своем роде образец (хотя исторически было больше). Такие объекты обычно привлекают своей уникальностью внимание приезжих туристов и становятся визитными карточками города: например, Понте Веккьо во Флоренции, мост Святого Ангела в Риме, Карлов мост в Праге или Аничков мост в Санкт-Петербурге.

Однако самое интересное, несмотря на разнообразие форм визуальной сталинской пропаганды, мостов со соцреалистическими статуями в СССР, по моим данным, было возведено не много, а сохранилось – еще меньше. Поэтому самым близким аналогом статуй на Зеленом мосту в постсоветском пространстве являются нарядный Мост Победы на Ленинградском шоссе в Москве (1943 г., скульптор Н.В. Томский), станции и шлюзы речных судоходных каналов Москва – Волга и Волга – Дон. Особенное место в этом ряду занимает один из мостов в г. Харькове⁵, бывшем в сталинскую эпоху столицей Украинской ССР, который был построен в 1954 г. в честь 300-й годовщины воссоединения Украины с Россией⁶.

Рис. 3. Статуи соцреалистического моста в г. Харькове «Крестьянка и рабочий» (слева) и «Русский и украинец» (справа; скульпт. М.Ф. Овсянкин; авт. фото О. Чистотина, 2015 г.)

Несмотря на очевидную внешнюю стилистическую схожесть этих двух ансамблей, особенно сравнивая вильнюсские и харьковские скульптурные композиции рабочего и крестьянки, эти мосты имеют

⁵ За эту ссылку благодарна украинскому историку, харьковчанке Ирине Склокиной, а также фотографу статуи Ольге Чистотиной.

⁶ Харьковский мост. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Харьковский мост](http://ru.wikipedia.org/wiki/Харьковский_мост)

и явные качественные отличия. Статуи на Зеленом мосту в значительно большем масштабе, чем их харьковский аналог, воплощают в себе программу советской тоталитарной идеологии по созданию идеальных людей будущего общества благоденствия – рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию и опору режима – армию, таким образом становясь программно последовательным и дидактически значимым историческим документом.

Но, как мы уже знаем, невзирая на уникальность, художественную и историческую ценность скульптурного ансамбля вильнюсского Зеленого моста, городское самоуправление избрало путь их сноса. Так была упущена возможность беспристрастного познания советского прошлого *на месте*, сохранив реставрированные статуи, тем самым и возможность показать свою гражданскую и государственную зрелость, окончательно закрепить психологическую и хронологическую дистанцию с советским периодом, в конце концов – поставить точку в нескончаемых политических манипуляциях на эту тему.

* * *

Несмотря на политическую зависимость от Москвы, в соцлагере и союзных, а также автономных республиках СССР в эпоху зависимости существовали ограниченные условия для развития национальной культуры. Сегодня это значительно осложняет усилия однозначного разграничения атрибутов чужой, импортной, «советской» и в советское время созданной национальной культуры. В то же время, похоже, по прошествии более 25 лет со дня падения Берлинской стены в Средне-Восточной Европе мы можем опять фиксировать новую волну активизации «коммунистической памяти», связанной, несомненно, и со все более агрессивной политикой России в регионе.

До сих пор продолжающийся пересмотр отношений с советским наследием в Литве, как и в других постсоветских странах, указывает на то, что в элите власти и в самом обществе все еще живуча идея, что ресурсы наследия в первую очередь должны служить узким *политическим и идеологическим интересам*. Как показала представленная выше история снятия соцреалистических статуй, такая «изнаночная идеологическая фетишизация», как бы ни было странно, не способствует освобождению общества от тисков советского менталитета и пережитой коллективной травмы, а, наоборот, берedit ее и, парадоксально, служит как раз нынешней политической элите, успешно избежавшей реальной десоветизации.

Для нынешнего политического истеблишмента «болваны» вильнюсского Зеленого моста служили прекрасным средством искусственно отвлечь внимание общественности от внутренних социо-

экономических проблем. При сужении и тривиализации демократической дискуссии о советском периоде и перевод ее только в сторону отдельных случаев, при обсуждении которых оставляя лишь манихейский выбор между «черным» и «белым», «за» и «против», резко и безкомпромиссно обвиняя оппонентов в якобы ностальгии по советской поре или даже в «служении» интересам путинской России, публичное пространство остается обедненным, а вопросы сохранения и интерпретации советского наследия превращаются в инструмент кратковременных политических манипуляций.

К сожалению, Зеленый мост стал наиболее показательным случаем такого манипулятивного использования демонизированного «советского» в нынешней политической борьбе и даже своеобразным «козлом отпущения» за все неудачи постсоветской трансформации страны. Хотя дебаты по поводу того, нужно ли сносить скульптуры или оставить в покое как материальное свидетельство ушедшей эпохи и исторический документ, продолжались в течение всего периода с начала восстановления независимости. И совсем недавно, особенно в контексте обострения отношений с Россией, они стали намного яростнее, что наконец и привело к решению городских властей избавиться от этого раздражающего «камешка в сапоге», который мешал успешному маршу страны к прогрессивному обществу.

Сторонники удаления статуй из публичного пространства города наивно полагали, что, избавляясь от этого и других материальных знаков и реликтов ими ненавистного советского прошлого, тем самым удастся стереть все то, что в этом прошлом было травмирующим, неприятным, постыдным. Но, цитируя одного анонимного комментатора Интернета, «завалив скульптуры, историю не изменишь, только лишишься возможности лучше ее познать и понять».

Дж.Я. Рахаев

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ КАВКАЗЕ: ОПЫТ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Историческая политика Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. и ее реминисценция республиканскими бюрократическими элитами прямо способствовала политизации этничности Северного Кавказа. Реальная практика предоставляет нам многочисленные примеры того, как социальные группы с определенными целями, ценностями и мировоззренческими подходами соревнуются в создании и продвижении собственных версий прошлого, трансляции своего символического капитала, манипулировании историческим сознанием сограждан, что неминуемо ведет к обострению «конкуренции между жертвами» практически во всех Северо-кавказских республиках.

Этническая мобилизация балкарцев и карачаевцев на рубеже XX–XXI вв. труднообъяснима без учета тесной, неразрывной взаимосвязи травматического опыта депортации с развитием национального самосознания и с самой идеей национального, в чем проявляется ее схожесть с этнополитическими процессами у других народов Северного Кавказа, особенно среди адыгов, вайнахов и ногайцев. Депортация, таким образом, выступает не как единовременное событие (2 ноября 1943 г. – для карачаевцев и 8 марта 1944 г. – для балкарцев), завершившееся с возвращением на историческую родину в 1957 г., а как процесс, который продолжает оказывать существенное воздействие на отношение репрессированных народов к своему прошлому, к восприятию своего настоящего и будущего.

Рассмотрение основных этапов общественно-политического развития «двухсубъектных» республик Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в конце XX – начале XXI в., выявление особенностей развития реабилитационного процесса в своих сущностных характеристиках обнаруживают определенные сходства, допускающие некоторые обобщения. И в той, и в другой республике титульные нации представлены насильственно объединен-

ными в годы сталинизма, ранее самостоятельными национальными структурами. Этнически близкие друг другу тюркоязычные горцы – балкарцы и карачаевцы – были в годы Второй мировой войны депортированы в Среднюю Азию, в то время как взаимно родственные черкесы и кабардинцы (адыги) репрессиям не подвергались и заняли в 1950–1960-е гг. ключевые позиции в восстановленных «двухсубъектных» республиках. Вплоть до конца 1980-х гг. трагедия депортации табуировалась в общественном сознании балкарцев и карачаевцев, но на исходе «перестройки» десятилетиями замалчиваемая травма вырвалась наружу мощным всплеском национальных движений, национальные и демократические лозунги сливались в единое целое. В общественном самосознании народов Северо-кавказского региона реанимируются крупнейшие исторические травмы XIX–XX вв.: память о жертвах Кавказской войны и сталинских депортаций. Воспроизведение травматического опыта, определяемого национальными лидерами как акты геноцида, популяризация подобных оценок становятся важной составной частью идеологии этнической мобилизации

В апреле 1991 г. Верховным Советом РСФСР был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов», ставший в тот период важной вехой на пути утверждения демократии в России и восстановления исторической справедливости в отношении балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей. Закон, вместе с тем, спровоцировал в Северо-кавказском регионе ряд конфликтов, так как в принципе обозначил возможность территориальных изменений. Так, в статье 3 Закона утверждается право подвергшихся депортациям народов на восстановление ранее существовавших национально-государственных образований, а в статье 6 предусматривается осуществление «правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения»¹.

В июле 1995 г. Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин своим Указом несколько скорректировал сложившееся положение, предусмотрев при осуществлении «территориальной реабилитации» порядок и условия, установленные Конституцией Российской Федерации, согласно которым границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены лишь с их взаимного согласия (пункт 2 статьи 65 и пункт 3 статьи 67) и утверждение изменения границ относится к ведению Совета Федерации Федерального Собрания (п. «а», ч.1, ст. 102).

¹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 18. С. 572.

В Указе особо подчеркивалась необходимость соблюдения прав и свобод всех граждан, проживающих на бывшей территории репрессированных народов, и широкого использования возможностей местного самоуправления для оказания поддержки развитию его различных форм с учетом национальных культурных и иных потребностей граждан². Однако ни Указ 1995 г., ни принятые после 1991 г. подзаконные акты не сняли остроты межнациональных споров и территориальных требований, к тому же вышедших за рамки положений Закона 1991 г.

Восстановить «историческую справедливость» можно было бы лишь посредством взаимных уступок и компромиссных решений, но это стало невозможным в условиях обострившихся противоречий.

Административно-политический статус Карачая после Октябрьского переворота 1917 г. менялся неоднократно. Как и другие народы центральной и западной частей Северного Кавказа, карачаевцы сначала входили в состав Горской АССР на правах образованного в конце 1920 г. Карачаевского национального округа с центром в г. Кисловодске. 12 января 1922 г. большевистское правительство объединило округ с черкесскими территориями, в результате чего была образована Карачаево-Черкесская автономная область, которая 26 апреля 1926 г. была разделена на три части: Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Столицей Карачаевской автономии стал Микоян-Шахар.

Время существования Карачаевской автономии (1926–1943 гг.) многими карачаевцами до сих пор воспринимается как расцвет национальной государственности, а ее ликвидация – проявлением преступного государственного произвола. Территория Карачая была разделена на части между Грузинской ССР, Ставропольским, Краснодарским краями и Черкесской АО. В 1957 г. карачаевцы вернулись на свою историческую родину. Однако прежняя Карачаевская АО так и не была восстановлена.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. Черкесская АО была преобразована в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края. Неудовлетворенность карачаевцев своим положением внутри этой автономии в конце 1980-х гг. выливается в бурные манифестации и требования крепнущего национального движения. В конце 1989 г. в г. Карачаевске образуется общественная организация «Джамагат», которая разворачивает бурную деятельность, направленную на восстановление Карачаевской АО в границах, существовавших до депортации карачаевского народа.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3. Док. № 948.

Волонтерам «Джамагата» в течение в 1989–1990-х гг. удается собрать свыше 70 тыс. подписей под воззванием о восстановлении автономии Карачая. 8 октября 1989 г. созывается первый конгресс народов Карачая, а 29 октября проходит открытый массовый траурный митинг, посвященный годовщине депортации карачаевского народа. Второй конгресс народов Карачая 9 июня 1990 г. провозглашает Карачаевскую Республику. 17 ноября 1990 г. Чрезвычайный съезд карачаевских депутатов всех уровней принимает Декларацию о государственном суверенитете Карачаевской Республики.

На волне народной поддержки и при действенной поддержке Конфедерации репрессированных народов «Джамагат» вступает в прямую политическую конфронтацию с местной администрацией. Своего наивысшего подъема движение за восстановление Карачаевской Республики достигает в конце 1991 г., когда траурное собрание на площади Свободы в Карачаевске, посвященное 48-й годовщине депортации карачаевского народа, превращается в бессрочный митинг, в котором участвует практически весь карачаевский народ. Под мощным общественным давлением сессия Областного совета принимает решение о разделении Карачаево-Черкесии на две самостоятельные автономии.

5 февраля 1992 г. Б.Н. Ельцин представил в Верховный Совет законопроект о восстановлении Карачаевской автономии в составе Российской Федерации. Принятие такого Закона знаменовало бы один из первых шагов реального действия в России Закона «О реабилитации репрессированных народов». Однако руководство Карачаево-Черкесии, прекрасно осведомленное о том, что разделение республики будет означать для него политическую смерть, задействовало все ресурсы и добилось отсрочки рассмотрения принятого законопроекта под предлогом необходимости проведения в республике референдума.

Национальное карачаевское движение не сумело эффективно противодействовать такому развитию событий, и 28 марта 1992 г. 78,5% принявших участие в голосовании выступили за сохранение единой республики. В результате Ельцин отозвал из Верховного Совета свой законопроект и вопрос о восстановлении Карачаевской автономии был практически закрыт.

Между тем межэтнические отношения в сохраненной КЧР с апреля-мая 1999 г. становятся все более напряженными. Свидетельством тому – жесткое противостояние в связи с выборами президента республики. После победы на выборах В. Семенова (карачаевец) его политический оппонент С. Дерев (черкес) призвал абазинцев, черкесов и русских «отделиться от карачаевцев и возвратиться в свой родной Ставропольский край».

Политический статус Балкарии в советский период трансформировался не менее драматично. Балкарский округ с центром в г. Долинске входил в Горскую АССР. 6 января 1921 г. большевистское правительство выделило Балкарский округ из Горской АССР и образовало на его основе Балкарскую АО. Однако уже 16 января 1922 г. советские власти образовали Кабардино-Балкарскую АО, которую в 1936 г. преобразовали в АССР. 8 марта 1944 г. балкарский народ был депортирован в Центральную Азию и КБАССР преобразована в Кабардинскую АССР.

После возвращения балкарцев из мест выселения 9 января 1957 г. советское руководство восстановило Кабардино-Балкарскую АССР в прежних внешних границах. Вместе с тем «национальные районы», в которых традиционно проживало балкарское население, так и не были восстановлены. На исходе «перестройки» лидеры балкарского национального движения предприняли решительные шаги для преодоления своего дискриминационного положения (балкарцы составляют всего 10% населения Кабардино-Балкарии и почти в 5 раз уступают по численности кабардинцам).

Начало общественно-политических движений балкарского народа связано с образованием в 1985 г. студенческого кружка по изучению истории и культуры карачаево-балкарского народа «Ныгыш». Позднее кружок перерос в серьезную общественную организацию. В 1989 г. возникло еще одно балкарское объединение – «Бирлик» в целях полной реабилитации балкарского народа. Вскоре «Ныгыш» и «Бирлик» слились в единую организацию «Тёре».

Важнейшие вехи деятельности балкарского национального движения в 1990-х гг., главными структурами которого являлись общественно-политические организации «Тёре», «Лига возрождения Балкарии» и других совпадают с деятельностью Съездов балкарского народа, которые периодически проводились в 1991–1996 гг. Первый этап I съезда балкарского народа, прошедший 30 марта 1991 г., был санкционирован Верховным Советом КБ ССР. Съезд обратился к Верховному Совету с требованием: 1) восстановить существовавшее до депортации балкарские «национальные районы» (Эльбрусский, Черекский, Чегемский и Хуламо-Безенгиевский районы); 2) создать двухпалатный парламент с паритетным представительством в одной из палат балкарского народа; 3) обеспечить поочередное замещение должности главы республики представителями титульных народов республики.

«Тёре» также ставило своей целью «содействовать реализации в КБАССР принципов правового государства, гарантирующих на законодательной основе и через соответствующие механизмы фактиче-

ское равноправие народов для их самосохранения и развития»³. Это позволило общественной организации «Тёре» стать одним из самых авторитетных объединений балкарского народа.

Чрезвычайная сессия Верховного Совета 19 ноября 1991 г., рассмотрев обращение I съезда балкарского народа к Верховному Совету, приняла соответствующее постановление, содержащее два принципиальных положения:

«1. Поддержать решение I съезда балкарского народа о провозглашении Республики Балкария в составе РСФСР и национального суверенитета балкарского народа. Оказать содействие в реализации данного решения.

2. До законодательного закрепления образования Республики Балкария на всей территории КБ ССР продолжают действовать Конституция КБ ССР и законно избранные органы государственной власти и управления»⁴. Однако 26 декабря 1991 г. Президиум ВС признал неконституционными те пункты постановления I съезда балкарского народа об образовании НСБН, которые наделяли его властными полномочиями⁵. Со своей стороны руководство Кабардино-Балкарии полностью проигнорировало обращение съезда. Тогда на II съезде, созванном в конце ноября 1991 г., принимается «Декларация о провозглашении Республики Балкария в составе Российской Федерации и национальном суверенитете балкарского народа». Для реализации этого постановления был создан Национальный совет балкарского народа (НСБН) во главе с Б.К. Чабдаровым. Декларация носила явно декларативный характер, поскольку отражала намерения, главным образом, Национального Совета балкарского народа, одного из крупнейших балкарских национальных движений тех лет.

29 декабря 1991 г. состоялся референдум, проведенный среди балкарского населения республики, который продемонстрировал, что 94,8% поддерживают идею создания Республики Балкария в составе РСФСР.

В силу ряда объективных причин легитимность референдума была оспорена республиканским руководством. 1992–1993 гг. характеризуются постепенным свертыванием активности балкарского движения. Однако утверждение в январе 1994 г. Председателем НСБН бывшего генерала С.У. Беппаева придало движению новый,

³ Кабардино-Балкарская правда (далее – КБП). 01.07.1990.

⁴ КБП. 1991. 20 ноября.

⁵ См.: Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / под ред. С.Н. Губогло. М., 1994. С. 101–102. Т. 1.

но во многом деструктивный импульс, приведший к его расколу, а позже – и к ликвидации.

В этих условиях правительство В.М. Кокова в тесном сотрудничестве с федеральным центром провели ряд мер по снижению межэтнической напряженности в республике. В частности, был принят ряд важнейших документов по реабилитации балкарского народа: Указ Президента КБР от 5 января 1994 г. «О 50-летию репрессии балкарского народа», Указ Президента РФ от 3 марта 1994 г. «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития», постановление Кабинета министров КБР «О выплате единовременных денежных пособий некоторым категориям граждан балкарской национальности, подвергшимся насильственному переселению в 1944 году», Указ Президента КБР от 7 марта 1994 г. «О некоторых мерах по реабилитации балкарского народа в связи с пятидесятилетием его репрессии», Указ Президента КБР от 25 марта 1994 г. «Об установлении Дня возрождения балкарского народа»⁶.

В них предусматривался комплекс мер политического, административно-территориального, юридического и экономического характера, направленных на реализацию всесторонней реабилитации балкарского народа. Важные социально-психологические последствия для нормализации ситуации в республике имело обращение к балкарскому народу Президента РФ Б.Н. Ельцина от 5 марта 1994 г., в котором он принес извинения за преступления сталинизма.

Вновь проведенный в 1994 г. опрос показал, что балкарский народ «не признает никакого разделения и желает жить в единой Кабардино-Балкарской республике». Однако некоторые балкарские национальные движения после провала 1994 г. сумели актуализировать в общественном сознании балкарцев травматический опыт депортации и тем самым мобилизовать часть населения на продолжение борьбы за политическую автономию балкарского народа.

2 апреля 1996 г. по причине несоответствия Устава «Тёре» законодательству КБР судебные органы республики вынесли постановление о приостановке ее деятельности. Несмотря на это, 17 ноября 1996 г. был проведен несанкционированный пятый этап I съезда балкарского народа, который вернулся к рассмотрению Декларации «О провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа».

⁶ См.: Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии. М.; Нальчик, 2001. Т. 1.

Съезд провозгласил государственный суверенитет балкарского народа, и Республика Балкария как 90-й субъекта РФ принял Постановление по реализации прежней Декларации, определил границы Республики Балкария в пределах существовавших до депортации Эльбрусского, Черекского, Чегемского, Хуламо-Безенгиевского районов и населенных пунктов компактного проживания балкарцев – Кичмалка, Хабаз, Ташлы-Тала; был сформирован Государственный Совет Балкарии и образован его Исполком; приняты решения о предстоящих выборах Президента Республики Балкария и об обеспечении порядка на ее территории, в том числе о формировании народных дружин, Обращение к Президенту РФ Б.Н. Ельцину⁷. Решения съезда были расценены властными структурами республики как попытка государственного переворота. В итоге усилиями государственной власти НСБН прекратил свое существование.

Однако к середине 1990-х гг. популярность балкарских национальных движений и доверие к их лидерам резко снизились, что в конечном итоге предрешило их судьбу. В ноябре-декабре 1996 г. практически все балкарские общественные организации были закрыты. Парламент КБР своим постановлением от 19 ноября 1996 г. признал антиконституционными все решения, принятые на этом съезде, прекратив деятельность съезда балкарского народа, избранного им Национального совета балкарского народа (НСБН) и всех образованных им исполнительных органов⁸.

Бывший председатель НСБН С.У. Беппаев в своем обращении к гражданам КБР также подтвердил, что «указанные решения были приняты съездом на эмоциях, они не были до конца продуманными и проработанными, что есть определенные силы, которые заинтересованы в создании напряженности на Северном Кавказе, а значит, и в Кабардино-Балкарской Республике»⁹.

12 января 1997 г. состоялись выборы Президента Кабардино-Балкарии. С результатом 99,35% (1) проголосовавших победу на выборах одержал В.М. Коков. Укрепив свои позиции на посту Президента,

⁷ Обращение Съезда балкарского народа к Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину; Выступление Расула Джаппуева, Председателя Съезда балкарского народа; Постановление о мерах по реализации Декларации «О провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета Балкарского Народа»; Правовое заключение по вопросу об образовании Республики Балкария в составе Российской Федерации // Тере. Балкарский форум. 1997. Январь.

⁸ Сб.: Сборник законов и постановлений (сентябрь 1996 г. – январь 1997 г.) Нальчик, 1997. С. 38–40.

⁹ КБП. 19.02.1997.

В.М. Коков направил свои дальнейшие усилия на разработку нового проекта Конституции КБР. В новой Конституции, которая была принята Парламентом 1 сентября 1997 г., для предотвращения межэтнической конфронтации были изъяты наименования этносов, образующих республику.

В 2005 г. произошел новый виток активизации балкарского национального движения. Он был вызван общероссийским политическим процессом, суть которого состояла в приведении административно-территориального устройства республики в соответствие с Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», что выразилось в принятии законов № 12-РЗ «Об административно-территориальном устройстве КБР» и № 13-РЗ «О статусе и границах муниципальных образований в КБР» от 27 февраля 2005 г. В соответствии с ними большая часть курортной зоны Приэльбрусья изымалась из ведения местных администраций и переходила в ведение республиканских властей. Кроме того, некоторые прилегающие к столице республики села – Хасанья, Белая Речка, Кенже, Адиюх – без учета мнения их жителей лишались местного самоуправления и присоединялись к Нальчику.

Наиболее активной организацией балкарского народа на сегодняшний день является Совет старейшин балкарского народа (ССБН), возглавляемый полковником в отставке И. Сабанчиевым.

Вместе с возрождением национальных объединений вторую жизнь получили и методы политической борьбы, характерные для начала 1990-х гг. – митинги, конфликтные отношения с официальной властью, подогревание межнациональной розни, угроза выхода из состава двухсубъектной республики. Все это отрицательно влияет на имидж республики, затягивает процесс экономической реанимации, ведет к воссозданию авторитарных механизмов взаимоотношений между властью и обществом.

Слабость политических режимов республик Северного Кавказа предопределили выбор и сущностные свойства их государственной идеологии – национализма. Важный атрибут любого дееспособного государства эпохи Модерна – «культурный суверенитет» – в республиках Северного Кавказа выстраивается вокруг идеи великой нации. Причем культурно-идентификационный код, выработанный в рамках совместного развития в имперской и советской России, фактически не востребован.

Утрата универсальности, присущей подлинно великим наднациональным культурам, обусловила политику идентичности, опирающуюся на следующих идеологемах: идеи «утраченного величия», призванной утвердить в общественном сознании представление об исторической миссии современных кавказских политик – о присо-

единении потерянных территорий и концепте коллективной травмы, актуализирующем в исторической памяти народов Кавказа травматический опыт XIX–XX вв., но без сопутствующей программы комплексной реабилитации.

Экономическое развитие регионов российского Кавказа, идущее на фоне «замороженных» этнополитических конфликтов, усиливает поляризацию. Таким образом, государственная поддержка культурного процесса на Кавказе – производство/воспроизводство знаково-символической однородности – опирается на идеологию, ведущую к дезинтеграции общественных связей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	5
<i>Журавлев В.В.</i> Феномен советского реформирования.....	6
<i>Кондрашин В.В.</i> Международные проекты В.П. Данилова о трагедии советской деревни в эпоху сталинизма как фактор десталинизации исторической науки и общественного сознания в России и постсоветских государствах в 1990–2000-е гг.	23
<i>Хаустов В.Н.</i> «Восстановить контроль партии»: попытка реформирования органов государственной безопасности (1953–1960-е гг.).....	31
<i>Шаттенберг С.</i> После Сталина и Хрущева: Брежнев как лидер «без альтернативы».....	41
I. ИДЕОЛОГИЯ ПЕРЕМЕН. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И ДИССИДЕНТСТВО	53
<i>Лейбович О.Л.</i> «Недели свободы»: дебаты о сталинизме в марте–апреле 1956 г.	54
<i>Савенко Е.Н.</i> Идея реформ в советском обществе (по материалам самиздата Сибири).....	65
<i>Фельдман М.А.</i> Является ли современная историография Великой Отечественной войны научной основой исторической памяти?	73
<i>Щелкунов А.А.</i> Концепт «правда истории» в идеологии позднесоветских реформ	90
<i>Фокин А.А.</i> «Развернутое строительство коммунизма»: наследие сталинизма и новшества «оттепели»	100
<i>Бранденбергер Д.</i> «Оттепель» в идеологии? Последняя глава «Краткого курса». 1946–1956 гг.	108
<i>Беленкин Б.И.</i> Исправленному не верить! Десталинизация на раннем этапе: третья редакция «великого русского народа» А.М. Панкратовой	117
<i>Антошин А.В.</i> «Термидор» или «правовой НЭП»? Политические процессы в СССР после смерти	

И.В. Сталина в оценках российской антикоммунистической эмиграции	129
<i>Зеленов М.В.</i> Главлит в системе органов власти и управления: цензура после Сталина. 1953–1966 гг.	140
II. РЕАБИЛИТАЦИЯ	155
<i>Локшин А.Е.</i> Вступая в «оттепель»: освобождение врачей. Реакция населения (апрель 1953 г.).	156
<i>Кириллов В.М.</i> Репрессивные акты «позднего сталинизма». Переход к законодательной реформе 1950-х гг.	168
<i>Обухов Л.А.</i> «...Есть генералы, полковники и подполковники». История колонии для работников правоохранительных органов в пос. Кучино Молотовской (Пермской) области	178
<i>Петренко А.М.</i> Возвращение из Гулага. Реабилитация в Молдавской ССР	187
<i>Дьяченко Л.Н.</i> Проблемы реабилитации депортированных кавказских народов. Возвращение на историческую родину . . .	193
III. ПОСЛЕСТАЛИНСКАЯ ПОЛИТИКА И НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА	203
<i>Морозова О.М.</i> Карьера и дружба в судьбах представителей провинциальной номенклатуры	204
<i>Митрохин Н.А.</i> Карьера и успех в 1950-е гг.: как вчерашние студенты становились начальниками производств и партийными бюрократами	213
<i>Сниегон Т.</i> Властолюбивые комсомольцы. Конфликт политических поколений в коммунистическом руководстве СССР в середине 1960-х гг.	238
<i>Грибкаускас С.</i> Становление института вторых секретарей в республиках СССР.	247
<i>Калинина О.Н.</i> Советская номенклатура и трансформация системы внутрикорпоративной охранительности в годы хрущевской «оттепели» (1953–1964 гг.)	259
<i>Сирутавичус В.</i> Десталинизация и национальный вопрос: Литва в 1953–1957 гг.	269
<i>Дятленко П.И.</i> Противоречия десталинизации на советской периферии в 1950 – начале 1960-х гг. (на примере Киргизской ССР)	277
<i>Резмер В.</i> Войско и десталинизационные перемены в Польше в октябре 1956 года	287

IV. ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ	297
<i>Захарченко А.В.</i> От сталинского лагерно-промышленного комплекса – к распаду экономики принудительного труда (1953–1956 гг.)	298
<i>Пивоваров Н.Ю.</i> Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 – феврале 1954 г.	311
<i>Андреенков С.Н.</i> Оптимизация организационно-экономического механизма колхозов в середине 1950 – начале 1960-х гг. в Сибири	321
<i>Ильиных В.А.</i> Программа Н.С. Хрущева по реформированию аграрного строя: доктринальные основания, содержание, реализация	330
<i>Круглов В.Н.</i> Хозяйственная реформа 1957 г. и дискуссии о развитии территориального устройства СССР	340
<i>Коровин В.В.</i> О влиянии совнархозовской реформы на развитие промышленности Курской области	349
<i>Павлюкевич Р.В.</i> Влияние реформы управления промышленностью и строительством на развитие г. Норильска	360
<i>Трофимов А.В.</i> Хрущевские реформы и качество жизни уральского населения	367
<i>Лазарева Л.Н.</i> От сталинской модели социализма – к экономической реформе А.Н. Косыгина: эволюция теоретических взглядов и хозяйственной практики	376
<i>Бердникова Т.Б.</i> Транзит культуры ценных бумаг: от Сталина – к приватизации	392
V. КОНФЕССИИ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	405
<i>Сосковец Л.И.</i> Десталинизация и политика хрущевского руководства в церковно-религиозной сфере.	406
<i>Чарный С.А.</i> Религиозная политика советских властей в период «оттепели»	415
<i>Степанов А.Ф.</i> Казанская епархия в годы хрущевских гонений на религию и церковь (по документам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР)	459
<i>Глушаев А.Л.</i> «Брось ты эту секту!»: процедуры нормализации евангельских христиан в годы хрущевской «оттепели»	469
<i>Клюева В.П.</i> Преодолевая сталинское наследие: евангельские верующие от социальной мимикрии – к религиозному диссидентству	478

<i>Содоль В.А.</i> Трансформация государственной церковной политики в СССР в 1950-е гг. и молдавское монашество: от взаимодействия с властью – к прекращению деятельности	488
<i>Носова Е.В.</i> Деятельность Совета по делам русской православной церкви в Советской Киргизии (1950–1960-е гг.).....	499
VI. «ОТТЕПЕЛЬ» И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	503
<i>Костырченко Г.В.</i> Хрущев и творческая интеллигенция в послесталинские 1950-е гг.	504
<i>Красильников С.А.</i> Феномен Сибирского отделения АН СССР в контексте реформирования социального института науки...	514
<i>Михайлин В.Ю.</i> Апогей и крах «оттепельного» мобилизационного проекта в фильмах «Застава Ильича» М. Хуциева и «Три дня Виктора Чернышева» М. Осельяна ...	524
<i>Чернева И.А.</i> «Кинообслуживание» в Советском Союзе с 1948 по 1969 г. Политика просвещения и источник доходов между государственной, профсоюзной и ведомственными киносетями.....	538
VII. НОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	551
<i>Хазиев Р.А.</i> Послесталинская рефлексия на бедность: пионеры консьюмеризма, доморощенные коммивояжеры и теневики на уральской периферии в 1953–1964 гг.	552
<i>Ромашова М.В.</i> Женсоветы и общественный активизм старшего поколения в эпоху «оттепели»	561
<i>Колчанова Ю.С.</i> «Инженерова дочь»: жизненный мир советского разнорабочего в письмах во власть. 1961–1994 гг. ...	570
<i>Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В.</i> Город юности Качканар – детище XX съезда партии	578
<i>Меерович М. Г.</i> Хрущевская жилищная реформа: проблемы историографии и задачи исследования	592
<i>Орлов И.Б.</i> Через «железный занавес»: десталинизация в сфере советского выездного туризма (1955–1964 гг.)	610
VIII. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СТАЛИНЕ И СТАЛИНИЗМЕ	619
<i>Меньковский В.И.</i> Феномен исторической памяти о сталинизме в Российской Федерации и Республике Беларусь	620

<i>Тихонов В.В.</i> Посттравматический синдром: идеологические кампании «позднего сталинизма» в корпоративной памяти российских историков	628
<i>Чепайтене Р.</i> «Камешек в сапоге»: вильнюсский Зеленый мост как квинтэссенция проблем десоветизации литовского общества	637
<i>Рахаев Дж.Я.</i> Десталинизация и политика идентичности на постсоветском Кавказе: опыт Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии	649

Научное издание

История сталинизма. Дебаты

**После Сталина. Реформы 1950-х годов
в контексте советской и постсоветской истории
Материалы VIII международной научной конференции
Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г.**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Н. Н. Дунаева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *М. М. Ветрова*

Корректор *Т. В. Федоркова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 15.08.2016

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 24.

Тираж 1000 экз. Заказ 5221.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

**После Сталина.
Реформы 1950-х годов
в контексте советской
и постсоветской
истории**

Восьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам преодоления наследия диктатуры Сталина как фактора советского транзита сначала к несталинской, умеренно авторитарной, а затем к постсоветской модели развития. Существенные политические и социально-экономические реформы в СССР начались сразу же после смерти Сталина. Этому способствовали многочисленные предпосылки, прежде всего тяжелое положение, в котором оказалась страна в начале 1950-х годов, массовые ожидания перемен и осознание советским лидером невозможности продолжения прежнего курса. Несмотря на то что реформы имели ограниченный и противоречивый характер, они способствовали позитивным сдвигам, придали заметный импульс развитию советского общества. Трудности 1970 – начала 1980-х годов заставили искать новые направления советского транзита и завершились отказом от социалистической системы и распадом СССР. Несмотря на это, в новой России и других постсоветских государствах вопросы десталинизации или ресталинизации сохраняют актуальное политико-идеологическое значение, являются предметом общественных и научных споров. Задача данной конференции – зафиксировать основные тенденции и вехи десталинизации в длительной ретроспективе, подвести определенные итоги этого процесса, а также современных дискуссий о сталинской системе. В конференции приняли участие специалисты из Белоруссии, Германии, Киргизии, Литвы, Молдавии, Польши, России, США, Украины, Швеции и др.

**ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР**